

КЭРОЛЛИ ЭРИКСОН

Королеве
не отказывают

ДВОРЦОВЫЕ
ТАЙНЫ

ДВОРЦОВЫЕ ТАЙНЫ

КЭРОЛЛИ ЭРИКСОН

У Екатерины Арагонской не было фрейлины более преданной, чем Джейн Сеймур. Девушка и предположить не могла, что займет место королевы в постели любвеобильного Генриха VIII. («Дворцовые тайны»).

Своей любовью к Роберту Дадли Летиция Ноллис бросила вызов своей кузине — самой Елизавете I! Неужели они обречены соперничать за любовь одного из самых харизматичных мужчин своего времени? («Соперница королевы»).

ДВОРЦОВЫЕ
ТАЙНЫ

КЭРОЛЛИ ЭРИКСОН

THE FAVORED QUEEN

RIVAL TO THE QUEEN

— Она потеряла ребенка?

Вопрос мой повис в воздухе, и никто не потрудился на него ответить. Три испанские повитухи, специально выписанные из Легоньо^[1] для того, чтобы помочь королеве Екатерине в ее десятых родах, все как одна уставились на толстый ковер королевской опочивальни и старались не встречаться со мной взглядом. Ближайшая подруга и старшая фрейлина королевы Мария де Салинас^[2] верным стражем замерла у постели своей госпожи, печально понурившись, но не произнося ни слова. Лекари, за которыми послал король Генрих и которые должны были оказать королеве помощь при родах, как сквозь землю провалились.

Королева Екатерина спала тяжелым сном на высокой резной кровати: рот открыт, редкие каштановые волосы разметались по отделанной кружевами подушке, наволочка в пятнах пота, простыни в беспорядке. На лице бесконечная усталость. Все мы, кто служил ей, знали, что схватки начались еще прошлым вечером, а нынче, только взглянув на нее, я поняла, что эти роды забрали все ее силы. Она выглядела на все шестьдесят, хотя совсем недавно наш двор справлял сорокалетие Ее Величества.

Я услышала, как королева что-то пробормотала в забытьи, как будто во власти дурного сна. Распухшие пальцы ее маленьких белых увядших ручек беспокойно сжимали и разжимали атласное покрывало.

Я обвела взглядом затемненную спальню с наглухо задернутыми тяжелыми занавесями из пурпурного дамаста и массивной старомодной мебелью, которую королева много-много лет назад привезла с собой из Испании, когда еще невестой появилась при английском дворе. На облицованных панелями стенах — распятия и картины религиозного содержания, а на аналое — искусно вышитая руками самой королевы подушечка для коленопреклонений, на которую она так часто на моих глазах опускалась на молитву. Не могла я не задержать взгляд и на инструментах повитух. Это же настоящие орудия пытки! Скальпели, зонды, зажимы, щипцы. Чаши и полотенца, толченые снадобья и флаконы с лекарствами. Все необходимое для жестокого металлического захвата младенца, который отчаянно противится выйти из страдающего материнского лона. Я содрогнулась и отвела глаза.

То, что я увидела, вновь повергло меня в дрожь. У стены стоял простой деревянный сундук с неплотно прикрытой крышкой. Из угла его свешивалась окровавленная ткань. «Простыня, — подумала я, — кусок простыни». Видимо, услышав мои шаги, повитухи торопливо засунули окровавленные простыни в сундук, оставив по недосмотру угол одной из них на виду.

Спальню наполнял терпкий лавандовый дух. Лаванду дают женщинам после родов, она несет им покой и сон. Но к аромату лаванды примешивалось что-то еще. Резкий, неприятный запах опиума. Я сразу его узнала, потому что наш врач прописывал опиум моему отцу при приступах подагры.

Значит, королеве дали опиум, чтобы уменьшить боль при схватках, вызвать пот и свергнуть в забытьи, которое, как считается, отгоняет прочь родильную горячку, стоившую

жизни стольким роженицам. Опиум помогает матери, но, как я слышала, часто уносит жизнь новорожденного.

Я все еще ждала ответа на свой вопрос. Да, роды были, в этом я была уверена. Но что с ребенком? Мы не слышали ни крика младенца, ни шумных и радостных поздравлений роженице от повитух и врачей, которыми по традиции сопровождается рождение мальчика.

Единственным звуком в комнате по-прежнему оставалось только прерывистое дыхание королевы. Потом я услышала приглушенный всхлип. У одной из повитух по смуглым щекам потекли слезы.

— Неужели никто не может прямо ответить на мой вопрос? — строго спросила я. — Ее Величество потеряла ребенка?

Помолчав, Мария де Салинас взглянула на меня и едва заметно кивнула.

— Он прожил час, — сказала она. — Всего только час. Его окрестили.

При этих словах прочие женщины перекрестились.

— Мы молились, — продолжала Мария, — но Господу было угодно прибрать его.

Сердце мое упало. «Снова, — подумала я, — это случилось снова. Долгие месяцы надежды на то, что в этот раз ребенок выживет, и потом — горькое разочарование. Как же глубока будет скорбь королевы...»

— Королю уже сообщили? — спросила я вслух.

— Нет, мисс Сеймур, — ответила Мария со своим заметным испанским акцентом. — Королева пожелала, чтобы ему дали знать чуть позже.

Но желание королевы мне исполнить было трудно, не нарушив волю короля. Его Величество Генрих VIII Английский перед тем, как отбыть на охоту, строго наказал, что если ребенок у королевы родится в его отсутствие, к нему немедленно должен быть отряжен гонец. Мой первейший долг — следовать приказам короля.

Я вышла из спальни и отправилась на поиски Гриффита Ричардса, церемониймейстера королевы Екатерины. Сообщив ему печальные новости, я велела ему отправить посыльного к королю.

— Я поеду сам, мисс Сеймур, — отвечал он. — Я знаю, где сегодня идет охота.

— Тогда не спешите, — прошептала я. — Королева не хочет раньше времени расстроить своего супруга.

Он вздохнул и кивнул.

— В который раз... — горестно прошептал он, повернулся и вышел, не торопясь, как я успела заметить, с дурными вестями.

Несколько часов спустя ко мне пришла Мария де Салинас.

— Госпожа Сеймур, Ее Величество требует вас.

Я тут же последовала за Марией в королевскую опочивальню. Екатерина встала с постели и сидела перед зеркалом в свободном платье из пурпурной шерсти с горностаевой оторочкой, которое ей очень шло.

— Это ты, Джейн, — сказала она, когда я вошла. — Моя нежная, добрая Джейн. Утешь меня в моей печали, причеши меня.

— Да, Ваше Величество.

Я взяла мягкую щетку для волос с туалетного столика и принялась тихонько расчесывать поредевшие пряди. Королева даже прикрыла глаза от удовольствия.

— Король не должен видеть меня сейчас, когда я так устала, — тихо проговорила она. — Когда я встречу своего супруга, я должна выглядеть так, чтобы на меня было приятно смотреть. Ведь он утомится на охоте, будет нуждаться в еде и в отдыхе. Ему совсем не понравятся плохие новости о нашем ребенке.

— Да благословит Господь невинного младенца и да примет его к себе, — сказала я.

— Аминь, — прошептала королева. Ее тонкие губы изогнулись в жалобной улыбке. — Еще один добавится в этот скорбный ряд.

Она указала на поставец над аналоем. Там стояло восемь миниатюр — портретов детей, которых она потеряла. Над каждым портретом висело серебряное распятие, а под портретом была прикреплена табличка с именем ребенка.

— Мы хотели назвать его Эдуардом. Или Изабеллой, если родится девочка, в честь моей благочестивой матери. — Голос королевы, обычно, низкий и глубокий, задрожал и прервался до шепота.

Мне было трудно разобрать, что она говорит, словно Ее Величество все еще находилась под дурманящим действием опиума... Возможно ли это? Ее будто подменили. Да, раньше она неоднократно оказывала мне честь своим доверием, но никогда не держалась со мной так свободно и открыто, как сегодня, словно я — брат Диего, ее духовник, а не Джейн Сеймур, ее фрейлина.

Королева продолжала говорить, а я продолжала расчесывать длинные, слабые пряди. Сегодня я не могла не заметить, что все больше и больше волос остается на щетке. Кое-где даже проглядывала кожа головы. Что с королевой, почему у нее так сильно выпадают волосы?

Я бросила взгляд в зеркало и увидела, что моя госпожа чуть заметно нахмурилась и произнесла:

— В этот раз я была уверена... почти уверена... что Господь дарует мне сына... сильного здорового мальчика. Ведь я ходила на поклон к Деве Марии в Уолсингем^[3]. Во время паломничества мне показалось, что Богородица снизошла к моим молитвам и исполнит мое желание.

«Зачем королева говорит мне об этом? — подумалось мне. — Ведь я тогда сопровождала ее. Неужели она забыла? Может быть, опиум так повлиял на ее память?»

— Возможно, Ваше Величество, Дева Мария исполнит ваше желание в следующий раз? — предположила я.

Королева покачала головой.

— Нет, следующих родов не будет. Таких страшных схваток я больше не выдержу. Это был последний раз.

С ее уст сорвался какой-то тихий звук, и я поняла, что королева невесело смеется:

— Моя старая дуэнья, донна Эльвира, часто говорила мне, еще совсем малышке, что я не понимаю, когда нужно сдаться и отступить, не настаивать на своем до бесконечности. Теперь я вижу, что она была права.

— Господь подарил Вашему Величеству красивую и умную дочь — принцессу Марию. Вы сами называете ее вашим сокровищем и светом ваших очей.

— Да, но она — принцесса, а не принц, а Англии нужен наследник.

На это мне сказать было нечего, и я замолчала. Вопрос престолонаследия затрагивал каждого жителя королевства и казался некоторым неразрешимым. Королю Генриху нужен был сын, которому с течением времени перейдет его трон. Но у него была одна-

единственная дочь — принцесса Мария. Ей даже присвоили титул принцессы Уэльской, который по традиции дается наследнику, но никто не ожидал, что она будет править. Ни одна женщина не сможет совладать со строптивыми англичанами. Хроники рассказывали о королеве Мод^[4], жившей в стародавние времена, но она долго у кормила власти не удержалась. С тех самых пор другие представительницы слабого пола таких попыток не делали. Лучше бы престол перешел к побочному сыну короля — мальчику, известному под именем Генри Фицрой^[5]. Но если он действительно унаследует трон, то его право будут оспаривать, начнется хаос и разразится гражданская война, как во времена деда Генриха^[6].

Вот почему верные подданные нашего монарха горячо молились за то, чтобы, несмотря на прошлые многочисленные неудачные попытки, королева наконец-то разрешилась от бремени здоровым мальчиком. Но эти молитвы — включая мою собственную — не были услышаны.

— Ее Величество желает, чтобы я убрала ваши волосы? — спросила я.

— Да, Джейн. И надень на меня чепец — розовый, расшитый жемчугами.

— Он очень идет вам, Ваше Величество.

— Он добавит мне румянца. Мой супруг жалуется, что я слишком бледна. И после этого, Джейн, ты позовешь моих дам и фрейлин, а я сама сообщу им, как прошли роды.

Я изо всех сил постаралась сделать прическу моей госпожи как можно более изящной — чем обычно занимался ее парикмахер, — и надела сверху чепец. Вместе мы оценили мои усилия в зеркале. Королева улыбнулась, действие опия кончилось. Она вновь была благородной и невозмутимой венценосной супругой, нашей госпожой и повелительницей. Заострившиеся черты лица и круги под глазами свидетельствовали о перенесенных ею испытаниях, но держалась она теперь с обычной уверенностью.

— Передай Марии, что я готова. И пришли сюда брата Диего — я хочу исповедаться.

«Исповедаться? — подумала я. — В чем ей каяться? Неужели рождение мертвого ребенка после многочасовых схваток, которые она перенесла со стойкостью, — грех? Или она считает, что смерть ее новорожденного сына — Божья кара?»

Я прошла через зал перед опочивальней и направилась в комнату, где собрались придворные дамы и фрейлины королевы.

— Ее Величество готова, — сказала я Марии де Салинас. — Сначала она исповедуется брату Диего, а потом обратится ко всем нам.

То, что случилось потом, навсегда останется в моей памяти. Мы почтительно окружили кресло королевы, заняв свои места по этикету, а она восседала среди нас, спокойная и преисполненная благородства. Тут были ее испанские придворные дамы — Мария де Салинас, Инесс де Венегас, Франческа де Лима и другие, кого я едва знала, поскольку мне почти не приходилось говорить с ними или делить с ними мои обязанности. Тут же стояли ее приближенные, занимавшие важнейшие должности при ее дворе, а также ее священники и ее духовник. И еще были те, кого я знала лучше всех, — придворные дамы и фрейлины.

Нас было девять, как сейчас помню, и ни одна не походила на другую. Первое место по старшинству занимала Энн Кейвкант, дочь лорда Кейвканта. Казалось, она стыдится и своих лет, и своей внешности. Она и вправду была невзрачной, а длинный острый нос и изрытая оспинами кожа красоты не добавляли. Из-за чрезмерной стеснительности выражение ее

лица казалось каким-то вороватым. Еще больше Энн переживала из-за того, что в свои двадцать семь лет оставалась незамужней. Поговаривали, что к ней сватался дворянин в годах с рыцарским титулом, который уже похоронил до этого трех жен, но престарелый поклонник до свадьбы не дожил. После этого Энн тщетно ждала того, кто захотел бы повести ее под венец.

Красотка Лавиния Терлинг обращала на себя внимание белокурыми локонами, невинным выражением голубых глаз и примерным поведением. Внешне казалось, что она воды не замутит, но занимало эту девицу лишь одно: как скоро ей удастся выйти замуж и насколько богат и высокороден будет ее жених?

Единственная бельгийка среди нас — Джейн Попинкорт — предпочитала одеваться на иностранный манер и отвергала традиционные английские платья и чепцы. Ходили разговоры, что она была любовницей короля в то время, когда оба они были еще совсем молоды, и эти слухи придавали ей ореол таинственности. «Долго она, впрочем, не продержалась, — злорадно шептались другие фрейлины за ее спиной. — Видно, не очень-то много наша Джейн значила для своего царственного возлюбленного».

Из оставшихся девушек самыми внешне привлекательными были Бриджит Уилтшир, худенькая, точно молодая борзая, и такая же породистая, завоевавшая своим быстрым умом и острым языком лорда Уингфилда, с которым только что обручилась, и ее близкая подруга своевольная Анна Болейн, темноволосая и темноглазая, как цыганка, которая приходилась родной сестрой другой любовнице короля Марии Болейн Кэри. Имя этой последней при королеве никто не смел произносить. Злые языки твердили: Анна уже вышла из того возраста, когда дочери джентльмена (и племяннице могущественного герцога Норфолка) пристало выходить замуж, и хотя, как минимум, трижды у нее были все шансы на выгодную партию, ни разу дело не дошло даже до помолвки.

Я была самой младшей из фрейлин и, говоря без ложной скромности, пользовалась особой любовью королевы Екатерины. Она выделяла меня среди всех других англичанок при своем дворе. Ей хотелось, чтобы я находилась подле нее, особенно в те минуты, когда горести и невзгоды пытались пробить броню ее самообладания. А эти горести в тот год сыпались на нее как из рога изобилия. Естественно, испанские придворные дамы были не в восторге от того предпочтения, которое оказывала мне Ее Величество. Им казалось, что, имея с королевой один и тот же родной язык и обычаи, они должны ближе всех состоять при монаршей особе. Я хорошо знала о таком враждебном к себе отношении и, как могла, стремилась открыто не ссориться с испанками. Однако Мария де Салинас и остальные считали меня коварной выскочкой, затесавшейся в их ряды обманом или наговорами, в то время как я лишь стремилась быть самой собой.

Королева приготовилась обратиться к нам с речью. В комнате наступила тишина. Даже Бриджит и Анна, чьи смешки и хихиканье были слышны даже в самых торжественных случаях, сейчас хранили молчание.

Взгляды всех присутствующих сосредоточились на Екатерине. И она со своей всегдашней кроткой и благодарной улыбкой начала говорить:

— Вы все уже знаете, что Господь не пожелал благословить это королевство наследником престола. Мой сын Эдуард не дождался до того, чтобы сделать свой первый вздох.

Эти слова были встречены вежливым бормотанием соболезнований. Королева приняла их легким кивком и продолжала:

— Как напомнил мне брат Диего, ответ Господа на наши молитвы не всегда тот,

которого мы желаем, и неисповедимы пути Его. Ни наши бренные тела, ни их плоды не сравнятся с нашими бессмертными душами. Ибо как сказано в Писании, не бойтесь тех, чья власть над душой нашей^[7]. Я исповедалась, — продолжала королева, — и в свой срок, очистившись после родов, смогу войти в храм Божий. До этого я останусь в своих покоях. От вас я жду сдержанности и немногословия. Не следует сообщать всем и каждому о том, что здесь произошло. Если спросят вас: «Что слышно о королеве?», отвечайте просто: «Исполнилась воля Божья».

Мария де Салинас вышла вперед, давая знак всем присутствующим, что аудиенция окончена, и мы потянулись к выходу, проходя перед Ее Величеством и кланяясь ей.

— Благодарю за верную службу, — говорила она каждому из нас. — Спасибо за ваши неустанные молитвы.

Внезапно у дверей в покои королевы загрохотали тяжелые шаги, и мы опомниться не успели, как двойные массивные двери распахнулись с треском ломающегося дерева и в опочивальне очутился король. Я чуть не написала «вломился» или «ворвался» — с такой силой обозначил он свое появление. И, вдобавок ко всему, свое дурное расположение духа! На нем была короткая зеленая куртка и шапочка с пером, которые носят охотники. К куртке прилипли грязь и ветки, в длинных светлых волосах запутались листья. «Он скакал сюда во весь опор», — подумала я. Король даже не потрудился привести себя в порядок. Его грязные сапоги пятнали безупречно чистый ковер, а лезвие длинного ножа, заткнутого за пояс, мрачно блеснуло в свете камина там, где оно не было покрыто кровью убитой им дичи.

За несколько шагов король покрыл расстояние до кресла, где сидела Екатерина.

— Мадам, почему мне не сообщили тотчас? — спросил он. — Почему я узнаю обо всем последним? — Его звучный, дрожащий от бешенства голос, казалось, заполнил всю комнату. Мы замерли, страхась королевского гнева и уже сейчас раздавленные им. Что стоит ему обвинить нас в том, что мы не выполнили его приказ и утаили от него дурную весть о мертворожденном принце? Я почувствовала, как вбираю голову в плечи, пытаюсь казаться как можно меньше ростом, как будто бы таким образом мне удастся отвести от себя монаршую ярость.

Король сверкал глазами, возвышаясь над королевой, а она бестрепетно отвечала ему, не теряя своей обычной выдержки:

— Я уверена, что к вам своевременно отправили гонца. Если бы я могла, я бы сама поспешила к вам, но мне было плохо, очень плохо...

— Плохо! Вам, мадам, всегда плохо! Вы беспрестанно болеете! Ни на что не годитесь! Единственное в жизни, о чем я просил вас, так это о наследнике. Как вы думаете, ради чего я на вас женился? Заметьте, мадам, женился из жалости... Но сына от вас я так и не дождался!

Он почти выплюнул эти слова, а его резкий тон делал их еще более оскорбительными. Екатерина по-прежнему кротко взирала на своего супруга. Король принялся метаться по опочивальне, рассеивая придворных дам, которые отшатывались с его пути. Я заметила, что с него лил пот.

— Я прислал вам докторов, — восклицал он, — я прислал вам аптекарей, чтобы их снадобья помогли вам зачать, мы молились вместе, вы обошли все святыни нашего христианского мира — а вот результат! Очередной мертвый младенец! Сколько уже их было? Десять? Двадцать?

Король прервал свою обвинительную речь, и, решив воспользоваться этой паузой, я медленно попятилась к двери. Другие придворные также начали один за другим на

цыпочках покидать покои королевы.

Екатерина остановила меня жестом.

— Останься, Джейн, — произнесла она.

— Уходите! — вскричал король.

Я знала, что должна поступить так, как велит мой государь, и потому быстро и тихо вышла из спальни. Но едва очутившись в коридоре за опочивальней королевы, я остановилась и стала прислушиваться к звукам ссоры, разразившейся после ухода придворных с новой силой, — ссоры такой яростной, которой на моей памяти еще не было.

Я не единственная подслушивала. Испанские дамы королевы тоже замешкались в коридоре, и компанию им составили Джейн Попинкорт, Бриджит Уилтшир, Анна Болейн и еще несколько фрейлин. Испанки время от времени осеняли себя крестным знаменем и издавали приглушенные восклицания на своем языке. Я заволновалась. Что может в ярости сотворить король с Екатериной? Видно, не зря попросила королева Марию де Салинас не спешить с дурной вестью. Но до каких пределов может дойти гнев Его Величества?

— Хватит! С меня хватит! — вновь и вновь гремел голос короля среди потока его обвинений.

— И правда хватит! — услышала я, как Анна Болейн говорит Бриджит. — Действительно, сколько можно? Что ждет он от женитьбы на старой женщине с высохшим чревом.

Вместо «чрева» Анна употребила гораздо более грубое слово.

— Замолчите! — воскликнула я. — Неужели у вас нет чувства долга перед нашей госпожой? Наша бедная королева заслуживает хотя бы уважения после всего того, что она перенесла!

Анна повернулась и смерила меня ледяным взглядом.

— Кто вы такая, мисс Сеймур, чтобы мне указывать? Ваш отец — всего лишь мелкий дворянчик, в то время как мой дядя Норфолк^[8] — самый могущественный пэр королевства!

Я не смогла проглотить это оскорбление. Пусть Анна выделялась среди фрейлин красотой (хотя ей, конечно, было далеко до прекрасной Лавинии Терлинг), пусть она обладала особым очарованием, которое было трудно определить, но которому не могли противиться многие мужчины, провожавшие ее похотливыми взорами, — но это ничуть не извиняло ее грубость.

— Я часто слышала из уст королевы, — парировала я, — что доброта и милосердие не зависят от происхождения, титулов и званий. Наш Спаситель тоже был не из знатных, если я правильно помню, что написано в Евангелии.

Я осознавала, что мои речи отдают ханжеством, но продолжала говорить, чуть понизив голос.

— Мне кажется, что ваш отец не намного знатнее моего отца, несмотря на те связи, которые имеет семья его жены. И как же получилось, что вы, племянница герцога, все еще не замужем и даже не помолвлены, хотя вам уже никак не меньше двадцати пяти лет?

Я почувствовала, что моя стрела попала точно в цель. Черные глаза Анны недобро сощурились, и перед тем, как отвернуться, она начала говорить, обращаясь к Бриджит: «Вы только послушайте, о чем толкует это маленькое ничтожество! Я слышала...» Но что именно она слышала, я так и не узнала, потому что Анна принялась нашептывать в самое ухо Бриджит, и ее слова потонули в потоке новых обвинений короля, которые доносились из-за закрытых дверей и которые он выкрикивал теперь в полный голос.

— С меня довольно! — бушевал он. — Больше никаких мертвых младенцев — ни мужского, ни женского пола! С этого дня на вашем ложе вас никто не потревожит — наслаждайтесь им в одиночестве! Сегодня же вечером я пожалую моему сыну Генри Фицрою титул герцога Ричмонда. После этого он станет самым высокородным дворянином королевства. Выше вашей дочери, мадам, выше этого надутого Норфолка! Генри Фицрой станет новым королем Англии после меня, и быть по сему!

Услышав топот королевских ног у двери, те из нас, кто замешкались, тотчас поспешили скрыться в поисках более безопасного убежища, разбежавшись подобно агнцам перед злым волком.

— Уилл, послушай, Уилл! Несчастный крошка родился мертвым. Может быть, так подействовал опиум, который они дали нашей королеве. Неужели это дьявольское снадобье убило младенца? А король страшно разгневался и кричал на нашу госпожу...

Среди тишины и покоя малого дворцового сада, в укромном уголке между голубятней и пивоварней, я изливала свои чувства моему жениху Уиллу, который крепко обнимал меня. Какие же у него сильные руки! В его объятиях я искала защиту еще с той поры, когда мы были детьми. Случалось ли мне упасть и расцарапать ногу, подраться с Недом^[9], повздорить с одним из двоюродных братьев либо подвергнуться наказанию отца, отправлявшего меня в мою комнату под замок на хлеб и воду, — Уилл был моим оплотом и утешением. Улыбчивый, добрый, светловолосый и голубоглазый Уилл Дормер^[10] — человек, за которого я вскорости выйду замуж. Тот, кто будет отцом моих детей, увезет меня в наше сельское поместье, где мы будем вести жизнь, далекую от суеты и соблазнов двора. В милый деревенский рай, притаившийся под сенью кущ, среди ручейков, несущих свои воды в широкую, мирно текущую реку. Здесь кормятся олени, а кролики и зайцы гоняются друг за другом в подлеске. Весна раскинет у нас под ногами ковер, нет, не ковер, а океан колокольчиков, который затопит узловатые корни раскидистых дубов и потечет меж белыми стволами буков. И в этом нашем мире не будет ни слез, ни мертвых младенцев...

— Джейн, дорогая моя! — голос Уилла вторгся в мои грезы.

Я не хотела ни расставаться с мечтой, ни размыкать кольца наших рук. Последние два дня я почти не спала, к тому же несчастье королевы и ее ужасная ссора с королем совсем вывели меня из равновесия. Меня, которая всегда так гордилась своей способностью сохранять спокойствие в любых обстоятельствах... Наверное, в этом и была одна из причин того, что королева приблизила меня к себе. Даже сочувствуя и сопереживая, я никогда не позволяла чувствам победить меня. Однажды Ее Величество сказала мне — и это следовало воспринимать как комплимент, — что я владею собой почти так же хорошо, как настоящая испанка, и должна благодарить Бога за это. Но сейчас, измотанная и встревоженная, я растеряла мое хладнокровие и жаждала поддержки и утешения.

— Видел бы ты ее, Уилл... и этот гробик для ребенка. Такой маленький ящичек, обшитый пурпурной тканью... Мне ее так жаль, что сердце разрывается. Она хоронит всех своих мертворожденных детишек, одного за другим, а король, по слухам, даже не замечает их могилок и никогда не посещает их...

— Джейн! Да послушай же ты!

С неохотой я оторвалась от него и отступила, заставив себя прислушаться к его словам.

— Знаю, что ты горюешь из-за королевы, но я должен обсудить с тобой кое-что важное. Это срочно! Меня ждут в Девичьей Башне, а мистер Вудшо сердится, когда я опаздываю...

От одного упоминания Эдварда Вудшо я тотчас вознегодовала. Уилл служил при дворе короля уже два года, но его последняя должность, по моему мнению, не могла стяжать ему чести.

— Эдвард Вудшо отдает тебе приказы?! Какой стыд! Только подумай — тобой

командует королевский сводник! — воскликнула я с презрением.

— Ты прекрасно знаешь, Джейн, что я не выбирал этой службы. Но я верный слуга короля и привык добросовестно исполнять то, что мне велено.

— Но Девичья Башня — это же позор королевского двора!

В Девичьей Башне были устроены тайные покои короля, где распоряжался мерзкий Эдвард Вудшо и содержались девицы для монарших любовных утех. Секрет этот хранился не слишком ревностно, ибо весь двор знал о том, в чем именно состоят обязанности Вудшо.

Мой Уилл был красив, молод, строен, мускулист и широкоплеч. Ему только что исполнился двадцать один год, и он просто лучился обаянием. Поэтому-то его и забрали с конюшни, где он служил грумом, — а эта должность ему нравилась, ведь он любил лошадей — и отправили под начало Вудшо прислуживать в личных покоях короля, в том числе и в Девичьей Башне.

Новая служба Уилла свидетельствовала о том, что он на хорошем счету у сильных мира сего. Если он сможет отлично зарекомендовать себя, его ждет следующая, более высокая должность.

— Ты должна гордиться Уиллом, — не уставал повторять мне Нед.

Мой брат, несмотря на юный возраст (а был он на четыре года старше меня), служил в доме могущественного кардинала Вулси^[11] и карабкался по карьерной лестнице достаточно споро, но не так быстро, как ему хотелось, ибо был он юношей честолюбивым, сметливым, услужливым и — чего уж греха таить — безжалостным в достижении цели.

— Когда вы с Уиллом поженитесь, — неизменно добавлял брат, — вы оба наверняка возвыситесь при дворе.

— Я надеюсь, что мы пойдем под венец совсем скоро, через несколько месяцев, — отвечала я Неду.

Я не решалась признаться ему, как сильно я желаю этой свадьбы — но не для того, чтобы преуспеть, а чтобы навсегда покинуть двор. Мне хотелось вырваться из удушливой атмосферы, господствовавшей в покоях королевы. Да, я чувствовала к ней симпатию, она выделяла меня среди остальных своих фрейлин, но, по правде говоря, такое внимание меня тяготило. Когда я являлась на ее зов и находилась рядом с ней, — а это случалось очень часто, — я как будто бы впитывала ее печаль, проникалась ее одиночеством. Я восхищалась смелостью Екатерины, завидовала силе ее веры, но сама желала бы оказаться в более приятном обществе, проводить часы в веселии и радости. А радостью для меня был Уилл.

И еще мне хотелось навсегда стряхнуть с себя тяжелое бремя недоброжелательности и предвзятости испанских придворных дам. Чего только они не делали, чтобы исподтишка унижить меня. Я не единожды пыталась объяснить Уиллу, что женщины могут о многом поведать без слов: чего только стоили презрительные взгляды испанок, их якобы случайные толчки, сказанные друг другу на ушко ядовитые реплики. Они знали тысячу способов, как выказать неуважение ко мне, не вступая в открытую вражду. Этим мегерам мой отъезд будет только в радость...

— Джейн! — голос Уилла в этот раз звучал настойчиво. — Ты должна выслушать меня!

Я взглянула ему в лицо и увидела, как затуманились его обычно ясные голубые глаза.

— Джейн, у меня для тебя дурные вести.

— Что случилось?

— Я навестил своих родителей, как мы и договаривались, рассказал, что мы с тобой собираемся скоро пожениться, и попросил их благословения.

— И что же?

— Они велели мне забыть о женитьбе. Наш с тобой союз невозможен.

От удивления я потеряла дар речи. Меня с детства тепло принимали в доме Дормеров. Более того, родители Уилла так улыбались мне при встрече и так обнимали меня, как будто бы я была их кровной родственницей. Наша с Уиллом свадьба была делом решенным. Во всяком случае мне так всегда казалось.

— Но они любят меня, — наконец смогла вымолвить я. — Я уверена, что так оно и есть.

— Да, Джейн, ты не ошиблась.

— Тогда в чем же дело?

Уилл выглядел очень несчастным и пустился в объяснения:

— Сперва они сказали мне, что надеются подыскать для меня более выгодную партию и что появилась возможность породниться с семейством Сидни, и такой брак — предел их мечтаний. Я ответил, что хочу жениться на тебе, Джейн, и ни на ком другом. Мы поссорились. Родители обвинили меня в том, что я не забочусь о фамильной чести. Я ответил им, что твоя семья ничуть не менее родовитая, чем Сидни. Мы знаем, что это не так и род Сидни выше Сеймуров по своему положению, но во мне говорила верность тебе, моя дорогая. Однако все мои доводы разбивались о броню их странного упорства. Родные мои не гневались на меня, но были тверды в своем решении. Я должен жениться на наследнице Сидни, и точка! А потом...

— И что потом?

— Они сказали ужасную вещь, Джейн. Ты правда хочешь это услышать?

— Конечно! Я должна знать, что так внезапно отвратило твоих родителей от меня после стольких лет их благорасположения.

— Твой отец и моя сестра Марджерри... — заговорил Уилл тихим голосом.

— И что же они?

— Мой отец... понимаешь, он застал их... твой отец...

Я сразу же поняла, что имеет в виду Уилл, но не могла поверить в такое, поэтому лишь смотрела на моего жениха в полном смятенье, не произнося ни слова. Наконец мне удалось проговорить:

— Ты хочешь сказать, что мой отец и твоя сестра вместе лежали в постели? Обнаженные? Что они... ну, словом, они вели себя как муж и жена?

— Их застали в кладовке. И они не лежали, а стояли. Отец сказал, что они не раздевались, ну, в смысле, не разделись до конца...

— Нет, это неправда!

Уилл схватился за голову и в отчаянии взъерошил волосы.

— Отец не стал бы лгать мне, коль скоро речь идет о таких вещах. Ведь наша семья теперь покрыта позором. Знаешь, Джейн, я ему верю. И если твой отец только осмелится еще раз подойти к моей сестре, я живого места на нем не оставлю. Если бы не ты, не мои чувства к тебе, я бы с радостью убил бы его.

Я замерла, как громом пораженная, и не могла пошевелить ни рукой, ни ногой.

— Я должен идти, Джейн. Поговорим позже. — С этими словами Уилл быстро поцеловал меня в щеку и был таков.

Прошло еще полчаса, а я все еще сидела на том же самом месте, не в силах поверить в

то, что только что услышала. Моему отцу Джону Сеймуру^[12] было пятьдесят лет, сестре Уилла Марджери — только-только исполнилось четырнадцать. Тяжесть греха — если все сказанное было правдой — оказалась слишком велика. Она давила на мои плечи, пригибала меня к земле... Никогда я не смогу ни принять, ни понять содеянного.

То, о чем рассказал мне Уилл, оживило смутные, неясные воспоминания. Воспоминания, которые я старалась держать под спудом и к которым не позволяла своей памяти возвращаться.

Когда я была еще ребенком, в нашем поместье Вулфхолл одной из служанок была совсем молоденькая девушка, темноволосая, милая и старательная. Мне она так нравилась! Когда я спускалась на кухню, она позволяла мне макать корочки от свежее испеченных караваев хлеба, остывавших в корзинах, в мясной сок, стекавший с коптящихся на вертелах окороков. Как бы сильно она ни была занята, она всегда находила время сказать мне дружеское слово приветия и угостить чем-нибудь вкусеньким.

Однажды в доме разразился страшный скандал. Челядь пряталась по углам, управляющий был в явном смятенье, а юная служанка — в слезах. Я пожалела девушку и хотела утешить ее, но, увидев отца, стоявшего со странным выражением на лице и плотно сжатыми кулаками, замерла на месте, боясь приблизиться. Служанка выбежала из дома, и больше я ее не видела. Моя мать проплакала несколько дней и отказывалась не только говорить с отцом, но и смотреть на него.

Тогда я была слишком молода, чтобы понять, что происходит, но теперь спросила себя: значит ли это, что мой отец соблазнял и других совсем юных девушек? Возможно ли такое? Или в тот раз не было соращения, а была взаимная страсть? Греховная страсть, закончившаяся слезами и изгнанием девушки из нашего дома...

Но служанка — это одно дело, а сестра Уилла Дормера — совсем другое. Я должна была узнать правду, пусть даже и нежеланную мне. Противилась ли Марджери посягательствам отца? Если да, то почему она не закричала, не позвала на помощь? И что будет, если она забеременела? Благородные господа при дворе — да и сам король — то и дело брали себе новых любовниц и приживали с ними детей. Не только Генрих грешил этим, но и герцог Норфолк, и гораздо менее знатные господа. Они бесстыдно предавались разврату и не стеснялись показывать своих возлюбленных при дворе. Они даже хвастались своими любовными похождениями. Близкий друг короля и его зять Чарльз Брэндон, герцог Саффолк^[13], женившись по большой и страстной любви на прекрасной принцессе Марии, сестре короля, сейчас завел молоденькую любовницу. И не просто какую-то юную красотку, а родственницу фрейлины королевы Екатерины. По крайней мере об этом вовсю судачили при дворе.

Похоже, мой отец лишь следовал недостойному примеру других. Разврат превратился в проклятье нашего времени. Он подобно язве подтачивал королевский двор. Он разрушил мою мечту о любви и погубил мои надежды на будущее.

Единственным громким звуком под массивными деревянными балками просторного парадного зала дворца Брайдвелл^[14], освещенного светом факелов и украшенного гобеленами, был надсадный кашель маленького мальчика. Сегодня сюда пришли все те, кто занимал самые главные должности при дворе, чтобы стать свидетелями торжественного и важного события: присвоения побочному сыну короля титулов герцога Ричмонда и Сомерсета, лорд-адмирала Англии, герцога Нормандии и Аквитании, владельца Ардра Гиени и Кале^[15] (хотя король Франции Франциск^[16] наверняка оспорит эти притязания), лорда Уэльской и Шотландской Марки, сенешаля Гаскони и рыцаря ордена Подвязки^[17].

В этот день юный Генри Фицрой, которому совсем недавно исполнилось только шесть лет, должен был вознестись выше всех дворян королевства, хотя ни крепким здоровьем, ни истинно королевскими статями он не мог похвастаться.

Мальчик продолжал кашлять, и этот звук казался каким-то жалким и нелепым в огромном зале. Я заметила, что короля это раздражает. Генрих возвышался — могучий, широкоплечий, огромный, в пышных одеждах, сверкающих золотом, — в одном конце зала и смотрел на своего сына, который должен был приблизиться к нему из другого ее конца, со все возрастающим чувством разочарования. И дело тут было не только в нынешней болезни юного Фицроя, а в том, что для своих лет мальчик выглядел слишком маленьким и бледненьким. Он не мог держаться прямо и постоянно горбился. Его тоненькие ножки в шелковых чулках неловко косолапили. Малыш взял за руку стоявшего слева от него Чарльза Брэндона, герцога Саффолка, и посмотрел снизу вверх в лицо высоченного, атлетически сложенного второго пэра королевства с такой трогательной мольбой на бледном личике, что у меня защемило сердце.

Брэндон, которого я всегда почитала человеком добрым и отзывчивым, бережно обхватил маленькую белую ручку своей загорелой лапищей и подбодрил малыша теплой улыбкой. Герцог Норфолк, стоявший справа от Генри Фицроя и заметно уступавший Брэндону в росте и сложении, нацепил на свое лицо с резкими чертами привычную маску высокомерия и отвернулся, не предложив мальчику своей руки.

Два герцога и малыш между ними начали свой путь к королю через весь зал. «Скоро герцогов будет трое», — подумала я, хотя и не могла представить себе юного Фицроя в роли величайшего вельможи Англии. Но я знала, какое будущее ему уже уготовано. Все было предписано заранее: в каких замках он будет жить, кто будет надзирать за его ста тридцатью двумя слугами, кто будет обучать его наукам, а кто — верховой езде, кто будет его духовником, и даже — на ком он женится. Поговаривали, что скоро мы будем праздновать его помолвку с Мэри Говард, дочерью Норфолка, и что в жилах отпрысков нового королевского дома смешается кровь Тюдоров и Говардов.

Оттуда, где я сидела с другими фрейлинами, была хорошо видна не только церемониальная процессия, но и все присутствующие. По настоянию короля его супруга Екатерина тоже присутствовала. Она держалась с присущим ей спокойствием и достоинством, скрывая лицо за черной кружевной мантилей, украшавшей ее традиционный

английский чепец. Ее дочь принцесса Мария — хорошенькая девятилетняя девочка, хрупкая и немного неловкая — сидела не шевелясь, пытаясь сохранить царственную осанку, и казалась глубоко задетой происходящим. Она ни разу даже не взглянула на Генри Фицроя, но не спускала глаз со своего отца.

Мария, несмотря на свой возраст, прекрасно понимала, что сегодняшнее возвышение Генри Фицроя свидетельствует об окончательном выборе королем наследника престола. Ее — принцессу крови — бесцеремонно отодвинули в сторону, заменив незаконнорожденным мальчишкой. И на этом ее беды не кончались. При дворе уже знали, что от Марии отказался Карл — юный правитель огромной и могущественной империи Габсбургов, — который должен был со временем стать ее мужем. Помолвка была расторгнута совсем недавно, что оставляло Марию без каких бы то ни было перспектив на престол и удачное замужество. «Неудивительно, — подумала я, — что она не желает смотреть на маленького Генри Фицроя». Ребенок тем временем медленным шагом двигался вперед между двух герцогов.

Кардинал Вулси — самый богатый и влиятельный сановник нашей страны, превосходящий всех вокруг, кроме короля, пышностью одежд и дородностью, — стоял ближе всех к монарху, облаченный в сверкающий шелковый кардинальский пурпур. На его груди блистал тяжелый золотой крест, а пальцы были унизаны драгоценными перстнями. Неподалеку от кардинала я заметила Томаса Болейна^[18], отца Анны. Он, который не мог похвастаться принадлежностью к кругу самой высшей знати по рождению, сейчас, по слухам, вознесся необычайно. Он был женат на Элизабет, сестре герцога Норфолка, и, пользуясь поддержкой и влиянием последнего, делал все, чтобы стать незаменимым слугой нашего короля.

Признаюсь, сложившаяся ситуация не оставляла меня равнодушной и возбуждала мое любопытство. Мой брат Нед всегда с огромным интересом слушал то, что я передавала ему из разговоров, которые чаще шепотом и реже в полный голос велись в покоях королевы, а он, в свою очередь, делился тем, что сообщали ему другие придворные и слуги.

Отмечу, что в тот год в окружении короля усердно пересказывались и множились самые разнообразные слухи и сплетни! Неопределенность будущего страны рождала у всех нас неуверенность в завтрашнем дне. Двор, как растревоженный улей, уже давно гудел и полнился молвой, а возвышение Генри Фицроя только подлило масла в огонь.

Доживет ли болезненный и хилый Генри Фицрой до того дня, когда он вступит на престол? Если он умрет раньше, пойдет ли король на разрыв с королевой, чтобы жениться на женщине, способной подарить ему наследников? Что говорят на этот счет астрологи и прорицатели? Каких женщин предпочитает наш король, кого он захочет допустить в свою опочивальню, а с кем развлекается в Девичьей Башне? Станет ли мать Генри Фицроя вновь королевской фавориткой? Казалось, что эти и другие вопросы вихрем кружатся вокруг маленького мальчика, который вот-вот должен был стать герцогом Ричмондом и Сомерсетом.

Прозвучали фанфары, и запел хор. Вполне возможно, что наш король, будучи одаренным композитором, сам написал гимн в честь присвоения герцогского титула своему сыну. Когда голоса певцов смолкли, малыш и двое его сопровождающих подошли к возвышению, на котором стоял король, и начали подниматься по ступеням. Потом оба пэра отступили, оставив ребенка одного с отцом. Король Генрих, взяв поднесенную ему герцогскую корону, возложил ее на голову сына. Пурпурная мантия с золотой застежкой, отороченная горностаем, легла на худенькие детские плечи. Были произнесены молитвы и

принесены все положенные клятвы. Присутствующие разразились приветственными кликами, и трубы вновь ликующе взревели в честь нового герцога Ричмонда и Сомерсета.

Король порывисто обнял малыша, легко, как щенка, подхватил на руки и сбежал с возвышения со своей ношей прямо в толпу придворных, чтобы поближе показать всем своего сына. В толчее герцогская корона свалилась с головы мальчика, но Томас Болейн тут же пришел на выручку и, нырнув среди пышных юбок дам, буквально вытащил ее из-под ног придворных. Он с улыбкой протянул корону королю, который выхватил ее из рук сэра Томаса и вновь водрузил на детскую головку. Однако шум и суматоха расстроили юного Генри, а когда отец подбросил его в воздух, а затем слишком крепко обхватил, лицо ребенка болезненно сморщилось, он захлюпал носом, а затем зашелся в кашле.

Король помрачнел. Он быстро сунул малыша ближайшей из женщин — а ею оказалась обеспокоенная мать Генри, Элизабет Блаунт, — и двинулся широким шагом в сторону пиршественного зала, где была приготовлена праздничная трапеза. По пути король запел «В лес зеленый я иду» — одну из песен своего сочинения, — и очень скоро огромный зал опустел. Все последовали за монархом. Я успела заметить, что лишь Элизабет Блаунт замешкалась. Она опустилась на низкий подоконник, притянув к себе сына и утирая его слезы, а затем тихим голосом принялась утешать его. Когда я с другими фрейлинами шла к столу, то все еще слышала за спиной надсадный кашель малыша.

Я заранее заказала себе свадебное платье у мистера Скута, портного королевы. Это должен был быть самый красивый наряд в моей жизни. На корсаж и рукава пошла материя светло-голубого цвета — цвета весеннего неба, — а широкая верхняя юбка и пышные нижние шились из кремового шелка. Помню, на первой примерке мистер Скот поднес к моему лицу небесно-голубую ткань, удовлетворенно улыбнулся и одобрительно кивнул головой.

— То, что нужно, — заявил он, как всегда, не тратя лишних слов.

Однако по выражению его лица я поняла, что он был не просто удовлетворен, но восхищен увиденным. Тот день для меня был особенным — такого никогда не повторится.

Сегодня я с тяжелым сердцем послала за мистером Скутом, чтобы сообщить ему, что платье мне не понадобится. Он прибыл в покои королевы с двумя подмастерьями и швеей, тащившими корзины с отрезами ткани, рулонами кружев и оборок.

— Мистер Скот, — обратилась я к нему, — боюсь, что вынуждена попросить вас прекратить работу над моим свадебным нарядом. Свадьбы не будет.

Он с удивлением посмотрел на меня:

— Не будет? Но все у вас было решено и обговорено. Надеюсь, не произошло какого-нибудь ужасного несчастья...

— Нет-нет, ничего такого, смею вас уверить.

— Может быть, скончался кто-то из ваших близких?

Я покачала головой. Мне совсем не хотелось вдаваться в подробности: сама мысль о невозможности брака с Уиллом огорчала меня без меры.

Портной пытливо и сочувственно вглядывался в мое лицо.

— Вы, мисс Сеймур, такая приятная молодая леди, высокородная, с прекрасными манерами, завидная невеста во всех отношениях... Ах, прошу меня простить. Как я сразу не догадался? Видимо, жених вам — не пара и не удовлетворил ваших родных. Простите

еще раз.

Разговор наш оказался гораздо более тяжелым и болезненным для меня, чем я ожидала. Я судорожно сглотнула и почувствовала, как лицо заливают краской.

— Жених мой, то есть бывший жених, — прекрасный человек. Это Уилл Дормер.

— Уилл Дормер, который служит в Девичьей Башне? — Мистер Скут удивленно поднял брови. Я знала, что он думает: «Этот Уилл нашел другую девушку, которая понравилась ему больше, чем его нареченная. Наверное, новый предмет его любви — одна из тех падших женщин (как сказала бы моя покойная бабушка), кто живет или жил в Девичьей Башне».

— Мой Уилл — самый лучший, и он любит меня! — воскликнула я тоном, не терпящим возражений.

— Тогда почему...

— Причина не важна, — сухо отозвалась я, изо всех сил желая, чтобы мистер Скут исчез отсюда как можно скорее.

Однако он замешкался, неловко переминаясь с ноги на ногу.

— Уверю вас, вам заплатят за наряд, — добавила я и тут же поняла, что неверно истолковала его промедление. Он задержался не потому, что беспокоился о своих деньгах, а потому что тревожился за меня.

— Вы совершенно правы, причина не важна. Благополучие невесты — вот что имеет значение, — ласково и успокоительно промолвил портной. — Мы отложим ваш наряд до лучших времен. Он будет закончен в другое время, когда будет объявлено о более счастливой помолвке.

Его доброта тронула меня до глубины души. Мне захотелось заплакать и крикнуть ему, что другой — удачной — помолвки в моей жизни никогда не будет. Но еще до того, как я успела высказать вслух свои невеселые мысли, подмастерья достали из своих корзин покрытый чудной вышивкой голубой корсаж, пышные рукава с прорезями и одну из шелковых нижних юбок и теперь встряхивали их, чтобы показать детали моего платья во всем блеске. Это зрелище расстроило меня еще больше.

В этот момент в комнату вошла Бриджит Уилтшир.

— Мистер Скут! Я услышала ваш голос... — Она с интересом перевела взгляд с портного на меня и, заметив мое огорченное лицо, уставилась на корсаж, рукава и нижнюю юбку.

— Как красиво! — воскликнула она. — А я думала, что вы, мистер Скут, шьете свой самый лучший наряд для меня.

Свадьба Бриджит и лорда Уингфилда должна была состояться через месяц, и портной королевы получил заказ на платье для невесты.

— Джейн, а что ты здесь делаешь? — На узком лице Бриджит вновь промелькнуло удивленное выражение. Она внимательно разглядывала меня. Мне ничего не оставалось, как, сохраняя все свое самообладание, ответить, стараясь не запинаться:

— Мистер Скут шил это платье для меня и закончит его позже.

С этими словами я вышла из комнаты, изо всех сил пытаюсь казаться спокойной и невозмутимой.

Но Бриджит была слишком умна, и мне не удалось ее обмануть. «У нее нюх на неприятности», — частенько говорила о ней королева Екатерина, то ли восхищаясь своей фрейлиной, то ли презирая ее за это. Я чувствовала, что наша госпожа никогда не считала Бриджит Уилтшир настоящей леди, достойной места при ее дворе.

— Джейн, подожди! — Бриджит последовала за мной в соседние покои. — Какой дивный наряд — ты его на свою свадьбу шьешь? Ты что, тайно с кем-то обручилась?

— Нет, ничего подобного, — раздраженно отвечала я. — Если бы я была помолвлена, моя семья объявила бы об этом.

Я никому из фрейлин не рассказывала ни об Уилле, ни о наших планах на будущее.

Бриджит посмотрела мне прямо в глаза, и когда я встретила ее взгляд, то была удивлена, заметив в нем не только интерес и любопытство, но и дружеское участие. Я всегда считала Бриджит легкомысленной, фривольной и эгоистичной особой, глухой к нуждам и чаяниям окружающих. Такой была Анна Болейн, а Бриджит слыла ее ближайшей подругой. Казалось само собой разумеющимся, что обе девушки имеют много общего.

— Если речь идет о деньгах для мистера Скута, то я могу одолжить тебе столько, сколько тебе нужно, — предложила она.

Ее щедрость глубоко тронула меня. Я даже не смогла ничего ответить, а только покачала головой, потому что побоялась расплакаться.

— Джейн... — голос Бриджит звучал ласково и успокаивающе.

Я вдруг почувствовала, как будто внутри меня прорвалась невидимая плотина, не устоявшая под напором злых сил судьбы. Я больше не могла притворяться, и слезы ручьем потекли по моему лицу.

Бриджит тут же дала мне свой платок и усадила на скамеечку.

— Расскажи мне все как есть, — потребовала она. Теперь в голосе ее звучало не столько сочувствие, сколько здравомыслие. — А потом я расскажу тебе, что случилось со мной.

— С тобой?

— Расскажи мне, Джейн. — Она не сказала прямо, что я должна снять груз с души, но это подразумевалось. То, что она хотела поделиться со мной своими горестями, немного развеяло мою печаль.

— С чего начать? — пробормотала я.

— Кто тот мужчина, о котором ты льешь слезы?

— Откуда ты знаешь?

Бриджит только пожала плечами.

— Я... мы... — Редко случалось так, что я теряла дар речи, но теперь мне было трудно говорить о своих бедах.

Я откашлялась, высморкалась и наконец решилась:

— Мы с Уиллом Дормером уже давно собирались пожениться. Мы оба хотели этого, но родители Уилла желают, чтобы он взял в жены Мэри Сидни. Они отказались дать разрешение на наш брак.

— И ты воображаешь, что никогда не полюбишь никого, кроме своего Уилла? И что сможешь выйти замуж только по любви? Как ты не похожа на нашу Лавинию. Для нее главное — заполучить богатого муженька.

— Я люблю Уилла, — только и смогла вымолвить я.

— А что, если ты выйдешь за него замуж без благословения его семьи?

Я покачала головой:

— Это было бы бесчестьем для наших домов!

Уже говоря это, я подумала, что позору мы все равно не оберемся, если всплывет история о том, как мой отец обошелся с сестрой Уилла. Но, по крайней мере, самому Уиллу не будет причинен урон...

— Лучше расскажи мне, что случилось с тобой? — попросила я Бриджит, почувствовав облегчения от того, что смогу переключиться на время с моих горестей на ее невзгоды.

В ответ на мои слова лицо Бриджит приняло мрачное выражение, губы плотно сжались, а глаза безжалостно сверкнули.

— Моя подруга Анна, — начала она, — попыталась отбить моего Ричарда... то есть лорда Уингфилда. О, Джейн, она тщательно все продумала! Она отправилась к своему братцу Джорджу^[19] (а Джордж, должна тебе сказать, сделает все, что она ему скажет, — с детства таким был) и попросила его пригласить Ричарда поохотиться. Ричард обожает охоту и, конечно же, принял приглашение. Потом Анна заявила, что она хочет присоединиться к мужчинам, пообещала Ричарду взять меня с собой и беззастенчиво солгала. Она ни словом не обмолвилась мне об охоте и не сказала, куда эта троица собирается.

— Предательница! — воскликнула я в негодовании.

Бриджит согласно кивнула.

— Слушай дальше, — продолжила она свой рассказ. — Молодые люди и Анна добрались до уединенного охотничьего домика в глубине леса, вддали от бдительного глаза родственников. Анну сопровождала служанка, но, по словам Ричарда, ее госпожа ловко поставила девушке подножку, та упала и расшиблась, а Анна заявила, что это был несчастный случай, после чего отослала служанку обратно в Лондон. Все следующие дни они были одни, за исключением егерей, загонщиков и грумов.

— А ты откуда узнала эти подробности? — спросила я.

Бриджит только нетерпеливо встряхнула кудрями и не удостоила меня ответом.

— Анна все рассчитала с дьявольской точностью. Она знала, что во время охоты я буду гостить в западных землях у дяди и тети, где я должна была участвовать в подготовке к свадьбе моей двоюродной сестры. Она умная! Умная и хитрая. Изворотливая как змея. — Бриджит улыбнулась. — Такова, видно, ее натура.

— Что же произошло в лесу?

— Анна пришла к Ричарду и была готова отдаться ему — в обмен на обещание жениться на ней. А Ричард отказался.

— И вы до сих пор дружите? Я видела, как вы стояли вместе в спальне королевы, шушукались и смеялись. Как ты способна на такое?

— Честно тебе скажу, меня не удивил ее поступок. Я знаю, что вероломство у нее в крови. И не только вероломство, но и распущенность. Она такая с детства. Мы вместе жили в Брабанте при дворе эрцгерцогини Маргариты. Там Анна попыталась соблазнить своего воспитателя, месье Бутона. А ей тогда едва-едва исполнилось четырнадцать лет. Она так поступила, потому что знала, что с ним спит ее сестра. Она уже тогда стремилась превзойти свою сестру во всем. Когда мы перебрались во Францию через несколько лет, Анна и Мария Болейн постоянно соперничали друг с другом за внимание мужчин. Они даже прославились на этом поприще.

Я и раньше слышала, что об Анне говорят как о девушке нестрогих нравов, чья сестра имела связь с королем столь открытую, что ее имя было под запретом в покоях королевы Екатерины. Но никто никогда не подтверждал пятнающих репутацию слухов о самой Анне, никто никогда не рассказывал о том, что сестры пошли по одной дорожке, соревнуясь друг с другом.

— Если она попытается отнять у меня Уилла, я убью ее! — невольно вырвалось у меня.

Бриджит усмехнулась и сказала:

— Знаешь, я тоже так думала раньше, а потом успокоилась, потому что слишком часто видела, как Анна пытается обратить свои чары на многих мужчин, но безрезультатно. Однажды я наблюдала за ней на празднестве при королевском дворе в Париже. Присутствовали король Франциск, королева Клод^[20], а также королева-мать Луиза Савойская^[21], известная благочестием и строгостью. Вино лилось рекой, и скоро многие гости напились допьяна. Мы — девушки из Англии — были одеты в тот вечер по последней итальянской моде в наряды, привезенные из Венеции. А в Венеции женщины, как ты знаешь, славятся смелостью и чувственностью. У наших платьев были весьма низкие декольте. А Анна и Мария расшнуровали свои корсеты так, что это было уже просто неприлично. Они как будто бы предлагали себя подвыпившим кавалерам. Я не могла удержаться от смеха, глядя на них, и не я одна. Потом, около полуночи, когда большинство гостей в возрасте, включая Луизу Савойскую, вышли из-за стола и отправились спать, Мария и Анна утратили всякий стыд. Они принялись расхаживать между пирующими, выставляя свои прелести напоказ и потчuya самых юных и красивых гостей ломтиками пирожных и кусочками сахара. Они распустили волосы и играли локонами, склоняясь то к одному, то к другому мужчине. Когда унесли последнюю перемену блюд, Анна и Мария начали танцевать. Анна танцует великолепно, и она, конечно же, затмила сестру.

(Прерывая рассказ Бриджит, хочу здесь сказать: я была свидетельницей того, какая Анна искусная танцовщица. Она не знала себе равных не только в английских, но и во французских придворных танцах с их затейливым рисунком, сложным набором шагов и прыжков. Одно лишь созерцание мастерства Анны заставляло меня стыдиться моих собственных жалких попыток, и ноги мои словно наливались свинцом.)

— Ночь уже бежала к рассвету, — продолжала Бриджит свой рассказ. — Многие гости отправились на покой или уснули прямо в зале, захрапев и уронив головы на столы. Мария и Анна принялись обхаживать тех, кто еще бодрствовал. Мария скоро ускользнула с одним из мужчин, а Анна продолжала расхаживать меж пьяниц, склоняясь к ним и нашептывая им нежности, но без успеха. Такое и раньше случалось, — мстительно заметила Бриджит, — Марию, как более красивую из них двоих, кавалеры выбирали тотчас, в то время как ее темноволосая и менее привлекательная сестра оставалась не у дел. Я знала, что это приводило Анну в бешенство, потому что ее всегда обуревал дух соперничества и желание первенствовать над окружающими любой ценой.

— Так нашла ли она себе в конце концов дружка на ночь?

— Не знаю. Я сама заснула. Но перед этим увидела, как Анна подошла к Ричарду, зная, что мы с ним помолвлены и что я люблю его, и принялась с ним заигрывать, шепча ему что-то в самое ухо. Было видно, что Ричарда позабавили ее слова, но он с улыбкой отрицательно покачал головой. Очень скоро Анна сдалась и оставила моего жениха в покое.

Я напряженно задумалась над услышанным и вдруг выпалила в сердцах:

— Одно могу сказать — пусть она держится подальше от моего Уилла!

— Ты вроде бы сказала, что он больше не твой Уилл.

Я мрачно посмотрела на Бриджит. Слишком резко и грубо она вернула меня к действительности.

— В любом случае, — проговорила она, — тебе нечего опасаться. Твой Уилл не настолько богат или знатен, чтобы заинтересовать Анну.

Я почувствовала себя по-настоящему оскорбленной. Выпрямившись во весь свой невеликий рост, я заявила:

— Если Анна Болейн не знает, что любящее и верное сердце стоит дороже всех богатств и титулов этого мира, то она попросту глупа и недостойна личного счастья!

Бриджит снисходительно усмехнулась:

— Отличная речь в защиту верности и преданности, Джейн! Но ты еще молода и не знаешь, как жесток может быть этот мир.

— Я учусь... — только и смогла промолвить я в ответ.

В тот день я начала осознавать, что такое предательство. Предательство, это когда пятидесятилетний развратник, удовлетворив свою похоть, предает дочь, разрушив ее надежды на счастливый брак по любви. Когда беспардонная и тщеславная девчонка предает свою ближайшую подругу, пытаясь украсть ее жениха. Когда безжалостный король-тиран предает свою верную и страдающую жену, пеня ей за то, в чем нет и не может быть ее вины. «Суровые уроки жизни, — подумала я, — о которых никто не просил». Мне совсем не хотелось повторять пройденное.

Уилл пришел ко мне после заутрени. Он подхватил меня под руку, приложил палец к губам и увлек в сад, где мы с ним обычно встречались. Он еще рта не успел раскрыть, а я уже почувствовала — что-то случилось! Глаза Уилла так и сверкали. Утро выдалось росистое, и подол моего платья промок насквозь, пока Уилл вел меня через лужайку. Несколько садовников трудились неподалеку, но они, казалось, не обращали на нас никакого внимания.

— Джейн, дорогая! Наше дело устроилось! Я обо всем договорился! — дрожащим от волнения голосом проговорил мой возлюбленный.

Сердце мое птицей забилося в груди. Неужели Уилл смог убедить своих родителей переменить решение и благословить наш брак? Возможно ли это? Я схватила его руки, крепко сжала в своих и воскликнула:

— Так мы поженимся?

— Нет, я нашел лучший способ. Мы сбежим отсюда!

— Что ты сказал?

— Мы сбежим — оставим этот двор, моих родителей — и будем вместе! Кузен твоей подруги Бриджит отправляется на своем корабле к Островам Пряностей^[22] и позволил нам сопровождать его. Когда мы прибудем на место, то сможем устроиться там, где захотим. Мы найдем уединенный остров, поселимся на нем, и я назову его в твою честь!

Я лишилась дара речи от изумления. Неужели Уилл нашел выход? Неужели нам удастся бросить вызов обстоятельствам? В голове моей роилась тысяча вопросов.

— А этот кузен Бриджит — ему можно доверять? — приступила я к допросу Уилла.

— Бриджит клянется, что можно. Он участвовал во многих плаваниях и вернулся богатым.

— Пираты часто богатеют.

— Не думаю, что он пират, Джейн. Он — честный моряк.

— А его судно — крепко и надежно ли оно? — был мой следующий вопрос.

— Оно называется «Эглантин» и участвовало в нескольких морских походах.

Я ничего не знала ни о судах, ни о море, да и Уилл был сугубо сухопутным человеком. Вопросы мои иссякли. Уилл уверил меня, что продумал весь план до мельчайших подробностей, учел все возможные препятствия и вверяет наши жизни на время нашего путешествия в добросовестные руки. Мы сойдем с «Эглантина» на Островах Пряностей, а корабль вернется обратно в Англию с драгоценным грузом гвоздики и корицы, который будет продан здесь с большой прибылью.

— Я договорился оплатить нашу дорогу, пообещав стать пайщиком в этом предприятии, — объяснил мне Уилл.

— А сколько нужно внести? — спросила я, думая, что в этом случае Уиллу придется раскошелиться.

— Вступительный взнос невелик, — уверил он меня после секундного колебания, — если сравнивать с будущими прибылями.

Сейчас он рассуждал очень здраво, словно повзрослел за один день.

— Самое главное, что очень скоро мы будем всецело принадлежать друг другу, — добавил он, обнимая меня и целуя долгим, страстным поцелуем.

Когда мы расставались, Уилл строго наказал, чтобы я никому не говорила ни слова о нашей затее.

— Собери самое необходимое в маленький сундучок и держи свои приготовления к отъезду в секрете. Мы отплываем через шесть дней. Будь готова!

Я радостно кивала в ответ, но мысли мои путались. Как я смогу уместить все дорогие моему сердцу вещи в один маленький сундучок? Как мне расстаться с семьей и друзьями, не попрощавшись? Я любила Уилла, и только в этом я была уверена. Возможно, что этой любви достаточно. Возможно, по прошествии многих лет, когда мы с ним уже будем женаты, заживем на далеком острове и вырастим детей, мы сможем вернуться на родину.

Я изо всех сил старалась скрыть от окружающих грядущую перемену нашей участи, раз за разом стирая с губ улыбку, с которой предвкушала скорое отплытие, ведь наше бегство позволяло нам оставить все беды и горести за бортом. Я должна была тщательно подготовиться к путешествию и сделать это в строжайшей тайне.

Из хранилища в замке Байнард^[23] я извлекла на свет божий мой старый верный сундучок, который долгое время пролежал там без дела. Позолоченные инициалы под замком стали почти совсем неразличимыми. В него я положила молитвенник, которым пользовалась с детства, две миниатюры — портреты моей матери^[24] и бабушки, мой самый теплый плащ, нижние юбки и сапожки для верховой езды, несколько одеял, которые, как я надеялась, понадобятся для моих детей — одно из них укрывало меня в колыбели, — и маленький кошелек с серебряными монетами. В нем хранились все деньги, которыми я располагала, хотя, честно говоря, я не очень понимала, для чего мне понадобятся серебряные монеты на том далеком острове, который пока что даже не имел названия. Поручив сундук заботам лодочника с Темзы, который пообещал доставить его на «Эглантин» в ночь перед отплытием, я постаралась хоть немного успокоиться, чтобы пережить оставшиеся до бегства шесть дней. Но я была так взволнована предстоящим плаванием, что почти не могла спать. А когда после долгих часов бессонницы мне все же удавалось забыться, мне снилось глубокое синее море, которое будет милостиво к нам, и слышался голос Уилла: «...мы будем всецело принадлежать друг другу...»

На четвертый день моего ожидания мне пришло письмо. Его доставили в покои королевы из обители Святой Агнессы, располагавшейся недалеко от столицы. Я терялась в догадках, кто же мог мне писать, но решила прочитать письмо в одиночестве. Опустив послание в карман, я вскрыла его только вечером, когда никого рядом не было.

«Джейн, умоляю, помоги мне!» — прочла я первую фразу, написанную дрожащей рукой. Строки съехали вниз, буквы, как пьяные, отчаянно цеплялись друг за друга. Я узнала почерк. Письмо было от Кэт, жены моего брата Неда. «Вся семья ополчилась против меня, — писала она. — Навести меня в обители Святой Агнессы, как только сможешь, и я тебе все расскажу. Твоя сестра Кэтрин Филлол».

Я не знала, что и подумать об этой записке, но оставить без ответа призыв невестки не могла. Жена Неда была значительно старше меня — почти на семь лет, — и мы никогда не считались закадычными подругами, однако всегда находили друг для друга теплые слова при встрече, как и полагается членам одной семьи. Кэт просватали за Неда по соглашению между домом Филлолов и домом Сеймуров, и браком по любви их союз так и не стал. Кэтрин была высокой, непривлекательной женщиной, чьи манеры ясно давали понять: она

слишком хорошо знает о том, что напрочь лишена красоты, изящества и обаяния. Одежды Кэт шила из дорогой ткани, но темных, унылых расцветок. Она даже не удосужилась найти себе такого портного, который сумел бы создать для нее туалеты, выгодно подчеркивающие статность ее фигуры, или тех цветов, которые были бы ей к лицу. Я не раз предлагала ей воспользоваться услугами мистера Скута, но она недвусмысленно дала понять, что не собирается нанимать его, хотя и поблагодарила меня за отзывчивость.

Думаю, что в глубине души Кэт была о себе как о женщине крайне невысокого мнения. Она считала, что ее выбрали только по причине ее богатого наследства, которое приумножалось под рачительным управлением Неда. Если бы не ее приданое, Нед бы на ней никогда не женился, потому что никогда не любил ее. Впрочем, Нед ни одну женщину не любил.

Любовь, по его словам, — всего лишь ловушка для дураков, верный способ утратить трезвость ума и ясность суждений. Любовь проходит стремительно и чаще всего оставляет только горечь и разочарование. Когда я слышала такие высказывания брата, я не могла не испытывать к Кэт жалости. В то же время она прекрасно, понимала, что благодаря своему богатству остается желанной. При дворе бытовало убеждение, что браки заключаются с целью получения денег, земель, влияния — и высокого положения, сопутствующего им. Тот, кто думал иначе, был либо простаком, либо бесплодным мечтателем.

Когда я читала письмо, в котором Кэт умоляла о помощи, и особенно ту его часть, где говорилось о том, что семья повернулась к ней спиной, я остро пожалела, что в прошлом проводила с ней так мало времени и не узнала ее получше. Меня извиняло то, что виделись мы редко: она большую часть времени проводила в поместье Неда, а Нед почти полностью посвятил себя службе при дворе. Жизнь она вела тихую и не богатую событиями. Ее устраивал такой порядок вещей — во всяком случае мне так казалось.

Я ни минуты не колебалась и тотчас отозвалась на призыв о помощи моей невестки. Покинув покои королевы, как только смогла, я оказалась в обители в то время, когда святые сестры ушли к вечерне. Меня пропустили за ворота монастыря и отвели к Кэт. Оказалось, что ее стерегут и держат под замком. Двое ее маленьких сыновей, Генри и Джон, спали на груди одеял в углу почти пустой, тускло освещаемой кельи. Кэт бросилась ко мне, жаждая рассказать о своих бедах. Я никогда не видела ее такой страдающей.

— В чем дело? Почему ты здесь? — спросила я. — Позволь мне отвезти тебя домой.

— Я не могу вернуться домой! — всхлипнула она. — Нед запретил. Он отправил меня сюда и заплатил монахиням, чтобы они держали меня здесь до самой моей смерти.

— Что нашло на моего брата? Почему он повел себя так жестоко?

— Он считает, что я втоптала в грязь семейную честь Сеймуров. Он называет меня орудием дьявола.

Я покачала головой, не в силах поверить ни одному ее слову.

— Джейн, умоляю, выслушай меня! — продолжала моя невестка. — Я скажу тебе правду, и пусть Господь покарает меня, если я лгу! Твой отец сделал меня своей любовницей. Клянусь, это случилось против моей воли. Он пригрозил навсегда забрать у меня моих детей, если я не лягу с ним в постель. Мне пришлось согласиться. Уверяю тебя, я не хотела этой связи!^[25]

Я почувствовала, что во мне растет какое-то смутное, но крепнущее с каждой секундой чувство. Я сделаю все от меня зависящее, чтобы воспрепятствовать посягательствам моего отца на молодых женщин. Сначала сестра Уилла, теперь жена брата. Скольких еще он уже

соблазнил? Скольких он погубит, пока его не остановят?

— Нед застал нас, — продолжала Кэт. — Он пришел в ярость. Твой отец оболгал меня. Он сказал, что я вела себя хуже, чем трактирная шлюха, и предлагала себя первому встречному. Он сказал, что я не достойна быть ни женой Неда, ни матерью наших сыновей.

Я бросила взгляд на спящих мальчиков, моих племянников, таких маленьких и беззащитных.

Кэт зарыдала:

— Нед заявил, что дети не от него. Что теперь, когда он узнал обо мне всю правду, он не может признать их своими. Но он ошибается, Джейн. Наши сыновья родились задолго до того, как твой отец начал домогаться меня. И я всегда была верной и преданной женой твоему брату.

— Я поговорю с Недом, — твердо сказала я.

Кэт тоскливо понурила голову.

— Он не захочет тебя слушать.

— Я сделаю все, что смогу.

— Джейн, умоляю, проследи, чтобы с детьми не случилось ничего плохого. Я люблю их больше всего на свете.

— Я знаю, Кэт. Ты — прекрасная мать.

Она подошла к груде одеял, на которых спали малыши, склонилась над ними и тихонько принялась гладить детские головки.

— Их отец отказался от них — но в них течет кровь Сеймуров. Клянусь!

— Тебе не разрешат оставить их здесь, чтобы они были при тебе?

Кэт отрицательно покачала головой:

— Они смогут пробыть со мной всего несколько дней...

Картины моей будущей жизни с Уиллом вдруг отошли на задний план, надежды на наш брак показались призрачными. Если я не смогу заставить Неда изменить его суровое решение, если я не смогу найти кого-нибудь еще в моей семье, кто приютит детей, мне придется взять их под свою опеку. Я тяжело вздохнула.

— Я позабочусь о них, Кэт, — пообещала я, — чего бы мне это ни стоило.

— Мне некогда, Джейн, — бросил мне Нед еще до того, как я успела сказать ему хоть слово.

Но я уже была в его кабинете и решительной походкой приблизилась к массивному письменному столу, заваленному документами и книгами и загроможденному стопками бумаг и чернильницами. Мой брат даже не соизволил взглянуть на меня, поскольку был слишком поглощен чтением документов и заполнением громадного свитка, развернутого на столе и прижатого с двух сторон тяжелыми печатями. Нед всем своим видом давал понять, что мне не стоит даже пытаться завести с ним разговор о предмете, который он не желал обсуждать. Но так просто ему от меня было не избавиться.

— Я виделась с Кэт, — начала я. — Ты поступаешь с ней несправедливо и немилосердно. Я считаю, что она — жертва похоти нашего отца. Вины на ней нет. Она достойна жалости и прощения, а не наказания!

— Неужели? А что может знать о похоти моя непорочная сестрица?

— Я знаю, что наш отец соблазнил сестру Уилла Дормера.

— Дормеры пытаются убедить в этом весь свет, чтобы скрыть правду о девчонке. Она — воплощенная Иезавель^[26].

— Нед! Ей всего-то четырнадцать лет! А нашему отцу — пятьдесят.

Я заметила, что брови Неда дрогнули от изумления. Очевидно, он не знал, что Марджери Дормер так юна. Но он ничего мне не ответил.

В комнату торопливо вбежал гонец, вручил Неду запечатанный пакет со словами «Для кардинала!» и исчез. Нед сломал печать и начал внимательно читать бумаги — или притворился, что читает. Он сдвинул брови и, казалось, полностью сосредоточился на тексте. Губы его зашевелились. Я хотела подождать, пока он закончит чтение, но потом поняла, что он не собирается возобновить наш разговор. Он демонстративно продолжал изучать документ, который сжимал дрожащей рукой, и только и ждал, когда я оставлю его в покое.

Но последнее как раз и не входило в мои намерения.

— А наша мать знает, что ты распорядился заточить свою жену в монастыре Святой Агнессы? — спросила я.

По тому, как Нед упрямо сжал зубы, я поняла, что задала неудобный для него вопрос.

— Не сейчас, Джейн — отчеканил он.

Пока он говорил, в комнату зашел еще один человек. Нед дал ему какие-то распоряжения и ускакал прочь.

— Я должна знать. Что мне сказать маме, когда я с ней увижусь?

— Сколько можно повторять — не сейчас! — впервые с начала разговора Нед посмотрел мне в глаза, и я почувствовала, что его раздражение оборачивается гневом. — Ты что, не видишь, что я занят Великим Королевским Делом?^[27] Неужели ты не понимаешь важности момента?

— Важность момента я осознаю не хуже тебя, — отпарировала я. — Но мы с тобой здесь не о пустяках болтаем. Речь идет о твоей жене, Нед, твоей семье и твоих сыновьях.

Брат в сердцах швырнул на стол документ.

— Это не мои сыновья! Я не знаю, кто их отец... или отцы!

— Ты не можешь так просто отказаться от них! Это несправедливо!

— Я не отвечаю за плоды грехов моей жены, — процедил Нед сквозь зубы.

— Они — не плоды греха, Нед. Они — дети. Они похожи на тебя, если не характером, что только к лучшему, то уж внешне они — вылитый ты сам. Они — Сеймуры. И если ты собираешься бросить их на произвол судьбы, то от меня ты этого не дождешься.

— Ублюдки моей жены никогда больше не должны попадаться мне на глаза. Разговор окончен. А теперь я должен срочно доставить эти бумаги кардиналу.

С этими словами Нед прошествовал мимо меня и вышел из комнаты. Губы его были крепко сжаты, подбородок упрямо выпячен, а весь облик отвергал любые воззвания к разуму и милосердию. Дверь захлопнулась, словно Нед отрезал от себя всю свою прежнюю жизнь, неудавшееся отцовство и постылый брак.

Мне оставалось только смотреть ему вслед и проклинать его жестокосердие. Теперь только я, и никто другой, могла изменить к лучшему судьбы юных Генри и Джона.

Я забрала у лодочника с Темзы свой сундучок и, заострив сердце мужеством, приготовилась сообщить Уиллу о том, что нашим общим планам не суждено сбыться. Но

этого не понадобилось. Уилл, понурый и опечаленный, сам пришел ко мне накануне той ночи, когда мы должны были бежать.

— Мы не сможем уплыть отсюда, — горестно прошептал он. — «Эглантин» оказался ненадежной посудинкой. Два дня назад корабль попал в шторм и потерпел крушение у Шуберинесса^[28]. «Эглантин» камнем пошел ко дну, и даже обломков его не прибило к берегу, словно он канул в небытие.

Всего за одну ночь Анна Болейн стала самой обсуждаемой фигурой при дворе. Начало слухам положил главный королевский егерь, который под большим секретом поведал своим псарям и конюхам — а те тут же передали дальше, — что когда король Генрих находился в своем загородном имении, он послал Анне оленя, добытого им в тот день. А к добыче прилагалось то, что посыльный назвал егерю — шепотом, конечно — любовным посланием.

Не успели эти вести распространиться дальше, каким на смену уже неслась новая молва: король вновь послал Анне подарки, присовокупив к ним записку, а она в ответ отправила ему свои дары и письмо. Скоро все уже шептались о том, что король и Анна тайно встретились в уединенном домике в лесу, под надежной охраной, и что они обменялись поцелуями и не остановились на этом.

История имела последствия, пересказывавшиеся с еще большим оживлением и трепетом: оказывается, король призвал к себе своих советников и потребовал от них составить такую петицию Папе, чтобы тот объявил нынешний его брак с Екатериной недействительным, как будто бы его и вовсе не было! Тогда король вновь станет холостяком, вольным жениться на любой женщине по своему выбору.

Вот это и называлось теперь Великим Королевским Делом, о котором толковал мне мой брат Нед, — важнейшим и наипервейшим для верных слуг короля.

Отсюда следовало, что поток слухов и сплетен вокруг Анны возник неспроста: именно она будет новой супругой Генриха, как только наш монарх сможет избавиться от Екатерины, и последнее казалось твердо решенным.

Никто из тех, кого я знала, не считал Анну красивой. Лавиния Терлинг, Беси Блаунт и сестра короля Мария — вот кто числились первыми красавицами при дворе. Анну даже нельзя было назвать хорошенькой, в отличие от ее сестры Марии, привлекавшей кавалеров нежным взором, пышными формами и веселым, покладистым нравом. Далеко Анне было и до соблазнительной Бесс Холланд, не говоря уже о роскошной Маргарет Айленсфорд, которая одно время была любовницей кардинала Вулси и жила в королевском дворце, поскольку ее брат был одним из духовников королевы Екатерины.

Белокожие, голубоглазые блондинки с томными голосами и приятными манерами — вот кем восхищались мужчины. Анна была смуглой как цыганка, с горящими темными глазами, гривой черных жестких волос и несносным характером. В гневе ей просто удержу не было, а гневалась она часто. Еще поговаривали, что у нее есть какой-то скрытый телесный изъян. Были изъяны и явные: на смуглых щеках Анны остались отметины от оспы, а один палец на конце раздваивался так, что казалось — пальцев два. «Дьяволова отметина», — заявила Мария де Салинас, и прочие придворные дамы королевы согласно закивали в ответ.

Я хорошо помнила все, что рассказала мне Бриджит про Анну, особенно про ее соперничество с собственной сестрой. Мария Болейн Кэри была любовницей короля на протяжении нескольких лет. Пыталась ли Анна соблазнить Генриха, чтобы взять верх над Марией? По мнению Бриджит, она была достаточно испорченной для этого. Но была ли она достаточно привлекательной? Ведь ей уже почти двадцать пять (злые языки поговаривали,

что даже больше), а она все еще не замужем. По какой причине? Неужели ее дядя, могущественный герцог Норфолк, давно вынашивал замыслы отдать ее в жены нашему королю, подобно тому, как собирался устроить брак Генри Фицроя и своей дочери Мэри? Возможно, герцог считал, что королева Екатерина скоро умрет, истощив тело свое многочисленными деторождениями, и Анна займет ее место...

Пересудам не было конца, кто-то осуждал Анну, кто-то завидовал ей, а она чувствовала себя в море всеобщего внимания как рыба в воде и с каждым днем становилась все более заносчивой и надменной. Она не снимала золотой браслет — подарок короля, — на котором были выгравированы два переплетенных сердца, и еще лук и стрела Купидона. Анна беспрестанно взмахивала рукой с браслетом, чтобы все кругом могли увидеть этот дар любви. Когда ее спрашивали о нем, она отмалчивалась, самодовольно усмехалась, сверкала своими беспокойными черными глазами, а потом задирала нос и с таинственным видом удалялась.

Хотя все разговоры велись тогда об Анне, я по-прежнему думала только о себе и лелеяла свои собственные душевные раны. А раны эти болели! Ведь я потеряла Уилла... Потеря эта оказалась слишком тяжела, потому что я убедила себя в том, что теперь, после разрыва нашей помолвки, у меня нет будущего. Я чувствовала себя униженной и опозоренной и обвиняла в этом своего отца. Из-за его греховных и необузданных страстей позор пал на всю нашу семью, оставив меня без надежд и чаяний.

Честно говоря, я никогда не любила своего отца, потому что он был резок и скор на расправу даже со своими родными детьми. Теперь же я его возненавидела так сильно, как никогда и никого в своей жизни. Мне было противно находиться с ним в одной комнате, видеть его — должна признать, был он мужчиной видным, хотя и грубоватым на лицо и манеры, — слышать его громкий пронзительный голос, проходить мимо него, случайно касаться его. Особенно меня раздражала его манера громко и бесцеремонно смеяться, откидывая крупную голову и встряхивая поседевшей копной волос. Буквально все в отце злило меня безмерно и заставляло — прости меня, Господи! — желать ему смерти.

У меня были на то причины. Похоть моего отца стала препятствием моему браку с любимым человеком и исковеркала жизнь Неда и его детей. Его ложь и предательство разрушило репутацию по крайней мере двух женщин, не говоря уже про служанку, и у меня были все основания считать, что его жертв гораздо больше. Я верила в невиновность Кэт и пребывала в уверенности, что сестра Уилла также вступила в связь с моим отцом не по своей воле.

Единственным утешением служило мне то, что отец мой постоянно мучился подагрой, и ему делалось все хуже и хуже. Во время приступов крики боли и жалобы становились громче с каждым разом.

— От подагры можно умереть? — спросила я нашего врача.

Доктор замешкался с ответом и наконец признался:

— Никогда не слышал, чтобы от подагры умирали, но чем черт не шутит...

Такой ответ, да еще с упоминанием черта, меня не удовлетворил. Оставалось лишь рассчитывать на то, что болезнь заберет все силы родителя и у него их просто не останется на преследование других женщин.

Когда моя мать прибыла ко двору (а делала она это крайне редко), я не могла заставить себя посмотреть ей в глаза. Что знала она о деяниях своего мужа, о чем подозревала? Конечно же, он лгал ей, как и Неду, а она ему верила, потому что хотела верить. Я знала, что

Кэт матери нравилась, а уж в обоих внуках она души не чаяла. «Наверняка мама скучает по ним», — думала я, но она старалась вообще не заводить о них разговор.

Мои юные племянники были тайно перевезены в Кройдон^[29], где их поселили в доме Томаса Тирингэма, давнего друга и верного слуги нашего короля. Я устроила так, чтобы дети оставались там инкогнито. Слугам Тирингэма сказали, что мальчики стали сиротами после болезни и смерти их матери-судомойки с королевской кухни и о них, якобы, пожелал позаботиться сам король.

Я наняла няньку и двух служанок, которые ухаживали за братьями, а сама старалась навещать их так часто, как только позволяли мне мои обязанности при дворе королевы. Генри едва исполнилось три года, а Джону — два, и они, конечно, мало что понимали, но отчаянно скучали по матери. Как сказала мне их нянька, каждую ночь они плакали и звали маму. Я не могла заменить ее детям, но они всегда встречали меня улыбкой и радовались моим подаркам. Проводя время с мальчиками, я старалась обнять их покрепче, рассказывала им, как сильно я их люблю, — словом, пыталась подарить им немного ласки.

Каждый день я спрашивала себя: какая участь их ждет? Что будет, когда им скажут правду о том, кто они на самом деле? Когда это случится? Как они это воспримут? Ответов на эти вопросы у меня не было. Их судьба была чем-то сходной с моей. Сейчас они просто плыли по течению и не знали, что ждет их за поворотом реки, именуемой «жизнь». Отец от них отрекся, от матери их забрали, никто из семьи не пришел к ним на помощь, и у них не было никого, кроме меня. Я поклялась, что не оставлю мальчиков своим попечением, чего бы мне это ни стоило, и не открою до времени враждебному миру, кто они и где находятся.

— Где моя госпожа, где повелительница моего сердца? — могучий голос короля скорее весело, чем повелительно, зазвучал в покоях королевы. — Где моя леди Анна, радость моя, свет моей жизни?

Я вздрогнула от неожиданности.

Король буквально ворвался в зал, где Екатерина сидела за вышивкой в окружении нас, своих фрейлин. Ее любимая чтица Джейн Попинкорт читала нам вслух жизнеописания святых, пока мы были заняты рукоделием.

При звуках королевского голоса чтение прервалось. Мы встали и склонились в глубоком поклоне. Генрих протянул руку Анне, которая при этом украдкой бросила взгляд на королеву. Екатерина не поднялась с кресла и не поклонилась супругу, она продолжала вышивать, казалось бы, не обращая внимания ни на него, ни на Анну, и лишь ее внезапно запыхавшие впалые щеки выдали ее волнение. Анна отважно поднялась навстречу королю и приняла протянутую ей руку Генриха, унизанную перстнями. Король сделал знак, чтобы те, кто оставался за дверью, вошли следом за ним. Оказалось, что он явился в сопровождении музыкантов с барабанами, свирелями и виолами. Они заиграли танцевальную мелодию, и Генрих повел Анну в быстром танце, выделывая затейливые коленца так лихо, словно сбросил с плеч половину своих лет. Наш повелитель выглядел очень довольным собой, то привлекая к себе, то отпуская свою партнершу, как того требовал танец, и ни разу не сбившись.

— Какая прекрасная музыка, — услышала я слова королевы, обращенные ею к мужу, когда она на минуту оторвалась от вышивания. — Вы сами ее написали, друг мой?

Король не обратил внимания на реплику жены.

— А она очаровательно танцует, моя малютка! — воскликнул Генрих, словно желая разделить свой восторг со всеми присутствующими.

— Как трактирная шляха, — пробормотала Мария де Салинас.

Эти слова услышала не только я. Король выпустил руку Анны и в мгновение ока оказался перед Марией.

— Что вы сказали? — резким тоном спросил он.

Надо отдать ей должное, Мария де Салинас была не из трусливых. Она посмотрела прямо в глаза королю, и ее взгляд источал неприкрытую злобу.

— Ничего, — ответила она тоном, в котором кипело негодование. Казалось, что ее испанский акцент стал еще более заметным. — Я всего лишь чихнула.

— Так вы чихаете на мою госпожу, леди Анну? — голос Генриха зазвенел страшным гневом. Не убоявшись, испанка втянула носом воздух и громко и нарочито чихнула в сторону Анны.

— Вон отсюда! — вскричал король, указывая на дверь.

— Но, мой господин... — начала Екатерина.

— Замолчите, мадам!

Мария де Салинас медленным шагом направилась в сторону королевы, но Екатерина едва заметно покачала головой. Мария замерла, пробормотала какое-то испанское проклятье и вышла из зала.

— Проследите, чтобы ее духу не было при моем дворе, — рявкнул король, обращаясь к Гриффиту Ричардсу, церемониймейстеру королевы, который поклоном подтвердил, что приказ будет исполнен.

В это время Анна, осознавая, что взоры всех в зале обращены на нее, подошла к креслу, где сидела королева. Екатерина невозмутимо продолжала работать иглой.

— Еще один алтарный покров? — спросила Анна сладким голосом, рассеянно теребя свободный конец полотна, лежавшего на коленях Екатерины. — Или новая подушечка для аналоя?

Анна улыбалась, но улыбка ее, на мой взгляд, больше напоминала гримасу.

— Господь любит красивые вышивки, — добавила она, бесцеремонно комкая ткань.

— Господь любит добродетель и скромность, — заметила королева, не поднимая глаз от вышивания.

— И плодовитость, — быстро нашлась Анна. — Плодовитость — самая большая добродетель женщины.

Королева бросила нарочитый взгляд на живот Анны и усмехнулась. Этот взгляд не остался без внимания ни Анны, ни всех нас.

— Женщина в двадцать пять лет, — заявила Инес де Венегас, как будто бы разговаривая сама с собой, — должна уже быть замужем, чтобы доказать свою способность к деторождению. Если у нее, конечно, нет какого-нибудь недостатка... — она подняла руку, — например, лишнего пальца. Немного найдется мужчин, которые захотят взять в жены такую женщину.

С этими словами Инес громко чихнула, и все мы тут же тоже принялись чихать.

— Довольно! — воскликнул король и подал знак музыкантам.

Те вновь заиграли ту же мелодию. Генрих привлек к себе Анну еще теснее, чем в прошлый раз, и они пошли по кругу, сознательно заменяя одни па другими, делавшими их танец еще более откровенным. Король так крепко обнял Анну, что теперь их груди плотно

соприкасались, а затем неожиданно отпустил, и она едва не упала, но не растерялась, а лишь отвечала ему дерзкой улыбкой и смехом. Король приблизил свое лицо вплотную к лицу Анны, коснулся губами ее щеки, что-то зашептал на ухо, а затем схватил за запястья и завел ее руки за спину, чтобы она не могла вырваться из его объятий.

Я отвернулась, не в силах долее наблюдать эту постыдную сцену. И не потому, что она была исполнена сладострастия, а потому что король и Анна сознательно унижали королеву Екатерину, выставляя напоказ свою связь, в которой теперь уже мало кто сомневался. Более того, они словно бы вызывали королеву на грубости и упреки, как сделали это Мария Салинас и другие испанки.

Клянусь Богом, я никогда не отличалась ханжеством. Наши с Уиллом поцелуи и объятия были одновременно и нежными, и страстными, хотя мы и отказывали себе в последнем удовольствии, венчающем любовное чувство, оставляя его про запас на нашу первую брачную ночь. Но мы никогда не миловались на людях и никого не пытались уязвить зрелищем своей любви.

— А теперь, мадам, скажите, что выдумаете о нашем танце? — спросил Генрих, обращаясь к жене, когда музыка смолкла.

Несмотря на лихую пляску, он почти не запыхался, тогда как Анна, стоявшая рядом с ним, тяжело дышала и покраснелась, а ее черные глаза сверкали от возбуждения. Ответ королевы не заставил себя ждать.

— Король оказывает честь моим фрейлинам, приглашая их на танец, — спокойно проговорила она. — А оказывая честь им, он оказывает честь и мне.

С этими словами она вернулась к своему вышиванию, а все мы, отложившие рукоделие на время танца, последовали примеру нашей госпожи. Король раздраженно пожал плечами и поспешил удалиться, а музыканты последовали за ним.

Анна осталась стоять, строптиво вскинув голову и нетерпеливо притопывая. Потом свистом подозвала свою маленькую собачку, которая впрыгнула к ней на руки и принялась облизывать ей лицо. Наступила тишина, и тут я чихнула. Моему примеру последовала Бриджит, потом испанские придворные дамы, а вслед за ними и остальные фрейлины. Королева не могла не улыбнуться такому проявлению нашей преданности. Анна в бешенстве топнула ногой.

После этого по знаку Екатерины Джейн Попинкорт возобновила чтение. Она принялась за историю святой Клотильды^[30] — одинокой христианки в окружении язычников-франков, которая в стародавние времена проявила неслыханное терпение и стойкость перед лицом жестокости и унижений со стороны варваров, прощая врагов своих и с кроткой улыбкой вверяя себя милости Божьей.

— Принц едет! Дорогу принцу!

Пыль летела столбом из-под копыт двух всадников, пустивших своих коней вскачь на узкой дороге. Они криками и ударами хлыста расчищали путь среди тяжело груженных телег, странствующих торговцев, пеших крестьян и пилигримов, тянувшихся к мощам святой Герты.

Я ехала в Кройдон, в имение Томаса Тирингэма, чтобы навестить племянников, когда мое продвижение было остановлено появлением этих всадников. Я завернула свою лошадь в кусты, росшие по обеим сторонам дороги, и разрешила ей немного пощипать сухую,

пыльную траву. Скоро пыль улеглась и на дороге появилась небольшая процессия.

Впереди на мощном коне красовался герольд в пышных одеждах цветов короля. За ним ехали пятеро стражей, вооруженных алебардами, которые пытались держать строй, несмотря на то, что дорога была слишком узкой и разбитой. Они охраняли сверкающий серебром паланкин, украшенный затейливым узором. Пурпурные бархатные занавески с серебряной окантовкой скрывали того, кто находился внутри, но недолго. Чья-то рука отдернула занавески, и в окне показалось бледное лицо маленького мальчика. Я узнала Генри Фицроя, которого теперь по приказу короля следовало называть принцем, хотя он был только герцогом.

Роскошный паланкин был вполне под стать высокому титулу его юного пассажира, но в бледном детском лице не было ничего королевского. Ребенок выглядел испуганным и больным. Я подумала, что толчки и тряска, которых не могли избежать носильщики, двигаясь по разъезженной дороге, укачали юного герцога до тошноты.

— Опустите паланкин! — велел он слабым голосом.

Сперва принца не слышали за кудахтаньем кур, криками ослов, громкими голосами путников и стуком тележных колес. Но после того, как он прокричал одно и то же несколько раз, паланкин наконец опустили.

Мальчик отдернул полог, служивший дверцей паланкина, и выбрался наружу. Он закрыл глаза и опустился на корточки среди дороги, не обращая внимания на то, что его одежда, состоявшая из кремовых шелковых штанов, парадных башмаков с серебряными застежками и белой рубашки из такого тонкого полотна, что через него была видна кожа, страдает от дорожной грязи и пыли. Шапочка с яркими перьями упала с его головы, но малышу, казалось, не было дело до этого.

Я не сводила глаз с наследника и увидела, что шестеро всадников, двигавшихся в хвосте процессии, подъехали ближе, спешили и окружили сгорбившегося мальчика. Я слышала, как он кашляет. Вся процессия замерла, пока эти шестеро — а я узнала в них королевских лекарей, которые везде сопровождали Генри Фицроя, — осмотрели своего пациента и принялись обсуждать его состояние друг с другом. Наконец они влезли обратно на своих коней, и пышная кавалькада продолжила свой путь, но стала двигаться гораздо тише. Моя лошадь оказалась оттерта телегами и всадниками далеко от серебристого паланкина, и я начала волноваться, что путь мой окажется гораздо дольше, чем следовало, и племянники, которые весьма привязались ко мне, расстроятся и заплачут, если я не приеду вовремя.

Вскоре процессия опять остановилась, и теперь юный Фицрой, не дожидаясь, когда его врачи спешатся и доберутся до него, почти выпал из паланкина, неверными шагами добрался до обочины, и там его вырвало.

Никто не пришел к нему на помощь.

Извергнув содержимое желудка, мальчик умылся в грязном ручейке и с трудом забрался обратно в свое качающееся средство передвижения.

Не желая опоздать на встречу с племянниками, я хлестнула свою лошадь и поскакала по краю дороги вперед в объезд процессии. Паланкин, качаясь, по-прежнему передвигался неторопливо, предшествуемый герольдами, громко требующими дать дорогу принцу. Я прищипорила свою добрую лошадку, и она послушно и споро понесла меня по направлению к Кройдону.

После крушения «Эглантина» Уилл больше не упоминал о возможности нашего с ним бегства к далеким берегам, но по его поступкам чувствовалось, что он не потерял надежду на наше с ним совместное будущее. Он отказался подчиниться требованию своей семьи и жениться на девушке из рода Сидни. Мой возлюбленный твердил, что ждет одну меня и никогда не сможет полюбить другую. Меня до слез трогали его слова, но я отказывалась обсуждать с ним эту тему, потому что холодный рассудок подсказывал мне — все против нас. Но, даже погружаясь в тоску и отчаянье, я не хотела расстаться с последним лучиком надежды: вдруг случится чудо, и мы с Уиллом сможем зажить своей собственной жизнью вдали от запретов и ограничений королевского двора, вдали от наших родителей с их произволом и сластолюбием.

Я слишком хорошо понимала, что, приняв на себя по собственному выбору заботу о своих племянниках, возложила на себя определенное бремя, — но оно меня не тяготило. Более того, общение с этими детьми придавало мне бодрости, я хотела вырастить их достойными людьми и не оставлять их в дальнейшем своим попечением. Генри и Джон, несмотря на рано выпавшие на их долю несчастья, сейчас чувствовали себя хорошо. Они все еще скучали по матери, но перестали плакать и звать ее по ночам. Про отца они не вспоминали, что не удивительно: Нед даже в те годы, когда они еще были одной семьей, редко видел своих сыновей. Он почти все время проводил при дворе, занимаясь поручениями кардинала Вулси и своей собственной карьерой. Сейчас мальчики совершенно забыли его или так мне казалось. Во всяком случае, они ни разу не заговаривали о нем.

Я со своей стороны прекратила всякие попытки убедить Неда возродить семью, выпустить жену из монастырского заточения и признать детей своими. Моя невестка Кэт день за днем, месяц за месяцем томилась в четырех стенах, лишённая поддержки родственников и друзей, и мне не позволялось ни навещать ее, ни писать ей. Никто в семье и среди слуг никогда не упоминал ее имени, а Нед начал поговаривать о том, чтобы вновь жениться. Как и наш король, он изыскивал способ объявить свой первый брак недействительным или, как говорили крючкотворы-законники, «ничтожным». Мы при дворе все больше и больше привыкали к этим заковыристым словечкам по мере того, как Великое Королевское Дело совершенно отодвинуло на задний план прочие вопросы государственной важности. Но я знала, что Кэт — не «ничтожество», не бестелесный призрак прошлого, а женщина из плоти и крови, и потому никогда не забывала о ней и ее печальной участи.

Тем временем наш король устроил настоящую осаду своей супруги, ежедневно штурмуя бастионы ее неколебимого достоинства и требуя подтвердить «ничтожность» их брака. Он приводил тысячу доводов, пытаясь сломить сопротивление Екатерины и уязвить ее гордость. Как-то раз мы услышали из его уст следующее:

— Прислушайтесь к голосу разума, мадам, — настаивал король. — Вы должны немедленно оставить двор и уйти в монастырь. Неужели вы не понимаете, что вам здесь не место! Ведь вы — не моя законная жена!

Екатерина что-то ответила ему, но таким тихим голосом, что разобрать ее слова было невозможно.

— Мы с вами жили все эти годы во грехе! — продолжал король. — Вы должны покаяться. В стенах святой обители вам надлежит молиться о прощении и попытаться начать новую жизнь.

Споры Генриха и Екатерины всегда шли по одной накатанной дорожке: он приводил доводы, убеждал, настаивал, а она не поддавалась, и ничто не могло поколебать ее уверенность в своей правоте. И каждый раз король срывался, повышал голос. Так было и на этот раз. Король в раздражении воскликнул:

— Я уже сто раз говорил вам, мадам, что все священнослужители Англии ополчились против меня. Они твердят, что я испытываю долготерпение Божие, поелику сожительство с женой умершего брата. Ибо в Книге Левит сказано: «Если кто возьмет жену брата своего: это гнушно; он открыл наготу брата своего, бездетны будут они»^[31].

Тут стоит заметить, что капелланы Екатерины не уступали королю в знании Святого Писания и научили ее, как отвечать на этот аргумент. В этот раз мы услышали, как королева необычным для себя резким и громким голосом произнесла:

— Послушайте и вы, милорд, что говорит Второзаконие на этот счет: «Если братья живут вместе и один из них умрет, не имея у себя сына, то жена умершего не должна выходить на сторону за человека чужого, но деверь ее должен войти к ней и взять ее себе в жены, и жить с ней»^[32]. Вы бы совершили грех, милорд, *не* женившись на мне после того, как ваш брат Артур скончался, оставив меня вдовою.

После этих слов Екатерины Генрих грубо выругался и вновь начал требовать, чтобы она удалилась в монастырь прочь с его глаз. Я подумала, что будь Его Величество герцогом Норфолком или моим братцем Недом, он бы не пускался в споры, а отдал бы приказ своим стражникам схватить королеву и запереть в монашеской келье. Но, видно, не таким он был по натуре. Вдобавок ко всему он прожил с Екатериной не сказать, что в любви, но в достаточном согласии, почти двадцать лет.

Возможно, нерешительность короля объяснялась не столько его характером, сколько родственными связями королевы. Во всяком случае так считал Нед — а ему в этом можно было доверять, ибо он с головой погрузился в Великое Королевское Дело и разбирался в нем как никто другой. Племянником Екатерине приходился император Карл V — самый могущественный правитель Европы^[33]. Под его владычеством находилась громадная территория, он командовал многочисленными армиями. К нему с серебряных рудников Нового Света стекались неисчислимые сокровища. И этот монарх считался защитником королевы Екатерины — или она хотела в это верить. Генрих никогда не рискнул бы заключить свою супругу в тюрьму или причинить ей иной вред, ибо в противном случае навлек бы на себя гнев грозного императора с его полками в тот момент, когда — опять же по словам Неда — казна нашего короля была пуста и боеспособным войском он похвалиться не мог.

Да, король Генрих страшился причинить Екатерине телесный вред, но он наносил ей жестокие душевные раны. Он запретил ее любимым испанским придворным дамам появляться при дворе и многих распорядился выслать в Испанию. Королева плакала целыми днями — ведь эти женщины всю жизнь были ее задушевыми подругами и наперсницами. Пусть Ее Величество по-прежнему благоволила мне и дарила мне свое доверие, разве могла я заменить в ее сердце дорогих ей испанских дам. Более того, король сумел уязвить Екатерину еще сильнее — он разлучил ее с принцессой Марией. Как супруг и отец, он воистину поступил бесчеловечно! Королева страдала не только из-за того, что ее любимая

дочь, ее сокровище и свет ее жизни отняли у нее, а потому что боялась, что эта разлука станет вечной.

— Он никогда не разрешит мне увидеться с ней, — сказала мне как-то Екатерина, сокрушенно качая головой. — Даже если я сделаю все, что он желает. А я не уступлю ему, просто потому что не могу пойти на это... Бедная моя девочка! Что же с ней станется?

Согласилась ли Анна выйти замуж за короля?

Этот вопрос бесконечно обсуждался в дворцовых покоях, где мы, фрейлины, шушукались по углам, передавая друг другу то, что знали или о чем догадывались. Королева все еще оставалась королевой, но лишь до той поры, пока королевские законники и кардинал Вулси не добьются своего. Заключили ли король и его возлюбленная тайное соглашение? Предусмотрен ли этим соглашением брак между ними? Будем ли мы вскорости склоняться перед Анной так, как сейчас кланяемся королеве Екатерине? Будем ли мы обязаны почитать Анну и служить ей, как служим нашей нынешней повелительнице?

Сама мысль об этом казалась мне странной. Королева Екатерина была принцессой крови и превосходила нас по своему рождению и нынешнему положению настолько, насколько это возможно для женщины. Анна же была одной из нас. Таких девушек при дворе было сколько угодно. Болейны не имели никакого отношения к королевской семье. Конечно, нельзя не признать, что мать Анны была из семьи Говардов и приходилась сестрой высокородному герцогу Норфолку, но Говарды — это не Тюдоры. И Анна вела себя не так, как пристало благородной леди из королевского дома. Такие женщины должны быть милостивы и милосердны к тем, кто ниже их, благочестивы и набожны, полны достоинства. Анна же никоим образом не отвечала этим высоким требованиям. Хотя, возможно, она могла бы подарить королю детей. «Не исключено, — шептали мы, ощупывая взглядами ее стан, — что она уже носит под сердцем сына короля».

Бриджит, ставшая теперь леди Уингфилд, перешла из фрейлин в статс-дамы и осталась ближайшей подругой Анны при дворе. Казалось, она простила предательство своей товарки, когда та пыталась соблазнить лорда Уингфилда, и если Анна и делилась с кем-то своими секретами, то только с Бриджит. Однако, по словам новоиспеченной леди Уингфилд, Анна в разговорах с ней не проронила ни звука ни о своих отношениях с королем, ни о чаяниях на будущее.

Такая сдержанность весьма удивляла нас. Анна всегда была хвастлива и не умела хранить секреты. Она жаждала чужого внимания. «Наверное, Его Величество приказал ей молчать, — говорили мы друг другу, — и она не смеет ослушаться королевской воли».

Но о том, как на самом деле обстоят дела, лучше всяких слов говорило поведение Анны. Ее непочтительное отношение к королеве с каждым днем становилось все более явным и нарочитым, а уж на нас, фрейлин королевы, она смотрела и вовсе с недостижимой высоты. С высоты королевского трона — не иначе, как мне думалось.

Анна щеголяла в жемчугах с голубиное яйцо, в рубинах таких крупных, как ни одна женщина в мире. Эти камни могли иметь лишь один источник — королевскую сокровищницу Тауэра. В густых черных волосах Анны сверкали бриллианты. Они же украшали ее шею и лифы ее роскошных туалетов. Без сомнения, это были подарки короля той, на которой он страстно хотел жениться.

Но Екатерина все еще оставалась нашей госпожой и нашей повелительницей, и

большинство из нас по-прежнему сохраняло ей верность. Когда Анна вела себя неучтиво по отношению к королеве, мы дружно принимались чихать — так мы выказывали свое презрение и негодование. А когда она выходила к столу, кичась новым нарядом, мы норавлили как будто ненароком толкнуть ее так, чтобы она пролила вино на очередной свой умопомрачительный туалет. Да, мы вели себя низко и подло. Мы шептались на глазах у Анны и принимались хихикать столь явно, чтобы у нее не оставалось сомнений — мы насмеемся над ней. Мы подстраивали всевозможные «несчастные случаи», сами сталкиваясь с нею или ставя подножки пробежавшим мимо нее служанкам, да так часто, что она постоянно ходила в синяках и шишках. Совсем как я, когда впервые оказалась при дворе королевы и была предметом гонений ее ревнивых испанских любимиц. Мы сажали на вышитое покрывало на постели Анны маленьких собачек королевы сразу после прогулки, не вытерев им грязных лапок, мы ловили блох в тростниковых подстилках и выпускали их на шелковые простыни фаворитки короля. Анна ругалась на нас, дулась и жаловалась, но уличить нас ей не удавалось. Мы были слишком хитры и изворотливы и в большинстве случаев избегали наказания. А ведь наши шалости могли нам дорого обойтись — если королю удастся избавиться от своей супруги и жениться на Анне Болейн.

Однажды я заметила, что одна из нас, а именно Джейн Попинкорт — особа из благородной бельгийской семьи, которая, по слухам, грела постель короля в его молодые годы, когда он воевал во Франции и отдыхал во Фландрии, — появилась с массивным золотым кулоном на шее, украшенным огромным рубином и усыпанным гранатами. Такая вещь вполне могла соперничать с драгоценностями Анны.

— Как ты думаешь, не вернулся ли наш король к Джейн? — прошептала мне Энн Кейвконт, когда та вошла в покои королевы. — Не удивлюсь, если у него теперь две любовницы — молодая и старая, Анна и Джейн.

Джейн присоединилась к нам и усердно принялась за вышивание. Я завертела головой в надежде подсмотреть выражение лица Анны в этот момент, но этой гордычки нигде не было видно. Сама я немало поразила новому богатству фламандки, а на следующий день так и вовсе умирала от любопытства — ведь грудь Джейн теперь украшал усыпанный камнями огромный золотой крест на толстой цепи из того же благородного металла. «Не иначе как еще один подарок!» — решили мы все.

— Ты что, замуж выходишь, Джейн? — спросила Энн Кейвконт. — Твои новые драгоценности — это подарки жениха? Кто этот щедрый поклонник — высокородный дворянин с твоей родины или местный лорд?

— Я возвращаюсь домой, — сказала Джейн со своим заметным фламандским акцентом. — А что будет потом, я не знаю.

— Быть не может, чтобы у тебя не было видов на замужество, — вмешалась Лавиния Терлинг. — Твои родители, твоя семья наверняка приискали тебе выгодную партию. И приданое за тобой, верно, дадут хорошее?

— Не знаю... все возможно, — пробормотала Джейн, не глядя на нас.

Ей явно не хотелось отвечать на наши вопросы. Однако до своего отъезда она не преминула несколько раз появиться перед нами в еще более дорогих украшениях. «Что это — дары женатого любовника? — спрашивали мы друг друга, обмениваясь многозначительными взглядами. — Или неожиданное наследство привалило?»

Новые свидетельства богатства Джейн заинтриговали нас, а ее молчание — еще больше. Здесь крылась какая-то тайна, которая отвлекла нас от бесконечных пересудов о

взаимоотношениях короля и Анны. Вскоре покров таинственности только сгустился. Джейн Попинкорт отбыла на родину, ко двору герцогов Фландрских, немногословно попрощавшись с нами, но проведя последний час перед отъездом наедине с королевой, запершись в ее покоях. По истечении этого часа я увидела, что сопровождать Джейн прибыл Нед с эскортом ливрейных слуг. Он должен был проводить ее к дворцовой пристани на Темзе, где фламандку уже ждала барка, которая должна была доставить ее на корабль.

Я, сходя с ума от любопытства, пробралась к зарешеченному окну, откуда была видна лента реки и лодочки, снующие по ней. Через несколько минут появился Нед со слугами, окружавшими Джейн, одетую в дорожный плащ. Ее сундуки были перенесены на барку, а с ними и какой-то ларец — такой тяжелый, что его несли двое.

Позже я рассказала об увиденном Энн Кейвкант и Лавинии Терлинг.

— Как вы думаете, что было в том ларце? — спросила я их.

— Небось, ее новые украшения. У нее их набралось достаточно — вспомнить хотя бы эти тяжелые золотые цепи.

— В ларце монеты, — вмешалась Бриджит, подходя к нам троим. — Я выпытала правду у одной из ее горничных-фламандок. Девчонка от страха совсем голову потеряла. Она кое-что узнала, о чем ей знать вовсе не полагалось: подслушала, как Джейн говорила по-английски. Горничная немного понимает по-нашему, а ее хозяйке это было невдомек. Речь шла о короле и матери Анны Болейн. Много лет назад они состояли в любовной связи. — При этих словах Бриджит округлила глаза и зловеще ухмыльнулась. — Только представьте, какой может разразиться скандал!

Я сразу же подумала о моем отце и Кэт. Да — это скандал. Но хотелось бы знать больше.

— Значит, король заплатил Джейн за то, чтобы она молчала о его отношениях с матерью Анны? Значит, он спал с Анной, с Марией и с их матерью?

— Да, девчонка слышала именно это. Джейн заплатили, но это сделал не король, а кто-то другой.

— Кто же?

— Горничная не знала. Кто-то при дворе.

— Кардинал, — заявила Энн Кейвкант. — Он богат.

— Или отец Анны, — предположила я.

Я постаралась представить себе неприглядную картину во всех подробностях. Получалось, что Генрих соблазнил всех женщин в семье Болейн (раньше я никогда не слышала ни о чем подобном), а Джейн это знала. Она пригрозила поделиться своими знаниями со всем светом и потребовала награды за свое молчание. Но одной угрозы скандала явно было мало. Видимо, секрет, который знала Джейн, мог как-то повредить Великому Делу Короля: выбить почву из-под ног королевских законников, ходатайствовавших об аннулировании брака Генриха и Екатерины, либо сделать невозможным будущий союз Генриха и Анны, если это ходатайство будет удовлетворено. А действительно ли король собирается жениться на Анне? Я дала себе зарок непременно поговорить с Недом.

Пока же мы наблюдали за развитием событий, ждали, прикидывали, обменивались мнениями о том, что знали или подозревали. До нас доходили слухи о великих потрясениях, случившихся за пределами нашего острова: о битве при Мохаче ^[34], где армии турок наголову разбили христианское воинство, о разграблении Рима — этого сердца и средоточия нашей

веры — императором Карлом, племянником королевы Екатерины, об осаде и пленении Папы^[35]; о народной войне, огнем вспыхнувшей в северных имперских землях, где крестьяне поднялись против своих хозяев^[36]. Многие, услышав такие новости, открыто говорили о том, что конец света близок и что библейский Апокалипсис не за горами.

Но наш двор в те дни жил лишь напряженным ожиданием другого конца — смерти брака короля Генриха и королевы Екатерины. А нас — обитательниц покоев королевы — больше всего страшило близкое крушение нашего маленького, тесного мирка, в котором все вокруг было таким знакомым и правильным и которым мы так дорожили.

Первой болезнь пришла к Лавинии Терлинг. Сначала ее зазнобило, потом бросило в жар, а затем она покрылась испариной, стала жаловаться на нехватку воздуха и требовать хотя бы глотка холодной воды.

В тот день с безоблачного июньского неба на нас сияло щедрое летнее солнце, и мы, признаться, изрядно вспотели, пока готовились к переезду из Гринвича^[37] в Уолтэмское аббатство в Эссексе, чтобы пуститься в наше традиционное летнее путешествие. Суета стояла страшная: слуги укладывали постельное белье и гобелены, посуду и ковры, кухонную утварь и безделушки, одежду и охотничьи принадлежности в сундуки, ларцы и корзины, собаки лаяли, застоявшиеся под солнцем лошади били копытами и заливисто ржали.

А Лавиния меж тем зябла. Не успели мы подумать, что она, должно быть, простудилась, как ее голубые глаза затуманились, изящный рот некрасиво задергался, а губы плотно сжались. Лицо ее сначала разругнилось, а потом покраснело. Светлые волосы под чепцом взмокли, пот полился обильными ручьями по шее, пятная лиф платья.

— Джейн! — позвала меня Лавиния.

Я увидела ужас в ее глазах. Она тянулась ко мне, призывала меня, но я инстинктивно отпрянула.

— Помоги мне, Джейн! Я вся горю!

Одежда ее сделалась насквозь мокрой от пота.

В этот момент не только я, но и все окружающие отшатнулись от Лавинии.

— Потница! Смертельная потница! У нее потница! — неслоь отовсюду. — Выбираемся отсюда! Уходим! Скорее!

Потница была бичом божьим Англии, внезапно обрушиваясь на наши города и собирая свою страшную дань^[38]. Она была даже хуже чумы, хотя навещала нас реже. Но уж если она приходила, то не успокаивалась, пока не оставляла за собой горы трупов. Если человек заражался ею, он почти всегда умирал, и умирал в мученьях, пусть и очень быстро. «Здоров и бодр в обед, а к ужину в живых уж нет», — этот нелепый стишок мы выучили еще в детстве.

И вот сегодня потница проникла во дворец.

Повинуясь инстинкту, мы начали разбегаться в разные стороны, стремясь выбраться из дворца. Внезапно раздался голос короля:

— Где Фицрой? Увезти Фицроя на север! Скорей, скорей!

Почти не удостоив нас своим вниманием, Генрих пробежал мимо нас, вскочил на коня и ускакал во весь опор. Слуги, стражники, конюхи — все побежали кто куда. Телеги опрокидывались, испуганные лошади бились в упряжи и неистово ржали, пытаясь освободиться. Из разбитых бочек сыпалась мука, лилось пиво и тут же впитывалось в

иссушенную землю. Цыплята с писком разбежались во все стороны, хлопая крыльями.

Со всех сторон доносились панические крики:

— Во дворце потница! Всем выйти!

Я увидела, как среди царившей кругом суеты двое мужчин грубо схватили Лавинию, силой усадили ее на коня и принялись стегать бедное животное до тех пор, пока его бока не покрылись кровью и он в ужасе не унесся в поля. Я быстро пошла в противоположную сторону к берегу реки, думая — или, вернее, пытаюсь думать сквозь сковавший мой разум страх, — что смогу найти на реке лодочника, который увезет меня отсюда куда угодно. Только бы выбраться из этого проклятого Богом места и обмануть смерть!

Внезапно рядом со мной оказался Уилл.

— Хвала Всевышнему, я нашел тебя! — воскликнул он, хватая меня за плечи и заглядывая мне в глаза полным тревоги взглядом. — Тебе не жарко? Ты не вспотела?

Я покачала головой. Он крепко держал меня за запястья, а потом резко поднял вверх мои руки, не обращая внимания на тесные рукава моего платья. Потом он бесцеремонно разорвал материю, закрывавшую мне подмышки.

— Отлично! Никаких болячек! — радостно заявил он. У жертв потницы зачастую под мышками и паху появлялись болезненные нарывы.

— А ты, Уилл? Как ты себя чувствуешь?

— Со мной все в порядке. Ты была с Лавинией?

— Да. Мы должны были ехать все вместе: Лавиния, я, Энн и Бриджит. Но заболела только Лавиния.

— Будем надеяться, что вас эта хворь пощадит! Но нужно принять меры предосторожности... Послушай меня, Джейн, — проговорил он самым серьезным тоном, встряхнув меня за плечи, — опасность подстерегает повсюду! Ты должна вернуться обратно во дворец.

— Но ведь там потница!

Уилл покачал головой:

— Ступай прямо в покои королевы, запишись с ней в ее спальне, закрой на запоры и засовы все двери, опусти ставни. И никого не впускай! Ты поняла — никого!

Я покорно кивнула.

— И еще, — продолжал Уилл. — Пусть королева распорядится, чтобы во дворец не было доступа тем, у кого на лбу выступила испарина, у кого одежда стала влажной от пота и кто выказывает хоть малейшие признаки слабости. В дворцовых кладовых остались припасы. Перенесите их в покои королевы, запаситесь водой. Воды понадобится много! Вполне возможно, что вам придется долго просидеть взаперти. Если хоть кто-то среди вас заболеет, будь беспощадна. Выкинь такого человека в окно прямо в ров под окнами королевы. В этом твоя единственная возможность спасения, Джейн.

— В ров? — никогда бы не подумала, что Уилл способен произнести такое. А уж сделать... Или способен? — Но ведь у королевы есть врач... — начала я.

— Вполне возможно, что он оставил свою госпожу и сбежал вместе со всеми. К тому же врачи мало что могут поделать против потницы.

Меня пронзила ужасная мысль — а что, если Уилл заболеет и умрет?

— Уилл, милый, если с тобой что-то случится, я не смогу, я не захочу жить.

— Ты сможешь и захочешь. Ты — сильная, ты — крепкая! Именно поэтому ты не заболеешь и останешься здесь в безопасности вместе с королевой. — В голосе Уилла

зазвенел металл.

Он говорил почти сердито, словно бросая вызов судьбе. Он старался внушить мне, что, если он умрет, я просто обязана найти в себе силы жить дальше без него. Он не позволял мне даже помыслить о смерти, вселяя в меня уверенность своим суровым, упрямым оптимизмом.

— Я сейчас же поеду в Кройдон, — продолжал мой возлюбленный, — чтобы убедиться, что Генри и Джон в безопасности и чувствуют себя хорошо. Как только я узнаю, что с ними все в порядке, я дам тебе знать.

— А Кэт?

— Я постараюсь узнать, не перекинулась ли болезнь на обитель Святой Агнессы.

Мы рука об руку зашагали обратно через двор ко входу во дворец. Кругом царил хаос. Люди кричали и дрались. Разбитые повозки стали предметом яростного соперничества. Испуганно метавшиеся по двору кони добавляли неразберихи. На этом фоне дворец казался покинутым и лишенным всякой охраны. Никто из стражников не преградил нам вход в ворота, ведущие в анфиладу комнат, никто не помешал нам подняться наверх к порогу опочивальни королевы. Убедившись, что я уже у цели, Уилл повернулся ко мне, притянул к себе и крепко поцеловал. Это был долгий поцелуй на прощанье. Я постаралась изгнать прокравшуюся в мое сознание мысль о том, что этот-поцелуй может стать для нас последним.

Уилл отстранился, порывисто обнял меня, мы пожелали друг другу удачи и расстались. Пока я смотрела ему вслед и махала на прощанье, я старалась мужественно улыбаться с отчаянной веселостью.

— Скоро, Джейн, мы увидимся вновь! — крикнул он мне напоследок. — Не забывай меня!

— Ты навсегда в моем сердце, — откликнулась я.

Когда мой бывший жених скрылся из виду, я бессильно привалилась к стене, закрыла глаза и тут мною овладела непонятная слабость. Ноги перестали меня держать, тошнило. Не первые ли это признаки потницы?

Однако у меня не было жара, пот не струился по лицу, одежда не намочла от него. Я вошла в покои королевы, и никто не задержал меня. Не было ни стражи, ни придворных дам, ни других фрейлин. Я нашла Екатерину в ее спальне. Преклонив колени на аналое, она тихим голосом молила о милости и снисхождении. Перед миниатюрными портретами ее умерших младенцев дрожали свечи. Тело Христа безжизненно белело, как будто распятое прямо на стене.

«Помоги нам, Боже, — помолилась я про себя, — спаси и сохрани нас ныне».

— Надеюсь, вы в добром здравии, Ваше Величество? — произнесла я вслух.

— Да, Джейн, со мной все хорошо.

В спальне королевы и смежных с ней покоях не было никого, кроме верного Гриффита Ричардса, ее церемониймейстера, стоявшего у двери с короткой шпагой за поясом. Он охранял королеву — как будто бы он сам или его оружие могло оградить ее от ужасного недуга. За ним, в маленькой приемной толпилось с полдюжины дрожащих слуг и служанок. Я заметила, что все они смотрели на другого с подозрением. Каждый страшился появления у соседа малейших признаков потницы: дрожи, легкого подергивания лица, неприятного запаха, испарины.

Я подошла к церемониймейстеру.

— Мы должны соблюдать осторожность, мистер Гриффит, — тихо сказала я ему, —

нельзя впускать никого незнакомого, никого, кто выглядит больным.

Я проверила запоры и засовы на всех дверях и окнах, как наказал мне Уилл. Несколько слуг были посланы вниз в дворцовые кладовые за кадушками с солониной и овсяными хлопьями, ведрами сахара и меда, бочками пива и эля.

Я вспомнила, как Уилл говорил о том, что любого заболевшего нужно будет сбросить в ров. Дикая мысль! Но чем больше я размышляла о грозившей нам беде, тем серьезнее воспринимала его слова. Большинство окон королевских покоев были слишком малы, чтобы через них можно было протолкнуть человеческое тело. Я подошла к самому большому окну и схватилась за старую железную решетку, которой оно было забрано. Потянув прутья на себя, я почувствовала, что они не так уж плотно сидят в каменной кладке. Если за них возьмется такой сильный мужчина, как Гриффит Ричардс, они обязательно подадутся и в образовавшийся проем вполне можно будет протолкнуть даже того, кто будет сопротивляться. Падать до рва ему будет высоко.

В покоях королевы стояла мертвая тишина. Во дворе тоже все стихло, и лишь иногда раздавался приглушенный вскрик или стук копыт. Потом мы слышали какие-то странные звуки, доносившиеся как будто издалека. Как оказалось — из деревни за стенами дворца. То был плач по умершим.

«Здоров и бодр в обед, а к ужину в живых уж нет».

Долгие летние сумерки постепенно сгущались. Слуги принесли скудный ужин и накрыли стол. Королева почти ничего не съела, да и никто из нас не был голоден. Каждый с ужасом ожидал, что его сосед по столу вдруг начнет дрожать, а потом покроется испариной и потребует холодной воды. Мы смотрели друг на друга с растущим подозрением. Наконец совсем стемнело, и я принялась помогать королеве отойти ко сну.

Она не была расположена к разговорам, как будто бы бурные события этого дня лишили ее дара речи. Потом я услышала ее шепот: «Генрих, Генрих... Мария...» Она повторяла имена мужа и дочери снова и снова, а глаза ее смотрели вдаль, словно она тщила разглядеть некий образ, видимый ей одной. Наконец она легла в постель, а Гриффит Ричардс заступил на стражу снаружи у дверей ее спальни.

Уже после полуночи кто-то забарабанил в тяжелые дубовые двери, которые отделяли покои короля и королевы от того крыла, где обычно королевские чиновники принимали посетителей и где селили королевских гостей.

Я выглянула в щель между дверными створками и спросила:

— Кто это? В чем дело?

У входа стоял человек. Он явно проделал долгий путь, ибо запыхался и кашлял. Его богатое платье было покрыто пылью. Он снял шляпу и представился:

— Доктор Лоренс Барчвелл. Я служу кардиналу.

— Его Преосвященство здоров?

— Да, слава Богу, он в добром здравии, но многие из его слуг мертвы. И болезнь унесла

одного из его сыновей. — Я знала, что у кардинала Булей была любовница и дети, которых он, особо не таясь, держал в резиденции к северу от столицы. — Он послал меня с вестями о леди Лавинии Терлинг, — продолжал доктор.

Бедная, бедная Лавиния! Такая испуганная, с горящими щеками, исходящая потом, простирающая ко мне руки, молящая о помощи. Я содрогнулась от этого воспоминания.

— Ее нашли мертвой в лесу у Клопсфилда.

«Здоров и бодр в обед, а к ужину в живых уж нет», — снова пронеслось у меня в голове.

— Она была одна?

Доктор кивнул.

— Упокой, Господи, ее душу! — я перекрестилась. — Вы тоже больны?

— Нет, — ответил врач, устало улыбнувшись. — Сейчас я точно здоров. Если я занедужу, то первым пойму это. Кроме того, больным я бы сюда не пришел.

Я постаралась как можно лучше рассмотреть лицо говорившего через узкую щель между створками. Никакой испарины на лбу! Наверное, доктор не лжет — он здоров. Я решила рискнуть: предложила ему еды и пригласила зайти. Он воспользовался моим приглашением.

— Не хотите ли остаться здесь на ночь и немного отдохнуть? — спросила я, но он покачал головой в ответ.

— Благодарю вас, но мне нужно идти. Я не вправе отдыхать, пока не помогу тем страждущим, кому я в силах хоть немного облегчить участь.

Взяв то малое, что мы могли ему предложить, доктор вышел во двор, вскочил в седло и направился в сторону слабо мерцавших вдалеке огней деревни.

Когда он уехал, я легла и постаралась заснуть. Но перед моим мысленным взором вновь и вновь вставало искаженное лицо Лавинии. Самая красивая из нас сначала была с пугающей быстротой обезображена безжалостным недугом, а затем вырвана из наших рядов неумолимой смертью. Выживем ли мы?

Я подошла к аналою королевы и преклонила колени. Подушка еще хранила тепло ее тела, пока я молилась. Прошло немало времени, когда я наконец встала с колен и пошла на свое ложе. Но еще долго лежала я без сна в темноте. «Пощади нас, Господи, пощади нас, — шептала я в отчаянии. — Дай нам пережить эту ночь».

Нас разбудил похоронный звон. Колокола звонили не переставая, не давая нам забыть, что болезнь поселилась среди нас и угрожает нам смертью каждый миг. Телеги, нагруженные трупами, целый день грохотали через дворцовый двор, двигаясь в сторону пустыря, где каждый год в чумное время вырывалась большая яма, в которую сбрасывались мертвые тела.

За телегами следовали плачущие родственники. Некоторые скорбели тихо, другие же целиком отдавались своему горю, громко рыдая и стеля.

Я не покидала покоев королевы, строго выполняя наказ Уилла, но из окна могла наблюдать, как у дворца и вдоль берега реки проходили обитатели ближайших деревень, оставлявшие свои насиженные места. Многие несли на руках плачущих детей. Некоторые подходили к дверям в наши покои и пытались проникнуть внутрь, но мы надежно отгородились от них. Никто так и не смог войти во дворец. Никто, пока не появилась Анна Болейн.

Анны с нами не было, когда Лавиния Терлинг внезапно заболела и во дворце началась паника. Она оставалась с королем — в тот день она специально встала пораньше, чтобы покататься с ним верхом, и с тех пор ее никто не видел. Когда король вернулся с прогулки, ее с ним не было. Как раз в момент его возвращения королевский двор взбудоражила весть о том, что у Лавинии потница. Его Величество подъехал ко дворцу, когда паника была в самом разгаре, отдал распоряжение спасти Фицроя и сразу же ускакал.

Теперь Анна вернулась и громко требовала, чтобы ее впустили.

— Конечно же, мы должны ее впустить, — спокойно промолвила королева Екатерина, когда я подвела ее к высокому окну и она своими глазами увидела Анну и услышала ее пронзительные крики.

— Но, Ваше Величество, нам нельзя никого сюда впускать. Вдруг она больна?

— Если бы у нее была потница, она не могла бы с такой силой колотить в двери и так яростно звать к нам.

Королева, как всегда, была права: Анна молотила в двери кулаком, не выказывая и следа болезненной слабости.

— Я сделаю все, что надо, — заявил Гриффит Ричардс, опуская руку на эфес шпаги за поясом.

Я знала, что он не любит Анну и винит ее в незаконной связи с королем, хотя уведомлен не хуже нас о длинном списке предшественниц Анны, включавшим ее сестру и — если верить Джейн Попигкорт — ее мать.

— Где король? Я знаю, что он здесь и ждет меня, — доносилось снизу. — Впустите же меня скорее! Я требую провести меня к королю! Я должна его видеть!

Прошло немало времени, прежде чем Гриффит Ричардс после прямого приказа королевы позволил взбешенной Анне войти. Королевская фаворитка выглядела ужасно: ее одежда и обувь были покрыты толстым слоем дорожной пыли, спутанные черные волосы отброшены на спину в полном беспорядке, лицо все в потеках грязи, а глаза горели яростным огнем. Словом, Анна была сейчас больше всего похожа на драную, бродячую,

драчливую кошку. Когда она буквально ворвалась в покои королевы, я заметила, что кое-кто из служанок захихикал, глядя на нее, что только усилило ее гнев.

— Где он? Где король? — выкрикнула Анна.

Я подумала, что если бы здесь были стражники, они никогда не позволили бы ей вести себя подобным образом. Я следовала за Анной, которая металась в поисках короля из одной комнаты в другую, пока наконец мы обе не оказались в опочивальне королевы. Екатерина сидела за столом и читала.

— Где король? Что вы с ним сделали? — прозвучал резкий голос Анны.

Екатерина помедлила, прежде чем ответить, не сводя с вошедшей изучающего взгляда.

— У нас в обычае — а вообще-то мы обязаны — кланяться, входя в спальню Ее Величества, — вмешалась я. — И как вы прекрасно знаете, мы, фрейлины Ее Величества, не вправе первыми заговаривать с нашей госпожой, пока она сама к нам не обратится. Вы это забыли?

Анна лишь зыркнула на меня и, не удостоив ответом, вновь уставилась на королеву.

— Моего супруга здесь нет, — спокойно промолвила Екатерина. — Я уверена, что он находится в надежном и безопасном месте, где его драгоценной жизни ничего не угрожает.

— Он должен был остаться со мной! — взорвалась Анна. — Мы поехали кататься верхом, и вдруг он ускакал прочь. Он покинул меня!

Голос ее задрожал и теперь звучал не как у женщины в гневе, а как у маленького брошенного ребенка.

— Он — король, — просто отвечала Екатерина. — И вы — не единственная его забота.

В голосе Екатерины послышалась неожиданная горечь и злость, что меня удивило. Но Анна, казалось, ее почти не слышала. Она полностью погрузилась в мир собственных переживаний и горестей и заунывным голосом проговорила:

— Он ничего не сказал мне, а просто пришпорил коня и был таков. Неподалеку оказалась ферма. Я поехала туда, но мне сказали, что у них уже есть больные. Я думала, он вернется за мной. Почему он не забрал меня оттуда?

Она казалась искренне удивленной таким отношением к себе короля. Я подумала, что, верно, она очень сильно устала, чтобы забыться до такой степени и так разговаривать с королевой.

— Почему же вы не поскакали в Хивер? — спросила я. Замок Хивер был родовым именем семейства Болейнов.

— Я направилась туда, но услышала, что в Кенте свирепствует потница.

— Но как же ваша семья? Неужели вы не беспокоитесь за них, не хотите узнать, как они себя чувствуют?

Анна обернулась и посмотрела на меня. В тот момент я не смогла понять, что означает этот взгляд. По лицу ее пробежала тень, и она произнесла изменившимся голосом:

— Сестра больна. Ее муж умер. Мой брат может умереть. Остального мне нет нужды знать.

Перед тем как продолжать, она вынуждена была сесть — видимо, ноги ее совсем не держали.

— Болезнь везде. Каждый, кто мне встречался на пути, говорил: «Не езжайте в Кентербери!», «Держитесь подальше от Лондона!», «На севере потница!» Я думала, что смогу добраться до Кройдона, но узнала, что Томас Тирингэм умирает, а многие его домочадцы и слуги уже умерли и похоронены. Ну вот я и вернулась. Я была уверена, что

король ждет меня здесь. Где он?

— Томас Тирингэм? Умирает от потницы?

Анна кивнула:

— А вам-то что за дело?

Я содрогнулась от страха. Мои маленькие племянники! Уилл! Они были в Кройдоне, в доме Тирингэма. Я во что бы то ни стало должна узнать, не оказались ли они в числе заболевших.

— Вы уверены в этом?

Анна лишь пожала плечами. Она выглядела совершенно изможденной и устало провела рукой по лбу:

— На дорогах много всякого говорят. Трактирные слухи... Все страшатся за свою жизнь! — Она замолчала, а потом тихо прошептала: — Мне надо прилечь.

Хотя воды у нас было мало, Екатерина настояла, чтобы Анне разрешили умыться, и велела Гриффиту Ричардсу принести ей таз и кувшин с водой. Он подчинился, но без особой радости. Я провела Анну, которая вдруг лишилась своего яростного запала, в комнату, где обычно спали фрейлины, и одолжила ей кое-что из моей чистой одежды, хотя знала, что ей она будет не совсем впору. Анна была выше меня ростом и полнее.

Гриффит Ричардс принес кувшин с водой, и мы ушли, чтобы Анна спокойно могла привести себя в порядок.

— Она так напугана, — заметила я, пока мы с Ричардсом ждали в соседней комнате.

— Еще бы, — ответил он. — И дело не только в потнице. Она знает, что все здесь настроены против нее.

— Все, кроме короля.

— Да, но король переменчив. Ей не стоит на него всецело полагаться. Хотя, если рассуждать здраво, ей больше не на кого опереться. Все, кто любят нашу добрую королеву Екатерину, должны ненавидеть и презирать Анну. Даже ее дядя Норфолк попрекал ей за то, что она слишком горда.

И правда, с некоторых пор герцог начал плохо отзываться о своей племяннице, и дворцовые сплетники передавали его слова из уст в уста. «Она слишком высокого мнения о себе, — посчитал ее дядя. — Она носит слишком много драгоценностей». «Она груба с окружающими». «Она несносна». «Она говорит с королем чересчур фамильярно». «Она воображает, что в один прекрасный день станет самой важной дамой при дворе». Герцогу же явно требовалось иное. По его замыслу, вознестись выше всех должна была его дочь Мэри. Со временем она выйдет замуж за Генри Фицроя, а последний когда-нибудь станет королем. К тому времени об Анне Болейн забудут, королева Екатерина будет доживать в одиночестве и безвестности в монастыре, королева Мэри займет достойное место возле венценосного супруга, а ее сын от Генри Фицроя станет наследником трона. Ну а герцог Норфолк приберет к рукам все бразды правления королевством.

— Ее дядя обвинил ее в гордыни, — заметила я, обращаясь к церемониймейстеру, — но она виновата лишь в том, что подчинилась королевской воле, выполнила приказ своего повелителя.

Ричардса это не убедило.

— То, что говорит или делает король, конечно, важно, но мы сами — истинные хозяева своей души. Мы и только мы в ответе перед Господом за наши грехи. Она могла отвергнуть его ухаживания, она могла покинуть двор и вернуться под опеку своих родителей.

— Ее родители смотрели сквозь пальцы на связь ее сестры с королем, даже поощряли ее, если уж называть вещи своими именами. Неужели вы думаете, что они бы пришли к ней на помощь? Болейны много выиграла от грехов дочерей своих, а Томас Болейн быстро сообразил, как обратить происшедшее в свою пользу.

— Тем хуже для этой чертовки, — огрызнулся Ричардс. — Раз она из семейства, коснеющего в грехе, пусть получает по заслугам.

Я не могла не улыбнуться в ответ и, чтобы хоть как-то поколебать его высокомерное самомнение, спросила:

— А вы сами без греха?^[39]

На это Ричардс не нашелся что ответить, но сохранил на лице надменное выражение. Я пожала плечами и не стала дальше с ним спорить. Ведь я столь же предвзято относилась к моему отцу, как и Гриффит Ричардс к Анне. Может быть, стоило спросить себя: а была ли я, Джейн Сеймур, вовсе без греха?

Я вернулась в комнату фрейлин, где Анна уже умылась, легла в постель и заснула. Рот ее широко открылся, а тонкие губы чуть дрожали и кривились во сне.

Я глядела на Анну, удивляясь, почему вступила в спор с Ричардсом, почему встала на ее сторону. Мне, в точности как и нашему церемониймейстеру, не за что было ее любить. Я прекрасно отдавала себе отчет в том, что Анна Болейн — самовлюбленная, грубая и непочтительная молодая особа, чья жестокость по отношению к нашей доброй королеве достойна всяческого порицания. Однако в том детском страхе, который она выказала сегодня, мне почудилась такая уязвимость и незащищенность, что сердце мое дрогнуло.

Как метко заметил Ричардс, Анна полностью отделила себя от большинства окружающих ее людей: от своих подруг среди фрейлин (за исключением Бриджит), от других придворных, от тех, кто любил королеву Екатерину и сочувствовал ей. Раз она стала любовницей короля, между ней и всеми остальными выросла непреодолимая стена, которая только укрепилась после того, как Великое Дело Короля раскололо двор на два лагеря: тех, кто в своей готовности услужить королю готов был пожертвовать всем и вся, и тех, кто сохранил верность королеве и восхищался ее стойкостью.

Что касается остальных членов семейства Болейн, я никогда не сталкивалась с ними так близко, чтобы понять, будут ли они союзниками Анны, если та решит обратиться к ним. Она и ее сестра Мария соперничали друг с другом — по крайней мере Анна, по словам Бриджит, стремилась первенствовать. Об остальных я ничего не знала, хотя часто видела Томаса Болейна при дворе, но он быстро проходил мимо меня — чаще всего смешком, распухшим от документов, — казалось бы, полностью сосредоточившись на своем поручении и не замечая ничего вокруг.

Гриффит Ричардс презрительно фыркнул. Бормоча «тем хуже для нее», он удалился, оставив меня любоваться на спящую Анну и раздумывать над его словами. Он был прав: король действительно остался ее единственным союзником и защитником. Да, самым могущественным из всех возможных, но надолго ли? Что будет, если император Карл решит послать свои армии на завоевание Англии, чтобы спасти королеву Екатерину от угрозы аннулирования брака? Или Генрих бросит Анну так, как бросил на их недавней прогулке, предоставив спасаться самой в объятый недугом Англии, наполненной страхом, болью и смертью?

Подали скудный ужин, и королева села за стол, настояв, чтобы я составила ей компанию.

— В этих условиях мы вряд ли должны соблюдать обычные церемонии, Джейн, — сказала она. — Я буду только рада вашему присутствию.

Но едва мы приступили к еде, как услышали стук копыт — во двор под окнами покоев королевы въехал всадник. Я подошла к окну: это был гонец, посланный Уиллом, с известием о том, что Томас Тирингэм скончался, а он, Уилл, уехал из поместья Тирингэма в другую усадьбу, неподалеку от Уолдрингэма, в сопровождении двух своих юных друзей.

Конечно, я сразу поняла, что эти друзья — мои племянники Генри и Джон.

— Они здоровы? — спросила я гонца.

— Пока болезнь их щадит, мадам, — последовал ответ, — хотя у нас тут сплошь и рядом случается так, что человек с утра здоров, а вечером его везут на кладбище.

— А в Уолдрингэме есть потница?

— Не могу знать, мадам. Но мне велено вам передать, что монахини в обители Святой Агнессы пребывают в добром здравии, как и их гости.

Значит, Кэт недуг пока не затронул. Я почувствовала облегчение и постаралась убедить себя, что с Уиллом, Генри и Джоном также все будет хорошо. Сердечно поблагодарив гонца, я бросила ему монету и вернулась к столу, чтобы присоединиться к моей госпоже.

На следующее утро Анна еле встала и мало ела. Ее настроение немного улучшилось, когда прибыла Бриджит Уингфилд. Ее появление вызвало небольшой переполох среди стражников, но поскольку никаких признаков потницы у Бриджит не было, ей позволили войти в покои королевы. Екатерина еще не покидала своей спальни, но все мы сразу же окружили вновь прибывшую, чтобы приветствовать ее.

Мы были очень рады не только ее появлению, но и тому, что она привезла нам несколько фляг с вином и маслом, немного муки, соленую рыбу и даже несколько корзин с овощами из поместья Уингфилдов в Даренте. И еще у нее были для нас новости.

— Король там, в усадьбе? — сразу же спросила ее Анна.

— Он был с нами, а потом ускакал в Титтенхенгер^[40] и заперся там в своей башне. Он никого не допускает к себе. Четыре раза в день он спускает вниз корзину, куда ему кладут еду. По слухам, он проводит дни в чтении и создании новых лекарств от потницы. Честно говоря, он смертельно напуган — гораздо больше, чем любой из нас. И еще, — добавила Бриджит, обращаясь ко мне, — мой муж получил письмо от твоего брата Эдварда. Почти все члены твоей семьи чувствуют себя более-менее сносно, но твой отец заболел.

— Он умрет? — только и могла спросить я.

Бриджит пожала плечами:

— Этого сказать никто не может. Но большинство заболевших умирают, когда от них начинает смердеть, а на их теле появляются нарывы.

Да простит меня Господь, но в тот момент я взмолилась, чтобы мой отец умер. Если, как многие считали, потница — бич Божий, то никто не заслужил наказания больше, чем он.

— Анна, тебе письмо, — услышала я голос Бриджит, — от Его Величества.

— Прочти его вслух, Бриджит, прошу тебя.

Бриджит взглянула на подругу в полном недоумении.

— Разве ты не хочешь прочитать его сама, когда вокруг никого не будет?

— Я так устала, — ответила Анна. Голос ее и вправду звучал совсем безжизненно, она тяжело оперлась о стол. — Читай, мне все равно, кто еще его услышит.

«Возлюбленная моя! — так начиналось королевское послание. — Не бойся пришедшей на нашу землю беды, ибо она преходяща. Если мы проявим осторожность, мы избежим ее. Помни, что женщин потница поражает гораздо реже, чем мужчин. Возьми эликсир „Длань Христова“, смешай с уксусом, настойкой полыни, розовой водой и добавь хлебные крошки. Нюхай полученную смесь, ешь как можно меньше. Каждый вечер зажигай в своей комнате все свечи. Если сможешь, налови пауков, помести их в маленький мешочек и носи на шее. Они не дадут хвори поразить тебя в сердце. Я желал бы послать тебе побольше целебных снадобий, но мой аптекарь Сарториус болен и умирает. Не спи! Иначе можешь не проснуться. Прими мой скромный дар, идущий от сердца того, кто желает тебя больше всех на свете. Жди, скоро я пришлю тебе перчатку для стрельбы из лука, и мы с тобой вместе поскачем на охоту в зеленый лес. Не бойся, если начнется голод, ибо строгим постом мы изгоним болезнь. Твой душой и сердцем, Генрих».

Я заметила, что Анна задремала, пока Бриджит читала письмо короля. А ведь он предупреждал, чтобы она не спала! Решив, что нужно ее разбудить, я осторожно дотронулась до ее обнаженного плеча. Кожа Анны оказалась мокрой от пота. Я вскрикнула и в ужасе отдернула руку, не в силах сдерживать страх. Мы все знали, что означает эта зловещая испарина. Потница!

— Анна, Анна, проснись!

Она пробормотала несколько слов, как будто в забытьи. Я отступила назад.

— Она вся в поту, и у нее жар, — сказала я. Со смелостью, которая поразила меня саму, я схватила руки Анны и подняла их высоко вверх, как поднял мне руки Уилл, приехав к нам в Гринвич в тот день, когда разразилась болезнь. Я искала язвы и волдыри — свидетельства смертельной хвори. Вот они! Под мышками у Анны ярко краснели нарывы.

— Боже правый! — услышала я восклицание Бриджит. — Боже, помоги нам! Убереги нас всех от беды!

— В ров ее! — заревел Гриффит Ричардс. — Сбросьте ее в ров!

Он бросился к самому большому окну, схватился за прутья и потянул их на себя что было сил. Раздался грохот выпадающих из оконного проема кирпичей. Оконная решетка подалась, и открылся небольшой просвет, куда можно было протолкнуть ребенка. «Анна — вовсе не ребенок», — пронеслось у меня в голове, но тут Гриффит Ричардс схватил ее и быстро потащил к окну. Анна брыкалась, извивалась и всеми силами старалась вырваться из могучих рук церемониймейстера.

— Остановитесь! — закричала Бриджит. — Только не это!

— У нас нет выбора, — настаивал Ричардс, — иначе мы все погибнем. И вы будете в этом виноваты!

— Выкиньте ее отсюда! — запричитали слуги и служанки, все как один. На их лицах не было страха, а только злость и нетерпение. Гриффит Ричардс был прав — Анну ненавидели.

Если бы с нами был Уилл, он не колебался бы ни единого мига, чтобы спасти нас всех, пусть даже для этого нужно было бы пойти на неслыханную жестокость. «Тогда сделай это

ты! — прозвучал мой внутренний голос. — Смелее, не останавливай их, и с Анной будет покончено...»

Ричардс силился вытолкнуть бьющуюся Анну через пролом между решеткой и кладкой. Она сопротивлялась из последних сил и отчаянно звала на помощь Генриха.

— Прекратить! — прозвучал голос королевы Екатерины. Ее церемониймейстер заколебался и через плечо украдкой взглянул на свою госпожу. Потом я услышала, как он пробормотал: «Ну уж нет, с ней надо кончать», — и вновь попытался протолкнуть извивающееся тело Анны в образовавшуюся брешь.

— Прекратить сейчас же! Такова моя королевская воля! Мой супруг никогда не допустит этого! — В голосе королевы зазвучал металл.

Я увидела, как ручищи Ричардса чуть ослабили свою хватку. Он смущенно потупился, но не выпускал пышного платья Анны.

— Мы христиане, а не дикари! Немедленно отпустите эту женщину! — продолжала Екатерина.

Ричардс разжал руки и отступил в сторону. Я заметила, что он взялся за рукоять шпаги. Плача, вся в испарине, Анна сползла из окна обратно в комнату. Никто из нас не пришел ей на помощь — боязнь заразы словно сковала нас.

— Идемте со мной, Анна, — спокойно произнесла королева, повернувшись к дверям. — Я сделаю для вас постель в прачечной — больше вас положить некуда. Я сама буду носить вам еду, если другие откажутся. Снадобья, которые прислал Его Величество, могут вас вылечить, с Божьей помощью. Так что будем уповать на волю Его.

У нас не было врача, который лечил бы Анну и мог бы навещать ее в закутке прачечной в дальнем крыле дворца, куда ее поместили. Анна пожаловалась, что здесь темно и несет сыростью от лоханей и тазов. «Как она может знать, что здесь сыро, — подумалось мне, — если она буквально купается в собственном поту?» Я мысленно побранила себя за такое отношение к больной и дала зарок следовать примеру милосердия и великодушия, поданного нам королевой. Ибо все мы знали — королева спасла Анне жизнь. Ее приказ Гриффиту Ричардсу прозвучал в самый последний момент: если бы она не вмешалась, Анна закончила бы свои дни, захлебнувшись во рву.

И — хотя никто не сказал этого вслух — мы все восхищались Екатериной. Она проявила неслыханное благородство души по отношению к любовнице своего мужа. К той, на ком он собирался жениться.

Кстати, вскоре кардинал Вулси, который, как любил повторять мой брат Нед, имел глаза и уши повсюду, узнал о болезни Анны и прислал к нам во дворец доктора Барчвелла, поручив начать лечение королевской возлюбленной. Доктор оказался высоким, крупным мужчиной с редяющими седыми волосами, от которого пахло его мазями и снадобьями. Их у него было с собой несколько сумок. Сапоги его были покрыты коркой дорожной грязи, а длинный плащ весь в пыли. Мы впустили его во дворец и предложили скромную трапезу из наших скудных запасов. Он почти ничего не говорил, но ел жадно, а когда мы сказали, что вина у нас немного, он только поморщился.

— Мы стараемся сохранить вино для леди Анны и тех, кто еще может заболеть, — объяснила я.

— Ну да! Если только слуги не доберутся до него первыми, — цинично заметил доктор и бесцеремонно распорядился: — Постелите мне где-нибудь. Я не спал двое суток.

Гриффит Ричардс отвел посланца кардинала в комнату перед покоями королевы, чтобы он мог там отдохнуть. Я услышала, как доктор пробормотал: «Огонь! Зажгите огонь в комнате, где лежит леди Анна! Пусть там будет светло», и провалился в сон.

Мы зажгли в закутке прачечной столько свечей, сколько смогли найти, пока там не стало светло, как днем. Считалось, что свет свечей изгоняет недуг и приводит больных в состояние некоего транса, способствующего скорейшему излечению.

Когда доктор Барчвелл проснулся, он быстро умылся, оделся, взял свои сумки с лекарствами и поспешил к больной. Я сопровождала его. Анну, несмотря на то что она была укрыта одеялами, бил озноб, и она выглядела заметно слабее, чем тогда, когда я видела ее в последний раз. Было очевидно, что она покорилась ужасному недугу. Глаза ее были широко открыты и полны ужаса.

Доктор достал маленький кожаный мешочек, оглядел помещение и вдруг метнулся в дальний угол, заросший паутиной. Не боясь укусов огромных пауков, облюбовавших это место, он сорвал их вместе с паутиной, засунул в мешочек и крепко затянул завязки, чтобы отчаянно сучащие ножками насекомые не могли выбраться.

— Привяжите это ей на шею, — распорядился он, передавая мне мешочек. На Анне была золотая цепочка, и я прикрепила к ней этот странный оберег у самого горла.

— У вас есть хлеб? — спросил врач. — Только обязательно нужен черный хлеб, а не белый.

Черный хлеб у нас был, о чем я и сообщила доктору. Мы еще не доели те караваи, которые привезла с собой Бриджит. Я пошла наверх, чтобы взять немного, а когда вернулась, то покрошила хлеб так, как мне было велено. Врач добавил крошки к приготавливаемой им смеси трав и жидкостей. В течение следующего часа Анна впала в совершеннейшее забытие, а прачечная наполнилась резкими запахами уксуса, розовой воды, мускуса, полыни и еще чего-то незнакомого мне, что приезжий лекарь добавлял в свое чудодейственное средство.

— Этот целебный состав придумал сам король, — объяснил он мне. — Его Величество клянется, что только с его помощью можно исцелить потницу. Однако это средство не помогло его собственному аптекарю. Бедняга скончался.

Доктор Барчвелл поставил чашу с резко пахнущим снадобьем рядом с узким ложем Анны.

— Теперь остается только ждать, — сказал он.

— Может быть, лучше ее разбудить и заставить выпить лекарство?

— Нет. Лечит именно запах.

Я не осмелилась оспаривать слова ученого человека, а тихо опустилась у постели Анны рядом с ним. Доктор Барчвелл старался не упустить никаких изменений в состоянии своей пациентки. Время от времени он дотрагивался до руки Анны.

— «Длань Христова» действует, — прошептал он через некоторое время, — больная перестала потеть. Благодарю тебя, Господи!

Перед самой полуночью наше долгое совместное бдение подошло к концу, и доктор отпустил меня, заявив, что теперь справится сам.

— Она выживет! — произнес он, и я впервые увидела тень улыбки на его лице. Складки на лбу и у рта у него немного разгладились, словно с души его сняли тяжкий крест.

— Анна поправится, — добавил он, — и король будет доволен.

Доктор оставался у нас еще несколько дней, наблюдая, как шло выздоровление Анны и готовя новые порции целебного зелья. Долгие часы бодрствования, казалось, отняли его последние силы. Он выглядел изможденным, глаза его затуманились, и под ними залегли темные круги. Он выглядел так, как будто бы сам едва оправился от тяжелой и мучительной болезни. Мы умоляли его отдохнуть перед отъездом, но он отказался наотрез, заявив, что слишком многие за пределами дворца нуждаются в его попечении. Мы собрали доктору в дорогу все необходимое и проводили его, усталого и изможденного, на новый подвижнический труд.

Смерть по-прежнему свирепствовала вокруг. Каждый день я страшилась получить ужасную весть о том, что Уилла больше нет среди живых. Вестей не было, но тут мне приснился сон.

Это был даже не сон, а видение. Мне приснилось, что мой племянник Джон заболел, и когда я проснулась, то была совершенно уверена в этом. Уверенность моя была столь сильна, что я почти тотчас отправилась в Уолдрингэм, даже не испросив разрешения у королевы. Я точно знала, что Ее Величество не будет чинить мне препятствий.

Я скакала во всю прыть, на которую был способен мой конь, по узким пыльным дорогам и через луга, где среди буйных трав и сорняков еще цвели последние полевые цветы. Я знала, что Уилл увез мальчиков в какое-то поместье рядом с городом, но в какое?

Оказавшись рядом с Уолдрингэмом, я принялась наводить справки и вскорости

получила ответ. «Наверное, вам нужен дом Перегрины Лэвингтон, — сказали мне. — Туда свезли всех заболевших детей». Если Джон и вправду заболел, его должны были отправить туда, подумала я. Следуя указаниям местных жителей, я очутилась на дороге, ведущей через фруктовые сады, где деревья склонялись под тяжестью плодов, а голову кружил их терпкий и сладкий аромат. Июльское солнце жгло землю так немилосердно, что от нее поднимались волны зноя, и я готова была взмолиться о дожде, который принес бы хоть какое-то облегчение. Скоро я увидела большой господский дом — старый, но еще внушающий уважение, несмотря на то, что стены из мягкого желтого камня уже начали крошиться, а толстые черепицы кровли кое-где растрескались. Его окружали крытые соломой и позеленевшие ото мха домики поменьше. Лужайки и живые изгороди у строений, которые когда-то явно были красивыми и ухоженными, сейчас заросли.

— Вы привезли нам еще одного больного? — спросила женщина, вышедшая на мой стук в дверь. В ее глазах читалась тревога. Она была без чепца, ее седые волосы были небрежно заколоты на затылке, а передник поверх платья не отличался чистотой. Я решила, что передо мной прачка или еще кто-то из прислуги.

— Я никого не привезла, — ответила я, — а только саму себя. Я — мисс Сеймур из свиты Ее Величества, и ищу Уилла Дормера и двух мальчиков, которые были с ним: Генри и Джона.

— Моя дорогая мисс Сеймур, — участливо заговорила женщина, — вам здесь не следует находиться. Дом полон больными. Прошу вас, уезжайте немедленно.

В этот момент в дверях появился Уилл, держа на руках ребенка. Девочку. Он выглядел усталым и встревоженным, но, увидев меня, улыбнулся.

— Джейн, милая моя! Я вижу, ты уже познакомилась с Перегриной. Эта добрая душа открыла свой дом для детей. Сюда привозят заболевших и тех, кого потница сделала сиротами. Только представь себе — все родственники этих детей умерли, и они скитались голодные и неприкаянные. Перегринка — это воплощенное сострадание!

Хозяйка дома, которую я ранее приняла за служанку, только пожала плечами:

— Все монастыри полны и не могут больше принимать болящих и страждущих. Хорошо, что у меня есть этот дом, где детям оказывают хоть какую-то помощь.

— Я видела сон, — сказала я. — Мне приснилось, что у Джона потница. Он здесь, с вами?

Перегринка и Уилл не сразу ответили мне. Они обменялись взглядами, а потом женщина заговорила:

— Мне очень больно говорить вам это, мисс Сеймур, но ваш юный друг Джон очень болен. Теперь я понимаю, почему вы здесь, несмотря на опасность заразиться. Входите, я отведу вас к нему.

Сердце мое сжималось все сильнее и сильнее, пока я шла за Перегриной. Значит, предчувствие меня не обмануло. Джон был болен и нуждался в любви и заботе.

Внутри стало еще заметнее, что старый дом разваливается на глазах. Стены были изъедены жучком, от них исходил запах плесени, но тростниковые подстилки на полу были чистыми, и я уловила в воздухе аромат свежих трав. Стоило нам подняться по лестнице, как в уши ударила разноголосица детских голосов: кто-то кричал, кто-то плакал, а кто-то смеялся и даже пел. В каждой комнате, мимо которой мы проходили, стояло много кроватей, а на каждой сидело по нескольку детей. Были среди них и совсем крохи, и ребята лет по тринадцать-четырнадцать, которые уже по возрасту вполне годились для того, чтобы

охранять будущий урожай от ворон или выполнять полевые работы.

На одной кровати лежало маленькое безжизненное тельце. Две женщины окутывали его саваном. Как только они закончили свою печальную работу и вынесли останки малыша в коридор, постель тут же застелили свежим бельем. Уилл опустил на нее девочку, которую держал на руках, и заботливо укрыл ее тонким одеялом.

— Вы сами видите, сколько у нас больных, мисс Сеймур, — проговорила Перегринна. — Не все, кто приходят сюда, умирают, но выживших не так много. Они остаются с нами и помогают ухаживать за вновь прибывшими. Я благодарна им за помощь. И еще я не устаю благословлять небо за то, что у нас есть Уилл.

С этими словами Перегринна ободряюще улыбнулась Уиллу и ввела меня в очередную комнату, полную звуков детских голосов.

Мой племянник Джон лежал в постели, свернувшись калачиком, как больной и слабый щенок.

— Он у нас уже несколько дней, — сказала мне Перегринна, — и пока жив. Это хороший знак!

— Тезка деда, — только и смогла вымолвить я. — Маленький Джон Сеймур.

Я присела на низкую кровать и дотронулась до влажного лба Джона. Я не побоялась прикоснуться к нему, не отстранилась от него, как отстранялась от Лавинии и Анны. В тот миг мне было все равно, заболею я или нет. Я думала только о лежавшем передо мной малыше. Джон тихонько застонал, но так и не открыл глаза.

— Его брат о нем очень беспокоится, — сказал мне Уилл. — Но я не разрешаю Генри приезжать сюда, чтобы он не заразился. Я определил его в ученики к лучнику королевской стражи. Сейчас он живет в семье этого человека.

Мой племянник Генри был очень крепким ребенком, высоким для своего возраста. В свои шесть лет он уже смело скакал на лошади и умело обращался со своим маленьким арбалетом.

— Ты можешь гордиться им, Джейн. Он уже носит колчан за своим господином и учится водить его боевого коня. В один прекрасный день он станет хорошим солдатом королевской армии. Он силен и не ведает страха.

— И у него не было потницы?

— Нет, Бог миловал.

Конечно же, мне не была безразлична судьба Генри, но с того мгновенья, как я увидела Джона, я не могла больше ни о ком другом думать и заботиться. Я натирала его тело мазью, которую дала мне Перегринна и в которую входили патока, полынь, розовая вода и старое проверенное средство — пилюли Разеса^[41]. Я прикладывала ему к вискам компресс из сока листьев маргаритки, чтобы унять головную боль. Я пыталась не давать ему спать, помня указания из письма короля к Анне. Я старалась накормить малыша пареной репой, потому что считалось, что это блюдо придает сил и способствует быстрейшему выздоровлению, но он только выплевывал куски репы и плакал. В конце концов я сдалась.

Час за часом сидела я у постели Джона, успокаивая его словом и улыбкой, напевая ему песенки, молясь за него, в надежде, что в моем присутствии ему делается хоть чуточку полегче. Время от времени к нам заглядывала Перегринна, и я поражалась тому, как, не ведая усталости и не падая духом, она ухаживает за всеми, кто оказался на ее попечении, отводя от нас всеми силами смертельное поветрие.

— Как вам только удастся не заболеть? — спросила я ее. — Что охраняет вас от заразы

в то время, когда многие другие становятся ее легкой добычей?

— Почему же охраняет? Я была больна, как и остальные, но я поправилась.

— Господь пощадил хозяйку этого дома, — заметил Уилл, — чтобы помочь малым сим.

Невзгоды и лишения этих дней сблизили нас с Уиллом, как никогда, и я часто обращалась к нему за утешением и поддержкой. Он крепко обнимал меня, я склоняла голову к нему на грудь, закрывала глаза и думала о том, как же благодарна я ему за его любовь. Мы вместе сидели у постели Джона, а когда малыш засыпал — несмотря на все наши старания, — мы помогали Перегрине чем могли: кормили больных детей, мыли их, когда их приводили добрые люди (многие были с ног до головы покрыты грязью, потому что спали в канавах во время своих одиноких странствований по окрестностям) и обряжали их мертвые тела в саваны, когда надеяться больше было не на что.

Я делала, что могла, и оплакивала ушедших. Мы с Уиллом оплакивали их вместе, а потом утешали друг друга.

Как-то раз Уилл подошел ко мне, сел рядом и нежно провел пальцем по моей щеке.

— Ты не жалеешь, что приехала сюда, моя дорогая Джейн?

Я покачала головой.

— Нет, — прошептала я. — Я не жалею ни о чем. Ведь я здесь с тобой.

После этих слов я поцеловала Уилла в щеку и сказала:

— Это место наполнено любовью и заботой, возвышающей наши души.

Поместье Перегрини было больше чем приютом — его обитатели стали чем-то вроде одной большой семьи, объединившейся перед лицом недуга. Дети поддерживали друг друга, не ссорились и не дрались, как бывает только в очень дружных семьях. Всех нас сплотила необходимость, и еще — бесконечное милосердие той, которая нас приютила.

Я спала на жестком полу рядом с набитым соломой тюфячком Джона и пыталась не замечать того, что, похоже, сама заболела. Правда, по всем признакам у меня была не потница, а обычная лихорадка, и уж она-то никак не должна была убить меня. Однако чувствовала я себя из рук вон плохо: голова болела, желудок сводили такие спазмы, что он не принимал ничего, кроме жидкого супчика. Вдобавок ко всему ломило все тело — и мышцы, и кости. Только бы не свалиться в горячке!

Я следила, не проявятся ли в поведении Уилла свидетельства телесной или душевной слабости, но он, как и Перегрини, казалось, не ведал усталости. Каждый его день был заполнен заботами, спал он совсем мало и посвящал все время детям, стараясь облегчить им страдания и поддержать в трудную минуту, чтобы они с новыми силами могли противостоять болезни.

На четвертый день моего пребывания в Уолдрингэме я поняла, а вернее почувствовала, что моему маленькому племяннику недолго осталось. Теперь мы просто ждали — не выздоровления Джона, а окончания его мужественной борьбы за жизнь. Время, казалось, растянулось. Больше не было ни часов, ни минут, а только невероятно долгое ожидание его освобождения для лучшей юдоли.

Сердце мое изболелось от горя и бессилия. Казалось, все печали этого мира сосредоточились в слабеющем теле маленького беззащитного ребенка, лишённого матери и отца, умиравшего в приюте, а не в собственном доме. Но не среди чужих — другие дети, те, кого пощадил потница, собрались вокруг, чувствуя очередное приближение смерти. Они обступили соломенное ложе маленького Джона, лежавшего почти не шевелясь и цеплявшегося за мою руку. Они стояли рядом с Уиллом, рядом со мной, плачущей уже

открыто в преддверии последних минут жизни племянника. Дети молча окружили нас, замерли, и теперь мы ждали неизбежного все вместе.

Странные мысли пронеслись у меня в голове: «Ангелы, они же ангелы на земле, наши хранители в миг, когда смерть дотронется до нас своим темным крылом...» Тут ручка Джона выскользнула из моей руки, он вытянулся и затих, превратившись в бесчувственное, безжизненное ничто. Лишь дуновение ветра... только облако... опавший лепесток... прозвеневший вдали колокольчик. Конец маленькой жизни...

Потница отступила. Мертвецов похоронили, и с приходом осенних холодов число заболевших уменьшилось. Жизнь потихоньку входила в свое привычное русло.

Поместье Томаса Тирингэма под Кройдоном перешло в другие руки, обязанности Эдварда Вудшо в Девичьей Башне были переданы Генри Норрису, а затем кому-то другому, кто уже не был столь близок королю. Сестра Анны Болейн Мария недолго горевала по своему покойному мужу Уиллу Кэри и, как говорили, нашла утешение в объятиях воина из королевской гвардии. Король назначил другого аптекаря и призвал новых людей ко двору взамен тех, кого унес недуг. Анна подыскала себе новую служанку и тут же выбросила из головы имя ее умершей от потницы предшественницы. Но кое-чего другого она точно не забыла: того, как быстро и с какой готовностью Гриффит Ричардс схватил ее, когда ее болезнь стала очевидной, и с какой безжалостностью вознамерился выкинуть ее в окно. Теперь Анна избегала даже смотреть на церемониймейстера королевы и старалась держаться от него подальше. И еще она никогда больше не подходила к самому большому окну в покоях королевы — окну, на котором когда-то решетка была отогнута так, чтобы из него можно было выбросить человека. Ее страх был замечен даже сейчас, спустя несколько недель, когда окно это с грехом пополам заделали.

Уилл отвез меня в Уолдрингэм, чтобы я могла увидеться с моим племянником Генри. Встреча наша была теплой и дружеской — я несказанно обрадовалась тому, как он вырос и возмужал, каким сильным и смелым стал. Генри был жив, здоров и вне опасности, но я по-прежнему оплакивала Джона, не в силах смириться с его смертью. Каждый день я упрекала Господа — да простит Он меня — за то, что Он пощадил моего отца-злодея (который, как я узнала, выздоровел), но позволил отлететь невинной душе.

Да, я проклинала Господа Бога, я проклинала смертельную хворь, пришедшую на нашу землю, я проклинала саму жизнь, видя, что силы зла вырвались на свободу и все мы в любой миг можем пасть от безжалостной руки судьбы.

Кардинал Лоренцо Кампеджио с титулом священника церкви Святой Анастасии^[42] прибыл в Англию в первые холодные дни осени 1528 года. Его послал Папа для проведения слушаний по важнейшему делу — рассмотрению вопроса о признании брака короля недействительным.

Наконец в нашей стране появился человек, который по своему месту в церковной иерархии уступал только самому Папе и мог бы подтвердить сомнения нашего монарха касательно его отношений с королевой. Если кардинал пойдет на то, чтобы объявить о греховности их связи, королева Екатерина должна будет уйти и уступить место той, кого предпочел король, — Анне Болейн.

Меня коробила мысль о том, что королеву могут бесцеремонно отодвинуть в сторону, как некий неодушевленный предмет, но я прекрасно понимала: решение, которое примет кардинал Кампеджио, будет лежать не в области теологии, оно будет диктоваться противостоянием политических сил. У кого окажется больше влияния: у короля Генриха и тех союзников, которых он смог привлечь на свою сторону, или у императора Карла и его пленника Папы Климента?

С некоторых пор мы, фрейлины, часто видели кардинала Кампеджио в качестве гостя короля на празднествах и официальных приемах при дворе. Его роскошная алая шелковая сутана привлекала внимание, а полное морщи чистое лицо с печальными глазами много повидавшего пожилого человека резко выделялось среди лиц королевских советников и высшего духовенства Англии. Последние, впрочем, подчеркнуто оказывали кардиналу знаки высочайшего почтения. В какой-то момент итальянец стал, наверное, самым важным человеком при дворе, затмив даже другого кардинала — Вулси, который в дополнение к высокому церковному сану занимал вполне светскую должность лорд-канцлера.

Папского легата везде сопровождал многочисленный эскорт из нескольких сотен всадников. Где бы он ни шел, где бы ни проезжал, перед ним несли огромные золотые кресты, привезенные из самого Рима. Мужчины и женщины падали на колени, завидев его, крестились и просили его благословения, и он давал его жестом скорее утомленным, чем величественным. Впрочем, было очевидно, что страдал он не от усталости, а от боли. Важного посланца Рима мучила подагра (как и моего отца): не раз мы наблюдали, как во время пира или официальной церемонии он вдруг с гримасой страдания на лице сжимал руку сидящего рядом с ним человека, и если такое случалось, его, хромящего, уводили из зала, ибо передвигаться без посторонней помощи он не мог.

Мы знали, что большой палец на ноге великого человека внезапно пронзает такая острая и жестокая боль, что у него буквально отнимаются ноги, и эта боль приносит с собой лихорадку. Когда у кардинала начинался приступ, ему ничего не оставалось, как неподвижно лежать в темной комнате и ждать, когда этот приступ пройдет. И такую комнату всегда держали наготове везде, куда бы он ни направлялся. После нескольких дней вынужденного заточения он вновь возвращался на свое почетное место при дворе, никогда не зная, когда его подстережет следующий приступ.

— Раз уж он так сильно болен, то пусть немедленно открывает те слушания, для участия в которых прибыл, — бесцеремонно заявила как-то раз Анна. Она развлекалась тем, что мерила перчатку для стрельбы из лука — подарок короля — и держала руку на виду у всех, чтобы мы могли восхититься этой изящной вещью^[43]. Перчатка сидела как влитая!

Нед только посмеялся, когда я повторила ему слова Анны: «Она думает только о себе и своих личных делах», — заметил он, что вполне соответствовало истине. «Кардинал постарается затянуть рассмотрение дела, елико возможно», — добавил мой проницательный брат, и время показало, что он был прав. «И сделает он это не по причине слабого здоровья. Основная задача кардинала — не оскорбить родственные чувства императора Карла, который властвует сейчас в Священном городе и от которого напрямую зависит безопасность Папы. Более того, нельзя оскорбить и короля Франции — ведь он только что стал другом и союзником императора. Посему трудно ожидать, что кардинал пойдет навстречу нашему королю и примет угодное Его Величеству решение».

Нед объяснил мне, что переговоры о подписании мирного договора^[44] между императором и французским королем выбили почву из-под ног Генриха в его надеждах на расторжение брака, так как Англия осталась без союзника. Наша страна теперь беззащитна перед угрозой вторжения войск Карла. Но нет худа без добра — делу королевы такой поворот событий был только на руку, словно сам Всевышний ответил на ее самые горячие молитвы.

— Видишь, Джейн, тот, кто любит и почитает Господа нашего, бывает вознагражден, — сказала мне королева, так и лучась надеждой. — Сначала Он наслал на Англию поветрие в наказание за грехи нашего короля и его любовниц («И за все те книги Лютера, которые Болейны и иже с ними читают и распространяют», — добавил Нед). Теперь подагра заставляет кардинала медлить в том деле, в котором он прислан разобраться от имени самого Папы.

И действительно, в ту пору показалось, что король уже не так уверен в исходе начатого им разбирательства. Слишком многое было против него. В это же время в обществе началось великое брожение умов — речь зашла об изменении важнейших устоев нашей жизни. В Европе некоторые монахи, такие как Мартин Лютер, открыто бросили вызов Папе и занялись созданием новой церкви. Крестьяне в германских княжествах восстали против своих хозяев и веками сложившегося порядка. Священные книги, которые по традиции издавались на латыни и были доступны только узкому кругу ученых мужей и буквально единицам ученых женщин, теперь переводились на языки жителей тех стран, где новое учение набирало силу, чтобы все могли прочесть и понять их («И вступить в спор относительно их сущности», — как иронично заметил Нед).

К чему могли привести эти перемены, дух которых витал в воздухе? Никто не мог сказать точно, но те, кто стоял у кормила власти, до определенной степени страшились их. В этом свете король Генрих проявлял уже не такое сильное желание раз и навсегда порвать со своей законной супругой. С одной стороны, он открыто целовал и ласкал Анну в присутствии кардинала, выказывая к ней такую нежность и привязанность на людях, как будто бы они уже были женаты. С другой стороны, он позволил Екатерине вести привычную для нее жизнь при дворе и оставил попытки насильно заставить ее уйти в монастырь. На всех приемах королеве отводилось почетное место, и король обращался с ней с уважением. Я не слышала, чтобы он повысил на нее голос, с того самого дня, когда во дворце разразилась потница. Но вспоминая о том дне, я не могла забыть, что когда он в панике покидал

Гринвичский дворец, единственной его заботой была безопасность его сына Генри Фицроя. О своей жене он даже и не вспомнил. За все время, пока болезнь опустошала страну, он не написал ей ни строчки, а слал весточки только Анне.

Как и кардинал Кампеджио, король в ту осень был нездоров. Поговаривали, что он маялся каким-то недугом, причинявшим ему сильные боли и, похоже, не излеченным и в зимнюю пору. По слухам, новый старший аптекарь короля лечил его от острого воспаления мочевого пузыря, если не от кое-чего похуже. Из разговоров тех придворных, которые прислуживали королю, то есть знали многие вещи не понаслышке, удалось узнать, что, по-видимому, у Его Величества развилась опухоль тестикулов. Король собственноручно занимался изготовлением снадобий из целебных трав и алхимических компонентов для излечения пораженного органа и даже отрядил человека в великий Болонский университет, дабы вооружиться последними достижениями медицины.

Как всегда в таких случаях, остро встал вопрос о престолонаследии. Если король действительно страдает от опухоли, которая препятствует ему иметь новых детей, то дело об аннулировании брака теряет свою значимость. Ему не будет нужды расставаться с Екатериной, Анна останется, как была, его любовницей, а трон после него перейдет к «принцу» — Генри Фицрою. «Если тот доживет», — шепотом добавляли злые языки, ибо отсутствие слабого, постоянно недомогающего юного Генри на всех приемах с участием кардинала Кампеджио было слишком заметно.

Дни текли за днями, складываясь в месяцы, а дата слушаний по делу об аннулировании королевского брака так и не была назначена.

— Видишь, Джейн, я тебе всегда говорила, что справедливость восторжествует! — заметила королева как-то вечером после встречи с кардиналом Вулси и некоторыми ее самыми влиятельными сторонниками. — Тем, кто любит и почитает Господа нашего, воздается по их заслугам.

«Да, и еще тем, за чьей спиной стоит император Карл со всем его войском!» — не преминул заметить мой брат Нед. Он стал в буквальном смысле слова правой рукой кардинала Вулси и, по слухам, должен был вот-вот занять очень высокое место при дворе. Но, конечно, по влиятельности ему не сравниться было с Томасом Кромвелем^[45], адвокатом кардинала в Грейс-Инн^[46]. Кромвель как никто умел вести дела в королевском суде: в ходе судебного процесса он сохранял хладнокровие и внешнюю невозмутимость, однако, подобно орлу, выбирал миг, чтобы обрушиться с высоты своей изощренной аргументации на выбранную жертву. Спасения не было! Если от кардинала Вулси я просто старалась держаться подальше, то Кромвеля откровенно боялась. За его простоватой внешностью скрывался могучий ум, острый язык и ледяное сердце, не ведавшее жалости.

Когда после девяти томительных месяцев ожидания судебные слушания под председательством кардинала Кампеджио в качестве папского легата, с участием всех епископов и архиепископов, сановников, придворных, королевских советников и адвокатов, были наконец официально открыты, взгляды всех присутствующих сосредоточились не на короле с королевой, как можно было бы ожидать, а на Анне Болейн. И даже не на самой Анне, а на ее чреве.

Беременна ли возлюбленная короля? Посол Франции пустил слух, что Анна понесла, испанский посол опроверг его, епископ Рочестерский заявил, что его высокий духовный сан

не позволяет ему даже думать о таких мирских вещах, а сама Анна наслаждалась, оказавшись в центре внимания, таинственно улыбалась и отмалчивалась.

Мне претило даже глядеть на Анну, и, смею утверждать, другие фрейлины — а среди нас было несколько новеньких — чувствовали себя в ее обществе по меньшей мере неловко. Поскольку все при дворе знали, что Анна — любовница короля, на каждую из фрейлин смотрели как на девушку нестрогой морали. Я слышала за нашей спиной шепотки, что нынче во фрейлины берут не по «заслугам родителей перед короной», а по «услугам дочерей на королевском ложе», и меня это оскорбляло до глубины души. Неужели кто-то мог представить себе, что я предаю королеву?

Никогда не забуду, как Ее Величество, держась с неизменным достоинством и благородством, вошла в зал суда, опираясь на руку Гриффита Ричардса, и, обращаясь прямо к своему супругу, торжественно поклялась, что не было в их с Генрихом браке и намека на кровосмешение, ибо она и старший брат короля Артур, чьей невестой она была официально объявлена, не poznали друг друга как муж и жена. Искренность королевы подкупала, а ее доводы звучали убедительно, но внимание тех, кто собрался в зале суда, было обращено совсем на другую женщину. Правда ли, что под пышными юбками Анна Болейн вынашивает нового короля Англии? Какого цвета ее щеки — бледные (значит, она страдает от тошноты, как часто случается с беременными) или румяные (тогда, может быть, это румянец стыда)? Что это на ней за новая ослепительная драгоценность? Правда ли, что это — подарок короля, сделанный, когда Анна сообщила ему о том, что она в тягости?

Суд собирался на свои заседания каждый день, слухи распространялись и множились. Прошло уже больше месяца, а решение по главному вопросу так и не было вынесено. Из Италии пришли пугающие для Англии вести — император подчинил себе все и вся. Он даже продиктовал Папе свою волю: дело об аннулировании брака не может быть решено в пределах нашего королевства. Только Папа Римский собственной персоной вправе судить о Великом Деле Короля, а уж когда он этим займется, зависит от воли императора Карла.

Голосом, дрожащим от стыда, пряча глаза, кардинал Кампеджио объявил суд папского легата распущенным без принятия решения и, хромя, покинул огромный зал, волоча за собой полы красной шелковой кардинальской мантии. Немногие из присутствующих опустились перед ним на колени, почти никто не крестился и не просил его благословения, а из стана Болейнов и других сторонников короля раздались возгласы разочарования.

Я же улыбалась. Улыбка не сходила с моего лица и в этот день, и на следующий, а когда Анна, столкнувшись со мной, обожгла меня сердитым взглядом, я заулыбалась еще шире. Мне казалось, что праведные — вознаграждены, нечестивые получили по заслугам, что тем, кто заранее сажал Анну на трон и награждал короля наследником, придется повременить.

Джейн Попинкорт мертва!

Она погибла во Фландрии, за тысячи миль отсюда. Эти вести дошли до нас как раз в то время, когда двор готовился к традиционному летнему путешествию. Рассказывали, что приближенные одного фламандского вельможи, среди которых находилась и Джейн, перебираясь из замка в замок, подверглись нападению разбойников с большой дороги. Во время стычки почти все женщины были убиты.

— Как вы думаете, ее изнасиловали? — шепотом спросила Бриджит.

Анна Болейн отвернулась, словно не хотела даже думать о таких ужасах.

Другие фрейлины, большинству из которых не довелось лично знать Джейн, только ахали и охали, а Энн Кейвконт не потрудились даже притвориться взволнованной.

— Конечно, мне жаль, если она страдала, — заявила она, — но, признаться, Джейн никогда не была одной из нас. Она всегда держалась особняком, одевалась по своей фламандской моде и ни с кем не дружила.

— Может быть, она стеснялась, — заметил кто-то, — она плохо говорила по-английски.

— Нет, — настаивала на своем Энн. — Она вовсе не была стеснительной. Просто она была слишком гордой и смотрела на нас на всех свысока. Такое ужу нее было отношение ко всем англичанам.

— Так вот почему она вернулась в свой Мехелен^[47]?

— Нет, — заявила Бриджит тоном всезнайки, — она вернулась, потому что...

— Потому что должна была, только и всего, — прервала ее Анна. — У нее были личные причины, чтобы оставить двор, и мы не имеем к этому никакого отношения.

При этих словах Анна бросила на Бриджит весьма выразительный взгляд, требуя от той сдержанности.

«Помолимся о ее душе и понадеемся на то, что она не мучилась перед смертью, — сказала наша благочестивая королева Екатерина, узнав о гибели Джейн. — Она была моей подругой добрых два десятка лет, вступив в мою свиту сразу же после нашей с королем свадьбы. Она всегда была мне верна, и я сохраню ее образ в своем сердце. Давайте же почтим ее память тем, что не будем рассуждать о вещах, которые мы уже не в силах изменить или исправить».

Больше о гибели Джейн я ничего не слышала, но обстоятельства этой смерти казались мне странными, чтобы не сказать подозрительными, и я вдруг засомневалась, что речь шла о случайном нападении разбойников. Король, как я заметила, вообще ничего не сказал о кончине фламандки, хотя, если верить слухам, они когда-то были любовниками и, значит, в свое время она много для него значила. И она знала его секреты, в том числе тайну его связи с матерью Анны Болейн. А поскольку Его Величество сделал все возможное, чтобы правда об этом никогда не выплыла на свет, Джейн была вынуждена, по словам Бриджит, покинуть двор, став богаче на целый сундук полновесных золотых монет.

Чувствовалось, что новость о том, что Джейн больше нет, сильно расстроила короля, но была ли тому причиной их давняя любовь или нечто другое, мне узнать не удалось. Наш государь вообще ненавидел любые разговоры о смерти и не желал даже думать о ней. Он так и не смог перебороть тот страх, который поселился в его душе во время последнего поветрия потницы, и с трепетом ждал возврата болезни. Королева Екатерина как-то призналась мне, что он до сих пор носит на шее мешочек с живыми пауками, дабы отогнать от себя недуг.

Я вспомнила, что Джейн весьма туманно говорила о своей будущей жизни, когда уезжала из Англии. Она упоминала лишь о том, что едет домой. Последний же час на английском берегу она провела, запершись с королевой. Никто не смел тогда нарушить их уединение. О чем они говорили? Вспоминали прошлое? Или обсуждали собственное будущее?

Почему-то я была почти уверена, что случившееся с Джейн как-то связано с делом об аннулировании королевского брака и с внезапным отъездом кардинала Кампеджио.

Как же обеспокоены и встревожены мы были в то лето — лето 1529 года. Одни боялись

того, что потница обязательно вернется, другие — что войска императора Карла высадятся в Англии, чтобы встать на защиту королевы Екатерины. В городах и селах собиралось ополчение: люди разных сословий вооружались ржавыми мечами и кинжалами, а порой и простыми вилами, которые, как говорят, стали символом крестьянской войны в Германии. Самый воздух, которым мы дышали, наполнился всевозможными слухами, задувал ветер перемен, грозящий разметать прежний порядок и унести с собой прочь привычные жизненные ценности.

Я съездила в Вулфхолл, чтобы навестить свою семью, но столкнулась лишь с неловкостью и взаимным напряжением. Я не решалась заговорить о Кэт, юном Генри и бедняжке Джоне, похороненном в общей могиле в Уолдрингэме вместе с другими умершими от потницы детьми. Казалось, мое присутствие в нашем фамильном поместье не очень желательно, особенно если сравнить отношение моих родителей ко мне с тем шумным, теплым приемом, который был оказан Неду. Мои родители не могли им нахвалиться и без конца повторяли, как быстро он богатеет (Нед и в самом деле одевался все лучше и лучше, возвысившись при кардинале и добившись того, что на него обратил внимание сам король, удостоивший моего брата несколькими поручениями). Они умилялись, глядя на Неда, и твердили, как он хорош собой, как далеко он уже продвинулся при дворе и как высоко взлетит, уж будьте уверены! Я только кивала и улыбалась, но старалась не поддерживать такие разговоры.

— Когда же мы будем праздновать твою свадьбу, Нед? — спросила как-то раз моя мать с широкой улыбкой. — Я слышала, что ты начал подыскивать себе невесту из хорошей семьи...

— Он не торопится связывать себя узами брака, — грубо прервал ее мой отец. — У Неда есть важные обязанности при дворе. Пусть себе женится, когда у него будут красивые дома и собственные земли, конюшня с прекрасными скакунами и сундуки с золотом под кроватью.

Я ушам своим не могла поверить — они говорили так, как будто бы Кэт и дети никогда не существовали. Я знала, что Неду удалось быстро расторгнуть свой брак с Кэт, но разве это зачеркивало все те годы, когда Кэт была частью нашей семьи, годы любви и заботы о детях? Моя мать была прекрасной бабушкой для Генри и Джона, она искренне любила их, а теперь стерла из памяти.

Пока я слушала разговор моих родителей, мне хотелось громко закричать, обвинить их в бесчувственности, а Неда — в невыносимом жестокосердии. Я оказалась отрезанной от своей семьи, потому что не могла вот так взять и выкинуть из головы Кэт, томившуюся в обители Святой Агнессы, и Генри, подвизающегося в учениках у лучника, не могла перестать думать о них с любовью, а о своем отце — с горечью и ненавистью.

Но я, конечно, сдержала себя, понимая, что криками и обвинениями ничего не добьюсь. На меня моя семья смотрела с досадой и жалостью. «Столько лет, а она до сих пор не замужем», — читалось во взглядах родственников. (Тем летом 1529 года мне исполнилось двадцать три года.) Я случайно услышала, как мой отец посетовал в разговоре, что мне нечего особо предложить мужчинам, ведь я не отличаюсь ни красотой лица, ни фигуры.

— Лавиния Терлинг, — говорил он владельцу соседнего замка, с которым гулял по полям, — вот это, я вам доложу, была штучка! Лицо ангела, а тело — как у Евы в Саду Эдемском.

Я услышала, как мужчины засмеялись, и подумала: «Что бы они почувствовали, если бы

услышали нас, женщин, говорящих о них в таком тоне?»

Не встретив теплоты и понимания в родном доме, я вернулась ко двору, и тут снова оказалась в водовороте скрытых страстей, вызванных противостоянием королевы и Анны. В ход шли тычки и щипки, толчки и подначки, словом — любые возможности отравить жизнь ближнему. Сторонники королевы принимались чихать, едва завидев Анну, и находили любую возможность выказать ей свое неуважение, но так, чтобы не навлечь на себя гнев короля. Болейны и те, кто их поддерживал — а их, должна признаться, с каждым днем становилось все больше и больше, — отвечали ядовитыми репликами и злобными нападками.

Мы все слышали, как король называл Анну «моей малюткой», и мы называли ее так же, но с презрением, добавляя полушепотом: цыганка, гадюка, волчица, ведьма. Мы насмехались над ее оспинами. Мы нарочно указывали друг другу на «дьяволоу отметину» — раздвоенный кончик пальца, — стоило только ей надеть перчатку для стрельбы из лука или унизать руки дорогими кольцами. Мы откровенно разглядывали ее живот. Анна не выдерживала и набрасывалась на нас, обзывая последними словами, но в этих нескончаемых мелких стычках мы постоянно одерживали, или думали, что одерживаем, верх. Мы и понятия не имели, что ждет нас дальше.

В тот день уже с утра чувствовалось приближение грозы. Было жарко и парило немилосердно. Целый день воздух оставался тяжелым и неподвижным. Напоенный густыми ароматами середины лета, он кружил голову. Ниже по реке, в той стороне, где находился Гринвич, гроза уже началась: темные, зловещие тучи сверкали вспышками молний, слышались отдаленные раскаты грома.

Мы находились в доме Уильяма Skeffingtona, королевского камердинера. Заняться тут было особо нечем, посему мы скучали и мучились вынужденной праздностью. Дом на берегу Темзы, недалеко от столицы, был велик, красив и прекрасно содержался. С одной его стороны ухоженные лужайки сбегали к реке, с трех сторон его обступал зеленый лес. Король отпустил большую часть слуг, оставив только Бриджит, Энн Кейвкент и еще одну из новеньких фрейлин — бледненькую скромную девушку по имени Маргарет, — чтобы мы разделили уединение Анны Болейн в этом загородном убежище и прислуживали ей. Да — прислуживали! Мы, которые все вместе состояли в свите королевы, теперь были разделены королевской волей — одна из нас вознеслась, пусть и на несколько дней, а другие оказались у нее в подчинении.

Нас страшно уязвляло то, что теперь мы были при Анне теми, кем она совсем недавно была при королеве. Мы должны были следить за ее нарядами, помогать ей во время ее туалета, а наделе большую часть времени сидели и ждали, когда она придумает для нас то или иное пустяковое поручение. Да и сама Анна еще не доросла до своей новой роли. Она взяла за правило отдавать нам приказы тоном уязвленной гордости, словно была уверена, что мы их не выполним, и заранее страдала от этого. Бриджит лучше всех справлялась с таким положением вещей. Мне кажется, ее даже забавляли наши раздраженные лица и показная суровость Анны. Энн Кейвкент, напротив, не могла смириться с возвышением Анны, была полна скрытой злобы и не раз мстительно бормотала про себя: «Кем она себя возомнила? Кто она такая — эта двуличная ведьма с раздвоенным пальцем?» Юная Маргарет, абсолютно неискушенная в придворных интригах, не понимала, что происходит, старалась всем угодить и плакала, когда Анна бранила ее и упражнялась на ней в своем злоязычии. Ну а я — я оставалась сама собой: наблюдательной, все подмечающей, полной скрытого непокорства, трезво взирающей на мир вокруг меня.

За эти несколько дней мое желание навсегда оставить двор вернулось и укрепилось. Почему, ну почему злой судьбе было угодно, чтобы «Эглантин» — корабль нашей мечты — потерпел крушение? Почему он не унес нас с Уиллом к далеким берегам Нового Света, к земле обетованной! Мы бы взяли Генри и Джона с собой, мы бы покинули Англию до того, как она оказалась охваченной смертельным недугом, мы бы распрощались с нашей немилой родиной со всеми ее напастями и бедами, оставили бы ее за кормой.

Но я знала, что бессмысленно думать о том, чему не суждено сбыться. Я должна была жить настоящим и елико возможно лучше примениться к обстоятельствам. Посему я утешала бедную малышку Маргарет и просвещала ее относительно тонкостей дворцовой жизни, вместе в Бриджит посмеивалась над «королевскими» замашками Анны, а сейчас ждала в почти пустом доме под стремительно темнеющим небом под звуки приближавшегося грома,

когда наша новая госпожа соизволит отдать мне очередной бессмысленный приказ.

Внезапно откуда-то снаружи послышался неясный шум. Сначала нам показалось, что рядом с домом, откуда ни возьмись, появился рой рассерженных пчел, но скоро мы смогли различить голоса и топот множества ног. К поместью быстро двигалась большая масса людей. Они приближались по узкой дороге, шедшей от ближайшей деревни через лес, к участку за домом, где стояли конюшни и прочие хозяйственные постройки. Короля с нами не было. Он уехал на охоту рано утром и забрал с собой большую часть вооруженных слуг, охранявших поместье. С нами осталось буквально несколько стражников — никто даже не предполагал, что мы будем нуждаться в защите.

По мере того как ропот и крики толпы становились громче, наша тревога нарастала. Прибывшие явно были настроены враждебно: мы слышали, как они называли Анну по имени, добавляя самые нелицеподобные эпитеты и прямые угрозы. Несколько раз до сего дня, когда мы еще жили во дворце, на подходах к нему собирались немногочисленные, но шумные группы жителей Лондона, осмеливавшихся выкрикивать оскорбления в адрес Анны и выражать свою поддержку королеве Екатерине. Стража быстро рассеивала крикунов до того, как они добирались до стен дворца и могли бы представлять опасность. Но судя по доносившимся до нас звукам нынешняя толпа была гораздо более многочисленной и настроена весьма решительно. Да и поместье стояло столь уединенно, что мы не могли рассчитывать на скорую помощь из столицы.

— Давайте спрячемся в подвале, — дрожащим голосом предложила Энн Кейвкант. — Мы можем залезть в бочки, где хранится мука.

Однако для этого уже не было времени. «Может быть, подняться на крышу?» — пронеслось у меня в голове. Но мы находились в этом доме недолго и не знали, как подняться на крытую свинцовыми полосами кровлю.

— Черт бы побрал королеву! Она послала этих людей разделаться с нами! — раздался яростный крик Анны.

Она схватила маленький арбалет, подаренный ей королем, — изящную вещицу, украшенную золотой чеканкой. В этот день арбалет был у Анны под рукой, так как она собиралась присоединиться к королевской охоте. Она ловким движением зарядила его стрелой, натянула тетиву и подошла к окну.

— Анна, не делай этого, — взмолилась Бриджит. — Лучше не высовывайся. Если нам повезет, король услышит шум и поспешит к нам на выручку со своим эскортом.

Но проходили минуты — долгие, наполненные тревожным ожиданием, — а короля с подмогой все не было. Вместо этого толпа подошла еще ближе. Крики людей напоминали шум волн, бьющихся о берег в непогоду, или приглушенный звук артиллерийской канонады. Наконец показались первые ряды мятежников — мы увидели развевающиеся подола юбок, покрасневшие враждебные лица, крепкие руки, сжимавшие ножи, палки, вилы и ручки метел. Толпа неумолимо приближалась к дому.

— Это женщины! — в изумлении воскликнула Энн Кейвкант. — Одни только женщины! И их так много...

Действительно, на нас надвигалась шеренга горожанок и крестьянок в платьях и косынках. Они кричали: «Шлюха! Проститутка! Дьяволово отродье!» и гневно потрясали кулаками.

Я пригляделась внимательнее. Кулаки у этих женщин были просто пудовые, а руки удивительно мускулистые и крепкие. Все они, как на подбор, были очень высокого роста,

неуклюжие, крепко сбитые, начисто лишённые женственности. Мужчины! Это же мужчины, переодетые в женское платье! Я в замешательстве огляделась по сторонам в поисках выхода.

— Это солдаты императора! — выдохнула помертвевшая от ужаса Маргарет. — Их одели женщинами и отправили сюда убить всех нас!

— Нэн Буллен! Нэн Буллен! — вопила толпа, на свой лад переделывая ненавистное ей имя «Анна Болейн». — Выходи к нам, мерзкая шлюха!

Нападавшие рассеялись между конюшнями, пугая лошадей в стойлах так, что те принялись жалобно ржать и бить копытами.

«Только бы появился король!» — взмолилась я про себя. Но тут меня пронзила отчаянная мысль — а вдруг он испугался так же, как и мы? Что сможет он с немногочисленной стражей поделаться с целой толпой рассерженных мужчин, пусть и переодетых в женское платье?

— Быстро! Бежим к реке! Там лодки! — раздался голос Анны.

Она уже неслась по коридору к широкой лестнице, спускавшейся к парадному входу. Она не рассталась со своим арбалетом и бесстыдно задрала юбки, чтобы не наступить на подол во время стремительного спуска по лестнице. Она не просто бежала, а неслась с невероятной скоростью, удивившей меня. (Впоследствии, по здравому размышлению, я поняла, что удивляться нечему, если вспомнить, как прекрасно Анна танцевала.) Мы рванулись следом за ней, за нами устремилась и наша немногочисленная стража. Наши охранники догнали Анну, перегнали ее, распахнули парадные двери на лужайку, спускавшуюся к реке, и через мгновение уже грохотали сапогами по сходням, вдававшимся далеко в воды Темзы. Там было привязано несколько небольших лодок в ожидании пассажиров. Лодочники, увидев наше стремительное приближение, принялись готовить свои суденышки к отплытию, а когда мы добежали, ловко посадили нас на борт.

— Перевезите нас на другой берег! — скомандовала Анна.

— Но король...

— Это приказ короля! — закричала она. — Отчаливаем, быстро!

Чуть только мы все расселись, лодочники один за другим принялись отталкивать от пристани свои посудины. Скоро они уже налегали на весла, погружая их в илистые воды Темзы, чтобы, борясь с течением, переправить нас через реку. В этот момент, как будто по приказу свыше, разверзлись хляби небесные, и на нас, цеплявшихся за борта опасно кренящихся лодочнок, из нависших туч хлынули потоки воды. Рев толпы на берегу смешался с могучими ударами грома, а потом и вовсе потонул в шуме и грохоте разыгравшейся стихии.

— По-моему, настало время мне устроить свой собственный двор, — заявила Анна королю после того, как мы вернулись в Уайтхолл.

Мы, как обычно, разместились в покоях королевы, куда Генрих явился за Анной, чтобы забрать ее на очередную охоту или прогулку. Анна же, которая до сих пор злилась на своего царственного любовника, оставившего нас наедине с разъяренной толпой, выбрала этот момент, чтобы заявить о своих правах. Королева, заслышав резкие голоса спорящих, тут же затворилась в своей спальне.

— Мне нужны мои собственные стражники! — звенел голос Анны. — Пятьдесят, нет, сто верных людей! Ах, пусть их будет двести! У меня должно быть мое собственное войско!

— Только послушай, — прошептала мне на ухо Бриджит, — вот она, месть нашей

«малютки»...

— Вряд ли я смогу снабдить тебя собственной армией, любимая, — заметил король, глядя на Анну со смесью изумления и легкого раздражения, — но я, конечно же, распоряджусь усилить твою охрану. И сделаю так, чтобы эта женщина замолчала, если в ней все дело.

— Какая женщина?

— Та, что натравила на тебя толпу. Ее еще называют Кентской Монахиней.

Кентская Монахиня! Скоро это имя будет у всех на устах — по слухам, эта женщина творила чудеса и обладала даром пророчества. Ей неоднократно были видения: она разговаривала с самой Девой Марией, а потом доносила слово Богоматери до всех верующих, кто желал его услышать.

Именно эта монахиня — в миру Элизабет Бартон^[48] — жила отшельницей при обители Святой Агнессы, где содержалась Кэт. Она не просто настроила собравшуюся вокруг нее толпу паломников против Анны, но и указала точно, где находится королевская любовница. Монахиня заявила, что у нее было божественное видение — передней предстал наш Спаситель, которого вели на Голгофу.

— Она видела Господа Нашего Иисуса Христа, — торжественно проговорил Гриффит Ричардс, обращаясь к нам. Вокруг него стояли всего несколько фрейлин, но стоило ему заговорить, как аудитория церемониймейстера королевы заметно увеличилась. — Она слышала глас Божий, она лицезрела Его со связанными руками. На шее Спасителя была веревка, и солдаты тащили Его на гору, где Ему суждено было умереть. И тут Спаситель заговорил с Кентской Монахиней.

— Что же он ей сказал? — спросила, затаившая до этого дыхание и ловившая каждое слово рассказчика Маргарет.

— Он сказал: «Грех нашего короля Генриха — причина смерти Моей. Негоже вашему королю коснеть во грехе более. Пусть бежит от той, что ввела его в непотребство, пусть оставит ее и не оглядывается. И пусть травят ее насмерть, как дикого зверя».

Услышав, как Ричардс повторяет слова монахини, я не могла не вспомнить, с какой готовностью и радостью он попытался выкинуть Анну из окна покоев королевы в Гринвиче. Он жаждал утопить Анну во рву не только потому, что та заболела потницей, но потому, что так велела Кентская Монахиня. Получалось, что сам Иисус так распорядился.

— Она увидела, как воздвигли крест и распяли на нем. Господа Нашего, вогнав гвозди в руки его и ноги, — продолжал Ричардс. — Она была свидетельницей Его агонии, Его страшной, мучительной смерти. Как же страдал Спаситель наш — и все из-за прегрешений нашего земного властелина.

Громкий, торжественный голос церемониймейстера привлек дополнительных слушателей. Теперь вокруг него столпилось несколько десятков человек.

— Так, значит, вы слышали, как монахиня рассказывала о своих видениях? — спросила я.

Он кивнул и продолжал:

— Многие идут в монастырь Святой Агнессы, чтобы внимать ей. И не только внимать, но и выполнить те святые наказы, которые ее устами дает нам сам Господь. Воистину, чудеса происходят в обители: статуи плачут и неземные голоса обращаются с увещаниями к страждущим. Устами Кентской Монахини с нами разговаривают небесные силы.

Распространение в народе убеждения в том, что Кентская Монахиня напрямую

общается с Господом, удивило и почему-то обеспокоило меня. Что касается Анны, то она была в ужасе.

— Теперь вы видите, Ваше Величество, — твердила она королю, — я должна иметь свой собственный двор, свою собственную стражу. Мой враг — Кентская Монахиня, и она не отступится, пока меня не убьют. Это она наслала на меня этих ужасных мужчин в развевающихся женских юбках, вооруженных ножами и вилами, чтобы они покончили со мной и со всеми теми, кто был со мной в тот день.

Король не отвечал, а лишь кивал головой, вертя на пальце одно из своих колец. Этот жест, как я уже замечала раньше, свидетельствовал о том, что Его Величество пребывает в некотором замешательстве.

— Если она столь могущественна, как о ней говорят, то ее не победить и целой армии. Божественная сила во сто крат превышает силу любого земного воинства, — пробормотал он.

В голосе короля звучала какая-то странная покорность, словно он понимал, что не в силах противиться божественной воле. Но он отдал приказ удвоить охрану дворца, а затем и утроить ее. И еще он распорядился дать Анне дюжину стражников, которые должны были подчиняться ее приказам. И в качестве дополнительной защиты он сделал поистине тонкий ход: призвал к себе Кентскую Монахиню, чтобы они вместе могли вознести молитвы.

Я давно собиралась съездить в монастырь Святой Агнессы, чтобы попытаться увидеть Кэт, а теперь, когда эта обитель привлекала толпы почитателей и последователей Кентской Монахини, мне пришла в голову мысль — явиться туда простой паломницей, не называя своего имени. Я одолжила у одной из кухарок платье из грубой материи, на который накинула длинный серый плащ — традиционное одеяние тех, кто отправляется к мощам святого Томаса Кентерберийского^[49] или к другим святым местам. Капюшон плаща закрывал мне пол-лица, и я сняла все украшения, которые по своей должности при дворе обязана была носить. В таком виде я не отличалась от тех, кто ехал или шел по пыльной дороге, тянувшейся на юго-восток к побережью. Лошадки подо мной и грумом, сопровождавшим меня, были самые простецкие, так что даже в этом мы не отличались от большинства паломников.

На нашем пути со всех сторон только и слышалось:

— Она творит чудеса. Стоит ей помолиться о больном, и он исцелен.

— Она воскрешала людей из мертвых.

— Да нет же! Только Господь способен на это!

— Господь — и наша добрая Монахиня.

— Говорят, что она из бедной семьи, служанка. Чуть не померла от оспы или чумы. Но к ней спустилась Пресвятая Дева и вылечила ее. С тех пор ее и посещают видения.

— Сам король ее боится. Он хотел взять новую жену, но наша Монахиня ему запретила. Стоит ему жениться во второй раз, и он умрет. Он должен остаться с праведной королевой Екатериной.

— Пусть Монахиня помолится о чуде. И тогда у королевы Екатерины родится здоровенький, крепкий сыночек. Он-то и станет нашим следующим королем.

— Ну, это будет уж чудо так чудо. Как у библейской Сары, которой Господь послал сыновей, когда ей было уже за сто лет.

Разговоры не прекращались, некоторые паломники вдруг запевали, другие принимались молиться. Я посмотрела на пилигримов, ехавших рядом, и спросила себя — не те ли это мужчины, кто, переодевшись женщинами, охотился за Анной и всеми нами? Неужели Кентская Монахиня в силах превратить мирных паломников в головорезов?

Таким беспокойным мыслям я предавалась и тогда, когда въехала во двор обители, где уже собралась большая толпа. Какая-то монахиня поднесла мне чашу с водой из колодца. Я сделала большой глоток, а остатками попыталась немного омыть лицо от дорожной пыли. Монахиня улыбнулась, наблюдая за мной. Улыбка у нее была добрая, искренняя, и я от души поблагодарила ее.

Передав поводья моей лошадки груму, я присоединилась к остальным, и нас через огромные двойные двери провели в отдельное помещение, где не было ничего, кроме низкого ложа. На этом ложе было разложено довольно поношенное и не слишком чистое зеленое платье. Все окружающие опустили на колени в благоговейном молчании, и я последовала их примеру. Я услышала, как одна из женщин сказала: «Вот платье, которое было на нашей Монахине в тот день, когда ей явилась Пречистая Дева». Я осмотрелась и увидела, что в комнате выставлено еще несколько предметов — молитвенник, носовой платок, грязная перчатка. Никому не дозволялось дотрагиваться до них. Да и созерцать их разрешалось лишь коленопреклоненно.

— К чему такие почести, она же не причислена к лику святых, — сказал кто-то.

— В один прекрасный день она будет канонизирована, и в этом нет сомнений, — послышалось в ответ. — И тогда все эти вещи будут объявлены священными реликвиями.

В следующем зале — гораздо большем по размерам и освещенном свечами — было почти закончено возведение алтаря под балдахином, и паломники из многих мест, даже из Экзетера и Тетфорда, чуть ли не дрались за место рядом со святилищем. Многие принесли своих больных и умирающих, которых хотели положить как можно ближе к сверкающему в полутьме алтарю. Плакали дети, с губ страждущих срывались жалобные стоны, и на все это взирали святые и Дева Мария, сохраняя выражение доброжелательности и сочувствия на своих застывших деревянных ликах.

Я замерла в дверях зала, и тут увидела, как между больными передвигается маленькая фигурка. Это была женщина совершенно заурядной внешности, низкого роста, полноватая. Она легким движением касалась каждого, мимо кого проходила. Губы ее шевелились, но из-за шума в комнате мне было не разобрать, что именно она говорит. Я видела, как люди тянулись к ней, стараясь дотронуться до ее одежды, а одежда эта весьма напоминала то платье, которое было выставлено на обозрение в первой комнате. Теперь я поняла, что передо мной сама Кентская Монахиня и что она благословляет болящих.

Затем толпа расступилась и Монахиня покинула нас.

— Она уединилась для молитвы, — раздался голос рядом, — и вновь выйдет к народу только вечером.

Я вышла со всеми, опустилась на каменные плиты двора, как и другие паломники, чтобы хоть чуть-чуть передохнуть, и подумала, что никогда не доводилось мне спать на более жестком ложе. Но такие суровые условия соответствовали всему облику обители, в которой, помимо роскошного золоченого алтаря в святилище, все вещи и помещения отличались строгостью и простотой. Некоторые монастыри выставляли напоказ свое богатство, обитель же Святой Агнессы к таким не относилась.

Меня разбудил перезвон колоколов. Вокруг люди пробуждались ото сна и поднимались

с каменных плит. Мы вошли в часовню, в которой в отличие от шумной залы с алтарем, где Кентская Монахиня появилась перед нами в первый раз, царила благоговейная тишина. В углу открылась дверца, и она вошла, одетая в то же платье, в сопровождении нескольких женщин в длинных белых одеждах, какие носят те, кто готовятся принять святы́е обеты. Я пробежала взглядом по их лицам. Одно из них показалось мне знакомым. Приглядевшись, я поняла — это была Кэт!

Я вздрогнула. Неужели она? Никакой ошибки. Это была моя невестка Кэт, одетая в белое и казавшаяся гораздо здоровее и крепче, чем когда я видела ее в последний раз. Я чуть было не позвала ее по имени, но не посмела. Вместо этого я замерла со всеми остальными и наблюдала, как Кентская Монахиня вышла вперед и начала говорить. Голос ее был нежен, а улыбка сияла. Мы все как один замолкли, едва до нас долетели первые слова, и я почувствовала — или мне так показалось, — как вздрогнул воздух, как по толпе прошел трепет, как все мы застыли в благоговении, ощутив незримое присутствие Божьего духа.

— Дьявол среди нас! — Голос Кентской Монахини, звучащий нежным колокольчиком, вдруг возвысился и заполнил собой все пространство часовни. Поразительно, какие могучие звуки теперь исторгались из узкой груди этой маленькой женщины. — Он воспользовался любострастием нашего короля, чтобы ввергнуть Англию в пучину бед!

По толпе прошел ропот согласия, люди кивали и при упоминании дьявола осеняли себя крестным знаменем.

— Есть женщина, которая несет на себя дьяволу отметину. — Кентская Монахиня простерла вперед свою маленькую ручку, чтобы мы могли ее видеть. — Смотрите, у меня пять пальцев, как и у всех вас. А у этой женщины, у этого исчадия ада пальцев шесть! Недаром враг рода человеческого добавил ей еще один лишний палец. Так он желает показать, что она принадлежит ему.

Женщина, сидевшая рядом со мной, содрогнулась, и я почувствовала, как сгущается вокруг меня облако страха. «А ведь Монахиня толкует об Анне, — подумала я, — но Анна вовсе не дочь дьявола. Она — обычная женщина с уродливым раздвоенным пальцем».

— Ныне разразилась великая битва, и мы — ее свидетели, — продолжала меж тем Кентская Монахиня. — Эта битва идет между силами света и легионами тьмы. И от ее исхода зависит судьба нашей страны. В Библии все это уже предсказано — об этом писал Иоанн в своих Откровениях. Он прозревал то, что свершится, и знал, кто одержит победу.

— Так скажи нам, — пронеслось по толпе.

Я оглянулась вокруг себя и увидела испуганные глаза и бледные от тревоги лица. Эти люди жаждали знать ответ, чтобы покончить с неопределенностью и неустойчивостью, окружавшей их. Я разделяла страх этих людей, но мне чуждо было их отчаяние.

— Исход этой битвы зависит от нас с вами! От каждого из нас! Все мы — солдаты Божии. Если будем сражаться мужественно — мы победим. Господь Бог одержит победу, а дьявол будет отправлен обратно в преисподнюю.

Она замолчала, а потом продолжила, и голос ее вновь в полную силу зазвучал под сводами часовни:

— Пресвятая Дева сказала мне, что грядет еще одна великая война, и будет она последней и самой важной. Вся земная твердь низвергнется в пучину морскую, и армии тьмы будут окончательно рассеяны. И еще Богородица показала мне будущее — светлое будущее! — На лице говорившей появилась улыбка. — Давайте же возрадуемся этому! Но перед тем, как оно настанет, нам предстоит эпоха великих испытаний, великих унижений. Никого не минет чаша сия.

Она замолчала и принялась покачиваться, как будто пытаюсь выйти из провидческого транса. Потом она заговорила совсем о другом, и речи ее стали совсем странными:

— Я видела корабль. Он принес к нам того, кого сам Господь послал на помощь королеве Екатерине. Ныне человек этот сошел на берег Англии. Он оторвет головы злым гадинам, поселившимся при дворе, ибо что есть королевский двор сегодня, как не гнездо змеиное...

То, что я только что услышала, совсем не походило на предшествующий рассказ

Кентской Монахини о ее видениях. Теперь она вела речь о вполне определенном человеке и явно имела в виду Эсташа Шапуи^[50], императорского посланника, недавно прибывшего ко двору. Шапуи должен был представлять интересы Карла и оказать помощь Екатерине. Я не только знала о том, кто такой Шапуи, но и неоднократно видела его, ведь он часто посещал нашу королеву, а она иногда просила меня задержаться и присутствовать при их беседах.

Королева охотно принимала у себя посла Священной Римской империи и часто спрашивала у него совета о том, как ей вести себя в деле об аннулировании брака, но при этом относилась к эмиссару Карла с некоторой опаской. Шапуи не был ни богобоязненным, ни благочестивым, а наша королева безбожников не жаловала. Этот некрасивый, почти уродливый савояр^[51] своим острым и беспощадным умом напоминал моего брата или кардинала Вулси. Королева высоко ценила его мнение, потому что он как никто умел мгновенно оценить положение вещей и дать дельный совет, но она не доверяла ему, ибо всегда относилась с предвзятостью ко всем итальянцам. Признаюсь, я разделяла ее отношение. Мне казалось, что к тем словам, которые так ловко слетают с языка императорского посла, нужно относиться с большой осторожностью.

А теперь Кентская Монахиня толкует своим последователям о том, что посол Шапуи — посланец Божий. Невероятно!

Я попыталась вспомнить, когда впервые услышала о кентской прорицательнице, и поняла, что это произошло сразу же после отбытия кардинала Кампеджио в Рим, когда суд папского легата был распущен и не смог принять решение, которого так жаждал наш король, о том, что его брак с королевой не был священным союзом, благословленным церковью. Примерно в это же время посол Шапуи прибыл в Англию. Значит, видения Кентской Монахини начались тогда, когда королеве особенно остро понадобилась помощь? Когда ей нужно было во что бы то ни стало попытаться устранить свою соперницу Анну Болейн?

В тот же день я задала эти свои вопросы Кэт. Это случилось после того, как Кентская Монахиня закончила свою речь и паломники покинули часовню. Девять женщин в белом, окружавшие Монахиню — и среди них Кэт, — двинулись в соседнюю комнату, а я последовала за ними. Никто меня не остановил.

Я подошла к Кэт, поцеловала ее и сказала, как я рада ее видеть. Она обняла и поцеловала меня в ответ, а затем схватила за руку и быстро отвела в сторону.

— Все изменилось, Джейн, — заговорила она тихим голосом, косясь на нескольких священников, наблюдавших за происходящим. — Как ты видишь, меня уже не держат взаперти. Кентская Монахиня меня защищает. Я полезна ей и делу королевы. Я знаю кое-что о нашей семье — твоей семье, которая когда-то была и моей семьей, — что интересует посла Шапуи. Пока я помогаю ему, меня никто не упрячет обратно в келью, никто не пошлет за решетку.

Она говорила с воодушевлением, но стоило ей упомянуть о зарешеченной келье, как лицо ее помрачнело. Как же велики были ее страдания, — подумала я, — оказаться отрезанной от всего мира, от всех своих родных и друзей, зная, что остаток жизни она проведет среди мрачных и холодных каменных стен. И вот сейчас я буду вынуждена поведать ей ужасные вещи.

— Кэт, — начала я, страстно желая оказаться за тысячу миль отсюда, — у меня для тебя дурные вести...

Лицо моей невестки затуманилось, и она печально кивнула:

— Ты хочешь рассказать мне о моем маленьком Джоне? Да, я знаю, что он на небесах с

ангелами Божьими. Мне Монахиня сказала.

— Но почти никто об этом не знает. Откуда же ей стало известно?

— Она — настоящая пророчица, Джейн. Она сразу же почувствовала, когда он умер. Она была вынуждена сказать мне правду, но при этом всячески пыталась утешить меня.

— Послушай, Кэт, я старалась сделать все, что было в моих силах, для него и Генри. Уилл сразу увез обоих мальчиков, когда в Кройдон пришла потница.

— Я знаю. И я тебе очень благодарна, Джейн. Тебе и Уиллу. Вы их не бросили. Без вас они бы оба умерли.

— Хвала Всевышнему, с Генри все хорошо, — быстро сказала я. — Он растет не по дням, а по часам. Он уже научился натягивать лук, предназначенный для ребят вдвое его старше. Уилл считает, что Генри станет хорошим солдатом.

Я принялась рассказывать Кэт о ее выжившем сыне и той семье, в которой он сейчас живет, о том, какой он крепкий, умный и смелый мальчик. Кэт улыбнулась:

— Я ему обязательно напишу. Сможешь сделать так, чтобы мое письмо дошло до него?

Я кивнула.

Пока мы вели этот наш разговор, и потом, когда я стала задавать вопросы об удивительном совпадении откровений Кентской Монахини и прибытия ко двору посла Шапуи, я заметила, что Кэт все чаще бросает беспокойные взгляды на одетых в черное священников, стоявших рядом с Кентской Монахиней. Их было с полдюжины — отнюдь не почтенных седобородых святых отцов, а довольно молодых людей, полных сил. Они переговаривались друг с другом взволнованными голосами, и я невольно услышала их разговор. Велико же было мое удивление, когда я поняла, что говорят они по-испански. Через некоторое время один из них — красивый, темноволосый, представительный мужчина приблизился к нам.

— Джейн, это отец Бартоломе. Он прибыл вместе с послом Шапуи, но остановился здесь, в нашей обители.

— Да, пока я нахожусь здесь, — сказал святой отец, бросая на меня пронизательный взгляд своих темных глаз. — А вы — сестра Кэтрин и прислуживаете королеве.

Я кивнула:

— Так и есть, хотя мой брат Эдвард более не причисляет Кэтрин к нашей семье.

— Я знаю, что супруги разъехались при скандальных обстоятельствах. Простите мне мою прямоту, но ваш брат попирает законы божеские и закон нашей святой церкви.

Я не очень понимала, как следует отвечать на это, и потому ничего не сказала. Священник продолжал разговор и на этот раз дал понять, что ждет от меня ответа.

— Я надеюсь, — промолвил он, — что вы не принадлежите к тем, кто читает богопротивные лютеранские книги и оспаривает верховенство Его Святейшества Папы? В Испании мы подвергаем таких людей самым суровым наказаниям.

Я бросила взгляд на Кэт. Почему этот священник задает мне такие странные вопросы? Я вспомнила, что испанские фрейлины королевы рассказывали о том, как в Испании пытаются еретиков, как их сжигают заживо, как их мучают перед смертью. Слышала я и о святой инквизиции^[52], церковном суде, выносившем жесточайшие приговоры. Но какое отношение ко мне имеют расследования, касающиеся религиозных заблуждений? Если уж быть до конца откровенной, то лютеранские книги действительно были в ходу у нас при дворе, и я не единожды заглядывала в них.

Действительно, почему бы мне — грамотной молодой женщине — не узнать о том, чем

именно бывший монах Мартин Лютер^[53] привлек столько последователей и как его учение отличается от проповеди того, кто восседает на престоле Святого Петра. Я достаточно часто слышала, что многие авторитетные богословы уважают учение Лютера, поскольку оно основано, с одной стороны, на глубоких и обширных знаниях, а с другой стороны, на высоких моральных принципах. Однако Рим отлучил Лютера от церкви, а его книги сжигались как еретические. А ведь он имел смелость прямо осудить индульгенции, то есть продажу церковью отпущения грехов, ибо искренне кающемуся, по его мнению, должно уповать единственно на Божью благодать и Божий промысел, и в этом я с ним была полностью согласна.

Помнится, я еще подумала тогда, что если в этом и состоит лютеранское учение, то оно мне по душе. Конечно, вполне возможно, что в привлекательной новой доктрине заложена какая-то скрытая, невидимая мне опасность, кто знает? Не мне тягаться в изощренности ума с маститыми богословами, но тогда пусть они подскажут нам, где же находится истина?

Следует заметить, что не я одна проявляла интерес к учению бывшего монаха из Виттенберга. Анна и ее брат Джордж вовсю штудировали эти книги, с ними познакомился и наш король. Да, он их осудил, но осудил, прочитав и изучив. Возможно, сама принадлежность меня ко двору вызвала подозрение в ереси у мрачного испанского священника.

— Уверю вас, я не являюсь последовательницей Лютера, — заявила я отцу Бартоломе. — Сама королева Екатерина может засвидетельствовать мою приверженность Римской церкви.

— Да, но почему я слышу из ваших уст слова «Римская церковь»? Они не пристали верной христианке, мисс Джейн. Нет Римской церкви и церкви Лютера. Есть только одна истинная апостольская святая церковь, во главе которой стоит Его Святейшество Папа.

— Спасибо за урок, святой отец, теперь я буду более внимательно следить за своими словами, — ответила я с легким поклоном.

— Джейн, — вступила тут в наш разговор Кэт, — мы обязательно должны поговорить еще. Мне столько хочется тебе сказать. Если ты останешься до завтра, то я найду возможность с тобой встретиться и передать письмо для Генри.

Она поцеловала меня и пошла прочь, и священник, к моему огромному облегчению, последовал за ней.

Теплое весеннее солнышко освещало поместье Дормеров Чиверинг-Мэнор. В этот день сестра Уилла Марджери стала женой двоюродного брата моего отца Годфри Сеймура. Таким образом, Дормеры и Сеймуры официально помирились и породнились, хотя и не через задумывавшийся ранее наш с Уиллом союз.

Марджери попросила меня быть одной из ее подружек, а Уилла — войти в число друзей жениха. Последний, кстати, принаряженный в шикарный, шитый золотом камзол, страшно волновался, и было от чего. Внезапно в прохладных отношениях между нашими семьями наступила оттепель, причиной которой стал стремительный взлет Неда при дворе и страстное желание Дормеров воспользоваться плодами его успеха. Сегодняшний праздник был залогом восстановленного согласия между нашими домами, и мое присутствие на нем имело особое значение.

Наши семьи соседствовали и приятельствовали, сколько я себя помню, и лишь

постыдная связь между моим отцом и Марджери положила внезапный и, казалось бы, окончательный конец этим отношениям. Но когда Нед обратился к отцу Уилла Артуру Дормеру и предложил ему должность младшего груга Королевской кондитерской службы с вознаграждением в целых тридцать фунтов в год, а затем и пообещал сделать его хранителем дверей Палаты феодальных сборов, Артур немедленно принял эти заманчивые предложения. Нынешняя свадьба знаменовала очередной шаг двух родов друг к другу.

По словам Неда, Артур высказался в том духе, что нашему отцу «уже не доведется тискаться с другими моими девочками по чуланам, потому как подагра его скрутила и не отпускает». И еще добавил, что «теперь-то старина Джон, в кои-то веки, полежит в своей постели в одиночестве».

Передавая мне этот разговор, Нед подтвердил, что наш отец действительно серьезно болен и почти не может ходить. Дни соблазнений и совращений для него кончились. «Ну и доченьке моей Марджери нужен хороший муженек, — заявил при той встрече Артур Дормер и добавил: — Как насчет твоего кузена Годфри, который недавно овдовел? Он, конечно, не красавчик, но знатный охотник и стол держит богатый! Как ты думаешь, он возьмет в жены мою Мардж?»

Я от души смеялась над тем, как Нед изображал Дормера-старшего. Мой брат мог быть весьма забавным, когда этого хотел. Он с необыкновенным искусством перевоплощался во многих знаменитых и влиятельных людей, с которыми сталкивался при дворе. Он даже осмеливался (конечно, только в самом узком кругу) передразнивать самого короля. Но Нед редко позволял себе быть веселым и легкомысленным. В последнее время он с головой ушел в работу, особенно после смерти кардинала Вулси, за которой последовало столь желанное ему назначение в число ближайших придворных короля. Теперь моего брата часто можно было увидеть в компании нового любимца Генриха — Томаса Кромвеля. Я знала, что Нед примеряет на себя роль преемника Кромвеля, будущей правой руки нашего монарха. А может быть, и лорд-канцлера, почему бы и нет?

Мы с Уиллом до упаду плясали на свадьбе, а затем отдали должное хмельному деревенскому элю. Спускались сумерки. Уилл помог мне забраться в легкую повозку, и мы укатили от всех в поля, зеленевшие молодыми всходами, где витал аромат первых весенних цветов. Уилл расстелил одеяло на дне повозки, бросил пару подушек, лег сам и притянул меня к себе. Я прижалась к нему и замерла, наслаждаясь теплом его ласковых рук. В последовавшие за этим часы нам было трудно выполнить принятый нами обет — не переходить до свадьбы последний предел телесной близости. Все остальное было: и нежные, долгие поцелуи, и ласки, от которых у меня перехватывало дыхание, а из уст Уилла исторгались стоны желания. Мы были так поглощены друг другом, что даже не заметили, как на смену синим сумеркам пришла полночная тьма и на небе высыпали яркие звезды.

— Скоро, Джейн, очень скоро нам не нужно будет себя сдерживать, ведь заднем нашей свадьбы, который не за горами, обязательно наступит наша первая брачная ночь, — прошептал мне Уилл. — Та жизнь, которую, как ты помнишь, мы надеялись прожить с тобою вместе, всего в одном шаге от нас.

Уилл имел все основания так говорить: он заявил своему отцу, что по-прежнему желает сочетаться браком только со мною, и получил четкий ответ: старшие Дормеры не будут препятствовать ему в этом. Более того, сейчас отношения между нашими семьями изменились настолько, что Артур Дормер желал заключения нашего с Уиллом союза елико возможно скорее. Он ждал, что после этого ему будет предложено еще несколько

тепленьких местечек при дворе, а на доходы от них он сможет прикупить себе поместье получше Чиверинг-Мэнор.

— Этот дом будет принадлежать тебе, Уилл, — заявил его отец, — как только я присмотрю для себя и остального семейства что-нибудь побольше и поближе к столице. Надо же с толком использовать жалованье младшего грума Королевской кондитерской службы, ну, и Бог даст, поступления от других придворных должностей.

— Значит, ты станешь фермером-джентльменом, Уилл, — сказала я своему жениху, полушутя-полусерьезно. — Тогда я научусь стричь овец и сажать цветочки, помогать арендаторам и крестьянам в нужде, а ты достигнешь невиданных высот в разведении коров и будешь придирчиво следить за работой управляющего. И — самое главное — мы сможем завести семью и навсегда оставить двор.

Уилл взял мою руку и поднес к губам.

— Так, значит, мы договорились, Джейн? — нежно спросил он. — Мы ведь сделаем все то, о чем ты сейчас толкуешь, да или нет?

Я посмотрела на него: мальчишеское лицо, полное любви, взлохмаченные светлые волосы, добрые синие глаза. В тот день он безраздельно царил в моем сердце. Я кивнула.

— Да, Уилл, да, дорогой!

Мистер Скут был просто счастлив, когда его вновь призвали в покои королевы. Он радостно потер руки в предвкушении повторного заказа и с улыбкой обратился ко мне:

— Что ж, мисс Сеймур, значит, настало мне время закончить для вас ваш прекрасный свадебный наряд. Будет ли объявлено о помолвке?

— Да, мистер Скут. В самом скором времени это произойдет. Думаю, придется немного изменить платье, чтобы оно лучше подошло невесте, которая стала чуть старше и искушеннее.

Портной сделал знак своим помощникам, которые тут же выставили корзины и принялись показывать их содержимое.

— Конечно же, нам придется немного изменить фасон лифа и рукавов, чтобы они соответствовали последней моде, — соловьем запел мастер. — Думаю, нужно пустить другую отделку по вороту и перешить нижние юбки. С тех пор, как леди Анна стала так популярна при дворе, на ее гардероб устремлены глаза всех наших дам. Нынче надобно следовать французской моде, то есть моде леди Анны.

Что ж, мистер Скут правильно подметил новые веяния. Анна стала истинной законодательницей мод при дворе и даже, пожалуй, уделяла своим туалетам слишком много внимания. Она меняла платье по три-четыре раза на дню и требовала, чтобы мы следовали ее примеру. Она старалась менять не только сами туалеты, но и их фасоны, вплоть до мельчайших деталей. За ее изменчивым вкусом нам было не угнаться. Сегодня она давала распоряжения всем швеям мистера Скута немедленно начать расшивать ее юбки золотыми фестонами, а на следующий день фестоны отпарывались и на их место спешно пришивались блестящие аксельбанты. На третий день на пышных рукавах вышивали двойные узлы восьмеркой — символы истиной любви, — а на четвертый их заменяли вставками из черной тафты или тончайшего шелка из Брюгге.

Такое непостоянство создавало много суеты и, по моему мнению, было совершенно лишним. Анне требовалась отдушина, которую она находила в модных причудах, а не то ее

начинали одолевать страхи. Ей требовалось без конца отдавать приказы, чтобы преисполниться чувством собственной значимости. Ведь по сути она была лишь игрушкой в руках короля и вдобавок должна была постоянно лавировать между своими родными и сторонниками с их запросами и требованиями, с одной стороны, и враждебно настроенными по отношению к ней остальными подданными Его Величества, с другой. Я чувствовала, что начинаю ее понимать. Но понять в этом случае — не значило простить! Никогда я ее не прощу, и пусть Бог будет мне судьей!

Мистер Скут продолжал свои рассуждения о перекройке лифа и рукавов моего прекрасного наряда, а между тем его помощники разложили эти самые рукава на резных скамейках, а на их спинках развесили кремовые шелковые нижние юбки. Мистер Скут взялся за свою корзинку, извлек из нее штуку тончайших кружев и приложил к шелковой ткани.

— Слишком отдают желтизной, — был его приговор.

Он еще покопался в корзинке, извлек на свет божий еще несколько образцов кружев, каждый из которых был в свою очередь отвергнут.

— Возможно, вы ищете вот это! — раздался звонкий голос короля. Его Величество так часто повышал его в покоях королевы во время многочисленных ссор, что я вздрогнула от неожиданности при бархатных переливах его речи, звучавшей в этот раз как музыка.

Король вошел в залу с куском необыкновенного венецианского кружева, сотканного из тончайших серебряных нитей. Мистер Скут и его помощники склонились в глубоком поклоне. Я присела в реверансе, но не могла удержаться от вздоха восхищения.

— Эти кружева прекрасны, — проговорила я, — но их, конечно же, следует пустить на отделку ваших бархатных камзолов, Ваше Величество, или серебристых блестящих чулок...

— У меня этих кружев — целые горы! — рассмеялся король. — Кажется, на прибывшем вчера судне есть еще двадцать или тридцать сундуков. И вдобавок — столько серебра, что на него можно купить почти все мои дворцы.

Последние слова он произнес шепотом.

— Это венецианское кружево? — спросила я. Я слышала, что тамошние умельцы достигли высочайшего мастерства в плетении серебряных нитей.

— Да, но само серебро с рудников Альта-Перу в Новом Свете. Ими владеет Карл, племянник моей женушки. Вот насчет этих рудников я и пришел с ней побеседовать.

При этих словах лицо его помрачнело, и он повернулся к двери в опочивальню королевы, небрежно уронив на пол блестящую серебряную кружевную ленту. Я тотчас подняла сияющие и извивающиеся нити.

— Можете отделать ворот моего платья этим — вместо обычных кружев? — спросила я мистера Скута.

— Вообще-то не полагается так украшать свадебное платье, — начал портной, но тут же добавил: — Впрочем, раз Его Величество настаивает...

Я вручила серебряную ленту одному из подмастерьев, который тотчас начал измерять ее.

— Мне понадобится больше этого драгоценного материала, — заметил мистер Скут.

— И вы его получите, — были последние слова короля перед тем, как он покинул залу и отправился на поиски своей супруги.

— Пуркуа, малютка, сюда! Пуркуа, где моя маленькая собачка?

Анна металась из комнаты в комнату в отведенных ей покоях дворца, голосом и свистом призывая свою любимую комнатную собачку. Малышку Пуркуа нигде не могли найти.

— Ее украли! Я уверена в этом! — воскликнула Анна, придя в полное отчаяние от того, что ее поиски напрасны. — Это сделал кто-то из моих ненавистников!

Было бесполезно напоминать Анне, что Пуркуа исчезала подобным образом уже добрый десяток раз из-за нервности характера и склонности к побегам, но всякий раз находилась.

— Джейн, Энн, Бриджит! Помогите мне!

Мы покорно подчинились приказу нашей бывшей товарки и принялись расхаживать по всем помещениям, хлопая в ладоши, свистя и зовя беглянку. Я заметила, как Бриджит иронически подняла брови и улыбнулась, как бы говоря: «А что нам еще остается делать?»

Надо заметить, что мы больше не состояли при королеве Екатерине, да и вообще ее свита заметно поредела. Энн Кейвконт, Бриджит, я и еще с десятков других девушек, прислуживавших ранее королеве, теперь выполняли малейшие прихоти леди Анны Болейн, которая наконец-то добилась своего: у нее появился свой собственный маленький двор, частью которого мы и стали. Я была уверена, что король удовлетворил желание Анны в том числе и для того, чтобы унижить королеву Екатерину, которая настаивала на своих супружеских правах и полагалась на их защиту ее племянником.

Я же чувствовала себя как мяч с перьями^[54], перебрасываемый между противниками в бесконечной безжалостной игре. Наши услуги, наши должности фрейлин стали чем-то вроде разменной монеты в соревновании честолюбий: то королеве удавалось вырваться вперед, заполучив их, то Анне. В данный момент мы служили Анне, и потому нашей первой обязанностью было попытаться найти сбежавшую маленькую негодницу. Не переставая звать Пуркуа и свистеть, я зашла в комнатку с окнами в дворцовый сад. У окна стоял работник, который осторожно вынимал из переплета часть витража. Он был полностью поглощен своим делом, аккуратно придерживая хрупкую поверхность стекла изящными длинными пальцами. На место витража с гербом и эмблемой королевы Екатерины должен был встать другой — с белым соколом Анны Болейн.

Человек у окна повернул голову, когда я вошла в комнату. Взгляд у него был спокойный, открытый. Казалось, эти карие глаза сначала оценили меня, а затем сверкнули неприкрытым восхищением.

— Мадемуазель, — с улыбкой произнес стекольщик.

Голос его оказался столь же приятным и располагающим, как и его взгляд. Он был высок, строен и хорошо сложен, под скромной рабочей одеждой угадывались стальные мышцы, развитые ежедневным трудом.

С первых же звуков его голоса я почувствовала непреодолимое влечение к этому человеку, словно он меня околдовал. Передо мной был простой ремесленник, пусть даже и очень искусный, однако я, дочь джентльмена, не почувствовала никакого сословного барьера

между нами. Я подошла к нему и улыбнулась в ответ.

— Ты не видел маленькую собачку? — спросила я с непривычной для меня самой мягкостью в голосе.

— Нет, мадемуазель. Но если увижу, то обязательно сообщу вам, — вежливо ответил он, не отводя взгляда.

В те дни десятки людей трудились во дворце, перестраивая и заново украшая помещения, отведенные для Анны. Тут были каменщики и плотники, столяры и маляры. Мы жили среди постоянного стука молотков, визга пил и переклички рабочих. Однако в тот момент для меня вдруг все кругом смолкло, и я замерла, утонув в глубине смотревших прямо на меня спокойных карих глаз.

— Нельзя ли попросить у вас попить, мадемуазель? — проговорил мужчина с явным акцентом. Голос у него был тихий и певучий.

Как зачарованная, я повернулась и пошла в спальню Анны. Там рядом с ложем Анны стоял кувшин с вином, разведенным водой. Наполнив кубок, я вернулась и протянула его стекольщику. Он осушил кубок залпом и вытер губы тыльной стороной ладони. Я смотрела, как он пил, не в силах отвести взгляд от его точеной шеи с двигавшимся кадыком, четкой линии блестящего от пота подбородка, сильных рук, темных кудрей, спадавших на плечи.

Он протянул мне пустой кубок, и руки наши встретились. Вновь я обратила внимание на то, какие у него длинные и тонкие пальцы. Ни один из нас не отдернул руки при этом соприкосновении. Ладонь у него была шершавая, грубоватая. Я почувствовала, как мои пальцы вспыхнули, коснувшись его пальцев. Такого жара я никогда в жизни не испытывала!

Медленно и неохотно я отняла руку после этого пожатия, длившегося мгновения, растянувшиеся для меня в минуты, и услышала, как стекольщик вновь заговорил:

— Иногда я забываю свои инструменты, и приходится возвращаться за ними поздно ночью. Если я и сегодня окажусь таким забывчивым, смогу ли я найти вас во дворе в столь поздний час?

— Да, — только и смогла вымолвить я и, улыбаясь, пошла прочь.

Все еще находясь под впечатлением этой встречи и разговора, я вновь занялась поисками собачки Анны. К этому времени малышку нашли. Гриффин Ричардс объявил, что Пуркуа пробралась на половину Екатерины. Пуркуа забралась под аналой королевы, спасаясь от отца Бартоломе — священника, которого я видела в обители Святой Агнессы.

— Не трогайте мою собаку! — крикнула на него Анна, когда мы вбежали в покои королевы.

Здесь оказались все, кто принимал участие в поисках. Священник в своей развевающейся черной сутане пытался отчаянными пинками вышибить скулящую и воющую Пуркуа из-под аналая, где та укрылась. Услышав приказ Анны, священник бросил на нее такой свирепый взгляд, который никак не соответствовал его сану, и продолжал наносить удары ногами с еще большей яростью.

Я не могу спокойно смотреть, как мучают животных, поэтому сразу же поспешила на помощь Пуркуа. Едва сама не пострадав от пинков священника, я опустила на колени, просунула руку под аналой и извлекла оттуда дрожащую, насмерть перепуганную собачку. Я тут же передала Пуркуа Анне, которая выхватила у меня свою любимицу и бросилась вон из комнаты.

Отец Бартоломе недобро уставился на меня. Я неловко поднялась на ноги, путаясь в подоле платья и пышных нижних юбках. Никто не пришел мне на помощь.

— Кого я вижу? Неужели передо мной вновь мисс Джейн — почитательница Лютера? — процедил сквозь зубы священник, злобно глядя на меня. — Та, что явилась в монастырь Святой Агнессы подвидом простой паломницы! Видно, вас послала любовница короля, чтобы из первых рук получить сведения о творящей чудеса Кентской Монахине. Да вы шпионка!

— А вы — клевет посла Шапуи! — выкрикнула я в ответ.

— Я — новый исповедник Ее Величества, — напыщенно произнес отец Бартоломе. При этих словах он весь преобразился, приосанился, на глазах превращаясь в почтенного и благочестивого служителя Господа.

— Мне слишком хорошо известно, кто вы такой на самом деле, — запальчиво возразила я, — и я не собираюсь держать рот на замке.

Тот, кого я встретила утром, терпеливо ждал меня в залитом лунным светом дворе, пока я шла туда по самым тихим переходам, спускалась вниз по самой неприметной лестнице. Сонные стражники дремали по скамьям, никто не обходил дворец ночным дозором.

— Мадемуазель! — услышала я его нетерпеливый шепот. — Я здесь, мадемуазель!

Он стоял у стены пивоварни так глубоко в ее тени, что я увидела только силуэт его высокой стройной фигуры, закутанной в тонкий плащ. Подойдя ближе, я различила и темные волосы, обрамлявшие его прекрасное молодое лицо, и сверкавшие даже в темноте глаза. Мужчина протянул мне руку и увлек под защиту стены. Я последовала за ним с радостью. В мгновение ока меня обхватили его сильные руки, и мы стояли, тесно прижавшись друг к другу, пока его губы касались моего уха, шеи, горла.

— Вы пришли, вы здесь! — шептал он. — Я боялся, вы не придете!

Я не сопротивлялась. Я хотела заговорить с ним, но он закрыл мне рот поцелуем, и тут внутри меня поднялась горячая волна, захватившая всю меня целиком.

— *Ma chere mademoiselle, mon ange, ma fleur, ma petite...* [55]

Он поднял меня на руки и отнес в пивоварню, освещаемую одной-единственной свечой, которая горела у охапки соломы, застеленной одеялом. Когда он уложил меня на это скромное ложе, я тут же потянулась к нему, потому что желала только одного: чтобы он не переставал меня целовать. И очень скоро я забыла обо всем в его объятиях.

Той ночью я рассталась со своей девственностью легко и без сожалений, причем отдала ее не дорогому моему сердцу Уиллу, а незнакомцу. Когда свеча догорела и погасла, я стала женщиной с той же неизбежностью, с которой по весне на лугу раскрывается цветок. Тот, кто сорвал его, сказал мне, что его зовут Гэльон. Он называл меня своей любимой и пообещал, что мы еще встретимся.

Я нашла короля на арене для турниров. Он гарцевал на своем любимом боевом коне Кёрдельоне, что в переводе на наш язык означает Львиное Сердце. Здесь же находился и юный Генри Фицрой верхом на пони. Король пытался научить своего сына прыгать через препятствия. Он терпеливо объяснял ребенку, что пони сам прекрасно знает, как прыгать, а от принца требуется только дать коньку посыл шпорами в нужный момент и крепко держаться в седле, но Фицрой никак не мог решиться. Раз за разом король подбадривал сына, даже подначивал его, но каждый раз в последний момент принц резко осаживал и заворачивал своего пони перед самым препятствием.

— Ради всего святого, как же ты собираешься сражаться с французами, если боишься

перепрыгнуть через изгородь, которая тебе по колено? — в сердцах воскликнул король.

Юный Фицрой ничего не ответил, а только повесил голову.

— У меня живот болит, — пожаловался он тихим и слабым голосом, а затем сложил ручки в том месте своего бархатного камзолчика, где находился источник этой боли.

Король резко развернул Кёрдельона и сорвал его в галоп. Могучий конь, трясая светлой гривой, поскакал к противоположному концу арены так быстро, что пыль столбом взлетела из-под его копыт. Там король развернул его и погнал обратно, остановив совсем рядом с принцем и его испуганным пони.

— Ты говоришь, что у тебя болит живот? — прокричал король. — Чушь собачья! Да у меня голова раскалывается каждый божий день, в ногу как будто бы вставили раскаленный штырь, а мои яйца... — Тут король грубо выругался и застонал. — Как могут болеть эти чертовы яйца, ты и сам узнаешь, когда станешь старше. Борись с болью, мой мальчик! Учись этому, а то французов тебе никогда не победить!

— Мой учитель говорит, что нам скорее следует опасаться солдат императора, а не французов, — заметил юный принц.

— Хотел бы я посмотреть, как твой учитель наденет доспехи и отправится на поле брани, — ехидно заметил король. — Только вряд ли он до него доберется, потому что кишка у него тонка! — Он замолчал, а потом добавил: — Впрочем, его нанимали не для этого, а для того, чтобы он тебя научил греческому, и последнее у него неплохо получается.

Король, который многому научился сам, был самого высокого мнения об ученых мужах и потому поспешил смягчить свое обидное замечание.

Потом Его Величество еще раз попытался убедить своего сына быть умницей и перепрыгнуть через препятствие, а когда и эти усилия не увенчались успехом, он спешился и, шлепнув пони по крупу, отправил мальчика в направлении конюшни.

В этот момент он заметил меня и сделал мне знак приблизиться.

«Ах, Генри, Генри, — бормотал он про себя, сокрушенно качая головой. — Я один как перст между этим ребенком, моими законниками и женщинами, которые дерут друг друга, как две кошки».

Как я поняла, кошками Генрих назвал Анну и королеву Екатерину. На это мне сказать было нечего, потому я промолчала.

— В чем дело, Джейн? — спросил король.

— Если Ваше Величество позволит, я насчет того серебряного кружева для моего платья...

— Конечно, тебе ведь нужно еще, я так понимаю?

— Да, мистер Скут говорит, что кружева требуется больше, Ваше Величество.

— Завтра же распорядюсь послать.

— Благодарю вас, Ваше Величество, — я на мгновение заколебалась. — И, если позволите, хотелось бы сказать вам еще кое-что...

— Что именно?

— Новый исповедник королевы отец Бартоломе не тот, за кого себя выдает.

— Неужели? — Глаза короля блеснули.

— Он — ставленник посла Шапуи и его шпион.

— Конечно, Джейн, ты абсолютно права. Но пусть он остается на своем месте — ведь врага лучше знать в лицо, не правда ли? Вообще-то всех испанцев не мешало бы отправить на дно морское, как любит повторять Анна.

— Не всех, — посмела возразить я, — только не Ее Величество королеву, которой я столько лет служила верой и правдой.

Король нахмурился.

— Думай, что говоришь, девочка, — бросил он. — Учись у своего брата держать язык за зубами, а нос по ветру. А ветер сейчас дует для королевы крайне неблагоприятный. Я даже больше скажу — идет буря! И, сдаётся мне, эта буря может унести королеву прочь. Или отправить на дно морское...

По иронии судьбы в тот день, когда мистер Скут доставил законченный свадебный наряд во дворец мне на примерку, я уже не была уверена в том, что действительно хочу выходить за Уилла. И причиной этому, конечно же, был Гэльон.

Но платье от этого не стало хуже. Вообще-то теперь оно выглядело красивее, чем когда бы то ни было: отделка кружевом из серебряных нитей — восхитительна, рукава — подвязаны самым модным и элегантным образом, шелестящие нижние юбки такой смелой длины, что едва касаются тростниковых циновок, покрывающих пол.

— Нам пришлось укоротить юбку, — сказал мистер Скут, показывая своим помощникам, где именно следует подрубить переливающуюся нежно-голубую ткань верхней юбки. — Вы ведь не очень высокого роста, мисс Джейн, не так ли? Кстати, когда свадьба?

— Я еще не знаю. Мы ждем, когда будет готов наш дом, — ответила я.

Артур Дормер постоянно твердил сыну, что Чиверинг-Мэнор отойдет нам, но сначала Дормеру-старшему необходимо найти участок земли с домом поближе к Лондону и переехать туда со всеми чадами и домочадцами, что во всех смыслах представлялось трудной задачей. Посему мы ждали, и конца этому ожиданию не предвиделось.

Я не могла не думать о том, что очередная отсрочка — это знак судьбы. Может быть, не следует мне сочетаться браком с Уиллом? Может быть, мужчина моей жизни — Гэльон? Почему наша с Уиллом свадьба раз за разом упорно расстраивается? Сначала родители Уилла отказались дать свое согласие на наш брак, потому что мой отец соблазнил сестру Уилла (я до сих пор предпочитала думать, что вина за это целиком лежит на моем отце). Мы с Уиллом решили сбежать в Новый Свет на борту судна под названием «Эглантин», и оно потерпело крушение. А теперь вот получается, что дом вроде бы наш, и в то же время еще не наш, и не будет принадлежать нам еще какое-то время, а пока нет дома — нет и свадьбы.

Я всегда твердо верила, что пути Господни — неисповедимы, посему Он может вознаградить нас за то, за что мы не ждем награды, равно как и отворотить нас от определенных поступков. Не иначе как наш союз Ему не угоден. А как иначе можно объяснить то, что Артур Дормер никак не мог купить такой дом, который соответствовал бы его новой должности при дворе?

Если бы в тот летний день я не увидела Гэльона у окна, если бы неведомая сила не толкнула меня в его объятия... Если бы я не пошла к нему на свидание в темный двор... не узнала бы, как его шершавые ладони будут ласкать мое тело, как его мягкие губы коснутся моих губ, как моя грудь приникнет к его груди... Если бы я не узнала, какие глубины плотской радости откроются во мне, я бы спокойно довольствовалась тем, что имею. Но теперь этого было мне уже недостаточно.

— По-моему, вы похудели с первой примерки, — посетовал меж тем мистер Скут. — Придется кое-где кое-что ушить.

Я не удивилась его словам, потому что в последнее время совсем мало ела — мои страстные свидания с Гэльоном начисто лишили меня аппетита. Мы не часто виделись после нашей первой полуночной встречи, но всякий раз между нами возникало еще более сильное взаимное влечение. Каждое свидание заставляло меня желать новой встречи,

приносило ни с чем не сравнимое наслаждение, но не давало мне покоя. Временами мне казалось, что я должна успеть до прихода осеннего ненастья насладиться последними восхитительными днями долгого жаркого лета, испить эту чашу любви до дна, до последней капли...

Конечно, я прекрасно понимала: мой роман с обольстительным стекольщиком — всего лишь еще одна страница моей жизни, чудо, случайно подаренное мне судьбой, и не более. Слишком многое решается сейчас для меня, ведь я готовлюсь вступить в брак с моим добрым другом, с моей давней привязанностью. Я собираюсь идти с Уиллом по жизни рука об руку, я оставлю двор с его бесконечными ссорами и интригами, отравляющими все вокруг. Я выйду замуж за прекрасного скромного человека, который искренне любит меня, который может предложить мне обеспеченное существование жены землевладельца. Мы будем строить вместе наш новый мир. Нежданный праздник тайных встреч с Гэльоном закончится, и начнутся будни, в которых Уилл будет мне надежной опорой.

Все это так, но с Уиллом я никогда не узнаю того восторга и упоения, которое я познала с Гэльоном — в этом я была совершенно уверена. Как же тогда я принесу Уиллу клятву у алтаря? И еще — как смогу я сохранить тайну своего предательства? Я никогда не лгала Уиллу, у меня не было от него секретов. Но о Гэльоне я ему не должна говорить ни под каким видом. Эти невеселые мысли не давали мне покоя, а Бриджит Уингфилд, как всегда, словно прочитала, что творится в моей голове.

— Ты на себя не похожа, Джейн, — заявила она как-то вечером, наткнувшись на меня в минуту моих самых тревожных дум. — Ты боишься выходить замуж?

Я вздохнула, и она приняла мой вздох за подтверждение ее предположения.

— Ты боишься боли деторождения?

Я кивнула, хотя на самом деле вовсе не это меня сейчас заботило. Бриджит придвинулась ближе:

— На днях я слышала жуткую историю от повитухи, которая за свою жизнь приняла сотни младенцев. Она рассказала мне об одной женщине, у которой месячные прекратились, а живот вовсе не вырос.

— Но если живот не вырос, то где же был младенец?

— У нее в боку, — прошептала Бриджит.

Я в жизни не слыхала о таком и, конечно, желала подробностей.

— У нее сбоку образовалась словно бы небольшая опухоль — это и был ребенок. От этого она заболела и умерла, даром, что раньше была здоровой.

— А у нее точно не было ни потницы, ни чумы?

Бриджит медленно покачала головой.

— Это ужасно! — воскликнула я.

— Повитуха говорит, что такое случается. Видно, зачат ребенок был неправильно, не по природе.

— Ребенок, который не должен был родиться, — пробормотала я, подумав, что, видимо, этот малыш оказался неугодным Провидению.

Мы замолчали, поскольку наш разговор явно коснулся слишком мрачной темы.

— Вообще-то, тебе нет нужды тревожиться, — вновь заговорила Бриджит. — Такие вещи случаются очень редко. Я сама нервничала и испытывала неуверенность перед свадьбой. От меня ведь ничего не зависело, я ничего не решала. Ричард был намного меня старше, и я его почти не знала. Его для меня выбрали другие люди. Мне он нравился, —

продолжала она, — но любви к нему я, конечно же, не испытывала. Но часто ли муж и жена любят друг друга? А если и любят, выдерживает ли проверку временем их чувство? Но я думала, что мы с Ричардом заживем счастливо. Я была уверена, что он никогда не обидит меня.

Бриджит глядела на меня с симпатией. Мне очень хотелось признаться ей во всем, но останавливала природная осторожность. Наконец я набралась смелости и заговорила, так и не зная до конца, что могу ей открыть:

— Вообще-то я не то чтобы волнуюсь. Здесь другое... я ни с кем не говорила об этом, особенно с Уиллом. Дело в том, что мне уже не кажется, что Уилл — тот человек, за которого я хочу выйти замуж.

— О Господи!

Я поискала в глазах Бриджит поддержки, но ее лицо выражало лишь вежливое внимание.

— Мне никак не выкинуть эти мысли из головы, сколько бы я не старалась. Что бы я ни делала, меня буквально гложут сомнения.

— У тебя есть еще кто-то?

Слова Бриджит разбередили мою сердечную рану. Глаза мои наполнились слезами — слезами вины, стыда и раскаяния. Я не ответила сразу, но потом резко смахнула слезы и выдохнула:

— Да!

К моему удивлению, Бриджит засмеялась:

— Так дело только в этом? Какие пустяки! Помню, как я сама сразу после помолвки без памяти влюбилась в одного лучника из королевской стражи. А все потому, что, как и ты, страшилась замужества. В его объятиях я хотела скрыться от того, что пугало меня. Как хорошо, что я вовремя разобралась в своих чувствах и дала лучнику отставку. Он вскорости женился на женщине своего круга — дочке мясника из Плимута. А теперь скажи мне честно, Джейн, — этот человек гораздо ниже тебя по происхождению? Кто-то, кого твои родители точно не одобряют?

Я кивнула.

— Кто-то, кого ты никогда не сможешь представить ко двору, кто не станет ровней всем нам?

Я вновь кивнула, тяжело вздохнув.

Бриджит пожала плечами и развела руки:

— Хорошенько подумай, что ты делаешь. Ты бросаешь вызов своей семье и в особенности своему отцу, если судить по тому, что ты мне о нем рассказывала и что я слышала от других. Ты попираешь те законы и правила, по которым мы живем здесь при дворе. Я права?

— Не знаю. Знаю только, что с тех пор, как я встретила этого человека, я словно переродилась. Прежняя Джейн умерла — я теперь совсем другая.

Бриджит успокоительно похлопала меня по руке:

— Поразмысли о том, что я тебе только что сказала. Никогда я не пожалела о том, что вышла замуж за Ричарда, а о лучнике и о дочери мясника давно и думать забыла.

Приближалось Рождество, и десяткам слуг растущего двора Анны Болейн были сшиты

новые ливреи. На них большими буквами был вышит девиз: «Пусть жалуются, но теперь так и будет!» Это был прямой вызов королеве Екатерине и ее сподвижникам. Никто не сомневался, в кого метили эти слова.

И еще одно не могло остаться без внимания придворных: Анна теперь носила очень свободные платья, беспрестанно жаловалась на усталость и плохое самочувствие, требовала перепелиных яиц, гранатов, марципанов и прочих деликатесов, как часто делают беременные женщины. Как и раньше, весь двор пожирал глазами чрево Анны и мучился вопросом: скрывают ли свободные одежды королевской возлюбленной плод этой любви или же, наоборот, всякое отсутствие такового, то есть капризы и недомогания Анны — не более чем спектакль. Ответа не было даже у нас — тех, кто ей прислуживал.

Вызов, брошенный королеве Екатерине пошивом новых ливрей, не остался незамеченным, и королева, в свою очередь, заказала новые камзолы для своих слуг, на которых было вышито «Королева навсегда».

Теперь между людьми из свит соперничающих женщин то и дело вспыхивали драки. В один прекрасный день королю это надоело, и он отправил Екатерину в отдаленную резиденцию Оутлендз^[56] на все время рождественских праздников, запретив ей возвращаться.

Анна победила, но король был очень недоволен ее поведением.

— Почему ты все время нарываешься на ссору? — грубо кричал он. — Почему ты не можешь удовлетвориться тем, что я уже тебе дал, что я уже сделал для тебя? Мало тебе своего собственного двора, своих слуг и стражников? Тебе надо, чтобы твои люди задирали окружающих?

— Мои слуги защищают меня от этой проклятой Кентской Монахини! — резко отвечала Анна. — И еще они берегут меня от испанцев и сторонников той женщины, которая осмеливается называть себя королевой!

Один из таких полных взаимными обвинениями разговоров кончился тем, что король выбежал, хромя, из зала, в страшном гневе, но затем все же вернулся уже в другом — покаянном — настроении.

— Прости меня, моя малютка, моя сладкая девочка, — проговорил он, целуя Анне руку (я обратила внимание, что он никогда не целовал руку с раздвоенным пальцем. Я никогда не говорила об этом ни с кем, но всегда спрашивала себя — заметил ли еще кто-нибудь эту странность?)

Король даже в присутствии придворных теперь вел себя с Анной так, как будто бы они совсем одни и никого вокруг не существовало.

— У меня опять разболелась нога, — продолжал он умоляющим голосом. — Ты знаешь, иногда эта боль так зверски меня мучает, что я просто кидаюсь на людей.

Анна милостиво кивнула в знак того, что Его Величество прощен, а на губах у нее заиграла удовлетворенная улыбка.

Король достиг сорокалетнего рубежа, и было очевидно, что сейчас он почувствовал на себе весь груз прожитых лет. Он отяжелел, обрюзг. Его некогда красивое лицо как будто опухло, а подбородки — умножились (я насчитала три). Он ходил, опираясь на трость с золотой ручкой, а когда нога болела слишком сильно, опирался на надежную руку Чарльза Брэндона. Страшась возврата потницы, он по-прежнему носил на шее мешочек с живыми пауками, а Анна не стеснялась поддразнивать его этим.

Судебные слушания об аннулировании брака тянулись бесконечно, и было неясно, когда

и какое решение будет вынесено в итоге. Нетерпение короля росло и вызывало у него головные боли — во всяком случае, он постоянно твердил об этом Анне. В ту зиму мы не ждали Рождества с нетерпением, не предвкушали, как обычно, обмена подарками и поздравлениями между родственниками, торжественных церковных служб и святочного буйного веселья. Дни становились короче, ночи длиннее и мрачнее, и такая же мрачность и уныние воцарились при дворе. Я не была исключением — состояние души у меня было вовсе не праздничное.

Кроме того, в декабре из-за постоянных дождей, а затем и морозов, строительные работы в покоях Анны прекратились, и у меня почти не осталось возможности проводить драгоценные часы с Гэльоном.

«Пусть жалуются, но теперь так и будет!» — повторила я про себя новый девиз Анны. Что толку печалиться — изменить я ничего не могла ни в отношениях с Гэльоном, ни в отношениях с Уиллом. Да и замедлить приход несчастливого Рождества я тоже была не в силах.

Дни шли за днями, и я не видела больше Гэльона и не получала от него весточек. Раньше, когда по какой-то причине мы не могли встретиться, мы посылали сообщения друг другу через одного из грумов Анны. Я забеспокоилась. Вдруг с моим возлюбленным что-то случилось? Неужели Уилл узнал о нашем романе и напал на Гэльона или решил принять другие меры? Обычно Уилл не отличался задиристостью или кровожадностью, но я никогда раньше не давала ему поводов для ревности. Я не могла знать, как поведет себя Уилл, если узнает, что у меня появился любовник.

Я ждала и ждала, мучимая беспокойством, но тщетно, и перед самым Рождеством нашла грума, через которого сносилась с Гэльоном.

— Гэльон уехал во Францию, мисс, — сказал мне мальчишка. — Он будет встречать Рождество дома со своей женой.

Королевский двор в очередной раз переезжал. По пыльной дороге в Дувр^[57] растянулся нескончаемый обоз крытых повозок, карет и телег, ехали вооруженные всадники, шли пешие стражники. Стоял сентябрь 1532 года. Мне было уже двадцать шесть лет, и я все еще была не замужем (позор для дочери джентльмена!), а сейчас готовилась вместе с другими придворными сесть на корабли, идущие во Францию.

После последнего нашего Рождества, омраченного ссорами и распрями, которое мне хотелось забыть и никогда не вспоминать, события ускорили свой ход. Король и Анна жили так, как будто бы они давным-давно женаты, а незавершенный суд об аннулировании брака между Генрихом и Екатериной — не более чем легкое неудобство. Король постарался повернуть дело так, будто бы именно несправедливость его противников вынудила его заявить: полномочия Папы более не распространяются на его супружескую жизнь. Единым росчерком пера он освободил себя и свою страну от бремени (или благословения — в зависимости от того, кто и как на это смотрел) подчинения Риму. Он пошел на отчаянный шаг, за что многие называли его еретиком: объявил себя главой церкви Англии. Он присоединился к тем, кто, вслед за Мартином Лютером, отвергли верховенство престола Святого Петра и раскололи освященное веками единство христианской Европы.

За это нашего короля проклинали самыми страшными проклятиями те, кто остался верен Папе. Но Анна была на вершине блаженства. Она наконец-то одержала верх над

Екатериной. Сейчас Анна ехала на встречу с королем Франции как избраница короля Англии, и за ней везли ее сорок восемь сундуков, до отказа наполненных шелковыми ночными сорочками, отороченными белым мехом горноста, юбками из пурпурного, синего и зеленого дамаста, платьями тяжелого красного бархата, дивно расшитыми золотом. Пока чета готовилась к путешествию, король выполнял любые прихоти Анны в отношении нарядов, ибо заявил: его невеста должна иметь самые лучшие одежды под стать своему супругу, достойные той, кому предстоит дать жизнь наследнику Тюдоров, а возможно, и не одному.

Анна в разговорах принялась хвастаться, что по материнской линии она — прямой потомок короля Эдуарда I (ни словом не упоминая об отце, который, как известно, был из торгового сословия). Она теперь глядела на всех нас сверху вниз, взяв такую напыщенную и грубую манеру отдавать приказы, которую я с трудом могла выносить.

— Джейн! — только и слышался ее резкий голос. — Немедленно выведи Пуркуа на прогулку! Принеси мне рукава из тафты, да поживее! Возьми те, что украшены бриллиантами. Джейн! Где мой плащ из голландского шелка? Найди его сейчас же!

Мы целый день бегали взад вперед с подушечками для ее кресла, скамеечками для ее усталых ножек, утешаясь тем, что коль скоро она носит под сердцем дитя короля, то мы прислуживаем не просто кичливой, заносчивой и спесивой дочери Томаса Болейна, а будущему королю Англии.

А Генрих меж тем подносил Анне все новые и новые щедрые дары. Не было конца изящным утренним платьям, шитым чистым золотом чепцам и вуалям, комнатным туфелькам из тончайшего дамаста, плащам и накидкам из шелка и бархата. Добрая дюжина портных и неисчислимая армия швей и подмастерьев целый день кроили, подгоняли и шили. Драгоценные ткани, кружева и ленты повозками доставлялись во дворец, где из них создавались шикарные туалеты с горами нижних юбок.

Но наряды меркли по сравнению с теми драгоценностями, которыми король буквально усыпал Анну. Он распорядился, чтобы его ювелиры вынули самые крупные бриллианты и рубины из его собственных браслетов и колец и украсили ими сверкающие ожерелья и кольца для Анны. Екатерине король приказал вернуть в королевскую сокровищницу ее драгоценности, после чего эти камни (к немалому неудовольствию королевы) нашли свой путь в ларцы Анны.

И в довершение ко всем дарам и почестям Анне на торжественной церемонии был присвоен невиданный титул — маркизы Пембрук в своем праве^[58]. Неся на плечах мантию, отороченную горностаем, Анна в присутствии всех первых пэров и государственных мужей королевства преклонила колени перед своим верховным сюзереном, после чего была зачитана грамота о жаловании ей титула, а на ее черные кудри была возложена сверкающая золотая корона пэра Англии. Зазвучали фанфары, и хор грянул «Тебя, Бога, хвалим!». А затем в честь этого события при дворе прошла череда пышных празднеств и торжеств.

Став маркизой Пембрук, Анна загордилась не на шутку. Она раздавала приказы направо и налево, а на провинившихся налагалось самое суровое взыскание. Королевский камердинер был уволен только за то, что не уследил, как малютка Пуркуа нагадила в шелковую туфельку Анны, забытую ею на кровати. Дело не ограничилось только изгнанием прощтрафившегося слуги. Все камердинеры были лишены своих законных привилегий — прав на свечные огарки, хлебные горбушки и отслужившие свой срок кружева и шитье — на целый месяц, а это был зимний месяц, что значительно увеличило понесенный ими ущерб.

Анна просто помешалась на том, чтобы покрывало на ее кровати, с красивой оторочкой и вышитое изображениями ее геральдического знака — белого сокола, — выглядело безупречно. Если она обнаруживала на нем хотя бы морщинку или складочку, то с криком негодования немедленно призывала слуг и требовала отгладить его и перестелить всю постель под угрозой немедленного увольнения.

Хуже всего то, что Анна стала теперь не просто чванливой, но и начисто лишенной великодушия. Когда к ней пришла в слезах одна женщина с мольбой спасти от повешения ее сына, Анна ответила:

— Он совершил преступление, признан виновным и должен понести наказание.

— Но он всего лишь украл мелкую монетку, да и ту не для себя, а для соседей, которые голодают. Ему всего шестнадцать, и он такой добрый мальчик...

— Законы пишутся для того, чтобы их исполняли, — только и сказала Анна, отворачиваясь от скорбящей матери. — Ваш сын должен заплатить за свой проступок.

Я постоянно вспоминала безжалостные слова Анны, пока мы следовали в Дувр. Анну несли на носилках, король скакал верхом на Кёрдельоне, хоть и морщился от боли в ноге, а придворные ехали кто в повозках, кто верхом. Солдаты шли пешком. Часто приходилось останавливаться, когда с телег слетали колеса, лошади теряли подковы и хромали, повозки переворачивались и их груз вываливался прямо в придорожные канавы. Такая малая скорость передвижения изматывала всех. Я боялась, что мы не успеем до темноты добраться до того места, где был задуман наш ночлег. Я увидела, как мимо проскакал мой брат Нед. Он пытался ускорить наше передвижение, посылая вперед всадников из эскорта короля, чтобы они предупреждали о возможных опасностях и трудностях. Нед стал для короля просто незаменимым. Он всегда оказывался рядом и умудрялся исполнять такие королевские приказы, которые другим казались невыполнимыми. Стоило ему только увидеть, что любое задание, пусть даже самое ничтожное и не соответствующее его положению, выполняется плохо, он тут же просил наделить его соответствующими полномочиями и чаще всего справлялся с таким заданием с блеском. Он казался неутомимым — настолько велика была его сила воли и целеустремленность.

Этим осенним днем мой брат взял на себя очередное невыполнимое поручение — попытался ускорить движение королевского поезда по разъезженной, пыльной дороге в Дувр. Он как раз направлял коня вперед, чтобы возглавить процессию, и в этот момент на повороте дороги перед нами открылось совершенно удивительное зрелище. На вершине холма над дорогой был воздвигнут огромный деревянный крест, раза в три выше самого короля (а он был мужчиной крупным и по росту превосходил своих придворных). Под этим простым и суровым символом веры стояла маленькая женщина в одежде монахини, а с ней — еще девять женщин в белых одеждах.

Это была Кентская Монахиня и ее ближайшие соратницы. Среди них находилась Кэт — моя бывшая невестка. Они стояли совершенно неподвижно у подножия креста, и сейчас на них были устремлены взоры всего двора. Я услышала встревоженные крики из уст ее недоброжелателей и восклицания «Пресвятая монахиня!» ее почитателей. Вереница повозок и телег остановилась, лошади били копытами и тревожно ржали. Монахиня заговорила, и ее голос донесся до всех нас, а ее слова ввергли нас в смятение:

— Господь рек: за ваши грехи я найшу на вас неисчислимыя бедствия! Так слушайте же вы, прелюбодеи и распутники! Слушайте те, кто выпустил духов злобы поднебесной [\[59\]](#). Да будут демоны любострастия изгнаны, а милосердные ангелы восстаноят благочестие на

троне Англии! И да падет гнев Господень на ту, что носит дьяволу метку!

Я увидела, как король отправил вооруженных стражников на вершину холма. Вокруг слышался громкий шепот придворных: «Она грозитя наслать на нас демонов!», «У нее дар исцеления...», «Она даже может воскрешать мертвых...»

— Эта женщина безумна! — вскричал король. — Она богохульствует! Она бредит!

Но Кентская Монахиня еще не закончила свои речи:

— За твои грехи, о король, и за грехи твоей любовницы — распутной Иезавели, Бог нашет неисчислимые казни на Англию. И первой казнью будет нашествие мерзких жаб! — Я почувствовала, как толпа вокруг меня содрогнулась. — За ним воспоследует нашествие вшей, а потом нападут на вас несметные тучи мух. Но и это не все — пошлет Господь великую хворь, от которой помрет домашний скот и лошади, покроются язвами тела человек, а твердь земная повредится для своего основания.

По толпе пошли стоны ужаса.

— Заткните ей рот! — прокричал король стражникам, которые упорно лезли вверх по склону холма по направлению к Кентской Монахине. Они почти добрались до подножия креста, и я увидела, что девять женщин, окружавших Монахиню, метнулись в разные стороны. Узнал ли Нед среди них свою бывшую жену? Я не смела глядеть на него, чтобы не будить его подозрений. Ведь он считал, что Кэт надежно заперта в келье обители Святой Агнессы. У него и в мыслях не было, что ее освободят, дабы она могла служить Кентской Монахине. Если только...

Но предаваться размышлениям мне было некогда, потому что Монахиня дошла до последней части своего пророчества и теперь возглашала:

— И наконец, Господь поднимет свою длань и сокрушит нечестивцев последней и самой страшной казнью. Первенец распутника и его Иезавели, их сын — умрет!

Услышав это, Анна дико закричала, а король страшно выругался. Многие вокруг меня принялись креститься и шептать молитвы. Но тут стражники достигли наконец подножия креста, несколькими тяжелыми ударами заставили Кентскую Монахиню замолчать, связали ее бесчувственное тело и унесли его прочь. За меньшее время, чем заняли у Кентской Монахини ее речи, холм был очищен и опустел, как будто бы никакой женщины с ее удивительными пророчествами тут и не было. Остался только огромный деревянный крест, который высился над дорогой, одинокий и молчаливый.

— Она выглядит совсем не так, как я ожидал.

— Ее туалеты великолепны, но ее фигура оставляет желать лучшего... бюста почти нет... А уж какой у нее нос! Рот тоже великоват, будто она готова проглотить лошадь...

— А эти руки! Знаю, что в Англии говорят, будто у нее рука дьявола, или пальцы дьявола... что-то в этом роде.

— Ну, волосы у нее красивые, этого у нее не отнять. Сами не выются, но пышные, густые.

Моего скромного французского вполне хватало, чтобы понимать, какими именно мнениями французские вельможи обмениваются об Анне. Они без конца обсуждали ее внешность, ее наряды, то, как она танцует (тут, по общему согласию, она была безупречна), ее рост (недостаточно высока), даже размеры ее живота (так беременна она или нет?). Они не просто подтрунивали над ней, но называли ее всеми плохими словами, применимыми лишь куличным женщинам. Они высмеивали ее походку, ее жесты, позу, которую она принимала, когда злилась (руки в бок и гримаса недовольства на лице). Они рисовали на стенах дворца шестипалую руку — а рядом толстый фаллос.

Мы пробыли в замке Шамбор^[60] всего несколько дней, но насмешками и издевательствами были уже сыты по горло. Французы всегда недолго любили англичан, и чувство это было взаимным. Король Франциск и король Генрих при встречах всегда подчеркивали якобы царивший между ними дух дружбы и товарищества, но это была лишь видимость. Нам велели соблюдать учтивость по отношению к французским придворным дамам, мы выполняли приказ — и только. Ведь в спину нам доносились сдерживаемые хихиканья, а стоило нам выйти из комнаты, французенки начинали шептаться. А сколько пересудов вызывала незаконная связь Анны и короля, сколько насмешек породило ее высокомерие и отсутствие у нее врожденного благородства и такта. Я своими ушами слышала, как камердинеры короля Франциска заключали пари о том, когда Генрих бросит Анну и кто ее заменит в постели короля.

Однако на торжественном ужине в честь Генриха и Анны, который давался в огромных размеров зале, именуемом здесь «салон», сверкающим всеми оттенками синего и красного, золота и охры, с красочной росписью на потолке и уставленном длинными столами с золотыми и серебряными блюдами, Анне оказывались все возможные знаки внимания, как будто она уже была королевой. Ее эмблема — белый сокол — была вышита на всех подушках, ее несли стражники из свиты короля на своих шлемах, были даже сделаны конфеты в форме этой птицы, которые подавались со сладким вином. Анна принимала все почести, подобающие самой знатной женщине Англии — видно, не зря Генрих жаловал ее титулом маркизы Пембрук в своем праве. Никто даже не упоминал имени Екатерины Арагонской, словно королевы вообще не существовало.

Между бесконечными переменами блюд на пиру поэты читали стихи, сочиненные в честь Анны, музыканты играли мелодии и песни, посвященные ей. Мы слышали, как ее достоинства многократно воспевались самыми возвышенными словами: ее темные глаза

сравнивались с ониксом, шея называлась лебединой, пальцы — изящными, кожа — нежной и трепетной, а овал лица — совершенным. Я улыбалась про себя разнице между придворной лестью и грубыми Шутками за спиной Анны, которые слышала постоянно. Мне было очевидно, что все внешние проявления сердечности и братской любви между английским и французским монархами на этой встрече имели одну-единственную цель — разрушить коварные замыслы императора Карла.

— Никто и не принимает то, что здесь говорится, за чистую монету, — признался мне Нед во время торжественного ужина. — Видимость, показуха, словесная шелуха! Однако союз между нашими странами заключен на полном серьезе. То, что король Франциск поддержал нашего короля в устранении законной супруги, имеет в нынешней политической обстановке первостепенное значение.

— Но Анна — лишь пешка в этой игре, — заметила я.

Нед посмотрел на меня с одобрением:

— Отлично, сестренка, ты делаешь успехи! Но только не приведи Господь тебе повторить эти слова там, где король сможет их услышать.

Во время торжественного ужина я заметила, что Анна слишком часто и подолгу смотрела на меня, тогда как обычно я была для нее пустым местом. Так внимательно она всегда оценивала обстановку помещения, в котором находилась, количество прислуживающих ей придворных дам и кавалеров, отсутствие или наличие морщин на столь милом ее сердцу покрывале ее ложа. Оказалось, что она рассматривает мое платье. На мне был восхитительный наряд из бледно-голубого шелка с кремовыми нижними юбками, который мистер Скут сшил для моей свадьбы. Рукава и лиф он в очередной раз переделал, чтобы они соответствовали моде при французском дворе. А блестящая отделка серебряным сетчатым кружевом, великодушно подаренным королем, призвана была привлечь внимание к этому шедевру портновского искусства. Я слышала, как придворные дамы королевы Франции не скрывали своих восторгов.

Наряд Анны был также весьма впечатляющ и очень ей шел — он был сшит из красно-коричневого бархата с оторочкой из черного каракуля по вороту и на длинных пышных рукавах. Однако с каждой минутой маркиза Пембрук, кажется, уже ни о чем не могла думать, кроме как о моем платье. Она уставилась на него и нахмурилась. Наконец она сделала мне знак приблизиться. Я подошла и остановилась перед ней, сидящей за столом, уставленным золотыми блюдами и кубками. Располагавшийся рядом с ней король был занят разговором с одним из французских вельмож.

— Джейн, — ровным голосом обратилась ко мне Анна, всегда бравшая поначалу такой тон, когда собиралась кого-то обвинить или унижить.

— Да, миледи маркиза.

— Отделка на твоём платье — откуда она?

— Из Перу, если я не ошибаюсь.

— Ты что, недавно там побывала?

— Нет, миледи.

— Тогда как же ты ее заполучила? Неужели украла?

— Конечно нет, миледи.

— Так я жду ответа!

Я бросила взгляд на короля, но он, казалось, совершенно не слушал нас. Музыканты играли достаточно громко, пирующие болтали и смеялись, звон приборов делал слова

собеседников неразличимыми.

— Это был подарок, миледи.

— Очень ценный подарок.

— Даритель — человек состоятельный, — мне не хотелось признаваться, что драгоценное кружево подарил мне сам король. Анна была страшно ревнива. Я надеялась, что Генрих придет мне на помощь и подаст какую-нибудь галантную реплику, которой Анна удовлетворится, но он упорно не обращал на нас внимания.

— И кто же этот таинственный богач? Неужели поклонник? Кто-то, кто решится наконец взять тебя в жены?

Стрела вонзилась в цель — насмешка была вдвойне несправедливой, ибо Анна сама оставалась незамужней, а она была старше меня. Кроме того, мы с Уиллом были помолвлены больше лет, чем я себя помнила.

— Нет, миледи, это был вовсе не поклонник.

— Тогда кто? — Голос Анны зазвенел от возмущения, и все разговоры вокруг нас смолкли.

Музыканты перестали играть. Генрих повернулся к Анне.

— Что случилось, малютка? — спросил он.

Анна отпила из своего кубка:

— Эта девушка отказывается говорить, откуда на ее платье взялась драгоценная отделка. Сдается мне, она ее украла.

— Да что ты говоришь? Очаровательная воровка среди нас! — Он подмигнул мне, встал и медленно приблизился к тому месту, где я стояла. Вблизи король был просто огромен и возвышался надо мной как башня.

— Что ж, нужно вывести ее на чистую воду, — промолвил он. — Канцлер Кромвель!

Глаза всех присутствующих устремились на Томаса Кромвеля, который, подыгрывая своему повелителю, резво вышел из-за стола и присоединился к нам.

— Лорд-канцлер, каково наказание за кражу?

— Воровку раздевают догола и секут без жалости, Ваше Величество.

— Ну что ж...

— Но преступление мое не доказано, сэръ, — вступила я в разговор, надеясь, что мое участие не помешает спектаклю, затеянному королем. — Должны быть свидетели.

— Кто готов свидетельствовать против этой девушки по обвинению в воровстве? — спросил король, оглядывая зал. Ответом ему были только смешки придворных.

Краем глаза я увидела, что Анна раздражена и ерзает в кресле.

— Видишь? — обратился Генрих к Анне. — Она невинна. Не побоюсь этого слова, но она невинна и чиста как свежавыпавший снег.

В зале вновь засмеялись.

— Что такое? — прищурился король в притворном гневе. — Вы отвергаете самую мысль о том, что такая хорошенькая девушка может провести при дворе... сколько лет, Джейн? — Я подняла семь пальцев. — Целых семь лет и остаться невинной?

Король изобразил ужас и возмущение.

— Не позволю так насмехаться надо мной! — воскликнула Анна, вставая, чтобы покинуть залу.

— Оставайся на месте, милая! — резко сказал Генрих и возобновил свое представление так, что вспышка его ярости прошла незамеченной и не испортила общего веселья.

— Кроме того, — игриво подмигнув, обратился он к присутствующим, — я знаю, каким образом эта очаровательная девушка получила свои кружева. Я ей их подарил, и никто другой. — Он приобнял меня, а затем запечатлел пылкий поцелуй на щеке раздраженной Анны. Тут король махнул рукой музыкантам, и они вновь заиграли. Анна тяжело опустилась на стул, хмурая и мрачная, а я, воспользовавшись случаем, быстро пересекла комнату и присоединилась к прочим ее фрейлинам. Признаюсь, мне потребовалось немало времени, чтобы отдышаться и унять дрожь.

Десятки слуг то и дело вбегали в зал с дымящимися блюдами, полными разнообразных кушаний, и ставили их на столы перед пирующими. Я едва успела посмотреть, что у меня в тарелке, когда раздался дикий вопль.

Кричала Анна. За одним воплем последовал второй, и только после него она смогла вымолвить: «Жабы! Нашествие жаб, как в том пророчестве про казни!»

Я наконец-то взглянула на кушанье перед собой и увидела на блюде дымящуюся горку лягушачьих лапок, залитых соусом.

Анна вскочила и выбежала из зала, отбросив руку короля, пытавшегося ее удержать.

— Я спасла ей жизнь, — прошептала королева Екатерина. Она лежала на огромной резной кровати под тяжелым балдахином и казалась совсем маленькой, очень больной и совершенно беспомощной. — Я спасла ей жизнь, а она отплатила мне черной неблагодарностью. Неужели у нее нет сердца?

Я встретила со своей бывшей госпожой в затерявшемся в сельском Хантингдоншире дворце Бакден, где пребывала ныне Екатерина Арагонская. Дворец этот больше напоминал замок, выглядел несколько обветшалым и располагался в неприятном охотничьем парке. Был он удален от Лондона, а значит, сюда почти не доходили новости государственной жизни. Король Генрих отправил меня в Бакден с неприятным поручением: сообщить королеве Екатерине самую последнюю и самую важную из этих новостей — он взял в жены Анну Болейн.

Я пустилась в путь в Бакден с тяжелым сердцем. Никогда раньше на меня не возлагалось такого неприятного поручения. Королева Екатерина была моей госпожой на протяжении многих лет, она покровительствовала мне и была для всех нас примером благочестия и милосердия. И вот теперь ее отодвинули в сторону как ненужную вещь, дали отставку за ненадобностью, уязвив испанский королевский дом, чья кровь текла в ее жилах, и, — что самое главное, — перечеркнув все годы, когда она была супругой короля, годы непрерывных жертв, потерь и трудов. Но она не сдавалась и держалась с редким благородством.

И вот теперь, после многих месяцев ее борьбы, унижений и бесчестия, король женится на той, которая стала причиной ее несчастий.

— Я спрашиваю тебя, Джейн, — говорила меж тем королева, — как могла она так поступить со мной. Сама смерть не могла бы быть такой бесчувственной...

Екатерина закашлялась и попыталась приподняться, опираясь на локоть. Казалось, разговор со мной полностью лишил ее сил, сделал ее голос хриплым и умалил его до шепота. С тех самых пор, когда в прошлом году король отослал ее в замок Оутлендз и отказался встречаться и переписываться с нею, ее постоянно преследовала лихорадка и простуда. Ее испанские доктора делали ей кровопускания и клизмы, но ничто не могло излечить королеву. Ей становилось все хуже и хуже. Об этом нам рассказал ее церемониймейстер Гриффит Ричардс в одну из своих редких поездок в столицу. Каждый раз, когда она узнавала новости про короля и Анну, она как будто бы становилась меньше ростом, отступала перед хворями и недугами, однако не прекращала борьбу за то, чтобы сохранить свое достоинство. Особенно яростно она отстаивала свой королевский титул, несмотря на то, что король повелел называть ее теперь вдовствующей принцессой^[61].

Я опустилась на скамеечку у постели Екатерины. Она откинулась на подушки и протянула мне руку. Я крепко сжала ее ладонь.

— Желаю Вашему Величеству скорейшего выздоровления, — громко сказала я то, что должна была сказать, и потом шепотом добавила: — Я буду молиться за вас.

Я посмотрела на такой знакомый аналой, стоявший совсем рядом с постелью больной, а

когда подняла взгляд, то в тени алькова разглядела темную фигуру отца Бартоломе, бывшего сподвижника Кентской Монахини, а ныне исповедника королевы. Он медленно поклонился, и по спине у меня побежали мурашки. Я не поклонилась в ответ, а вместо этого вновь обратила свой взгляд на королеву.

— Мне очень жаль. Ваше Величество, но король прислал меня с невеселым поручением. Он велел сказать вам, что он и леди Анна недавно поженились. Ее скоро коронуют.

— Она уже чувствует, что ребенок в ней шевелится?

Я поразились вопросу королевы, но честно сказала, что пока никакого объявления о беременности не было, потому, конечно, таких подробностей, как сведения о движении плода в чреве Анны, нам не поступало. Повитухи всегда отличались осторожностью и ждали этого основного признака перед тем, как объявить женщину беременной.

«Вдовствующая принцесса» только пожала плечами:

— Он никогда не женился бы на ней, если бы она не носила его ребенка. Впрочем, если вспомнить все, что я слышала о ней, этот ребенок может быть от кого угодно. Например, от Марка Смитона — помнишь этого красивого молодого музыканта? Поговаривали, что Анна в него влюбилась. Или от этого негодяя Уэстона^[62]. Или от Уайатта^[63], ее давнего поклонника. Бриджит Уингфилд постоянно рассказывала нам о новых завоеваниях мисс Болейн.

— Да, я слышала некоторые из этих историй.

Екатерина вновь закашлялась, и отец Бартоломе вышел из тени, чтобы поднести ей кубок вина. Она выпустила мою руку, взяла кубок, сделала один глоток, затем другой. Я не могла поверить своим ушам, что слышу от моей бывшей госпожи такие слова. Удаление ее от двора сделало ее другой женщиной — резкой, полной горечи. Куда девалось ее христианское всепрощение и долготерпение? Почему я не нашла ее на аналое, на коленях, возносящей молитвы Господу?

— Ты знаешь, какой сегодня день? — спросила меня Екатерина, промочив горло вином и вновь взяв меня за руку. — Ты, наверное, и не помнишь... Сегодня годовщина дня рождения моего новогоднего мальчика — единственного моего сына, который прожил достаточно, чтобы его окрестили.

— Я еще сама была ребенком, когда он родился, миледи, — напомнила я ей. — Это было много лет назад, когда меня еще не было в вашей свите.

Екатерина досадливо махнула похудевшей рукой:

— Какая разница! Святые отцы твердят, что Господь правит миром. Так вот, Он взял всех моих сыновей к себе еще тогда, когда они были в колыбели. И Он прибрал всех моих дочерей, кроме Марии — моего маленького сокровища. Может быть, Он также заберет сыновей Анны, и мы будем квиты? Во всяком случае, Кентская Монахиня предсказывала это.

Я улыбнулась:

— Монахиня призвала казни Египетские на Англию. И Анна страшно испугалась.

Я рассказала Екатерине о торжественном ужине при дворе короля Франции Франциска, когда Анна увидела лягушек на своей тарелке и закричала в ужасе, ибо была уверена, что свершается первая из казней и началось нашествие мерзких жаб.

— Так Анна уже почувствовала шевеление ребенка? — вновь спросила Екатерина.

— Нет, миледи, — уверила я ее.

— Ну, тогда не о чем волноваться. Кстати, слышала ли ты вести из Фландрии? Уверена,

что тебе уже сообщили.

— Какие вести? — спросила я. Вдруг мне до смерти захотелось узнать, что же произошло.

— Отец Бартоломе осведомлен лучше меня.

Я взглянула на священника, который вновь приблизился к ложу королевы.

— Грехи нечестивой Иезавели вышли на свет, — проговорил он торжественно. — Говорят, она способствовала гибели Джейн Попинкорт и попыталась отравить других, кто оказался у нее на пути.

Я прекрасно помнила, как фламандка Джейн, всегда державшаяся особняком среди нас, фрейлин, и не желавшая перенимать обычаи нашего королевства, несколько лет назад оставила английский двор и вернулась во Фландрию. По мнению Бриджит, фламандку подкупили, чтобы она держала в тайне то, что знала о связи короля Генриха с Элизабет Болейн — матерью Анны. Если этот роман и имел место, то случился он в далеком прошлом, когда король был молод. Бриджит сказала тогда, что если правда о короле и матери Анны выйдет наружу. Его Величество никогда не сможет жениться на Анне. Церковь не разрешит этот союз.

Я вспомнила, что, оставляя английский двор, Джейн увозила с собой сундук, полный золота, и чудесные драгоценности, в которых она щеголяла в последние дни перед отъездом. Вспомнила я и о тайных встречах и разговорах, происходивших как раз в это время.

Было очевидно, что ей вымостили дорогу домой золотыми монетами. А затем, почти сразу же по возвращении, она подверглась нападению разбойников с большой дороги и была убита.

— Многие испытывают ненависть к распутной Иезавели, — продолжал меж тем отец Бартоломе. — И те, кто знают правду, сегодня готовы открыть ее.

— Значит, ходят слухи о том, что Анна — убийца?

Священник кивнул.

— Но ведь это не более чем слухи. Двор любого правителя всегда полон злоречивых вельмож и несдержанных на язык слуг.

— Те, кому Анна заплатила за молчание, заговорили. В ее вине теперь нет сомнений.

— И я спасла ей жизнь, — пробормотала Екатерина, отпуская мою руку. — Наверное, надо было дать ей умереть. Бедная девочка! Она — словно паук, который попадет в свою собственную паутину. Да смилостивится над ней Господь!

Екатерина вновь откинулась на подушки, закрыла глаза и глубоко вздохнула. Я была обескуражена тем, что услышала, и вдобавок не хотела оставаться один на один с отцом Бартоломе, потому проворно поднялась, чтобы уйти, но перед этим бросила последний взгляд на бледное лицо Екатерины и склонилась, чтобы поцеловать мою бывшую госпожу.

За день до коронации Анну пронесли в открытых носилках, обитых золотой парчой, по чисто выметенным в честь торжества улицам Лондона. Плечи ее покрывала королевская пурпурная мантия, богато отороченная горностаем, черные волосы Анны волной спадали на спину из-под золотой диадемы, украшенной сверкающими рубинами. Рука с двойным пальцем была надежно спрятана под букетом лилий и левкоев. Выросший живот скрывался в складках малинового платья, нитка великолепных жемчужин свободно охватывала изящную шею. От жемчугов взгляд зрителя сам собой поднимался к ее прекрасному лицу и темным

глазам — эти очи, как пелось в песне, «пронзили сердце короля и взяли его в плен».

Я не могла не восхищаться Анной в тот день — она была прекрасна. Мы, фрейлины, провели часы, готовя ее к выходу. Мы расчесали жесткие волосы Анны так тщательно, что теперь они струились по ее спине темной волной, с помощью мазей и притираний мы выбелили ее кожу, а затем помадами и румянами добавили нежных цветов ее губам и щекам. Анна была возбуждена и взволнована. Руки ее тряслись, когда она заняла свое место в открытых носилках, и мы расправляли складки ее длинных пышных юбок. «Сегодня день ее триумфа, — подумала я, — день ее полной и окончательной победы...»

Но когда коронационная процессия достигла Фенчерч-стрит, из толпы послышались крики и улюлюканье. Люди расступались, чтобы дать дорогу кортежу Анны, однако не скупилась на проклятья, оскорбления и издевательский смех.

— Шлюха! — кричал народ. — Потаскуха! Дьяволица проклятая!

Приставы короля живо принялись раздавать удары направо и налево своими жезлами, но крики и оскорбления не прекращались.

— Добрый король Гарри, возьми свою законную жену обратно! Сожги ведьму! Шлюху — в колодки!

На лондонцев возложили тяжкое бремя новых поштин, чтобы оплатить расходы на коронацию и сопутствующие ей празднества, и горожане были не в восторге от того, что им пришлось раскошелиться в честь той, кого они презирали. Люди отпускали грубые шутки вслед Анне, они призывали вернуть королеву Екатерину и благословляли ее имя, они предсказывали несчастья стране и королю. Когда я слышала эти шумные протесты, мне подумалось: а вдруг силы зла действительно восторжествовали? Возвышение Анны не просто злило народ, оно его пугало! Где справедливость и милосердие Божие, если добрую королеву Екатерину оказалось так просто устранить и заменить нечестивой соперницей? Где Господь с его небесным воинством, когда мимо проносят ведьму и распутницу во всей ее красе, разодетую в пух и прах?

Движение нашей процессии то тут, то там приостанавливалось: музыканты принимались играть веселые мелодии, актеры декламировали длинные хвалебные речи и разыгрывали спектакли по пути нашего следования. Шум временами становился невыносимым, меня под напором толпы охватывал безотчетный страх, а мерзкие вопли черни его только усиливали. К тому времени, когда кортеж достиг Стрэнда, я еле держалась: меня тошнило от запаха немых тел и уличной вони, вокруг колыхалась пьяная, танцующая, поющая и бранящаяся толпа, от которой не было спасения.

Бриджит, которая сидела рядом со мной в наших носилках, почувствовала мое состояние и крепко обхватила меня.

— Потерпи, Джейн, осталось совсем немного, — как всегда рассудительно заговорила она. — Помни — сегодня день Анны, а мы здесь, чтобы служить ей. Подумай, каково приходится нашей новой королеве — ребенок брыкается в ее чреве, а желудок все последние месяцы не может удержать пищи.

К этому времени ребенок внутри Анны уже шевелился вовсю, и повитухи уверили короля, что угроза выкидыша на первых месяцах беременности миновала. Коронация проходила в последний день мая 1533 года. Принц должен был родиться во время сбора урожая.

Несмотря на то что на следующий день после шествия по улицам столицы коронация состоялась без всяких происшествий и новый архиепископ Кентерберийский возложил

корону Англии на голову Анны, жителям Лондона по-прежнему казалось, что порушены основы основ их жизни. Теперь, когда королевская шлюха воссела на престол, начали во множестве возникать и распространяться слухи о странном свечении на небе и о грозном подземном грохоте. Громадные рыбины в сотню футов длиной выбрасывались на илистые берега Темзы, а в каждом приходе возросло число тех, кто в отчаянии сводил счеты с жизнью.

Утопленники и удавленники по собственной воле стали не единственной жертвой коронации. В тот день, когда в честь новой королевы давался торжественный обед из двадцати семи блюд, где все мы присутствовали, с улицы донеслись тревожные возгласы, а затем крики боли, стоны и хрипы. Сотни голодных лондонцев ринулись сметать с на крытых для них под открытым небом столов праздничное угощение, началась давка, в которой многих затоптали и задавили насмерть.

Господь подал нам знак, что Он гневается на Англию за грехи ее правителя. Мы получили новое доказательство того, что мир сей изменился бесповоротно, тьма пала на нашу землю и наша жизнь никогда уже не будет прежней.

Я месяцами избегала Уилла, но бесконечно так продолжаться не могло. Наши пути вновь пересеклись при дворе, поскольку, как и предсказывал Нед, Уиллу суждено было возвыситься за счет тех качеств, которые были у него в избытке и способствовали успеху на поприще королевской службы. Всесильный Томас Кромвель указал королю на Уилла, когда освободилось место главного постельничего в свите принца Генри Фицроя, и Уилл без промедления был назначен на эту должность. И поскольку король требовал, чтобы Фицрой, которому во время коронации Анны было уже четырнадцать лет, присутствовал на каждой важной церемонии, пиршестве или празднике, дававшемся при дворе, и занимал там самые почетные места, Уилл также постоянно был на виду, и я неизбежно оказывалась с ним рядом.

Забавно, что Уилл, который когда-то желал лишь одного — зажить скромной жизнью сельского дворянина, вдали от суеты и интриг королевского двора, теперь неуклонно втягивался в орбиту ближнего круга короля, словно некая неведомая сила толкала его к средоточию власти и мирской славы. С каждым разом, когда я его видела, он выглядел старше, делался как-то весомее в речах и облике (в том числе и в буквальном смысле, так как заметно потолстел) и все меньше и меньше напоминал того простодушного, нежного и преданного юношу, которым я восхищалась всю свою сознательную жизнь. Теперь это был важный человек на высокой должности, серьезный и солидный, но не обладавший беспощадностью Неда, который во имя собственного успеха готов был идти по головам. В придачу к хорошему доходу место главного постельничего юного Фицроя принесло Уиллу целый ряд существенных привилегий. Как и его отец, он был назначен на ответственные посты и стал сборщиком пятнадцатины, поставщиком пороха для Тауэра и констеблем королевского замка Этал. Каждое назначение увеличивало его и без того щедрое жалованье. При этом на деле бремя его обязанностей несли его подчиненные. Теперь Уилл одевался щеголем, носил шикарные камзолы и рубашки из тонкого полотна с фламандским кружевом, шапочки, украшенные самоцветами, и перчатки тонкой кожи. Его короткие пальцы нынче были унизаны перстнями, а туфли сверкали золотыми пряжками.

Да и манеры Уилла сильно изменились. Каждый раз, когда я его видела, он громким

голосом отдавал приказы своим подчиненным или распекал их за истинные или мнимые упущения. Как-то раз я услышала, как он отчитывает юного клерка, неправильно посчитавшего налог. Голос Уилла звучал резко и пронзительно, слова разили безжалостно:

— Почему ты ничего не в состоянии делать правильно? С первого же дня, когда тебя назначили здесь служить, за тобой приходится следить во все глаза, чтобы ты своими ошибками не испортил наши приходные книги, которые мы обязаны содержать в строгом порядке.

Уилл продолжал в том же духе, а бедный юноша совсем пал духом, боялся поднять голову и сказать хоть слово в свое оправдание, а лишь краснел от стыда. Наконец несчастный решился:

— Я стараюсь, мой господин, просто у меня нет способностей к этой работе. Ведь меня учили дубильному ремеслу...

— Тогда что ты здесь делаешь? — рывкнул Уилл. — Запутался в дворцовых переходах и вломился в счетную палату?

— Нет, господин. Меня прислал мистер Кромвель.

— Тогда я вынужден сообщить мистеру Кромвелю, что он совершил ошибку, определив тебя сюда. И серьезную ошибку!

Клерк уже едва не плакал от жестоких слов Уилла. Я пожалела молодого человека и хотела вмешаться, но раздумала. Что-то мне подсказало, что с моим женихом не все в порядке, а недочеты подчиненного — лишь предлог, позволивший ему выплеснуть накопившееся раздражение. Нужно было улучшить момент и поговорить с ним об этом, когда мы останемся одни. Уилл, который в юности собирался удалиться в деревню, превратился в лощеного придворного с резким требовательным голосом и безжалостным отношением к тем, кто посмел его ослушаться или не оправдать ожиданий.

Как-то утром мне передали, что Уиллу необходимо срочно поговорить со мной. Я тут же сменила платье на более нарядное и одела самый дорогой чепец — с шитыми золотом оборками, — который недавно получила от щедрот Анны, поелику он ей надоел. Мне хотелось соответствовать элегантному облику Уилла. Но когда мы встретились, я поняла, что Уиллу не до моей внешности. Он страшно волновался и хотел как можно скорее о чем-то меня предупредить.

— Джейн, — начал он, когда мы уединились в одной из маленьких комнаток на половине Анны, — ты должна тщательно следить за тем, что происходит на кухне королевы. Если потребуется, отошли всех поваров, кухарок и поварят, до последнего человека.

Беспокойство Уилла тут же передалось мне.

— Ради всего святого, что случилось?

— Кто-то отравил нашу еду, — признался Уилл, хмуря лоб. — Принц едва не пострадал. Вчера вечером на ужине он съел совсем мало, и ему тут же стало плохо. Все кушанья тотчас убрали со стола и вынесли нищим, которые ждали объедков у двери кухни, — голос Уилла прервался. Видно было, что он потрясен случившимся. — Двое нищих умерло. Еще один при смерти. Так что сомнений нет — это был яд.

— Ты знаешь, кто это сделал?

— Конечно же, мы подозреваем испанцев. Или шпионов императора, которые действуют по указке посла Шапуи. Они жаждут прервать порядок престолонаследия в нашей стране. Генри Фицрой — наследник, назначенный самим королем. Враги королевства могут попытаться отравить Анну и, таким образом, убить дитя в ее утробе.

— Я сейчас же доложу королеве, — начала я, собираясь бежать к Анне, но Уилл остановил меня. Он мягко, но решительно взял меня за руку, и я замерла.

— Пока не следует особо распространяться об этом, Джейн. — Уилл понизил голос и с беспокойством огляделся. — Понимаешь, нельзя исключить, что королева Анна или кое-кто из ее окружения... ну, ты понимаешь...

Я уставилась на Уилла:

— Ты хочешь сказать...

— Некоторые вещи не стоит называть своими именами.

Возможно ли это? Неужели Анна послала человека отравить еду, подаваемую Генри Фицрою? Я вспомнила, о чем мне рассказал отец Бартоломе, будто бы Анна действительно организовала убийство Джейн Попинкорт во Фландрии.

— Помни об одном, — объяснял меж тем Уилл, — любой, кто встает у нее на пути, оказывается в смертельной опасности.

Я промолчала, переваривая сказанное Уиллом. Если эти страшные обвинения имеют под собой почву, то жизнь любой из нас, в том числе и моя, под угрозой! Не хотела бы я иметь Анну своим врагом...

— Но если я проявлю заботу о ее безопасности, буду проверять кухню и тех, кто там работает, я докажу свою преданность Анне, — запротестовала я.

— Если только результат твоей деятельности не окажется прямо противоположным ожидаемому. Нельзя исключить того, что в своем стремлении очистить Авгиевы конюшни вашей кухни ты выгонишь отравителя, находящегося у нее на содержании.

Раздумывая над этой возможностью, я не могла не обратить внимание на то, что вместе с красивым платьем и повелительными манерами Уилл приобрел еще кое-что: он заговорил как ученый слуга короля. «Авгиевы конюшни» — ушам своим не могу поверить! Да, Уилл был сыном джентльмена, его обучали латыни, пересказали ему греческие мифы (помню, что кое-чему из этого я и сама научилась, сидя в уголке и слушая, как учили Неда), но насколько же сейчас он был не похож на того Уилла, которого я знала.

— Постараюсь действовать со всей возможной осторожностью, — уверила его я. — Во всяком случае сегодня не буду ни обедать, ни ужинать.

Уилл рассмеялся и на мгновение из-под панциря сурового вельможи показался старый добрый друг моего детства. Черты лица его смягчились, голубые глаза зажглись прежней приязнью. Уилл вздохнул и произнес:

— Джейн, хочу поговорить насчет нашего будущего, — и неловко замолчал. Тема эта для него явно была болезненной. — Мой отец твердит, что в один прекрасный день Чиверинг-Мэнор будет моим, но когда этот день настанет, я не знаю. В поместье есть отдельный маленький домик, который отец готов мне предоставить, но поскольку мои обязанности удерживают меня в Лондоне...

— Как и мои обязанности — меня, — прервала его я. — Я совершенно согласна с тобой, Уилл. Домик нам не годится.

Уже произнося эти слова, я вспомнила: а ведь когда-то мы с Уиллом мечтали о любой крыше над головой, чтобы зажить совместной жизнью. Но это было еще до Гэльона.

Не успела я перевести дух, обрадовавшись, что Уилл не настаивает на браке, как он несколькими словами буквально ошеломил меня.

Произнося их, Уилл не глядел мне в глаза и не поднимал головы, словно чувствовал свою вину:

— Позволь предложить тебе, Джейн, — мы ведь договорились быть честными друг с другом, — прервать нашу помолвку. С учетом всех обстоятельств...

Я услышала сожаление в его голосе и нотку раскаяния. Мое согласие последовало с неприличной быстротой. Сбросив оковы этой затянувшейся помолвки, я почувствовала облегчение.

— Ты всегда будешь дорога мне, Джейн. Я буду лелеять тебя как сестру, я буду любить тебя по-родственному...

Я усмехнулась. В прошлом родственники Уилла (и ужасный проступок моего отца) воспрепятствовали нашему браку. Поэтому любые упоминания родственных связей приносили скорее боль и печаль, чем утешение. Или я думаю только о себе?

В тот вечер я раз за разом повторяла про себя последние слова Уилла. Живот у меня подвело от голода, ибо я не могла проглотить ни куска из того, что принесли к нашему столу с королевской кухни. Скоро я присоединилась к Бриджит Уингфилд и некоторым другим фрейлинам, готовясь отойти ко сну.

Так повелось, что в этот час перед сном мы вели друг с другом откровенные разговоры. В ту пору одна из молодых фрейлин Арден Роуз, дочь лорда Эджуотера, готовилась выйти замуж за дипломата, который собирался скоро отбыть во Францию. Девушка призналась, что побаивается, как к ней отнесутся придворные дамы при дворе Франциска, страшилась она и своего будущего мужа — человека властного и придирчивого. А Энн Кейвкант рассказала нам, что опухоль, образовавшаяся у нее в боку, растет, и даже личный врач короля не может сказать, сколько ей осталось. Она плакала и просила нас молиться за нее.

— Повитухи королевы довольны тем, как протекает ее беременность, — поведала нам всезнающая Бриджит Уингфилд. — Ребенок зашевелился. Они говорят, что это будет мальчик — такой же крупный и сильный, как и его отец. Он будет воином и рыцарем, обладателем многих талантов. Он будет вести себя по-королевски.

— Как ты думаешь, его назовут в честь отца? — спросила Арден Роуз. — Значит, он будет Генрихом Девятым?

Ни одна из нас не знала, что сказать на это. Анна ненавидела, когда мы начинали судачить о ее будущем ребенке, гадать, как его назовут и когда он появится на свет. Астрологи, конечно, сделали свои расчеты, но результат их держали в тайне.

— Ау нас уже есть Генрих Девятый, — вставила безутешная Энн Кейвкант. — Это Генри Фицрой.

— Тише, не дай Бог, тебя королева услышит, — шикнула на нее Бриджит. — Она спит и видит, как удалить королевского бастарда от двора. Они с королем постоянно ссорятся по этому поводу, особенно теперь, когда Фицрой должен взять в жены дочь герцога.

Генри Фицрой собирался жениться на своей давней нареченной Мэри Говард, дочери герцога Норфолка. Пышная церемония была назначена вслед за свадьбой короля. Придворные ломали голову: зачем король продолжает оказывать знаки внимания своему внебрачному сыну? Неужели он боялся того, что сын Анны не сможет стать настоящим королем? Или он хотел в дальнейшем посеять соперничество между двумя мальчиками — хилым бастардом и тем, кто еще даже не рожден?

— Свадьба назначена на пятое сентября, — рассказала нам Бриджит. — Мне удалось узнать, что в этот день состоится, по крайней мере, три других свадьбы. И все в одно и то же

время. Три придворных принца женятся на трех девушках из окружения Мэри Говард.

Теперь Бриджит глядела прямо на меня:

— Мне кажется, одним из женихов будет твой старый поклонник Уилл Дормер. Я права?

Я открыла рот, а потом закрыла, не сказав ни слова. Так вот почему Уилл захотел расторгнуть нашу помолвку, хотя страсть, питавшая ее, давно погасла. Значит, он решил жениться на другой девушке.

— Да, — наконец обрела я дар речи, — да, он говорил мне, что собирается жениться.

— Когда-то он был такой красивый, — задумчиво произнесла Бриджит. — Неудивительно, что ты в него влюбилась. Ну, сейчас он растолстел сверх меры и прямо-таки пыжится от собственной важности. Тебе без него будет лучше.

«Да, наверное, Бриджит права», — подумала я. Но сердце сжалось от боли. Я все еще хотела мужа, дом, семью, детей. А теперь оказалось, что свою мечту я потеряла. Когда-то я делила ее с Уиллом. Знала, что никогда не смогу разделить ее с Гэльоном, как бы ни дорожила минутами близости с моим прекрасным стекольщиком.

Жизнь неудержимо проходила мимо меня. В то лето, лето коронации Анны Болейн, мне было уже двадцать шесть лет. Скоро должно было исполниться двадцать семь. Мой возраст давно перевалил за тот рубеж, когда девушке из хорошей семьи прилично и должно выходить замуж.

В ту ночь я недвижно лежала на своем узком ложе и безуспешно пыталась заснуть. Мрачные мысли гнали прочь сон. Перед моим внутренним взором вновь и вновь вставала одна и та же картина: Уилл танцует с молоденькой, живой, хорошенькой девушкой, умоляет ее пойти с ним к алтарю. И лицо его оживает, когда она отвечает ему согласием. Я потеряла Уилла. Что же со мной теперь будет?

Ноги у меня заоченели, тонкое одеяло не грело. В постели с Гэльоном я никогда не мерзла, но Гэльон был далеко отсюда. Мы никогда не разделим с ним супружеского ложа, не познаем тепла и уюта совместного домашнего очага. Устав бороться с собой, я все глубже и глубже погружалась в пучину отчаяния. Я чувствовала себя так, словно стою на краю огромной темной ямы и вглядываюсь в бездонный колодезь своего одиночества. Одна, всегда одна... У меня никогда не будет семьи, и, значит, я лишусь будущего. «Время мое прошло, — сказала я себе. — Я останусь старой девой». Такой судьбы каждая девушка страшится больше всего.

Наконец я не выдержала и расплакалась. Мысли мои стали путаться, и мне привиделось, что мы с Гэльоном въехали в маленький домик в поместье Чиверинг. Вокруг дома мы разбили сад, воспитываем наших детей, живем долго и счастливо. «Если бы это было правдой! — прошептала я. — Если бы только это было возможно...» Потом я провалилась в забытие.

— Могу ли я поговорить с вами, Ваше Величество?

Я осмелилась нарушить уединение короля в его кабинете в Тауэре, где он занимался составлением новых снадобий и штудировал трактаты по алхимии. Хотя со времени опустошительной потницы прошло уже пять лет, Генрих не перестал носить на шее мешочек с живыми пауками, чтобы отвратить болезнь. Королева Анна часто шутила на эту тему, утверждая, что король готов посадить себе на шею слона, если решит, что это поможет отогнать недуг.

Генрих сидел за столом, сгорбившись над сосудами с порошками и жидкостями. «Он выглядит усталым», — подумала я. Плечи его опустились, на лбу залегли морщины. Он по-прежнему являл собой величественную фигуру, когда стоял в парадной зале своего дворца, выпрямившись во весь рост, облаченный в роскошный, шитый золотом камзол пурпурного бархата, пряча намечающуюся лысину под лихо заломленным беретом, сверкающим драгоценностями. Он почти всегда возвышался над всеми присутствующими, поражая их горделивой, истинно королевской осанкой. Но для нас, которые существовали бок о бок с ним многие годы, было совершенно очевидно, что король сильно сдал. Он тяжело припадал на больную ногу. Его мучили головные боли, и не только они. Впрочем, о болях другого рода говорилось только шепотом. По слухам, воспаление яичек Его Величества в последнее время усугубилось и не раз вынуждало короля оставаться в постели и призывать к себе своих лекарей.

— Что тебе, Джейн? — король на мгновение оторвался от своих занятий. — Я готовлю экстракт щавеля для добавления в целебный напиток. Мой коновал сказал мне, что он хорошо утоляет боль у лошадей, а значит, и для королей сгодится... Клянусь всеми святыми, нога адски болит!

— Мне жаль, Ваше Величество. Я была бы счастлива предложить вам мое собственное снадобье для снятия боли, если бы оно у меня было, — ответила я с улыбкой.

Король усмехнулся в ответ.

— Оставайся, Джейн, твое присутствие действует на меня благотворно.

— Боюсь, Ваше Величество, сегодня я вас разочарую, ибо мой долг — поделиться с вами тревожными вестями. Уилл Дормер по секрету сообщил мне, что еда принца была отравлена. Мальчик мог умереть, но вместо него умерло несколько человек, съевших предназначавшиеся для него кушанья. Уилл опасается, что существует некий испанский заговор с целью устранения принца и что королева и ее дитя могут оказаться под угрозой.

Король только махнул рукой:

— Это не был яд. Наверное, рыба стухла или вино скисло. Такое случается даже на образцовых кухнях и у лучших поваров.

Я хотела промолчать, но все-таки заговорила:

— Ваше Величество, а если Уилл прав? Если во дворце действительно действует отравитель? Не следует ли принять меры, чтобы не допустить повторения подобного на половине королевы, чтобы защитить ее и будущего ребенка?

Король пытливо взглянул мне в лицо — казалось, он читает мои мысли как открытую

книгу:

— Джейн, говори начистоту! Кого мне следует подозревать?

— Если б я знала наверняка, Ваше Величество, я бы, конечно, вам сказала, но дело в том...

— Не бойся, Джейн, расскажи мне, что знаешь.

— Есть один человек, Ваше Величество, на которого я не могу смотреть без дрожи. Первый раз я встретила его в обители Святой Агнессы. Он был среди сподвижников Кентской Монахини. А сейчас он подвизается в качестве исповедника вдовствующей принцессы. Его зовут отец Бартоломе.

Генрих нахмурился, а затем легким, неуловимым движением поднялся из кресла и подошел к двери в соседнюю комнату. Резким ударом он распахнул ее настежь. Король словно сбросил с себя груз усталости и прожитых лет.

— Позови сюда Кромвеля, и немедленно! — велел он стражнику, стоявшему снаружи у двери. — А теперь, Джейн, я хочу знать об этом отце Бартоломе все. Как он выглядит, что он сказал или сделал подозрительного...

Я поведала королю то немногое, что знала. Пока я говорила, в дверном проеме появилась коренастая, крепко сбитая фигура Томаса Кромвеля. Лорд-канцлер так спешил, что запыхался, но тут же согнулся в поклоне перед королем, украдкой поглядывая на меня.

— Кром, дружище, скачи в Бакден с дюжиной стражников и арестуй исповедника вдовствующей принцессы. Он называет себя отцом Бартоломе. Выясни, что ему известно об отравлении блюд, предназначавшихся принцу. И допроси с пристрастием всех, кто работает на кухне королевы, от шеф-повара до последнего поваренка.

Кромвель удивленно взглянул на своего повелителя:

— Даже любимого повара королевы, которого она выписала из Парижа?

— Его — в особенности. Ступай!

Лорд-канцлер и бывший секретарь короля поспешно удалился. Генрих обратился ко мне:

— Ты совершенно права, что подняла тревогу, Джейн. Как хорошо, что у тебя достало смелости рассказать мне об этом отце Бартоломе. Мой верный Кром с ним разберется, ведь жалость лорд-канцлеру неведома.

Я заколебалась, но когда король вновь уселся за стол, давая понять, что аудиенция закончена, я решилась:

— Ваше Величество, позвольте затронуть еще одну тему. Страшусь вашего гнева, но все-таки отважусь просить вас об этом.

— Что еще, Джейн?

— Это касается гибели Джейн Попинкорт. При фламандском дворе ходят слухи... поговаривают...

— Выкладывай, Джейн!

— Якобы Джейн Попинкорт убили не разбойники, а люди, которым заплатила королева Анна. Они признались...

Генрих стукнул кулаком по столу так, что горшочки и баночки со снадобьями подпрыгнули.

— Под пытками они признались, можешь в этом не сомневаться! На Анну возвели поклеп — это ясно, как Божий день. Они ее ненавидят! Она не больше виновна в гибели Джейн, чем ты или я, — король так взглянул на меня, что впервые с начала разговора я по-

настоящему испугалась. — Неужели тебе не ясно, милая Джейн, что существует заговор! Даже моя благочестивая женушка... то есть я хочу сказать «вдовствующая королева»... даже она замешана в нем.

Король замолчал, вздохнул, а потом посмотрел на меня с тоской:

— Ах, Джейн! Мы живем в смутное время! Хвала Господу, войска императора еще не вторглись на наш остров, но этого нельзя исключить. Когда-то в молодости я водил мою армию во Францию... — он горестно покачал головой, — но теперь я не смогу этого сделать, даже если от этого будет зависеть моя жизнь и судьба королевства. Я даже не смог заявиться на турнир в честь коронации Анны, так сильно болела моя трижды проклятая нога...

Король принялся со страдальческим лицом растирать под столом больную ногу, а затем вновь обратился ко мне:

— Сядь, Джейн, и побудь со мной еще немного. Сегодня я чувствую себя старой развалиной, — добавил он с невеселой улыбкой.

Я опустила на покрытую пылью скамью, протерев ее предварительно своей нижней юбкой.

— Сэр, простите мою дерзость, но позвольте задать вам еще один вопрос... вы, конечно, вольны на него не отвечать, но он не дает мне покоя. Что же такого знала Джейн Попинкорт, чтобы ее слова могли стать препятствием вашему браку с Анной?

Генрих презрительно сплюнул:

— Все это свершилось до того, как я стал главой нашей церкви. Когда Англия еще подчинялась его погрязшему в пороках святейшему Папе Римскому.

— Конечно, Ваше Величество. Сегодня это не может иметь значения, и все же...

— Давай, Джейн, не тяни, задавай свой вопрос, — милостиво разрешил король. — То, о чем мы тут говорим, никогда не покинет пределов этой комнаты.

— Ваше Величество, правда ли то, о чем толковала Джейн? Была ли мать Анны вашей возлюбленной?

К моему изумлению, король разразился смехом:

— Думаешь, я помню, Джейн? Я же был тогда совсем мальчишкой, а вдобавок вдребезги пьян. Понимаешь, я тогда одержал свою первую великую победу над французами. Какой спрос с зеленого хвастливого солдата? Думаешь, он помнит всех женщин, с которыми перебивал тогда?

Веселая мальчишеская улыбка озарила лицо нашего монарха:

— Да и какая теперь разница?

— Но Джейн получила полный сундучок золотых монет отступных, и ее отослали прочь, когда она проговорила, что леди Болейн была вашей любовницей, а потом и поклялась в этом.

— Да ее надо было бросить в Тауэр за государственную измену. Негоже распространять такую клевету. Любой человек поклянется в чем угодно, если ему заплатить, — он снова тяжело вздохнул. — А теперь оставь меня. Я должен закончить свое чудодейственное снадобье, а то не усну до рассвета от боли в ноге.

Король махнул рукой, отсылая меня прочь.

— Простите, что потревожила вас, Ваше Величество.

— Все в порядке, Джейн. Приходи еще, когда у тебя будут для меня хорошие вести.

Я лежала в объятиях Гэльона. Теплые ароматы летней ночи обволакивали нас мягким покрывалом. Стоявшая кругом тишина нарушалась только журчанием ручья и сонным бормотанием птиц.

К моему несказанному удивлению и радости, Гэльон вернулся в Англию — его наняли в числе трехсот искусных французских мастеров для перестройки и расширения покоев королевы Анны. Французов поселили в отдельной деревне неподалеку от столицы. Гэльон радостно заявил мне, что работы растянутся на много месяцев и мы сможем видеться достаточно часто, не боясь, что каждое наше свидание может оказаться последним. Так началась наша почти супружеская жизнь, и никогда не были мы ближе друг другу.

Гэльон стал мастером гильдии стекольщиков и получил право на просторное, прекрасно обставленное жилище на все время своего пребывания в Англии. Как часто тем летом мы встречались с ним в сумерках и ехали бок о бок через темные сады и сверкающие от вечерней росы луга в его дом, где вместе садились за скромный ужин, а затем отправлялись в постель — ложились меж прохладными простынями в спальне на втором этаже или, как этой ночью, устраивались под деревьями в саду, неподалеку от ручья.

Гэльон нежно поцеловал меня в лоб и замер, вглядываясь в мое лицо. Я увидела в его ясных голубых глазах такое море любви, что спросила себя: «Чего же еще смею я желать от этой жизни?» Я глядела и не могла наглядеться на знакомый изгиб его рта, золотистую щетину на щеках и подбородке, пряди волос, падавшие на лоб. Как же я соскучилась по его сильному мускулистому телу, его запаху, его дыханию рядом с собой.

Так мы лежали, не шевелясь и не разговаривая, пока всходила луна, заливая деревья сада своим серебряным светом.

— Милая Жанна, — нарушил наконец молчание Гэльон, любивший называть меня на французский манер, — я получил письмо от моей жены Соланж. Она до сих пор сожительствует с приходским священником нашей деревни, и у них скоро родится еще один ребенок. Но кое-что изменилось. Отец Бенье снял с себя сан. Он отрекся от римской веры и был отлучен от церкви.

— Совсем как наш король Генрих.

— Теперь его зовут просто Жорж Бенье, и он хочет жениться на Соланж. Они вместе ходят на проповеди одного из последователей Жана Кальвина ^[64]. По законам новой церкви любой человек может развестись и повторно вступить в брак. Соланж хочет получить развод.

— Ну точь-в-точь наш король. Он стал главой нашей церкви и развелся с королевой Екатериной. — Я замолчала, задумавшись. — После развода ты станешь свободным.

— Но не в глазах истинной церкви.

— Истинная вера живет в нашем сердце, а не в богословских определениях.

Гэльон покачал головой:

— Не знаю, Жанна, я не силен в таких высоких материях. В одном я уверен: за несколько лет нельзя перечеркнуть то, что создавалось веками, — Святое Писание, мессу, почитание святых...

Я задумалась над словами Гэльона, любясь бегущим потоком и серебристой рябью на поверхности воды. Мой возлюбленный снова заговорил:

— Подумай, сколько любовников от сотворения мира и до сего дня лежали здесь,

обнявшись, на этом самом месте? Сколько из них смотрели, как восходит месяц, наслаждались друг другом, делились самыми сокровенными тайнами? Боги и богини приходили и уходили, и вот мир перестал быть языческим и стал христианским. Теперь получается, что мы возвращаемся назад, разве не так? — Гэльон рассмеялся. — И сколько священников подобно отцу Бенье соблазнили жен своих прихожан?

— Лютер, Кальвин и король Генрих учат, что римская церковь прогнила до основания и нуждается в перестройке.

— Брось! Ты думаешь, король избавился от старой королевы и взял себе молодую жену из-за своей веры и убеждений? Скорее, он поменял веру, чтобы спокойно удовлетворить свою похоть. А если я правильно помню катехизис, возжелать то, что тебе не принадлежит, — значит нарушить одну из десяти заповедей.

— Одно я знаю точно, мой дорогой Гэльон: сердце мое поет и переполняется любовью, когда я с тобой. И никаких угрызений совести я не испытываю. Если это плохо, пусть Господь меня накажет и я буду вечно гореть в аду.

— Тогда мы будем гореть в аду вместе, любовь моя, — сказал мой возлюбленный и поцеловал меня.

И мы забылись в объятиях друг друга до тех пор, пока месяц не побледнел на утреннем небе и с реки не задул холодный ветер. Тогда мы поднялись с ложа любви и пошли через темный сад к дому.

Лето заканчивалось, и пришло время для Анны удалиться в свою опочивальню и там ждать родов.

Весь двор мучился тысячей вопросов. Когда придет срок ребенку появиться на свет? Сможет ли королева удачно разрешиться от бремени? Выживет ли она? Казалось, вся государственная и придворная жизнь замерла в ожидании появления наследника.

Мы слонялись из угла в угол, уходили на долгие прогулки по желтеющим полям, охотились и собирали яблочную падалицу. И еще мы глаз не сводили с королевы, ожидая знаков того, что ее срок настал.

Анна удалилась в свои покои, и этот уход был обставлен, как и всякое событие при дворе, пышно и торжественно. Теперь за ней денно и ночью следили шесть повитух, а мужчины на половину королевы не допускались. По традиции Ее Величество сможет покинуть свои покои, только разрешившись от бремени. А пока мы, ее приближенные — а наше число заметно увеличилось со дня ее свадьбы, — были готовы удовлетворить любую прихоть нашей госпожи.

Один летний день сменял другой, воздух сделался горячим и наполнился пылью. Мы — фрейлины и придворные дамы — убивали время, как могли, изнывая от духоты: играли в карты, вышивали, читали вслух и, конечно же, сплетничали вовсю. Анна настояла на том, чтобы ее свита во всех отношениях превосходила свиту бывшей королевы Екатерины. Кроме Бриджит и Энн Кейвконт, во фрейлины были приняты хорошенькие молоденькие богатые наследницы Элизабет Вуд, Кэтрин Гейнсфорд и Онор Гренвил. В их число входила Мэри Скруп — зубы у нее были желтые, но в остальном внешность она имела вполне удовлетворительную, Марджери Хорсман, которая привлекала меня своим быстрым умом, и с полдюжины других девушек. Анну безмерно раздражало то, что пришлось дать место Элизабет Холланд, любовнице ее дяди Норфолка, но когда она пожаловалась на это

назначение королю, то почувствовала на себе всю тяжесть королевского гнева и живо прикусила язык.

Мы ждали долгими жаркими днями и душными ночами, и в одну из таких ночей нас разбудил страшный вопль. Кричала Анна.

— У королевы начались схватки! — воскликнул кто-то из нас. Мы поспешили в опочивальню Анны и увидели ее, стоящую рядом с кроватью с всклокоченными волосами и перекошенным лицом. Она словно бы пыталась сбросить что-то со своей ночной рубашки, ругалась и кричала.

— Вши! Эти твари здесь везде! Они в моей постели!

Повитухи дрожащими руками срывали простыни и одеяла с великолепной резной кровати Анны, сбрасывали подушки и снимали альковные занавески, пытаясь найти и уничтожить насекомых.

— Настой ромашки и конского щавеля уменьшит зуд и припухлость от укусов, — раздался спокойный голос Мэри Скруп. — Наш аптекарь всегда советовал использовать это средство от вшей.

Но Анна вновь разразилась дикими криками и запустила в Мэри подушкой.

— Дура набитая, неужели ты не понимаешь? Это все происки Кентской Монахини! Сперва она наслала на меня жаб, а теперь вшей. Она прокляла меня!

Я вспомнила леденящие душу пророчества Кентской Монахини в тот день, когда она вышла навстречу королевскому кортежу на дороге в Дувр. Сначала жабы, потом вши, потом мухи.

— Вши не задерживаются на умирающих, — прошептала Бриджит.

Слух у Анны всегда был очень острым, и беременность на него не повлияла.

— Ты что, хочешь сказать, что я умираю? — выкрикнула она, срывая с себя последние остатки ночных одежд. — Я умру? Мое дитя умрет?

Она бросилась вон из комнаты, оставив нас сражаться со вшами, убирать разбросанные простыни и принять на себя гнев короля, чей рассерженный голос уже слышался в коридоре.

Теперь нам предстояло успокоить Анну, перестелить ее постель, извести насекомых. Я почувствовала, как что-то ползет по моей руке, и быстро отвернула рукав. Это была вошь — черная и раздувшаяся. Я раздавила ее и увидела на руке пятно крови — моей крови. За стеной крики Анны сменились рыданиями. Вполне возможно, что от страха и возбуждения у нее прямо сейчас начнутся схватки. Повитухи твердили, что ее срок настал и ее сын мог появиться на свет в любой момент. И тут я вспомнила самую ужасную часть пророчества Кентской Монахини: «Первенец распутника и его Иезавели, их сын — умрет!» Неужели пророчество сбудется? Действительно ли вши бегут с умирающих? Если это правда, то чем смерть королевы может обернуться для всех нас?

В покоях роженицы царил полумрак, от жаровен исходили волны удушливого тепла. Толстые занавеси на окнах были задернуты так, чтобы дневное солнце не проникало в комнаты. Воздух был таким густым от ароматов мускуса, лаванды и опиума, тяжелая сладость которого перекрывала все прочие запахи, что дышать было невозможно.

Нас призвали в опочивальню Анны, чтобы засвидетельствовать рождение ребенка. Таковы правила при рождении королевского дитя, дабы впоследствии никто не мог сказать, что новорожденный вышел не из чрева королевы. В нашу честь был накрыт длинный стол, уставленный кубками вина, разведенного водой, блюдами с засахаренными фруктами и другими яствами, но мы не могли заставить себя ни есть, ни пить. На широкой постели извивалась, кричала и плакала Анна. Она проклинала суровых повитух, которые безжалостно давили ей на живот.

— Дайте мне умереть! — восклицала она, давясь слезами. — Дайте же мне умереть спокойно!

В бреду она протягивала руки и звала свою отсутствующую мать, умоляя облегчить ее страдания, но затем без сил упала на подушки. Внезапно с ее уст сорвалось:

— Пусть к народу выйдут герольды! Пусть сообщат, что королева умерла!

Я горячо молилась, чтобы Анна не погибла в родах, чтобы страдания ее прекратились. Но час проходил за часом, муки роженицы только усиливались, а ребенок так и не появлялся на свет.

Наконец старшая повитуха потеряла всякую надежду.

— Больше я ничего не могу сделать! — объявила она, вытирая руки о грязный передник. — Всего нашего искусства и опыта не хватает, чтобы спасти королеву. Видно, такова воля Божья: она и ее дитя теперь на пути к Создателю...

Мы содрогнулись. Неужели таков будет исход долгих и мучительных страданий Анны, неужели наши молитвы не смогут ее спасти? Неужели Анна умрет? Как король сможет это пережить? В течение многих часов у меня во рту маковой росинки не было, но я чувствовала, что негоже в такой момент угощаться яствами и винами.

Я вспомнила, как выглядела Анна, когда лежала в Гринвичском дворе, сраженная потницей. Тогда мы думали, что она умрет, но она выжила. Господь ее пощадил. Почему? Для чего? Для того, чтобы она навлекла позор на нашу страну и умерла, пытаясь дать жизнь ребенку короля?

— Позовите священника, — проговорила меж тем повитуха, смирившаяся с неизбежным. — Самое время! Мы сделали все, что могли. Она отходит, нужно ее соборовать.

Но тут Бриджит, нарушив строжайший приказ не приближаться к королеве, если не позовут, подошла к постели, где недвижно лежала Анна, и опустилась на смятые простыни. Она взяла королеву за руку и принялась тихонько приговаривать: «Не сдавайся, подруженька моя, попробуй еще разок. Разве ж мы позволим тебе уйти? Давай, милая, постарайся, ради нас всех...»

Я затаила дыхание. Мгновения падали как капли, и ничего не происходило, но вдруг я

услышала какие-то тихие звуки. О чудо! Недвижно лежавшая Анна заворочалась в постели и застонала. Я увидела, как тело ее напряглось — началась очередная схватка. Лицо Анны покраснело. Бриджит продолжала подбадривать ее. Анна глубоко вздохнула и неимоверным усилием попыталась исторгнуть ребенка из своего чрева. Вдруг из груди роженицы вырвался вопль, которого я никогда в жизни не слышала, и вместе с ним пришла самая сильная потуга.

— Головка! Головка показалась! — воскликнул кто-то.

Повитухи сразу же ожили и засуетились. Но приняла ребенка Бриджит: прямо к ней в руки выскользнул крохотный младенец, скользкий от крови и еще соединенный с матерью толстой пуповиной.

Шепча тайный заговор на здоровье новорожденного, старшая повитуха разрежала и перевязала пуповину, а потом вдруг вскрикнула.

В комнате было так темно, что мы не сразу поняли, чем же она так потрясена. Но тут раздалась роковые слова:

— Нет, быть не может! Господь Всемогущий, смилуйся над нами! Это не принц, это *принцесса!*

— Отмените рыцарские турниры. Уберите парадную колыбель и замените ее простой, деревянной. И раздвиньте, наконец, эти чертовы занавеси на окнах! Пусть здесь будет светло.

Приказы короля выполнялись мгновенно. Анна спала, а ее крохотную дочурку, заботливо омытую и запеленатую, налитанную молоком кормилицы, положили в старинную колыбель резного дерева. Ею заменили принесенную до родов в покои королевы раззолоченную парадную колыбель с подушками из пурпурного бархата и одеяльцем, подбитым горностаем, которая предназначалась только для сына.

Король, получив известие, что Анна родила дочь, немедленно выгнал всех повитух и распорядился привести к нему астрологов.

— Их убить мало, этих презренных шарлатанов! — кричал он в сердцах. — На дыбу мерзавцев! Повелеваю заключить их в Тауэр и подвергнуть порке!

Но астрологи сразу же, как услышали о рождении у короля дочери, бежали из дворца. Толпа придворных перед покоями королевы стремительно редела.

Я услышала, как король распорядился:

— Закройте кухни. Велите поварам раздать еду нищим у ворот. Праздничного ужина сегодня не будет!

«Это все опиум виноват!» — заявила Анна, едва проснувшись. По ее словам получалось так: ей дали слишком много опиума, дабы облегчить боль столь сильную, что она чуть не отдала Богу душу! Ясное дело — это происки вдовствующей принцессы, то бишь бывшей королевы Екатерины и ее приспешницы Кентской Монахини. Пророчица наслала порчу и с помощью черной магии превратила мальчика в чреве Анны в никчемную девчонку. Доказательства? Но разве Кентская Монахиня не предрекала, что Анна не сможет родить сына? Разве не насылала она полчища жаб и вшей, лишив беременную душевного равновесия? Без колдовства и дьявольских козней тут точно не обошлось. И вполне возможно, что к этому злему делу приложили руку приспешники монахини.

Хотя Бриджит и остальные напомнили Анне, что Кентская Монахиня сидит в королевской тюрьме за крепкими стенами и под надежными запорами, на королеву эти доводы не действовали. «Она способна добраться до меня откуда угодно! Она может действовать через своих сторонников», — твердила Анна, и в глазах ее плескался непритворный страх.

Один из этих сторонников, как я узнала, не только остался на свободе, но и появился при дворе. Зловещий отец Бартоломе, исповедник бывшей королевы, ускользнул от самого Томаса Кромвеля, отправленного королем в Бакден с приказом захватить испанца. Священник исчез, а затем таинственным образом оказался при дворе. Его видели то здесь, то там в толпе придворных, но каждый раз он буквально растворялся в воздухе, когда его пытались схватить. Я и сама, как мне показалось, сталкивалась с ним не раз. Он, как призрак, ускользал из скудно освещенных комнат и растворялся в темных переходах. Поговаривали, что он был во дворце даже в день крестин королевской дочери. Бледной слабой малышке, рожденной Анной, дали имя Елизавета. Никто не думал, что она проживет долго.

Анна панически боялась Кентскую Монахиню, пусть и заточенную в тюрьму. Ведь в узилище у этой удивительной женщины продолжались видения, с ней разговаривали божественные голоса, и каждое сказанное ими слово каким-то необыкновенным образом становилось тут же известно всем жителям столицы. Монахиня объявила, что ее посетил сам Иисус Христос. Спаситель поведал ей о том, что тяжело страдает от ран, причиненных нечестивым браком короля с порочной Анной Болейн, и лишь расторжение этого союза способно излечить их. Когда молва об этом стала передаваться из уст в уста, Кентскую Монахиню перевели в Тауэр, дабы надежно скрыть за неприступными стенами главной тюрьмы Его Величества. Но в тот же день огромные толпы народа заполнили Лондонский мост. На Темзе яблоку негде было упасть от лодок и барок с пассажирами. К воротам Тауэра и на речной берег принесли больных и умирающих, многие из которых, как утверждали, в этот день исцелились. Воистину, Кентская Монахиня была благословенна и избрана на добрые дела, в то время как королева Анна несла на себе печать дьявола и приносила несчастья. Королевство меж тем по-прежнему ждало принца и молилось о ниспослании наследника престола.

— Эта женщина должна умереть! Она прокляла меня! Она — средоточие зла и соучастница папистского заговора! — заявила Анна королю, покинув уединение родильных покоев.

В тот день она вошла в тронный зал и встала подле своего супруга, высоко держа голову. Голос Анны звенел от негодования, и слова ее дошли до слуха всех присутствующих: королевских чиновников, посыльных, слуг, многочисленных просителей и искателей королевской милости. Разговоры разом смолкли в толпе, а затем по ней прошел ропот обсуждений.

Что до короля, то он в тот момент развлекался шахматной игрой и, казалось, сосредоточил все свое внимание на положении фигурок из слоновой кости на доске. Потом он усмехнулся и будто бы невзначай обратился к своей партнерше по игре:

— Слышишь, моя женушка называет Кентскую Монахиню соучастницей папистского заговора? А ты что скажешь, Мэдж?

Он обращался к сидевшей напротив него пухленькой блондинке Мэдж Шелтон, двоюродной сестре Анны, облаченной в наряд всех оттенков розового, который выгодно

оттенял ее румяные щеки и полные красные губы.

— Ой, я даже не знаю, что и сказать, Ваше Величество... — пробормотала Мэдж, вертя в пальцах фигурку ферзя.

— Кентскую Монахиню следует казнить, и немедленно! — заявила Анна.

— Нет ничего хуже сварливых и крикливых женщин, — обронил король, — от их резких голосов у меня нога начинает болеть.

Мэдж протянула Генриху свой кубок:

— Выпейте, Ваше Величество. Этот напиток вас поддержит и, надеюсь, утолит вашу боль.

Король принял кубок, осушил его до дна и вернул своей партнерше, нарочно задержав ее руку в своей.

— Где принц? — спросил он у моего брата Неда, который стоял в тесном круге ближайших друзей и сподвижников короля, наблюдавших за ходом игры.

— Он с товарищами занимается метанием колец. Мне привести его, Ваше Величество?

Король кивнул, не сводя глаз с Мэдж.

— Твой напиток творит чудеса, милая девушка, — произнес он сладким голосом.

— Я рада, Ваше Величество, — Мэдж соблазнительно улыбнулась монарху.

Анна в гневе топнула ногой, но на это обратили внимание только мы, ее фрейлины, стоявшие рядом с ней.

Вскоре в тронном зале появился Генри Фицрой в сопровождении трех других юношей. Тощий, слабенький мальчик вырос в невысокого, щуплого, голенастого молодого человека, который выглядел гораздо моложе своих лет. Костюм его, как всегда, был копией наряда его отца-короля: отороченная горностаем бархатная мантия, шляпа с пером и драгоценным аграфом. Пышность камзола не могла скрыть худобу его рук и ног, но его лицо больше не было покрыто восковой бледностью, как в детстве. Во всем подражая своему отцу, принц перенял и его манеры, но у юноши величие и обаяние Генриха обернулись неоправданным высокомерием и тщеславием.

Одним из трех юношей, сопровождавших принца, был мой племянник Генри. С того ужасного лета, когда потница унесла его младшего брата Джона, судьбой мальчика занимался Уилл. Мой бывший жених недавно представил Генри его тезке принцу Фицрою, и с тех пор оба юноши были неразлучны.

Воспитываясь в семье бывшего королевского лучника, мой племянник взял фамилию приемных родителей и именовался теперь Генри Глинделлом. Он почти ничего не помнил о своем раннем детстве. Родного отца он и тогда редко видел, а Кэт попросила сказать сыну о том, что она умерла.

Нед не выказал ни малейших признаков того, что он узнал Генри, когда его сын вошел в тронный зал. Много лет назад он отрекся от обоих мальчиков, а заодно от своей жены Кэт, распорядившись заточить ее в монастыре Святой Агнессы. С тех пор он никогда больше не упоминал о своей первой семье (во всяком случае, при мне), словно совсем о них забыл. Наверное, он даже не знал, живы ли они.

— Это вы, мой принц! — радостно воскликнул король, увидев Фицроя. Он широко улыбнулся и сделал знак, чтобы юноша приблизился.

— Мой мальчик отлично выглядит! — заметил король, обращаясь к Мэдж. — Он будет вполне способен управлять королевством, когда придет его время.

— Моя дочь — наследница трона Англии! — запальчиво воскликнула Анна. Но тут

Генрих сделал знак рукой, и королеву быстро вывели из тронного зала. Ее протесты заглушило издевательское пение молодых придворных, прерываемое взрывами смеха. Юные грубияны затаили:

Анна Болейн,
Больше не болей!
Дьявол придет,
В ад унесет.

Переменчивость настроения приближенных короля меня не удивила — слишком часто я сталкивалась с лестью и вероломством. Двор как флюгер следовал за настроением Генриха и с легкостью отвернулся от той, которая и раньше никогда не пользовалась всеобщей любовью.

— Как здоровье новорожденной? — осмелилась задать вопрос Мэдж.

— Малышка хилая и болезненная, — пробормотал король. — Не знаю, сколько протянет. Не захотела ее мать постараться и одарить меня сыном.

— Ах, Ваше Величество! — тонкие брови Мэдж удивленно поползли вверх. — Значит ли это, сэр, что она не сможет больше иметь детей?

Все разговоры в зале затихли, как по волшебству. Вопрос белокурой красавицы словно бы повис в воздухе.

— Что толку сейчас говорить об этом, — промолвил король небрежно, — когда кругом столько иных удовольствий...

С этими словами он легким движением передвинул по доске ладью.

— Шах и мат! — объявил он, улыбаясь и бросая взгляд на Фицроя. Юный принц приветствовал победу отца громкими аплодисментами, к которым дружно присоединились все присутствующие.

Здоровье моего отца стремительно ухудшалось. Он упал с новой лестницы в Вулфхолле и так сильно расшибся, что доктора уложили его в постель. Опиум на него уже не действовал и не облегчал его страданий. Дышал отец с огромным трудом. Мы с Недом вместе отправились в Уилтшир, чтобы повидаться с ним. Его лекари предупредили, чтобы мы вели себя с нашим родителем очень бережно и не расстраивали его, потому что малейшее волнение может его убить.

Несмотря на предупреждение, я не сдержала горестный всхлип, когда увидела отца на одре болезни — он страшно похудел и лежал недвижно под грудой шерстяных одеял. Впалые щеки покрывала седая щетина, глаза покраснели, изо рта текла слюна. Пожилой, но еще полный жизни мужчина превратился в совершенно беспомощного старика.

— Отец, — только и могла вымолвить я, опускаясь на колени у его постели, склоняя голову и вновь чувствуя себя маленькой девочкой. — Смиренно прошу вашего родительского благословения!

Именно с этими словами нас еще в детстве научили обращаться к нему. Я почувствовала руку отца на своей голове и замерла. Рядом со мной опустился на колени Нед, чтобы, в свою очередь, тоже получить благословение. В этот миг я услышала какой-то сдавленный звук. Я

подняла голову и увидела, что морщинистое лицо отца на подушке корчится, но не от боли, а от смеха.

— Где же твои манеры придворной дамы? Где твоя гордость и твое высокомерие? — прохрипел он.

Слезы хлынули у меня из глаз. Весь тот гнев, все то негодование и презрение, которые я столько лет копила в своем сердце, были смыты в одно мгновение. Полный сил, могучий мужчина, который жил как хотел, плюя на мнение окружающих, соблазнил сестру Уилла и разрушил мои надежды, вполне заслуживал моего осуждения и порицания. Но лежавший передо мной старик, презрительной усмешкой пытавшийся скрыть свою слабость, вызывал у меня только жалость. Хотя, по правде говоря, жалеть его было не за что — ведь сейчас он смеялся надо мной, над моими страданиями, над моей разрушенной жизнью.

— Ах, моя печальная малютка Джейн, — звучал в моих ушах его насмешливый голос, — не жалеешь теперь, что была со мной столь сурова? А ты, Нед, почему ты нынче навещаешь меня так редко? Где же твои сыновние чувства теперь, когда я слаб и немощен?

Мы мучились под огнем его безжалостных насмешек, а он упивался нашим смущением и стыдом, но только до тех пор, пока его вновь не скрутило от боли.

— Прочь отсюда! — прохрипел он, взмахами руки выгоняя нас из комнаты. — Убирайтесь, пока у меня не начался приступ!

Голос отца прервался, он зашелся мучительным кашлем, но нашел в себе силы выпустить последнюю стрелу своего злоречия:

— Не волнуйтесь, дети мои. Денежки я вам оставил. Скоро, очень скоро узнаете, сколько вам причитается...

Нед взял меня за руку, и мы вместе вышли из комнаты отца под звуки его надсадного кашля и зловещего хохота, бившего нам в спину.

— Жанна, милая моя Жанна!

Гэльон обнял меня с таким пылом, которого я от него не ожидала. Откуда взялось такое страстное нетерпение? Я уезжала в Уилтшир ненадолго... Меня пронзила ужасная мысль — неужели Гэльона высылают во Францию? Неужели работы по перестройке покоев королевы закончились раньше срока? Гэльон отправил мне записку, чтобы я срочно пришла на сеновал над дальними конюшнями, и там, над стойлами, где фыркали и топтались лошади, он поведал мне историю, перевернувшую его жизнь.

— Жанна, сокровище мое! Я в отчаянии, я не знаю, что мне делать. Ты должна мне помочь. Спаси меня, Жанна! — вначале только и мог вымолвить он.

Я обняла Гэльона. Он дрожал всем телом.

— Милый Гэльон, я сделаю для тебя все, что угодно, и ты знаешь это.

Мы сидели под одним одеялом, согревая друг друга. Через некоторое время Гэльон, словно оттаяв, продолжил свой рассказ:

— Представь себе, Жанна, ко мне пришла эта женщина — ваша ужасная королева с шестью пальцами — и показала мне кошель, полный золотых монет. В нем было столько золота, сколько я в жизни не видел. Даже не знаю, какую сумму она мне предложила. Она сказала мне: «Мне нужен еще один ребенок. А король — он ни на что не годен. От него я не способна зачать. А мне просто необходим крепкий малыш — сын! Ты должен мне помочь, иначе король избавится от меня, отправит в дальние поместья, а то и велит заключить в

тюрьму». Я сразу понял, что она имела в виду, Жанна, и страшно испугался. Я сказал ей без обиняков: «Мадам, я не могу этого сделать». Она настаивала, но я не смог. Я трясся с головы до ног, как осиновый лист. И деньги ее я не взял. Но никому об этом не рассказал, и не посмел пойти к королю. Он бы объявил меня лжецом и предателем, он велел бы своим людям схватить меня. Я вырвался из ее объятий, сбежал и спрятался здесь, на чердаке над конюшней, ожидая, когда ты вернешься, и я смогу с тобой свидеться.

Гэльон задыхался и едва смог закончить свой рассказ. Слушая его, я не сомневалась, что он говорит правду. Его глаза смотрели ясно и бесхитростно, как у ребенка. В таком опрометчивом поведении Анны был смысл, ведь она оказалась перед ужасной дилеммой: наш король прозрачно намекал даже мне, не входившей в число его ближайших друзей, о том, что его мощи в постели может не хватить для зачатия. Если Анна не в силах подарить королю сына, ее ждет бесчестие и падение, а то и более печальная судьба. В прошлом она без колебаний решала встававшие перед ней дилеммы, не останавливаясь перед подкупом и убийством. Чем дольше я слушала рассказ Гэльона, тем больше убеждалась, что именно Анна, и никто другой, виновна в гибели Джейн Попинкорт и попытке отравления Генри Фицроя. Тогда почему бы ей не заплатить Гэльону за услугу: пусть стекольщик сделает то, что не под силу королю. Гэльон и Генрих оба были высокорослыми светловолосыми мужчинами, значит, сын Анны и Гэльона мог бы внешне походить на короля.

— Жанна, дорогая моя! Помоги мне вернуться домой во Францию, пока королева не успела выместить на мне свою злость, — вывели меня из задумчивости слова Гэльона.

— Я сделаю для тебя все, что смогу, и ты это знаешь. Я за тебя жизнь отдам, любимый. Но теперь нам нужно хорошенько подумать с холодной головой, что нам надлежит делать, чтобы не попасть впросак.

Я решила и рассказала Гэльону о серьезных подозрениях, возникших у меня в отношении Анны, — о том, что слух о гибели Джейн Попинкорт на фламандской земле от руки убийц, нанятых Анной, вполне может оказаться правдой. Бывшую фрейлину не спасло возвращение на родину.

— Мечь Анны может настичь тебя за морем, потому самым безопасным для тебя, милый Гэльон, будет затаиться на время здесь, в Англии. Некуда тебе сейчас скрыться, разве что на Острова Пряностей... — сказав это, я вспомнила разбившийся корабль «Эглантин» и нашу с Уиллом мечту уплыть на нем как можно дальше из этой страны со всеми ее опасностями. Какими же мы были глупыми и наивными...

— Оставайся здесь, любимый, а я позабочусь о том, чтобы у тебя была еда и все необходимое, — закончила я свою мысль.

— А если меня найдут?

На это у меня ответа не было. Кто бы мог взять Гэльона под защиту и спрятать его у себя? На кого я могла бы положиться? Ясно, что таким человеком не мог быть никто из свиты Анны — эти за деньги могут выдать моего возлюбленного. У меня были верные друзья в окружении бывшей королевы, но они находились далеко отсюда, в Бакдене. И мне не хотелось, чтобы Гэльон знал о них. Нед нам не поможет, ибо помогает только одному человеку — самому себе. Уилл никогда меня не подводил, но согласится ли он защитить моего любовника? Вдруг в душе моего бывшего жениха вспыхнут искры ревности и соперничества? Что же нам с Гэльоном делать? Ответов у меня не было. Я посмотрела прямо в глаза любимому:

— Верь мне, милый, я найду способ спасти тебя. Что сказать тебе еще, пока не знаю,

кроме одного — не доверяй больше никому!

Промолвив это, я поцеловала на прощание своего злосчастного возлюбленного и оставила его на сеновале над конюшней, чтобы поспешить обратно в покои королевы. На своем пути во дворец я то и дело оборачивалась в тревоге, ибо в каждой тени мне мерещилось недремлющее око соглядатая.

Среди ночи меня разбудил Нед. Он бесцеремонно вошел в опочивальню, которую я делила с другими фрейлинами.

— Вставай скорее! Одевайся и едем в Вулфхолл — отец умирает! — услышала я его голос.

Сбросив оковы сна, я поднялась и с помощью служанок принялась облачаться в дорожный костюм. Все это время Нед нетерпеливо мерил шагами из угла в угол соседнюю комнату.

Той холодной ночью, когда мы бок о бок с братом сидели в карете, катившей в Вулфхолл, все мысли мои были не об умирающем отце, а о Гэльоне. Как быть, если мне придется надолго задержаться в Уилтшире? Кто будет укрывать моего возлюбленного, снабжать едой и всем необходимым? Что случится, если его обнаружит Анна или ее клеветы? Взять Гэльона с собой? Но нет, королева или ее шпионы наверняка будут искать его в Вулфхолле. Мы с Гэльоном соблюдали приличия, но Уилл знал о наших отношениях, как и Бриджит, да и другие французские мастера и рабочие видели нас вместе. Я все еще ломала голову над тем, как помочь Гэльону, пока мы с братом в нашем экипаже тряслись по сельским дорогам, пересчитывая каждой косточкой все неровности и ухабы, поминутно вздрагивая от царапанья веток деревьев о дверцы нашей кареты.

«А что, если рассказать обо всем Неду?» — подумала я. В его власти защитить Гэльона, но пойдет ли он на это? Поверит ли он истории стекольщика? А если поверит, то вполне способен заключить Гэльона в тюрьму или держать под арестом, чтобы тот мог выступить свидетелем против Анны. Нед не любил Анну, она отвечала ему полной взаимностью и не раз просила короля лишить моего брата всех должностей и отправить в деревню. Нед никогда прямо не выступал против Анны, но она знала, что имеет в его лице достойного противника, который, если ему представится любая возможность очернить королеву, не преминет ею воспользоваться. Мне не хотелось делать моего любимого пешкой в опасной игре могущественных сил, схлестнувшихся вокруг нашего короля, потому я промолчала и ничего не сказала своему брату.

Мы с Недом добрались до Вулфхолла к последнему акту семейной драмы, именуемой «жизнь Джона Сеймура». Наш отец недвижно лежал на кровати и уже никого не узнавал. По настоянию нашей матери отца соборовали по католическому обряду, хотя никто не знал точно, признает ли новая церковь во главе с королем это таинство. Священник нашей семьи прочитал над ним отходную и умастил елеем его истощенное тело. Вскоре после этого отец перестал дышать, вытянулся и затих.

Мы утешались тем, что отцу отпустили его грехи и тем самым обеспечили ему место в райских куцах. Несколько лет назад одна лишь мысль о том, что мой родитель после кончины попадет на небо, расстроила бы меня сверх меры. Но нынче я сказала себе: не мне судить его, ибо разве я сама не грешила, живя с женатым мужчиной? Не я ли обманула своего жениха? Я сама оказалась далеко не святой — не значит ли это, что в отношениях с родными и близкими мне еще предстоит учиться истинно христианскому всепрощению?

Глядя на своего брата, я подумала, что, похоже, Неду мои угрызения совести были

неведомы. Если он и скорбел об отце, то умело это скрывал. Он полностью погрузился в хлопоты по распоряжению наследством покойного, ибо теперь стал новым главой семьи Сеймуров и хозяином Вулфхолла, нашего родового поместья. Нед как будто бы даже стал выше ростом — в нем появилось новое величие, словно он давно и исподволь готовил себя к новой роли. Я не могла не восхищаться своим братом, ибо никто никогда не учил его, что нужно делать и как следует вести себя богатому землевладельцу, но Нед бестрепетно возложил на себя новые обязанности и отлично справлялся с ними.

Отца нельзя было считать хорошим примером для подражания и наставления сына. Мой покойный родитель не слишком преуспел в управлении Вулфхоллом и другими нашими владениями. Арендаторы внешне выказывали полное подчинение отцу, но за его спиной проклинали его. Назначенные отцом управляющие заботились лишь о собственной выгоде, посему дела поместья были крайне расстроены. Нед, закатав рукава, тотчас взялся за исправление положения и делал это с таким искусством, что я невольно взглянула на него новыми глазами. Однако я так и не решилась рассказать брату о моем возлюбленном и о том, что за ним охотятся шпионы Анны.

Сразу же после похорон отца было зачитано его завещание, и Нед проследил за тем, чтобы все условия этого документа были выполнены. Неду достались почти все земли и имущество отца, но и другие дети и прочие родственники не были обижены. Что касается меня, то отец, видимо, счел, что я так и не выйду замуж, посему он отказал мне те деньги и имущество, которые предназначались мне в приданое. Теперь благодаря его последней воле я могла существовать безбедно до конца жизни, хоть и не купаясь в роскоши. Меня переполняло чувство невысказанной признательности покойному, от которого слезы наворачивались на глаза. Куда подевались мои хваленые самообладание и сдержанность?

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Я плакала, я молилась, я с ума сходила от беспокойства за Гэльона, скрывавшегося в полном одиночестве на холодном чердаке.

На похоронах я увидела Уилла. Дормеры и Сеймуры породнились в результате женитьбы Годфри Сеймура на сестре Уилла, и Уилл прибыл в Вулфхолл как представитель своего семейства, чтобы высказать нам приличествующие случаю соболезнования. Только взглянув на него, я вспомнила еще об одном Сеймуре, которого на похоронах не было: о Генри, сыне Неда и Кэт, от которого отказался его отец. Уилл покровительствовал моему племяннику и пристроил его ко двору Генри Фицроя. Юный Генри — вот кто мне поможет! Мой племянник находился в Лондоне и мог бы снабжать Гэльона всем необходимым.

Я отозвала Уилла в сторону и рассказала ему все без утайки: как и для чего королева пыталась подкупить Гэльона, почему мой возлюбленный боится за свою жизнь, отвергнув ее домогательства. Я открыла Уиллу, где скрывается Гэльон, и попросила тайно поручить Генри заботу о нем. Почему бы Уиллу не защитить Гэльона от Анны? Ведь именно Уилл предупредил меня о том, что королева замыслила извести ядом Генри Фицроя.

Слова моего бывшего жениха до сих пор звучали у меня в ушах: «Любой, кто встает у нее на пути, оказывается в смертельной опасности». Гэльон отказал Анне и сейчас представлял для нее слишком большую угрозу. Если стекольщику поверят, Анна из охотницы превратится в дичь: получается, что Гэльон — тот, кто стремится защитить законное престолонаследие, а Анна — государственная изменница.

Уилл немедля направил верного человека в Лондон с наказом разыскать юного Генри и передать ему мою просьбу, и у меня словно гора с плеч свалилась. Я провела несколько

недель в Вулфхолле, уверенная в том, что за время моего отсутствия ничего плохого с моим любимым не случится.

Как же я ошибалась и какую страшную цену заплатила за свою ошибку!

Теперь я должна написать о самом страшном, что случилось в моей жизни. Я не хочу подбирать для этого слова. Я боюсь поверять их бумаге. Но без этого моя история будет неполной и дальнейший ход событий покажется бессмысленным. Только это заставляет меня взяться за перо. И да смилуется надо мной Господь, пока я вывожу эти горькие строки.

Вернувшись в Лондон, я дождалась ночи и прокралась на конюшню, над которой я оставила Гэльона. Я позвала его по имени — никто мне не ответил. Я подождала и опять позвала. Тишина...

Путаясь в своих пышных длинных юбках, лишенная помощи сильных и заботливых рук Гэльона, я с трудом взобралась на сеновал, но не нашла там ничего, кроме кучки одежды и тарелок с остатками еды, за которые беспощадно дрались крысы. Я в ужасе отшатнулась, испугавшись омерзительных грызунов. Где же мой Гэльон? Где Генри?

Несмотря на поздний час, я отправилась на поиски Уилла: он не может не знать ответов. «Вполне возможно, что он перевел Гэльона в более безопасное место...» — тешила я себя надеждой.

Но слуги сказали, что Уилл сопровождает Генри Фицроя. Принц со всем своим двором отбыл на охоту в лес на несколько дней. Я была уверена, что мой племянник Генри, будучи любимым спутником и телохранителем принца, отправился с ним.

Сходя с ума от страха и беспокойства, я вернулась в покои королевы и пробралась в нашу опочивальню, ибо знала — до утра я не узнаю ничего нового и не смогу ничего сделать. Я попыталась заснуть.

Утром нас, фрейлин, призвали в покои Анны. Одно из окон в ее спальне, как я заметила, было задернуто занавесом из толстого черного бархата, перекрывавшим доступ солнцу. При этом скудном освещении наши лица казались мертвенно-бледными. Анна лежала в постели в ночной рубашке из мягчайшей шерсти, закутавшись в отороченную мехом мантию. В комнате стоял холод, несмотря на горевший в камине огонь. Я дрожала и ежилась — от страха и от холода, царившего в просторной опочивальне.

Анна отдавала нам распоряжения. Мы должны были подготовиться к визиту французского посла и других приближенных Франциска I. Французов ожидали через день-два, и до их приезда предстояло много сделать, чтобы достойно принять почетных гостей. Король очень рассчитывал на этот визит, чтобы еще раз укрепить хрупкие связи между Англией и Францией перед лицом вновь возникшей угрозы, которую представлял собой император Карл.

— Я плохо себя чувствую, — устало сказала Анна.

— Смеем ли мы надеяться, что Ваше Величество снова в тягости? — спросила Бриджит.

— Не исключено. А пока приготовьте другую спальню. Здесь просто собачий холод.

Когда служанкам были даны соответствующие распоряжения, вечно любопытная Энн Кейвкант спросила:

— А почему окно занавешено, Ваше Величество?

Анна раздраженно потрянула головой:

— Вчера из него вывалился один из рабочих... какой-то глупый французишка...

Сердце мое перестало биться.

— Но эти рабочие всегда очень осторожны, — не унималась Энн Кейвконт, — никогда не видела, чтобы кто-то из них падал. Они страхуются, привязывая себя веревками к строительным лесам.

— Ну, этот парень, видимо, не привязался! — резко ответила Анна. — Насколько я знаю, он пытался бежать со стройки. Наверное, украл что-нибудь... Он прятался на конюшне, вместо того, чтобы трудиться там, где ему полагалось. Никто из его товарищей не мог украсить это окно моей эмблемой — белым соколом. Я приказала найти беглого стекольщика и вернуть на, стройку, а он свалился вниз.

— Он выжил после падения? — услышала я как будто со стороны свой дрожащий голос.

Анна пожала плечами:

— Какое там! В лепешку расшибся. Король очень недоволен. Теперь понадобится много времени, чтобы найти ему замену, и мы не сможем показать эти покои нашим заморским гостям.

«Сейчас я умру... Сейчас жизнь моя кончится...» — пронеслось у меня в голове. Ни вздохнуть, ни крикнуть я не могла. И только сердце еще билось в груди, да так громко, что его удары, наверное, были слышны всем в комнате, только горячая соленая влага побежала по щекам... Я почувствовала, как кто-то обнял меня за плечи. Это была Бриджит. Она говорила, что я очень бледна, что я заболела, что меня нужно увести и дать немного вина для подкрепления сил. Но ничего ответить ей я не могла. Все фрейлины куда-то исчезли, и я позволила Бриджит отвести меня в соседнюю комнату.

— Гэльон, это был мой Гэльон! — шептала я. — Мой Гэльон мертв! Анна его убила...

Я чувствовала, я знала, что произошло, как будто бы видела всю картину собственными глазами. Шпионы королевы выследили Гэльона и привели его в покои Анны. Она вновь предложила ему денег, а возможно, просто потребовала от него ту самую услугу, которую он не хотел и не мог ей оказать. Она страшно разгневалась, принялась угрожать ему, и тогда мой возлюбленный в отчаянье выбросился в окно, ведь другого выхода у него не было. Или сама Анна вытолкнула его, ибо ярость, как известно, превращает даже самую хрупкую женщину в фурию.

Я дико закричала и кинулась к выходу из комнаты. Что я намеревалась сделать? Не знаю точно, но мною двигало только одно желание: уничтожить Анну, стереть ее с лица земли. Будь я мужчиной, будь я при оружии, я бы изрезала ее на куски.

Бедная Бриджит! Не в силах меня остановить, она вынуждена была позвать стражу. Солдаты удерживали меня до тех пор, пока не пришел личный врач короля доктор Баттс и не влил мне в рот какое-то снадобье, которое лишило меня чувств и притупило мой разум, и я провалилась в сон, подобный смерти. Но и во сне не было мне облегчения, ибо любовь всей моей жизни ушла от меня навсегда.

Потом пришли слезы. Много слез! Слезы ярости и скорби, сдерживаемой и оттого в сто крат более мучительной. И еще твердое осознание того, что я должна убить Анну. Я измыслила для этого тысячу способов! Почему не сделала этого тогда? Оттого ли, что с детства мне твердили: «Не убий!» и «Мне отмщение и аз воздам, говорит Господь»?^[65] Или оттого, что страшилась королевского гнева, который в случае гибели Анны от моей руки обрушился бы не только на меня саму, но и на всех тех, кто был мне близок и дорог? А

может быть, такова уж моя натура: первый яростный порыв уступил место хладнокровному обдумыванию мести изощренной и взвешенной, такой, которая позволит мне остаться вне подозрений. Одно я знала точно: со временем я сполна рассчитаюсь с королевой за гибель моего возлюбленного.

Едва пришла зима с ее первыми морозами, маленькую дочь Анны, которой при крещении дали имя Елизавета, полностью вверили попечению няnek и отослали в замок Хэтфилд^[66]. Ее рождение поколебало положение Анны при дворе и разгневало Генриха. Присутствие ненужной и нежеланной принцессы напоминало сильным мира сего, что случайность вершит судьбами всех смертных, не исключая королей.

— Ах, если бы вместо Фицроя родилась девочка, а вместо Елизаветы — сын, — случайно услышала я как-то слова Генриха, когда он, припадая на больную ногу, проходил через новую опочивальню Анны. Ни к кому не обращаясь, он горестно прошептал:

— Боже Всемогуший! За что Ты гневаешься на меня?

Король был полностью погружен в свои мысли, однако не настолько, чтобы не заметить меня. Проходя мимо, он кивнул мне и улыбнулся. Я присела в реверансе.

— Это ты, Джейн! — проговорил он. — Милая моя Джейн, единственная, кому я могу доверять.

Не в первый раз Его Величество приветствовал меня подобным образом. Действительно ли он видел меня в числе своих немногих друзей и конфиденентов при нашем вероломном дворе? Ведь, положа руку на сердце, я не была невинной овечкой. Если бы только король знал, какие коварные замыслы роились в моей голове, он бы поостерегся одарить меня своим благорасположением. Впрочем, эти замыслы не были направлены против него, ведь доверие нашего повелителя я ценила, как никто другой. Возможно, причиной тому было то теплое чувство товарищества и общности, которое возникало у меня при виде его улыбки.

Его улыбка! Как редко появлялась она на лице Генриха в тяжелое для страны время после рождения принцессы. Король громко жаловался мне на то, что его обложили, как волка, со всех сторон. Все было против него — и злая судьба, и император Карл с его войском, и новый Папа Павел III^[67] (старый враг короля Папа Климент отошел в лучший мир, но на его место был избран не менее непримиримый противник). И, вдобавок ко всему прочему, короля дожимала сверх меры его сварливая и высокомерная жена.

К этому времени Анна преодолела свое разочарование и неудовлетворенность и сделала новый сильный ход, вновь приковавший к ней внимание всего двора.

— Я ночью под сердцем нового короля, — заявила она при полном стечении своих придворных. Лицо ее сияло от восторга, руки были аккуратно сложены на животе, а голос источал уверенность и ликование. — С Божьей помощью наследник родится ранней осенью. Приготовьте родильные покои!

Признаться, мы крайне удивились таким новостям, но добросовестно принялись исполнять распоряжение нашей госпожи. Из пурпурного бархата, который во дворец доставлялся даже не фугами, а ярдами^[68], мы сшили новые занавеси для ложа королевы. Мы проследили, чтобы в покоях Анны вновь появилась парадная золоченая резная колыбель для новорожденного принца. По приказу Анны я отправила слуг за статуей Святой Маргариты — покровительницы рожениц. Когда статую привезли, Анна велела поставить ее прямо в

спальне на видном месте, несмотря на неодобрение некоторых фрейлин: почитание святых считалось ныне папизмом и идолопоклонством.

— Вот обрадуется Кентская Монахиня! — заявила Энн Кейвконт, бросив лишь взгляд на фигуру святой в небесно-голубом плаще с кроткой улыбкой на деревянном лице. — Не удивлюсь, если Святая Маргарита начнет разговаривать с пророчицей.

— О чем ты? — удивилась одна из новеньких фрейлин. — Статуи не могут говорить.

— А вши в обычной жизни не нападают полчищами, — парировала Энн. — Я сама была свидетелем того, как эти омерзительные насекомые двинулись на нас, и имя им было — легион. Кентская Монахиня обладает великой силой. Она может уничтожить нас всех.

— Праздная болтовня навлечет на нас гнев короля, — веско сказала я, стараясь положить конец досужим сплетням. — А это будет почище неудовольствия какой-то монахини. Бриджит, куда ты убрала покрывало для кровати королевы? Она его наверняка попросит.

— Ты хочешь сказать, потребует? Я велю слуге принести его.

Готовя опочивальню Анны, мы не забывали о том, что по всем приметам следующая зима ожидалась очень холодной. Королевские садовники предупредили нас, что кожица всех луковиц, которые они выкапывали, была очень тонкая, а всем известно, что чем она тоньше, тем суровее будут грядущие морозы. Памятуя об этом, мы положили побольше теплых одеял на соломенные постели для шести повитух, которые будут помогать Анне в родах. Мы распорядились принести дополнительные жаровни и заказали для них двойной запас угля. Мы старались изо всех сил, зная, какое значение имеет для Анны и для всей страны рождение ее будущего ребенка. Сейчас Анна дала волю свойственным ей суевериям и предрассудкам. В частности, она распорядилась, чтобы ее прежняя спальня — та самая, где погиб Гэльон, — была заперта и чтобы туда никто не ходил. «Негоже спать в комнате, где чья-то жизнь оборвалась по причине несчастного случая», — заявила она. Только это был не несчастный случай. Нежелание Анны заходить в свою прежнюю опочивальню превратили мои подозрения в уверенность. Ее мучили угрызения совести и страх расплаты за содеянное.

Беременность Анны будущим королем, о которой она столько толковала, не помешала ей готовиться к визиту во Францию. Она собиралась очаровать французский двор. Визит этот имел особое значение: император Карл вновь угрожал Англии вторжением и пользовался в этом полной поддержкой нового Папы, посему Генрих намеревался посетить континент и своего капризного французского союзника. Ничто не могло прельстить Анну больше, чем перспектива пошива нового гардероба, и она прямо заявила, что для поездки во Францию он ей жизненно необходим. Мистер Скотт и его помощники трудились денно и нощно, создавая новые платья любимых Анной цветов: темно-розового и темно-красного, всех оттенков корицы и осенних листьев. Наряды эти сильно отличались от тех, что были в моде при королеве Екатерине. Теперь юбки поражали еще большей длиной и пышностью, а кружевные рукава напоминали крылья ангелов. Вновь дюжинами шились ночные сорочки из мягкой ткани, тачались десятки пар бархатных комнатных туфель. Каждый наряд был призван скрыть округлившийся стан Анны. Для вечерних туалетов были придуманы новые головные уборы, расширявшиеся над висками, «дабы привлечь внимание кушам и отвлечь от живота», — как метко заметил мистер Скотт, к неудовольствию Анны.

Когда ребенок зашевелился в чреве королевы, ее вновь обуял приступ лихорадочной деятельности, но мира в королевской семье так и не установилось. Случилось это потому, что король, всегда изменчивый и непредсказуемый, велел включить принцессу Марию,

восемнадцатилетнюю дочь королевы Екатерины, в свиту Анны.

— Не бывать этому! — кричала Анна в негодовании. — Не хочу, чтобы эта упрямая, избалованная и высокомерная девчонка с ее папистскими выкрутасами приближалась ко мне!

Мария, верная своей матери, отказалась признавать решение об аннулировании брака короля и «вдовствующей принцессы» Екатерины. Она открыто называла свою мать королевой, себя — принцессой и, не стесняясь, обзывала крошку Елизавету ублюдком. Я считала Марию храброй девушкой и в глубине души восхищалась ее приверженностью своим убеждениям, но не могла не думать, что смелость эта — следствие глупости. За месяцы, прошедшие со дня гибели Гэльона, я поняла: идти в атаку на могущественного врага с поднятым забралом — путь к самоуничтожению. Гораздо лучше нападать скрытно, используя стратегию и тактику подковерной борьбы.

Как я и предполагала, настойчивое желание Марии именоваться принцессой и отказ признавать первенство Елизаветы (хотя малытки в эти дни даже при дворе не было), привели Анну в бешенство.

— Девчонку нужно выпороть! — кричала королева. — Пусть подчинится или отправляется в тюрьму!

Между королем и Анной то и дело вспыхивали ссоры, сменяемые взаимной холодностью супругов. Мария торжествовала — она наслаждалась своим кратким успехом в роли мучительницы ненавистной соперницы своей матери. Но, как и следовало ожидать, Анна победила. Ведь это она носила под сердцем следующего короля Англии и не уставала об этом напоминать. А король, пусть и ужасный в гневе, был страдавшим от недуга, загнанным в угол правителем, больше всего жаждавшим наконец-то получить наследника.

В конце концов Марию отослали с запретом появляться при дворе вплоть до дальнейших распоряжений. Анна в момент своего торжества потребовала еще одного: Кентская Монахиня должна быть казнена немедленно, до того как попробует причинить вред еще не рожденному наследнику.

Король слишком устал, чтобы спорить. Монахиню пытали: ее слабую плоть рвали до тех пор, пока она не взмолилась о ниспослании ей скорой смерти. Как заявил король, под пыткой она призналась, что вовсе не является пророчицей, что Господь не говорит с ней или ее устами. Возможно, она получала деньги от посла Шапуи за то, что предрекала падение дома Тюдоров. На эти предсказания должны были опираться заговорщики, сеявшие смуту в народе и готовящиеся поднять восстание против властителя Англии за то, что он посмел избавиться от своей испанской жены.

Казнь Элизабет Бартон, известной как Кентская Монахиня, должна была состояться в конце апреля, и Анна объявила, что и она сама, и все ее фрейлины будут на ней присутствовать.

Весеннее солнце ярко сияло на синем небе, по которому неслись перистые облачка, в воздухе чувствовалась прохлада: с реки в нашу сторону задувал легкий ветерок. Мы заняли отведенные нам места во внутреннем дворе Тауэра, прямо рядом с виселицей. Тут же стояла Анна, которая зябко ежилась, словно ее бил озноб. Наша королева твердо решила своими глазами посмотреть казнь Кентской Монахини от начала до конца, но сейчас ей пришлось ждать, а она этого не любила, как не терпела и малейшие неудобства. Анна теснее запахнулась в подбитую мехом мантию и нетерпеливо постукивала носком туфельки по пыльным булыжникам, которыми был вымощен двор. На ее лице появилась гримаса неудовольствия.

После ожидания, казавшегося бесконечным, из темницы появились стражники. Их алебарды угрожающе сверкали на солнце. Они полукругом окружили узницу — маленькую босоногую женщину в рваном и грязном серо-зеленом платье. Кентская Монахиня двигалась вперед неуверенными шагами, спотыкаясь и глядя себе под ноги. Длинные темные волосы падали ей на лицо. Она казалась гораздо тоньше, чем тогда, когда я видела ее в обители Святой Агнессы. По правде говоря, сейчас она была худа как скелет и шла, вытянув перед собой истощенную руку, как будто бы ощупывала воздух или боялась упасть.

Под оглушительный бой барабанов она вышла из круга стражников и медленно, неверными шагами, двинулась в сторону эшафота, где была воздвигнута виселица: два столба и балка между ними — пугающее в своей простоте сооружение, на котором скоро оборвется жизнь этой женщины. За ней по ступеням эшафота поднялся священник. Он встал у нее за спиной, когда Кентская Монахиня повернулась лицом к рокочущей толпе.

И тут случилось нечто невероятное. Монахиня высоко подняла голову и откинула волосы. Мы увидели, что лицо ее покрыто синяками, но как будто бы светится изнутри неугасимым огнем. В это же мгновение ударила молния, и сразу после этого прогрехотал гром. Первые тяжелые капли дождя упали на эшафот, на булыжники мостовой, на сверкающие алебарды стражников и на рубище Кентской Монахини. Пыль под нашими ногами тут же стала грязью, потому что дождь полил как из ведра. С неба буквально низвергались потоки воды. Раздался еще один оглушительный удар грома. В мгновение ока мы промокли до нитки, но Анна словно бы не заметила этого. Подол ее платья потемнел от воды и грязи, легкие туфельки были безнадежно испорчены, но она не сошла со своего места и твердо дала нам понять, что все мы — ее десять фрейлин в полном составе — должны остаться с ней.

— Гром среди ясного неба! — кричали люди в толпе. — Монахиня снова творит чудеса! Это божественный знак!

На эшафоте появился герольд. Двое слуг держали над ним кусок грубого полотна, защищавший его от дождя. Он развернул свиток и принялся читать:

— Элизабет Бартон, известная также как Кентская Монахиня, ты признана виновной в измене. Хоть ты и призналась в том, что лгала о своих видениях и получала деньги от врагов нашей страны, дабы нанести урон власти Его Величества короля Генриха, ты приговорена к смерти через повешение за свои злые дела. Желает ли ты сказать что-нибудь перед тем, как

сей приговор будет приведен в исполнение?

— Да, желаю, — выкрикнула монахиня голосом, который словно воспарил над толпой, — и да пребудет со мной сила Господа нашего и да поддержит Он меня, пока я буду говорить слово Его!

Я почувствовала, как люди вокруг меня замерли. Дождь уже не лил так сильно и не мешал слушать ее речь. Мне показалось, что Кентская Монахиня смотрит прямо на Анну и обращается к ней и только к ней:

— Предрекаю неисчислимыя беды! Предрекаю бесчестье и позорную смерть! Слушай меня, нечестивая Иезавель, ибо слово мое крепко как железо: ребенок твой не проживет и дня!

Анна содрогнулась, и не только от холода, но и от страха.

— Посмотрите, люди добрые! — кричала меж тем монахиня, воздев руку и указывая вверх, на темное грозное небо. — Я вижу! Вижу ангела Господня в сиянии!

Все вокруг, включая Анну, воззрились на небо, следуя за указующим перстом монахини. Признаться, я там не увидела ничего, кроме низких облаков, из которых нас поливал дождь. Я промокла, хотела укрыться от непогоды и желала, чтобы Кентская Монахиня поскорее закончила свою речь и отдалась в руки палачей.

Но вместо этого монахиня принялась так красочно описывать ангела, нисходящего на Лондон с небес, что собравшиеся слушали ее разинув рот. Послышались рыдания и вскрики, словно люди и впрямь узрели Божьего посланца. Для меня же небо оставалось небом, а облака — облаками и ничем больше.

— Прощаю всех вас, — продолжала меж тем монахиня, как будто бы говоря от лица незримого мне ангела. — Пусть вы участвуете в нечестивом деле: затыкаете рот святой женщине, чьими устами говорит Господь, я дарую прощение всем вам!

Я услышала, как герольд громовым голосом отдал приказ. Двое стражников схватили монахиню и накиннули ей на шею петлю. Она же продолжала говорить, как будто бы ничего не чувствовала:

— Смерть идет за мной, чтобы вознести меня к Господу! Я вижу поле, зеленое поле...

Но тут голос ее прервался, ибо из-под ногу нее выдернули доски, и тело ее внезапно, неотвратимо провалилось вниз. Это последнее в ее жизни падение сломало ей шею.

Многие из зрителей упали на колени прямо в грязь, осеняя себя крестным знаменем и бормоча молитвы. Другие указывали на небо. Третьи бросились к эшафоту, чтобы дотронуться до тела Кентской Монахини, оторвать хотя бы кусочек ее одежд. Но внезапно среди наступившей суматохи воздух загудел и наполнился тучами мух. Насекомые бросались на вопящих людей, впиваясь в каждый не защищенный одеждой участок кожи. Я вместе со всеми изо всех сил отбивалась от крылатых тварей, больно жаливших меня в лицо, уши и шею, чувствовала, как они проникают под одежду и ползают по телу.

Обезумев от укусов насекомых, Анна попыталась бежать, путаясь в пышных складках платья и волоча за собой намокшую от дождя мантию. Но тут оказалось, что обезумевшая толпа не дает ей прохода. Люди бежали во все стороны, натыкались друг на друга, сталкивались, дико кричали. «Мы умрем здесь, — подумала я. — Сейчас нас затопчут насмерть».

Тут я почувствовала, как кто-то крепко схватил меня за руку. Я обернулась и оказалась лицом к лицу с Уиллом. Лицо его было сурово, губы плотно сжаты. «Держись за меня!» — крикнул он, перекрывая ропот и шум. Он потащил меня прямо через водоворот людских тел,

не обращая внимания ни на тучи мух, ни на угрожающе поднятые руки, ни на вопли тех, кто упал под ноги толпы. Повинуясь безотчетному чувству, я схватила Анну свободной рукой и потащила королеву за нами. Несколько следующих минут были полны ужаса и неразберихи. Я чувствовала, что наступала прямо на людей, чувствовала, как они бьются у меня под ногами, но не могла остановиться, чтобы помочь им. Я слышала голос Уилла, не отпуская мою руку. Анна плакала и задыхалась, цепляясь за меня. Потом, как мне показалось, раздался стук кованых сапог стражников. Я была на грани обморока, однако сумела вдохнуть в легкие как можно больше напоенного дождем воздуха и кинулась, влекомая Уиллом, сквозь давку. И вот я уже стою в темном коридоре, где на каменных стенах в железных державках горят факелы, никто меня больше не бьет и не толкает, а шум толпы раздается в отдалении, за стенами здания, подобный ропоту океана.

— Оставайся здесь, — велел мне Уилл, без всяких церемоний усаживая меня на жесткую лавку. — Я должен вернуться за другими.

Я сидела не шевелясь, борясь с тошнотой и удушьем, слабая и ошеломленная. Мне, чудом спасенной из хаоса, не оставалось ничего другого, кроме как ждать возвращения Уилла.

Прибытие ко двору нового чрезвычайного и полномочного посла императора Карла многими приветствовалось. Перед нами предстал могучий сын германских земель с благородной осанкой и прекрасными манерами опытного царедворца. Густые белокурые волосы и яркие голубые глаза добавляли облику вновь прибывшего черты сказочного рыцаря и выгодно отличали его от тщедушного, смуглого и пронирыливого Шапуи.

Король обнял немца и похлопал его по плечу с несвойственным ему дружелюбием. Аудиенция давалась в узком кругу, и я сразу же почувствовала — это неспроста. Присутствовали лишь посол Шапуи, Томас Кромвель, священник, которого я не знала, придворные из ближнего круга короля, несколько клерков и слуг. Генрих настоял на моем участии, поскольку я была близким другом вдовствующей принцессы Екатерины, которая приходилась императору теткой. Мне показалось, что это был лишь повод: королю хотелось иметь под рукой ту, которой он мог доверять. Видно, в тот день что-то затевалось.

— Как прошло ваше плавание? — спросил Генрих нового посла.

— Прекрасно, благодарю вас, ибо следовал я на большой триреме^[69] моего повелителя, — ответил белокурый гигант. Он улыбнулся, обнажив потемневшие зубы. — На новом судне его императорского величества установлено двадцать семь банок для гребцов. Воистину, оно несется по воде стрелой.

— А я заказал построить квадрирему^[70] на сто банок, — похвастался король. — Она уже на стапелях. Признайтесь, что такой корабль будет и быстрее, и вместительнее. Впрочем, зачем мне флот? Мощные береговые укрепления Кале и Дувра сдержат любую неприятельскую армию и не позволят ей по морю вторгнуться в Англию.

— Вам виднее, Ваше Величество, ибо кто, как не вы, повелеваете вашими владениями, — учтиво отвечал немец. — А что до квадриремы, то Ваше Величество славится тягой ко всему новому и необычному.

— О да, я уже чувствую неодолимое влечение к вам, друг мой, ведь вы здесь человек новый, — тут же нашелся король, со смехом хлопая немца по спине. — И вы — такой необычный и загадочный.

Посол Шапуи и лорд-канцлер засмеялись, а на лице нашего гостя появилась принужденная улыбка.

— Может, я и новый человек, — произнес он, отступая подальше, дабы избежать новых изъявлений королевской дружбы, — но во мне нет ничего необычного. Нет у меня ни волшебного кольца, ни плаща-невидимки, которые, по слухам, есть у Вашего Величества.

Король тяжелым взглядом оглядел присутствующих, словно бы спрашивая, кто из них раскрыл его тайны. Никто не решился встретить его взгляд. Впрочем, Генрих напрасно изображал суровость, ибо сам любил прихвастнуть, что владеет кольцом, которое раньше принадлежало кардиналу Булей, с чудесным камнем-оберегом, имевшим магическую силу. Помню, как герцог Норфолк как-то, то ли в шутку, то ли всерьез, жаловался, что король, повернув кольцо на пальце и пробормотав заклинания, наслал на него злобных демонов. Что касается плаща-невидимки, то я сама видела, как король работал над ним в своем личном кабинете в Тауэре. Это был большой кусок замши, который, как Генрих объяснил мне, должен был скрывать своего обладателя от посторонних глаз, если его обработать особым составом, в который входило вино, измельченные конские кости и толченое стекло.

— Как видно, при этом дворе невозможно сохранить никаких тайн, — сказал король жалобным голосом. — Джейн единственная, на кого я могу полагаться, кто не разболтает мои секреты и не предаст, — добавил он, полуобернувшись ко мне.

Тем временем слуги внесли вино и легкие закуски, и все сели за стол.

— С вашего разрешения, Ваше Величество, — начал императорский посланник, — я бы хотел передать вам пожелание Его Императорского Величества: император очень надеется, что наши две державы объединят усилия в борьбе против врагов христианства, нечестивых турок.

— Ну да, нанести поражение язычникам — давняя мечта императора. Думаю, для этого ему надо построить еще много боевых судов. Что до меня, то мне вполне хватает хлопот с умирением моей вечно мятежной Ирландии, посему я никак не смогу присоединиться к императору.

— Его Императорское Величество будет крайне разочарован, услышав это, — заметил немец. — Особенно если учесть, что когда-то вы твердо пообещали послать ваши войска на восток, дабы ваши солдаты сражались бок о бок с солдатами императора.

— Я так сказал? — удивленно поднял брови Генрих. — Наверное, то было много лет назад, когда Карл приезжал к нам, чтобы навестить свою тетушку Екатерину. Он тогда был очень молод — совсем мальчик, полный возвышенных идеалов.

— Мальчик, который унаследовал полмира, — не преминул вставить Шапуи.

— Но отнюдь не зрелый муж, — отпарировал король. — Помню, он опускался передо мной на колени и просил моего благословения, называл меня своим «добрым отцом». «Давайте отправимся в совместный крестовый поход против турок, мой добрый отец», — говорил он. Неловкий, нескладный мальчуган с унылым лицом. Слишком много молился и мало ездил верхом, а все оттого, что в седле держался плохо. Для рыцарских турниров вовсе не годился. Вспомнил! Как-то Карл меня спросил, готов ли я выступить вместе с ним в поход против турок, а я ему ответил, что самый великий турок — это король Франции. Вот кто был тогда нашим противником. Но наш разговор состоялся много лет назад, еще до того, как нас поссорил Мартин Лютер. Именно его кое-кто сегодня называет великим турком.

Гости ели и пили, а король веселил их своими забавными историями, а затем велел позвать своего личного астролога Джона Робинса.

— А вот и мой Робин-Бобин, — сказал Генрих, вставая и идя навстречу вошедшему в зал Робинсу, высокому лысеющему мужчине с удивительно ясными, сверкающими глазами. — Он читает карту ночного звездного неба как открытую книгу, но скупое делится со мной полученными сведениями, подогревая мое любопытство сверх меры. Сейчас он изучает кометы, и мы с ним частенько обсуждаем загадки этих небесных тел.

Робинс принялся рассказывать о длиннохвостой комете, за которой он сейчас наблюдает.

— Ее появление может означать рождение у королевы сына, — заявил он. Генрих при этих словах астролога заулыбался. — Но она может быть и провозвестницей несчастья. Никто не может сказать точно.

Король нахмурился:

— Надо надеяться на лучшее, Робин.

— Движения небесных тел не подвластны нашим надеждам и желаниям, как я много раз говорил вам, Ваше Величество, — спокойно отвечал астролог. — Мы можем лишь наблюдать и записывать увиденное.

— Робин пишет трактат о кометах, — объяснил нам король. — Он пытается предугадать, как часто они появляются на небе. Я очень интересуюсь такими вещами.

— У нашего императора также есть астрологи, — заметил посол. — Может быть, им будет полезно встретиться друг с другом?

Робинс отвесил поклон:

— Если на то будет воля Его Величества, я готов поделиться своими знаниями с теми, кто изучает небеса.

— Что вверху, то и внизу^[71], — последовал ответ короля. Он оглядел присутствующих. — Если мы постигнем значение движения небесных сфер, то сможем предугадывать, чего ждать на грешной земле.

Никто не решился спорить с Его Величеством. Король произнес формулу, столь любимую предсказателями и магами, но совершенно неуместную в устах самовластного правителя.

Я решила вступить в разговор, чтобы сменить тему:

— Если уж мы спустились с небес на землю, то осмелюсь спросить: есть ли среди вас тот, кто умеет читать судьбу по линиям руки? Мне бы так хотелось узнать мое будущее... — Я вытянула вперед руку, ладонью вверх.

Незнакомый мне пожилой священник приблизился ко мне и с приятной улыбкой произнес:

— Я обладаю этой способностью, мисс Сеймур.

Король оживился:

— Отлично! Расскажите нам, отче, скорее, какая судьба ждет прекрасную Джейн, а мы за нее порадуетесь.

Старик посмотрел на мою ладонь и внезапно отшатнулся. Было очевидно, что он увидел в линиях моей руки нечто такое, что его сильно взволновало и обеспокоило.

— Простите меня, — пробормотал он, — но мой дар внезапно покинул меня. Наверное, стоит подождать ночи и спросить у звезд...

— Глупец! — в досаде воскликнул король. — Обойдемся без ваших предсказаний!

Мановением руки он вернул священника на место и приказал подать еще вина и огромное блюдо миног, которых и принялся жадно и шумно поглощать, откусывая рыбам

головы с такой свирепостью, как будто бы они в чем-то перед ним провинились.

В то лето — лето 1534 года — начался падеж скота. Напасть подкралась незаметно, ибо сперва поражала самых худых коров и свиней, старых кляч, которые явно не дожили бы до следующей зимы. Но затем, когда появились первые всходы, начали умирать здоровые молодые животные: красивые телки и откормленные бычки, могучие ломовые лошади и великолепные боевые кони, которые играючи несли своих хозяев в полном вооружении на войну или на турнир.

Недуг поражал внезапно и убивал безжалостно, но до этого животные мучились много дней, жалобным мычанием, ржанием и блянием они рвали сердце тем, кто ходил за ними и пытался их спасти. Король Генрих обожал своих лошадей, и когда прошел слух о распространении смертельного мора, попытался спасти самых лучших скакунов из своих конюшен, отправив их на баржах вверх по реке. Но не было для них безопасного пристанища — коней пришлось выгрузить на берег в Рединге^[72], и там они все пали. Король скорбел по своим любимцам. Он заперся в своих покоях и не желал никого видеть, а когда наконец появился на людях, был полон раскаяния.

— Нельзя мне было отправлять Кентскую Монахиню на казнь, — признался король в присутствии Неда, а тот передал мне слова нашего монарха. — Мне не следовало идти на поводу жены. Какие еще бедствия из тех, что наслала монахиня-вещунья, ждут нас? Неужели я умру в мучениях, как и мои кони?

— Будь очень осторожна, сестричка, — предупредил меня Нед. — Пока тебе удавалось избегать опасности, но нынче любой, кто состоит при королеве Анне, ходит по лезвию ножа. Лучше бы тебе и вовсе оставить службу.

— Если бы я могла... Но Анна приблизила меня к себе и выделяет среди других фрейлин — даже не знаю почему. Да и король желает, чтобы я оставалась при дворе. Он любит запросто поговорить со мной, повторяя, что может доверять только мне.

Нед нахмурился:

— Ты, конечно, знаешь, что люди не могут простить Анне расправу над Кентской Монахиней, а главное, последствий этой казни. Они хотят отомстить за те несчастья, которые пали на их головы.

Я повторяла про себя слова Неда каждый божий день, ибо мор продолжался и ширился. Вместе с ним по Лондону и сельским графствам распространялись слухи о том, что Кентская Монахиня не умерла, что дух ее жив и что проклятья, наложенные ею на короля и Анну, на всю Англию, обязательно исполнятся. Говорили, что призрак монахини летал над столицей и ее зловещая тень нависала над королевскими дворцами. Некоторые утверждали, что даже из могилы пророчица насылает порчу на детскую, которую мы подготовили для будущего ребенка Анны.

Анна не могла спать от беспокойства. Она лежала, свернувшись калачиком, в уголке громадной постели, и компанию ей составляла только малютка Пуркуа. Собачка спала, зарывшись в одеяла и поскуливая во сне. Последние дни Пуркуа отказывалась от еды, хотя Анна пыталась соблазнить ее креветками, взбитыми сливками и пудингом — любимыми лакомствами избалованного создания. С каждым днем собачка слабела, несмотря на неустанные заботы Анны, которая плакала и проклинала бессилие ветеринаров.

В конце концов она отправилась к королю, сопровождаемая всеми своими

придворными дамами, и заявила, что обязана отвезти Пуркуа в деревню, подальше от ядовитых миазмов столицы.

Генрих оглядел всех прибывших спокойным взглядом и сказал:

— Неужели ты думаешь, что спасешь свою собачку, когда я не смог спасти своих скакунов? Разве ты не знаешь, что от этой заразы нет спасения?

— Я отвезу ее в безопасное место, — настаивала Анна. — Я не позволю, чтобы рядом были другие животные. Или, если уж на то пошло, колдуны, чародеи и шарлатаны на жалованье у посла Шапуи.

— Тебе рожать совсем скоро, — попытался разубедить свою супругу король. — Нельзя тебе никуда ездить, пока не появится на свет наш сын.

— Пуркуа не должна умереть, — упрямо продолжала Анна. — Ты хочешь, чтобы я вынашивала ребенка, скорбя о смерти любого мною существа?

— Да эта псина и сама скоро сдохнет от старости, если ее пощадит болезнь. Ступай в свои покои, Анна, ничего не хочу слушать о твоём отъезде.

Но Анна, как всегда, умела настоять на своем. В конце концов король сдался и объявил, что королева может пожить в его охотничьем домике в Лорнфорде, рядом с Чимом^[73], но пусть не рассчитывает на пышный эскорт. Ей надлежит взять с собой лишь четырех фрейлин и небольшое число слуг. Королева выбрала меня, Бриджит, Энн Кейвконт и — по настоянию короля — Бесс Холланд, любовницу дяди Анны, Норфолка.

— Какая глупость, — услышала я, как король бормочет про себя, — надеюсь, собачонка умрет не сегодня завтра и Анна забудет о своих прихотях.

Всю дорогу до Лорнфорда Анна держала Пуркуа на коленях под плащом, ласково с ней разговаривала, подбадривала ее. Путешествие наше было печальным: в полях валялись трупы павших животных, в воздухе стоял смрад. Во всех городах, которые мы проезжали, на рынках совсем не было живности на продажу: только несколько тощих кур или квакающих уток и ничего больше.

— Где все собаки? — спросила Анна привратника в Чиме.

— Сдохли, Ваше Величество, — ответил он. — Лучше бы вы и своего песика поберегли, а то он, неровен час, воспоследует за ними.

Когда мы добрались до Лорнфорда, пошел дождь и похолодало. В старом охотничьем домике нас не ждал веселый огонь, и в комнатах стало тепло только через несколько часов, когда мы смогли постелить постель для Анны. Всеми блюдами, которые принесли королеве, она пыталась накормить Пуркуа, но собачка отказывалась от еды, забралась между шелковыми простынями, которые мы привезли с собой, скулила и дрожала.

В течение двух дней, под беспрестанный стук капель с протекающей крыши, Пуркуа слабела все больше и больше — мы ждали неизбежного конца. Анна не спала и сидела рядом со своей любимицей. Она потребовала, чтобы мы молились за Пуркуа как за христианскую душу, словно умирал человек, а не маленькая черная собачка с седой мордочкой. Наконец, на третью ночь, Пуркуа в последний раз взвизгнула и упала замертво.

Почти в тот же самый момент Анна вскрикнула и схватилась за живот.

— Повитухи! Где повитухи? — закричала она.

Но повитух с нами не было. Король велел им оставаться в Уайтхолле^[74], надеясь, что наше пребывание вне столицы будет кратким.

Мы с Бриджит уложили Анну в постель и сделали все, что смогли, чтобы ее успокоить. Одного из слуг тут же отрядили в Уайтхолл, чтобы он привез повитух, но мы слишком

хорошо знали, что вернуться с ними он сможет только через много часов. Анна же страдала и нуждалась в помощи прямо сейчас, ибо боли ее были невыносимы. Я присутствовала при многих родах, и мне было совершенно очевидно, что кинжальные приступы, терзавшие Анну, не имели ничего общего с нормальными родовыми схватками.

Спазмы были столь сильными, что королева от страха кричала. Я подумала, что ее страдания — знак исполнения пророчеств Кентской Монахини, ее мести из могилы.

— Она умрет? — испуганно спросила Бесс Холланду Бриджит. — Если она умрет, нас могут в этом обвинить?

Но Бриджит только презрительно фыркнула и отослала Бесс подальше, чтобы она не путалась у нас под ногами. Мы смогли дать Анне вина — не того разбавленного водой вина, которое мы обычно пили, а вина, смешанного с настойкой опиума. Ею поделилась Энн Кейвконт: наша подруга всегда имела запас этого снадобья, избавлявшего ее от мучительных болей в боку.

Смесь вина и опиума на время усыпила Анну, но потом приступы усилились, вырвав ее из забытья. Спазмы были такими сильными, что королева рвала простыни, кричала и ругалась.

— Настойка не помогает, — сказала мне Бриджит. — Мы должны попытаться найти повитуху здесь, в Чиме.

Двое королевских слуг вышли на городскую площадь и прокричали, что от имени короля срочно требуется повитуха. К ним привели испуганную растрепанную особу в грязном переднике. Оказавшись в охотничьем домике и боясь даже взглянуть на нас, она бочком подобралась к постели, руки ее тряслись, грязный чепец криво сидел на голове, а рот был открыт, словно она не верила тому, что видела собственными глазами.

Она посмотрела на Анну и узрела не только лицо, искаженное болью, но и левую руку королевы с пресловутым двойным ногтем.

— Шлюха! — закричала она. — Королевская шлюха! На ней дьяволова метка!

И не успели мы опомниться и задержать ее, как повитуха выскочила из комнаты, пронеслась мимо слуг и сбежала из охотничьего домика с такой скоростью, словно за ней гнался сам дьявол.

То, что произошло дальше, до сих пор заставляет меня содрогаться, даже когда я об этом пишу. С помощью Бриджит, Энн Кейвконт и младшей кухарки — сильной и невозмутимой молодой девушки, которая даже глазом не моргнула, глядя на ужасы, свидетельницей которых она стала, — мы освободили Анну от того бремени, которое заставляло ее так сильно страдать.

Да, мы помогли ей родить, когда она лишилась сознания от боли, но то, что вышло из ее вздутого живота, было не дитем человеческим, а уродливым порождением Божьего гнева, плодом Божьего наказания, которое не могло в самых страшных кошмарах привидеться даже яростным последователям Кентской Монахини.

Не хочу и не буду подробно писать о том, какого размера было это *нечто*, как огромная голова криво сидела на тонкой шее, как сводило судорогой коротенькие ручки и ножки существа, исторгнутого из чрева королевы. Скажу одно: долго *оно* не прожило. Мы не могли сдержать крик ужаса при его появлении на свет, а потом, когда все было кончено, завернули *это* в простыню, торопливо положили в деревянный сундук, вынесли в один из флигелей и оставили сундук там. Мы просто не знали, что с *этим* делать дальше.

Когда на следующий день Анна пришла в себя, мы сказали ей, что ребенок умер. Слава

Всевышнему, больше она нам вопросов не задавала, словно почувствовав, что с ним было что-то не так. Только мы четверо — Бриджит, Энн Кейвконт, младшая кухарка и я — знали правду. Мы самой страшной клятвой поклялись друг другу в том, что никому не расскажем подробностей.

В ту ночь, когда Анна и все прочие крепко уснули, я вышла из дома и углубилась в лес. Мне хотелось в полном одиночестве подумать о том, что произошло сегодня. Под моими ногами трещали мелкие веточки, над головой перекликались ночные птицы. Слышала я и другие звуки, которые должны были бы меня пугать. Ночной лес полон опасностей. На человека могут напасть волки или медведи, а то и ему подобные двуногие хищники: те, кто выбрал лес своим пристанищем, прячутся днем и нападают на беззащитных путников под покровом ночи.

Но в ту ночь не ночные звуки волновали меня, а свет звезд, который проникал сквозь кроны высоких деревьев, освещал палые листья и сломанные ветки. Я добралась до прогалины в лесу, подняла голову и замерла, замороженная картиной ночного неба. Звезды щедро рассыпались у меня над головой, они складывались в созвездия, знакомые с детства, с тех самых летних ночей, когда мне показал их мой брат Нед. «Что вверху, то и внизу», — сказал король. Значит, судьбы наши начертаны на небесных скрижалях. Какой след в них оставила хвостатая комета, о которой толковал королевский астролог? Говорят, что появление кометы предвещает несчастье. Сегодня в Лорнфорд пришло несчастье, грозившее бедами для нашего королевства, и я была его свидетельницей. Но ночное небо надо мной выглядело мирным — ни кометы, ни других дурных знаков. Только сверкание звезд, равнодушно вззирающих на нас со своей абсолютной, недостижимой высоты.

Анна провела еще два дня в охотничьем домике, набираясь сил для путешествия, а затем мы двинулись в Ричмонд, где в это время находился король. Прибыв ко двору, мы — трое фрейлин и кухарка — приступили к выполнению наших обычных обязанностей.

Анна была бледна и тиха. Исчезла ее обычная бравада, она даже не пыталась, как обычно, возражать и перечить королю, который, увидев, что живот королевы опал, дал волю своему гневу, а затем подчеркнуто избегал свою супругу.

Мы, фрейлины, которые знали правду, соблюли клятву молчания, не нарушив ее ни на людях, ни в располагающей к признаниям темноте нашей общей спальни. Когда другие придворные или наши товарки спрашивали нас, что случилось в Лорнфорде, мы говорили лишь то, что было очевидно для всех, — Анна больше не носит под сердцем королевское дитя. И лишь будучи уверенными, что нас не подслушивают, мы осмелились прямо высказать друг другу то, от чего забытье хранило Анну: рождение ею урода было знамением несчастья, посланием от Господа (или от дьявола) о том, что дальше будет только хуже.

После злосчастной поездки в Лорнфорд жизнь наша навсегда изменилась. Между королем и королевой пробежала черная кошка, а вся страна содрогалась от гонений и казней. Будущее страшило любого из нас. На свадьбах Уилла и Неда, куда меня пригласили, я искренне желала новобрачным счастья, хоть и сомневалась, что пожелания мои сбудутся. Что до меня самой, то мне оставалось немного: оплакивать моего мертвого возлюбленного Гэльона и тихо стареть. Удовольствия молодости больше не прельщали меня. В свиту Анны назначались новые юные девушки, и через несколько месяцев выходили замуж, перебираясь под покровительство своих мужей. Я наблюдала эту картину все чаще и чаще. Для меня супруга так и не находилось. Да и откуда ему было взяться: я знала, что никого не смогу полюбить так, как Гэльона. У моих бывших подруг родились дети: одни выжили, другие умерли. Смогу ли я когда-нибудь стать матерью?

Временами я плакала, горюя по своим нерожденным детям, по растоптанным надеждам. И в этом я обвиняла только одного человека — Анну Болейн. Я радовалась ее несчастьям, выгадывая время, когда смогу нанести ей ответный удар.

Все больше и больше жертв королевского правосудия — или «неправосудия», как говорили многие, — расстались с жизнью, и их мертвые головы скалились на нас с огады Лондонского моста. Все больше королевских шпионов наблюдали за нами, подглядывая за каждым шагом, подслушивая каждое слово, чтобы донести о них Кромвелю и его подручным. Людей забирали прямо из их домов, бросали в королевскую тюрьму, и оттуда они уже не возвращались. Никто не знал, что несет ему завтрашний день, ибо, как любила повторять Анна, глаза и уши есть везде.

Слова «измена» и «предатель» могли коснуться любого. Невозможно было вообразить, сколько сделано было наветов и ложных доносов, невозможно было предсказать, кто станет следующей жертвой. Никому не было пощады: ни почтенным деятелям церкви, вроде епископа Фишера^[75], ни уважаемым служителям закона, таким как Томас Мор^[76], ни монахам и монахиням, свято блюдушим заповеди благочестия и целомудрия. Всех, кто попадал в поле зрения соглядатаев короля, ждала ужасная участь.

Страх в обществе сопровождался упадком нравов при дворе: король открыто пренебрегал своей женой и проводил время с новой фавориткой — Мэдж Шелтон. Он танцевал с ней, как когда-то танцевал с Анной, ласкал ее прилюдно и даже спрашивал своих советников, как ему избавиться от Анны и жениться на женщине вроде Мэдж, которая принесет ему здорового сына. Прямой наследник мужского пола был, как никогда, необходим трону: маленькая Елизавета, выжившая вопреки ожиданиям, была еще совсем крохой, и в случае очередного развода короля могла быть признана незаконнорожденной. Хрупкая светловолосая Мария — дочь Екатерины — лишилась титула принцессы, и вдобавок ко всему постоянно болела. Генри Фицрой был молод, слаб здоровьем и не обладал отвагой и твердостью, необходимой королям. Такие обычно долго не живут, а если и живут, то не становятся сильными правителями.

Неопределенность порождала заговоры и тайные союзы, и мы все об этом знали, даже

Анна. Измена витала в воздухе. Я содрогалась всякий раз, когда король призывал меня к себе и просил рассказать, кто плохо отзывается о нем или о королеве. Как-то утром Генрих прислал за мной, а когда я явилась и он убедился, что нас никто не подслушивает, он сказал:

— Джейн, я должен спросить тебя кое о чем. Мне обязательно нужно знать правду, а верить я могу только тебе.

— Я к вашим услугам, Ваше Величество.

— Что на самом деле произошло в охотничьем домике в Лорнфорде?

Вопрос короля застал меня врасплох. Я помедлила с ответом. Никогда ни я, ни еще трое, кто знал правду о родах Анны, не рассказывали об этом. Мы были слишком потрясены и напуганы и, конечно, опасались, что нас могут обвинить в том, что произошло. Кроме того, мне казалось, что если я расскажу правду, то окажусь запятнанной, нечистой, ибо по каким-то необъяснимым причинам была уверена — существо, которое родила Анна, заколдовано и проклято.

С другой стороны, своим молчанием я подрывала доверие ко мне короля, и это меня огорчало. Искренние люди при дворе — редкость, и я старалась не подвести своего повелителя, но только если дело не касалось Анны и ее мертворожденного чудовища.

— Почему вы спрашиваете, Ваше Величество? — наконец осмелилась я задать вопрос, нервно облизывая губы. — Ребенок не выжил.

Король, беспокойно меривший шагами комнату, остановился и пытливо взглянул на меня:

— Анна отказывается говорить со мной об этом. По словам Норфолка, Бесс Холланд призналась ему, что ребенка вообще не было, что Анна все выдумала. Я знаю, такое иногда случается. Если женщине отчаянно нужен отпрыск, у нее может вырасти живот, она чувствует себя беременной, испытывает муки деторождения, да только на свет никто не появляется. Так было и с Анной? Скажи мне правду.

Я покачала головой:

— Я не вправе обманывать вас, Ваше Величество, но от всей души скорблю, что вы задали мне этот вопрос. Лучше бы правда осталась навсегда похороненной там, в Лорнфорде.

Король подошел ко мне вплотную, нагнулся и дотронулся до моего лица своими большими грубыми руками. Он посмотрел мне прямо в глаза и отдельно проговорил:

— Джейн, вопрос, который я тебе задал, очень важен! Иначе я бы не стал тебе его задавать. Он касается наследования трона Англии!

Мы стояли близко друг к другу, и я почувствовала, как по моему телу разливается давно забытая теплота. Я страшилась этого человека, опасалась его ничем не ограниченной власти, и в то же время меня вдруг неудержимо повлекло к нему как к мужчине и как к правителю. Столько лет я его знала, но впервые испытала такое чувство. Я была как мягкий податливый воск в его сильных руках. Наконец я высвободилась и, откашлявшись, попросила подать мне вина.

Генрих кликнул слугу, и тот тотчас появился с подносом, уставленным кубками. Я воспользовалась этой короткой отсрочкой для того, чтобы собраться с мыслями.

— Я расскажу вам всю правду, Ваше Величество, — начала я, пригубив вина. — Мы до сих пор не знаем, что это было: деяние дьявола или просто ошибка природы... Только мы четверо были тому свидетелями. Больше об этом никто не знает: повитуха, которую нашли в Чиме, испугалась, увидев руку Анны с лишним пальцем, и убежала до того, как это существо

увидело свет.

— Существо? — Теперь Генрих сидел рядом и жадно ловил каждое мое слово. Лицо его было тревожно.

— Ваше Величество, Анна ужасно страдала, от боли она лишилась чувств. Она никогда не увидела своего сына... если это вообще был сын...

Теперь король смотрел на меня с недоверием. Я продолжала:

— Как я уже говорила, нас было четверо: я, Бриджит, Бесс Холланд и младшая кухарка, девушка сильная и храбрая. Мы поклялись держать в тайне то, что видели.

— Но на что походило это... это чудовище? — спросил король с дрожью в голосе. — Это был демон, исчадие ада?

— Это был просто уродливый кусок плоти, — пробормотала я.

— Но он, по крайней мере, походил на человеческое дитя?

— Не могу вам сказать, Ваше Величество...

— Я видел, как у кобыл иногда рождаются жеребята без ног, или у сук в пометах бывают щенки с уродствами. Такие не выживают...

— То, что родилось у Анны, не походило ни на одно известное мне живое существо, — твердо сказала я.

— Так оно было живым, а не мертвым?

Я отхлебнула еще вина и закрыла глаза, тщетно пытаясь изгнать из памяти ужасную картину.

— Его тело извивалось, его уродливая голова дергалась, перекошенный рот открылся и закрылся, а потом *оно* замерло навсегда.

Меня затошнило, да так сильно, что я испугалась — сейчас меня вырвет. Пришлось встать и отойти к окну за глотком свежего воздуха.

— Все в порядке, Джейн, — тихо сказал мне король. — Можешь не продолжать. Скажи лишь, тебе показалось, что *оно* скорее мужского, а не женского пола?

Я кивнула.

— Его успели окрестить?

— Нет, Ваше Величество. Такое... нельзя крестить.

Повисло тяжелое молчание. Слез у меня не было, ибо я не испытывала жалости к чудовищу, рожденному Анной, но, как оказалось, ужас того дня сидел во мне гораздо глубже, чем я думала. Как будто бы я прикоснулась к великой тайне — но не к светлой тайне духовного возвышения, а к чему-то темному, поднявшемуся из самых глубин непознанного.

Король ободряюще обнял меня и произнес:

— Теперь отдыхай, Джейн, и пусть никто тебя не тревожит. Ты испытала слишком сильное потрясение.

— Я никому не рассказывала об этом, Ваше Величество.

— Верю тебе, Джейн.

Король стоял совсем близко, я чувствовала тепло его рук, видела его задумчивое и печальное лицо. Потом он сказал:

— Ты ведь понимаешь, что это значит, Джейн?

— Что последнее пророчество Кентской Монахини исполнилось и сын Анны погиб.

— Мои подданные сказали бы то же самое, если бы узнали правду. Но я вижу гораздо более отдаленные и тяжкие последствия. Я женат на женщине, которая никогда не родит мне наследника. Если у нее родится еще один ребенок... если их родится хоть дюжина...

каждый из них будет уродом. Я проклят, Джейн! Господь проклял меня за то, что я женился на этой чертовке. И я должен избавиться от нее, пока проклятье не пало на мой дом и на мое королевство!

С того самого дня моя судьба определилась. Король доверился мне, а я ему. Мы с ним заключили молчаливый договор и объединили усилия в достижении общих целей. Мы должны были действовать сообща, чтобы обеспечить преемственность власти Тюдоров, но это требовало времени.

Сперва король отправил меня в замок Кимболтон^[77], где находилась Екатерина.

— Говорят, что она очень больна и может скоро умереть, — сказал мне король. — Я знаю, ты любишь ее, посему разрешаю тебе ее навестить. Посмотри, как она выглядит, каково ее настроение. Если она знает, что ей недолго осталось, возможно, она захочет простить меня, сделать для меня последнее одолжение.

— Какое, Ваше Величество?

— Уйти в монастырь! Скажи ей, что церемония пройдет очень быстро, если я дам соответствующие распоряжения. Потребуется только присутствие монахини любого ордена и священника. Как только она примет постриг, она перестанет быть для меня препятствием.

— Но ваш брак с ней был аннулирован много лет назад.

— Да, но когда я расторгну союз с Анной, — а я намерен поступить именно так, — не должно быть никаких препятствий для моей новой свадьбы. Я посоветовался с Кромвелем и другими своими советниками, и они это подтвердили.

Я не посмела углубляться в эту тему. Получалось так, что Великое Дело Короля — вопрос, без сомнения, туманный и сложный, столь долго волновавший двор и все королевство, внесший разлад в христианский мир, — вновь встает во главу угла. Негоже мне судить о таких сложных материях, решила я. Мне нужно лишь исполнить данное мне поручение: навестить больную и гонимую Екатерину, вновь предложить ей свою привязанность и дружбу и попросить пойти навстречу желаниям короля.

Спальня Екатерины в замке Кимболтон являла собой жалкое зрелище. Комната была маленькой и темной, полы проседали, из углов и от стен немилосердно дуло. Свет от потухающего камина освещал низкое узкое ложе, потертые занавеси и единственное украшение опочивальни — аналой с подушечкой, которую бывшая королева вышивала своими руками. Она привезла эту последнюю из дорогих ее сердцу вещей, оставшихся в ее распоряжении, много лет назад из Испании. Тяжелые ароматы лаванды и опиума мешались с запахами болезни и тления. Когда верный церемониймейстер Екатерины Гриффит Ричардс скупо подбросил дров в камин, пламя вспыхнуло чуть сильнее и осветило опочивальню, сердце мое болезненно сжалось. Я поняла, что «вдовствующая принцесса», именовавшаяся когда-то Екатериной Арагонской, гордая и прекрасная дочь великой Изабеллы Кастильской, доживает свои последние дни.

Я присела на скамеечку у постели Екатерины. Когда дрова в камине разгорелись еще ярче, я увидела, что наедине с бывшей королевой меня не оставили. Давняя подруга и придворная дама Екатерины Мария де Салинас, сильно состарившаяся с того дня, когда я видела ее последний раз, тихонько сидела в одном углу, а мальчик-слуга стоял в другом.

— Давно она в таком состоянии? — спросила я Марию, глядя на истощенное, смертельно-бледное лицо на подушке, отделанной кружевами.

— Со Дня Всех Святых ^[78], — последовал тихий ответ. — Виноваты водянка и разбитое сердце.

Шорох простыней привлек мое внимание: сморщенные руки Екатерины с синими венами принялись перебирать драгоценные четки. Я услышала, как больная зовет меня по имени.

— Джейн!

— Да, миледи принцесса.

Она сделала мне знак приблизиться.

— Каталина, зови меня Каталиной. Так меня звала моя мать. Прошу тебя, Джейн.

— Хорошо, Каталина.

Она схватила мою руку и притянула к своим волосам:

— Причешу тебя, Джейн.

Я посмотрела на Марию де Салинас, и та достала из деревянного сундука и передала мне серебряный гребень. Я принялась расчесывать совершенно седые, слабые пряди. Екатерина закрыла глаза от удовольствия.

— Ты всегда была хорошей девочкой, — пробормотала она, — всегда старалась мне угодить.

Я продолжала водить гребнем. Наконец я решилась:

— Меня прислал к вам король с посланием.

В ту же секунду глаза бывшей королевы широко открылись. Я сразу почувствовала, что телесная немощ не сказалась на быстроте ее ума.

— Он хочет принять меня обратно? Он собирается снова сделать меня королевой?

Мне стало жаль Екатерину, но я не позволила этому чувству возобладать:

— Он беспокоится о вашем здоровье, миледи. Он просит вас оказать ему огромную услугу — согласиться уйти в монастырь.

Екатерина напряглась, и я тотчас убрала гребень.

— Никогда, — твердо ответила она.

По ее тону я поняла, что ее решение окончательно и переубедить ее нет смысла.

— Он будет разочарован, — только и сказала я.

Раздался тихий звук, и я поняла, что Екатерина смеется.

— Не сомневаюсь в этом, — произнесла она. — Кстати, как он?

Я опять принялась ее причесывать.

— Он облысел и часто пребывает в плохом настроении. Много гневается и кричит, потому голос его стал хриплым. Жалуется на сердце и на боли в ноге. Ходит, опираясь на золоченую трость.

— Он так и носит на шее мешочек с живыми пауками?

Я кивнула.

— Значит, по-прежнему боится потницы?

— Да, и это не единственное, чего он боится, — промолвила я, презрев осторожность.

Екатерина оживилась, стоило мне заговорить о короле. Она попыталась подняться на локте, но затем упала обратно в подушки. Глаза ее засверкали, она буквально пожирала взглядом мое лицо.

— Так чего же еще он боится? — напрямик спросила она.

— Он не удовлетворен своим браком с Анной.

— Так вот почему я ему понадобилась. Он хочет окончательно избавиться от меня. Я

стою на его пути. Теперь настал черед низвергнуть Анну, чтобы он вновь мог вступить в брак, но я ему мешаю.

Мария де Салинас подошла к кровати.

— Мне кажется, мисс Сеймур, что Ее Величество утомилась. Оставьте ее!

Я заметила, что испанка по-прежнему говорит о Екатерине как о королеве.

— Я уже ухожу, — сказала я, вставая со скамейки.

— Ты придешь завтра, Джейн?

— Конечно, если вы того пожелаете, милая леди Каталина.

Появился Гриффит Ричардс, и Екатерина приказала приготовить мне комнату.

— И убедитесь, чтобы у Джейн было достаточно дров, — заметила она.

— Но, Ваше Величество, дров у нас мало... — начал старый церемониймейстер.

— Стыдно, сэръ. Неужели вам неведомо гостеприимство? Мы должны в первую очередь позаботиться о нашей гостье, а потом уже о самих себе.

В отведенной мне комнате стоял страшный холод, а одеяла на кровати были совсем тонкими. Гриффит Ричардс рассыпался в извинениях.

— Наши запасы весьма скудны, — пожаловался он. — От королевского двора в Лондоне поступает ничтожно мало. Король вовсе не склонен проявлять щедрость. Он заявил, что раз королева не желает подчиняться его приказам, то должна на собственные средства содержать свой двор, а денег у нее почти не осталось.

Я тут же вытащила кошель и отсыпала Ричардсу целую пригоршню серебряных монет.

— Вот, возьмите. Наверняка в деревне можно купить дров. Закажите еще еды и вина столько, сколько нужно. Ступайте скорее!

Старик едва смог совладать со своими чувствами, бормоча слова признательности, но я прервала его излишняя, отправив за припасами, а затем позвала слугу, велела развести огонь из тех немногих дров, что были мне предоставлены, и забралась в постель в надежде хоть немного согреться.

Угли в моем камине почти успели остыть к утру следующего дня, когда над замком занялся серый рассвет. Я проснулась от холода. Но едва я приступила к утреннему туалету, как принесли большую вязанку дров и тотчас затопили камин. Скоро в дверь постучал Гриффит Ричардс и передал, что королева (здесь Екатерину называли только этим титулом) приглашает меня на утренний чай. Манеры его, как всегда, были торжественными, но пока он вел меня к опочивальне вдовствующей принцессы, я заметила, что за прошедшую ночь движения его стали гораздо живее, а на лице засветилась надежда. Над замком Кимболтон явно повеяли ветры благоприятных перемен, невзирая на тяжелую болезнь ее самой знатной обитательницы.

К моему изумлению, Екатерина сидела в постели, опираясь на подушки. Ее волосы были убраны под чепец, а худые плечи закрывала теплая шерстяная синяя шаль. Она приветствовала меня радостной улыбкой и указала на место у стола рядом с ее постелью. Мы быстро прочли молитвы и с наслаждением принялись за еду, намазывая масло и мед на свежий теплый хлеб. Екатерина с удовольствием отдавала должное простому завтраку, а морщины, оставленные страданиями и тревогами, сегодня при дневном свете как будто бы разгладились.

— Скажи мне, Джейн, почему король хочет избавиться от своей потаскухи? — спросила

она меня, когда закончила трапезу и вытерла губы свежей льняной салфеткой.

Я ответила не сразу:

— Они ссорятся. Анна раздражает его, он ею пресытился. И еще...

Екатерина подалась вперед, желая услышать ответ:

— Что еще?

Я замолчала. Вправе ли я открывать тайны семейной жизни короля и Анны? Но что плохого случится, если я буду честна перед той, кто уже одной ногой в могиле? Правда, сейчас Екатерина не выглядела умирающей. Да, она постарела, поблекла, но в ней вновь чувствовалась та жизненная сила и уверенность в своем превосходстве, которую я не видела с тех пор, как перестала быть ее фрейлиной.

Так почему бы не рассказать? Разве что это оживит печальные воспоминания. Наконец я решилась:

— Анна родила... родила уродца, который умер.

Екатерина кивнула:

— Пророчество Кентской Монахини сбылось!

— Да. И король уверен, что она не сможет выносить здорового наследника мужского пола.

Мы помолчали.

— Если он хочет избавиться от нее, — ровным голосом сказала Екатерина, — то нет ничего проще.

Я ждала, что еще она скажет, думая, как она, должно быть, радуется будущему свержению своей соперницы — той, которая заняла ее место, ввергла ее в пучину унижений и бед. Хотя, напомнила я себе, не Анна была причиной устранения Екатерины. Король и только он добился признания их брака недействительным, а сейчас желает пройти по проторенной дорожке, сделав козлом отпущения Анну.

— До того, как злосчастная Джейн Попинкорт оставила двор, — промолвила Екатерина, — она призналась мне: Генрих спал не только с Марией, сестрой Анны — об этом знает весь свет, — но и с матерью Анны. Мои советники подтвердили, что по каноническому праву это считается кровосмешением и делает брак короля и Анны недействительным. Джейн сделала письменное признание под присягой. Этот документ никто не видел, кроме кардинала Кампеджио, и если мой муж решит отречься от Анны, им можно воспользоваться.

— Есть еще кое-что, — добавила я, — кое-что, в чем я сама готова поклясться. Я слишком долго скрывала правду в моем сердце, ожидая момента, когда Анна понесет наказание за все то зло, которое она совершила.

Я поведала Екатерине историю нашей с Гэльоном любви и попытку Анны деньгами склонить его к близости с ней, чтобы выдать возможный плод этой связи за королевское дитя. Рассказала я и о том, что он, убоявшись последствий, передал мне каждое слово Анны. Не угадала я и его гибель — от рук самой Анны или по ее приказу.

Королева тут же вспомнила, а я подтвердила слухи о том, что Анна устроила убийство Джейн Попинкорт и велела отравить еду Генри Фицроя.

— Она в отчаянье и готова воспользоваться любыми средствами, — сказала Екатерина. — Но сейчас она только ухудшает свое положение, ибо расплата неминуема! Очень скоро она попадет в свою собственную сеть. Прекрасная охотница, приманивающая своих жертв и наносящая смертельный удар. Паучиха в центре свитой ею же паутины,

поджидающая добычу. Только в этот раз паутина обовьет ее саму и выбраться ей не удастся.

В то лето король пребывал в добром здравии и прекрасном настроении. Он забросил свою золоченую трость, ходил легкой походкой и часто покидал дворец в компании своих ближайших друзей в поисках развлечений. Анна оставалась на своей половине и была предоставлена самой себе. Даже любимица короля пухленькая Мэдж Шелтон не принимала участия в его буйных забавах. Каждый день Генрих выезжал на охоту и без усталости, как молодой, скакал по лесам и полям, возвращаясь лишь к вечеру с добычей и неутоленной жаждой новых удовольствий.

Неделю за неделей король с небольшой свитой переезжал из замка в замок, пока Нед не пригласил его погостить в нашем поместье Вулфхолл. Здесь в парке и окружающих его лесах была прекрасная охота. Как-то вечером король воспользовался этим приглашением. Он прибыл к нам в обществе тех, кого знал с детства или приблизил во время своего правления. В большом зале Вулфхолла собрались Чарльз Брэндон, Томас Кромвель, мой брат Нед, Николас Кэрю^[79], архиепископ Крэнмер^[80], другие высшие церковные деятели и служители закона, — те, кто держал руку короля в деле об аннулировании брака и содействовал разрыву с Римом.

Король собрал их под кровлей Вулфхолла не только и не столько на дружеский пир, сколько для того, чтобы поставить перед лучшими умами королевства новую задачу — освободить его от уз брака с Анной. Поскольку Вулфхолл был не только домом Неда, но и моим домом, и король не раз заявлял о своем полном доверии и благорасположении ко мне, я оказалась в числе приглашенных, хоть держалась особняком и старалась не навязываться честной компании. Осмелюсь предположить, что окажись на моем месте Анна, она бы повела себя прямо противоположным образом.

В тот вечер с нами был даже могущественный Томас Говард, герцог Норфолк, хотя король никогда раньше не привечал его. Герцог постарался довести до сведения своего повелителя, что он считает Анну — а вместе с ней и прочих Болейнов, с которыми породнился через свой брак, — позором дома Говардов. Разлад в благородном семействе герцога и послужил, по словам Неда, причиной внезапного сближения Норфолка с королем.

На торжественном обеде вино лилось рекой, и король громогласно предлагал тост за тостом.

— За Кёрдельона! — воскликнул он, подняв чашу с вином в честь своего любимого скакуна, чудом избежавшего опустошительного мора. — И за будущие турниры!

Он осушил кубок, и присутствующие дружно последовали его примеру.

— Теперь, когда моя нога почти совсем зажила и окрепла... — начал он.

— У вас, Ваше Величество, нынче имеется не только пара крепких ног, но и еще кое-что крепкое в придачу, — раздался хмельной голос одного из гостей, потонувший в общем хохоте. — И пусть не клеветают некоторые на нашего повелителя!

Упреки Анны в отсутствии у короля мужской силы были слишком хорошо известны. Пирующие загорланили:

— Давайте спросим Мэдж! Где Мэдж? Она-то уж точно знает...

В зале прозвучали такие соленые шуточки, что я почла за благо глубже забиться в свой укромный уголок рядом с креслом короля. Ведь я оказалась единственной женщиной на этом сборище подвыпивших мужчин и оставалась среди них только потому, что таково было желание Генриха.

Я испугалась, что сейчас гости прикажут привести им доступных женщин и начнут предаваться всяческому непотребству. Но тут король потребовал тишины, встал и похлопал себя по внутреннему карману расшитого камзола:

— Здесь у меня лежит рукопись. Я, господа, пишу трагедию, хотя никогда раньше этим не занимался. Пьеса называется «Иезавель» и посвящается моей дражайшей супруге. Той, что имеет сотню любовников.

Его слова были встречены громовым хохотом. Все последние месяцы Генрих как мог поносил Анну перед своими друзьями и советниками, и содержание пьесы никого не удивило.

— А теперь позвольте поделиться с вами хорошими вестями, — продолжал король. — Мой верный Кром, — он указал на своего полного, круглолицего лорд-канцлера, который радостно заулыбался, — решил меня порадовать! Вот его подарок!

Двойные двери распахнулись, и стражники втолкнули в зал маленького, коротко остриженного человечка. Руки и ноги у него были связаны, а во рту — кляп. Пленник пытался сопротивляться. Вся кровь от страха прилила к его голове, словно его вот-вот должен был хватить удар.

— Только посмотрите, кто нам попался! Француз! Лягушатник!

Гости радостно загалдели.

— И не просто француз, а повар, мастер французской кухни!

— Он — один из сотни любовников Иезавели? — спросил Чарльз Брэндон, которого король недавно поставил во главе всех дворцовых служб.

— Этот негодяй — повар моей жены. Она его выпросила у самого короля Франциска.

Генрих угрожающе нацелил палец на несчастного.

— Знаете, что он поведал Крому, когда его вздернули на дыбу и растянули так, что у него чуть руки-ноги не оторвались? — Король сделал паузу. — Он признался, что моя милая женошка заплатила ему за то, чтобы он влил некое итальянское снадобье в суп моего сына! А ведь это был яд такой силы, друзья мои, что от него в муках умерло трое нищих, которым этот супчик вынесли после того, как Генри от него отказался. Хорошо, что мой сын почувствовал горечь, а то он оказался бы первой жертвой. Ну что, господин повар, не желаете ли отведать вашего блюда?

Король взмахнул рукой, и по его знаку в зал внесли супницу, из которой шел пар. Генрих достал из кармана флягу и вылил ее содержимое в суп. У повара вынули изо рта кляп и поднесли к губам полную миску.

— Ешь! — прокричал король. — Приятного тебе аппетита, отравитель!

Несчастный забился в руках стражников, отчаянно вертя головой и крепко сжав зубы. Глаза его от ужаса чуть не выскочили из орбит. Я отвернулась, не в силах выносить подобного зрелища.

— Давай же! Мы ждем, — издевательским голосом произнес король.

Видя, что повар не поддается, он ударил несчастного по липу и воскликнул:

— Что, твой яд тебе не по вкусу, мерзавец? Тогда я избавлюсь от тебя другим способом! — Тут голос короля сорвался на бешеный крик. — Сварите этого человека в

кипящем масле!

Стражники потащили зашедшегося в смертельной икоте француза вон из зала под свист, аплодисменты и улюлюканье собравшихся.

— Моя жена, — бормотал меж тем король, — любящее, чистое, невинное создание... Вот что она сотворила, и на этом список ее преступлений не заканчивается.

Тут со своего места поднялся Кромвель.

— Да будет известно всем присутствующим, — заговорил он, — что мы не сможем привлечь королеву Анну к суду до тех пор, пока жива вдовствующая принцесса. Не должно быть никаких препятствий возможному новому союзу Его Величества с достойной такой великой чести особой.

— Но ведь вдовствующая принцесса больна, — вмешался король. — Не так ли, Джейн? Ты же ее навещала...

— Это правда, Ваше Величество, — заговорила я.

— Она не протянет до конца года или я ошибаюсь?

Я покачала головой:

— Не мне желать ей скорой смерти, Ваше Величество. Я могу лишь молиться, чтобы Господь сохранил ей жизнь или призвал ее к себе, как Ему будет угодно.

Король рассмеялся, — приблизился ко мне и крепко обнял:

— Ты говоришь как добрая христианка, малютка Джейн. До последнего хранишь верность своей бывшей хозяйке.

Обращаясь к остальным, он продолжал:

— Мой Кром как всегда прав. Нужно дождаться, когда Екатерина покинет эту грешную землю, а это должно произойти совсем скоро.

Но Екатерина не собиралась сдаваться и была все еще жива, когда осень 1535 года сменилась зимой. А затем о вдовствующей принцессе и вовсе забыли, ибо началась череда событий, отвлекших на себя все внимание двора.

Сперва король, повергнув в изумление всех своих советников — включая моего хитроумного брата Неда, — заключил союз с императором в пику французскому двору. Затем Анна с большой помпой объявила, что она вновь беременна. Огромный дуб в лесу Севернейк, который, по преданию, был посажен самим Вильгельмом Завоевателем^[81] почти пятьсот лет назад, был повергнут бурей на землю. И наконец, Мэдж Шелтон объявила о помолвке, но не с королем, как ожидалось, а с сэром Джоном Эверторпом, достигшим почтенного возраста семидесяти одного года, но не нажившим к этому времени значительного состояния.

Перед Рождественским постом при дворе поползли слухи о том, что когда король призвал к себе отца и мать Мэдж и сообщил о своем намерении сделать их дочь следующей королевой, те предупредили его, что она недостойна такой чести. Они-де показали Мэдж повитухам, и те в один голос заявили, что она бесплодна и не сможет дать королевскому дому наследника. Вскоре после этого последовало объявление о помолвке Мэдж с сэром Джоном. Последний уже имел пятерых сыновей и несколько десятков внуков, потому бесплодие Мэдж не было в этом случае помехой для брака.

— Как ты понимаешь, это всего лишь уловка, — объяснила мне всезнающая Бриджит. — На самом деле Мэдж, видя, что под Анной шатается трон, решила, что не

годится на роль следующей жертвы нашего короля. Она так и сказала: «Коли он от двух жен может избавиться, то и третью выбросит, как надоевшую игрушку». Еще она мне рассказала, что больная нога короля дурно пахнет, а лекарства, которые он принимает, жутко воняют, и что он ложится в постель, не снимая мешочка с живыми пауками. Вот она и попросила родителей подыскать ей другого мужа.

Эти волнующие события происходили как раз тогда, когда Анна громогласно заявляла, что носит под сердцем принца. Генрих то впадал в задумчивость, то невесело шутил в компании своих друзей, гадая, кто в действительности отец ребенка, то вообще сомневался в беременности Анны. Я не знала, что и думать. А вдруг ребенок у Анны от короля, что бы он там ни говорил? Мы, ее приближенные, считали, что она и вправду в тягости, посему я трепетала от предчувствия появления на свет еще одного заколдованного монстра и не хотела при этом присутствовать.

После всех этих новостей время Рождественского поста воспринималось нами в тот год как кратковременное затишье перед великой бурей, когда все вокруг замирает в напряженном предчувствии разгула неукротимых сил природы.

Но именно во время этой краткой передышки жизнь моя внезапно изменилась. На Рождество я отправилась в Вулфхолл, и вскоре туда пожаловал сам король. Это случилось через несколько дней после того, как родители Мэдж Шелтон сообщили ему о бесплодии дочери. Генрих привез мне в подарок длинную нитку великолепных жемчужин.

— Милая Джейн, ты выглядишь чудесно, — с улыбкой сказал мне король, обвивая мне шею этим сказочным ожерельем. — Жемчуга тебе к лицу, они подчеркивают нежность твоей кожи.

Никогда раньше король не хвалил мою внешность, а только мои добродетели. Да и подарков он мне до этого дня не дарил. Я мгновенно насторожилась.

— Мы всегда откровенно говорили друг с другом, Джейн, — продолжал король, — поэтому я не буду ходить вокруг да около. Ответь мне: если бы назначенные мною повитухи осмотрели тебя, посчитали бы они тебя способной к деторождению?

Сначала я решила, что король так шутит. Но поскольку он выглядел совершенно серьезным, я совсем смешалась. Чтобы выиграть время, пришлось сделать вид, что я оправляю юбку.

— Не тяни, Джейн. Ты должна знать! — нетерпеливо воскликнул Генрих.

Я воззрилась на короля в полном удивлении и, наконец, решила ему ответить:

— Мне кажется, повитухи скажут, что я смогу зачать...

— Ты, наверное, догадываешься, почему я завел этот разговор. Мне нужен сын. Еще недавно мне казалось, что его матерью будет Мэдж. Теперь я узнал, что это невозможно. Мэдж никогда не будет моей женой, и мне нужно искать себе другую невесту.

Король помолчал, а потом вновь заговорил:

— Меня постоянно мучает одно и то же видение. Оно не дает мне спать по ночам. Могут ли я рассказать тебе о нем?

Я кивнула.

— Я умираю, — начал он.

— Что вы такое говорите, Ваше Величество?

— Ну, в этом моем видении мне кажется, что я умираю. Вообще-то со мной это может случиться в любой момент. Бывает так, что нога моя распухает и мне делается настолько плохо, что я едва дышу. Или со мной может произойти несчастный случай на охоте. Или я

поведу свои войска на врага и сложу голову на поле брани. Всякое бывает... Если я умру, править страной станет Генри Фицрой. Но он слаб, он все время кашляет, он боится собственной тени. Думаю, он быстро последует за мной. Тогда к власти придет Мария, ведь Елизавета — еще совсем дитя. Представь себе: армия императора сажает Марию на престол, а она разрушает все то, что я строил последние десять лет. Мария возвращает Англию под власть Рима! Моя дочь извращает самую память обо мне! Она заставляет моих бывших подданных возненавидеть меня!

— Но ваши подданные ненавидят вас уже сегодня, Ваше Величество, — вырвалось у меня так неожиданно, что я подивилась собственной храбрости. — Особенно те, кто поверил пророчествам Кентской Монахини. Они считают, что вы тот самый Король-Крот^[82], восшествие которого на трон предрекал еще Мерлин и который приведет Англию к гибели. Мы ведь с вами говорим откровенно, Ваше Величество, так знайте — да, люди пока подчиняются вам, но больше из страха. Положа руку на сердце, скажу: им не терпится получить нового короля.

— Тем больше у меня причин обзавестись наконец сильным и неоспоримым наследником. Это даст моему народу надежду! — Он крепко сжал мою руку. — Джейн, сможешь ли ты подарить мне сына? Пойдешь ли ты за меня?

В страхе я отняла руку и сказала первое, что пришло в голову, — что мне надо поговорить с Недом.

— Бьюсь об заклад, твой брат будет в восторге. Поздравит тебя как женщину, сумевшую пленить самого короля.

— Но у меня и в мыслях не было вас пленять, Ваше Величество. По правде говоря, я трепещу и боюсь вас. И я всегда была сторонницей брака по любви.

— Неужели ты ни капельки меня не любишь, Джейн? Признаться, я к тебе очень привязался.

— Я в своей жизни любила лишь двоих — Уилла Дормера и еще одного, кого оплакиваю по сию пору и кто ко мне никогда не вернется. Я бы покривила душой, Ваше Величество, если бы сказала, что люблю вас как супруга.

— Что ж, тогда моей привязанности должно хватить на двоих, — последовал неожиданный ответ короля.

Лишь спустя несколько часов после разговора с королем я смогла вновь обрести способность ясно мыслить. Никогда в жизни не могла я представить себе, что король попросит моей руки. Кто я такая? Джейн из Вулфхолла, рассудительная, милая и приятная, но отнюдь не красавица, женщина, приближающаяся к тридцатилетнему рубежу. Но ведь я та, которой король доверяет как себе.

Я попыталась собраться с мыслями, призвать на помощь свой трезвый ум. Теперь предложение короля казалось вовсе не таким уж невероятным.

Предположим, я смогу выносить и родить здоровое дитя, а значит, стану королю хорошей женой. Я была не из самой знатной семьи, но не обременена толпой высокомерных и жаждущих власти родственников. Я не отличалась ни сварливостью, ни излишней требовательностью. Я хорошо знала короля, и мы с ним никогда серьезно не ссорились. Значит, я смогу занять место рядом с ним, поддерживать его и, в отличие от Анны, никогда не предаю его.

Тут я задумалась: может быть, последовать примеру Мэдж Шелтон и найти способ вежливо отказаться от той чести, которую предлагает мне мой повелитель? Может быть, Мэдж мудрее и прозорливее меня?

Слишком многое вспомнилось мне — как король грубо кричал на Екатерину, как унижал ее. Как отказал ей в утешении, покое и самых простых удобствах во время ее смертельной болезни. Каким мстительным может он быть, каким устрашающим в своем гневе. Ярость поднималась в нем подобно приливу, и тогда он становился жестоким. Я вспомнила ужасную сцену, свидетельницей которой стала недавно, когда король пытался заставить повара-француза выпить яд, а затем велел сварить его живьем в кипящем масле. Я мысленно перебрала казни всех монахов и священников, да и просто людей твердых убеждений, которые отказались склониться перед его волей.

А что, если я выйду за Генриха, а потом наша страна станет добычей иноземного захватчика? Или подданные короля взбунтуются? Но тогда Нед защитит меня. Он умеет предвидеть опасность, значит, сумеет найти способы избежать ее.

Кстати, как и предсказывал король, Нед полностью одобрил идею моего брака.

— Только подумай, что это означает для нашей семьи, — тут же заявил он. — Сеймуры возвысятся чрезвычайно. Следующий король, твой сын, будет нести в своих жилах нашу кровь, а кровь — не водица. Подумай, сколько почестей и должностей наши родственники получат от короля.

— А сколько получишь ты?

— Надеюсь, что получу сполна, и буду по гроб жизни благодарен тебе.

— Вообще-то, я не люблю Генриха, — сказала я, зная, что на Неда мой довод не возымеет никакого действия. Пылкая любовь в его глазах была скорее препятствием на пути к счастью, чем бесценным сокровищем превыше всех наград.

Но тут он задумался, а затем сказал:

— Мне кажется, у тебя с королем сложились неплохие отношения. Ты говоришь, он верит тебе. Поверь, взаимное доверие необходимо, если двое собираются идти по жизни бок о бок, помогая друг другу. В противном случае остаются только злость и боль — я это слишком хорошо знаю.

Нед явно намекал на скандал в нашем семействе, когда мой отец соблазнил жену Неда Кэт, а Нед жестоко и хладнокровно отрекся от своей жены и детей.

— Нужно вспомнить еще кое о ком, — вдруг задумчиво произнес он. — Я подумал об отце Генриха...

— А что с ним было не так?

— С годами он сделался буйным, необузданным, почти что сумасшедшим. Говорят, нашего короля ждет та же участь.

— Ты хочешь сказать, Генрих сходит с ума?

— Яблоко от яблони недалеко падает.

— Но ты вовсе не похож на нашего отца, Нед. Вспомни, каким он был распутником, как бездарно управлял нашими землями, как преследовал арендаторов.

— Так-то оно так, но...

Я прервала брата на полуслове, ибо в голову мне внезапно пришла хорошая мысль.

— Нед, — начала я самым серьезным тоном, — если я приму предложение Генриха и стану королевой, то имя Сеймуров не должно быть запятнано даже намеком на скандал. Тебе нужно будет помириться со своей прежней семьей — с твоей бывшей женой Кэт и

оставшимся сыном Генри.

Нед уставился на меня:

— Оставшимся? Что ты хочешь этим сказать? Как ты понимаешь, я не могу поклясться, что дети Кэтрин Филлол от меня...

— Они — дети Кэтрин Филлол-Сеймур, — поправила я его, а потом не пощадила: — Восемь лет назад оба мальчика заболели потницей, и выжил только Генри.

Я была поражена тем, как изменилось выражение лица моего брата. Никогда прежде я не видела его таким печальным, полным раскаяния. Потом он тихо сказал:

— Малютка Джон... он был моим любимцем...

Я молчала. Мне вспомнилось, как малыш умирал, окруженный детишками из приюта, и сердце мое сжалось от чувства невосполнимой потери.

— Мы с Уиллом были с ним до самого конца. Мы сделали все возможное, чтобы спасти обоих мальчиков, но выжил только Генри. Он вырос в прекрасного, достойного юношу, которым наша семья может гордиться. И он очень похож на тебя, Нед. Ты — его отец. Ты и никто другой. Если я соглашусь выйти замуж за короля, ты должен пообещать мне здесь и сейчас признать его и любить как своего сына.

И мой брат, всегда такой гордый и уверенный в себе, покорно кивнул:

— Обещаю тебе, Джейн, и благодарю за все, что ты сделала для моих сыновей!

И он обнял меня в одном из редких порывов братской любви.

Мне нужно было нанести еще один — последний — визит перед тем, как дать ответ королю. Именно поэтому я вновь отправилась в Кимболтон, хотя стоял страшный холод, а дорогу в замок заметала поземка.

Екатерина была очень слаба, но нашла в себе силы приветствовать меня с улыбкой. Ее доктор Мигель де ла Са был весьма вежлив, но предупредил, что его пациентка быстро утомляется и я не должна злоупотреблять ее терпением.

— Каталина, — обратилась я к бывшей своей повелительнице, наклоняясь, чтобы поцеловать ее в щеку, — я приехала, чтобы получить ваше благословение. Король сделал мне предложение, он хочет взять меня в жены.

Старая женщина едва заметно кивнула.

— Да, Джейн, я буду молиться за тебя. — Она замолчала, переводя дух. Каждое слово давалось ей с усилием. — Я буду молиться, чтобы ты родила королю сына, которого не смогла подарить ему я.

Она подозвала Марию де Салинас и прерывающимся голосом произнесла несколько слов по-испански. Мария подошла к аналою и сняла с него тяжелую вышитую подушку, а затем передала ее мне.

— Королева хочет, чтобы вы приняли от нее этот подарок. И помолились за ее бессмертную душу.

Я кивнула сквозь слезы и обернулась к кровати. Но вдовствующая принцесса уже заснула, и я так и не смогла с ней попрощаться.

— Джейн, дорогая, — говорил мне Генрих, когда мы стояли на палубе королевской барки под порывами холодного ветра и начавшимся дождем, спускаясь вниз по Темзе, — теперь, когда мы с тобой обо всем договорились, я хочу, чтобы ты пожила здесь.

Он указал на элегантное каменное здание, возвышавшееся слева от нас. Окружавшие его лужайки и сады спускались к самой реке.

— Этот дом построила моя мать, — продолжал Генрих, — но и дня в нем не прожила. Сюда селили гостей двора, особенно тех, кто прибывал из-за границы. Здесь обитал кардинал Кампеджио, когда приехал в Англию, чтобы председательствовать на суде об аннулировании моего брака. А сейчас, Джейн, я хочу показать тебе твое новое обиталище.

Барка причалила, и мы сошли с нее. Дом был ярко освещен, а навстречу нам вышли слуги, чтобы торжественно нас приветствовать. Они преклонили перед нами колени. Я знала, что должна теперь привыкать к таким знакам внимания, но все равно чувствовала себя странно. Получалось, что королевская избранница — весьма важная персона.

Дом был просторен, удобен и обставлен в моем вкусе. Генриху явно хотелось мне угодить.

— Пусть тебе тут живется хорошо и покойно, — сказал он. — Я хочу, чтобы ты находилась здесь, подальше от двора, до тех пор, пока мы не поженимся.

Я не вернулась ко двору Анны после Рождества, когда приняла предложение короля, и оставалась в Вулфхолле. Но Генрих хотел, чтобы я была ближе к нему и он мог бы навещать меня тогда, когда пожелает. Дом на реке подходил для этого идеально: я могла наслаждаться покоем и уединением, а он — приезжать из Уайтхолла и возвращаться во дворец, ни привлекая излишнего внимания.

Вдовствующая принцесса мирно почила всего несколько дней назад, в самом начале нового года. Я попросила у короля позволения нанять некоторых ее бывших слуг, и он согласился. И начала я с того, что назначила Гриффита Ричардса своим церемониймейстером. За ним последовали садовники и прачки, кастелянши и музыканты, грумы и кондитеры.

Сделать предстояло немало, и дни мои были заполнены хлопотами. Конечно, я представляла себе, как устроен двор знатной дамы, но никогда раньше у меня не было своего дома с полным штатом придворных и слуг, для которых я была бы полновластной госпожой. В конце концов я доверила Гриффиту Ричардсу подобрать людей и наладить наш быт, и ни разу не раскаялась в своем решении.

Почти сразу же после смерти Екатерины на меня обрушился ворох писем от просителей всех мастей, ко мне зачастили соискатели моих милостей. Во все времена люди умели держать нос по ветру, а сейчас стало ясно, что после смерти вдовствующей принцессы король скоро избавится от Анны и возьмет в жены меня. Это был лишь вопрос времени. Таким образом, многие начали связывать со мной свои надежды и амбиции. Меня это не удивляло, но обременяло. И всеобщее внимание претило мне еще по одной причине — я не хотела быть на виду, ибо искренне горевала по Екатерине, которую любила всем сердцем. Выпавшая мне новая роль чем-то пугала меня.

И еще я страшилась того, что должно было наступить с неотвратимостью: падения и бесчестия Анны. Я не знала, как далеко собирался король зайти в этом деле, и не желала знать.хлопоты по обустройству дома помогали мне отвлечься и не возвращаться мысленно по сто раз на дню к тем сплетням о положении дел при дворе, которые доходили до меня. Я пыталась отгородиться от мира и не слушать пересуды своих собственных слуг. Но каждый раз, когда по реке спускалась барка, которая доставляла нам запасы провизии, письмо или подарок от короля, она привозила ворох последних новостей. Я пыталась уходить в сад, чтобы не слышать их, но садовники громкими голосами переговаривались с лодочниками и с теми, кто добывал себе пропитание, роясь во время отлива в речной грязи в поисках ценностей, и разговоры эти неизменно сворачивали на обсуждение последних придворных новостей. Река во все времена была воистину потоком слухов и сплетен.

Так я узнала, что король, пребывая в Гринвиче, пустил своего коня во весь опор на арене для турниров, упал и ударился так сильно, что потерял сознание на несколько часов. Его советники опасались, что он может умереть, и пришли к соглашению, в случае смерти Генриха, поддержать Генри Фицроя, а не того ребенка, который может родиться у Анны.

Еще я узнала, что через несколько дней после чудесного исцеления короля у Анны начались преждевременные роды гораздо раньше срока и она потеряла ребенка. После этого при дворе уже в полный голос заговорили о том, что проклятье Кентской Монахини по-прежнему действует и Анна от него никогда не избавится.

Через несколько дней после того, как у Анны случился выкидыш, король приехал навестить меня. Он привез мне в подарок драгоценные камни и золотые монеты, и чуть ли не целую барку шелка, бархата, кружев, золотого и серебряного шитья.

— Благодаренье Богу, вы оправились после падения, Ваше Величество, — сказала я королю после того, как он, не переставая радостно улыбаться, обнял и поцеловал меня. — Ваше выздоровление — высшая награда для ваших подданных.

Он только махнул рукой, отменяя мои волнения по поводу происшедшего с ним несчастного случая:

— Я — старый стреляный воробей, Джейн, меня так просто не свести в могилу. Понадобится что-то посущественней, чем падение с лошади.

— Так ли это, Ваше Величество? — поддразнила я его. — Совсем недавно вы рассказывали мне свой сон...

Я заметила, что сегодня король не против таких рискованных шуток. Но еще я обратила внимание на то, что, когда мы шли через лужайку к дому, он опять заметно припадал на больную ногу и немного пошатывался. Ему даже пришлось ухватиться за мою руку.

— Давай поговорим о более приятных вещах, — говорил меж тем король. — Например, о нашей свадьбе, о той жизни, которой мы проживем вместе. Тебе пора заказать свадебное платье, наряды подружек невесты и прочей свиты. Что ты предпочитаешь — торжественную службу в церкви или тихую церемонию в Уайтхолле в личных покоях королевы, то есть в твоих личных покоях?

— Как пожелаете, Ваше Величество!

— Ах ты, умница моя!

Король радостно потер руки, что всегда свидетельствовало о его прекрасном настроении, и велел разгружать с барки драгоценные ткани и кружева. Он получал огромное удовольствие, лично извлекая из корзин и сундуков и держа на свет струящиеся и сверкающие шелка, блестящее в лучах солнца шитье.

— Ты будешь самой прекрасной невестой на свете, Джейн! *Моей* невестой! — радостно воскликнул он. — Я буду счастлив стоять рядом с тобой перед алтарем.

— Генрих... — начала я, но он быстро закрыл мне рот своей огромной ладонью и не дал мне продолжить.

— Я знаю, что ты хочешь сказать, милая моя Джейн. Тебя ведь волнует, что будет с Анной? Ей вскоре придется ответить на очень серьезные обвинения и... да свершится правосудие! Естественно, мы подождем со свадьбой до того дня, когда она сполна заплатит за свое предательство.

Я чуть не проговорила, что тогда наш брак будет заключен на крови, но вовремя сдержалась.

Посмотрев в глаза Генриха, я увидела в них то, что и ожидала: быстрый и глубокий ум, лукавство, теплоту по отношению ко мне, самодовольство и беспощадность. Мы слишком хорошо знали друг друга, и наши мысли были открытой книгой.

— А другого пути нет? — решила наконец спросить я.

Он опустил голову и принялся внимательно разглядывать отрез шелка, который держал в руках.

— Нет, Джейн. Она должна пойти навстречу своей судьбе. Но тебе нет нужды быть тому свидетельницей и тем более участницей. Моя Джейн должна быть безупречна! Тебя не коснется даже тень вины. Ничто не может запятнать наш брак.

— Полностью согласна с вами, Ваше Величество.

Он взял обе мои руки в свои жестом, каким делал это, только когда мы оставались наедине.

— Думай обо мне, Джейн, а не о своей бывшей госпоже и всех грехах ее. Возрадуйся со мною, ибо я чувствую, что освободился от оков колдовства и чародейства. С тобой я восстал из ада и вознесен на небо. Ах, моя дорогая, ты — мой добрый ангел!

Однажды утром ко мне явился мистер Скут, чтобы снять мерки для моего свадебного наряда. По реке в тот день в сторону столицы поднималась нескончаемая вереница лодок, а дороги были забиты народом.

— Говорят, сегодня утром ее казнят, — заявил мистер Скут. — Я имею в виду — нашу бывшую королеву. Честно говоря, я лично никогда о ней плохо не думал: ведь ей так нравились платья, которые я придумывал и шил для нее. Осмелюсь даже сказать, что я был у нее в фаворе.

Мне захотелось сейчас же оглохнуть и ослепнуть, а не выслушивать рассуждения мистера Скута, поэтому я не поддержала разговор. Но звуки голосов, отдающих команды, топот скачущих лошадей, барабанный бой, а затем крики толпы, полные ужаса и радости, точно рассказали нам о том, что происходило выше по течению в Тауэре [\[83\]](#). Каждый раз, когда я пыталась заговорить о чем-либо другом, мистер Скут вновь и вновь сворачивал разговор на эту болезную для меня тему.

— Я слышал, что очень многих подозревают в недозволенных сношениях с королевой, — сплетничал он. — И ее казначея Джорджа Тейлора, и ее мажордома Генри Уэбба, и Томаса Уайатта, и Ричарда Пейджа [\[84\]](#). Только представьте себе! Десятки мужчин перебивали в ее постели. Говорят, она даже прятала их в буфете.

Я покачала головой:

— Это неправда. Анна действительно виновна во многих преступлениях, но я была ее фрейлиной и точно могу сказать: никаких мужчин в буфетах она не прятала.

— Ну, вы могли об этом и не знать, — отпарировал мистер Скут. — Все говорят, что она была умной бестией и, наверное, прятала их слишком искусно.

Он разложил передо мной отрез мягко переливающейся материи:

— Что вы думаете об этом шелке персикового цвета — хочу пустить его на лиф вашего платья. А вот из этого узорчатого темно-розового дамаста можно сшить юбку. Король велел мне передать вам, что он хотел бы увидеть вас в платье оттенков розового и персикового.

— Я с радостью приму выбор моего супруга.

Мистер Скут вздохнул с облегчением:

— Вот уж точно, вы не похожи на королеву Анну. Всегда, когда я шил ей новый наряд, она нарочно выбирала те цвета, которые меньше всего нравились королю. Я думаю, она хотела таким образом позлить его.

На это я не нашлась что ответить.

— Вы правильно делаете, что не перечите ему, мадам, — добавил придворный портной. — Он не терпит женщин, которые ему перечат.

— Я знаю.

Какое-то время мистер Скут работал молча, а затем произнес:

— Только подумайте, на суде над Анной председательствовал его светлость герцог Норфолк собственной персоной! Ее родной дядя! Говорят, что он даже расплакался, когда ее приговорили к смерти, но я этому не верю — ведь он знал, что она виновна. Ходили слухи, что Анна много лет назад имела любовников при французском дворе. Неужели герцог пребывал в счастливом неведении? Как вы думаете, есть в этих сплетнях доля истины?

— Не могу вам сказать, — ответила я. В этот момент я вновь вспомнила Гэльона — моего Гэльона. Вспомнила, что Анна домогалась его. Только лишь как отца для будущего ребенка, напоминавшего цветом волос короля, или как красивого и чувственного мужчину? Я не знала и никогда теперь не узнаю.

Ах, Гэльон, моя утраченная любовь! Анна заслужила свою смерть за то, что сотворила с ним: за то, что сама выбросила его в окно или заставила выброситься. Она убила моего возлюбленного и сегодня казнена за это. Ее смерть — справедливое наказание для нее!

— Что скажете об этих золотых кистях из Фландрии? Я хочу отделать ими подол вашего платья, — спрашивал меня тем временем мистер Скут. — Они очень красивые и очень дорогие. Король велел мне не скупиться, когда я буду шить для вас ваш свадебный туалет.

— Пусть будут золотые кисти, мистер Скут. В конце концов, свадьба бывает только раз в жизни.

Услышав это, мистер Скут прервал свою работу и улыбнулся мне:

— Осмелюсь заметить, мисс Сеймур, я несказанно рад тому, что день вашей свадьбы наконец-то настанет. Помните, как много лет назад вы попросили меня отложить работу над вашим прежним свадебным платьем — голубым с кремовыми нижними юбками? Кто бы мог подумать, что теперь я буду готовить наряд, в котором вас поведет под венец сам король. Для меня это — огромное удовольствие и великая честь.

— Благодарю вас, мистер Скут. Я и сама не могла вообразить себе, что такое возможно. Давайте надеяться, что все, что ни делается, — к лучшему, и молиться за это. Я уверена, что на мне будет самый красивый наряд, который только видели при дворе.

Король прислал не меньше дюжины повитух осмотреть меня, и все они признали меня вполне способной к зачатию. И еще он прислал астрологов, чтобы они составили мой гороскоп, который, по их уверениям, оказался в высшей степени благоприятным. Была только одна маленькая тень на солнечном горизонте нашего будущего брака, но тогда я почти не думала об этом.

Вечером накануне свадьбы король дал торжественный ужин, со смехом заявив мне, что он должен отпраздновать «последнюю ночь своей свободы».

При этих словах короля сердце мое как будто бы сжала ледяная рука страха.

— Что вы хотите этим сказать, Ваше Величество? — спросила я, стараясь, чтобы мои слова звучали легко и шутливо. — Неужели вы думаете, что я лишаю вас вашей свободы, ограничиваю вас?

Я вспомнила, что сказал Генрих, когда я заявила ему, что мне нужно поговорить с Недом по поводу нашего брака. Он сказал, что Нед поздравит меня с тем, что я сумела пленить самого короля.

— Ты поймала меня в свою золотую сеть, милая Джейн, — последовал теперь легкомысленный ответ моего жениха, но я услышала в нем легчайшую нотку досады, которая меня встревожила.

— Если желаете, — продолжала я, — мы можем пожениться осенью. И тогда вы сможете наслаждаться вашей свободой все лето.

Но он только привлек меня к себе и держал так крепко, что я почувствовала, как мой драгоценный кулон на шее глубоко впился в мою плоть.

— Я женюсь на тебе завтра и ни днем позже, — заявил он голосом, не терпящим возражений. — И никто другой мне не нужен.

Но на ужине мой будущий муж засмотрелся на двух очень хорошеньких молодых девушек, а затем начал оказывать им знаки внимания. Это были сестры, дочери сэра Ричарда Вигмора: светловолосые, с ямочками на щеках — вылитая Мэдж Шелтон, — только эти были гораздо моложе и стройнее. Держали они себя со скромностью и застенчивостью, всегда привлекавшей короля.

Он флиртовал с обеими девушками и танцевал с ними (я не слишком искусна в танцах, потому предпочитаю не показывать свою неуклюжесть всему двору, и король не настаивает). Но когда танцы кончились, Генрих продолжал со смехом болтать с юными красавицами, а я вдруг почувствовала себя брошенной. Раньше я часто наблюдала, как он пренебрегал Анной, намеренно выказывая предпочтение другой женщине, чтобы позлить ее. Вспомнила и то, что, когда я только появилась при дворе, король точно так же вел себя и по отношению к Екатерине. Но в том и в другом случае намерения его были очевидны: он хотел побольнее ранить ту, которая вызвала его неудовольствие.

Неужели и теперь он делал то же самое? Тогда в чем я провинилась? Или я не так истолковала его интерес к этим прелестницам? Может быть, он вовсе не хотел меня оскорбить, а просто пришел в веселое расположение духа и желал продлить удовольствие от невинного флирта? Или тщился показать всему двору, какой он до сих пор сильный и привлекательный мужчина, и не только для своей невесты, но и для молоденьких девушек?

А потом я услышала слова, поразившие меня в самое сердце: мимо меня проходил посол Шапуи, разговаривавший с Чарльзом Стэнсби — молодым человеком, недавно ставшим

придворным короля, с которым я не была знакома. Оба чему-то смеялись. Посол говорил очень тихо, но тут музыканты на минуту прекратили играть, а слух мой всегда отличался остротой, и я услышала, как он сказал своему собеседнику:

— Она — ничто! Про таких говорят: «Из грязи да в князи». Королю нужно лоно, способное выносить наследника, и ее попало ему первым.

Конечно же, посол говорил обо мне — я была в этом уверена.

Глаза мои наполнились горячей влагой, которую я тут же смахнула. Неужели Шапуи выразил мнение всего двора? И, что важнее всего, — неужели это правда? Значит, Генрих выбрал меня только потому, что я — верная, милая Джейн, готовая подчиняться и не опасная для него, — оказалась под рукой?

Король повернулся ко мне, и я торопливо вытерла глаза еще раз, чтобы он не увидел моих слез. Перед тем как взять меня под руку, он обернулся к сестрам Вигмор и, смеясь, произнес:

— Прощайте, красавицы! Жаль, что не познакомился с вами до того, как решил жениться на мисс Сеймур!

Девушки захихикали, король расхохотался, а я, как могла, попыталась принять участие в общем веселье. «Он хотел только польстить сестрам Вигмор, он не собирался унижить меня, — сказала я себе, — не стоит волноваться на пустом месте».

Но укол ревности и досады я все равно почувствовала. Глубоко в душе я знала, что мой будущий муж говорил серьезно: сегодня, в вечер перед нашей свадьбой, он вдруг пожалел, что попал в мою золотую сеть, и пожелал разорвать сковывавшие его драгоценные нити.

Мы сочетались браком рано утром в моих личных покоях в Уайтхолле. Церемония проводилась в частном порядке и только в присутствии избранных. Был месяц май, и стены небольшого зала были щедро украшены цветущими ветвями, высокие вазы полны цветов, источавших нежные ароматы. Генрих принес мне венок из цветков персикового дерева, который я вплела в волосы. В тот день они были распущены и волной падали мне на спину до пояса, как больше всего нравилось королю.

Мой свадебный наряд вызвал, как я и ожидала, восхищение собравшихся. Наши немногочисленные гости очень лестно отозвались о моей внешности, однако, уверена, будь на моем месте Мэдж Шелтон, их комплименты носили бы более цветистый характер.

— Милая моя девочка! — сказал мой супруг, целуя меня в щеку. — Теперь, когда мы — одно целое, самое время задуматься о большой семье.

В последний момент перед церемонией возникла непредвиденная трудность: я и король оказались кровными родственниками. Королевский герольдмейстер обнаружил, что мы — брат и сестра в третьем колене^[85]. Если бы Англия все еще находилась под властью Рима, мы должны были бы получить особое разрешение от Папы, но теперь Генрих легко отменил это препятствие, сочтя его ничтожным.

Я сама, как невеста, выбрала себе подружек на церемонию: ими должны были стать две мои придворные дамы: Бриджит Уингфилд и Энн Кейвконт, а также — с дозволения короля — моя бывшая невестка Кэтрин Филлол-Сеймур. Как оказалось, присутствовать на бракосочетании смогла только Бриджит. Она добросовестно выполнила все, что от нее требовалось, с приличествующей случаю улыбкой на своем очаровательном лисьем личике, но без восторга и искренней радости. Энн Кейвконт была слишком больна — опухоль у нее в боку выросла еще больше и, казалось, вытягивала из нее все ее силы. Что же касается Кэт, то в ответ на мое приглашение она написала, что не может приехать на свадьбу, но была бы очень признательна, если я смогу в ближайшее время принять ее. Я согласилась не раздумывая.

Когда Кэт прибыла ко двору, я была поражена переменами в ее внешности. Она была одета как послушница. Оказалось, что она готовится принять постриг и стать одной из монахинь в обители Святой Агнессы.

Кэт опустилась передо мной на колени, но я тут же подняла ее и крепко обняла:

— Кэт, моя дорогая Кэт! Позволь лучше рассмотреть тебя. Я всегда считала, что ты рано или поздно станешь монахиней. Пусть Господь сопутствует тебе на этом поприще!

Кэт поцеловала меня и пожелала счастья.

— Наша настоятельница разрешила мне ненадолго оставить обитель, чтобы встретиться с тобой, Джейн, — сказала она, когда мы сели. — Взываю к твоему благочестию и милосердию.

Кэт замолчала, и я сделала ей знак, чтобы она продолжала.

— Мы узнали, что король собирается закрыть наш монастырь и продать наше имущество, — промолвила Кэт. — Он считает, что ему удастся получить от этой сделки

хорошие деньги, потому что наша святая сестра Елизавета, известная как Кентская Монахиня, жила среди нас и творила в этих стенах свои чудеса. Наш монастырь — место особое, исполненное святости и благодати, оно не должно попасть в руки светского владетеля. Оно не должно быть осквернено. Мы особо чтим одну из реликвий, связанных со святой Елизаветой. С ее помощью не раз совершались чудеса, до сих пор она исцеляет болящих и помогает страждущим, хотя нашей сестры больше нет с нами. Мы верим, что часть чудесной силы святой Елизаветы перешла на нее, и если реликвию перенести в другое место, эта сила может иссякнуть.

— Возможно, новый владелец обители будет чтить реликвию не меньше вашего, — заметила я, в глубине души не слишком убежденная в собственных словах.

— Если бы только мы могли быть в этом уверены, — ответила Кэт. — Если бы нам — сестрам и послушницам — было позволено остаться в обители и выполнять то, к чему мы призваны. Взываю к тебе, Кэт, ибо король любит тебя! Убеди его оставить нам наш дом, и мы по-прежнему будем держать его открытым для страждущих и нуждающихся. Иначе наша обитель разделит печальную участь многих английских монастырей и храмов.

Просьба Кэт затронула особую струну в моем сердце, хотя я, истинная дочь нашей новой церкви, и не поддерживаю католических обрядов. Однако я с благоговением отношусь к чудесам, творимым в святых местах.

Я прекрасно знала о том, что мой супруг приказал разрушить многие дома господни, что все больше монастырей переходит в частные руки и превращается в поместья, а то и вовсе сравнивается с землей.

Нед растолковал мне, какие неисчислимы выгоды приносит королевской казне продажа бывших церковных земель. «Клерки казначейства даже назвали поступления от таких продаж денежками монахов», — добавил Нед с улыбкой.

Мой брат сам неплохо нажился, когда король передал ему несколько бывших монастырей, окруженных тысячами акров плодородных земель. После моего замужества Нед не только стал богаче, но и получил титул виконта Бичема. Он не выставлял напоказ свое новое высокое звание, но я знала, что он гордится им. К чести Неда, мой брат сдержал обещание и ввел своего сына Генри в семью. Со временем, надеялась я, поместья, титулы и деньги Сеймуров, включая и «денежки монахов», перейдут к моему племяннику.

Хотя просьба Кэт и бедственное положение монастырей в нашей стране волновали меня, должна признаться, что я сама получила кое-какие блага от перехода церковных земель в королевскую казну. После свадьбы король даровал мне более сотни поместий и пять замков с лесными угодьями. Среди моих владений было немало бывших монастырских наделов и зданий. Размеры этого щедрого дара я сперва даже не в силах была представить себе, но с течением времени осознала, что теперь я — богатая женщина. Тем с большим удовольствием давала я своим альмонариям^[86] поручения на раздачу щедрой милостыни и других благ.

Нищие, ежеутрене и ежевечерне собиравшиеся у дворцовых ворот, лондонские бедняки, приходившие во двор собора Святого Петра, разорившиеся крестьяне из деревень, окружавших столицу, — все они сходились в ожидании щедрот «доброй королевы Джейн», как они теперь называли меня. У меня сердце радовалось от того, что я хоть как-то могу помочь им справиться с жестокой нуждой.

И в то же время я знала, что большую часть пожалованного мне королем состояния составляют «денежки монахов», и глубоко сожалела об этом. Теперь же, когда я узнала от

Кэт, что обитель Святой Анны будет обращена в доход казне и, скорее всего, разрушена, как и другие наши монастыри, я испытала глубокую скорбь.

— Дорогая Кэт, я сделаю все, что смогу, — заверила я свою бывшую невестку.

Однако это обещание я давала с тяжелым сердцем. Я слишком хорошо изучила своего супруга, чтобы не сомневаться: для него обитель Святой Агнессы была очередным монастырем, который надлежало закрыть и продать тому, кто даст за него больше денег, дабы еще больше умножить поступления в государственную казну.

Сейчас Генрих предвкушал наше летнее путешествие — он хотел посетить как можно больше мест, знаменитых своей охотой, ибо это времяпрепровождение было любимым у короля в летний сезон. В то же время он уверил меня, что далеко мы не поедem, ибо я не должна утомляться, когда настанет мой срок понести. Король с нетерпением ждал, когда я обрадую его вестью о том, что наконец в тягости. Излишне говорить, что я всем сердцем стремилась к тому же. Как же мне хотелось дать Генриху сына, а еще лучше двух сыновей или даже больше, если на то будет воля Господа. В самые первые недели после нашей свадьбы любые сомнения относительно мужской силы короля, которые в свое время усиленно подогревались Анной, развеялись. На моем ложе Генрих не ведал усталости и вполне справлялся со своими обязанностями супруга, то есть, если пользоваться его собственным выражением, он во всеоружии прибыл на турнир любви и вышел победителем.

— Нравятся ли тебе наши совместные утехи, моя застенчивая Джейн? — неизменно спрашивал он меня, удовлетворив свое желание и протягивая руку к бокалу с вином, стоявшему на столе у нашего ложа.

Я всегда уверяла короля в том, что благодаря его любви чувствую себя счастливой женой, которая скоро надеется стать не менее счастливой матерью. Я видела, что он нуждается в этих словах, ибо, услышав их, он улыбался, отворачивался от меня и спокойно засыпал, похрапывая во сне.

Вообще-то, я не могу здесь не написать, что же я на самом деле чувствовала. Когда-то познав с Гэльоном красоту и богатство плотской любви, я не могла получать удовольствие от совокуплений с королем: энергичных, но незатейливых, больше похожих на проявления животной похоти. Нашему супружеству недоставало нежности, страсти, той глубокой связи, которые делают два любящих сердца и тела единым целым. У меня в жизни была и такая страсть, и такая нежность. Никакой другой мужчина не мог снова дать мне их, или мне тогда так казалось.

Более всего в моем браке с королем я стремилась к тому, чтобы произвести на свет наследника трона, а потом и брата ему, а потом и других детей, сколько Богу будет угодно. Я надеялась, что астрологи правы и звезды нам благоприятствуют.

Наш отъезд в сельские поместья был отложен по очень важной причине: началась подготовка моей коронации и всех связанных с нею торжеств. Генрих заявил мне, что желает устроить величественное зрелище, которое лондонцы запомнят на многие годы.

— Моя коронация затмит коронацию Анны? — спросила я.

Я слишком хорошо помнила прошлые торжества: длинную процессию в роскошных одеждах, тщательно разыгрываемые актерами сцены, сотни лодок на реке, сотни солдат и музыкантов — и безмолвную до поры до времени толпу жителей Лондона по обеим сторонам дороги, не желавших приветствовать ненавистную королеву.

— Конечно, затмит, — весело отвечал король. — И событие это уж точно будет гораздо более радостным. И самым грандиозным из всех, которые когда-либо знаменовали собой

восшествие женщины на престол. Я сам напишу музыку. Пусть актеры разыграют десять... нет, дюжину представлений. Я всегда мечтал поставить спектакль, в котором участвовали бы девять муз. — Король в задумчивости потер подбородок. — Представь себе — их будет изображать девять прекрасных женщин, одна красивее другой. Ты будешь Каллиопой — предводительницей муз. Правда, она певица, а ты ни одной ноты не можешь толком взять.

Тут мой супруг был прав — певческий голос у меня начисто отсутствует. Честно говоря, я не пою, а квакаю, как лягушка.

— Неважно, — продолжал с воодушевлением мой муж. — Мы найдем кого-нибудь, кто будет сидеть рядом с тобой и петь вместо тебя. А Мэдж будет Эрато, музой любовной поэзии...

— При чем здесь Мэдж? Пусть Эрато изображает Бриджит. Или еще кто-нибудь из моих придворных дам.

Я не хотела, чтобы Мэдж Шелтон, прежняя возлюбленная моего мужа, вернулась ко двору и снова оказалась рядом с ним. И неважно, что она была замужем — короля такие вещи никогда не останавливали. Впрочем, я не питала иллюзий относительно его верности. Мы ведь заключили наш союз не по страстной любви, а только по взаимной привязанности, а Генрих никогда не был верен ни одной из своих жен или возлюбленных.

— Пусть будет Бриджит, я согласен. А Фрэнсис, дочка лорда Уичерли, та, что так изящно танцует, выступит в роли Терпсихоры^[87].

Он продолжал весело подбирать самым красивым придворным дамам соответствующие их талантам роли, пока я не попросила его так сильно не увлекаться. Король легкомысленно махнул рукой:

— Неужели ты не понимаешь, Джейн, что я хочу подарить жителям моей столицы прекрасное и запоминающееся зрелище. Им оно понравится, и они полюбят меня еще сильнее. Вот увидишь, Джейн! Я закажу возведение девяти сцен для девяти муз моей Службы королевских работ^[88]. Все мои художники и ремесленники будут брошены на выполнение этого заказа. У нас на коронации будут детские хоры, акробаты, актеры, музыканты... — Он замолчал и внимательно взглянул на меня. — Джейн, что ты обо всем этом думаешь? Может быть, мне поставить мою пьесу? Ту самую — об Иезавели. Я ее не закончил, но обязательно допишу, сам проведу репетиции с актерами, подберу исполнителей для сотни любовников Анны...

Я покачала головой:

— Лучше в такой день не напоминать о прошлом, Ваше Величество.

— Ты права, Джейн. Спрошу-ка я Кромвеля, что он об этом думает.

Я была уверена, что лорд-канцлер согласится со мной: разыгрывать пьесу о казненной королеве в день коронации новой правительницы будет по меньшей мере бестактно. Я очень надеялась, что король откажется от своей дикой причуды.

Наконец порядок коронационного шествия и последующих торжеств был утвержден королем, он отдал соответствующие приказы и распоряжения, и работа закипела. В последних числах июня мы смогли отправиться в наше летнее путешествие по замкам и поместьям. Двигался королевский двор медленно: по дорогам тянулись сотни повозок, груженных сундуками, корзинами и ящиками с утварью, припасами, одеждой. Разъезжали вооруженные эскорты королевских всадников. Никогда еще королевский поезд не был таким протяженным. Одна только охотничья палатка короля и ее внутреннее убранство было погружено на двадцать телег, следовавших за нами, хотя король редко ею пользовался.

Сначала мы направились в Дуврский замок, где Генрих лично проверил каждый дюйм могучих береговых укреплений, дабы убедиться в их готовности к отражению врага. Дувр был естественным местом высадки любой неприятельской армии, поэтому король ревностно следил, чтобы стены замка всегда были крепки, а под ними не оставалось скрытых подземных туннелей, позволявших противнику проникнуть в сердце этой укрепленной цитадели. Ни один иностранный солдат не должен был вступить на наш зеленый остров.

После нескольких дней, когда король охотился, мы двинулись в направлении Рочестера, несмотря на то, что постоянные дожди затопили дороги. Там мы гостили у владельцев многочисленных поместий, которые изо всех сил старались достойно принять обширный королевский двор.

Однако охота в тот год была неважная, и король пребывал в дурном настроении. Все же я набралась смелости и решила попросить его позволения посетить обитель Святой Агнессы, которая оказалась совсем рядом с маршрутом нашего следования.

— Ваше Величество, — обратилась я к нему, — не позволите ли вы мне отправиться в паломничество в монастырь Святой Агнессы. Там находится чудотворная реликвия, оставшаяся от Элизабет Бартон. Я бы хотела попросить Господа помочь мне зачать.

— Элизабет Бартон? Проклятая Кентская Монахиня?

— Многие бесплодные женщины, посетив монастырь, родили прекрасных сыновей.

Генрих посмотрел на меня недоверчиво:

— Кентская Монахиня действовала по указке императора Карла. Она была дурной женщиной.

— Тем не менее, Ваше Величество, если вы дадите свое позволение, я бы хотела взять с собой мою фрейлину Энн Кейвкант. Она очень страдает от опухоли в боку.

Глаза короля подернулись дымкой. Видно было, что он очень устал. Он уже хотел сказать «нет», но сдался, не желая тратить силы на споры.

— Ладно, Джейн, если тебе так угодно, — он махнул рукой. — Но помни — мне не нравится, что ты поклоняешься лжепророкам. Ты теперь королева и каждый твой шаг на виду. Любое твое слово, любое твое действие должно быть направлено на поддержку трона, а не на подрыв его устоев. Общеизвестно, что Кентская Монахиня была казнена за измену.

Несмотря на предупреждение короля, я не отказалась от своей идеи. Признаюсь, что я с тайным удовольствием решила действовать наперекор своему супругу. Слуги отнесли совсем ослабевшую Энн Кейвкант в карету, и мы тронулись в недолгий путь до обители.

Двор монастыря Святой Агнессы был запружен паломниками. Все эти люди прибыли сюда в надежде дотронуться до золотого реликвария, где хранился окровавленный обрывок сорочки, которая была на Кентской Монахине в день казни. По слухам, этот клочок ткани обладал чудодейственной силой.

Мое прибытие вызвало переполох. Пилигримы обступили меня, славя как «добрую королеву Джейн». Одни просили милостыню, другие умоляли о заступничестве, третьи передавали прошения или заклинали обратиться к королю от их имени. Я уже начала привыкать к такому отношению ко мне простого народа. Вот и сегодня я пообещала всем просителям, что уделю внимание их делам, но не позволила себе отвлечься надолго. Ведь я прибыла в монастырь, чтобы увидеться с Кэт и облегчить страдания моей фрейлины.

Войдя в здание монастыря, я тут же направилась в небольшой зал, где стоял реликварий,

и велела слугам нести туда же Энн. Больную положили на деревянный помост рядом с алтарем, на который был водружен реликварий. Энн была бледна и лежала неподвижно с закрытыми глазами и едва дыша. Последние несколько недель нам казалось, что она вот-вот покинет этот мир. Приходивший осматривать ее королевский лекарь ничем не мог ей помочь, а лишь бормотал что-то о водянке и разводил руками.

Я опустила на скамью перед алтарем и почувствовала, как на меня снисходят покой и умиротворение. Заботы отлетели прочь, а вместо них пришла и укрепилась надежда на лучшее.

Мимо меня проходили люди — молодая мать с плачущим младенцем на руках, женщина, которая вела за руку слепого, пары, двигавшиеся крепко обнявшись и словно ища опоры друг в друге, несчастный, который медленно прополз мимо меня на коленях, но они ничем не нарушали поселившегося внутри меня спокойствия.

Только когда я услышала, что кто-то прошептал мое имя и увидела Кэт в сером облачении послушницы, опустившуюся на колени передо мной, я смогла сбросить с себя приятное оцепенение.

Я обняла Кэт и подняла ее с колен.

— Дорогая моя Джейн... то есть, я хотела сказать, Ваше Величество... — робко начала она.

— Кэт, милая Кэт, останемся сестрами, как раньше. Нет нужды величать меня со всеми титулами.

Она улыбнулась:

— Тогда, моя дорогая сестра, не проследуешь ли ты со мной в беседку, где мы могли бы поговорить.

Кэт провела меня в маленький садик, тишину которого почти не нарушали редкие приходы и уходы других монахинь. Я рассказала ей о ее сыне Генри, о том, что Нед взял его к себе в дом и старается быть для него хорошим опекуном.

— Я стольким тебе обязана, Джейн, — сказала Кэт. — Если бы не ты, я бы до сих пор сидела взаперти в келье, а судьба Генри могла бы сложиться очень печально.

Ни одна из нас не упомянула о Джоне, но я точно знала, что мы обе думаем о нем.

Кэт помолчала, а потом вздохнула и решилась:

— Джейн, дорогая, сможешь ли ты спасти нашу обитель?

— Не знаю. Я еще не говорила с королем. Я должна очень тщательно выбрать момент, чтобы обратиться к нему с просьбой сохранить ваш дом. Он убедил себя в том, что все монастыри — прибежища порока и должны быть уничтожены. То, что он наживает на этом, в его глазах кажется добродетелью, — я тяжело вздохнула. — Король — умелый спорщик. Он может убедить любого в том, что сейчас темная ночь, а не белый день.

— Должна признать, что в его словах о монастырях есть зерно истины, — сказала Кэт. — За многие века среди монахов и монахинь наверняка были те, кто нарушал заповеди. Но ведь не только этим известны дома Господа, они славны добрыми делами, которые многократно перевешивают грехи. Теперь, когда я стала одной из сестер нашей обители, я собственными глазами вижу, сколько полезного совершается в этих стенах, и стараюсь участвовать по мере моих скромных сил. Мы всегда принимали у себя голодающих крестьян в годы неурожая, прятали беженцев — жертв войн между землевладельцами. Этот монастырь почти три века стоял на этой земле как оплот милосердия и божественной любви среди моря человеческой жестокости. А что будет с чудотворной реликвией? Если король

продаст монастырь, новые владельцы наверняка решат снести его. Куда же тогда смогут податься крестьяне? Где найдут они помощь и убежище? И где смогут болящие молить о выздоровлении? У нас ведь были случаи чудесного исцеления — и я тому свидетельница.

— Постараюсь не уступить тебе в красноречии, когда буду просить короля сохранить обитель. Сделаю все, что в силах человеческих, — твердо пообещала я Кэт.

Мы вернулись в зал с реликварием, перед которым Энн Кейвкант продолжала лежать без движения. Мы с Кэт опустились на колени и помолились, а потом моя бывшая невестка удалилась, а я осталась, предаваясь благочестивым раздумьям и впитывая благословенный дух этого места, куда не доходили никакие земные заботы. Вечером нам предложили ночлег здесь же, в обители, и я заснула крепко как младенец на жестком ложе под тоненьким одеялом, хотя ночной воздух был не по-летнему холоден.

На следующее утро я отправилась проведать Энн и к своей несказанной радости заметила, что щеки ее немного порозовели. Она открыла глаза и с удовольствием отдалась в руки служанок, которые омыли, одели и покормили ее. Ее вновь отнесли в зал с реликварием, и я возобновила свое бдение подле нее. С каждым часом лицо моей фрейлины оживало, глазам возвращался прежний блеск, а тело наполнялось новыми силами. Время для меня пролетело незаметно, настолько глубоко погрузились мы в окружающую нас благодать.

Уже на следующий день Энн самостоятельно садилась в постели и пыталась ходить, опираясь на руку служанки. Страшные боли, мучившие ее все последнее время, отступили, и в ее неверных движениях была лишь неловкость от долгого лежания. И наконец — вот уж чудо из чудес, — когда Энн позволила мне дотронуться до опухоли, она показалась мне как будто бы съжившейся, уменьшившейся в размерах. Вечером в отведенной мне келье Энн без всякого стеснения расшнуровала лиф и повернулась ко мне боком: на месте опухоли остался только ярко-красный прыщ размером с грецкий орех.

— Благодарю тебя, Господи! — возликовала я столь громко, что нарушила покой монашек. Впрочем, мне тут же было даровано прощение за невольное святотатство, когда Кэт привела сестер засвидетельствовать чудесное исцеление Энн.

На следующее утро мы покинули обитель, чтобы присоединиться к королю, переезжавшему со всем двором в очередной замок, и сердце мое было возвышенно и преисполнено тихой радостью. Я чувствовала, что в том месте, где жила когда-то Кентская Монахиня, нас коснулась длань Господня, ибо Бог по-прежнему пребывал там. Я молилась за то, чтобы мне удалось уговорить короля оставить монастырь в неприкосновенности, дабы многие поколения страждущих смогли в будущем поклониться святыни, получить благословение и исцеление от недуга.

Стоило нам присоединиться ко двору, как я, не теряя времени, отправилась вместе с Энн Кейвкант на встречу с королем. Мой супруг сидел у окна в окружении своих собак и егерей и смотрел, как за окном поливает дождь, испортивший его сегодняшнюю охоту.

Энн улыбалась и сияла здоровьем. Разница между полутрупом, который я увезла, и выздоравливающей молодой женщиной была столь велика, что король изумился.

— Я искренне рад, ты отлично выглядишь! Надеюсь, твое выздоровление продолжится, — сказал он Энн, стараясь держаться как можно более учтиво. — Хотел бы я

найти наконец средство вылечить мою проклятую ногу! — мрачно добавил он.

— Вы должны съездить в обитель Святой Агнессы, — отважно заявила Энн. — Священная реликвия вам поможет.

Король бросил на нее взгляд, полный раздражения.

— Вера не нуждается в реликвиях и святынях, — резко сказал он. — Тебя исцелила твоя вера. Вера в Господа нашего, а не в какую-то умершую монахиню.

По моему знаку Энн незаметно выскользнула из комнаты. Честно говоря, лучше бы мне было тогда же последовать за ней, ибо мой супруг пребывал в мрачном расположении духа, как и всегда, когда его мучили боли в ноге, и искал, на ком бы сорвать раздражение. Но меня буквально переполняло счастье и восхищение чудесным исцелением Энн. Я чувствовала, что должна немедленно поделиться с королем этим чувством. В тот день моя восторженность взяла верх над обычной рассудительностью.

— Вы позволите, Ваше Величество? — спросила я, делая знак, что хочу сесть напротив него. Генрих кивнул.

Мне было трудно сдержать себя, однако я молчала, выбирая нужный момент, чтобы начать свою речь. Генрих сидел, глядя на дождь за окном и рассеянно поглаживая огромные головы собак, обступивших с высунутыми языками своего обожаемого хозяина.

— По большому счету, Ваше Величество, какая разница, что явилось причиной победы над недугом Энн? — осторожно начала я. — Знаю только, что ее, умирающую, внесли в обитель, а из нее она, можно сказать, вышла на своих ногах. Кто может с уверенностью сказать, какая божественная воля действовала в этот раз? Верите ли вы, супруг мой, что реликвии являются средоточием духовных сил?

— А еще эти силы призывают себе в помощь демоны и ведьмы, — сердито заметил король.

Он не глядел на меня, а продолжал чесать за ушами собак и смотреть на дождь. Внезапно он неловко встал на ноги, морщась от боли. Потом он решительно направился к двери, но перед тем, как уйти, обернулся ко мне.

— В любом случае это не имеет значения, — бросил он. — Обитель продана сэру Генри Бедингфилду. Через несколько месяцев ее сотрут с лица земли.

— Нет, нельзя допустить этого! — Я вскочила на ноги, подбежала к мужу и опустилась перед ним на колени, сложив руки в мольбе. — Обитель — святое и особенное место. Сотни людей исцелились там. Я сама почувствовала божественное присутствие. Я своими глазами увидела, как Энн почти что вернулась с того света. Это было невероятно, похоже на... на воскресение из мертвых. Настоящее чудо! Зачем же уничтожать то место, где эти чудеса происходят?

Видимо, я зашла слишком далеко, потому что король яростно взревел:

— Ни слова больше! И не перечь мне, Джейн. Я совсем не расположен сейчас вести споры.

Он раздраженно огляделся по сторонам:

— Где моя трость?

Один из слуг бросился вон из комнаты.

— Вставай, — велел мне король.

Я поднялась с колен. Лицо у меня было мокрым от слез, сердце отчаянно билось. Я чувствовала, что мой чепец сбился и криво сидит на голове.

— Как же ты мне надоела со своим благочестием, молитвами, всякими там

скамеечками, подушечками и аналоями! — воскликнул мой муж. Он даже плюнул в сердцах, и собаки в испуге шарахнулись в сторону. — Ты что, слепая? Провела при дворе столько лет и до сих пор пребываешь в счастливом неведении? Да ты хоть понимаешь, что на деньги, поступающие в мою казну от продажи этих домов порока, этих оплотов зла, где столетиями безнаказанно предавались всем возможным грехам, — на эти деньги я могу противостоять армиям императора, который спит и видит, чтобы завоевать нашу милую Англию! На что экипируются солдаты, на что строятся и поддерживаются укрепления и замки? Ты что, воображаешь, что золотые монеты падают к нам в руки, подобно манне небесной? Если уж тебе так хочется помолиться, Джейн, то становись на колени и хорошенько попроси Господа дать нам пушки, корабли и оружие, попроси денег, чтобы выучить ополченцев ратному искусству и заплатить лучшим наемникам с континента. Вот какое чудо нужно Англии! А монахи и монахини с их драгоценными реликвиями могут провалиться в преисподнюю — я и пальцем не пошевелю!

Слуга, запыхавшись, вбежал с золотой королевской тростью и с поклоном подал ее Генриху. Король грубо схватил ее и тяжелым шагом двинулся прямо на меня. Мне пришлось посторониться, и мой супруг проследовал мимо, ударяя тростью в пол с такой силой, словно под ногами у него лежало войско ненавистного императора.

— Черт бы побрал тех, кто сует свой нос не в свое дело! — пробормотал он, выходя из комнаты. А затем уже громко добавил: — Можешь забыть о коронации, Джейн. Не желаю даже слышать об этом!

Тишина той темной летней ночи в Коулхилле была нарушена скрипом колес повозки, заехавшей во двор поместья, где остановился королевский двор. Генрих разбудил меня, он выглядел обеспокоенным и подавленным. Мы услышали голоса стражников во дворе, подошли к окну и увидели, как зажглись факелы и забегали разбуженные слуги. Молодой месяц низко стоял на небе, и я поняла, что до рассвета остается еще несколько часов.

Один из приближенных короля осторожно постучался в дверь наших покоев и попросил короля срочно спуститься на конюшню. Мановением руки остановив подбежавших слуг, король вышел во двор, а я последовала за ним. Мы оба были в одних ночных сорочках и только набросили на себя одеяла для тепла. На противоположной стороне двора в тени стены стояла простая телега, заваленная соломой. Солому отодвинули, и нашему взгляду предстал длинный свинцовый ящик без всяких надписей и украшений.

— В нем — принц, — тихим голосом произнес наш провожатый. — Ваш приказ выполнен, Ваше Величество. Его тело отвезут в Тетфорд и там похоронят.

— Был ли с ним священник, когда он умирал?

— Не могу знать, Ваше Величество. Принцу было очень плохо, он страшно похудел, осунулся. Под конец он уже никого не узнавал.

Я увидела, как плечи моего мужа опустились под гнетом этих ужасных слов.

— Поезжайте, — промолвил он через некоторое время. — Не нужно ни похорон, ни надгробья. Положите его в склеп. Так он упокоится в освященной земле.

Он повернулся и ушел, не дожидаясь, когда свинцовый гроб вновь скроют соломой и повозка возобновит свой путь.

Смерть вечно больного Генри Фицроя оказалась внезапной и омрачила наше путешествие. Мой супруг распорядился, чтобы его кончину держали в тайне. Он сказал, что его враги не должны узнать о том, что Англия лишилась наследника, поскольку двадцатилетняя Мария и трехлетняя Елизавета были объявлены Парламентом незаконнорожденными.

Глаза всех придворных были устремлены на меня. Почему я еще не ношу под сердцем королевское дитя? Может быть, со мной что-то не так? Неужели правитель и его подданные вновь будут разочарованы?

«Я совсем недавно вышла замуж», — хотелось мне крикнуть тем, кто украдкой бросал взгляды на мой по-прежнему стройный стан. «Скоро, очень скоро я понесу! Дайте мне время!» Я вставала на колени на подушку, подаренную мне Екатериной, и молилась о том, чтобы Господь послал нам с мужем сына.

Молитвы мои были в то лето особенно горячи и истовы, ибо король пребывал в совершенно смятенном состоянии духа. Смерть Генри Фицроя разбудила и усилила его суеверные страхи. Теперь ему казалось, что казнь Кентской Монахини не сняла с него тяжесть давнего проклятья, ведь великая и загадочная сила этой женщины жила даже в

оставшихся после нее реликвиях.

— Я не должен был продавать обитель Святой Агнессы, Джейн, — признался мне король, когда мы с ним вместе сели за стол.

Накануне ночью тело Генри Фицроя доставили в поместье, где мы находились, и хотя мы уже собирались ехать дальше, Генрих решил задержаться. «Я должен отдохнуть, — заявил он. — Дайте мне хоть пару дней, чтобы опомниться после смерти сына».

Мы остались в Коулхилле и в полдень сели за стол.

— Ты слышала, что я сказал? Продажа этой обители была ужасной ошибкой.

Я видела, что еда на серебряном блюде перед моим мужем осталась нетронутой: куски мяса висят ароматной сочной горкой, ломоть белого хлеба из муки тонкого помола так и не преломлен, кубок вина почти полон. Обычно румяное лицо короля посерело, как и небеса на всем нашем пути в то лето. Морщины под глазами и вокруг рта стали как будто бы глубже от горя, щеки запали.

— Ты слушаешь меня, Джейн? — напустился он на меня. — Как можешь ты спокойно есть? Почему ты не в трауре по умершему принцу? Почему, черт возьми, ты не в черном?

Я отложила нож и кусок хлеба^[89], тщательно вытерла руки и губы салфеткой, расправила юбку своего платья из переливчатого золотистого шелка и только потом заговорила:

— Простите меня, Ваше Величество, но вы сказали, что не желаете, чтобы мы носили траур по принцу. Вы запретили нам провожать его в последний путь и даже помолиться на его могиле в Тетфорде.

— Я сам знаю, что я говорил! Сейчас же надень черное платье! Ты меня оскорбляешь, щеголяя в золотых шелках!

Я удалилась, чтобы переодеться, надеясь, что за это время король немного успокоится. Но когда я вновь вышла к столу в наряде из черного бархата и села на свое место, стало очевидно, что мой супруг по-прежнему расстроен и зол. Он бросил на меня мрачный взгляд и изрек:

— Ну что? Ничего не хочешь мне сказать?

— Я сделала, что вы велели, Ваше Величество. Теперь я в трауре.

— Что ты думаешь про монастырь Святой Агнессы?

— Мне жаль, что его продали.

Король резко поднялся из-за тяжелого дубового стола, схватившись за край так сильно, что стол заходил ходуном. Мой кубок с вином опрокинулся.

— Почему ты не сказала этого раньше! — это был не вопрос, а порицание.

Стало ясно — что бы я сейчас ни сказала и ни сделала, все будет не так.

Я встала из-за стола со словами:

— Позвольте мне удалиться, Ваше Величество.

— Сядь, Джейн, и ответь мне.

Молясь в душе, чтобы Господь дал мне терпения, я вновь заняла свое место. К моему облегчению, король тоже опустил в кресло. Стараясь говорить как можно спокойнее, я произнесла:

— Я пыталась убедить вас, Ваше Величество, что не следует продавать монастырь. Однако вы не вняли моим мольбам. Осмелюсь напомнить, вы сильно разгневались на меня тогда, как сердитесь и теперь.

— Тебе нужно было получше попросить меня, — пробурчал король, немного ослабив

резкость своего тона. Он наполнил кубок вином и осушил его одним глотком. — Подумай, что ты наделала! Не использовав хорошенько все свои доводы, на которые ты мастерица, ты стала орудием свершения проклятия Кентской Монахини. Теперь ее гнев вновь пал на меня. Вдумайся — по твоей вине род Тюдоров может пресечься!

Последние слова Генриха переполнили чашу моего терпения. Ни одна жена не должна сносить такое от своего мужа. Я гордо выпрямилась и воскликнула:

— Вы хотите обвинить *меня* в смерти вашего сына? Не выйдет! Вините себя и никого другого! *Вы* не вняли моим мольбам, *вы* пренебрегли пророчествами Кентской Монахини! *Вы* не поверили в ее чудодейственную силу! А я старалась во всем быть вам послушной и любящей женой, так что не надо перекладывать ответственность на мои плечи.

Король воззрился на меня в изумлении, а затем в глазах его блеснул интерес:

— Джейн, я не узнаю тебя! Откуда столько горячности? Впрочем, теперь не важно, будь ты кроткой голубкой или львицей, показавшей свои когти. Я осквернил пристанище мстительной, напитанной ненавистью ко мне Элизабет Бартон, и она нанесла ответный удар: прокляла моего сына из могилы и довела его до смерти.

Наступило тяжелое молчание. Потом король заговорил вновь:

— И на тебя, Джейн, легло ее заклятье. Ты бесплодна!

— Неправда! — воскликнула я. — Все повитухи в один голос твердят, что у меня могут быть дети, и это лишь вопрос времени. Мы с Вашим Величеством женаты всего несколько месяцев.

— Племенные коровы стельные уже после первой случки.

— А племенные быки не дают больных и уродливых телят, гибнущих до срока!

Только прокричав эти ужасные слова, я поняла, что я наделала. Кровь бросилась мне в лицо, я в ужасе закрыла рот руками. Как я могла так оскорбить того, кто горюет о смерти своего сына?

— Бог с тобой, Джейн, — промолвил Генрих после некоторого молчания. Тон его был холоден. — Я проклят и наказан. Что значит пара грубых слов в сравнении с моей скорбью... и с тем страхом, с которым я смотрю на наше будущее...

Какими бы печальными ни казались нам тогда смерть принца и невозможность зачать ребенка, нас ждали еще более суровые испытания. Той осенью, после нашего возвращения в столицу, ко двору по первопутку прибыли гонцы с плохими вестями: весь Линкольншир восстал, и пожар мятежа готов был перекинуться на соседние графства.

Шествия и протесты, переходящие в открытые вооруженные столкновения, устраивались теми, кто называл себя паломниками^[90]. «На деле это никакие не паломники, а бунтовщики и предатели, по которым виселица плачет!» — заявил разгневанный король. Каждый день приносил донесения о том, что толпы людей (скорее всего, подстрекаемые послом Шапуи и его клеветом отцом Бартоломе) собираются под церковными хоругвями, громогласно осуждают закрытие монастырей и призывают к возврату старой веры. Смятение в умы жителей северных графств вносили слухи о близящемся конце света, злодействах короля, новых поборах и ужесточении законов. Прокатилась волна убийств сборщиков налогов и королевских чиновников. Некоторые города и поселения оказались в осаде. Возникла серьезная опасность того, что весь север страны выйдет из-под власти короля, превратится в край дикости и беззакония.

Генрих был в ярости и грозился самолично отправиться во главе своих войск на усмирение мятежников. Восстание, меж тем, разрасталось. Судьба всего королевства оказалась под угрозой. Нед предупреждал, что опасность может оказаться даже большей, чем считал король, ибо войска императора стягивались во Фландрию, а шотландцы со дня на день готовы были присоединиться к бунтовщикам.

В отсутствие законного наследника престола на меня устремились глаза всех придворных. «Да снизойдет на королеву благодать материнства!» — молились благочестивые подданные короля. «Пусть уж наш повелитель потрудится как следует и заделает ей ребеночка», — грубовато добавляли Другие.

Когда на севере прошли сильные снегопады и сделали дороги непроезжими, восставшие отступили. Сыграли свою роль и ложные заверения Парламента в том, что требования мятежников будут удовлетворены. К этому времени я места себе не находила от беспокойства. Я почти убедилась в том, что обвинения Анны в бессилии короля имели под собой почву. Как бы ни старался мой супруг на нашем ложе, краснея лицом и задыхаясь от усилий, понести я так и не могла. «Может быть, проклятье Кентской Монахини действительно тому виной?» — спрашивала я себя.

Холода стояли такие, что берега Темзы сковал лед. Оставалась незамерзающей лишь середина реки, где течение было слишком сильным. Речные приливы уже не в силах были справиться с растущим ледяным панцирем. Наиболее предприимчивые торговцы ставили прямо на льду лавки и увеселительные балаганы, а жители столицы, забыв о кусающем за уши и пальцы рук и ног морозе, скользили и плясали вокруг них. Неделями не удавалось поймать ни одной рыбы, и запасы зерна в Лондоне неуклонно истощались. Нищие замерзали насмерть прямо на улицах, ворота дворца осаждали невиданные толпы жаждущих получить не только ежедневную милостыню, но и любые объедки с королевской кухни.

Несмотря на тяготы нашей жизни, за Рождеством последовали обязательные веселые святочные гулянья, на которых более всех ликовала и радовалась я. Молитвы мои были наконец услышаны — я была беременна!

«Ребенок! У меня будет ребенок!» — повторяла я себе каждый божий день. «В вашем чреве надежда королевства!» — воскликнула, услышав мои новости, верная Бриджит. «Самое время, сестричка!» — тонко улыбаясь, заметил Нед, не в силах скрыть своего удовлетворения. Все мои придворные дамы и фрейлины поздравляли меня, а у астрологов как будто гора с плеч свалилась.

В срочном порядке были подготовлены родильные покои, а повитухи собирались переселиться во дворец, как только ребенок во мне зашевелится.

Я не просто чувствовала облегчение после тех долгих месяцев, когда тщетно пыталась зачать среди шепотков и обвинений в бесплодии, — я была на седьмом небе от счастья! Скоро я не просто выполню свое предназначение в браке, оправдаю надежды короля и всей страны. Я рожу мое собственное дитя! Ребенка, который будет моим и только моим, будет нуждаться в моей заботе и внимании, оплатит мне потом любовью и нежностью. Какое же это чудо!

Я гнала от себя даже мысль о том, что что-нибудь может пойти не так, но слишком хорошо знала о подстерегающих меня опасностях. Ведь многие младенцы умирают сразу после рождения или еще в утробе матери. А вдруг я дам жизнь не сыну, которого так жаждет получить мой супруг, а еще одной принцессе. Или родится уродец, монстр, подобный чудовищу, исторгнутому чревом злосчастной Анны. Впрочем, об этом я запрещала себе

думать.

Чтобы отвлечься, я со своими фрейлинами и придворными дамами занялась шитьем и вышиванием приданого для новорожденного под чтение вслух душеспасительных, просветляющих книг и житий святых. Каждый месяц я с гордостью наблюдала, как растет мой живот, сначала почти незаметно, а затем все больше и больше. И вот, наконец, ребенок во мне зашевелился, о чем незамедлительно было торжественно объявлено всему двору. Гонцы полетели со срочными депешами к иноземным правителям, дабы пресечь любые слухи о том, что у могущественного короля Англии не может быть наследника.

То, что беременность моя протекала среди ужасных казней мятежников из северных графств, сполна расплатившихся за свое неповиновение королевской власти, печалило меня, но не могло лишить радужных надежд на будущее. Я верила, что мой сын, когда придет его срок, станет милостиво и справедливо править верными ему подданными, населяющими мирную и процветающую страну. А я буду взирать на него с гордостью и благодарностью.

Таковы были мои мечты в те долгие месяцы ожидания.

В это счастливое время рядом со мной был мой дорогой друг Уилл. В круг его постоянно расширяющихся обязанностей вошло теперь и управление моим двором. Верный Гриффит Ричардс старел не по дням, а по часам. Ему приходилось постоянно бороться с одышкой, и хотя он оставался моим почетным церемониймейстером, но уже не мог, как раньше, надзирать за всем и вся. Уилл был назначен ему в помощь.

Согласно желанию своих родителей мой друг женился на статной, красивой женщине, которая отличалась заносчивостью, никогда не улыбалась и не скрывала своего отвращения ко мне. Супруги не только не любили друг друга, но и не уважали. Уилл очень страдал и называл свой брак «камнем на шее» и «непосильным ярмом». Когда его жена чересчур донимала его, он искал спасения в моих покоях, и я всегда принимала его с радостью. Даже когда на душе Уилла скребли кошки, мне было приятно видеть его рядом, особенно когда король пребывал в сумрачном расположении духа или когда мы с ним ссорились.

Ссоры наши всегда возникали по одной и той же причине, прямо связанной с «Благодатным паломничеством». Хотя моя беременность была залогом того, что мой супруг никогда не поступит со мной так, как с Екатериной и Анной (по крайней мере до рождения ребенка), хотя он ценил наш союз, мы были с ним слишком разными по убеждениям.

Я, как и мятежники с севера, желала сохранения прежних церковных обычаев, освященных веками. «Пусть люди возносят свои молитвы Господу в прекрасных храмах среди, статуй и мощей святых», — думалось мне. При этом я никогда не считала себя дочерью Рима, ибо прекрасно понимала, какую политическую угрозу паписты несут для нашей страны. И все же меня страшило полное разрушение прежнего миропорядка. Генрих же был беспощаден.

— Долой старые привычки, обряды и суеверия! — не раз говорил он. — Они связывают меня по рукам и ногам.

Когда я лишь позволила себе намекнуть, что восстание на севере могло быть знаком того, что Господь не одобряет разрушения церквей и монастырей, мой муж впал в бешенство:

— Занимайся своим шитьем дальше, Джейн, и оставь эти важные дела тем, кто поумнее тебя! Не лезь, куда тебя не просят, иначе добром это не кончится, как не кончилось для Анны!

Когда Генрих кричал на меня, Уилл мрачнел лицом, и я чувствовала, что он на моей

стороне. Мне хотелось видеть в моем бывшем женихе защитника, верного рыцаря. Если мне когда-нибудь понадобится помощь, пусть он будет моим оплотом.

Я пересказала Уиллу то, что в свое время рассказал мне Нед о приступах ярости моего мужа. О том, что покойного Генриха VII в последние годы его правления кое-кто при дворе считал сумасшедшим.

— Наш король не властен над своим нравом, и это — болезнь, — под большим секретом когда-то поведал мне Нед. — С возрастом она только усиливается. Твой сын унаследует ее в свою очередь.

— Никого не слушай, Джейн, — постарался подбодрить меня Уилл. — Обещаю, что я всегда буду рядом с тобой, если понадобится.

Мечта о защитнике, спасающем меня от беды, была, видимо, одной из тех фантазий, которые приходят в голову любой женщине во время беременности. Почти все матери, которых я знала, кивали головами, когда я делилась с ними своими странными мечтаниями, и вспоминали о собственных причудах, посещавших их в эту пору. Теперь я легко поддавалась малейшим перепадам настроения, и то легкомысленно смеялась, то заливалась слезами. Мне все время хотелось айвы^[91]. Откуда-то появилась ненависть к кошкам, хотя раньше я их очень любила. И еще мне постоянно требовались жареные перепела: каждую неделю из деревни привозили новый запас этой дичи, отправлявшийся в королевские кладовые.

В середине сентября я со своими дамами удалилась в родильные покои в Хэмптон-Корте, которые мой супруг заново отделал ко времени моих родов. Честно скажу, я была преисполнена всяческих опасений: боялась боли, боялась, что что-нибудь пойдет не так. Пытаясь очистить мой разум от страхов, я старалась думать только о том, что скоро мои надежды сбудутся. Каждый день я молилась, прося милостей у Господа.

Время шло, и вот я почувствовала — мой срок настал. Ребенок бился у меня во чреве, повитухи осмотрели меня и заулыбались.

— Каждый день народ молится о ниспослании нам принца, — сказали они мне. — Да пребудет с вами благословение Божие!

Я поспала, затем пообедала перепелами и принялась ждать начала схваток.

Когда я почувствовала первые, еще не сильные схватки и у меня потянуло спину, то подумала, что ожидала не этого. Тело мое болело, но несильно, словно я подняла что-то тяжелое или долго скакала на норовистой лошади в неудобном седле. «Такую боль я смогу вынести», — подумала я.

Но через час живот и спину начали сдавливать беспощадные железные пальцы. В жизни не испытывала я ничего подобного. Между схватками я лежала совершенно обессиленная, жадно ловя ртом воздух. Повитухи поднесли мне горячий напиток из молока, вина и пряностей, положили под кровать особый оберег, призванный уменьшить страдания, но ничего не помогало. В таких муках я провела весь день и всю ночь. Я ослабела и выбилась из сил.

Я надеялась, что Генрих придет подбодрить меня, но когда я отправила к нему посыльного, тот вернулся с сообщением о том, что король спешно отбыл в Эшер, спасаясь от чумы, и многие придворные и слуги последовали за ним. Я пришла в ужас. Что, если я заболела чумой, отдав все силы для того, чтобы родить моего ребенка? Что, если он увидит

свет, уже зараженный этой страшной болезнью? Что, если повитухи сбегут из дворца, бросив меня?

Тут я услышала громкие мужские голоса. Спор и крики раздавались в другой части дворца.

— Король вернулся из Эшера? — спросила я.

— Нет, прибыл мистер Дормер.

— Позовите его.

— Ваше Величество, вы же знаете, что мужчинам нельзя входить в родильные покои.

— Позовите его сейчас же!

Голоса стали громче, и я узнала звучный бас Уилла. Он пытался пробиться ко мне именем короля, и ему это удалось. Мой милый Уилл! Как же я обрадовалась, увидев его!

— Джейн! — Он приблизился к постели, улыбаясь и протягивая ко мне руки. Его приход дал мне новые силы. Уилл пообещал, что останется до самого рождения ребенка, если таково будет мое желание.

— Все дворцовые лекари последовали за королем, — признался он мне. — Они боятся чумы, жалкие трусы!

У меня уже не было сил злиться на врачей. Я только хотела одного — чтобы мои муки поскорее закончились. Между схватками я засыпала и слышала, как Уилл о чем-то вполголоса переговаривается с главной повитухой. Тон их разговора был очень серьезный, но слов я не различала. Потом я заснула или, может быть, потеряла сознание, а когда очнулась, то снова услышала голос Уилла:

— Джейн, дорогая! Я должен поговорить с тобой и немедленно!

Я открыла глаза и сделала над собой усилие, чтобы понять смысл его слов.

— Короля здесь нет, поэтому мы с тобой должны принять решение, что делать дальше, — говорил он.

Он взял мою ладонь и крепко сжал ее. Я чувствовала тепло и силу его рук, но вынуждена была бороться со страшной усталостью, внезапно навалившейся на меня и застилавшей мой разум.

Я кивнула.

— Повитухи сказали, что они попробуют с помощью своих инструментов помочь ребенку появиться на свет, — объяснил мне Уилл. — Они дадут тебе настойку опиума, чтобы ты смогла вынести эту боль.

Туман, окутавший мое сознание, вдруг рассеялся, и я с ужасающей ясностью вспомнила, как много лет назад вхожу в родильные покои Екатерины, вижу ее в постели, а рядом — пустую колыбель. Ни крика, ни плача новорожденного. Потом я гляжу на окровавленные простыни и со страхом понимаю, что младенец мертв. В полутемной комнате стоит удушающий запах опиума. Опиума, который дали Екатерине, чтобы облегчить ее страдания. Опиума, который убил ее дитя.

Если сейчас я выпью настойку опиума, мой сын не выживет. Я была уверена в этом.

— Нет, — проговорила я непослушным языком. — Не надо опиума. Я буду тужиться еще и еще.

— Повитухи говорят, что ты можешь истечь кровью, Джейн: Ты можешь погибнуть!

Я снова кивнула.

— Спаси мое дитя, — прошептала я, — спаси моего сына...

Уилл склонился надо мной и поцеловал в щеку.

— Моя милая, моя единственная Джейн, — пробормотал он. — Добрая королева моего сердца.

Слава Богу, следующие нескольких часов изгладились из моей памяти. Как потом рассказал мне Уилл, моя борьба была отчаянной, и исход ее оставался неясным до самого конца. Уилл проследил, чтобы мне не давали опиума. Весь вечер и всю ночь рядом с дворцом люди выходили из домов с факелами в руках и устраивали шествия, чтобы помолиться за мое благополучное разрешение от бремени. В наши земли опять пришла чума, урожай был скуден, и многие ожидали самого худшего. Почти все повитухи, как сказал мне Уилл, уже не надеялись, что я выживу, когда я застонала и последним усилием, сопротивляясь рукам, давившим на мой живот, буквально вытолкнула на свет мое дитя.

Так пришел в мир мой сын.

Я не запомнила это мгновение моей жизни. Сознание мое затуманилось от боли и усталости, и я провалилась в забытие, заполненное кошмарами.

Когда я проснулась, страдая от голода и нестерпимой жажды, уже наступил день. В спальне находился мой супруг, который буквально сиял от счастья. Малыш лежал в своей золотой колыбельке рядом с моей постелью. Здесь же был Уилл, рядом с которым стояли Кромвель, Нед и еще какие-то люди, и все они выглядели очень обрадованными.

— Эдуард, — повторяли все присутствующие. — Принц Эдуард. Он будет Эдуардом Шестым.

Ибо то был день святого Эдуарда — 12 октября 1537 года от Рождества Христова, день, когда Бог услышал наши молитвы и даровал Англии принца.

Я думала, что рождение сына будет концом моего рассказа, потому что писать больше будет не о чем. Но снова взявшись за перо я смогла только через четыре дня после родов. Теперь же, несмотря на некоторую слабость — а повитухи толкуют, что здоровье полностью вернется ко мне не раньше чем через месяц-другой, — я хочу продолжить свою повесть. Я буду писать о моем Эдуарде и о той огромной радости, которую он мне принес, расскажу о том, как счастлив король, какие торжества он повелел устроить в честь наследника.

Да, сын мой родился некрупным, и доктора, заглядывая в его колыбель, перешептываются, что, дескать, хотели бы видеть ребеночка порумянее, но он крепок и голосист. И, по уверениям его кормилицы, сосет жадно. Нынче краем уха я услышала, как лорд-канцлер Кромвель говорил кому-то из придворных, что одного сына королю мало. Что всякое может случиться и младенец может умереть. Я содрогнулась, услышав такое! Конечно же, Эдуард выживет, у него обязательно будет брат, а может быть, даже несколько братьев и сестер. Но не сейчас: у меня были слишком трудные роды — Уилл признался, что я чуть не умерла. Так что повременим...

И еще — хочу, чтобы пока мой Эдуард был у меня единственным, ведь он прекрасен и совершенен. Когда он спит, не могу налюбоваться на него. У него круглые белые щечки и смешной хохолок рыжеватых волос, длинные ресницы и маленький нежный ротик. От Сеймуров он взял удлиненное лицо и широко расставленные миндалевидные глаза. Пусть со временем он будет такой же широкоплечий, мускулистый и ловкий, как его отец, ведь сейчас он не обещает вырасти победителем турниров или неутомимым охотником.

Надеюсь, моему сыну передадутся музыкальные таланты Генриха. Мне кажется, веки его трепещут, стоит мне завести колыбельную. При этом сон его крепок: он проспал звон колоколов, крики толп, приветствовавших его рождение, и даже праздничный салют из пушек, который продолжался несколько часов. В Хэмптон-Корте пушек не так много, но, как рассказал мне Нед, едва вести о рождении принца дошли до Лондона, заговорили большие кулеврины^[92] в Тауэре, и они палили весь день и всю следующую ночь. «Такого салюта, — заявил мой брат, — не было добрую сотню лет». Нед страшно гордится своим маленьким племянником, поэтому простим ему это преувеличение.

Вчера Эдуарда крестили. Меня, конечно, не было на церемонии, потому что я еще не прошла очищение после родов и не выхожу из своих покоев, но благодаря подробным рассказам Бриджит, Уилла и Энн Кейвконт я как будто бы сама там побывала. Мой крошка принц за все время в дворцовой часовне ни разу не закричал и не заплакал. Его крестной матерью была его сводная сестра Мария, а другая его сводная сестра Елизавета, которой только исполнилось четыре года, несла крестильное полотенце. Присутствовали и астрологи, для которых король велел сшить новые одежды. На их лицах сияли улыбки — так, во всяком случае, мне рассказали.

Моего сына торжественно именовали всеми его титулами: Эдуард, сын и наследник короля Англии, герцог Корнуэльский, граф Честер... и так далее, ведь их у него более дюжины. Как бы мне хотелось присутствовать! Услышать, как усладительно поет хор, как

звучат слова молитв... Увидеть, как под фанфары и новые салюты в его честь Эдуарда нарекли во имя Господа Нашего, дабы впредь мой сын находился под Его милосердной защитой.

Из церкви моего малыша принесли обратно в мои покои. Одетого в крестильное платье и пурпурную мантию, его положили на руки моему супругу, и настал черед для наших самых верных приближенных и слуг поздравить нас с рождением сына. Генрих был против этой церемонии, потому что в Эшере еще свирепствовала чума, и с полдюжины тех, кто работал на кухне и на конюшне, заболело или умерло. Но в конце концов он согласился, и обитатели дворца прошествовали мимо, пока ребенок спал. Потом я тоже заснула. Когда я проснулась, то увидела, что уже вовсю идут приготовления к тому дню, когда мне будет разрешено войти в церковь. Мистер Скут велел доставить корзины с шелками всех оттенков голубого и синего, чтобы я могла выбрать тот цвет и те ткани, которые мне по душе. Оказалось, что он уже шьет мне новое платье. Все мои придворные дамы и фрейлины также войдут со мной в церковь, одетые во все новое с головы до ног.

Сейчас я то забываюсь коротким сном, то пытаюсь добавить еще несколько строк к моей рукописи, а мои фрейлины развлекаются тем, что роются в корзинах мистера Скута и болтают о пустяках. Я слышу, как они обсуждают новые французские моды на облегаящие платья и перечисляют драгоценности, которые по приказу короля будут на мне в день моей коронации. Да, я не ослышалась, меня вновь собираются торжественно короновать через несколько месяцев.

Неду будет пожалован титул графа Хертфорда, а это — великая честь. Милостями короля мой брат и сейчас богат, но теперь состояние Неда достигнет невиданных размеров, ибо он получит земли и поместья в девяти графствах, а также будет взимать арендную плату с сотен фермеров. В своем новом наряде и шляпе с пером мой брат выглядит величественно, и держится с достоинством, но без спеси. Я думаю, он очень полезен королю.

Завтра утром я должна буду облачиться в красное бархатное платье и алую мантию, отороченную горностаем, и вместе со своими фрейлинами проследовать в парадный зал дворца. Там мне предстоит провести целый день, чтобы принять всех, кто придет меня поздравить: высших сановников королевства и иностранных послов, пэров, герцогов, графов, представителей городского сословия. Мне сказали, что придут даже дети из окружающих дворец деревень и принесут колосья пшеницы. Надеюсь, у меня достанет сил выдержать всю церемонию, ибо желающих поздравить меня ожидается много, а мне надо будет ответить каждому. Уилл обещает стоять рядом с моим креслом, как и Гриффит Ричардс. Мой супруг очень занят: он отдает распоряжения о пирах и турнирах, которые пройдут во дворце, а также о невиданных шествиях и представлениях для лондонцев, призванных ознаменовать рождение принца, — поэтому я его почти не вижу. На завтрашней церемонии его тоже, скорее всего, не будет рядом со мною. Он должен объехать все поселения отсюда и до Ричмонда, чтобы опровергнуть упорные слухи о том, что он умер от чумы.

По правде говоря, его отсутствие даже к лучшему, ибо временами Генрих утомляет меня, а сегодня я чувствую себя неважно. У меня начался понос, и продолжаются послеродовые истечения. Мои врачи говорят, что это только к лучшему — так вредные жидкости покидают мое тело. Наверное, мне все же не стоило есть жареных перепелов и пить мальвазию. Вино было слишком крепким, а перепела, должна признаться, имели странный кисловатый вкус, которого не должно быть, когда дичь свежая и приготовлена должным образом.

За столом я ничего не сказала — зачем обижать леди Лайл, приславшую мне перепелов из самого Кале. Я еще подумала, что, видимо, судно, как это часто бывает, задержалось в порту из-за плохой погоды или ожидая важного пассажира и перевозимые им припасы немного испортились...

Что-то я совсем расхворалась, и несвежие перепела явно тому виной. Живот болит так, что мне придется прервать мою повесть...

ДВОРЕЦ ХЭМПТОН-КОРТ

13 ноября 1537 года

Здесь рукопись королевы Джейн обрывается. Той ночью у нее открылся кровавый понос и ее уложили в постель. Она попросила меня, своего друга Уилла Дормера, вести подробный отчет обо всех событиях, пока она болеет, чтобы по выздоровлении вновь взяться за перо. Она доверяла мне и знала, что мой рассказ будет правдив и полон. Что ж, напишу все как есть, без утайки.

Правда состоит в том, что моя дорогая Джейн после тяжелых родов не получила должного ухода и заботы. Нельзя было взваливать на ее хрупкие плечи столько дел и обязанностей, которые она безропотно приняла на себя. Я, как мог, пытался облегчить для нее это бремя, но полностью снять его мог только ее муж, а я им не был. И, видит Бог, теперь жалею об этом.

Не нужно было ей принимать множество людей, пришедших поздравить ее с рождением сына. Тот день тянулся нескончаемо, и она страшно устала, просидев много часов в неудобном кресле с высокой спинкой, но неизменно улыбаясь и отвечая каждому на его пожелания дружеским словом. Она умело скрывала усталость и голод, но, как она потом мне призналась, у нее уже тогда начались сильные боли в животе, как будто бы ее внутренности хватала железная рука и безжалостно держала, не отпуская.

Она захворала, но никто из лекарей не осмотрел ее. Той ночью после приема она почти не спала. К королю отправили гонца, но Его Величество не спешил к своей супруге. Он должен был показаться своему народу и во что бы то ни стало развеять слухи о своей смерти от чумы, так как опасался, что если в северных графствах их примут за чистую монету, там опять вспыхнет восстание.

Король появился у постели Джейн только через два дня и надолго не задержался. Он увидел, что она очень слаба, у нее жар, и тут же отошел от ее ложа, потребовав принести ему юного принца. Взял Эдуарда на руки, король с гордостью показал его всем нам. Он обожает своего сына, но на его мать боялся даже взглянуть лишний раз, ибо не хотел видеть в ее глазах смерть. Он знал, что она умрет, — теперь я уверен в этом. Почти сразу же передав принца кормилице, король поспешил прочь из спальни жены, а затем тотчас ускакал на охоту.

Я накричал на повитух, но они лишь дали Джейн настойку опиума в надежде, что больная забудется сладким сном. Настойка не помогла. Не помогли ни талисманы, которые они клали ей под подушку, ни пучки сушеной лаванды, развешенные над кроватью Джейн для восстановления ее душевных и телесных сил.

Если бы молитвы могли ее спасти, она бы обязательно поправилась, потому что за нее

молились не только все ее приближенные, не только все слуги во дворце, но и жители близлежащих деревень, которые каждый день устраивали шествия за здоровье доброй королевы Джейн. Позвали ее духовника, он выслушал ее исповедь и отпустил грехи. К этому времени разум ее уже был нетверд, а от жара начался бред. Ей казалось, что она совершила ужасные преступления, и она плакала от раскаяния. Я постарался утешить ее, но она судорожно схватила меня за руку, и я увидел в ее глазах такой ужас, что понял — она действительно умирает. Нельзя было допустить, чтобы душа ее страдала так же, как и ее исхудавшее, дрожащее тело. Она успокоилась, только когда принесли малютку принца и на несколько минут положили рядом с ней. Лицо ее смягчилось, пока она глядела на сына, и казалось, что беспокойства и страхи ее оставили.

Не буду писать о ее последних днях, когда ее тело исторгало все жизненные соки, а с кроткого лица не сходила гримаса боли. Король лишь раз зашел к ней в спальню и тут же вышел. Он заявил, что отправится в Эшер на охоту вне зависимости от того, станет ли королеве лучше или хуже. Этими грубыми словами он пытался скрыть свой страх. На самом деле он боялся увидеть, как Джейн умрет. Король знал, что я останусь с ней до конца, хотя мы с ним этого никогда не обсуждали. Я уверен — он знал...

Мы слышали, как королевская охота покинула дворец еще до рассвета, на двенадцатый день после рождения Эдуарда. Не прошло и часа, как у ложа Джейн вновь был ее исповедник. Он пришел ее соборовать. Тело ее помазали елеем, дабы она могла отойти с миром. Смотреть на это было выше моих сил, и я ушел. Когда я вернулся, то увидел, что Джейн осталась совсем одна. Никого не было подле нее, ни священника, ни духовника, ни повитух. Она попросила воды, и я поднес чашу к ее иссохшим губам.

Сквозь слезы я смотрел на ее лицо, блевшее на подушке в неверном свете свечей. Несмотря на болезнь, оно было прекрасно. Я сказал ей об этом, и ее бледные губы задрожали в улыбке.

— Гэльон! — произнесла она. — Мой Гэльон, любовь моя...

— Джейн, это Уилл! — в отчаянье закричал я.

Но она глядела мимо меня, словно силилась разглядеть кого-то, кого я видеть не мог. Ее бедный разум был во власти наваждений.

Она уже не разбирала обращенных к ней слов, но решив, что хотя бы звук моего голоса успокоит ее, я начал вспоминать прошлое, сказал ей, что мы могли бы прожить совсем другую жизнь, если бы много лет назад корабль «Эглантин» унес нас к далеким и неизведанным берегам.

— Мы могли бы быть счастливы, моя дорогая Джейн, — прошептал я, держа ее за руку и целуя.

Она сжала мою ладонь, на лице ее промелькнула тень узнавания, но потом пальцы ее ослабли, глаза закрылись и она покинула меня навсегда.

Моя Джейн, добрая королева Джейн, умерла двадцать пятого октября 1537 года от Рождества Христова, года, когда страну поразил голод, но изобильно цвели полевые цветы, года, наполненного для меня великой скорбью. Казалось бы, наш повелитель, король Генрих, тоже должен был быть вне себя от горя, но он не носил траур по Джейн, а если и оплакивал ее, то не показывал своих слез. Не прошло и недели со дня ее кончины, как он уже отправил послов во Францию, в Нидерланды и даже в далекое германское герцогство

Клевское^[93] в поисках новой жены. Он громогласно заявлял, что знает не менее десятка благороднейших девиц и дам, которые почтут за честь разделить с ним ложе и престол.

Мне осталось лишь горевать у ее могилы и чтить ее память весь отведенный мне срок. Я поклялся, что когда ее сын вырастет^[94], я расскажу ему историю жизни его матери такой, как я ее знал.

Я не подведу тебя, милая Джейн. Я исполню клятву.

Соперница королевы

Стоило только слугам моего отца подбросить еще несколько вязанок хвороста в костер, как языки пламени затрещали и взвились вверх с новой силой. Повалил едкий дым. Жар от огня заставил моего младшего брата Фрэнка отскочить еще дальше с того места, куда мы с ним дружно отпрянули чуть раньше, защищая руками носы и рты от острого запаха горящей плоти.

Я же решила, что больше не сделаю ни шагу назад, даже когда услышала дикие крики Джослина. Затаив дыхание, я закрыла глаза и взмолилась: «Господи милосердный, пошли нам дождь! Пожалуйста, сделай так, чтобы дождь залил этот проклятый костер!» Утро было холодное, и небо было сплошь затянуто тучами. С каждым мгновением темнело, на меня упало несколько капель. Боже, пусть это будет настоящий ливень, пусть разверзнутся хляби небесные!

Сквозь ткань рукава я почувствовала тяжелую крепкую руку. Кто-то повелительно отодвинул меня подальше от костра.

— Назад, Летти! Неужели ты не видишь, что огонь разгорелся не на шутку? Встань здесь, рядом с братом!

— Отец! — взмолилась я, и голос мой почти потонул среди рева пламени и треска горящих веток. — Это же Джослин! Наш Джослин! Я молю Бога, чтобы он послал дождь и спас его!

Я взглянула отцу прямо в лицо: его суровые черты были искажены душевной мукой. Он наклонился ко мне и прошептал прерывающимся голосом:

— Я тоже молюсь за Джослина, дочка. Но теперь сделай, что я сказал!

Жар от огня становился невыносимым. Я обливалась потом, лицо мое горело, хотя день был холодный. На щеку упала одинокая капля дождя. Я отступила туда, где стоял мой брат. Он заплакал, громко хлюпая носом, и я взяла его за руку. До этого он изо всех сил крепился, но сейчас уже не мог бороться с нахлынувшими на него чувствами, ведь Джослин был нашим с ним учителем, наставником. Он обучал нас грамоте, учил писать, а позже давал уроки греческого и латыни. Я училась у него семь лет, а Фрэнк — почти шесть. Мы любили его. А сейчас должны смотреть на его казнь. Джослина сжигают заживо как еретика, казнят за то, что он исповедует протестантскую веру, которой тайно придерживается и наша семья. Королева Мария^[95], утвердившись на престоле, повелела всем своим подданным посещать мессу, признать верховенство Папы Римского и отречься от церкви Лютера. Церкви, которую ее отец Генрих VIII и ее покойный брат Эдуард VI объявили государственной, в противовес многовековому засилью католицизма.

Многие в нашем королевстве разделяли убеждения Джослина, но скрывали их и посещали мессу. Мой отец, который всегда умел применяться к обстоятельствам, выполнил указ королевы Марии и велел нам последовать его примеру.

— То, какие слова молитвы произносим мы на людях, не имеет значения, — объяснил он нам. — Главное то, во что мы верим в сердце своем, и это делает нас почитателями истинной веры. Господь читает в душе нашей, как в открытой книге, защищает нас и не

оставляет своей милостью.

Но Джослин не мог выбрать такой путь. Он был молод, храбр и всей душой ратовал за новую веру. Его разум поддерживал его в этом, ведь учености ему было не занимать. Джослин учился в колледже Магдалины^[96], достиг невероятных успехов в латыни и греческом, изучал древние религиозные тексты и пришел к выводам, отвратившим его от католичества. Он не мог скрыть ту правду, которая ему открылась. А когда он прямо выступил против королевы и ее католической мессы, то был схвачен и брошен в темницу. А сегодня он должен был умереть.

Каким же худым и изможденным казался он, когда стражники повели его по мокрому лугу туда, где была навалена огромная куча тростника и хвороста. В середине ее был вкопан крепкий столб, а рядом с ним стоял трехногий табурет, на который Джослин должен был встать. Но перед тем как взойти на место казни, наш наставник склонился, поднял несколько тростинок и благоговейно поцеловал их.

— Он благословляет тростник! Он добровольно принимает мученичество! — пронеслось по толпе. — Теперь Господь Бог вознесет его прямо на небо!

Но голоса эти раздавались негромко, ибо никто не хотел быть услышанным стражниками и солдатами, стоявшими в толпе, а потом оказаться в тюрьме и понести наказание за неуважение к римской церкви.

К куче хвороста поднесли факел, вспыхнуло пламя, и Джослин, громко молившийся за королеву, обрекшую его на эти муки, и за моего отца и его слуг, сложивших его костер, не в силах был более противиться боли и издал страшный вопль.

Я слышала, как мой отец, во власти душевных мук, что-то отчаянно прокричал Джослину, видно, моля его о прощении. Но единственным ответом отцу стал мучительный громкий стон, заставивший моего сурового гордого родителя залиться слезами.

Хотя я была совсем молода — мне только что исполнилось шестнадцать лет, — я понимала, что наказание несет не только Джослин, но и, опосредованно, мой отец сэр Фрэнсис Ноллис^[97]. Королева Мария умышленно заставила отца страдать. Она прекрасно знала, что он всегда верно служил королевской семье. Он был в числе доверенных придворных ее отца Генриха, а после его смерти король Эдуард назначил моего отца своим послом и советником. Отец был безоговорочно предан дому Тюдоров, но не желал возврата старой веры. За это Мария ему мстила, и мстила изощренно. Она заставила отца отвечать за исполнение смертного приговора молодому человеку, которого, как она знала, отец высоко ценил, к которому испытывал приязнь, — Джослину Палмеру^[98].

Ветер внезапно задул порывами, развевая мое платье и забираясь под шейную косынку. Фрэнк отпрянул от меня, пытаясь защититься от ярких искр, которые неслись прямо на нас, и я выпустила руку брата.

Получилось так, что ветер не раздул, а, наоборот, задул пламя костра. Я не решалась взглянуть на Джослина, который был еще жив. Волосы его сгорели, кожа на лице обуглилась и почернела, но губы шевелились. Он пел хриплым полупшепотом, и я узнала слова гимна. Люди в толпе подхватили его, и тут огонь окончательно потух, оставив лишь угли.

— Иисус всеблагод, Сын Давидов, смилуйся надо мной! — закричал Джослин. — Пусти все скорее закончится!

Солдаты подошли к отцу и заговорили с ним, но стояли они так близко к нему, что я не разобрала их слов. Я посмотрела вверх на потемневшее небо. Скоро пойдет дождь и очень сильный. Знак Божеского милосердия!

Потом я услышала, как мой отец отдает приказы, и новые вязанки хвороста полетели на затухающие угли. Но до этого один из стражников — дюжий малый — приблизился и прикрепил Джослину на пояс два овечьих пузыря, заполненных чем-то тяжелым.

— Нет! — крикнула я отцу. — Пощади его! Пусть он живет!

Вновь отец схватил меня за руку и наклонился ко мне, чтобы никто не слышал его слов:

— Я должен выполнить приказ королевы, иначе нас всех постигнет участь Джослина. Это — последняя услуга, которую я могу оказать ему. В пузырях — порох. Как только огонь доберется до них, они взорвутся и он умрет. Так я спасу его от мучений.

К хворосту поднесли факелы, и пламя занялось вновь, вопреки накрапывавшему все сильнее дождю. Над костром поднялся дым — черный удушливый дым, который ветер нес нам прямо в лицо, и с ним запах поджариваемой плоти Джослина. «Мне этого не выдержать», — подумала я. Рот мой наполнился желчью. Я согнулась пополам, ноги словно приросли к земле, грудь охватил железный обруч. Время остановилось... Я слышала, как вокруг меня люди плачут и кашляют от сгустившегося дыма. Подняв голову, я посмотрела на Фрэнка. Он закрыл глаза и склонил голову, а руки его, безвольно брошенные вдоль тела, вдруг яростно сжались в кулаки.

С яркой вспышкой и треском пузыри с порохом взорвались, но Джослина этот взрыв не убил. Сила взрыва обратилась не внутрь, а наружу, частично оторвав ему руку.

До сих пор не пойму, как я отважилась взглянуть на Джослина, принимавшего свою последнюю муку. Ноги его совсем обгорели, кровь текла из обрубка руки, от глаз остались только обугленные глазницы. Но его распухший язык ворочался между тем, что еще недавно было его губами, и я знала, что он молится.

— Господи Иисусе, прими его душу! — услышала я рядом хриплый голос отца.

Вновь что-то затрещало, небеса разверзлись и начался сильный ливень, заливший луг и костер, превративший землю у нас под ногами в непроходимую липкую грязь. Дождь, о котором я молилась, пошел, но было слишком поздно. То, что осталось от тела Джослина, безжизненно висело на столбе, а его лицо — лицо, которое я так любила, — было сожжено до неузнаваемости.

Я почувствовала, как Фрэнк взял меня за руку, и мы приникли друг к другу, стоя под потоками низвергающейся с небес воды до тех пор, пока толпа не рассеялась. Тогда мой отец приказал обернуть тело саваном и унести.

Мы покинули Англию вскоре после казни Джослина. «У нас нет выбора», — заявил отец, и моя мать с ним согласилась. На родине членам семейства Ноллис оставаться было небезопасно. Во-первых, моему отцу Фрэнсису Ноллису, как человеку, чуждому жестокосердия, претило руководить казнями не только своих братьев по вере, но и добрых католиков, а число этих казней росло каждый месяц. Во-вторых, подозрительность нашей королевы Марии достигла таких размеров, что многие за глаза называли ее сумасшедшей, помешавшейся из-за невозможности родить наследника, которому она могла бы передать трон Англии. Жизнь в стране сделалась невыносимой.

Но самая главная причина крылась глубже: весь наш род считался порченным, и это делало нас легкой мишенью для гнева королевы. Мы приходились родственниками сводной сестре королевы — принцессе Елизавете, которая в тот момент была брошена в Тауэр по обвинению в измене.

Моя мать — красавица Кэтрин Кэри^[99] — была теткой Елизаветы, то есть мы с моим братом и сестрой приходились принцессе кузенами. Королева же подозревала всех родственников ее сводной сестры в заговорах против престола и мира в королевстве, и уж точно была уверена в их безнравственности.

Когда мы были еще совсем детьми, моя мать рассказала моей сестре Сесилии, Фрэнку и мне нашу семейную историю. Началась она в первые годы правления великого короля Генриха VIII, за много-много лет до нашего рождения.

«Наш покойный король Генрих был женат на королеве Екатерине, испанке по происхождению, и очень надеялся, что она даст ему наследника. Но все мальчики, рожденные Екатериной, умирали, как и большинство девочек. Выжила только Мария — та самая, которая теперь нами правит. Если бы только королева Екатерина последовала за своими детьми, — с некоторым сожалением произнесла моя мать, — все было бы гораздо проще. Но она только рожала одного ребенка за другим, и все они умирали в младенчестве. Несчастный король решил, что на нем лежит проклятие Господне, и, возможно, был прав. С течением времени Генрих при живой жене стал жить с другими женщинами и оказывал им честь, позволяя становиться матерями его детей. Одной из таких женщин была моя мама и ваша бабушка Мария Болейн^[100]».

Наша бабушка умерла, когда я была еще совсем малышкой, и я ее не помню, но я видела портреты, писанные с нее в юности. Какая она была красавица! Светло-каштановые волосы, голубые глаза, невинный взгляд. Но невинной она выглядела только на портретах. По словам нашей матери, безгрешной ее назвать никак было нельзя.

— У нее был муж по имени Уильям Кэри, — рассказала нам мать. — И еще у нее была любовь короля. И эта любовь была сильнее всех прочих привязанностей.

Последние слова мама говорила почти шепотом, словно делаясь с нами страшным секретом.

— Так, значит, ты — дочь короля! — воскликнула я. — И все мы его внуки!

Мать загадочно улыбнулась:

— Кое-кто так говорит, но только моя мать могла знать наверняка, кто чей сын или дочь, а она молчала. Думаю, король заставил ее поклясться никому не раскрывать секрет нашего происхождения. Одно могу сказать — король Генрих всегда благоволил мне и вашему дяде Генри.

Мамин брат Генри часто приезжал к нам в Ротерфилд-Грейз^[101]. Он был высоким, крепким, атлетически сложенным мужчиной, прекрасным наездником и храбрым воином. Слушая рассказ матери, я подумала, что мой дядя, должно быть, очень напоминает своего возможного отца, ибо покойный король Генрих превосходил всех при дворе ростом, силой и владением рыцарскими искусствами.

— Значит, ты — принцесса, а дядя Генри — принц, — заявила я. — И вам должны оказывать королевские почести.

Мои брат с сестрой радостно закивали:

— Да, да, мама. Тебе это полагается по рождению.

Но моя мама только засмеялась в ответ:

— Никакая я не принцесса. Во всяком случае меня ею никто никогда не признавал. Я — всего лишь Кэтрин Кэри, дочь Марии Болейн Кэри и Уилла Кэри, приближенного короля. И мой брат Генри того же происхождения, по крайней мере — официально. На самом деле я не знаю, кто мой отец — король или законный мамин муж. Он, кстати, умер, когда я была совсем маленькой. А возможно, и совсем другой мужчина, потому что у мамы, по слухам, были и другие любовники. У меня и в мыслях нет претендовать на престол и соперничать с королевой Марией.

— Ты похожа на короля, — настаивала я. — У тебя рыжеватые волосы, голубые глаза и белая кожа, совсем как у него.

В том, что я так хорошо знала, как выглядел покойный король, не было ничего загадочного. Во всех королевских дворцах на стенах было развешено множество его портретов, а у нас в доме на почетном месте был установлен его бюст.

Моя мама только кивнула мне в ответ, а затем продолжала уже совсем другим тоном:

— Кто бы ни был мой отец, книга истории нашей семьи имеет и гораздо более постыдные страницы. Это касается Анны — сестры твоей бабушки Марии.

Мы все знали, кто такая Анна. Знаменитая и таинственная Анна Болейн! Ведьма блудница, злодейка, приворожившая нашего короля Генриха, колдовством заставившая его развестись с законной супругой — доброй королевой Екатериной, и женившая монарха на себе. Злая, распутная королева, которой отрубили голову.

Я слышала, как слуги судачат об Анне, сколько себя помнила. Они часто крестились — на католический манер, — когда вспоминали ее, словно желая уберечься от давней скверны, хотя Анна была мертва уже много лет. Мои родители вообще никогда о ней не говорили, во всяком случае в моем присутствии, потому, когда мама упомянула ее имя, мы, дети, наострили уши.

— Моя тетя, королева Анна, ни в чем не походила на мою мать, ни внешне, ни по характеру. Мама была женщиной мягкой, уступчивой. Добрая душа! Она любила танцевать и веселиться. А еще она любила хорошо поесть и выпить вина — иногда больше, чем следовало.

Услышав это, я обменялась быстрыми взглядами со своей сестрой Сесилией. Каждая из нас хорошо знала, что подумала другая: мама тоже была любительницей выпить себе в ущерб.

— Моя тетка Анна была женщиной хитрой, расчетливой, болезненно честолюбивой. Она смотрела на окружающих с презрением и считала, что ее сестра Мария глупа как пробка. Но в конце концов в дураках осталась Анна. Моя мама почти всегда была счастлива, а Анна, даже вознесшись на самый верх, — никогда. Ее лицо никогда не лучилось безмятежным покоем.

Тут мама поочередно улыбнулась нам с Сесилией, ласково погладив каждую по щеке. Когда мы заулыбались в ответ, она сказала:

— Я вам желаю, девочки, чтобы ваши лица сияли не только красотой, но и счастьем. И так всю жизнь!

— Ты видела, как казнили королеву Анну? — спросил Фрэнк. — Тебя заставили при этом присутствовать, как нас заставили смотреть на смерть Джослина?

— Нет. Нас с братом Генри увезли в загородное поместье^[102]. На нас пало бесчестье — я имею в виду на всех Болейнов. От этого позора мы по сей день не можем отмыться. В то страшное время лишились жизни Анна, ее брат Джордж и кое-кто из близких к ним людей, но остальных Болейнов король пощадил. Все, кого я знала, пребывали в постоянном страхе, и больше всех — моя мать.

— А королева Анна и вправду была ведьмой? — спросил Фрэнк.

Мама задумалась.

— Поговаривали, что она занималась алхимией. Моя мать рассказала мне, что у Анны была секретная комната, где она пыталась превратить свинец в золото. Если ей это и удалось, с нами она этим золотом не поделилась. Возможно, Анна не брезговала и составлением ядов. Что же до колдовства... — тут моя мать замолчала, покачивая головой и глядя на нас с сомнением. — Говорили, что король жаждал ее как ни одну из женщин. Но, как я думаю, то была великая страсть, а не колдовской приворот. В любом случае королева Мария никогда не простила свою мачеху королеву Анну за то, что она способствовала разводу короля с ее родной матерью. Мария ненавидит всех Болейнов и никогда не избавится от этого чувства.

Я вспоминала слова моей матери, когда наша семья всходила в Дувре на борт судна, которое, как ни странно, называлось «Отважная Анна». Мы оставляли католическую Англию королевы Марии, чтобы укрыться в относительной безопасности протестантского Франкфурта. Здесь у моего отца были друзья, которые готовы были приютить нас. Я шествовала, высоко держа голову, убежденная, что в моих жилах течет королевская кровь Тюдоров. Но я хорошо помнила, что сказала моя мать: успех и почести не так важны в жизни, как простое человеческое счастье. И еще я помнила, что мне надо остерегаться гнева королей и королев.

То ли из-за обретенной мною недавно уверенности, что во мне течет королевская кровь, то ли оттого, что в шестнадцать лет я удивительно похорошела и красота моя расцвела, но во Франкфурте у меня появилось много поклонников.

Уже в детстве я была красивым ребенком, и многие, не стесняясь, говорили мне об этом, хотя мой отец в этих случаях хмурился и приговаривал: «Вы ее захвалите» или «Тщеславие — мать всех пороков». Если все внимание доставалось мне, моя младшая сестра Сесилия, любимица отца, заливалась слезами и выбегала вон из комнаты. Отца это злило, но ведь не моя вина в том, что мне достались волосы редкого рыжевато-золотистого цвета и безупречная, словно сияющая изнутри кожа — белая, как лучшая слоновая кость. Для сравнения: у Сесилии волосы были тусклые, как у мыши, а кожа, хоть и гладкая, отдавала желтизной. Впрочем, у нее были прекрасные зубы, о чем я ей часто напоминала.

Во Франкфурте мы жили в огромном доме Якоба Морфа, члена Консистерии^[103] и старшины местной лютеранской церкви. Четырехэтажное здание с островерхой кровлей находилось рядом со Старым мостом. Неподалеку силами нескольких оставшихся в городе католических монахинь продолжал действовать сиротский приют, куда часто подкидывали нежеланных младенцев. Детские крики раздавались в любое время дня и ночи, и нашей матери казалось, что число детей в приюте растет не по дням, а по часам. Но помимо этого неудобства, жизнь в доме Морфа была для нас вполне сносной. Возможно, гостеприимство оказывалось нам скорее по обязанности, из чувства долга, но мы были не в том положении, чтобы жаловаться.

Среди протестантов существовала традиция — давать приют единоверцам, попавшим в беду. По мере того как протестантское движение росло и ширилось, все больше приверженцев новой церкви подвергалось жестоким гонениям. Многие английские протестанты целыми семьями бежали на континент, спасаясь от судов и костров королевы Марии. В огромном доме господина Морфа проживало несколько английских семей, но хозяин не сходил близко со своими гостями, словно не знал, чего ожидать от нас — иностранцев. С течением времени я поняла, почему он так себя вел.

Когда же мы только-только приехали, я наслаждалась каждым днем во Франкфурте. Жизнь в этом городе буквально кипела, улицы были запружены повозками с грузами и пешими разносчиками. На рыночной площади велась оживленная торговля во все дни, кроме воскресенья, когда Консистерия запрещала проведение любых коммерческих операций, как и любые развлечения. Старинный собор с высоченным шпилем господствовал над всеми постройками в городе, а крепкие каменные мосты, перекинутые через реку Майн, толстые стены кирпичной кладки, окружавшие город, и многоэтажные старинные дома придавали городу дух солидности и величия. Лондон был старше Франкфурта, но, по словам отца, Франкфурт был богаче, а жители отличались гораздо более строгой моралью, особенно теперь, когда всем здесь заправляла Консистерия.

О благочестии горожан мы узнали сразу же: гимны здесь распевали не только в церквях, где службы были долгими и скучными (хотя жаловаться на это никому не разрешалось), но и

на улицах и площадях. Стоило днем выйти из дому, как отовсюду неслось стройное пение душеспасительных псалмов.

— Мы должны присоединиться к местным жителям, — заявил отец. — Негоже выглядеть в их глазах чужаками.

И мы выучились выводить «Подобно утренней звезде» и «Господь — мой друг и мой оплот!» на немецком, пусть и с заметным английским акцентом, а заодно изо всех сил старались во время пения выглядеть как наш отец: глаза под тяжелыми веками смотрят серьезно и почти скорбно, узкое, изрезанное морщинами лицо аскетично и выражает душевный порыв.

Да, мы из кожи вон лезли, чтобы казаться приличными и благочестивыми юными леди и джентльменами, но одного пения гимнов было явно недостаточно, чтобы дать выход бурлившим в нас молодым силам. В этом немецком городе старшие установили жесткие правила поведения для молодежи и следили за их неукоснительным соблюдением. Нельзя было, например, купаться и плавать, чтобы, не дай Бог, не совершилось «непристойное совместное омовение» мужчин и женщин, мальчиков и девочек. Запрещались и дальние прогулки, ибо в разгоряченных ими телах кровь начинала быстрее бежать по жилам и разжигала недозволенные страсти. Те, кто добивался успехов в подвижных играх и развлечениях, также не были на хорошем счету у Консистории, так как невольно начинали гордиться своим телом, а тело — это сосуд греха. О танцах вообще речи не было — в них видели лишь орудие фривольности и флирта.

Как-то в воскресенье на площади рядом со Старым мостом перед таверной под названием «Белый Лев» началась драка. Я часто видела ссорящихся и дерущихся мужчин в нашей деревне рядом с Ротерфилд-Грейз и во время поездок в Лондон, но никогда раньше — в чопорном Франкфурте. Как оказалось, зачинщиком выступил Никлаус Морф, сын Якоба Морфа. Мне нравился этот крепкий светловолосый парень за его шутки и веселый нрав. И еще он уморительно изображал служанок, убравших дом Морфов. Эти молодые девушки передвигались мелкими шажками, не поднимая глаз от пола, не глядя ни друг на друга, ни по сторонам. Они не были ни застенчивыми, ни скрытными, а только старались казаться незаметными. Никлаус Морф, несмотря на плотное сложение, удивительным образом перевоплощался в любую из них и так смешно изображал их походку с сомкнутыми коленями и локтями на отлете, что мы с Сесилией буквально умирали от смеха.

Сейчас, однако, Никлаус на полном серьезе колотил другого парня головой о камни мостовой, приговаривая:

— Этот номер у вас не пройдет!

Драка мгновенно привлекла толпу зевак.

— Немедленно прекратить! — раздался повелительный окрик.

Высокий, осанистый мужчина шел к дерущимся, властно раздвигая толпу. Я пару раз видела его в доме Якоба Морфа и знала, что он занимает какой-то высокий пост в Консистории. Народ расступился, пропуская его. Несколько мужчин постарше присоединились к нему, чтобы разнять дерущихся. Их усилия увенчались успехом. Буяны, всклокоченные, грязные, некоторые окровавленные, прекратили лупить друг друга, но не разошлись, а продолжали угрожающе ухмыляться и бросать на противников враждебные взгляды. Я услышала, как Никлаус злобно обругал другого драчуна.

Мужчина, разнявший дерущихся, заговорил:

— Предупреждаю — каждый, кто поднимет руку на ближнего своего, будет публично

подвергнут порицанию, а упорствующий — изгнан из общины. Господь говорит, что нужно отсечь слабейшие члены, дабы сохранить здоровье тела. А теперь ответьте мне: в чем причина беспорядков, пьянства и вашего неподобающего поведения?

Все молчали. Наконец вперед вытолкнули одного из участников драки, и он заговорил:

— Все дело в «Белом льве», старшина Рёдер. Этот кабак нужно закрыть!

— Ты прав. В этом городе отныне распивочных не будет. Только угодные Богу дома, где обыватели смогут спокойно поесть. И на каждом столе будет лежать Библия. Таково повеление Консistorии.

Над толпой пронесся ропот несогласия.

— Молчать! — воскликнул Рёдер.

Но протесты зазвучали громче, и раздались крики: «Пива! Пива! Не лишайте нас пива!» Кое-кто из собравшихся затянул застольную песню.

Старшина Рёдер достал из складок своих темных одежд грифельную доску и мел и принялся записывать имена протестующих. Я, к своему удивлению, увидела, как из дверей «Белого льва» полетели Библии. Падая на мостовую, святые книги вздымали облако пыли. Я подумала: «Неужели это сделали те самые богомольные жители Франкфурта, которые так складно поют гимны? Или в городских стенах существует два мира — мир благочестивых и законопослушных и мир тех, кто выпивает в трактирах, бесстыдно предается нечестивым совместным омовениям, играет в карты, веселится и танцует?»

— Вы допустили святотатство! — прокричал старшина в гневе, продолжая царапать на своей доске. — Вы все публично осуждены и должны предстать перед судом Консistorии!

— Что ж, коли так, — прокричал в ответ Никлаус Морф, — давайте пойдём и хорошенько напьемся напоследок!

И еще до того, как кто-либо осмелился остановить его, он проследовал обратно в «Белый лев», а за ним многие другие из толпы, оставив старшину Рёдера и дальше чиркать на доске и выкрикивать угрозы.

Отец тут же увел нас, чтобы мы не попали в позорный список Консistorии. Возмущенные крики герра Рёдера еще долго неслись нам вслед, пока мы спускались к реке. А когда мы перешли мост и проходили мимо сиротского дома, до нас издали донеслось громкое, нестройное пение пьяных голосов.

С того дня мысли мои постоянно возвращались к Никлаусу Морфу. И заинтересовал он меня не из-за своей внешности, в которой не было ничего необычного или привлекательного — бледно-голубые глаза под тяжелыми веками, широкий гладкий лоб, слишком крупный и мясистый нос, тонкие губы, почти всегда растянутые в усмешке, — а тем, что он с друзьями дерзнул бросить вызов железным порядкам Консистории и указал нам путь к более свободной жизни, не чуждой простых земных радостей.

Он не убоился понести строгое наказание, которым грозили церковные старшины, и действительно, его подвергли порке и исключили из числа прихожан его церкви, что крайне огорчило Морфа-старшего. Ноу Никлауса осталось много приятелей. Большинство из них, по-видимому, принадлежало к католическим семьям, ибо я никогда не видела этих молодых людей в нашей протестантской церкви. Они слонялись у Старого моста, где поджидали Никлауса, а он с наступлением темноты отправлялся вместе с ними в городской сад, где, по словам старшины Рёдера, царствовали разврат и порок.

Я наблюдала за этой ватагой городских шалопаев из окна своей спальни, которую делила с Сесилией на верхнем этаже дома Якоба Морфа. Парни толпились у одного из каменных быков моста, где горели факелы. Они подпирали спинами каменную кладку, смеялись, задирали друг друга и время от времени поглядывали вверх на меня.

— Потуши свечу! — прошептала мне как-то ночью Сесилия, когда я смотрела на дружков Никлауса с высоты своего окна. — Неужели ты не понимаешь, что им тебя видно?

Я прекрасно знала, что Сесилия права, но свечу не потушила. Что плохого в том, чтобы показаться компании молодых людей? Вот бы спуститься вниз, присоединиться к ним, вместе с ними смеяться и шутить, флиртовать с ними.

— Эти парни — никчемные безбожники! — возмущалась Сесилия. — Они гораздо хуже Никлауса. По крайней мере Никлаус хотя бы крещен в нашей вере.

Я знала, что Сесилия была влюблена в Никлауса. Я поняла это по тому, как она смотрела на него, как старалась придвинуться как можно ближе к нему, если они оказывались в одной комнате. Однажды они буквально столкнулись друг с другом в узких дверях, после чего моя сестра, как я заметила, никогда больше не носила пару синих рукавов^[104], которые были на ней в тот день и до которых случайно могла дотронуться рука сына Якоба Морфа. Наверное, она спрятала их как реликвию своей любви, и одна мысль об этом смешила меня чрезвычайно.

Дело в том, что у меня не было никаких сомнений, кто из нас двоих привлеч внимание молодого человека. Он буквально не сводил с меня глаз. До поры до времени он ни разу не заговаривал со мной, а только пару раз улыбнулся мне застенчивой улыбкой, хотя с другими был боек и даже развязен. Я точно знала, какая именно девушка ему нравится, и этой девушкой была отнюдь не моя сестра.

— Эти парни — вовсе не безбожники, — возразила я ей. — Они католики. А всех католиков крестят во младенчестве.

Сесилия фыркнула:

— Старшина Рёдер говорит, что эти парни ходят в городской сад, где их поджидают дурные женщины. Там они пьют и предаются всяческим непотребствам.

— Если бы кабак «Белый лев» не закрыли, им не нужно было бы ходить во всякие сомнительные места, чтобы попить пивка.

За нашей дверью раздались шаги, дверь открылась и вошла наша мать.

— Девочки, вам пора в постель! — заявила она. — Летиция, потуши свечку.

— Она подглядывает за парнями на мосту. Она каждую ночь этим занимается, — плаксивым голосом принялась ябедничать Сесилия.

— Летиция знает правила и всегда выполняет их, — спокойно ответила наша мать.

Я переставила свечу с подоконника поближе к моей стороне кровати, юркнула под одеяло рядом с Сесилией и затушила свечу. Мама накрыла нас толстым теплым покрывалом, поцеловала на ночь и удалилась.

Я ждала до тех пор, пока дыхание Сесилии не стало ровным и глубоким. Тогда я осторожно вылезла из постели, чтобы не разбудить спящую сестру, и вновь подошла к окну.

Небо за окном потемнело. На нем высыпали звезды. Отражение огней на мосту дрожало в зеркале вод Майна. Начался мелкий дождик, но молодые люди оставались на том же месте. Похоже, дождь был им не помеха. Вдруг я увидела, как Никлаус выбежал из дома и присоединился к своим приятелям, которые шумно приветствовали его приход. Все вместе они, подпрыгивая и дурачась, устремились по мосту на другой берег в направлении городского сада.

Город Франкфурт пребывал в небывалом волнении — в него проникли анабаптисты^[105]. Подобно рою пчел они скапливались в кварталах ткачей, в самых нищих городских трущобах, которые теперь гудели как растревоженный улей.

Отец объяснил нам, что анабаптисты — это религиозная община, но сильно отличающаяся от нашей. И уж совсем далекая от католичества. У анабаптистов не было храмов, и их священники проповедовали там, где душа пожелает: в винных погребах, в трактирах, под открытым небом. Эти проповеди собирали огромные толпы слушателей, по преимуществу бедняков. В сети нового учения улавливались многие души, ибо оно простыми и доступными словами требовало лишь одного — следования пути Иисуса. Их проповедники не пугали грехами, а звали к поиску нового, лучшего пристанища. Или же требовали преобразовать этот мир.

Отец мой считал, что анабаптисты — это зло, и старшины протестантской церкви Франкфурта это мнение полностью разделяли. Они призывали кары Божие на головы перекрещенцев каждое воскресенье, а также во все остальные дни недели. Наши старейшины были глубоко убеждены, что анабаптисты грозят разрушить истинную веру изнутри, ибо не пугают своих последователей обязательным наказанием за грехи. Они подобны стае саранчи, налетевшей на поле и пожирающей урожай, только урожай — это добрые христиане. И в ответ мы — протестанты — должны, в свою очередь, уничтожить каждого анабаптиста, попадающего на пути.

«Смерть анабаптистам!» — провозгласила Консистория. И вскоре все горожане воочию увидели результаты этого крестового похода против инакомыслящих.

На площади рядом с кабаком «Белый лев» — переименованным ныне в «Едальный дом для воинства Христова» — было сожжено шестеро последователей нового учения.

Остальных городские власти окружили в их убежище, схватили и бросили в тюрьмы, где эти несчастные были удушены, а их трупы выброшены в городские канавы. В тот год отрубленные головы скалились на нас с ограды Старого моста, свешивались, раскачиваясь на ветру, с фонарных столбов.

Но последующие зверства затмили ужасы первых казней, по крайней мере для меня. Несколько раз городские власти сгоняли анабаптисток, чьих-то жен и матерей, после формального осуждения Консисторией, на берег реки рядом с домом Морфа. Там каждую крепко связывали веревкой, плотно приматывая руки к бокам, отрубали ступни и бросали в воду, где несчастные тонули. Мы, обитатели дома, не могли не знать об этих изуверских наказаниях, хотя я всеми силами старалась не увидеть их воочию.

Каждый вечер Якоб Морф собирал всех своих домочадцев и слуг, включая нашу семью, на молитву, и благодарил Господа за успехи в крестовом походе против анабаптистов. Я должна была участвовать в этом совместном молении, но возносить такие благодарности было выше моих сил, ибо совершенное в городе камнем легло мне на душу. У меня начались ночные кошмары — чаще всего мне снилось, как топят женщин, а их маленькие дети брошены и плачут на берегу реки. Я поведала о своих видениях отцу, а он посоветовал мне думать об анабаптистах как о врагах Христовых, как о нелюдях, чудовищах, которых Господь наслал на нас для того, чтобы испытать нашу веру. Это, дескать, поможет мне побороть жалость.

— Но, отец, я чувствую не столько жалость, сколько ужас.

— Значит, вырви этот ужас из сердца своего, Летиция. Мы живем во времена, когда многое выше нашего понимания. Одному Господу Богу ведомо все... и он вразумляет наших старшин, наших правителей. Мы должны подчиниться Ему и не сходить с избранного пути.

Я не могла не возразить отцу:

— Так, значит, Он ведет и направляет королеву Марию в Англию?

Отец помолчал, а потом отвечал тихим голосом:

— Она считает, что выполняет волю Его.

— Но тогда я ничего не понимаю, отец, и как же мне жить?

Отец только пожал плечами. Он всегда так делал, если исчерпывал свои доводы и проигрывал в споре, особенно когда ссорился с нашей мамой:

— Я тоже не понимаю, дочь моя. Но я молюсь. И я ежедневно благодарю Бога за то, что он дает выжить мне и моей семье.

Я чувствовала, что отец, как и я, поражен и опечален той жестокостью, которая требовалась для защиты нашей веры, но убеждает себя в том, что Консистория поступает правильно, совершает необходимое и даже богоугодное дело.

Сожжения, обезглавливания и утопления продолжались во Франкфурте несколько месяцев, но анабаптистская угроза не ослабевала. Казалось, со временем сердце мое должно было ожесточиться от одного созерцания этих ужасов, но я стала только еще более чувствительной. Теперь я каждый день молилась, чтобы Господь подсказал, как мне с этим жить, как выносить это...

Как-то ранним вечером, когда тени удлинились, а воды реки сменили свой цвет с синестального на тускло-серый, на берег рядом с домом Морфа привели женщину из перекрещенцев. Ее должны были утопить. Обычно в таких случаях я спускалась в подвал

дома и пряталась там несколько часов, пока казнь, по моим расчетам, не должна была свершиться. Но в тот день что-то подвигло меня поступить вопреки обыкновению. Я осталась в спальне, подошла к окну и заставила себя смотреть на происходящее.

Женщина, которую вели на смерть, была совсем молода. Даже бесформенное рубище не могло скрыть ее здоровой полноты и крепости стана. Палач грубо, клоками остриг ее светлые волосы. Лицо ее было бледным, а руки и ноги — загорелыми, как у крестьянки, которая ежедневно работает в поле весной, летом и осенью и привыкла к простой и суровой жизни. С ней не было никого — ни друзей, ни родственников. Но она несла небольшой сверток, крепко прижимая его к груди. Должно быть, это был ребенок.

На процедуру казни это обстоятельство не повлияло. Заправлявший всем представитель Консистории, склонив голову, прочитал молитву и отдал приказ связать женщине руки и ноги. Я не поняла, что произошло со свертком, который был у нее в руках, так как все приказы были отданы и исполнены стремительно. Миг — и женщина уже лежала на земле. Взмыл длинный сверкающий нож, и палач двумя движениями отсек ей ступни. Хлынула алая кровь, заливая серые камни речного берега. Двое мужчин схватили связанную женщину, приподняли ее и бросили в воду. Я увидела ее открывшийся рот, но не услышала крика. Течение было очень сильным. Оно вынесло ее тело на середину реки, перевернуло, на какое-то мгновение подняло вверх, покачало, а затем стремительно затянуло в глубину.

Спускалась тьма. Те, кто принимал участие в казни, поплотнее завернулись в плащи и поспешили прочь. Страшное место опустело, словно здесь ничего и не происходило, и только на прибрежных камнях еще оставалась кровь. Мне показалось, что у воды брошена какая-то темная тряпка. Потом я вроде бы услышала какой-то слабый, приглушенный крик или тихий плач.

Вначале я решила, что мне почудилось — такие слабые звуки трудно было различить за обычным уличным шумом, — но потом я услышала их вновь. Меня словно кто-то подтолкнул, поднял с места и повел прямо на берег реки. Казалось, звуки доносились из-под моста, где камни были скрыты высокой травой и стояла вонь гниющих отбросов и отходов мясных лавок.

Я с трудом пробиралась вперед, раздвигая траву и низкий кустарник, и вновь услышала крик — теперь более отчетливый. Плакал ребенок.

— Ты тоже слышала? — внезапно на траву упало пятно света и рядом со мной возник Никлаус. В руке он держал фонарь.

— Да, это ребенок. Наверное, младенец казненной женщины. Она прижимала его к груди, когда ее привели сюда. Кто-то попытался спасти малыша.

— Или просто отшвырнул его в сторону, чтобы не мешал палачу.

Как будто в ответ на наши слова плач усилился.

Мы вместе продолжили наши поиски, пока не наткнулись на крохотного младенца, голого и дрожащего, лежащего на куче водорослей.

— Нужно его во что-то завернуть, — сказал Никлаус.

Он передал мне фонарь, стянул с себя рубашку из плотной ткани, укутал в нее младенца и понес его к выходу из-под моста, чтобы выбраться на дорогу перед домом своего отца. Детский плач стал более приглушенным.

— Мой отец никогда не разрешит держать этого ребенка в своем доме, если узнает, где мы его нашли, — прошептал Никлаус.

— Давай отнесем его в сиротский приют, — предложила я. — Монахини его примут.

— Они превратят его в маленького католика, — заявил Никлаус с усмешкой. — Но во всяком случае он останется жив. А это — самое главное.

Мы улыбнулись друг другу, а затем вместе зашагали в сторону приюта. Перед его дверями, на улице, стояла корзина, в которую в любое время дня и ночи можно было положить младенца, передаваемого попечению святых сестер. Мы положили ребенка в корзину и дернули за шнур звонка, свешивавшийся неподалеку со стены. Почти сразу же плоское цельное металлическое колесо, на котором стояла корзина, начало поворачиваться, и подкидыш оказался в стенах приюта.

— Доброй ночи, малыш, — прошептала я. — Да ниспошлет Господь тебе защиту и благословение.

— Аминь! — пробормотал Никлаус, стоя рядом со мной, когда невидимая рука протянулась, чтобы взять из корзины хнычущего младенца.

Мы оставались у стены до тех пор, пока внутри приюта не стихли все звуки, а потом вернулись в дом Морфа. Мы больше не разговаривали друг с другом, но между нами возникло объединяющее нас чувство общей тайны. В тот вечер Якоб Морф как обычно призвал на молитву, всех своих домочадцев, но я не примкнула к тем, кто славил Господа за смерть нечестивых анабаптистов. Вместо этого я помолилась за сироту и за монахинь — за неведомых женщин за стеной приюта, принимающих всех потерянных и ненужных детей города Франкфурта, ничего не спрашивая, ничего не зная о вверяемых их заботам крохотных комочках плоти, кроме того что эти дети в беде и нуждаются в помощи.

— Тебя видели! — провозгласил старшина Рёдер, сурово взирая на меня.

— Что вы хотите этим сказать?

— Тебя видели. Тебя и Никлауса Морфа. Вы положили вашего ребенка в корзину у дверей сиротского приюта.

— Да, мы сделали это. И мы ни от кого не прятались! Зачем нам было таиться, коль скоро мы выполняли богоугодное дело — спасали маленькую невинную жизнь.

— Ты только усугубляешь свой грех, бросаясь такими дерзкими словами! — прокаркал старшина Рёдер. Остальные члены нашего прихода напряженно вслушивались, боясь упустить хоть слово.

То был час, когда вся паства собралась на публичное осуждение грешников. Старшины объявляли о тех, кто нарушил правила нашей общины, и наиболее злостным из этих нарушителей грозило суровое наказание — их навечно изгоняли из города.

Мой отец выступил вперед:

— Если моя дочь хоть в чем-то виновна, я сам ее накажу.

— Наказывать вправе только наша Консистория, — напустился на отца старшина Рёдер. Он повернулся ко мне и окинул меня презрительным взглядом с головы до ног.

— Юные девушки прячут непотребства под своими пышными юбками, — процедил он с ненавистью. — Отрицаешь ли ты, что совместно с Никлаусом Морфом положила ребенка в корзину перед сиротским приютом?

— К чему мне это отрицать? Мы спасли ребенка и отдали его на попечение монахинь, чтобы сохранить ему жизнь. Мы действовали так, как велит Господь!

— Велит Господь?! Вы совершили грех! Вы предавались разврату, породили убудка, а затем попытались скрыть доказательство вашего нечестивого соития, подбросив его сестрам, которые воспитают его по неправым законам католичества.

— Это неправда! — воскликнула я. — Где Никлаус? Он подтвердит мои слова! Он расскажет о том, что произошло на самом деле.

Я оглянулась по сторонам, надеясь увидеть Никлауса в числе прихожан, но его здесь не было, как не было ни его отца, ни остальных домочадцев.

— Никлаус Морф — известный буян, драчун и лжец, еженощно предающийся порокам в городском саду, — отрезал старшина.

К своему изумлению, я увидела, что многие из присутствующих закивали головами, подтверждая слова старшины. Среди прихожан прошел ропот, и в нем мне послышались враждебные нотки. Сердце мое упало.

Старшина Рёдер тем временем развернул лист бумаги.

— Спешу сообщить Консистории, — прочитал он, — что грешница Летиция Ноллис была замечена в тайных свиданиях с Никлаусом Морфом и другими молодыми людьми под покровом ночи рядом со Старым мостом. Она также часто оставляла свое ложе в глухую полночь, дабы встречаться с любовником. А в ночь полной луны она скрылась под мостом совместно со своим возлюбленным, а через некоторое время появилась оттуда, держа на руках новорожденного.

При этих словах те, кто находился рядом со мной, в ужасе отшатнулись, а я почувствовала, как щеки мои запылали. Я вспомнила: в ту ночь, когда казнили женщину из перекрещенцев на берегу Майна, сияла полная луна.

— Но я не грешила! — воскликнула я в негодовании. — Мы поступили так, как следует добрым христианам!

— Вот так грешники обманывают самих себя, — пробормотал рядом со мной кто-то из прихожан.

— Младенец был ребенком анабаптистов, — продолжала я, но стоило мне произнести слово «анабаптистов», как в толпе раздались вопли ужаса.

Старшина Рёдер вновь обратился ко мне:

— Значит, ты признаешь, что помимо блудодеяния ты виновна в сношениях с самыми великими грешниками, теми, кто проповедуют ложь и сбивают достойных христиан с пути истинного?

«Это конец, — подумала я, — им невозможно ничего объяснить». Меня уже осудили, даже не выслушав. Мне никто не верил, кроме Никлауса, который знал правду, а его здесь не было.

Я призвала на помощь всю свою отвагу и вспомнила, — как всегда в злую минуту, — что в жилах моих течет королевская кровь, потому я гордо выпрямилась во весь рост (хотя, конечно, ростом мне со старшиной Рёдером было не сравниться) и закричала в полный голос:

— Кто смеет меня обвинять? Кто этот человек? Я хочу взглянуть ему в глаза!

В помещении молельного дома воцарилась тишина. Старшина сложил документ, который только что зачитал собранию, и убрал его в складки своих одежд. Потом он обвел глазами обращенные к нему лица прихожан и возгласил:

— Пусть тот, кто обвинил Летицию Ноллис, выйдет вперед!

Раздался шорох юбок и звук легких шагов. Через толпу вперед пробиралась молодая женщина. Сначала я увидела только ее чепец, но когда она приблизилась, я, к своему немалому изумлению и смятению, ее узнала.

— Сесилия Ноллис, готова ли ты поклясться, что каждое слово из тех, что ты написала в сем документе, переданном старшинам нашей церкви, — правда?

— Клянусь!

Моя сестра не смотрела ни на меня, ни на нашего отца, ни на кого в зале, кроме суровых церковных старшин. Не успела я обвинить ее во лжи, не успела я выкрикнуть все мстительные слова, которые переполняли меня, как Консистория уже вынесла свой приговор.

Меня изгнали из общины Франкфурта, и не меня одну, но и всю нашу семью. Нам было приказано съехать из дома Морфа и покинуть город до заката следующего дня, а если мы не выполним приказ, то да обрушится на нас гнев Консистории и ее беспощадного и не ведающего снисхождения Бога.

По прихоти судьбы королева Мария умерла^[106] примерно в то же время, когда вся наша семья была изгнана из Франкфурта. Сводная сестра Марии и наша родственница — протестантская принцесса Елизавета — стала королевой. Казни и преследования ее единоверцев тут же прекратились. Теперь наша семья могла, ничего не опасаясь, вернуться на родину.

Я все еще сердилась на Сесилию за то, что она оклеветала меня перед церковными старшинами Франкфурта, обвинив меня в грехе, которого я не совершала. Самым важным было для меня как можно подробнее объяснить остальным членам моей семьи, что же в действительности произошло той ночью, когда мы с Никлаусом Морфом отнесли ребенка в сиротский приют. В мою пользу говорила явная нелепость навета Сесилии. И уж, конечно, моя мать прекрасно понимала, что я никак не могла вынашивать ребенка Никлауса в течение девяти долгих месяцев, скрывая растущий живот под одеждами. Таким образом, как я надеялась, хотя бы в глазах моей семьи моя репутация была восстановлена.

Кроме того, радость от возвращения домой смягчила мое негодование на сестру. Вскоре мы получили официальный приказ прибыть ко двору от самой королевы. Это была наивысшая честь, как не преминул заметить мой отец, посему наши мелкие семейные распри были на время забыты, и мы приготовились занять свое место среди приближенных новой правительницы.

— Наша новая королева желает возвысить своих родственников из семьи Болейн, — объяснил нам отец, призвав маму, меня и Сесилию в свой личный кабинет, где он хранил важнейшие документы и работал за огромным лубовым столом, заваленным бумагами. — Елизавета очень трепетно относится к репутации своей покойной матери, не желая, чтобы возникала хоть тень сомнений в законности ее рождения, поэтому ничего не говорите при дворе на эту тему. Даже не упоминайте имени Анны! Если королева сама заговорит о своей матери, улыбайтесь и вежливо кивайте.

Отец внимательно и критически оглядел меня с головы до ног и промолвил:

— Летти, королева очень большое внимание уделяет своей внешности, ее красота для нее очень важна...

Тут моя мать засмеялась и не дала ему закончить свою мысль.

— Но Елизавета некрасива! — воскликнула она. — Лицо у нее узкое, все черты слишком острые и резкие, цвет лица отдает желтизной, кожа неровная, а уж глаза совсем никуда не годятся! Они у нее маленькие и совсем без ресниц, не то что у нашей Летти. Посмотри, супруг мой, у нашей дочери ресницы такие длинные и пушистые от природы, что их не нужно искусственно подкрашивать или удлиннять. А еще у Елизаветы редкие светлые брови! Да если бы она не была королевой, ни один мужчина бы на нее даже не взглянул.

— Знаешь, Кэтрин, такие мысли лучше держать при себе, — резко прервал ее мой отец и вновь повернулся ко мне. — Я хотел сказать, Летти, что ты должна вести себя скромно и смиренно, не выпячивать свои достоинства. Будет славно, если ты сделаешь комплимент Ее Величеству по поводу ее внешности.

— И то правда, — добавила моя мать. — Елизавета очень тщеславна. Она требует, чтобы ей постоянно льстили. Как ты думаешь, — произнесла она, обращаясь к отцу, — почему в ее покоях столько зеркал — и настенных и ручных? Чтобы она могла постоянно любоваться на свое отражение — вот для чего!

— Ничего подобного, — коротко ответил отец. — А даже если и так, тебе, Кэтрин, не стоит ей уподобляться. Привычки Ее Величества нам не следует копировать, тем более разбираться в их подоплеке.

В ответ на эти слова отца мать только фыркнула, но ничего не ответила. Наблюдая всю эту сцену, я поняла, почему отца так ценила королевская семья: сначала юный король Эдуард, а затем и королева Мария, вплоть до того самого дня, когда нам пришлось бежать во Франкфурт. Кто бы ни занимал трон, отец был искренне верен помазанному монарху, полон уважения и почтения к тому, кто взошел на престол, будь то мужчина или женщина.

Неудивительно, что, когда мы прибыли ко двору и были торжественно представлены королеве, она воздала отцу по заслугам, назначив его вице-мажордомом своего двора, капитаном королевских алебардщиков, а затем и одним из членов своего Тайного совета [\[107\]](#). Сесилию и меня назначили фрейлинами королевы, а маму — главной наставницей всех фрейлин. В ту же пору в свиту королевы было принято еще с дюжину других девушек различного возраста. Я внимательно наблюдала за ними во время моих первых дней при дворе. Они были очень разные: красивые и не очень, с характером и покорные, но всех их объединяло одно — желание как можно более полно воспользоваться своей удачей. Все они мечтали выйти за богачей, обладателей высоких титулов и больших земельных наделов. Любимыми темами их разговоров были действительные или воображаемые женихи, а также возможное замужество королевы.

Нас поместили в покоях рядом с опочивальней Елизаветы, чтобы мы всегда были под рукой — в любое время дня и ночи. Мы жили в тесноте и спали по несколько человек в одной постели, как и почти все при дворе, и у нас почти не было места для наших нарядов и личных вещей. Что бы мы ни говорили, что бы мы ни делали, это немедленно становилось известно. Даже о злобном взгляде, брошенном вскользь, или о неосторожном замечании тут же докладывалось нашей матери в силу ее должности.

Когда Сесилия и я впервые предстали перед королевой, мы присели до земли в глубоких реверансах и низко склонили головы, как нас учили. Через некоторое время она мановением своей белой ручки разрешила нам выпрямиться.

Она стояла перед нами — высокая и стройная — и оглядывала нас острым взглядом, который особенно долго задержался на мне. Я хорошо запомнила урок отца и постаралась изобразить столь несвойственную моей натуре покорность и скромность. Пусть у королевы даже не возникнет мысли обвинить меня в том, что я держусь высокомерно или стараюсь привлечь к себе внимание.

Последовало долгое молчание.

— У тебя что — жировик на лбу? — спросила меня наконец королева.

— Не знаю, Ваше Величество, — ответила я, удивленная столь неожиданным вопросом, но быстро нашлась: — Впрочем, кожа моя не столь безупречна, как у вас, и я не могу похвастаться вашим румянцем.

— Ты льстишь мне, девушка? Тебе велели льстить мне, потому что ты красива? Так многие поступают, и их легко раскусить. Все же мне показалось, что я разглядела в твоей внешности некий изъян.

Она потянулась за маленьким ручным зеркальцем, которое свешивалось у нее с пояса, отстегнула его и подала мне:

— Взгляни сама.

Я подчинилась, но не увидела ни жировика, ни родинки, ни прыщика, ни пятна на моем безупречном лбу.

— Я обращаюсь к хирургу моего отца, — сказала я, возвращая обратно зеркальце.

— Обязательно сделай это, — резко ответила королева. — Жировик на лбу — знак шлюхи! Ненавижу женщин с плаксивыми голосами, — добавила королева. — Твой голос меня раздражает. Ну-ка подойди к окну. Здесь больше света. Дай мне рассмотреть тебя как следует.

Я сделала так, как она мне велела, и встала у окна, чтобы прямо на меня падал солнечный свет. Она вновь оглядела меня с головы до ног, а затем кивнула, как бы в ответ своим собственным мыслям, и промолвила:

— Да, у тебя есть красота Болейнов. И не только она. Я чувствую, что в тебе есть и огонь Болейнов, их страсть. Не то что в твоей неуклюжей сестрице, — грубо и бестактно добавила она. — Никогда не уставала удивляться, до чего же сестры иногда не похожи друг на друга. Моя сестра Мария и я... — но тут королева замолчала.

Я хотела добавить, что королева Мария была лишь сводной сестрой Ее Величества, но вовремя прикусила язык.

В это время Сесилия, которая всегда страдала, стоило кому-то в ее присутствии заговорить о моей внешности, принялась оправлять свой наряд, шумно шелестя верхней юбкой и треща накрахмаленными нижними юбками. В последнее время она очень располнела. Я бы сказала, что она была просто толстушка по сравнению с другими фрейлинами. Звук ее шуршащих юбок заставил королеву язвительно посмотреть на нее.

— Прикажи распустить швы на этом платье, — заметила она. — Оно тебе явно мало. Или выкини его и закажи новое.

Я затаила дыхание, надеясь, что у Сесилии достанет ума не ответить королеве грубо или непочтительно. Другие фрейлины предупредили нас, что королева подвержена внезапным приступам ярости, а в гневе она страшна.

— Да, Ваше Величество, — только и пробормотала моя сестра, и я вздохнула с облегчением.

Я почувствовала, что королева вновь меня рассматривает, но тут она сказала:

— А теперь подойдите сюда и помогите мне одеться. Я передумала: шелковые рукава цвета слоновой кости сюда не подходят. Лучше выберу вот эти — бархатные, фиолетовые, с вышивкой золотом.

С этими словами королева проследовала в гардеробную и уселась перед туалетом с огромным трехстворчатым зеркалом. Она принялась разглядывать свое отражение и, казалось, больше не обращала внимания ни на меня, ни на Сесилию. Но затем, в течение следующего часа, когда ей укладывали прическу, сурьмили брови, когда на нее надевали сорочку из тончайшего полотна и многочисленные нижние юбки, затягивали корсет, пристегивали к лифу рукава и брыжи, я видела, что она нет-нет да и посматривала на наши отражения в ее зеркале. На меня она глядела задумчиво, а на Сесилию — презрительно.

«Вы, девушки, ничего не стоите, — говорил этот взгляд. — Я могу избавиться от вас в любой момент. Выкину в два счета, как старое платье».

Мой отец жаждал поскорее найти мне мужа. По его мнению, я слишком быстро повзрослела и готова расстаться со своей девственностью при обстоятельствах, могущих навлечь позор на всю мою семью. Он очень хотел видеть меня замужем за человеком, который не только будет считаться выгодной партией, но сможет держать меня в строгости. Мать была согласна с тем, что хорошо бы найти достойных женихов и мне, и Сесилии, но в этом вопросе, как, впрочем, и во всех других, она проявляла свойственную ей беспечность.

— У них много времени, — отмахнулась она как-то от отца, который в очередной раз заговорил о необходимости нашего скорейшего замужества. — Они еще совсем молоды.

— Но у Летти плохая репутация, которая со временем может только ухудшиться. Мы обязаны подыскать девочкам супругов до тех пор, пока, э-э-э...

— Пока кто-нибудь из наших дочек не забеременеет. И мы с тобой знаем, с которой из них это может случиться раньше. Ну и что из того? Просто такое стечение обстоятельств несколько усложнит нашу задачу. Будем уповать на то, что коль скоро самое плохое произойдет, то мужчина поведет себя как джентльмен и женится на Летти. А если он попытается увильнуть, я пожалуюсь королеве и она его заставит сочетаться браком.

Я завидовала тому, с каким философским спокойствием наша мама смотрела на наше будущее, но слишком хорошо понимала и обеспокоенность отца. Как это было похоже на него: взвалить на свои плечи слишком большую ответственность — буквально за всю нашу семью. Я искренне сочувствовала ему.

В это время королева дала отцу новое поручение: она отправила его в Ирландию, чтобы он разобрался, действительно ли оправданы огромные расходы ее лорд-наместника в этой стране, без особого успеха пытавшегося усмирить диких ирландцев. Оттуда отец написал нам, что нашел для меня выгодную партию в лице одного лорда, который владел в Ирландии обширными землями и жил там большую часть года. В письме отец особо отметил, что уже начал переговоры о возможном браке.

Я в глубине души взмолилась, чтобы эти переговоры не увенчались успехом: мне совсем не хотелось ни выходить замуж за обитателя этого острова, ни жить там самой. К моему несказанному счастью, отец вскоре написал, что переговоры закончились ничем. И еще в письме говорилось, что отец заболел и возвращается домой.

— Болотная лихорадка! — говорили друг другу наши служанки и камеристки, значительно и зловеще переглядываясь. — Так всегда и бывает. Кто бы ни поехал в Ирландию, заболевает там этой напастью.

В первые дни моей службы королеве я была так сильно занята, что у меня не было времени не только задуматься о своем будущем, но и посидеть у постели моего больного отца. Будучи фрейлиной, я должна была вставать с рассветом, быстро одеваться в серое платье, положенное мне по должности, идти на службу в дворцовую церковь, завтракать куском хлеба и кружкой эля в покоях королевы, а затем прислуживать Ее Величеству, выполняя любые ее распоряжения, которые ей было угодно мне дать, в дополнение к моим обычным обязанностям. Обеду нас был в полдень. После обеда мы вместе с другими дамами из свиты королевы присутствовали на всех приемах, будь то сеансы наложения рук на тех ее

подданных, которые страдали тяжелыми заболеваниями, исцеляемыми лишь прикосновением монарха^[108], или встречи иноземных послов, либо занимались вышиванием или иным тонким рукоделием по шелку, подрубая драгоценные рукава и тончайшее кружево воротников. Когда погода и настроение королевы благоприятствовали, мы отправлялись на прогулку верхом, либо играли в мяч, в волан или в другие игры на свежем воздухе. Иногда самые озорные из нас придумывали всякие забавы и проказы, и все мы вместе их осуществляли — иногда к развлечению и удовольствию королевы, иногда к ее досаде и порицанию.

После ужина к нам присоединялись джентльмены, и наступал час «взглядов и вздохов», когда над шахматной доской или через все пространство комнаты завязывался безмолвный разговор двух любящих сердец, когда музыканты играли куранту или гальярду^[109], когда мужчины приглашали нас на танец, а мы старательно исполняли все затейливые шаги и прыжки этих старинных танцев до тех пор, пока не останавливались в изнеможении и требовали принести нам легкого пива, дабы утолить жажду.

Иногда такие вечера заканчивались за полночь, и мы буквально валились с ног от усталости. А ведь прежде чем отойти ко сну, мы должны были убедиться в том, что постельничие надлежащим образом приготовили ложе королевы для ее ночного отдыха — высокую и широкую кровать под пышным балдахином и со множеством покрывал, украшенную позолоченной короной и семью плюмажами из орлиных перьев.

Только проводив королеву в ее опочивальню, мы сами получали право отойти ко сну, и тогда мы забирались по двое в наши постели с бугристыми матрасами, силясь согреть босые ноги, замерзавшие на холодных дощатых полах, покрытых лишь тонкими тростниковыми циновками. Вонь от гниющего тростника перебивалась запахом полыни, пучки которой разбрасывались от блох, и ароматом розовых и оранжевых цветов, приносимых в наши покои для облагораживания воздуха.

Моя сестра Сесилия переживала очень трудную пору: она прекрасно понимала, что королева ее невлюбила и что наш отец стремится выдать замуж в первую очередь меня, а ее партия занимает его в гораздо меньшей степени, — и потому постоянно бурлила от сдерживаемой ярости. Королеве Сесилия мстила мелко и скрытно: то подольет камфару во флакон с королевскими духами, то положит любимые нюрнбергские часы^[110] королевы, с тончайшим хрустальным стеклом, закрывавшим циферблат, на самый край стола, где их легко бы мог сбросить на пол широким рукавом любой проходящий. Как-то раз она оставила дверь птичника широко открытой, и все певчие птицы улетели бы, если бы я вовремя не закрыла дверь, ибо следить за птичником входило в мои обязанности.

Я думала, что королева не замечает этих проделок моей сестры, однако оказалось, что это не так. Как-то утром мы помогали нашей повелительнице одеваться. Елизавета распорядилась принести как можно больше париков, чтобы выбрать тот, который лучше всего подойдет к ее наряду. Она не могла решить, на каком из них остановить свой выбор, и от этого настроение ее испортилось.

Ее раздражение все возрастало по мере того, как мастер по изготовлению париков, прибывший к нам из Франции и получивший место при дворе, доставал один за другим свои изделия и предлагал их королеве. Она только отрицательно мотала головой и топала ногами. В конце концов ее раздражение нашло выход: она взялась на молоденькую камеристку, совсем недавно принятую на королевскую службу.

— Глупая девчонка! — воскликнула королева. — Мне не нужен каштановый парик, дай

мне золотисто-рыжий! Да не этот, а тот, что темнее, который с плетеным кружевом!

Девушка неловко потянулась за требуемым париком с множеством локонов и уронила его. Искусственные кудри безнадежно спутались.

Елизавета отвесила камеристке звонкую пощечину. Девушка вскрикнула, а Сесилия выругалась и потянулась за тяжелым зеркалом, оправленным в серебро, которое лежало на туалетном столике королевы. Королева проворно вывернула моей сестре руку, выхватила зеркало и запустила им в служанку. Зеркало ударило девушку по голове. Из рассеченного виска хлынула кровь. Почти тотчас один из постельничих схватил пострадавшую под руку и быстро вывел из комнаты. Мастер по изготовлению париков остался. И тут королева закричала:

— Вот он! Вот тот цвет, который я хочу!

Она указала на мышинные локоны Сесилии, а затем сорвала с нее чепец. Волосы моей сестры в беспорядке рассыпались по спине. Сесилия задыхалась и трясла головой, все еще не отойдя от той сцены, которой только что была свидетельницей.

Волосы Сесилии были вовсе не того цвета, что у парика, который королева выбрала, а служанка уронила. Не были они и того цвета, который подходил бы к туалету королевы. Они не были ни густыми, ни блестящими. Честно говоря, мои волосы были гораздо ближе к тому оттенку, который жаждала получить Елизавета. Но в тот момент об этом никто не подумал. Сесилия запротестовала, но ее протест был заглушен криками королевы:

— Мне нужны эти волосы. Сейчас же обрейте ее! Сделайте мне парик из этих волос!

В комнате наступила странная тишина, все были потрясены.

— Конечно же Ваше Величество не думает о том, чтобы... — начала моя мать, но Елизавета так взглянула на нее, что она замолчала.

— Вы слышали, что я сказала? — отчеканила королева. — Мне нужны эти волосы. И немедленно!

— Но, Ваше Величество, — возразил француз, — изготовление парика требует времени. Даже если сейчас волосы сбреют, расчешут и подготовят, мне понадобится несколько дней...

— Тогда я подожду. А когда парик будет готов, он должен быть самым красивым из когда-либо созданных человеком!

Сесилия заплакала в голос, она была уязвлена в самое сердце. Затем она попыталась выбежать из комнаты, но моя мать ее удержала.

— Будь храброй, — велела она дочери. — Подчинись! Это будет твой самый смелый поступок за всю жизнь.

И Сесилия подчинилась.

В ту ночь, когда она лежала рядом со мной, а ее обритая голова была замотана тюрбаном из ткани, глаза распухли и она дышала прерывисто от пролитых слез, я простила ей все зло, которое она мне причинила. Ведь Сесилия сделала то, на что я никогда не отважусь. Она исполнила прихоть королевы, продиктованную местью, и пошла на это не для достижения благородной цели, а потому что так требовал здравый смысл. И потому что моя мать, у которой этого здравого смысла было в избытке, велела ей подчиниться. Сесилия последовала голосу разума, а не своим чувствам. Она вовремя вняла хорошему совету.

Так, значит, вот что такое — быть взрослой. Отбросить детскую непосредственность и девичий пыл, стать мудрой и уравновешенной. Мудрая женщина готова принять все, что предлагает — или навязывает — ей судьба. Она без сожаления спешит выйти сквозь узкую

калитку в стене, отделяющей мир радужных надежд и мечтаний от суровой действительности, и с грустью осознает, что эта калитка закрылась за ней навсегда.

В первый раз, когда я увидела Роберта Дадли^[111], он громко и радостно смеялся. На руках у него был вопящий и визжащий поросенок, которого лорд Роберт принес в огромную и величественную тронную залу королевы, дабы развеселить свою повелительницу.

Весь двор замер в ожидании того, как в ответ на этот поступок поведет себя Елизавета. Королева рассмеялась, и тотчас остальные придворные заулыбались.

Лорд Роберт занял свое место справа от королевы. Он был высок ростом, хорош собой и держался совершенно непринужденно. Казалось, ему наплевать на то, что его дорогой синий бархатный камзол с вышитыми золотом сияющими звездами замаран испуганным свиненком, или что мой отец, не одобрявший такие шутки в тронной зале, укоризненно качает головой.

Я не могла отвести глаза от лорда Роберта.

Он улыбался, и не одним красиво очерченным ртом — его синие глаза искрились весельем. То была не холодная усмешка опытного царедворца, а искренняя улыбка человека, довольного собой и своей жизнью. Того, кто укротил своих демонов, преодолел свои страхи и чувствует себя хозяином положения. Мужчины, прекрасно знающего, как привлекателен он для женщин вообще и для королевы в частности.

После того как его шутка была принята Елизаветой благосклонно, лорд Роберт передал вопящего поросенка слуге и продолжил свой разговор с королевой тихим голосом. Я наблюдала за ними, не в силах отвести глаз. Взгляды, которыми обменивались эти двое, без слов говорили о том, насколько они близки.

В какой-то момент лорд Роберт склонился к королеве, чтобы прошептать ей что-то на ухо, а она с улыбкой посмотрела на него снизу вверх взглядом, в котором читалось почти полное доверие. Как непохоже на нашу подозрительную и осторожную правительницу...

Поговаривали, что они любовники, хотя лорд Роберт и был женат. В восемнадцать лет он женился на дочери сэра Джона Робсарта.

— Его жена никогда не бывает при дворе, — сообщила мне всеведущая мистрис Клинкерт, которая очень скоро стала моим самым надежным поставщиком дворцовых сплетен. Эта пухленькая женщина, которая, казалось, сплошь состоит из одних округлостей, одна из нянек малолетней Елизаветы, служила ей верой и правдой, невзирая на все изменения положения и жизненных обстоятельств юной принцессы. Она даже прислуживала своей подопечной, когда та была заключена в Тауэр во времена царствования своей сводной сестры Марии. Ох, и порассказала же мне мистрис Клинкерт немало историй о том опасном времени, когда все они ходили по лезвию ножа и боялись не сносить головы. Когда я стала фрейлиной, мистрис Клинкерт занимала должность главной камеристки и была, несмотря на свою полноту и возраст (а он уже приближался к почтенным пятидесяти годам), необыкновенно живой и привлекательной.

— Жена лорда Роберта не бывает при дворе, — объяснила мне мистрис Клинкерт, — ибо слишком хорошо знает свое место. Она переезжает из одного поместья в другое и ждет, когда королева выйдет замуж. Конечно же, рано или поздно такой день настанет, хотя Ее

Величество и клянется остаться незамужней. По мне, так она просто обязана найти себе супруга, не правда ли? Женщина не может править единолично. Только посмотрите, что стало с ее сестрой! Она попыталась управлять страной сама, и это принесло Англии столько горя.

— А потом она вышла замуж и дела пошли еще хуже, — не преминула заметить я. — Говорят, все ненавидели ее супруга, короля Филиппа Испанского^[112], и он был жесток с Марией.

— Таково было ее наказание за то, что она велела сжечь стольких несчастных, — настояла на своем мистрис Клинкерт. — Видит Бог, она заслужила эту кару.

— Расскажи мне о жене лорда Роберта, — попросила я, возвращая камеристку к той теме, которая меня интересовала. — Она красива? Она богата? Есть у нее любовники?

Мистрис Клинкерт понизила голос до шепота:

— Ее зовут Эми Дадли, в девичестве Эми Робсарт. Она — наследница значительного состояния. У ее отца есть земли и деньги, и лорду Роберту такая невеста была как подарок. Он просто обязан был на ней жениться ради своей семьи! Вы ведь знаете — на них свалилось ужасное несчастье, бесчестье, казни^[113]. Лорд Роберт был брошен в тюрьму и вышел из нее без гроша за душой. А денежки лорд Роберт ох как любит! Он обожает их тратить, и тратит широко. А когда деньги кончаются, он берет их в долг.

— Она красива?

— Нет, я бы так не сказала. Лицо у нее самое обычное, а одно плечо выше другого. Талия у нее не такая тонкая и грудь не такая высокая, как у нашей королевы. Но Эми всегда знала себе цену: должна сказать, что лорд Роберт был не единственным, кто к ней сватался. Эми не появляется при дворе, а королева ее не приглашает. А есть ли у супруги лорда Роберта любовники, про то мне неизвестно. А ежели б они у нее и были, то никому до этого и дела нет.

В ту пору мне казалось, что лорд Роберт вездесущ. Вот он, выполняя свои обязанности Главного конюшего, скачет бок о бок с королевой на охоте, вот он ведет кавалеров и дам в танце в покоях Елизаветы, вот он устраивает святочное веселье в Рождество, вот он развлекает всех нас на пирах шутками и более серьезными историями из своего боевого прошлого. (Говорили, он воевал бок о бок с испанцами короля Филиппа в битве при Сен-Кантене^[114], и сражался мужественно.)

Именно лорд Роберт, разодетый в бархатный камзол, с золотой цепью на груди, сопровождал во главе отряда йоменов^[115] королеву, когда ее принимал лорд-мэр Лондона. Богатые приемы лорда Роберта в его огромном доме Лестер-Хаусе на Стрэнде были у всех на устах. И еще он развлекал королеву в своих загородных поместьях, и я никогда не слышала, чтобы его жена присутствовала при этом.

Когда Елизавета обронила, что хорошо бы всем мужчинам при дворе перекрасить свои бороды в цвет ее волос, лорд Роберт первым показал свою курчавую бороду, выкрашенную в новый цвет. Когда королева заметила, что обожает запах мускуса, он заказал надушить мускусом все свои перчатки (и, по слухам, гульфик на своих узких штанах). Он пространно и со знанием дела рассуждал о многих вещах — от экспедиций в Новый Свет до цен на пироги с голубями или последних донесений послов королевы в Шотландии и Франции. Многие

мужчины любят поговорить, но их рассказы нагоняют на всех тоску, истории же лорда Роберта всегда были занимательны и рассказаны к месту.

Я не могла слушать никого другого, смотреть ни на кого другого, кроме как на лорда Роберта. А потом я совершенно случайно узнала, что королева в этом мало чем отличается от меня.

Как-то ранним вечером, когда Елизавета и большинство фрейлин отдыхали на террасе, лениво наблюдая за игрой в крокет [\[116\]](#), королева велела мне принести из ее опочивальни забытую ею на кровати шаль. Войдя в спальню, я без труда нашла искомое, а затем мой любопытный взгляд упал на одну из ее книг, лежавшую открытой у королевского ложа. На широких полях книги наша повелительница что-то записала своим крупным характерным почерком. Перо, чернильница и другие письменные принадлежности были торопливо отставлены в сторону, словно ее внезапно прервали. Видимо, королева хотела закрыть книгу, когда ее отвлекли, или намеренно оставила ее открытой, чтобы чернила высохли.

Я хорошо знала ее крупный, округлый почерк, который было так легко читать.

Искушение было слишком велико, и я не смогла ему противиться. Я прочла написанное:

«Год прошел с тех пор, как мы принадлежим друг другу. Год великого счастья и удовольствия. Никто не знает наверняка, но многие догадываются о нашей связи. Он сказал, что ради меня хочет снова стать свободным...»

Тут запись обрывалась. Что значили эти слова? Даже для меня, пробывшей при дворе всего несколько месяцев, их смысл был очевиден.

Я осторожно потрогала пальцем страницу — чернила высохли.

Внезапно я услышала шаги в коридоре — и тут же принялась открывать дверцы шкафов, как будто бы что-то ищу. Человек, кто бы он ни был, прошел мимо.

Я вернулась к постели королевы и вновь склонилась над открытой книгой. Я пролистала назад несколько страниц назад и увидела еще много записей тем же почерком. В глаза мне бросилось четверостишие:

Растворилась я до дна
в этом человеке.
Но его женой, увы,
мне не быть вовеки...

Лорд Роберт и королева, королева и лорд Роберт. Значит, я права, она его любит. А он? Ну, он, во всяком случае, «хочет вновь стать свободным»...

Знала ли мистрис Клинкерт об этой книге? Или я случайно натолкнулась на нечто столь личное, столь дорогое сердцу королевы, что о нем не знала даже ее верная наперсница? На великую тайну, которую никто, кроме самой Елизаветы, а теперь и меня — ее фрейлины и родственницы, — не должен был знать?

Я схватила шаль и поспешила к двери, чтобы вернуться к королеве, ее придворным дамам и остальным фрейлинам. Но у дверей опочивальни я остановилась, развернулась, подошла к столику у постели и осторожно закрыла книгу, не передвинув ни на дюйм письменные принадлежности. Пусть ничей любопытный взгляд не коснется этих тайных

Про своего будущего жениха я сразу поняла — умом он не блещет. Это было очевидно уже при первой нашей встрече. Отец познакомил меня с ним на второй год моего пребывания при дворе. Да, молодой человек выглядел достаточно мужественно и мог бы даже считаться красавцем, если бы не редующие на лбу темные волосы и тусклые глаза, лишенные всякого блеска. В них не загоралась даже искорка духовной жизни, поскольку их обладателя не интересовали ни идеи, ни проявления чувств, а лишь окружающие его простые вещи — грубые предметы материального мира. То, что можно переставлять с места на место, полировать до блеска, хранить в сундуках, либо чему можно придавать желаемую форму несколькими крепкими ударами.

«Я стану таким предметом, буду его очередной вещью», — пронеслось у меня в голове. Во мне он видит только мою плоть — молодое, но уже созревшее женское тело, — которым ему позволено будет наслаждаться в браке. Жена нужна такому человеку для того, чтобы рожать ему сыновей, украшать собой его приемы и вести его хозяйство. Ждать его у очага, когда он будет отъезжать по делу королевы, и радостно приветствовать его, когда он будет возвращаться.

Все это я увидела в его тусклых темно-карих глазах. А вот в живых, сияющих глазах моего отца читалось удовлетворение, ибо этот молодой человек по имени Уолтер Деверё казался моему родителю идеальной партией для меня. Еще отец радовался тому, что вроде бы подыскал мужа и для Сесилии. У Уолтера был троюродный брат, вдовец сэра Роджер Уилбрэм. Ему нужна была супруга, которая заботилась бы о его детях и о нем самом, когда он состарится. Сэр Роджер был уже немолод, и Сесилия, если у них все сладится, стала бы его третьей женой. Как я поняла из разговоров, будущий муж был готов заботиться о моей сестре, особенно если отец сможет, используя свое влияние, добиться назначения сэра Роджера мировым судьей, чтобы тот получал весь доход, сопутствующий этой важной должности.

Посему, когда я вошла в зал в тот памятный день, отец радостно потирал руки, не в силах скрыть своего удовлетворения. Помню, я взглянула на молодого человека, стоявшего рядом с ним, с интересом: так вот он какой, Уолтер Деверё! А потом я увидела его глаза и сказала себе: «Боже мой, только не он...»

Я попыталась поймать взгляд матери, которая сидела в стороне и чинно вела беседу с другой женщиной, по-видимому — матерью Уолтера. Мама избегала встречаться со мной глазами — дурной знак! Брат Фрэнк на этом семейном сборище отсутствовал, и я тщетно озиралась по сторонам в поисках хоть кого-нибудь, кто разделит мое первоначальное впечатление об этом нелепом, невозможном женихе. Но ни одного союзника у меня не было.

Тем временем молодой человек подошел ко мне поближе и бесцеремонно уставился на меня. Отец представил нас друг другу. Уолтер поклонился, а я присела в глубоком реверансе. Молодой человек тупо молчал. «Что за болван! — подумала я. — И где только отец его выискал?» Следующие слова моего отца оказались ответом на мой невысказанный вопрос:

— Юный Уолтер сопровождал меня в Ирландию, Летти. И он мне там очень помог.

— И как вам понравилась Ирландия? — спросила я гостя скорее из вежливости, чем из любопытства.

— Ну, больно на Уэльс похоже, — был его краткий ответ. — Зелени много...

Ну о чем прикажете говорить с мужчиной, которому в галантной беседе с девушкой нечего сказать об Ирландии кроме того, что там «зелени много»?

Мне не довелось там побывать, но я внимательно слушала красочные рассказы моего отца и хорошо представляла себе этот загадочный край с его просторами, скалами, долами и болотистыми равнинами, прекрасную страну, которая была бы еще лучше, если бы не ее мятежные коренные жители.

Я попыталась сменить тему:

— Так, значит, вам нравится зелень? Вы, наверное, любите ухаживать за своими садами?

Но Уолтер лишь пожал плечами:

— Ну, у меня есть для этого садовники. То есть, я хотел сказать, мой отец их нанимает.

Я уже готова была сослаться на плохое самочувствие и покинуть гостей — никакой другой более правдоподобной причины для того, чтобы больше не вести разговоры с этим олухом, я придумать не могла, — когда услышала ровный, спокойный голос матери. Она встала со своего места, приблизилась к нам и обратилась к Уолтеру:

— Ваша мама только что рассказала мне, что вы страстно любите охоту. Особенно охоту на кабана.

Лицо Уолтера впервые за все время нашей беседы оживилось:

— Точно так, мадам! Я завалил множество кабанов, благородных оленей и ланей, а еще убил бесчисленное количество лис и зайцев, хотя гоняться за ними мне совсем не по нраву. — Он повернулся к отцу и заговорил с неподдельным энтузиазмом: — Вы пробовали выходить на кабана с арбалетом? У меня их несколько — мне их смастерил главный оружейник. Еще он сделал мне особые стрелы для охоты. Понимаете, когда берешь кабана, главное — не слишком попортить тушу. Рогатина — вот то, что нужно! Или даже обычный охотничий нож, если под рукой больше ничего нет...

— Один из моих людей заколол ирландца рогатиной, — заметил мой отец. — Страшное оружие! Результат, как бы это помягче выразиться, превзошел все ожидания...

При этих словах отец немного побледнел.

— Ну, этот парень — ирландец, я хочу сказать, — наверное, заслужил, чтобы ему выпустили кишки, — ничуть ни смутившись, продолжал Уолтер. — Но если вернуться к охоте, то позвольте пригласить вас, сэр, во Фрамлингхэм-парк^[117] или даже лучше — в Амберли^[118]. Там полно дичи. Самую вкусную оленину мне довелось отведать в Амберли — под соусом из черной смородины, ясное дело, иначе мясо было бы слишком жесткое и вонючее.

«Так вот какие темы интересуют этого Уолтера! — подумала я, глядя в его оживленное лицо. — Теперь уже неудобно сказаться больной и покинуть это развеселое собрание, а так хочется...»

— Уверена, мистер Деверё приехал к нам не только для того, чтобы обсуждать охоту, — довольно бестактно вмешалась моя мать. Одной рукой она взяла мою руку, а другой рукой — руку Уолтера и решительно повела нас к скамье, заваленной мягкими подушками. — Хотя, возможно, мистер Деверё, вы вышли на охоту за той, которая разделит с вами ваше будущее? Ах, наверное, я говорю слишком прямо или слишком рано называю вещи своими именами.

Моя мать с очаровательной и притворно-смущенной улыбкой замолчала, взглянув сначала на отца, затем на мать Уолтера, а уж потом на меня.

— Давайте дадим Уолтеру возможность самому принять решение, — рассудительно изрек мой отец.

И со временем Уолтер такое решение принял.

Впрочем, для предложения руки и сердца он созрел не скоро, — через несколько месяцев, — ибо был этот Уолтер человеком в высшей степени обстоятельным, хоть и недалеким.

А пока он хорошенько все обдумывал, я по-прежнему оставалась при дворе и мое восхищение совсем другим мужчиной — лордом Робертом — только росло.

Каждый раз, когда Уолтер приезжал навестить меня, брал меня с собой на одну из своих «прогулок на свежем воздухе» или мы обедали с его семьей, я невольно сравнивала его с лордом Робертом. Последний был гораздо красивее, сверкал остроумием, как никто умел развлечь и очаровать и — должна признаться, был намного богаче. В его распоряжении находилось не только состояние его жены, которое он имел право тратить по своему усмотрению, но и доходы с возвращенных ему королевой родовых поместий. Кроме того, как только Елизавета взошла на престол, она назначила его на множество должностей, приносящих хороший и устойчивый доход. Не могу назвать себя жадной, но растущее не по дням, а по часам богатство лорда Роберта только добавляло ему привлекательности в моих глазах. Впрочем, если бы он даже потерял все, что имел, до последнего пенни, он все равно оставался бы самым желанным мужчиной при дворе.

Как-то раз мне приказали сопровождать королеву и лорда Роберта на прогулку в лес. Я поспешно облачилась в костюм для верховой езды и вместе с тремя другими фрейлинами присоединилась к малому королевскому выезду, в котором мы — четыре фрейлины — составили приличествующий этикету эскорт для нашей незамужней правительницы. То был канун ее двадцать седьмого дня рождения, и весь двор был как разворошенный муравейник из-за подготовки к празднествам. «Ей стукнет двадцать семь, а мне всего лишь девятнадцать... как же я еще молода», — подумала я. Королева казалась мне в тот день совсем зрелой женщиной. Двадцать семь лет или сорок семь лет для меня тогдашней не составляли большой разницы. Хотя, конечно, женщина в сорок семь, если, конечно, доживет, — начинает увядать и стареть под гнетом забот и болезней.

День был довольно мрачным, солнце пыталось пробиться сквозь темнеющие тучи. Накануне шел дождь, и тропа, по которой двигались наши лошади, была вся покрыта грязью. Легкий ветерок шевелил желтеющую листву деревьев.

Лорд Роберт прекрасно держался в седле и смело пускал своего великолепного коня вскачь по пересеченной местности, а королева, будучи наездницей храброй, но малоискусной, часто падала, но только восклицала: «А мне ни капельки не больно! Я нисколько не пострадала!», и взбиралась обратно на свою лошадь с помощью терпеливого грума. Ее юбка и башмаки потемнели от налипшей грязи, но настроение оставалось прекрасным.

Я обратила внимание на то, что лорд Роберт ободряюще улыбается королеве всякий раз, когда она вновь садится в седло после падения, искренне восхищаясь ее настойчивостью и храбростью. Он сдерживал ход своего скакуна так, чтобы он шел вровень с лошадью королевы, перекидывался с нашей госпожой веселыми шутками, погнался за ней, когда она предложила пустить лошадей наперегонки, и при этом, как я заметила, умело делал вид, что

никак не может ее настичь. С каким же искусством надо было управлять своим норовистым, горячим конем, чтобы вовремя и незаметно его осаживать. Тут требовалось недюжинное мастерство.

Мы добрались до того места, где нам пришлось спешиться: над прудом был перекинут узкий мостик, по которому верхом было не проехать.

— Ждите нас здесь, — распорядилась королева небрежным тоном, прежде чем сойти с лошади и вступить на мостик.

Лорд Роберт также соскочил с коня и последовал за ней. В несколько шагов он догнал Елизавету, взял ее за руку, и они неторопливо зашагали вперед. Мы — четыре фрейлины, сопровождавшие королеву, — с удобствами расположились на толстом покрывале, которое предупредительно постелил для нас грум. Мы наслаждались вином, хлебом и фруктами и радовались вышедшему из-за туч солнышку, которое приятно согревало нас, стоило нам начать наш пикник. Честно скажу, в этот момент мы совсем позабыли о своих обязанностях компаньонов, но я все же бросила взгляд на мостик и увидела, как эти двое прошли по нему, не оглядываясь, и исчезли в густом лесу, сплетя руки.

Глядя им вслед, я не могла не вспоминать те слова, которые прочитала на полях книги, лежавшей у ложа королевы. *«Год великого счастья и удовольствия»*, — написала она тогда. И еще:

Растворилась я до дна
в этом человеке.

Они были любовниками — в этом у меня не было теперь никаких сомнений. И я искренне пожелала им счастья, ибо грех не желать счастья тем, кто соединил свои сердца и тела. Я завидовала королеве, завидовала тому, что прекрасный лорд Роберт ей предан всей душой. Но потом я вспомнила и другие ее слова:

Но его женой, увы,
мне не быть вовеки...

Значит, ее самым сокровенным желанием было выйти замуж за лорда Роберта, и судьба отказала ей в его исполнении. Значит, ее счастье и удовольствие всегда будут с налетом печали.

На лес набежала тень, облака вновь закрыли солнце. Мы терпеливо ждали, пока королева и Роберт насладятся друг другом под сенью деревьев, но минуты растянулись на часы, мои товарки принялись переглядываться друг с другом с понимающими ухмылочками, а потом пошел дождь. Мы попытались по мере сил укрыться от струй воды, низвергавшихся с небес, когда наконец появились Елизавета и лорд Роберт, и мы все притихшие и насквозь промокшие тронулись в обратный путь.

На следующий день после дня рождения королевы двор был как громом поражен неожиданной вестью. Жена лорда Роберта погибла! Объявили, что она оступилась на лестнице и упала.

— Ее столкнули с лестницы, — шептались по углам. — Наверняка она не сама упала. И мы все знаем, кто это сделал.

Слуги, проходя между покоем, не таясь, насвистывали «Джигу короля Роберта». Из уст в уста повторялись шутки слишком грубые и фривольные, чтобы их можно было здесь повторить, но я им смеялась, и Сесилия тоже. Смех наш был не особо веселый, ибо к нему примешивался страх.

Вообще, в этой истории было много непонятного.

Эми Дадли погибла в Оксфордшире, в то время как лорд Роберт находился в королевском дворце в Гринвиче. Он был одним из устроителей пышных торжеств в честь дня рождения королевы, как обычно командовал всем и вся и был постоянно на глазах всего двора, в том числе и нас — фрейлин. Он не мог быть одновременно в двух местах — на берегу Темзы при дворе королевы и в далеком Оксфордшире, сталкивая свою жену с лестницы. Но стоило кому-нибудь об этом заикнуться, как тут же следовал ответ:

— Ну, тогда это сделал кто-нибудь из его подручных или слуг.

— Но слуг в этот день в поместье не было, леди Эми их всех отослала.

— Один из них прокрался обратно в дом и столкнул ее. А лорд Роберт щедро ему заплатил за это.

Дурная молва множилась и ширилась, перекинувшись из дворца в Лондон, а затем распространившись по всему нашему королевству и за его пределы. Теперь лорда Роберта называли не иначе как «королем Робертом» или «будущим королем». Мало кто сомневался, что Эми умерла от руки своего мужа или того, кого этот самый муж нанял.

— Этому человеку место в Тауэре, — мрачно заявил мой отец как-то раз за обедом. — Помнится, он когда-то уже сидел там вместе со всей своей изменнической семейкой.

Все при дворе знали о темном прошлом лорда Роберта, о том, как его отец Джон Дадли, герцог Нортумберленд, сам Роберт и все четверо его братьев были заключены в лондонский Тауэр после попытки свергнуть с престола королеву Марию и посадить вместо нее на трон леди Джейн Грей. На всех Дадли лежало клеймо предательства, и лорд Роберт изо всех сил старался вытравить его. Теперь ему это вовек не удастся.

В тот день Уолтер Деверё обедал с нами, как недавно повелось. Он глубокомысленно кивнул на реплику моего отца, его темные глаза были полны негодования. Когда он заговорил, я услышала в его голосе новые нотки:

— Я слышал, что лорд Роберт прячет оружие в Чарни-Бассет^[119] и в пещерах на склонах Мидвейлских холмов^[120]. У него много людей — целая армия. Он собирается поднять мятеж, также как и его отец, а потом жениться на королеве и занять престол.

— С попустительства Ее Величества, — пробормотала моя мать.

Мой отец посмотрел прямо перед собой, а затем громко и отчетливо произнес:

— Я не желаю слышать никаких изменнических речей за моим столом.

Мама опустила глаза в тарелку и промолчала.

В те зловещие, наполненные слухами дни я не могла не сочувствовать нашей королеве, хотя никогда не любила ее. С тех пор как она узнала, что жена лорда Роберта мертва, с ее лица не сходила пугающая бледность, длинные белые пальцы тряслись, с ней то и дело случались нервные припадки. Она все время требовала к себе мистрис Клинкерт, которой доверяла более остальных, за исключением, возможно, лорда Роберта, чтобы та приносила ей разбавленный ликер, наливку или особую настойку для подкрепления сил и успокоения духа. А мистрис Клинкерт, бесстрастная и молчаливая, выполняла все прихоти своей госпожи глазом не моргнув, даже когда королева, пропустив несколько рюмочек подряд, становилась пьяной и сонной или, что случалось чаще, пьяной и сердитой.

Однако в эти же самые дни королева нашла себе дело, которое ее очень занимало, а возможно, отвлекало от переживаний — она заказала для своей опочивальни новое ложе. «Достаточно широкое для двоих, — как язвительно заметила моя мать, когда отца не было поблизости. — Впрочем, почему бы и нет, — тут же добавила она, пожав плечами, — коль скоро лорд Роберт днюет и ночует в ее спальне, а иногда бывает там и ранним утром, когда она еще не одета, чтобы подать королеве ее сорочку!»

Новая кровать, предназначавшаяся для Елизаветы, была сделана из векового кедра, украшена искусной резьбой и позолотой и снабжена роскошным сребротканым балдахинном. В изголовье лежали подушки из малинового атласа, а над ними были укреплены длинные пушистые страусовые перья, словно сбрызнутые мельчайшими кусочками сусального золота. Кровать была готова, но оставался только один нерешенный вопрос: какими должны быть занавеси для алькова.

— Лучше тех, которые в Камнор-Плейс^[121], не сыскать, — заявила королева своим швеям. — Ничего другого мне не подойдет. Видит Бог, леди Дадли эти драпировки больше не понадобятся. Пусть их доставят сюда, чтобы отделать мою новую постель.

Глаза королевы остановились на мне:

— Летти, ты отправишься вместе с мистрис Клинкерт в Камнор и привезешь их сюда.

— Возможно, Ваше Величество прикажет послать любого из слуг лорда Роберта, — отважилась возразить я, — чтобы не давать пищу кривотолкам.

Королева смерила меня взглядом и ничего мне не ответила. Но через некоторое время произнесла:

— Ты едешь в Камнор завтра!

Возразить мне было нечего. Я только подумала о той новой волне смешков и пересудов, которые вызовет этот приказ королевы.

В конечном итоге даже я присоединилась к этим тайным насмешкам. Распоряжение королевы было просто верхом бессердечия и беспардонности! Либо свидетельством ее безоглядной смелости. Вдумайтесь: приказать привезти полог с постели мертвой Эми Дадли для украшения ложа той, которая теперь, по слухам, готова открыто делить его с мужем покойной! Вот так мысль! Ее мог высказать разве что королевский шут, а мы бы все над этим посмеялись. Но королева не видела в своем приказе ничего смешного или неприличного.

Воистину, она была странной женщиной, и я не уставала ею поражаться.

Как же мне не хотелось ехать в Камнор с этим поручением! В глубине души я надеялась, что ужасные сплетни о причастности лорда Роберта к смерти жены не имеют под собой оснований. Я отказывалась верить в то, что человек, которым я восхищалась, способен убить свою супругу или приказать это сделать. Однако слух этот оказался очень живуч, а я не могла вечно затыкать уши и закрывать глаза. Я вспомнила тайные свидания королевы и лорда Роберта в лесу, вспомнила, как он подолгу оставался в ее опочивальне за полночь. Правда, вспомнилось мне и то, что иногда в этот час вместе с ним и королевой там по секретному делу заперался и Уильям Сесил^[122] — злейший и хитроумнейший соперник лорда Роберта в борьбе за влияние в королевском Тайном совете.

«А ведь за этой волной кривотолков может стоять Уильям Сесил!» — подумала я, оценив сложившееся положение дел. Сесил только выиграл от темных слухов, возникших после смерти Эми Дадли, ибо они наносили непоправимый вред его конкуренту лорду Роберту. Все, с кем я говорила при дворе, были уверены: лорд Роберт никогда не очистится от подозрений в убийстве жены, и его репутация навеки погублена.

В состоянии ли был Сесил подстроить смерть Эми Дадли? В этом не было ничего невозможного. Мне казалось, что королева наверняка знала правду, и в этом кроется причина ее бледности и нервных припадков. Впрочем, был и еще кое-кто, кто мог просветить меня в этом темном деле, — всеведущая мистрис Клинкерт.

Пока укладывали мой сундучок для поездки в Камнор-Плейс, я поклялась себе, что воспользуюсь случаем и хорошенько расспрошу главную камеристку королевы. Она любила поговорить со мной, делилась со мной важными сведениями, потому у меня были все основания надеяться, что уже по дороге в Камнор-Плейс она откроет мне этот самый большой секрет.

— Как ты думаешь, он совершил то, в чем его обвиняют? — спросила я мистрис Клинкерт, после того, как мы проехали несколько миль по дороге на Оксфорд в полном молчании.

Ее широкое морщинистое лицо застыло, маленькие глазки смотрели бесстрастно. Но я не сомневалась, что она прекрасно поняла, кого я имею в виду. Она тяжело вздохнула в ответ и отвернулась.

— Я прочитала то, что королева написала на полях своей книги, — продолжала я. — Той книги, что лежит у нее рядом с кроватью и где она записывает свои секреты.

Теперь на лице мистрис Клинкерт явственно проявилась тревога.

— Зря ты это сделала...

— Она написала, что они любят друг друга. И что он пообещал ей вновь стать свободным. Что он хотел этим сказать? Он освободил себя для нового брака, устранив жену, чтобы жениться на королеве? Была ли смерть его жены подарком королеве на день рождения? Она ведь умерла в день рождения королевы... Или на следующий день?

Мистрис Клинкерт кивнула, но ничего не сказала. Чуть помедлив, она наклонилась поближе ко мне и прошептала:

— Ты слишком много болтаешь.

Всю оставшуюся часть пути я раскрывала рот только для того, чтобы заговорить о вещах незначительных и обыденных. Я больше не упоминала ни королеву, ни лорда Роберта, ни покойную Эми Дадли.

До тех пор, пока мы не прибыли в Камнор-Плейс и управляющий не отвел нас в приготовленные для нас покои, мистрис Клинкерт тоже не произнесла ни слова о том, что меня так интересовало. Когда мы остались одни, она завела меня в глубокую оконную нишу и поведала то, что уже, видимо, не могла и не хотела скрывать:

— Люди судачат о том, что лорд Роберт приложил руку к этому делу. Но так это или нет — неважно. Королева никогда не выйдет замуж ни за него, ни за кого другого.

— Но она обязана. Королевы не правят сами. Лорд Сесил, другие члены Королевского совета, мой отец — все убеждают ее найти себе супруга, и поскорее.

— Цель брака королевы — рождение наследников, — ответила мистрис Клинкерт, — сыновей, которым можно передать трон. А она не может понести ни сына, ни дочь.

— Почему?

— Потому что она не такая, как другие женщины.

Так вот что имела в виду главная камеристка! Королева чем-то больна, либо имеет увечье, а возможно, на нее наслали порчу, или же она — Боже упаси — несет на себе проклятье. А не путает ли чего мистрис Клинкерт? Ведь мы жили рядом с королевой, одевали и раздевали ее, собирали ее грязное белье, застилали ее кровать... Мы, подобно ее личным докторам, хорошо были осведомлены о состоянии ее здоровья. Поэтому я решилась возразить:

— Ты говоришь, что она не такая, как остальные женщины, однако она имеет регулярные месячные истечения. Мы же видим пятна на ее белье. А раз так, значит, у нее

могут быть дети.

Мистрис Клинкерт притянула меня к себе совсем близко, и я почувствовала запах трав, которые она обычно жевала.

— Это не ее кровь, — прошептала она. — Это кровь других женщин.

— Каких женщин?

— Про это знают только ее камеристки.

Значит, королева умело прикидывалась, что к ней приходят месячные, как и ко всем прочим женщинам до тех пор, пока они не выйдут из детородного возраста. Или почти ко всем женщинам.

— А лорд Роберт знает правду? — спросила я, чуть помедлив, когда до меня дошел смысл слов моей осведомительницы.

Мистрис Клинкерт подняла брови и пожала плечами:

— Я знаю только одно: королева не хочет стать женой, над которой насмеются и которую презирают из-за ее бесплодия. Зная, что, если она выйдет замуж, она не принесет мужу детей, она и не вступает в брак.

— Но ей нужен наследник!

— Со временем она его выберет и назначит.

Сердце мое тревожно забилося после откровений мистрис Клинкерт, но столь же пугающей выглядела и картина, открывшаяся нам из окна нашей комнаты. Во дворе поместья царила невероятная сутолока и стоял такой шум, что тихий голос камеристки королевы почти потонул в нем.

Во двор со страшным грохотом въезжали повозки, груженные оружием, тяжелыми дубовыми бочонками, упряжью, сундуками и корзинами. Их разгружали солдаты и слуги. Они уносили амуницию и припасы в кладовые, примыкавшие к господскому дому. Вооруженные люди то и дело въезжали и выезжали в ворота, перед шорней толпились солдаты, а стражники бросали кости о стену конюшни. Поместье Камнор напоминало военный лагерь армии в походе.

В то же время до настоящей армейской дисциплины этому «войску» было еще далеко, так как было много криков, суеты и неразберихи. Интересно, кто здесь командовал? Я вспомнила, как Уолтер Деверё сказал, что лорд Роберт собирает войска и готов поднять мятеж. Значит, поэтому королева была так бледна и взволнованна в последние дни? Она боится лорда Роберта и его людей? Она оказалась пешкой в игре своего возлюбленного?

Тогда я обратилась за утешением и успокоением к словам моего отца, сказанным им перед моим отъездом в Камнор-Плейс. Он положил руки мне на плечи, заглянул в глаза, как только он один умел смотреть, и произнес:

— Летиция, что бы ты ни увидела и ни услышала, что бы ни сказал Уолтер Деверё, знай одно: дому Тюдоров ничего не грозит. Слишком многие из нас поддерживают нашу королеву. Престол в безопасности!

Отбросив на время размышления о столь серьезных материях, я с облегчением перешла к тому делу, за которым, собственно, меня сюда и послали от имени королевы. Управляющий проводил мистрис Клинкерт и меня в спальню Эми Дадли. На нашем пути мы прошли несколькими коридорами и поднялись по короткой лестнице. На каждой ее ступеньке с краю лежали цветы, которые уже начали увядать. Я поняла, что мы идем по той самой роковой лестнице, откуда случайно упала Эми или откуда ей помогли упасть, потому я невольно затаила дыхание.

Управляющий распахнул двери опочивальни, и мы вошли внутрь. У дальней стены мы увидели пожилую женщину, которая стояла, сжавшись от страха, словно ее должны были вот-вот ударить.

— Пирто! — обратился к ней управляющий. — Эти дамы прибыли из дворца. Их послала сама королева. Понимаешь, о чем я толкую?

Было странно слышать, что мистрис Клинкерт назвали «дамой». Должно быть, управляющий хотел ей польстить. Или просто принял ее за знатную особу, несмотря на грубую ткань и старомодный фасон ее платья, отсутствие драгоценностей и старинного кроя чепец. Все эти признаки мгновенно подсказали бы опытному царедворцу то скромное место, которое мистрис Клинкерт занимала среди королевских слуг, и указали бы на ее низкое происхождение.

Пожилая женщина поклонилась, но не выпрямилась, а съежилась еще больше.

— Эти дамы прибыли сюда, чтобы забрать кроватный полог. Проследи, чтобы они получили то, что им нужно, — велел ей управляющий, а затем, обращаясь к нам, пояснил: — Это Пирто^[123], горничная покойной леди Дадли. Она была очень предана своей госпоже.

Когда управляющий оставил нас, я подошла поближе к широкой и высокой кровати с альковом. Альков включал в себя несколько гобеленов дивной красоты, на которых яркими нитями были вытканы мифологические сцены. Я узнала соращение Леды^[124], обнимающихся Венеру и Адониса^[125], Психею, склонившуюся над Купидоном^[126] с лампой в руке и замершую в созерцании красоты своего возлюбленного. Работа мастериц-ткачих была необыкновенно искусной. Неудивительно, что королева возжелала иметь этот полог для своей новой кровати из драгоценного кедра, что, впрочем, не умаляло бестактности этого ее желания.

— Пирто, — обратилась я к горничной, — сними, пожалуйста, эти гобелены и аккуратно сложи их так, чтобы мы могли в сохранности доставить их в Лондон.

Ответом мне было только громкое шмыганье носом. Потом горничная прошептала:

— Пожалуйста, не дайте им меня забрать...

Я пригляделась повнимательней и поняла, что женщина до смерти напугана.

— Успокойся, никто тебя никуда не заберет, — уверила я ее. — Мы приехали только для того, чтобы доставить полог во дворец.

Видя, что она продолжает плакать, я добавила гораздо более сочувственным тоном:

— Это ты положила цветы на ступени лестницы?

Она кивнула и впервые отважилась поднять на меня взгляд. В ее много повидавших покрасневших глазах, окруженных глубокими морщинами, плескались неизбывная печаль и страх.

— Солдаты... их так много... они заберут меня и отведут в тюрьму...

Мистрис Клинкерт решительно подошла к горничной и ударила ее по щеке:

— Хватит жалеть себя! Делай, что тебе велят.

Но в ответ раздались только новые рыдания и всхлипы.

— Есть у тебя какие-нибудь корзины? — нетерпеливо спросила мистрис Клинкерт. — Я сама сложу в них занавеси.

— Солдаты... солдаты, — продолжала бормотать пожилая женщина. — Моя госпожа... куда они ее увозят? Куда отправят меня?

Мистрис Клинкерт собственноручно стащила занавеси с удерживающего их карниза и попыталась свернуть их, но они были такими тяжелыми и жесткими, что это оказалось

непросто. Меж тем Пирто подошла к комоду и попробовала открыть его. Ее руки тряслись, и она с трудом справилась с выдвижным ящиком. Горничная извлекла на свет божий металлическую шкатулку, украшенную позолоченным орнаментом с инициалами Э. Д. Вытащив из складок юбок связку ключей, Пирто выбрала один, который подходил к замку, и открыла шкатулку.

Я внимательно наблюдала за тем, как она поставила шкатулку на комод и принялась вынимать ее содержимое.

— Вот все, что осталось от моей госпожи, — проговорила она одновременно горестно и почтительно. — Здесь хранятся те вещи, которыми она больше всего дорожила.

— Значит, их следует передать лорду Роберту.

— Лорду Роберту наплевать на ее вещи, и даже на ее бедное, изломанное тело, — голос Пирто был тих, но полон ярости. — Знаете, куда они ее положили? В простой деревянный гроб. Они закопали ее в неосвященной земле за деревенской пивной. Так распорядился церковный староста, а священник только и сделал, что прочитал над ней молитву.

— Конечно же, ваша госпожа будет вскоре похоронена по всем правилам, в освященной земле. Просто ее смерть оказалась для всех неожиданностью. А лорд Роберт был слишком занят делами королевы. Наша повелительница нуждается в его услугах, и ему пока невозможно оставить двор.

Горничная бросила на меня оскорбленный взгляд, словно я попыталась очернить ее покойную госпожу.

— Леди Дадли — вот кто по-настоящему нуждалась в своем муже. Она ему доверяла, она скучала по нему, а он навещал ее так редко... — Лицо Пирто сморщилось от сдерживаемых слез. — Только я была с ней в тот день. Только я знаю всю правду!

— Какую правду? — резко спросила мистрис Клинкерт, отрываясь от занавесей, которые она все еще пыталась свернуть. — Что тебе известно?

Но вместо ответа Пирто сжала в руке одну из тех вещей, которые она извлекла из шкатулки. Это был портрет-миниатюра столь малых размеров, что трудно было разобрать, чье лицо изображено на нем. Пирто заулыбалась сквозь слезы, не сводя глаз с лица на портрете. И еще я заметила, как в этот момент она быстро выхватила из шкатулки сложенный лист бумаги и спрятала его в кармане фартука.

— Я знаю, что случилось в день, когда леди Эми погибла, — произнесла Пирто, оторвавшись от созерцания портрета и глядя прямо на меня. Теперь в ее взгляде был вызов. — И я все расскажу коронеру^[127] в суде!

В зале суда с голыми побеленными стенами буквально яблоку было негде упасть. Зрители шумели, толкались, чтобы занять места поудобнее на жестких деревянных скамьях, и благоухали крепким элем. Коронерские слушания по поводу смерти леди Эми Дадли, проживавшей в Камнор-Плейс и скончавшейся там же, должны были начаться в четыре часа дня, а кабаки открылись в полдень. Мало кто из обитателей деревни не воздал должное местным напиткам, с нетерпением ожидая начала заседания. Еще меньшее их число сомневалось в вердикте присяжных.

— Он их всех до одного подкупил, — перешептывались местные жители, разглядывая присяжных коронерского суда, которые стояли отдельно и заметно волновались. Как рассказал нам управляющий Камнор-Плейс, их созвали в самом спешном порядке.

«Лорд Роберт прислал своих людей из Лондона»... «они должны были подкупить всех присяжных и их старшину»... «говорят, Дадли уже тайно обвенчался с Ее Величеством и скоро велит себя короновать», — слышалось в толпе.

Старшина присяжных — коротышка с испуганным лицом — поминутно оправлял камзол, неловко переминался с ноги на ногу и старался не встречаться взглядом со зрителями.

— Взял денежки лорда, как пить дать, и готов вместе с остальными вынести такой вердикт, который угоден важному господину! — таково было единодушное мнение публики.

Двери распахнулись, и с порывом ледяного ветра в нетопленный зал вошел коронер. С его круглого личика капризного ангелочка не сходила презрительная усмешка, а одного его сурового взгляда хватило, чтобы утихомирить ссорящихся за места зрителей. Хотя он скомандовал, что его не нужно приветствовать вставанием, все в зале поднялись на ноги и замолчали. Тут в зале появился еще один человек: высокий, представительный, в длинной красной мантии и колпаке с меховой оторочкой. Вошедший уселся на скамью на возвышении за местом коронера и оглядел зал бестрепетным взглядом человека, привыкшего повелевать.

— Это представитель Геральдической палаты Ее Величества с правом ношения креста Святого Георгия^[128]. Его прислал королевский суд, и он будет наблюдать за ходом слушаний от имени королевы, — объяснили знающие люди.

— Можно подумать, королева хочет, чтобы *этот* суд был справедливым?! — раздался чей-то насмешливый голос.

В ответ на эту реплику в зале откровенно засмеялись.

— Всем сесть! — рывкнул коронер, и скамьи закрипели под рассаживающимися зрителями, которые вполголоса переговаривались между собой и все еще посмеивались.

— По делу о смерти леди Эми Дадли этот суд, созданный надлежащим образом, готов выслушать показания свидетелей, — начал коронер монотонным голосом, которому не изменил и в последующие часы, вызывая свидетелей одного за другим.

Мистрис Клинкерт и я, сидевшие в задних рядах, слушали, как обитатели Камнор-Плейс описывают последний день жизни Эми Дадли. Они рассказали, что она отпустила всех слуг.

отправив их на местную ярмарку, рассердилась, когда несколько человек захотели остаться с ней, и прогнала их. Еще они поведали, что в тот день (как, впрочем, и во многие другие дни до этого) леди Дадли была мрачна и подавлена, много плакала, жаловалась на судьбу, принимала лекарства для облегчения мучивших ее жестоких болей, а также молилась об избавлении от страданий.

— Не могли бы вы повторить ее слова? — попросил коронер врача, красочно описывавшего угнетенное состояние леди Эми. — Вы хотите сказать, что она молилась об освобождении и избавлении от чего-то, что ее мучило?

— Да, примерно так.

— Воспроизведите в точности ее слова!

— Ну, насколько я помню, она стояла под распятием, висевшим над ее кроватью, и...

— Но над ее кроватью нет распятия, — сказала я, поднимаясь со скамьи. — Мы с мистрис Клинкерт побывали в спальне этим утром, чтобы снять полог, и я не видела там никакого распятия, а только гобелены со сценами из языческих мифов, которые трудно назвать благочестивыми.

Коронер прищурился и внимательно посмотрел на меня. Представитель королевы тоже глянул на меня со спокойным интересом.

— Вы уверены в этом?

— Да.

— Вы хотите сказать, что леди Дадли не была христианкой?

— Что вы, я ничего подобного не имела в виду, Ваша честь. Просто доктор, возможно, не очень точен в своих показаниях, потому что над кроватью леди Дадли никакого распятия нет.

— Выносили ли что-нибудь или переставляли в спальне леди Дадли до того, как сняли полог? — спросил представитель королевы у коронера.

— Нет, ничего такого не делали.

Зрители, заскучавшие, а то и задремавшие во время занудных показаний предшествующих свидетелей, воспрянули к жизни. Я почувствовала себя в центре внимания всех присутствующих.

Доктор уставился на меня и, борясь с раздражением, процедил сквозь сжатые зубы:

— Возможно, она осенила себя крестным знаменем, когда произнесла эти слова.

Теперь встала со своего места Пирто. Она сидела среди других свидетелей, ожидая своей очереди.

— Моя госпожа никогда не крестилась, как это делают паписты, — бросила она и опустилась на скамью.

— Да какая разница? — вскричал доктор, уже не сдерживая своего раздражения. — Важно то, *что* именно она сказала.

Но представитель королевы не поверил словам доктора. Он учинил врачу настоящий допрос, заставив того волноваться еще больше. Доктор начал запинаться и мямлить, противоречить сам себе, пока всем присутствующим не стало ясно, что он лжет.

— А теперь, доктор Хьюик, — заговорил тут коронер самым серьезным тоном, — я собираюсь задать вам очень важный вопрос, на который вы обязаны ответить честно и откровенно. В противном случае вы понесете наказание за неуважение к суду.

Коронер замолчал, сделал паузу, откашлялся и произнес:

— Заплатил ли вам кто-нибудь деньги или оказал какие-либо услуги для того, чтобы вы

ввели в заблуждение этот суд, создав у суда впечатление, будто леди Дадли страдала и мучилась и хотела сама положить конец этим страданиям?

К моему удивлению, доктор страшно рассердился:

— Конечно, нет! Я человек, не стесненный в средствах!

— Скорее — не стесняющийся... — выкрикнул кто-то.

По залу прокатился хохот. Доктор только сокрушенно всплеснул руками.

Но когда публика утомилась, коронер вновь обратился к свидетелю:

— Вы хотели ввести суд в заблуждение своими показаниями? Отвечайте!

Доктор изо всех сил попытался вернуть себе самообладание перед тем, как заговорить вновь:

— Я говорю то, что помню, Ваша честь.

Тут допрос возобновил представитель королевы:

— Назовите точное время, когда вы были в покоях леди Дадли в день ее смерти.

— Среди дня — после того, как леди Дадли изволила пообедать.

— А кто же подавал ей обед, если всех слуг услали на ярмарку?

— Я прислуживала моей госпоже, — сказала Пирто со своего места. — Я не пошла со всеми на ярмарку.

— Вы присутствовали при визите доктора? — спросил представитель королевы.

— Простите, Ваша честь, но я, как добрая христианка, готова поклясться, что доктор не посещал мою госпожу в тот день.

— Но я же был в поместье! Эта женщина лжет! — выкрикнул врач. По его покрасневшему лицу обильно тек пот, голос дрожал.

— Положите руку на Библию и поклянитесь, что говорите правду, — велел представитель королевы.

Принесли Библию и положили ее перед свидетелем.

— Клянусь, — провозгласил доктор, положив руку, унизанную кольцами, на святую книгу, — что слышал, как леди Дадли молилась об избавлении ее от страданий.

— Она стояла на коленях, когда возносила эту молитву, или молилась стоя?

Задавая этот вопрос, представитель королевы покинул свое место и теперь стоял совсем рядом с трясущимся доктором, угрожающе возвышаясь над свидетелем из-за разницы в росте.

— Она молилась стоя, как я уже говорил...

— Она всегда опускалась на колени, когда молилась, — заявила Пирто ледяным тоном.

В зале повисло молчание.

— Возможно, доктор, у вас плохо с памятью. Давайте заслушаем показания горничной, которая была со своей госпожой в тот роковой день.

— Леди Дадли находилась в состоянии душевного волнения. Я бы даже сказал, умопомрачения, — настаивал на своем доктор. Видя, что ему не верят, он воскликнул: — Господи, неужели вы не понимаете? Она вообще ничего не соображала. Ей жить не хотелось...

Но тут по кивку представителя королевы двое стражников подхватили врача под руки и потащили его вон из зала суда. Он пытался еще что-то прокричать, но его слова заглушил свист ветра из распахнутой двери.

Тем временем Пирто, сжимая в руке портрет-миниатюру из шкатулки леди Эми, вышла вперед и встала на свидетельское место, лицом к присяжным. По знаку коронера она начала

ГОВОРИТЬ.

При первых же словах Пирто зрители подались вперед, стараясь не упустить ни слова. В отличие от доктора, горничная совершенно не волновалась. Весь ее облик дышал уверенностью, так непохожей на страх, владевший ею накануне, когда мы с мистрис Клинкерт увидели ее впервые. Официальная обстановка судебного заседания отнюдь не смутила ее, а как будто бы даже придавала решительности и добавила авторитета. Я внимала ее словам, затаив дыхание.

— Моя госпожа была хорошей и добродетельной женщиной, — начала она. — Каждый день она молилась, преклонив колени, каждый день читала Святое Писание, находя в вере радость и утешение. Она знала себе цену, гордилась своей семьей и своим богатством. Лицо ее было прекрасным, как лик ангела...

«Господи, да никаким ангелом там и не пахло! — прошептала мне мистрис Клинкерт сквозь стиснутые зубы. — У Эми нос был острый и длинный, как у лисы, и она им вечно все вынюхивала. А глаза — как буравчики!»

Поскольку я никогда не видела Эми Дадли, то не знала, кому верить, но подумала, что, возможно, Пирто несколько преувеличивает добродетели и приукрашивает внешность своей хозяйки, чтобы защитить ту, которая уже не могла защитить себя из могилы.

— В тот день она так и лучилась счастьем, — продолжала меж тем горничная. — Я никогда не видела ее в лучшем расположении духа. «Ах, Пирто, — сказала она мне, — отошли всех из дому. Я жду одного человека, но пока никто, даже мой муж, не должен знать об этом. Так что отпусти всех слуг». Я сделала, как она велела, а потом оказалось, что этим человеком, прибывшим к моей госпоже, была повитуха из Лондона. Оказывается, леди Дадли ждала ребенка.

По залу суда прошелестел вздох удивления. Некоторые женщины даже вскрикнули. Я бросила взгляд на мистрис Клинкерт и увидела на ее лице глубочайшее сомнение.

— Моя госпожа вовсе не была печальной, она не собиралась умирать, — продолжала Пирто. — Она была на седьмом небе от счастья. Ей так хотелось подарить своему супругу сына и наследника славного имени.

— Как вы думаете, ее муж не знал о ее состоянии? — уточнил коронер.

— Никто не знал. Только моя госпожа, повитуха из Лондона и я. Что касается меня, то я узнала об этом только в тот роковой день.

— Я так понимаю, что внешне ее беременность еще никак не проявилась?

— Никак нет, Ваша честь. Она считала, что ребенок появится на свет не раньше весны.

Шум в зале только усилился. Толстый, краснолицый старшина присяжных призвал публику к порядку, но ему никто не внял.

— Я еще кое-что хочу сказать, Ваша честь, — обратилась Пирто к коронеру.

— Говорите!

Толпа примолкла.

— Хочу сказать, почему еще моя госпожа так радовалась... она ведь считала, бедняжка, что теперь ее супруг будет проводить с ней больше времени и прекратит ее позорить.

— Позорить каким образом?

— Совсем не бывая дома, все время находясь подле королевы.

— Советую вам выбирать выражения, когда вы говорите о нашей повелительнице, — зазвучал голос королевского чиновника. — Извольте ясно выразиться, что вы имеете в виду, и не забывайте о том, что я вам только что посоветовал.

Пирто выпрямилась, расправила плечи, уставилась на королевского чиновника своими бледно-голубыми, выцветшими старческими глазами и, нисколько не смутившись, выпалила:

— Я правду говорю, господин хороший. Все и так знают, что лорд Дадли ходит у нашей королевы в лю....

Еще до того, как горничная успела сказать «любовниках», двойные двери зала суда распахнулись одним движением и со страшным грохотом врезались в стены.

— Кем это лорд Дадли приходится королеве? — раздался зычный голос.

Лорд Роберт ворвался в зал, закованный с ног до головы в сверкающие латы. На поясе — боевой меч с рукояткой, усыпанной драгоценными камнями, красивое лицо искажено от гнева. Несколькими шагами он пересек зал, стремительный и могучий как лев, легко неся немалый вес своего вооружения, и остановился перед съезжившейся Пирто.

— Договаривай, старая! Ну и кто же такой лорд Дадли?

В зале суда началась полнейшая неразбериха, но тут сквозь шум и крики мы услышали топот сапог. Эскорт лорда Роберта, состоявший из нескольких десятков вооруженных человек, последовал за своим предводителем и встал в дверях суда, лишив зрителей и участников слушаний возможности покинуть зал.

Дальше мне было трудно понять, что происходит вокруг, потому что все повскакивали на ноги, кричали и толкались, а самые пьяные из зрителей загоготали. Мне только удалось разглядеть, как Пирто попыталась улизнуть от лорда Роберта, но споткнулась и упала. Одним движением Дадли сгреб горничную жены в свои медвежьи объятия и насильно посадил ее на скамью для свидетелей.

Представитель королевы потребовал тишины, и постепенно вопли и ругательства смолкли. Лорд Роберт теперь буквально навис над горничной своей покойной жены и вновь потребовал у нее ответа:

— Так как ты меня назвала, Пирто?

Пожилая женщина судорожно сглотнула, побледнела еще сильнее, но смогла выдавить из себя:

— Вы приходите к нашей королеве лю...

— Любимым советником? Лютым ненавистником ее врагов? Любезным лизоблюдом? Не бойся, говори, меня по-всякому называют. А правда состоит в том, что ни ты, никто другой в целом свете, кроме самой королевы, не ведает, что я совершаю для нее и в ее честь, как служу ей верой и правдой, будучи ее доверенным лицом и членом ее Тайного совета.

— С вашего разрешения, лорд Дадли, мы собрались здесь, чтобы расследовать обстоятельства кончины вашей жены, — язвительно заметил коронер, всем своим видом показывая, что не убоится грозного аристократа с его вооруженной охраной.

Я затаила дыхание: сейчас лорд Роберт выхватит свой меч и разрубит Пирто пополам. Или велит своим солдатам зарезать коронера. Или разнесет весь зал суда и разгонит присяжных. Однако он повел себя совсем иначе и лишь отрывисто бросил в ответ на замечание коронера:

— Поверьте, не желаю ничего больше, как до конца выяснить эти обстоятельства!

— Вы не знали, что она носит вашего ребенка?

— Я не верю в это. Ее тело осмотрели на этот предмет?

— Нет, Ваша Светлость. Но мы выслушали свидетельские показания ее горничной Пирто о том, что в день смерти вашей жены ее посетила повитуха из Лондона.

— Глупости. Леди Дадли была бесплодна. — Лорд Роберт бросил испытующий взгляд на Пирто. — Как звали эту повитуху?

— Я не знаю, мне никто не назвал ее имени, — забормотала Пирто.

— Ну-ка, быстро, спросите у конюхов и грумов, была ли в день смерти моей жены в наших местах женщина из Лондона?

Несколько стражников ринулось вон из зала суда исполнять приказание. Пирто разрыдалась и закрыла лицо руками.

— Никакой повитухи не было, не так ли, Пирто? Ты придумала всю эту историю от начала и до конца. Да, моя супруга была несчастна. И это продолжалось уже долгое время. Она часто говорила о том, что хочет положить конец своим страданиям, что жизнь ей не мила. Я не знал, как ей помочь, как поддержать. Я посылал за священниками, за лекарями всех мастей — но никто не мог исцелить ее от тоски, и меньше всего — я сам. Мне кажется, мое присутствие лишь усугубляло ее мрачность и уныние. Она была несчастна и делала несчастным меня, когда я находился подле нее. Она совсем погрузилась в бездну отчаяния, и мне ничего не оставалось, как почти постоянно находиться при королевском дворе, где мои услуги, смею надеяться, необходимы короне.

Лорд Роберт говорил с такой горечью, что чувствовалось — его слова искренни, они выстраданы и идут от сердца. Казалось, они находят отклик у всех присутствующих.

— Ну что ж, все понятно, — подвел итог коронер. — Ответьте только на один вопрос, Ваша Светлость. Что привело вас в Камнор-Плейс сегодня? Вас ведь не вызывали на слушания.

— Я думал, это очевидно, — отвечал лорд Роберт. — Я должен встать во главе своих людей. Королева опасается беспорядков, ибо мятежники в нашей стране подняли голову. Они воспользовались злыми наветами на меня. Они утверждают, что я несу ответственность за смерть моей супруги, что я хочу жениться на королеве и завладеть Англией. Эти изменники не останавливаются даже перед тем, чтобы очернить Ее Величество, оклеветать нашу королеву. Католические силы, верные Папе и подстрекаемые королем Филиппом Испанским, ухватились за эту возможность, чтобы составить преступный и тайный заговор. Королева приказала мне созвать под свои знамена тысячу человек и вооружить их тем оружием, которое хранится на моих складах в Оксфордшире. И я исполню ее повеление, и да поможет мне Бог! А теперь, Ваша честь, я должен поторопиться, ибо вполне возможно, что сейчас бунтовщики уже наступают на Лондон.

— Тогда мы не смеем вас долее задерживать, Ваша Светлость, — заключил коронер. — Слушания объявляются закрытыми, и я приказываю присяжным вынести вердикт «смерть в результате несчастного случая». Тело леди Дадли должно быть похоронено на кладбище при церкви Пресвятой Богородицы в Оксфорде в течение двух недель, начиная с сего дня, со всеми почестями, приличествующими ее титулу и высокому положению ее супруга.

Я выходила из зала суда, до глубины души потрясенная мужественным поведением и искренностью слов лорда Роберта. Он словно открыл перед нами свою душу, когда описывал неутолимую печаль покойной жены, честно признался, как она мучила себя и его. В тот самый миг я безоговорочно поверила — он не имеет никакого отношения к ее смерти, что бы ни говорили придворные сплетники и всезнайки-слуги.

Эми Дадли упала с лестницы, и это был несчастный случай. Роковое стечение обстоятельств и не более того. Так сказал коронер, и с этим согласился чиновник, посланный на слушания самой королевой.

Моя уверенность в том, что лорд Роберт невиновен, только усилилась в результате последующих событий. Из зала суда я вернулась в спальню леди Дадли, чтобы забрать кроватиный полог. Составлявшие его гобелены уже упаковали в корзины, которые мы с мистрис Клинкерт должны были отвезти в Лондон.

Когда я вошла в опочивальню, то, к моему изумлению, увидела там лорда Роберта. Он стоял на коленях перед ложем, которое когда-то делил со своей супругой, молитвенно сложив руки. По лицу его текли слезы, и он бормотал какие-то слова, видимо, прощаясь с покойной. Он снял с себя тяжелые стальные доспехи, в которых появился в зале суда, — поножи, кирасу и наплечники — и бросил их на кровать, оставшись в белой рубашке такого тонкого полотна, что она казалась почти прозрачной, и мягких обтягивающих штанах. Без лат и даже без расшитого камзола с пышными рукавами и богатого плаща, в которых он неизменно появлялся при дворе, он казался почти обнаженным и совершенно беззащитным. Беззащитным внешне, но отнюдь не лишенным внутренней силы и мужской привлекательности. Я залюбовалась его мускулистыми руками, широкой спиной, стройными ногами, а затем быстро отвела взгляд. Интересно, заметил ли лорд Роберт, как я его разглядываю?

Увидев меня, он попытался смахнуть слезы, но по выражению его лица я поняла, что он искренне скорбит по своей утрате. Я подумала, что хотя он прямо невиновен в случившемся и, более того, пытался помочь своей супруге преодолеть овладевшее ею отчаянье, он чувствует сейчас глубокое горе и, не побоюсь этого слова, угрызения совести.

Меня так тронул его вид, что в это мгновение я всей душой невольно потянулась к нему.

— Простите, что побеспокоила вас, Ваша Светлость, — сказала я. — Мне казалось, что здесь никого нет. Я пришла только затем, чтобы забрать занавеси, за которыми меня послала королева.

Лорд Роберт поднялся с колен и сел на кровать. Казалось, он совершенно забыл, что полуодет. Теперь он выглядел совсем молодым, сидя на кровати с неловкостью и угловатостью подростка, а не взрослого мужчины. Он посмотрел мне прямо в глаза и тихо проговорил:

— Я не смогу присутствовать на похоронной службе и хотел попроситься с ней в этой комнате, где все о ней напоминает. Лучше здесь, у ее смертного одра, чем у жалкой могилы, которую вырыли для нее за пивоварней.

Теперь мы оба знали, почему леди Эми спешно положили в такое неподобающее место,

но ни один из нас об этом не заговорил. Если она сама бросилась вниз с лестницы с намерением уйти из жизни, ее нельзя было хоронить на церковном кладбище. Самоубийцам отказано в вечном упокоении в освященной земле и в христианском погребении. Местный викарий, не желая брать на себя ответственность в таком деликатном вопросе, распорядился поместить тело леди Дадли во временную могилу на задворках поместья до вердикта коронерского суда.

Лорд Роберт пригляделся ко мне повнимательнее, и губы его тронула едва заметная дружеская улыбка.

— Ты ведь дочка Фрэнсиса Ноллиса, не так ли? Я часто вижу тебя в покоях королевы, вижу, что ты, как птичка, порхаешь туда-сюда, старательно выполняя поручения Ее Величества.

— Вы правы, Ваша Светлость. Меня зовут Летиция Ноллис.

— И ты скоро выйдешь замуж за наследника рода Деверё. Я прав?

— Возможно, сэр. Мы еще не помолвлены.

— Вижу, ты не очень-то стремишься под венец.

Я не смогла сдержать улыбку, хотя и засомневалось, пристало ли мне обсуждать мое скромное будущее с таким могущественным человеком, как лорд Роберт. Его крепкая рука воина в последний раз смахнула слезы со щек, а все тело как будто немного расслабилось, но я чувствовала, что тяжелая тоска по-прежнему камнем лежит у него на душе.

— Поговори со мной, Летиция Ноллис. Помоги мне унести мысли подальше от этого печального места.

Я вздохнула, не зная, с чего начать. Потом, собираясь с мыслями, придвинула скамью к кровати и опустилась на нее. Наверное, лучше было бы, чтобы здесь с нами была мистрис Клинкерт, или управляющий, или даже Пирто... Но нет, ей точно не стоило видеть лорда Роберта полуодетым и в расстроенных чувствах.

Тут мне очень кстати вспомнилось, что лорд Роберт в юности жил в Италии. Значит, вот о чем можно с ним поговорить без риска попасть впросак. Я начала задавать ему вопросы о его путешествии в Италию, и он отвечал, сначала из учтивости, а потом и с удовольствием. Он вспоминал прекрасные пейзажи и восхитительную кухню Тосканы, старинные виллы, где он останавливался, замечательную охоту к югу от тех мест, ближе к Риму.

Слушать его было интересно, я задавала вопрос за вопросом, и скоро неловкость моя улетучилась. Я чувствовала себя так, словно мы с ним знакомы уже тысячу лет, словно неравенство нашего положения и разница в жизненном опыте не имеют почти никакого значения.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— Не сомневаюсь, до тебя дошли слухи, что я привез с собой из итальянских странствий личного отравителя, — сказал вдруг лорд Роберт, и тут между нами пробежала тень и наш приятный разговор прервался.

— Говорят, эти итальянцы большие доки по части ядов, — небрежно добавил он.

Я принялась разубеждать его, заверять, что никогда не слышала, чтобы он держал при себе отравителя из Италии, но затем замолчала. Мне не хотелось лгать лорду Роберту.

— О вас ходят ужасные слухи, Ваша Светлость, — призналась я, — но, хочу вас уверить, мне они кажутся полной ерундой. И еще я не верю, что вы виновны в гибели вашей жены.

— Благодарю тебя, — просто ответил он.

Мы посмотрели друг на друга, и, клянусь Богом, я почувствовала, что переживаю особый миг своей жизни. Никогда раньше ни один мужчина или юноша так не смотрел на меня, а я — на него. Мы были открыты друг другу и полны взаимного доверия, не испорченного ни плотским вожделением, ни расчетом, — по крайней мере так это было с моей стороны. Мы молчали, но это молчание не было неловким.

Наконец я тихо сказала:

— А теперь мне, с вашего разрешения, нужно забрать гобелены, — и потянулась к ближайшей из корзин.

— Да-да, конечно. Мы все должны плясать под дудочку нашей королевы.

Его сухой и насмешливый тон поразил меня. Но лорд Роберт поразил меня еще больше, когда накрыл мою руку своей большой, теплой ладонью и прошептал:

— Пирто солгала насчет повитухи. Никакого ребенка не было и не могло быть. Мы с женой уже давно не спали друг с другом. Эми казалось, что она бесплодна, а наша близость не приносила ей удовольствия. Она постоянно сердилась на меня, гнала меня прочь, отказывалась делить со мной ложе. Вот это самое ложе с этим самым пологом, который я привез из Италии... — Излив душу, лорд Роберт замолчал, тяжело вздохнул и выпустил мою руку.

Я колебалась, потому что тоже была готова ему кое в чем признаться.

— Лорд Роберт...

— Да?

Я замолчала, не зная, следовать ли своему порыву.

— Что ты хочешь сказать мне, милая девочка?

— Ваша Светлость, хочу передать вам одну вещь, которая, как мне кажется, по праву принадлежит вам. Это письмо, записка... Пирто передала мне ее после слушаний и не велела никому показывать. Понимаете, она хотела до конца быть верной памяти своей госпожи. Но я считаю, что должна отдать эту записку вам.

Я вытащила из складок юбки тот самый сложенный лист бумаги, который Пирто нашла в шкатулке леди Дадли, и вручила его лорду Роберту.

— Я не читала, что там написано, — заверила я его. — Ваша супруга оставила это письмо там, где его должна была найти Пирто, но для передачи вам.

Он выхватил бумагу у меня из рук, развернул ее и прочитал задрожавшим от волнения голосом:

«Моему супругу лорду Роберту Дадли.

Я больше не в силах терпеть эту жизнь, полную мучений. Я приняла решение освободиться. Прощай, милый Робин».

Лорд Роберт молчал, словно замороженный. Затем он воскликнул: «Благодарю тебя, Боже!» и торопливо схватился за сброшенные доспехи с намерением вновь облачиться в них.

— Забери это письмо! — велел он, вкладывая мне в руку злополучный листок бумаги. — Уничтожь его! Пирто была совершенно права, когда хотела сохранить это послание в тайне. Любой, кто прочтет его, посчитает Эми сумасшедшей. Только сумасшедшие кончают жизнь самоубийством.

— Или те, кто сломались под гнетом несчастий.

— Нет, Летиция. Здесь дело совсем в другом. До того, как ты показала мне записку, я

думал, что с Эми действительно произошел несчастный случай. Но теперь я уверен — она убила себя сознательно, и не потому, что не могла выносить эту жизнь, а из мести, чтобы меня обвинили в ее смерти. Вот так она посчиталась со мной из могилы!

— Но за что?

— Она ревновала меня к королеве. Она ревновала меня к моей карьере при дворе. Даже больше к карьере, к моим успехам, чем к королеве. Она считала, что Елизавета готовится расторгнуть наш брак. Честно тебе скажу, Ее Величество иногда заговаривала со мною об этой возможности. Королева упоминала, что можно созвать церковный суд, заявить на нем, что мы с Эми приходимся друг другу родственниками, и в этом случае наш союз в глазах церкви будет незаконным. Но я никогда всерьез не воспринимал эти слова Елизаветы. Королева любит потакать собственным фантазиям и причудам, но только до определенной степени.

— Но Эми решила, что такое развитие событий вполне возможно...

— Кроме того, — заявил лорд Роберт, не слушая меня и с трудом, поскольку явно привык это делать при помощи оруженосцев, пристегивая последнюю деталь своих доспехов, — я хочу, чтобы Эми похоронили по-христиански. Иначе на семью падет позор.

«Позор падет в первую очередь на тебя, — подумала я, — и повредит твоей карьере и твоим амбициям».

Но лорд Роберт уже стоял передо мной в сверкающей броне, вернув себе вместе с нею роль мужественного предводителя войска.

— Пусть это письмо будет нашей тайной, Летиция. Безумное признание безумной женщины... Я ничего не скажу о нем королеве.

— И я буду молчать, если такова ваша воля. И уж точно не скажу о нем мистрис Клинкерт, которая считает, что знает и хранит все секреты.

— Только ты и я, Летти, только ты и я... — произнес лорд Роберт, неожиданно назвав меня уменьшительным именем, которым меня величали лишь самые близкие. Неужели он слышал, как отец зовет меня так, и запомнил это?

— Только ты и я в целом свете будем знать правду, отныне, и присно, и во веки веков, — добавил он с шутливой серьезностью.

Но я лишь нахмурилась в ответ. Негоже было перевернуть слова молитвы в комнате той, что убила себя в припадке отчаяния или желая отомстить столь страшным способом.

— А я, Ваша Светлость, — заговорила я, — не забуду и то, что рассказала мне Пирто. Она призналась, что ваша жена не погибла мгновенно. Перед тем как умереть, она провела еще несколько часов в страшных мучениях. Что бы ни подвигло ее на этот ужасный поступок, она заплатила за него сполна.

— Она заплатила за грех самоуничтожения, — тихо ответил Роберт.

«И ты тоже заплатил, высокородный лорд, и продолжаешь платить за это. Эми все-таки напоследок удалось с тобой поквитаться».

Лорд Роберт покинул Камнор-Плейс, уводя свой отряд из тысячи солдат на юг, к Лондону, чтобы защитить столицу королевства и саму королеву. Подготовка к похоронам Эми Дадли в Оксфорде проходила без всяких помех, а мы с мистрис Клинкерт вернулись ко двору. Стоит отметить, что предсмертное письмо, написанное рукой Эми, я взяла с собой, а не уничтожила, как велел мне лорд Роберт. Я решила на всякий случай спрятать его, потому

что оно могло доказать его невиновность, если вдруг его снова примутся обвинять в причастности к смерти жены. Я знала, что должна защитить его — и тем самым защитить истину.

Как я и обещала лорду Роберту, я никому не рассказала о содержании письма, да и вообще особо не распространялась о нашей с мистрис Клинкерт поездке в Камнор-Плейс. Но я много думала об этих тревожных днях, вспоминая лорда Роберта и то, как он оплакивал свою жену, стоя на коленях у ее смертного ложа, как темнела загорелая кожа его рук под тонкой рубашкой, как бугрились его могучие икры, обтянутые мягким бархатом. Как печальны были его темно-синие глаза в ту минуту, и как они наполнились решимостью, когда он облачился в свои сверкающие доспехи, как серьезно, искренне и прямо смотрел он на меня в течение всего нашего разговора. И еще я помнила его голос, такой звучный, богатый и нежный, произносящий: «Только ты и я, Летти... отныне, и присно, и во веки веков». Эти слова так и кружились у меня в голове с тех пор, как мы расстались, и их значение совсем потерялось для меня в чарующем звуке голоса говорившего.

Сначала мы решили, что королева просто устала. Устала от поездок верхом, охоты, от треволнений и неприятностей, связанных со смертью Эми Дадли. Утром она с трудом села в своей новой роскошной постели и не сразу отодвинула прекрасный полог, с которого ей улыбались Леда, Аполлон и Адонис. Потом она пожаловалась на сильную головную боль и слабым голосом попросила позвать мистрис Клинкерт, чтобы та растерла ей спину, которая у королевы, видимо, тоже болела немилосердно.

Такое проявление слабости было совсем не в характере нашей повелительницы. Обычно она, когда болела, только пуще гоняла нас, изводя своими требованиями, но всегда заставляла себя вставать с постели и заниматься тем, что было необходимо, — она добросовестно изучала и подписывала документы, принимала лорда Сесиля и других членов Королевского совета, выслушивала их доклады, держала могущественных сановников в страхе перед своим неудовольствием.

В этот раз, однако, она дала недугу взять над собой верх и впала в несвойственную ей апатию, которая перешла в полузабытье. На третий день мы уже встревожились не на шутку, а во всех церквях Лондона были вознесены молитвы за скорейшее выздоровление королевы.

В этот день мистрис Клинкерт склонилась над ложем Елизаветы, дабы уговорить свою госпожу поесть немного супа и жидкой каши, и тут с уст камеристки сорвался крик ужаса:

— Посмотрите на ее рот! Позовите врачей, медлить нельзя!

— Что случилось? — спросила я, подходя к кровати.

— У нее пятна на губах и на языке! Это оспа!

Я непроизвольно отпрянула назад. Признаки этой ужасной болезни были всем нам слишком хорошо известны. Все начиналось с пятен во рту больного. Потом появлялась сыпь на лице и руках, а затем пятна превращались в пузырьки. Пузырьки эти прорывались, оставляя незаживающие корки и язвы. Я уже видела такие крохотные красные точки раньше, и меня с самого детства предупреждали, чтобы я держалась от заболевших подальше, дабы, самой не стать жертвой этого опасного недуга^[129].

Врачи велели сразу же искупать королеву в горячей воде. В покои нашей госпожи принесли металлическую ванну, в которую слуги живо натаскали кипятка. Королеву заставили погружаться в такую горячую воду, которую она только смогла вынести, до тех пор, пока она не запротестовала, крича, что сейчас ее сварят живьем. После ванны ее вывели в дворцовый сад, где холодный осенний ветер срывал с деревьев ярко-оранжевые и желтые листья. По возвращении с прогулки королева чихала и кашляла, лицо ее покраснело, дыхание стало прерывистым. Вместо того чтобы вылечить оспу, доктора только простудили больную.

Горе-лекарей прогнали, Елизавету уложили в постель и поручили заботам мистрис Клинкерт и добросердечной Мэри Сидни^[130], — очаровательной двоюродной сестры лорда Роберта, которая входила в число тех фрейлин королевы, которые прислуживали ей в опочивальне.

— Как королева себя чувствует? — спросил меня лорд Роберт, прибыв ко двору. Я сидела в одном из отдаленных от ее опочивальни покоев и старалась вышиванием отвлечься

от мучивших меня тревог. Дело в том, что моя сестра Сесилия в тот день пожаловалась, что чувствует себя плохо, а вскоре и нескольких других фрейлин отправили в постель. Слег с оспой и один из врачей — доктор Мидоукрофт.

— Ее Величество не встает, — честно призналась я лорду Роберту, обратив внимание на то, что он прибыл ко двору в полном трауре — он был в черном с ног до головы: от короткого плаща до мягких туфель. «Он носит траур по своей покойной жене, — подумалось мне, — а может быть, хочет быть одет надлежащим образом, если королева умрет».

— Мысли у королевы путаются, — добавила я.

Мистрис Клинкерт по секрету сообщила мне, что королева большую часть времени пребывает в полубессознательном состоянии. Лорд Роберт горестно покачал головой.

— За что же мне такое наказание? — пробормотал он, разговаривая скорее сам с собою, чем со мной. — Неужели я так скоро лишусь и моей жены, и моей возлюбленной королевы? Кто будет править, если Елизавета умрет? Кто будет поддерживать порядок в государстве?

— Лорд Роберт! — В комнату стремительно вошел мой отец, хрустя пальцами и хмурясь от волнения. — Лорд Роберт, Ее Величество вас просит.

— Чтобы попроситься со мною?

— Давайте не будем предполагать самое худшее, — оборвал его отец. — В ее хрупком теле живут недюжинные силы и воля к жизни. Вполне возможно, что королева сможет победить недуг, но ее нужно подбодрить, поддержать. Посему негоже ей сейчас видеть вас или кого другого в трауре. От этого она только расстроится.

— Тогда я лучше прямо сейчас к ней не пойду, — быстро сказал лорд Роберт. Я уловила в его голосе некоторое облегчение. Он также боялся оспы, как и любой другой человек. — Моя первейшая задача сейчас — поддержать порядок в стране в том случае, если... если болезнь все же окажется сильнее.

— Все мы — члены совета — этим озабочены. Мы уже объявили о созыве ополчения в столице. Надеюсь, одних ополченцев будет достаточно.

— Мое войско с запасом оружия стоит у водопоя Святого Фомы на старой Кентской дороге. Пусть мои люди там и остаются на случай необходимости.

— Вы должны немедленно распустить своих людей, милорд! Частным лицам запрещается подводить свои войска к столице ближе, чем на один день перехода до нее.

— Я привел своих солдат, выполняя распоряжение королевы.

— У вас есть письменный приказ Ее Величества? — настаивал мой отец.

— Вы лучше меня знаете, что королева редко утруждает себя и оформляет письменно свои распоряжения или просьбы, особенно когда тот, к кому такая просьба обращена, стоит рядом с ней.

— Или лежит рядом с ней... — пробормотал мой отец.

Не обращая внимания на его слова, лорд Роберт продолжал:

— Если вам нужен такой документ, я его, несомненно, получу. Я вернусь через несколько часов — только сниму траур, дабы не расстраивать Ее Величество, — и попрошу ее подписать приказ.

С этими словами лорд Роберт удалился.

Однако он не вернулся, как обещал, ни в тот день, ни в следующие два дня. Тем временем королева все глубже погружалась в пучину болезни и, казалось, теряла последние остатки воли для борьбы с недугом. Она отказывалась от еды и лежала, отвернувшись к стене, глядя прямо перед собой ничего не видящими глазами. По словам мистрис Клинкерт,

можно было догадаться, что она жива, только по тому, как ее костлявая рука судорожно сжимала золотое распятие. Большим пальцем королева раз за разом дотрагивалась до лица Спасителя, а губы ее едва слышно что-то шептали.

Мы все почти потеряли надежду, даже мой отец, и готовили себя к тому, что скоро из опочивальни королевы придут самые печальные вести.

В этот момент появился лорд Роберт, и одет он был не в траур, а в роскошный темно-зеленый наряд. Видимо, он прибыл потому, что его двоюродную сестру Мэри нужно было срочно забрать домой — в родовое имение Дадли, — настолько серьезно она заболела. Кроме Мэри, оспа поразила еще нескольких фрейлин и придворных дам королевы. Молодой доктор Мидоукрофт умер, умерла и Грациэлла, любимая шутиха Елизаветы, скончалась через неделю после свадьбы молодая жена лорда Хейзелтона, умерли несколько камеристок. Моя сестра Сесилия, которая чувствовала себя лучше, чем леди Мэри, уже отправилась выздоравливать в наше поместье Ротерфилд-Грейз, и лорд Роберт надеялся, что в деревне, подальше от отравленной оспой столицы, его сестра сможет быстрее преодолеть недуг.

Однако, проводив леди Мэри до кареты, лорд Роберт вернулся в покои королевы и привел с собой священника.

— Это отец Локтон, — объяснил он мне. — Я привез его с собой, чтобы он совершил над Ее Величеством обряд помазания святым елеем. Пусть это поможет ей выздороветь. Будь добра, Летти, сопроводи нас в ее спальню.

— Но доктора запретили нам всем входить туда во избежание распространения заразы.

— Она ведь хотела видеть меня, не так ли? — прервал меня лорд Роберт.

— Это было несколько дней тому назад, милорд. С тех пор ее состояние значительно ухудшилось...

— Так тем больше оснований нам войти, а ей — получить утешение из рук священника.

Я покачала головой:

— Мне нельзя входить в ее покои без разрешения.

Лорд Роберт нагнулся так, что его губы защекотали мое ухо:

— Летти, мы с тобой друзья, у нас есть общие тайны! Давай будем союзниками в этом деле. Кроме того, очень скоро я и только я один получу право разрешать и запрещать доступ в королевские покои.

Я не нашлась что ответить.

— Мне сказали, что королева желает получить благословение, которое дается болящим, — проговорил отец Локтон удивительно высоким голосом. — И я готов утешить и поддержать ее по мере моих сил. — При этих словах он слабо улыбнулся. — Прошу вас, проведите меня к ней.

Вместо того чтобы поддаться на уговоры, я выглянула в коридор в надежде увидеть кого-нибудь из советников или докторов. Но там находились только три грума, резавшихся в кости, и один из церемониймейстеров, который привалился к стене и дремал. Я слышала голоса, доносившиеся из других частей дворца, но никого не увидела. С тех пор как королева серьезно заболела, рядом с ее покоем с каждым днем оказывалось все меньше и меньше людей.

— Летти! — нетерпеливо позвал меня лорд Роберт. — Куда ты пропала? Ты мне нужна.

Тогда я не догадывалась, зачем ему понадобилась, но вскоре замысел его стал очевиден. Беспокоясь, что я делаю что-то не то, не в силах больше противиться требованиям лорда Роберта (а я не могла заставить себя сказать ему «нет»), я сдалась. И вот лорд Роберт и

священник последовали за мной в личные покои нашей повелительницы.

В опочивальне королевы стоял запах, который моя прямодушная сестра назвала бы запахом смерти. Страшно исхудавшая и мертвенно-бледная, королева недвижно лежала на своей широкой постели и даже не заметила нашего появления. Но когда она услышала, как лорд Роберт проговорил «Ваше Величество!», она заморгала и, борясь со смертельной усталостью, осторожно повернула голову. Ее губы задрожали в улыбке, когда она поняла, кто пришел, и она медленно протянула руку своему возлюбленному.

Лорд Роберт схватил эту исхудавшую руку и, наклонившись над кроватью, поднес ее к губам.

— Я привел с собой отца Локтона, чтобы он благословил вас, — сказал он.

В глазах королевы промелькнул страх.

— Значит, для меня все кончено? — пробормотала она.

— Нет, моя дорогая. Простая предосторожность на всякий случай...

Он не мог заставить себя произнести «на случай вашей смерти», но это было и так ясно.

Священник проговорил слова благословения своим высоким, резким голосом, и я увидела, что королева вновь улыбается — на сей раз с нежностью, поймав взгляд лорда Роберта.

— А теперь, — быстро сказал он, когда молитва была закончена, — нам нужно сделать еще кое-что...

Он повернулся ко мне:

— Летти, найди Клинкерт, наверняка она сидит в одной из соседних комнат. Никого больше не надо — только Клинкерт.

Я отправилась на поиски и вскоре обнаружила главную камеристку в гардеробной. Она завернулась в плащ и прикорнула на горе подушек. Я растолкала ее и сообщила, что она срочно нужна королеве. Испуганная и растрепанная, главная камеристка последовала за мной в опочивальню.

— А теперь, Ваше Величество, — произнес лорд Роберт, когда мы замерли у постели Елизаветы, — в присутствии этих двух свидетелей, Летиции Ноллис и мистрис Клинкерт, отец Локтон соединит нас узами брака. И тогда, ежели Господь призовет вас к себе, вы сможете оставить свое королевство в самых надежных и крепких руках.

— Нет! Никогда!

Хриплый голос королевы звучал приглушенно, но смысл слов от этого не был менее очевиден.

— Не бывать этому!

Собрав последние силы, Елизавета постаралась сесть в постели. Мистрис Клинкерт поддерживала ее, а я положила ей под спину подушку.

— Забудь об этом, Робин, — потребовала тихим, но твердым голосом королева.

Лорд Роберт мановением руки отослал священника и сел на постель. Он вновь попытался завладеть рукой королевы, но безуспешно.

— Ты так слаба, моя дорогая. Тебе сейчас, наверное, трудно ясно мыслить. Позволь мне нынче принять решение за нас обоих.

— Нет, никогда! — пробормотала королева. — Я все еще королева! Вели созвать моих советников!

— Девочка моя дорогая, — запричитала мистрис Клинкерт, заливаясь слезами, — не хочу, чтобы ты умерла старой девой!

— Молчи, старуха! Не забывай, кто я, а кто — ты!

Голос, звучавший с одра болезни, был так тих, что мне приходилось напрягать слух, чтобы разобрать слова, но их смысл не оставлял сомнений. Меж тем хрупкое тело Елизаветы бил озноб, а запах в комнате, как мне показалось, усилился. Мне подумалось, что, несмотря на волю королевы к жизни, о которой меня предупреждал и в которую верил мой отец, усилия, потраченные ею на противодействие желаниям лорда Роберта, могут оказаться для ее слабеющего тела чрезмерными. Голова Елизаветы бессильно упала, стоило ей только уцепиться за мистрис Клинкерт. Вдруг она сейчас упадет в обморок? Но не тут-то было!

— Летиция! Позови своего отца, — услышала я голос королевы. — Пусть сюда придут все члены моего совета.

— Подожди, Летиция, — прервал ее лорд Роберт, — позовешь всех, когда отец Локтон соединит нас брачными узами.

Я заколебалась, но в это время из груди королевы исторгся то ли вскрик, то ли стон и раздался хриплый шепот:

— Пусть тело мое, пусть каждый мой член во власти смерти, никто не заставит меня выйти замуж против моей воли. Ступай, Летиция, и делай то, что я тебе велела!

Не ожидая дальнейших приказов, я поспешила прочь из опочивальни, призывая отца и лорда Сесила. Встревоженные слуги, в свою очередь, всполошились и пустились на поиски других приближенных королевы.

— Она умерла? — спросил кто-то.

— Нет, она жива и призывает к себе своих советников, — ответила я.

Наконец я нашла своего отца, который сидел за длинным столом с двумя командирами лондонского ополчения. Они ели хлеб с сыром и сосредоточенно разглядывали какую-то карту.

— Отец, поторопись! — крикнула я ему. — Лорд Роберт пытается заставить королеву

выйти за него замуж! А она хочет видеть в своей опочивальне тебя и других членов своего совета!

— Боже милостивый! Спаси и сохрани нас! — воскликнул он и вскочил из-за стола в такой спешке, что опрокинул свою кружку с пивом.

Когда мы с ним вбежали в спальню королевы, то увидели, что там уже собрались несколько ее советников, а в углу секретарь что-то старательно записывает. Скрип его пера был единственным звуком в комнате.

Королева, похудевшая и смертельно-бледная, сидела на кровати, закутанная в теплую красную шаль. Лорд Роберт уже не сидел на ее постели, а стоял у стены рядом с ее ложем с поникшей головой.

— А теперь записывайте каждое мое слово, — говорила королева своим хриплым, сорванным голосом, обращаясь к секретарю, который даже закрыл глаза, чтобы не упустить ничего из речи нашей правительницы перед тем, как перенести ее на бумагу. — Я, Елизавета, милостью Божией королева Англии, — она сделала паузу, чтобы секретарь успевал за ней, — повелеваю: лорд-протектором после моей смерти назначается лорд Роберт Дадли и сим наделяется всеми полномочиями, дабы править после меня.

— Ваше Величество, что вы делаете? — воскликнул мой отец.

— Я бы на месте Вашего Величества поостерегся... — начал лорд Сесил.

— Молчать! — прохрипела Елизавета. — Я еще не закончила, милорды. В должности лорд-протектора означенный лорд Роберт Дадли будет получать ежегодный доход в размере двадцати тысяч фунтов, каковой будет выплачиваться ему из государственной казны.

При этих словах своей повелительницы лорд Роберт, который стоял у стены, замерев и открыв рот от удивления, упал на колени у ложа королевы, порывисто схватил ее руку и сумел только проговорить сквозь слезы:

— Моя дорогая госпожа, моя добрая королева!

Я услышала, как в ответ королева прошептала ему:

— Не спеши благодарить меня, Робин. Вдруг я тебя переживу.

— Сомневаюсь, что казна располагает достаточной суммой денег для выполнения этого требования, — ледяным тоном проговорил Сесил.

— Так обеспечьте приток средств в казну, — тут же последовал резкий ответ Елизаветы.

Секретарь закончил писать и высушил чернила на документе. Сжав зубы от напряжения, королева приподнялась на подушках, схватила поданное ей перо, подписала свой указ и вручила его лорду Сесилу.

— Ну вот, теперь все удовлетворены, — пробормотала она, откидываясь на подушки. — Господи, как же у меня болит спина! Уходите, я хочу спать...

Она жестом велела выйти из опочивальни всем, кроме меня и мистрис Клинкерт, после чего главная камеристка помогла Елизавете вновь улечься на бок и послушно принялась растирать королеве больную спину.

Пятна на лице, шее и руках королевы превратились в пустулы, а затем и в язвы, покрытые страшной алой коростой. Но она не умерла. Каждую ночь она — похожая на призрак, но живая — проводила у камина, завернувшись в покрывала из красной фланели, а доктор Бёркот пользовал ее горькими снадобьями, стойко снося все ее угрозы и оскорбления. Я почти все время находилась подле нее. Многие из придворных дам и фрейлин покинули двор, сославшись на болезнь — настоящую или мнимую, — но мой отец настоял, чтобы я оставалась с королевой и прислуживала ей в ее опочивальне, хотя и знал — мы все знали, — что я рискую заразиться оспой, как уже заразилась Сесилия, и даже могу умереть от этой болезни.

Мне придавал смелости пример мистрис Клинкерт, к которой зараза никак не хотела приставать, хотя она проводила в спальне королевы дни и ночи. Да и лорд Роберт, мой отец и другие советники, часто посещавшие нашу повелительницу, не заболели.

Постепенно к королеве начал возвращаться вкус к жизни. Первым проснулся ее аппетит. Теперь она требовала жареных перепелов и пироги из дичи.

— Но Вашему Величеству эти деликатесы сейчас запрещены! У вас же оспа! — вознегодовал доктор Бёркот.

— Тогда убирайтесь вон из моих покоев! — ответила на это Елизавета. — Я не потерплю, чтобы кто-нибудь помыкал мною в моем собственном дворце!

К этому времени мы — ее приближенные и слуги — уже верили в то, что королева пошла на поправку и что очень скоро здоровье полностью вернется к ней. С каждым днем она ела все больше и больше, уже вставала с постели и даже начала ходить неверными шагами по своим покоям. Еще через некоторое время голос ее вновь стал звонким, а тело — сильным и гибким, и тогда к ней вернулось прежнее упрямство и сумасбродство. С утра до ночи она всех нас заставляла плясать под свою дудку и потакать своим малейшим капризам.

— Ненавижу безобразных женщин! — воскликнула она как-то раз, когда мы, фрейлины, одевали ее.

В тот день она приказала принести кружку легкого пива и с удовольствием его попивала, пристально разглядывая наши лица. Ее взгляд задержался на моей злосчастной сестре Сесилии, лицо которой было изуродовано отметинами от оспы, а волосы — сбритые для того, чтобы сделать королеве парик, который та почти не носила — еще не отросли как следует. Сесилия всегда носила на голове французский чепец или круглую шапочку, но уши у нее были такие оттопыренные, что короткие волосы их полностью не прикрывали и они выпячивались даже под самым плотным головным убором.

— Почему у этой девушки так торчат уши? — спросила королева.

Никто не знал, что ей ответить.

— Простите, Ваше Величество, но я ничего не могу с этим поделать, — сказала Сесилия. — Не всем же быть такими красивыми, как вы!

Последняя реплика сестры сильно уязвила Елизавету, чье лицо в то время также было обезображено оспинами и шрамами (которые, впрочем, впоследствии зажили). Королева прекрасно понимала, как безобразно она сейчас выглядит, и потому не показывалась на

людях. Недолго думая, она запустила полупустой пивной кружкой в Сесилию. Кружка разлетелась на множество мелких кусочков, не причинив, впрочем, вреда моей дерзкой сестре.

— Убирайся и больше не смей появляться при дворе! — хрипло закричала королева.

Сесилия расплакалась и, спотыкаясь, выбежала из комнаты.

Несмотря на все усилия моего отца, направленные на то, чтобы смягчить сердце Елизаветы, королева была непреклонна: Сесилия должна оставить двор! Моя сестра вновь оказалась в нашем загородном поместье Ротерфилд-Грейз, где она, по словам матери, предавалась слезам и унынию, обвиняя королеву в своих злоключениях и твердя, что ее жизнь кончена.

Как я уже говорила, все фрейлины страстно желали выйти замуж. И не за кого попало, а за самых богатых и высокородных из тех женихов, которых могли подобрать им их семьи. Я не была исключением в своем стремлении к замужеству, но, как прозорливо заметил лорд Роберт, идти за Уолтера Деверё мне совсем не хотелось. Но как же я могла перечить отцу, который недвусмысленно дал мне понять, что хочет увидеть меня его женой?

— В один прекрасный день Уолтер получит титул лорда, — задумчиво заметил как-то мой брат Фрэнк.

Он навестил меня однажды утром вскоре после окончательного выздоровления королевы, когда двор зажил своей обычной жизнью. Еще раньше Фрэнк, выросший в долговязого, обаятельного юношу с острым умом и не менее острым языком, хладнокровно и изучающе разглядывал Уолтера, когда тот увлеченно предавался одному из своих любимых занятий — помогал нашему отцу составлять списки провизии, необходимой для королевского двора на время летних переездов. По традиции и во избежание вспышек болезней, сопутствующих большому скоплению людей, каждое лето королева со всем своим двором странствовала из одной своей резиденции в другую, время от времени останавливаясь погостить в поместьях своих самых знатных подданных.

Каждый июнь, как только устанавливалась теплая погода, мы принимались укладывать вещи королевы (а одни только ее платья занимали почти сотню сундуков) и увязывать свои пожитки. Весь этот скарб загружался на повозки, телеги и экипажи, которые составляли королевский поезд, ползший со скоростью улитки от одного загородного дома до другого. Наше нескончаемое летнее путешествие было мучительным. Я ненавидела вечно распаковывать, приводить в порядок и укладывать обратно помявшиеся наряды, разжигать камин в холодных негостеприимных комнатах, бороться с блохами, кишасцами в давно не менявшихся тростниковых циновках, ждать на обочине, когда повозка ломалась или какая-нибудь служанка неожиданно начинала рожать. Каждый раз я страшилась прихода лета, потому что работы мне прибавлялось, а суета вокруг становилась невыносимой. Уолтер же, наоборот, предвкушал великое летнее странствие двора с упоением, а помощь моему отцу в подготовке к нему любил почти так же, как охоту.

— Уолтер — прирожденный составитель списков и описей, — частенько подтрунивала я.

— Кто-то же должен делать эту работу, Летти, — рассудительно замечала в этих случаях моя мать, вставая на защиту моего будущего мужа. — Представь себе, что будет, если двор тронется в путь без должной подготовки. Какая начнется неразбериха!

Я знала, что неразберихи в этих случаях никогда не удавалось избежать, но в споры с матерью не пускалась. Мне гораздо интереснее было узнать, что думает о моем женихе

Фрэнк.

— Мало кто лучше справится с необъезженной лошастью, чем он, или завалит кабана, — с восхищением отозвался в тот день Фрэнк об охотничьем искусстве моего нареченного. — Однажды я своими глазами видел, как он возвращался с охоты, добыв три пары кроликов, олениху и дикую утку в придачу, — и все это за один день. И не забывай про Чартли... — брат замолчал на полуслове, поглядев на меня со значением.

Да, конечно, как я могла забыть! Чартли^[131] — родовой замок семьи Деверё. Говорят, ему триста лет, стены имеют толщину двенадцать футов, и большой холл не уступает по размерам тронному залу. Правда, его сто с лишним комнат малы и тесны, а ветер свищет сквозь щели в старой кладке. Так, во всяком случае, рассказывал мне о своем родовом гнезде Уолтер, описывая свое детство. Но он всегда добавлял, что в имении прекрасный парк, в нем водится много дичи, а замок выглядит величественно и неприступно.

— Чартли — надежный оплот, — проговорил Фрэнк. — Почти как сам Уолтер. И не забывай, что в наследство твой жених со временем получит и другие замки, а также сундуки, заполненные золотом и серебром, выгодные должности и титулы. Их ему пожалует наша королева, которая ему благоволит. Рано или поздно она сделает его рыцарем ордена Подвязки, можешь не сомневаться. И наконец, он вовсе не урод, разве не так?

Я не могла не признать, что Уолтер, широкогрудый и широкоплечий, темноволосый и темноглазый, ловкий наездник и неутомимый охотник, был в глазах большинства девушек очень привлекательным мужчиной. Но, присмотревшись повнимательней, я не могла не заметить, что, несмотря на молодой возраст, он уже начал лысеть, как и его отец (далеко не красавец!), что носу Уолтера слишком длинный, а глазки — чересчур маленькие и близко посаженные. И так не похожие на огромные, широко расставленные прекрасные очи Роберта Дадли.

— Уолтер придерживается твердых моральных принципов, — продолжал Фрэнк, рассуждая о моем женихе. — Из него получится отличный мировой судья. Я никогда не слышал, чтобы у него были незаконнорожденные отпрыски...

Я зевнула, и Фрэнк засмеялся.

— Он — самый скучный человек в мире! — воскликнула я так громко, что голос мой, должно быть, долетел до каждой комнаты королевских покоев.

— Полностью с тобой согласен, — ответил Фрэнк. — И наша мама думает так же, но она в этом никогда никому не признается. В общем, ты, Летти, создана для веселой жизни, полной приключений, и Уолтер Деверё тебе не пара, — заключил он.

Фрэнк замолчал, а потом спросил:

— А отец не хочет подыскать тебе другого жениха?

Пришлось признаться брату, что другого жениха мне не найти. Сесилия распространила историю о моем якобы аморальном поведении во Франкфурте при дворе, а фрейлины пересказали ее своим родственникам и знакомым. Половина слуг уже были наслышаны об «испорченной малютке Летти», а вторая половина должна была услышать в ближайшее время. Репутации моей был причинен значительный ущерб. Кто захочет теперь взять меня в жены? Сесилия злилась, что ей запретили появляться при дворе, и, как всегда, решила выместить зло на мне, а отец по обыкновению пальцем о палец не ударил, чтобы заставить ее замолчать и наказать ее. Я тоже ничего не могла поделать: не будешь же рассказывать всем и каждому, что я еще девственница?

Когда я рассказывала об этом Фрэнку, в глазах моих помимо моей воли закипели слезы

обиды, и я воскликнула:

— Ах, если бы существовал такой суд, который мог бы выносить приговоры несправедливым и клеветническим слухам, а потом приводить эти приговоры в исполнение!

— Не обращай внимания на наговоры, — утешил меня Фрэнк. — Точно могу сказать: ты самая красивая девственница при дворе, а коль скоро в твою девственность женихи не верят, то пусть потом кусают себе локти, когда ты достанешься другому. Я бы и сам на тебе женился, не будь я твоим братом. Но и гулять на твоей свадьбе мне, скорее всего, не придется, ибо я собираюсь вскорости уйти в море.

Вести о том, что Фрэнк скоро покинет нас, удивили и обрадовали меня. Он последовательно шел к своей цели и теперь достиг ее. Старый капитан небольшого каботажного судна согласился взять его юнгой с тем условием, что Фрэнк будет много работать, чтобы постичь науку мореплавания.

— Капитан сказал, что, если дело у меня пойдет, я смогу в один прекрасный день занять его место, — похвастался мне брат, сверкая глазами. — Он стареет, сына у него нет, и ему некому передать свой корабль. Отец, конечно, не одобряет моего желания стать моряком, но я, в отличие от тебя, не собираюсь позволять нашему папаше направлять мою дальнейшую судьбу.

Последние слова брата резкой болью отдались в моей груди. Он тотчас понял, что обидел меня, и постарался загладить эту обиду. Когда он ушел, я заставила себя трезво взглянуть на собственную жизнь и поняла, что брат совершенно прав. Конечно же, я собиралась полностью подчиниться воле моего отца, ибо все девушки так поступают. Я спросила себя, почему бы мне не набраться храбрости и не сказать отцу, что я не хочу выходить за Уолтера Деверё? Что я хочу иметь более достойного мужа?

Наверное, потому, что с тех пор, как я познакомилась с лордом Робертом, я поняла — в любом женихе я буду находить изъяны по одной простой причине. Он — не лорд Роберт.

А кто из женщин не восхищался Робертом Дадли? Он был великолепен — высокий, элегантный, всегда прекрасно одетый. В тот год, когда королева чуть не умерла от оспы, а мы все облегченно вздохнули после ее выздоровления, он диктовал моду при дворе. Как сейчас вижу, как он входит в зал в роскошном бархатном камзоле с золотой оторочкой. На голове — шляпа с высокой тульей, украшенная синими перьями. А чего только стоили его жесткие крахмальные воротники, украшенные бриллиантами, пояса и пряжки туфель с драгоценными камнями. Каждый день — новые! Где уж Уолтеру было с ним тягаться... Да, лорд Роберт был пределом мечтаний всех женщин при дворе.

Но он, ясное дело, принадлежал королеве и никому больше. Никто не решался делать ему авансов и даже предаваться с ним самому безобидному флирту, кроме самых смелых или самых неблагоприятных девиц и дам. Таких особ королева без церемоний отсылала в загородные поместья с пожизненным запретом появляться при дворе.

Конечно, мы все ясно видели, что у лорда Роберта есть свои недостатки. Он любил прихвастнуть, был тщеславен и эгоистичен. Да и шепотки о смерти Эми Дадли не умолкали, потому что такие слухи никогда не умирают. Но при этом он располагал к себе и притягивал как магнит. А Уолтер — нет! И даже наоборот: Уолтера всегда хотелось отправить подальше. Пусть себе сидит в запертой комнате, когда я пою, танцую и веселюсь. Если его отрядят с поручением в самое что ни на есть отдаленное графство, например на Оркнейские острова^[132], я не заплачу. Отошлют за море — значит, так тому и быть. И возможно — Боже, помилуй меня за такие нечистые мысли, — он оттуда никогда не вернется...

Но эти мои мысли так и остались мыслями. Очень скоро отец вернул меня к действительности. Не прошло и полугода после выздоровления королевы, когда он сказал мне, что мы с Уолтером должны пожениться через месяц. И добавил, что королева настолько добра, что согласилась присутствовать на нашем венчании.

— И еще одно, Летти, самое важное! — отец просто лучился счастьем. — Троюродный брат Уолтера Роджер Уилбрэм согласился взять в жены Сесилию. Обе свадьбы состоятся в один и тот же день. Только подумай! И у тебя с твоей испорченной репутацией, и у Сесилии с лицом, обезображенным оспой, будут мужья! Благодарю тебя, Господи, за то, что мои девочки наконец-то выйдут замуж!

Мы поженились при дворе в личной церкви королевы рано-рано утром, когда еще не все птицы проснулись для своих песен. Мне шел двадцать третий год, а Уолтер был чуть младше меня, хотя и не любил, когда ему об этом напоминали.

Церемония прошла торопливо, потому что королева, во-первых, была по натуре человеком нетерпеливым и, во-вторых, не любила свадьбы (возможно, на них она острее переживала, что сама не замужем). Она даже пожаловалась лорду Роберту, что наше с сестрой двойное венчание заставляет ее повременить с ее обычной утренней прогулкой. Мистрис Клинкерт помогла мне одеться в очаровательное шелковое платье, которое мать специально заказала для меня, с буфами по последней моде, с разрезами на рукавах, подрубленными серебряной нитью, с вышитыми белым и розовым бутонами роз. Пышный воротник был сделан из кружев на каркасе из тонкой проволоки, чтобы он не терял форму и красиво обрамлял мое лицо. На нижние юбки пошло мягчайшее голландское полотно. Никогда у меня не было такого красивого наряда, и когда мама увидела меня в нем перед свадьбой, она прослезилась. Правда, причиной тому отчасти послужили и многочисленные стаканчики эля, которые она пропустила накануне вечером. Она сказала мне, что я выгляжу просто чудесно, и пожелала мне быть Уолтеру хорошей женой.

Сесилия тоже была наряжена в дорогое платье, но оно не скрывало ее слишком пышные формы, и разница между нами не осталась неотмеченной присутствующими. Ее жених, толстый, вспыльчивый Роджер Уилбрэм сорока пяти лет от роду, который уже похоронил двух жен, по-видимому, не испытывал восхищения своей невестой. Он вообще ее почти не замечал. Уолтер признался мне, что ценой согласия его кузена на брак стала должность королевского ревизора и сборщика штрафов города Сейлсбери и вдобавок синекура в Адмиралтействе. Оба эти поста должны были приносить ему ежегодно не менее пятидесяти фунтов. Отец был только рад выхлопотать для зятя эти назначения. Благодаря им Роджер Уилбрэм мог считать себя достаточно состоятельным человеком. Значит, Сесилия получила все возможные залого счастливей жизни в супружестве, кроме сознания того, что муж женился на ней по любви, а не из жадности.

Как только наше совместное венчание закончилось, королева тотчас удалилась, чтобы совершить свою утреннюю прогулку, а мы сели за свадебный завтрак. Нам подали фаршированных куропаток, пироги с олениной, оранжерейные персики и виноград, и все это мы щедро запивали превосходной мальвазией и мускатом. Уолтер всем нам сообщил, что оленина в пирогах — из его охотничьих угодий, а затем принялся в подробностях расписывать ту охоту, где эти олени были добыты. Гости замолчали и загрустили.

— Я заказал нескольких хороших гунтеров^[133] в Ирландии, — включился в разговор лорд Роберт, чтобы хоть немного оживить застольную беседу. — Может быть, захотите опробовать их в деле, мистер Деверё? Конечно же, у королевы будет право первого выбора, но то, от чего она откажется, вполне может подойти вам.

Он замолчал, а потом добавил:

— Своих скакунов она не щадит — как и своих сановников.

Мы засмеялись, как и было задумано Робертом, хотя мой отец не разделил общего веселья.

— Ее любимец Джентльмен Гнедой недавно сбился схода, и теперь ему приходится бинтовать бабки на передних ногах, — продолжал лорд Роберт.

— У вас, милорд, новый жеребец? — спросил Уолтер. — Из Турина?

— Да, я назвал его Великим Савойцем. Возлагаю на него большие надежды, в том числе и как на производителя.

Брат Роберта Амброз^[134] поднял бокал и провозгласил тост: «За всех могучих жеребцов и пылких женихов в этот день веселых свадеб!»

Все выпили, но настроение присутствующих по-прежнему нельзя было назвать приподнятым. С одной стороны, час был слишком ранний для веселья и все мы были еще немного сонными, а с другой стороны, Уолтер в застольной беседе целиком отдался своей любимой теме — охоте и лошадям — вместо того, чтобы восхищаться мною, своей молодой и прекрасной невестой. Что до Роджера Уилбрэма, то он без всякого выражения на своем покрасневшем лице с жадностью поглощал стоящие перед ним яства, не обращая ни на кого ни малейшего внимания. Еще до третьей перемены блюд Роджер встал из-за стола, небрежно поклонился всем нам и удалился, даже не поцеловав Сесилию. Он заявил, что должен безотлагательно приступить к своим новым обязанностям.

Губы Сесилии горестно искривились. Я испугалась, что она сейчас разрыдается. Но вместо этого она нашла в себе силы улыбнуться — не в последнюю очередь благодаря тому, что лорд Роберт, давший знак музыкантам играть веселую мелодию, подал ей руку, приглашая на танец. Сразу же, как по волшебству, настроение всей честной компании улучшилось, мы с Уолтером тут же присоединились к танцующим, а потом и мои отец с матерью и прочие гости. Даже мистрис Клинкерт нашла себе партнера — престарелого, но еще бодрого шталмейстера по имени Уэффер, который, по слухам, служил пажом еще Генриху VIII.

Мы весело кружились в бойком сельском танце, а затем начался маскарад. Лорд Роберт и его брат нарядились рыцарями ордена Пегаса и занялись поисками Счастливых Островов^[135]. Шутки этих героев были довольно рискованными, как всегда бывает на маскарадах, но дурачества — лучше уныния. Мы смеялись и аплодировали, и я была очень признательна лорду Роберту за то, что он превратил скучный свадебный завтрак в живой и веселый праздник.

Но всякий праздник когда-нибудь кончается, и через несколько часов мы с Сесилией вновь исполняли наши обязанности фрейлин в покоях королевы, а Уолтер возвратился к столь милым его сердцу спискам, ведомостям и инвентарным описям. По мере того как день клонился к вечеру, я волновалась все сильнее: наступало время моей брачной ночи. Сегодня я первый раз в жизни разделю ложе с мужчиной. С Уолтером. Наши тела сольются. Мы предадимся тому, что мой отец называет «плотским грехом». На что похожи эти утехы? Какие удовольствия принесут они нам?

Когда время настало, появилась мистрис Клинкерт. Она помогла мне облачиться в черный атласный пеньюар. К этому времени у меня подвело живот от волнения, а сердце буквально выскакивало из груди. Понравлюсь ли я Уолтеру? Всю свою жизнь я только и слышала о том, что девушки и женщины должны делать все возможное, чтобы нравиться мужчинам, доставлять им удовольствие. Никогда никто не интересовался, понравился или не понравился мужчина той, кого он взял в жены.

Я посмотрела на свое отражение в самом большом зеркале, которое только нашлось в спальне. Черный пеньюар чрезвычайно мне шел: он подчеркивал мою высокую грудь, стройную талию и пышные бедра, соблазнительно струился до полу, скрывая мои длинные ноги, которые ни один мужчина, даже мой отец, никогда не видел без чулок. Кожа моя в свете свечей отливала золотом, как и мои рыжевато-каштановые кудри, которые мистрис Клинкерт усердно расчесывала до тех пор, пока они не засверкали подобно атласу моего одеяния. Темно-синие глаза, обрамленные густыми, пушистыми ресницами, чувственные губы... «Да, — сказала я себе, — у меня есть все, чтобы понравиться Уолтеру».

И в этот самый миг меня вдруг переполнило совсем другое желание: отдать мою красоту не Уолтеру, а совершенно другому мужчине — лорду Роберту. Я представила себе, как прямо из этой спальни в одном только черном шелковом пеньюаре на голое тело бегу... даже не бегу, а лечу в личные покои Роберта Дадли и отдаюсь ему, умоляю его взять мою девственность.

Какая странная мысль! Наверняка мой отец назвал бы ее порочной, если бы каким-то чудом догадался о ней. Видно, сам дьявол вложил ее мне в голову.

Я покраснела и сделала все, чтобы задавить эту фантазию в зародыше. Но когда меня уложили на брачное ложе, когда в спальню вошел Уолтер в одной ночной рубашке, широкоплечий, с мощной шеей и сильными ногами, готовый пойти на приступ, — маленькие глазки горят вожделением, ноздри раздуваются, как у гончей, почуявшей добычу, — сердце мое упало. Я улыбнулась, я поддалась его прикосновениям, выказывая лишь приличествующую новобрачной легкую стеснительность. Я знала, что сейчас последует, знала, что мне этого не избежать, но душой не раскрылась навстречу супругу, а, наоборот, спряталась, отстранилась. Внешне все прошло как надо — я без вскрика перенесла первую острую боль и, слушая стоны Уолтера, успела подумать: «Надеюсь, он получает удовольствие». А потом наивно принялась ждать, когда и мне будет хорошо. Ведь если, как всегда говорил мой отец, телесное соитие — это вотчина дьявола, то где же дьявольский соблазн, где радость плотских утех?

Но никакой радости я не почувствовала: бедра мои слиплись от крови, запятнавшей простыни, меня передернуло при воспоминании о влажных губах Уолтера поверх моих губ, от его рук, грубо сжимавших мои бока, чтобы он мог войти в меня. В ту первую брачную ночь мне досталась только кровотокающая рана между ног, разбитое сердце и нелюбимый мужчина, забывшийся рядом со мной равнодушным сном.

Моя любимая дочурка появилась на свет еще до того, как прошел год со дня нашей с Уолтером свадьбы. Впрочем — к немалому разочарованию моего мужа, который всей душой хотел сына. Она была солнечным, живым ребенком, непоседливым, но совершенно очаровательным созданием, и я полюбила ее в тот же самый момент, когда взяла на руки. Я выбрала для нее красивое имя — Пенелопа. Уолтеру же было все равно, какое имя будет у его дочери. Вот если бы родился сын — наследник всех его земель и фамильного состояния, — то его непременно следовало назвать Уолтером-младшим.

Какое-то время моя дочь занимала все мое внимание, и я была удивлена, насколько меня радует общение с нею. Она смотрела на меня снизу вверх из своей колыбельки своими огромными голубыми глазами, такими ясными и доверчивыми, что я почувствовала, как сильно она нуждается во мне. Впрочем, росла и развивалась Пенелопа не по дням, а по часам, и очень скоро она начала улыбаться, садилась сама, без посторонней помощи, готова была ползать по всей детской, если бы ей это разрешали. Я брала ее к нам в постель — к неодобрению Уолтера, когда он делил эту постель со мной, — а в теплую погоду служанки несли мою дочь вслед за мной в сад, где я давала распоряжение опустить ее на землю среди цветов. Пенелопа повизгивала от удовольствия, и одно из ее первых слов было, как сейчас помню, «розочки».

Но к тому времени, когда моя дочь заговорила, я вдруг почувствовала себя из рук вон плохо. Когда мой живот опять начал расти, мы поняли — еще один ребенок на подходе. Повитуха уверила меня, что моя постоянная тошнота, боли в спине и ногах — верный признак того, что теперь у меня будет мальчик. Я сказала об этом Уолтеру, он обрадовался и с тех пор часто похлопывал меня по животу, называя его, смешно сказать, «Уолтером-младшим». Я чувствовала себя настолько больной в течение последних месяцев беременности, что пришлось забросить все дела и целыми днями лежать в постели. Мои отец с матерью беспокоились за меня и несколько раз приезжали меня навестить. Отец привез одного из дворцовых лекарей, который особо не помог, а только посоветовал во всем слушаться повитуху.

— Как вы думаете, у меня будет сын? — спросила я его.

— Это может знать только Господь Бог, — отвечал он мне, даже когда я перечислила ему те признаки, по которым повитуха определила, что у меня будет мальчик. — Молитесь о сыне, как молимся все мы о том, чтобы наша королева вышла замуж и подарила Англии наследника.

Королева по-прежнему избегала брачных уз. Ее подданные теперь уже были не против того, чтобы она вышла за лорда Роберта и родила наследника от него. Но месяц проходил за месяцем, а королева оставалась свободной.

Когда у меня начались схватки, боль была гораздо сильнее, чем когда я рожала Пенелопу. Поначалу я еще как-то держалась, но спустя много часов бесплодных страданий силы стали оставлять меня и по выражению лица повитухи я поняла: она сомневается, что я смогу благополучно разродиться. Я — не тот человек, который склонен предаваться мрачным мыслям, но, признаюсь, когда пошел второй день моих мучений, я испугалась, что

умру.

Я послала за Уолтером и за нашим приходским священником и попросила принести маленькую Пенелопу, чтобы ее присутствие меня подбодрило. Но Пенелопа только плакала навзрыд, и кормилица быстро унесла ее. А Уолтер явился в мои покои в грязных сапогах — в тех же самых, в которых продирался сквозь подлесок, преследуя оленя, — и совсем не знал, что делать, как меня утешить, чем мне помочь. Ведь муж мой искренне считал, что деторождение — святая обязанность женщины, и он тут ни при чем. Он просто ушел, оставив меня на попечение священника, который благословил меня и призывал Господа свершить волю Свою. Последнее он произнес таким тоном, что я всерьез испугалась, что не выживу.

В тот момент я почувствовала страшную, иссушающую жажду.

— Вина! Дайте мне скорее вина! — потребовала я во всю мощь своих легких и продолжала настаивать на своем даже тогда, когда повитуха сказала мне, что если я выпью вина, ребенок может родиться мертвым.

К этому времени я была уже в полубреду, но помню, что страшно ругалась на служанок до тех пор, пока одна из них наконец-то не принесла мне немного вина и подчинилась моему приказу, когда я велела не разводить его водой. Я выпила чашу одним глотком. Подкрепленная вином, я решила предпринять последнее отчаянное усилие, даже если его ценой станет моя жизнь. Я начала тужиться так сильно, как только могла, крича, стеноя и разрывая простыни, а повитуха изо всех сил давила мне на живот. Никогда раньше и никогда потом не испытывала я такой боли. Казалось, она никогда не кончится. Но в какое-то мгновение я почувствовала, будто что-то в моем теле разорвалось, и я услышала, или подумала, что услышала, пронзительный крик.

Наверное, я потеряла сознание, потому что, когда я очнулась, было темно и никого в моей спальне со мною не было. При свете одинокой свечи я увидела, что колыбель пуста, и в течение долгих ужасных минут думала, что ребенок родился мертвым.

Я заплакала от усталости и горя, и на звук моих рыданий прибежала кормилица и другие служанки. Как же я обрадовалась, когда увидела, что кормилица держит на руках младенца. Но при этом лицо ее выражало некоторую досаду.

— У вас еще одна дочь, мадам, — только и сказала она.

Я протянула руки и взяла у нее крохотную краснолицую дочурку. Малышка спала. Я прижала ее к себе и тихо стала нашептывать ей нежности.

— Вы уже сообщили хозяину? — спросила я.

— Да, и он не слишком доволен.

— Это неважно. Ах ты, моя малышка, — прошептала я девочке, которую держала на руках. — Благодарю Господа за то, что он даровал мне тебя, несмотря на боль и трудные роды. Как хорошо, что мы обе живы.

Я решила назвать дочку Дороти от греческого «Доротей», что значит «дарованная Богом». Она была и остается до сих пор моим сокровищем, даром судьбы, и я не могу описать словами, как сильно я ее люблю.

Выйдя замуж, я больше не могла занимать должность фрейлины, и меня перевели в статс-дамы, как и Сесилию. Мы должны были исполнять наши обязанности при дворе по несколько месяцев в году. Сейчас мне вновь захотелось оказаться во дворце, ведь это означало не только службу капризной и сумасбродной повелительнице, но и участие в разнообразных празднествах, торжествах и галантных увеселениях, составлявших досуг

королевы, когда она не занималась важными государственными делами вместе со своими советниками.

Уолтер также проводил много времени при дворе либо уезжал по делам королевы. Он помогал моему отцу, а с некоторых пор на него стали часто возлагать важные самостоятельные поручения, так как он проявил себя человеком верным и надежным. Вскоре после рождения Дороти он отбыл в Ирландию. Королева Елизавета послала его туда для того, чтобы он надзирал за передачей короне и дальнейшим перераспределением земель, конфискованных у мятежников. Он выполнил задание с блеском и в кратчайшие сроки, чем произвел крайне благоприятное впечатление на королеву, которая тут же не преминула доверить ему сходное королевское дело. В общей сложности мой муж отсутствовал почти полгода, и то была наша самая первая долгая разлука. Пока его не было, мне пришлось управлять замком Чартли и другими поместьями, что, ясное дело, оказалось мне в новинку. Но я многому научилась тогда: я не стеснялась подробно расспрашивать управляющих, я жадно впитывала все то, что они рассказывают мне о работе наших фермеров-арендаторов, о том, как обустроены наши фруктовые сады. Я выучила имена крестьян и сельских ремесленников, запомнила, кто из них чем занимается, выяснила, как нужно ухаживать за скотом и как убирать урожай, узнала об опасности болезней растений, засухи или проливных дождей не по сезону.

Сам по себе старый замок Чартли за толстыми серыми каменными стенами, окружавшими его, был очень неудобным местом даже в летние месяцы. Отец Уолтера не захотел в нем жить, предпочтя ему скромное поместье на юге страны, где климат был гораздо теплее. В Чартли в детской приходилось топить круглый год, а в большом зале стоял такой адский холод, что, казалось, с потолка сейчас начнут падать сосульки. Но сады вокруг замка были великолепны, и я их полюбила. Мне очень нравилось гулять с дочками подлинной мощеной дорожке между высокими цветущими кустами, мокрыми от росы, заходить на огород и в оранжереи, где даже зимой росли розы, а редкие растения из дальних стран цвели, сбрасывали листья и вновь принимались цвести круглый год.

А как прекрасны были фруктовые сады осенью, когда с яблонь длинными палками сбивали первые розово-зеленые яблоки, сочные и сладко пахнущие. Старик фермер поддерживал в саду костер, и мы пекли в его углях нашу добычу, сдабривая эти плоды сахаром и корицей. Из таких простых сельских радостей складывалась наша с дочерьми жизнь в замке, и я наслаждалась ею в полной мере. До чего же приятно было сидеть на качелях на лужайке рядом с домом под огромными тисами, наблюдая за тем, как тень тихо ползет по кругу солнечных часов, как пчелы выютя над голубыми цветами шалфея. Или пойти в хлев и полюбоваться на огромную черную свинью с ее новорожденными поросятами.

Мне нравилось, что я делю эту жизнь с моими детьми, но для Уолтера места в ней не было. В те месяцы во мне, честно признаюсь, росло отвращение к мужу. Как же я возненавидела его волосатые толстые пальцы, которыми он отсчитывал золотые монеты на хозяйство из окованного железом ларца, сидя у камина. Как я ненавидела розовые складки кожи на его загривке, его манеру вертеть головой, словно стервятник, учуявший поживу, его скрипучий голос, банальности, которые он изрекал, полное отсутствие у него чувства юмора, то, как он мрачно смотрел на меня своими маленькими поросячьими глазками, словно говоря: «Ты — плохая жена».

Ибо я не сомневалась, что именно так он обо мне и думает. Я не сумела выполнить

первейшего предназначения хорошей жены — подарить своему супругу здоровых сыновей, обеспечить его наследниками. Сесилия тоже не прошла это испытание, но по другим причинам. Ее муж — троюродный брат Уолтера Роджер Уилбрэм — вообще до нее не дотрагивался. В отличие от Уолтера, он в наследниках не нуждался. Его первые две жены — ныне покойные — родили ему четверых сыновей. Также Сесилия скоро узнала, что у Роджера есть красивая любовница-испанка, которую он тайно поселил в деревне рядом со своим поместьем.

Моя сестра, бедняжка, все глаза выплакала, когда узнала о существовании этой женщины! Она пожаловалась нашему отцу, а тот пригрозил лишить Уилбрэма его должностей и доходов с них, если неверный муж Сесилии не избавится от своей любовницы. Но угрозы отца пропали впустую, ибо королева отказалась серьезно отнестись к этому делу. В свойственной ей непредсказуемой манере она лишь посмеялась и заявила, что любовницы есть у всех мужчин и что Сесилия должна учиться не жаловаться на то, что она не в силах изменить.

— Пусть радуется, что у нее есть хоть какой-то муж, — грубо заявила королева нашему отцу, когда тот обратился к ней, — пусть удовольствуется своей участью, как и все мы, и не выдвигает невыполнимых требований.

Сесилия просто взбесилась, когда ей передали эти слова, и к тому же ее снедала зависть ко мне. Ведь у меня-то дети были, пусть и девочки. Не думаю, что она действительно хотела детей — или, если уж на то пошло, близости Роджера. У того был ужасный характер, и он не обладал другими достоинствами, которые делали бы его привлекательным в глазах женщин. А Сесилию нельзя было назвать прирожденной женой и матерью. Она не была способна на длительную любовь и привязанность, у нее не было терпения, чтобы ублажать злонравного мужа, заботиться о беспомощных младенцах или воспитывать шаловливых мальчиков и девочек до тех пор, пока они не займут своего места в мире. Ей просто нужен был статус жены состоятельного человека и матери большого семейства, а не брошенной и бездетной соломенной вдовы. Впрочем, детям в том союзе взяться было просто неоткуда, ибо муж не то что не имел с ней супружеских отношений, но вообще ее почти не замечал.

К тому времени я решила (хотя, конечно же, никому об этом не говорила), что Сесилия несчастлива в жизни оттого, что на нее навели порчу или она проклята. Другого объяснения не было.

Мне же сопутствовала удача. Дочки еще были совсем маленькими, когда я почувствовала, что снова в тягости. В этот раз я надеялась, что точно подарю Уолтеру долгожданного сына. Сесилия мне страшно завидовала и не навещала меня, хотя жила всего в нескольких днях пути от Чартли. Мама же, напротив, приехала и гостила почти месяц, подбадривая меня своими веселыми словами и мягкой улыбкой, постоянно приговаривая, что в этот раз у меня точно будет мальчик.

Родить я должна была осенью и решила, что это — хороший знак. Плоды созрели для сбора, старый фермер принялся печь падалицу в своем костре в саду, а Уолтер, полный тревог и дурных предчувствий, места себе не находил, так страстно он желал сына. Он даже не ездил на охоту, чтобы не пропустить время родов, хотя охотничий сезон был в самом разгаре и в наших лесах развелось видимо-невидимо оленей, напрашивавшихся на меткий выстрел охотника.

Я слышала, как Уолтер мерил беспокойными шагами соседнюю комнату, когда повитуха принялась гладить мне живот, нараспев произнося слова старинной молитвы о

легких родах. Я родила еще до рассвета, и когда Уолтеру сообщили об этом, он издал вопль радости. Наконец-то у него есть сын! Ребенок появился на свет крошечным и слабым, он не был таким голосистым и не сосал так хорошо, как Пенелопа и Дороти. Но это был мальчик, а остальное не имело значения. Теперь в замке Чартли был свой Уолтер-младший, наследник земель и состояния, и моему мужу не в чем было меня упрекнуть.

Вечер был холодным, в воздухе пахло дождем, и в покоях королевы толстые, шитые золотом занавеси на окнах были плотно задернуты. Нас оставалось совсем мало на половине королевы — всего несколько человек, — так как Елизавета спешно покинула дворец, дабы погостить у своего нового любимца Кристофера Хаттона^[136] в его поместье Гривмир, и она забрала с собой всех своих камеристок, а также большинство фрейлин и придворных дам.

В полутемных покоях, где мы сидели, было холодно даже после того, как задернули шторы и подбросили дров в камин, и мы выпили согревающий напиток, который нам принесли с кухни. Перед своим отъездом королева поссорилась с лордом Робертом. Ссора эта была столь яростной, что ее отголоски до сих пор словно витали в воздухе, а обе стороны обменялись обидными словами и расстались, не помирившись.

Лорд Роберт ревновал королеву. Она открыто оказывала знаки внимания молодому Хаттону — темноволосому и привлекательному, чьи тонкие шутки развлекали ее. Особенно уязвляло лорда Роберта то, что его соперник было моложе его и не имел ни подпорченной репутации, ни темного прошлого. Елизавете нравилось разжигать ревность лорда Роберта. Она как будто бы нарочно указывала ему на вполне достойных и привлекательных мужчин, словно говоря: «Я могу выбрать любого из них, и не обязательно тебя!»

В то же время она доказала всю глубину своих чувств к лорду Роберту (а она его, без сомнения, сильно любила, но так, как ей было угодно), пожаловав ему титул графа Лестера и подарив великолепный замок Кенилворт^[137] в Уорикшире, а также другие богатые поместья и обширные земельные угодья. Она даже предложила его в мужья своей родственнице и сопернице Марии Стюарт^[138], королеве Шотландии. Если бы этот брак состоялся, лорд Роберт воистину стал бы «королем Робертом», как пелось в джиге, которую так любили насвистывать слуги во дворце. Но он все еще надеялся получить главный приз — стать мужем самой Елизаветы. На меньшее он был категорически не согласен. А она его только дразнила и распалила, потому они и ссорились. В последнее время эти ссоры участились. Перед тем холодным вечером во дворце, который я запомню навсегда, голоса их во время очередной перепалки стали хриплыми, они так и сыпали оскорблениями. Когда Елизавета убыла в поместье Хаттона, а лорд Роберт остался во внешних покоях королевы, я услышала, как он бродит там, неприкаянный, бормоча что-то, все еще не в силах отойти от их размолвки. Появившись в комнате, где я сидела в одиночестве и читала, он замер, увидев меня, словно его застали врасплох. Я взгляделась в его лицо, ожидая увидеть ярость, гнев, злобу, но вместо них там была написана боль и обида, которую он тщетно попытался скрыть.

С возгласом «Черт бы побрал эту женщину!» лорд Роберт упал на грудь подушек перед камином и устало провел рукой по лицу. Рука эта была крупная, сильная, настоящая мужская рука, но совсем не похожая на лапищу Уолтера с толстыми пальцами и волосатыми костяшками. У лорда Роберта были руки прекрасной формы, гладкие, с ухоженными ногтями. Я всегда почитала его красавцем, достойным кисти художника. Все его портреты, виденные мною, включая миниатюру, которую королева носила в медальоне на груди, не отражали редкого благородства и величия его облика.

Даже теперь, когда он страдал, он был так хорош собой...

— Черт бы побрал эту женщину, Летти! — повторил он, воздев руки. — Что за дьявол в нее вселился?

Я закрыла книгу, которую читала. Лорд Роберт не требовал ответа на свой вопрос. Он искал сочувствия и сопереживания. Меня охватило труднопреодолимое желание подойти к нему, опуститься рядом с ним на подушки, теплые от жара камина. Его руки тоже будут теплыми... Но я не сдвинулась с места.

— Ты же знаешь ее, Летти! Объясни мне! Помоги мне ее понять!

Я с улыбкой покачала головой:

— Вы, мужчины, всегда толкуете о том, что не в силах понять женщину, кто бы она ни была, королева или простая служанка. Вы смотрите на нас свысока, как на существ слабых, которыми движут лишь их собственные прихоти — или дьявол. Но если мое скромное мнение хоть сколько-нибудь вас интересует, милорд, то я скажу так: Ее Величество испорчена постоянным поклонением и лестью, ей нравится дразнить и мучить вас, и, возможно, она испугается, если вы отвернетесь от нее или проявите холодность и отчуждение хотя бы на время. Пока вы преследуете ее вашей любовью, она вертит вами как хочет.

Я видела, что мои слова не только заинтересовали лорда Роберта, но и удивили его.

— Да она меня в Тауэр отправит, если я прекращу свои ухаживания, — проговорил он, но не самым уверенным тоном, а потом продолжал уже тише: — Или если я буду ухаживать за другой.

Молчание повисло между нами. Потом лорд Роберт простер ко мне руки и я, не раздумывая, бросилась в его объятия.

— Летти, моя милая Летти, — шептал он, а я прижималась к нему, затаив дыхание от счастья оказаться так близко, ощущать его теплое дыхание на моей щеке, вдыхать его аромат — аромат шалфея, розмарина и вина, чуть приправленный запахами конского пота и кожи.

В его объятиях я опьянела не только от страсти, но и от чувства единения с ним, словно бы он окружил меня теплотой своего тела, как теплом горящего очага, защищая от холода остального мира. Полутемная комната, освещенная лишь отблесками пламени, силою нашего желания превратилась в недостижимое волшебное место, принадлежащее нам одним, куда никто не осмелится вторгнуться. Роберт ласкал меня с таким пылом, что одна из подушек полетела в камин. Оттуда повалили темные клубы дыма, и я закашлялась.

— Сейчас сюда придут слуги, — успела сказать я, высвобождаясь из его объятий и поднимаясь на ноги.

— А мы отошлем их прочь, выкинем отсюда.

— А что, если они пожалуются королеве?

Лорд Роберт, смеясь, вскочил на ноги и принялся заливать пламя водой из кувшина. Слуги, впрочем, не замедлили явиться, но лорд Роберт взял меня за руку и увел в другую комнату. Заслышав голоса Сесилии и других придворных дам и зная, что они скоро войдут к нам, я попыталась привести в порядок свой туалет и прическу, хотя усилия мои были заведомо обречены на неудачу. Лорд Роберт замер у окна, отдернув шторы и глядя в ночную тьму.

— Летти, что-то горит! Неужели ты не чувствуешь запаха дыма? — прокричала Сесилия, вбегая в комнату и сразу же бросая пыливый взгляд на мое платье и локоны, пребывающие в беспорядке. Она быстро оглядела комнату и увидела лорда Роберта,

стоявшего спиной к ней у окна. Тогда она вновь посмотрела на меня, во взгляде ее читалось недоверие.

— Что с твоим платьем, с твоими волосами? Ты что — спала? Тебя дым разбудил?

— Наверное, подушка упала в камин, — хладнокровно ответил лорд Роберт, поворачиваясь лицом к ней. — Впрочем, это совершенно неважно...

И, не глядя на нас, он с подчеркнутым безразличием вышел из комнаты. Я восхитилась его умением прятать бурю чувств под маской беспечности. Ведь всего минуту назад он, как и я, совершенно потерял голову от той страсти, от которой пылают щеки и останавливается дыхание, ибо пути наши скрестились в иных, высших сферах, где господствуют наши самые сокровенные желания, и, познав их великолепии, мы уже никогда не будем прежними.

Каким-то образом королева почувствовала, что наши с лордом Робертом отношения изменились, и не преминула наказать меня за это.

Я так никогда и не узнала, как же ей удалось дознаться о нашей связи. Возможно, нас выдало наше поведение, или Сесилия сказала или сделала что-нибудь, укрепившее подозрения королевы. Мы с Робертом соблюдали все приличия, да и любовная близость между нами случалась редко. Но хотя мгновения тайного счастья были немногочисленны, предвкушение наших свиданий, трепет и волнение, сопровождавшие их, и последующие сладостные воспоминания дарили блеск моим глазам и зажигали розы на моих щеках, что не могло остаться незамеченным.

Я уверяла королеву, что причина моего счастья состоит в том, что я наконец-то смогла подарить своему супругу сына, — но этот предлог скоро себя исчерпал, ибо мой маленький Уолтер, который с самого рождения был слабеньким, перестал расти и набирать вес и еще до того, как ему исполнилось три месяца, уже лежал в крохотной могилке на фамильном кладбище Деверё.

Не могу сказать, что я очень сильно скорбела по нему. Я не успела к нему привязаться, потому что вскоре после его рождения была призвана ко двору, оставив его на попечение кормилицы и нянек.

Беда никогда не приходит одна, и смерть малютки сына оказалась не единственной в семье. Примерно в это же время умерла моя дорогая мама, и эту потерю я восприняла гораздо тяжелее. Мать заболела из-за своего чрезмерного пристрастия к вину и пиву. Эта пагубная привычка забрала все ее силы и сделала ее очень слабой и хрупкой. Мой отец более всего верил в свои молитвы, а не в придворных лекарей, не говорил детям и другим родственникам, насколько серьезно она больна, потому для всех нас ее смерть стала страшным ударом, и более всех — для самого отца.

Примерно в это же время наши с Уолтером отношения окончательно разладились. После вестей о кончине нашего сына он сильно опечалился, а затем впал в бешенство. Он прямо обвинял меня, забыв, сколько детей в наше время не выживали после рождения, да и сколько матерей угасали вскоре после родов, если на то пошло. Оказывается, по его мнению, я и только я виновата в том, что мое чрево способно выносить двух здоровых дочерей — и всего лишь одного слабенького сына, который не задержался в этом мире. Уолтер открыто сетовал, что женился на мне, и, зная мою привязанность к Пенелопе и Дороти, вовсе перестал обращать на них внимание, или — и того хуже — называл Дороти «Уолтером-младшим», а Пенелопу — «моим разочарованием».

Впрочем, его злость не уняла его вожделение. Он вознамерился зачать другого сына как можно скорее и часто получал со мной свое удовольствие, даже не замечая того, насколько он груб и неласков. Когда я не забеременела сразу же, у него появился еще один повод обвинить меня. Оказывается, я не отвечаю на его страсть так, как положено хорошей жене. Теперь он целыми днями попрекал меня всеми возможными способами, а я держала оборону против его поползновений и унижительных упреков. Да, я горевала, когда наш сын умер, но, в отличие от Уолтера, не мечтала о другом сыне и вовсе не хотела быть матерью большого

семейства. Или, если уж быть до конца честной, мне больше не хотелось детей от Уолтера, ибо теперь все мои мысли были только о Роберте. Ах, если бы я понесла от него — все равно кого, сына ли, дочь... Это были дивные, упоительные, сладостные мысли, но я сказала себе — этого никогда не случится. Роберт никогда не женится ни на ком, кроме королевы. А я буду оставаться женой Уолтера до тех пор, пока кто-нибудь из нас не умрет.

К моему огромному облегчению, Уолтер много времени проводил в отъезде. Королева отправляла его по государственным делам то в Ирландию, то еще куда, и он теперь ведал многими видами закупок для двора. Уолтер с гордостью выполнял эти задания и со свойственным ему тщеславию пространно рассказывал, как королева им довольна. Я же, напротив, часто вызывала неудовольствие Ее Величества. Причина этому была одна — королева знала наверняка или подозревала, что мы с лордом Робертом — любовники.

Елизавета могла вlepить мне пощечину за то, что я не так подаю ей платье. Или накричать, если я не могла подхватить задаваемый ею бешеный ритм танца. Каждое утро она обязательно начинала с гальярды, уснащая свою пляску затейливыми коленцами и смелыми прыжками под очень быструю музыку, а когда танец заканчивался, требовала, чтобы музыканты играли еще и еще. Иногда она танцевала по шесть-семь танцев за утро.

Она злилась на меня за то, что у меня, видите ли, плаксивый голос. Она обвиняла меня в том, что я якобы строю глазки ее любимчикам Кристоферу Хаттону или Томасу Хениджу^[139]. Последнего — очередного привлекательного молодого человека — она совсем недавно приблизила к себе. Хенидж смог добиться ее расположения не в последнюю очередь тем, что распорядился украшать зал Королевского совета зелеными ветвями и цветами. Елизавета очень любила зелень, обожала птичьи песни. На нее успокаивающе действовали чириканье и нежный посвист пичуг в клетках в ее опочивальне и в зале приемов.

Да, птиц она любила, но однажды, в одном из своих приступов бешенства, она открыла дверцы клеток одного из птичников и выпустила всех птиц на волю. Они в ужасе разлетелись от взмахов ее юбок и диких криков.

Какая же она была капризная и сумасбродная! Как изводила нас своими причудами! Возможно, правители специально так ведут себя, чтобы ставить в тупик своих подданных. Во всяком случае, отец часто говорил об этом. Я знала из разговоров с другими людьми на королевской службе, что королева Мария и король Генрих были такими же самодурами, если уж называть вещи своими именами. Даже юный король Эдуард был способен на странные слова и поступки, и даже был замечен в жестоком обращении со своими соколами.

Особенно я волновалась тогда, когда королева выпивала слишком много рюмочек настойки для укрепления сердца и улучшения настроения. На нее этот напиток зачастую действовал прямо противоположным образом, и она впадала в буйство. Стоило мне ночью погрузиться в тревожные думы о моей госпоже, и сон бежал меня. Я представляла себе, как Елизавета обвиняет меня в соvrщении лорда Роберта, бросает меня в Тауэр или даже велит казнить. Я говорила себе, что мои страхи преувеличены, что я уподобляюсь Пирто, горничной Эми Дадли, которая, как оказалось, напрасно боялась даже собственной тени. Кстати, к тому времени Пирто уже покинула сей мир — мне об этом сообщила мистрис Клинкерт. Пирто умерла от старости и разбитого сердца. Ее нашел на могильной плите Эми Дадли слугитель той церкви в Оксфорде, где Эми похоронили.

Но я — не Пирто! Я же — совсем другой человек... Нас и сравнивать нельзя... хотя одно общее у нас все же было — каждая из нас хранила тайну. И я больше всего боялась, что

моя великая тайна — тайна нашей с Робертом запретной любви — уже известна королеве. Был только один способ узнать наверняка. Мне надо было заглянуть в ту книгу, которую королева держит у своей кровати. Книгу, на полях которой она ведет свой дневник. Есть ли там записи обо мне и Роберте? Или о том, как она собирается наказать меня? Я дала зарок, что загляну в заветную книгу, как только представится удобный случай.

Мне понадобилось немало времени, чтобы набраться мужества для моего рискованного дела. Как-то раз я решилась и проскользнула в опочивальню королевы. Я выбрала такой момент, когда точно знала, что меня никто не потревожит, и осторожно открыла фолиант, который королева по-прежнему держала у своего ложа.

Рядом не было ни чернильницы, ни перьев, ни других письменных принадлежностей, но застежка на роскошном переплете, как только я до нее дотронулась, легко раскрылась. На мгновение я подумала, что, возможно, королева перестала вести свой дневник. Но стоило мне раскрыть книгу, как я увидела, что поля испещрены пометками знакомым почерком. Здесь королева записывала свои мысли и перечисляла те события, которыми были наполнены ее дни.

Трепеща от любопытства, я принялась читать:

«Роберт посмел грозить тростью моему Черному Цыпленочку (так она называла Хениджа^[140]). Надоело! Сколько можно терпеть его постоянную ревность, его приступы бешенства. Он стареет. Я нашла три седых волоска у него в бороде, посмеялась над ним и приказала ему покрасить бороду. Он так и сделал. Ну и дурак! Мой Черный Цыпленочек никогда такую глупость не отмочит. И Кристофер на это не пойдет... хотя нет. За деньги Кристофер готов на все. Кристофер любит денежки, а Робин жаждет власти. Боже, дай же мне мужчину, которому не нужно ни то, ни другое».

Взгляд мой упал еще на одну запись: *«Поссорилась с Р. Он вновь ревнует».*

Дальше Елизавета упомянула шотландскую королеву Марию Стюарт, которая решила выйти за юного лорда Дарнли^[141] и была уже беременна от него. *«Этот мальчик может стать королем Англии»^[142],* — написала Елизавета, но она еще не могла знать наверняка, что королева Мария обязательно родит сына.

«Может, оно и к лучшему — мы трое никогда не поместились бы в моей большой кровати, — прочитала я. — Мы с Марией не смогли бы разделить Робина».

Эти слова возмутили и удивили меня. Неужели Елизавета действительно думала, что Роберт женится на королеве Шотландии и уговорит ее переехать в Англию и что он и его жена будут делить милости Елизаветы? Что все вместе, как сбившиеся в кучку котят, они займут громадное ложе королевы? Будут делить одно и то же тело, страсть к одному и тому же мужчине?

Елизавета, конечно, была странной женщиной, но такие вещи у меня просто в голове не укладывались. *«Она переходит все границы!»* — подумала я. Только став старше, я поняла, какие разнообразные формы может принимать любовь меж людьми, но до этого времени было еще далеко.

Я вновь принялась читать дневник. Одна запись, располагавшаяся выше всех других, привлекла мое внимание и заставила сердце учащенно биться.

«Р. и Л., — написала королева. — Неужели их сердца соединились?»

А потом добавила: «Р. и Д. — горе и злосчастье».

Я сразу же поняла, кто такие Р. и Л. — это Роберт и я. Значит, королеву гораздо больше интересовала не телесная связь между нами, а возможность существования между нами высокой любви, светлых чувств. Она подозревала нас в этом, но не была уверена.

Но почему Р. и Д.? Кто такая Д.? И что значат слова «горе и злосчастье»? Что королева хочет этим сказать?

Но главным стал для меня теперь вопрос: кто же такая Д.? Д. — любовница Роберта? Она молода и красива? Она дерзка и безнравственна? Она заберет у меня Роберта?

Мало было женских имен, которые начинались бы с Д. Конечно же, сразу вспомнилось имя моей дочери — Дороти. Иногда дочерей в английских семьях называли французским именем Диана. Слышала я о монахине, которую звали Деодата. Но я не знала никого из фрейлин или замужних придворных дам, имена которых начинались бы с буквы Д, кроме Дороти. А из всех известных мне при дворе Дороти не было ни одной, которая понравилась бы Роберту. Все они были некрасивые либо старые, либо сварливые, либо и то, и другое, и третье, вместе взятое.

Может быть, буквой Д обозначено не имя, а прозвище? Королева обожала давать людям прозвища. Очень часто они были весьма нелестными, особенно те, которыми она награждала женщин: она вполне могла обозвать кого-то «Дурочкой», или «Дешевкой», или еще как-нибудь похлеще.

Но тут перед моим мысленным взором всплыло лицо, а затем и имя. Странное для женщины имя — Дуглас. Так звали молодую женщину, которую я несколько раз видела при дворе. Она была юной, красивой, смелой, соблазнительной — такая девушка могла бы понравиться Роберту... Я сама была такой десять лет назад... Если мне не изменяла память, то эта Дуглас была из рода Говардов. Стройная, грациозная, с рыжевато-каштановыми кудрями, почти как у меня, и вздернутым носиком. Когда я увидела ее танцующей, то подумала, что она танцует почти так же хорошо, как я...

Надо было срочно проверить мою догадку, и я обратилась к мистрис Клинкерт, спросив, знает ли она девушку по имени Дуглас.

— Вы имеете в виду жену лорда Шеффилда^[143]? — сразу же ответила она. — Ту, которая развлекается со всеми и каждым?

— Со всеми и каждым? — переспросила я, постаравшись, чтобы голос мой звучал легко и игриво. — Но, уж конечно, не с лордом Робертом?

Но мистрис Клинкерт сразу догадалась, что вопрос этот я задала неспроста.

— Со всеми! — подчеркнула она. — От последнего мальчишки на конюшне до самого знатного вельможи. — И тут она принялась насвистывать «Джигу короля Роберта». — Эта Дуглас Говард — та еще штучка. Почтище Екатерины Говард^[144], об изменах которой знали все, кроме ее супруга короля.

— А королева знает о поведении этой Дуглас? — продолжила я свои расспросы.

— Конечно. Ума не приложу, почему она еще не прогнала ее от себя. Такой девушке не место при дворе.

— Вы совершенно правы, мистрис Клинкерт.

— Даже Уэффер удивился. А уж он-то служил здесь еще при леди Анне Болейн и вашей бабушке леди Марии Болейн, двух самых...

— Тише, тише, мистрис Клинкерт! Я прекрасно знаю, как молва окрестила этих двух

милых дам.

— Побеспокойтесь, голубушка, чтобы ваша собственная репутация не пострадала, — заметила камеристка. — Муж ваш постоянно в отлучке, и у вас много свободного времени.

Ей не нужно было углубляться в детали. Я прекрасно поняла, на что намекала мистрис Клинкерт. У меня было много свободного времени, и я старалась сделать так, чтобы это время при любой возможности заполнял мой сердечный друг Роберт. Уолтер часто уезжал, а когда он возвращался, то мы с каждым разом убеждались, что у нас друг с другом нет ничего общего. У нас не было даже общих привычек, — объединяющих давно женатые пары. Мы приелись друг другу до такой степени, что даже не могли нормально разговаривать. Да и в супружеской постели мы встречались теперь не часто. Мой муж как мужчина был мне противен, и это чувство только углублялось. Но время от времени я все же была вынуждена делить с ним ложе, и после одного из таких редких визитов Уолтера в Чартли я вновь понесла.

В этот раз мы оба надеялись, что родится мальчик, который займет место умершего Уолтера-младшего.

Почти всю эту свою беременность я не появлялась при дворе. Я баловала себя сверх меры, став круглой как бочка. «Этот ребенок родится самым крупным из всех моих детей», — сказала я себе. Животу меня вырос так, как ни разу во время прошлых беременностей. Я поглощала сливы и персики без числа и, конечно же, печеные яблоки старого фермера.

Хотя я и скучала по Роберту, который редко навещал меня в Чартли, но чувствовала себя настолько счастливой, что это меня даже удивляло. Я шила и вышивала чепчики и одеяла для новорожденного, составляла ароматы и готовила наливки, заполняя ими кладовые, ухаживала за цыплятами в птичнике и подкармливала певчих птиц, обитавших в густых кронах деревьев, в тени которых располагалась голубятня. Когда пришел мой срок закрыться в спальне в ожидании родов, я спокойно удалилась туда и терпеливо ожидала первых схваток, проводя время в молитвах.

Хотя ребенок родился очень крупным, роды были недолгими и не слишком трудными. Мне помогали опытная повитуха и женщина из деревни, груди которой распирало молоко. Она была нанята кормилицей моему будущему ребенку. Она оказалась подругой повитухи и в течение всех родов сидела рядом со мной и держала меня за руку, успокаивая и уверяя, что все будет хорошо. Еще до начала схваток я распорядилась придвинуть мою кровать к высокому окну и не занавешивать его, вопреки обычаю, посему теперь я наблюдала, как с деревьев падают желтые листья и, медленно кружась, опускаются на землю. Это зрелище меня отвлекало и развлекало. Да, боль была, но были и искренние слова поддержки кормилицы, и дельные указания повитухи. С их помощью я родила малыша Роберта в ноябрьских сумерках 1567 года, когда Вечерняя Звезда^[145] восходила на небосклоне. «Это знак! — подумала я. — Знак великой судьбы». Я сказала себе, что этот мальчик, чьи громкие крики привели всех домочадцев и слуг под двери моей спальни, где они дружно приветствовали наследника Деверё, станет отважным воином, будет блистать на рыцарских турнирах или украсит собой любой королевский двор, как и мой любимый Роберт. Он будет таким же прекрасным, могучим, полным жизненных сил и обаяния.

Я заснула, и во сне мне привиделось славное будущее моего сына, а когда я проснулась и увидела, что его крохотная головка в льняных кудрях покоится на сгибе моей руки, великий покой и чувство несказанного удовлетворения снизошли на меня.

Я отсутствовала при дворе около года, и за это время многое изменилось. Когда в ответ на приказ королевы я вернулась в ее покои, то обнаружила, что связь между Робертом и Дуглас Говард, леди Шеффилд, теперь перестала быть секретом. И что у них родился ребенок!

Елизавета бы раздражена и обозлена, Роберт — опозорен. Дуглас удалилась от двора в поместье своего мужа, где и проживала со своим бастардом. С ребенком от Роберта. С дитем, рождение которого, как я предчувствовала, принесет только горе и злосчастье.

Мой брат Фрэнк удивил нас всех, прибыв в Чартли с испанским пони — подарком для маленького Роберта, прекрасными жемчужными ожерельями для Сесилии и меня и с сундуком, полным золота.

Я повисла у Фрэнка на шее и расцеловала его в обе щеки, не помня себя от радости — ведь он вернулся после столь долгого отсутствия! Выглядел он настоящим красавцем и щеголем в бархатном камзоле с серебряным шитьем, в шелковых чулках и с драгоценными застежками на туфлях из дорогой кожи.

— Фрэнк, тебе надо быть при дворе! Ты затмишь всех приближенных королевы, даже великолепного Кристофера Хаттона с его вышитыми плащами, роскошными брыжами и золотыми цепями! — воскликнула я.

«И ты сможешь сравниться даже с моим дорогим лордом Робертом», — добавила я про себя, но вслух этого не произнесла.

— Ах, Летти. Мой наряд — это еще не все мое богатство. Посмотри-ка лучше на мое золото! — С этими словами Фрэнк приказал внести сундук, с которым он приехал к нам. Потребовалось четверо дюжих молодцов, чтобы выполнить его приказ. Когда мой брат отпер сундук и поднял крышку, нашим изумленным взорам предстала целая гора сверкающих золотых монет.

— Это испанские дукаты^[146]! — гордо заявил Фрэнк и пояснил: — Перуанское золото. Мы держали курс на север от Вальпараисо^[147], когда наткнулись на два испанских корабля, перевозивших сокровища. Один мы подбили, а другой потопили своими пушками, но успели спасти почти весь груз. Да, и еще на борту, помимо испанских монет, были тонны серебра! То, что вы здесь видите, — лишь часть моей доли.

Наш отец в это время как раз гостил в Чартли, и я направила гонца к Сесилии с наказом скакать во весь опор в поместье ее мужа Уилбрэма. Посыльный должен был сообщить моей сестре, что наш брат вернулся и мы с нетерпением ждем ее приезда.

— Так ты заделался пиратом, сын мой? — неодобрительно спросил отец, оглядев Фрэнка с ног до головы на фоне сундука, полного золота. — Или ты все еще добрый и честный моряк?

Смерть матери очень подкосила отца, как мы все теперь видели. Но его моральные принципы только ужесточились, невзирая на его почтенный возраст. Никто не мог избежать его критики или его сурового приговора.

За те годы, пока мы не виделись, Фрэнк слал мне письма, в которых вкратце описывал основные вехи своего пути: как юнгой он учился у престарелого капитана каботажного судна водить его из одной корнуолльской^[148] бухты в другую, как впоследствии сам стал капитаном корабля, способного пересечь океан в погоне за хорошей прибылью.

— Я служу королеве, отец, — ответил Фрэнк. — И отправляюсь туда, куда меня посылает капитан нашей флотилии Фрэнсис Дрейк^[149]. Мы преследуем испанцев во многих морях и океанах.

— Значит, это золото королевы, а не твое, — продолжат гнуть свою линию отец.

— Нет, папа, это часть моей доли добычи, выделенная мне нашим капитаном.

— Это чужое золото, ты его украл.

— Это — военный трофей, отец. Завоеванный в морском сражении.

Отец покачал головой:

— На этих деньгах кровь! Ты должен их вернуть!

Темные глаза Фрэнка загорелись гневом:

— А кому мне их возвращать, отец? Рабам на перуанских рудниках, которые добыли это серебро и золото под ударами испанских плетей? Или жестоким испанцам, потопившим три наших корабля с добрыми моряками на борту, на одном из которых был мой лучший друг?

Фрэнк захлопнул крышку сундука и добавил:

— Нет, никому я это золото не верну. Чтобы его заполучить, я рисковал своей жизнью. Почти три года я провел в море вместе с капитаном Дрейком. Наш барк чуть не напоролся на риф в далеком океане, для которого и названия-то еще не придумано.

— Имя места сего известно Всевышнему, — тихо и торжественно произнес наш отец. — Ибо земля и все на ней принадлежит Господу^[150]. Видно, не стоит нам больше говорить об этом.

С этими словами отец отвернулся.

Я взяла Фрэнка за руку и увела в детскую, где он познакомился с Пенелопой, Дороти и моим драгоценным Робертом — крупным, улыбающимся, деятельным малышом. Мой сын весело кричал и размахивал зажатой в кулаке игрушечной лошадкой. Фрэнк взял его на руки и понес во двор, чтобы показать ему настоящего живого пони, а девочки пошли за нами, причем Пенелопа обвила руками ногу Фрэнка, а Дороти держалась за полу его камзола.

— А как у тебя дела, Фрэнк? — спросила я чуть позже, когда мы все смотрели, как конюх водит пони по кругу, а к седлу на его спине надежно привязан Роб, который отчаянно качается во все стороны, но не плачет, а только заливается смехом. — Когда у тебя появятся собственные сыновья и дочери?

Фрэнк сдержанно улыбнулся. Какое-то время он поглаживал головки моих девочек, а потом отослал их поиграть, взял меня под руку, отвел к скамье под тенью дерева, где мы с ним и устроились.

— Я женат, Летти, — признался он. — Я женился на богатой женщине, вдове из Плимута. Думаю, она по-прежнему там живет. И мы все еще муж и жена.

— Так ты женился не по любви?

— Нет. То был брак по расчету.

Он встряхнул головой, как будто бы хотел отогнать от себя прошлое. Глаза его подернулись грустью.

— Помнишь, я был совсем молод, когда поступил юнгой на судно. Я был преисполнен надежд и ожиданий. Я освободился от отца с его жестоким Богом и постоянными разговорами о дьяволе, вечном огне и проклятье. Тогда я думал, что наконец-то могу жить так, как хочу!

— И я завидовала твоей свободе, Фрэнк. И до сих пор завидую.

— Свобода свободой, но у меня не было денег. Когда я уходил из дома, отец предупредил меня, что пробиваться в жизни мне придется самому. Он не даст мне ни пени, даже если я буду в отчаянной нужде. И я знал, что он сдержит слово, и поддерживал его решение. Мне надо было доказать отцу и самому себе, что я смогу найти свой путь без того, чтобы взирать на окружающий меня мир, как на юдоль греха и скорби. Многие годы я

тяжело работал и преуспел. Я изучил ветры и течения, все предательские ловушки западного побережья Англии с его скалами и мелями. Я стал своим среди простых моряков — людей, просоленных морем, которые ругались, ссорились и устраивали пьяные драки в темных переулках за портовыми кабаками. Да, сестричка, и мне довелось участвовать в таких драках! И у меня есть несколько шрамов, которых я не стыжусь и готов показать тебе.

Я не могла сдержать улыбку. Фрэнк и его боевые шрамы — он был так горд ими.

— Держу пари, что наш отец никогда в жизни ни с кем не подрался.

Мы расхохотались.

— Во всяком случае, не в темном переулке... Хотя он каждый день схватывается не на жизнь, а на смерть с другими членами Королевского совета. Война там ведется более утонченными, но не менее жестокими методами. Однако мы отвлеклись, прошу тебя, брат мой, продолжай свой рассказ.

— Ну так вот: через некоторое время капитан умер и оставил мне в наследство свое суденышко. У него не было сына, которому он мог бы его передать. Я был очень горд и продолжал его дело, перевозя грузы из одного корнуолльского порта в другой. Иногда мы просто бросали якорь в тихой бухте и под покровом ночи доставляли вино, масло, мыло или соль из Франции, либо забирали ткани, зерно и свинец у местных тайных поставщиков. Отец бы с ума сошел, если бы узнал, как бойко идет торговля за спиной королевских чиновников.

— Он знает! Да и все при дворе наслышаны об этом. Половина кружев из Франции и Голландии, которые носят при дворе, приходит вот таким контрабандным путем, а также многие вина и крепкие напитки. И никто не платит никаких пошлин.

— Ну, в общем, я достиг определенного положения. Но мне хотелось большего, хотелось выйти в открытое море, посмотреть другие страны. Среди моряков из уст в уста передавались рассказы о капитане Фрэнсисе Дрейке и его приключениях. О том, что он отваживается на дальние экспедиции, заручившись поддержкой самой королевы. Именно она дала ему разрешение нападать на испанские суда и брать себе часть добычи. Но для того, чтобы мне вступить в его предприятие, требовались деньги. И, замечу, большие деньги. Тут как раз появилась одна вдовушка, которая сказала, что если я женюсь на ней, то эти деньги у меня будут. И я повел ее в церковь, Летти, — вот так-то. И с тех пор каждый день жалею, что сделал это.

— Но ты не жалеешь, что примкнул к Дрейку?

Фрэнк улыбнулся:

— Нисколько не жалею. И не жалею, что пиратствую в интересах Англии. Но я заплатил слишком дорогую цену за эту возможность.

— Какую цену?

Фрэнк задумался, на лбу у него залегла глубокая морщина.

— Была одна девушка, — начал он. — Прелестная доверчивая молодая девушка с мягкими карими глазами и нежными руками. Ее звали Марианна. Ей было всего шестнадцать. Она жила со своей семьей в гниющем корпусе брошенного корабля. Ее отец был странствующим проповедником и жил даяниями тех, кто приходил его послушать. В основном моряков. Он был человеком искренне верующим, и я восхищался им. У него была семья из восьми человек, и досыта они никогда не ели. А я любил Марианну! Клянусь, я любил ее безумно. Но я понимал, что, если женюсь на ней, я должен буду содержать всю ее семью. У них почти ничего не было. Марианна стирала белье морякам, а братья подбирали в полях то, что осталось после сбора урожая. Они как птицы или мыши не брезговали ни

единым колоском. И еще, Летти, я знал, что если женюсь на ней, то никогда не смогу посмотреть мир. Каждый раз, когда я направлял свой взгляд в океан, мне хотелось оставить позади берег Корнуолла и свое маленькое суденышко. Порвать все удерживающие меня связи. И тогда я выбрал вдову и ее деньги, продал свое суденышко и присоединился к Дрейку. Мой взнос окупился тысячекратно, но я потерял Марианну. Когда я вернулся и попытался найти ее, то корпуса судна, под которым они жили, на месте уже не было. Шторм разбросал его на доски, а их семья после этого рассеялась по свету. Мне сказали, что Марианна умерла. Но если у меня когда-нибудь будет другой корабль, я назову его «Марианна» в ее честь. Я всю свою жизнь посвящу ее памяти.

Он закрыл лицо руками.

Я обняла брата за широкие плечи, хотя и чувствовала, что никогда не смогу его утешить в горе. В следующие дни я слышала из его уст много занимательных историй о морских приключениях. Но за его словами всегда стояла неизбывная печаль. Он отправился на поиски непознанного, видел чудеса этого мира, которые никому до него видеть ни пришлось. Но он утратил нечто более драгоценное, то, что составляло источник его земной радости. Он потерял свою любовь.

Я встрепенулась, едва заслышав стук копыт лошадей и стук колес экипажа у ворот замка. То была карета Сесилии. Моя сестра прибыла из соседнего с Чартли поместья, принадлежавшего Уилбрэму. Трудно было угадать, как она себя поведет на этот раз. Хотя чувство сестринской любви было мне не чуждо, я не собиралась мириться с перепадами ее настроения. А в те дни она была им весьма подвержена. Ее брак, как все знали, существовал лишь на бумаге. Роджер Уилбрэм вел свою собственную жизнь с самого дня их свадьбы, и Сесилии места в ней не было. Получив благодаря своей женитьбе многочисленные должности, дающие прекрасный доход, Уилбрэм процветал, а недавно он был назначен на новый ответственный пост в Адмиралтействе. Сесилия жила в полном достатке — тут на мужа ей было грех жаловаться, — но в одиночестве. Каждый месяц управляющие ее мужа привозили ей набитый монетами кошель, который она прятала под кровать, а деньги могла расходовать по своему усмотрению — на портных, мастеров по изготовлению париков, лекарей и аптекарей. Она к тому же держала обширный штат прочих слуг. Они получали щедрое жалованье из кармана Роджера Уилбрэма, который также покрывал все расходы на содержание поместья.

Так что Сесилии оставалось лишь одно — пестовать свою зависть и злобу.

Карета остановилась, и я спустилась во двор замка, чтобы приветствовать сестру. Когда она вышла из экипажа, он резко прекратил крениться на одну сторону — ту, где она до этого восседала. Сестра моя толстела с каждым проводимым в праздности днем. «Она не толстая, она — жирная!» — всегда заявлял мой муж, стоило мне завести об этом речь. Маленькие глазки Сесилии терялись на одутловатом лице. Плотное тело было затянато в элегантное шелковое платье с вышивкой, которое не могло скрыть одного печального обстоятельства: сестра моя казалась гораздо старше своих лет, а ведь она еще не достигла тридцатилетнего рубежа.

На голове у нее, как обычно, был затейливый парик, все локоны которого были уложены с величайшим искусством. С того самого дня, как королева распорядилась обрить Сесилию, моя сестра постоянно носила парики разных цветов и стилей. В последнее время они были ярко-рыжие, какие теперь предпочитала сама Елизавета. Я не уставала напоминать сестре, что все они изготовлены из волос других незадачливых девушек, которые вынуждены были расстаться со своей красотой.

Собственные мышинные локоны Сесилии, которые и раньше никогда не отличались густотой и пышностью, так и не отросли как следует: с одного виска они топорщились и стояли дыбом, как у наполовину ощипанной курицы, а с другого — кудрявились, но неровно, и между отдельными прядями просвечивала голая кожа. Так что без парика моя сестра действительно выглядела странновато.

Зубы — ее главное достоинство — были у нее по-прежнему ровными и белыми, и она неоднократно хвасталась, что сохранила их все до единого. Но цвет лица у нее был просто ужасный: здоровым румянцем она и раньше не могла похвастаться, а теперь щеки ее совсем пожелтели, да вдобавок были обезображены оспинами, которые она безуспешно пыталась скрыть под толстым слоем белил.

Бедная Сесилия! Когда мы встречались лицом к лицу, ее просто перекашивало от зависти, ведь я сохранила юную свежесть и миловидность (во всяком случае, все так говорили), а она превратилась в уродину.

— Итак, — воскликнула Сесилия, когда я ввела ее в зал и она увидела Фрэнка, — блудный пират наконец-то вернулся домой!

— Он — моряк, Сесилия, а вовсе не пират. И достигший больших успехов на выбранном им поприще! — не преминул вмешаться наш отец и тут же добавил: — Хотя моему сыну, конечно, стоит одеваться поскромнее...

Забавно, что пышность наряда самой Сесилии у папы нареканий не вызвала. Видимо, он счел, что так она утешается за разочарование в браке.

Моя сестра только хмыкнула в ответ на отцовские слова:

— Любой, кто состоит на службе капитана Дрейка, самый что ни на есть отъявленный морской разбойник! Но находящийся под покровительством королевы... Кстати, Фрэнк, что за ссора, о которой я недавно узнала, случилась между тобой и моим дорогим муженьком?

Я успела заметить, что Сесилия и Фрэнк даже не обменялись обычными приветствиями, как это принято между родственниками, а ведь они не виделись много лет. Впрочем, они никогда не были близки, а в детстве часто дрались, и тогда я выступала в качестве миротворца. Неужели и сегодня не избежать ссоры?

— Твой дорогой муженек, Сесилия, сделал вещь совершенно непростительную: он встал между мною и моим кораблем, — заявил Фрэнк.

В ответ на это Сесилия хмыкнула еще громче:

— Ну и как же ему это удалось?

— Он отказался выдать мне королевское разрешение на выход из Плимута моего нового судна «Чайка». Теперь я не смогу присоединиться к Дрейку в его следующем походе.

— А причину он не назвал? — это подал голос наш отец, хмуря брови в неодобрении.

— Нет, не назвал, но я ее знаю. Дрейку для его флотилии нужен всего лишь еще один корабль. А Уилбрэм желает, чтобы этим кораблем стало судно, принадлежащее его драгоценному отпрыску. Вот поэтому он не выдает мне официальных документов, без которых «Чайка» не может выйти из Плимутской гавани.

— Который из его отпрысков хочет примкнуть к Дрейку? — спросил отец. — У него же несколько сыновей.

— Четверо. Но самый любимый среди них — Себастьян. Он — сын его любовницы-испанки.

Услышав про ненавистную испанку, Сесилия сжала полные белые руки в кулаки и топнула ногой.

— Я требую, чтобы эту женщину отправили обратно в Севилью! И немедленно! Отец, прошу тебя, помоги мне. Пусть ее вышлют.

— Дорогая, мне кажется, я придумал кое-что получше — и для тебя, и для Фрэнка. Мои шпионы донесли, что Роджер Уилбрэм страстно желает освободиться от своего союза с нашей семьей, но так, чтобы не лишиться ни одного из своих постов.

При этих словах отца лица Сесилии и Фрэнка прояснились.

— Я и понятия не имел об этом, — начал Фрэнк, — ты мне никогда про это не писал.

— А я не знал об этом до последнего времени. Мне рассказали, что Роджер обратился к королеве, желая исхлопотать для себя назначение на должность главного поставщика вооружений для портовых укреплений Слюйса с доходом в две сотни фунтов в год и правом

поставок оружия на английские суда, стоящие в этом порту.

Слюйс — порт в провинции Зеландия Испанских Нидерландов — с окрестностями взбунтовался против жестокого правления испанского короля Филиппа. Одной из причин этого стало преследование протестантов, которых казнили сотнями. Я с ужасом вспомнила убийства, свидетелем которых была в детстве: сожжение моего учителя Джослина, зверские казни анабаптистов во Франкфурте. Похоже, Слюйс — это ужасное место, но Роджер Уилбрэм все равно хотел туда отправиться. Причина этому могла быть только одна — его неумная жажда денег.

— Но даже если Роджер покинет Англию, Сесилия останется его женой, и она, конечно же, не захочет сопровождать его в Нидерланды, — сказала я, поглядывая на сестру.

— Неужели отец этого не знает? — тут же огрызнулась она. — Наверняка ты уже нашел какое-то решение, ведь так, папа?

Теперь она говорила тем особым вкрадчивым тоном, каким никогда не разговаривала с нами, а только с отцом:

— Ты все устроишь, папочка, милый, не правда ли?

— Если смогу, дитя мое. Возможно, мне удастся убедить королеву дать твоему мужу эту должность, хотя она наверняка никогда не согласится положить ему двести фунтов годового содержания, особенно с учетом того, сколько он уже получил из казны. И она не сможет освободить тебя, Сесилия, от твоего брака. Ведь это дело церкви.

— Не забывайте, отец, что королева — глава нашей церкви, — заметил Фрэнк. — Я уверен, что она имеет решающий голос в таких вопросах.

Отец строго глянул на него:

— Ты что, воображаешь, что дела церковные — лишь игрушка в руках власть предержащих мужеска или женеска пола? Никогда! Церковь есть священное орудие Господа нашего и его Промысла.

Мы все знали, что в вопросах религии и веры с отцом лучше не спорить, и я дала знак поскорее садиться за стол. В тот день к этой теме мы больше не возвращались. Мысль о том, что мерзкий Роджер Уилбрэм может навсегда быть изгнан из нашей жизни, подействовала на нас благотворно. За обедом мы даже держались вместе как хорошая дружная семья, — впервые за много лет. И я подумала — вдруг судьба каждого из нас повернется наконец в лучшую сторону, вдруг и мне повезет. Ведь тот, кого я люблю, сейчас с другой женщиной, — женщиной, которая родила ему ребенка, а своенравная королева, всеведущая и всем управляющая, держит нить нашего будущего в своих тонких и изящных белых ручках...

Как мой отец ни старался, он не смог убедить королеву назначить Роджера Уилбрэма главным поставщиком вооружений Слюйса, а когда папа неосторожно упомянул годовое жалованье в двести фунтов, кое возжелало это ничтожество, королева швырнула пивную кружку в стену, завешенную гобеленом, и воскликнула: «Боже правый! Святоша (теперь она так называла отца), ты что думаешь, что я — царь Крез^[151]?»

Отец не возмутился очередной выходке Ее Величества, а лишь ловко и привычно увернулся от летящей кружки, но когда он более не находился в ее августейшем присутствии, то дал волю языку:

— Эту женщину нужно было выдать за короля Филиппа, когда была такая возможность, — заявил он. — Ей нужен супруг, который держал бы ее в узде и не позволял так себя вести!

— Но, отец, — напомнила я ему, — если бы она вышла замуж за короля Филиппа, Англия была бы сейчас католическим королевством. Тебе бы это точно не понравилось.

Но он возвел очи горе и пробормотал нечто нечленораздельное. Я знала, что Елизавета бесконечно испытывает терпение своих советников. С возрастом наша правительница делалась только злореднее.

Мне стало ясно, что отец не сможет выторговать королевскую милость для Роджера Уилбрэма и не сможет заключить с ним ту сделку, на которую вся наша семья так рассчитывала. И тогда я решила, что пора вмешаться. Нужно убедить Роберта помочь моей сестре и брату. Роберт пользовался огромным влиянием на королеву — это признавал даже мой отец. Хотя Елизавета часто гневалась на него и постоянно то одаривала его подарками и осыпала почестями, то забирала свои дары назад, блестящий граф Лестер (а теперь он наконец-то получил этот титул) был первым лицом при дворе и мог добиться очень многого.

Признаюсь, я отправилась просить Роберта о помощи с тяжелым сердцем. Из-за его романа с Дуглас отношения наши изменились, и за последний год с лишним я виделась с ним всего несколько раз.

Кроме того, я чувствовала неловкость, потому что не в моих привычках было извлекать выгоду из чьих-то нежных чувств. Я по натуре — женщина независимая, привыкшая полагаться на себя. Роберт был любовью всей моей жизни, а не орудием для достижения моих собственных целей.

Но как бы то ни было, в тот день я искала и, конечно же, нашла могущественного лорда Роберта во дворце, в зале приемов, где, как обычно, яблоку было негде упасть. Пробиваясь к нему через толпу, я чувствовала неуверенность и неловкость, но превозмогла их, помня о нуждах моего брата и сестры.

— Лорд Роберт, — обратилась я к нему, и тут же сердце мое забилося, затрепетало, — можно ли поговорить с вами?

Его улыбка казалась одновременно ослепительной и обезоруживающей, но в ней обнаружила я намек на ту же неуверенность, что снедала меня. Но когда он подвел меня к глубокой оконной нише, где мы могли спокойно поговорить без лишних ушей, его

неповторимый голос, тот голос, что я так любила, был полон теплоты и нежности. При первых же его словах мои сомнения начали рассеиваться.

— Моя дорогая Летти, — только и сказал он. И потом опять: — Моя дорогая Летти...

— Лорд Роберт, — пробормотала я, запинаясь на каждом слове, — моя сестра Сесилия... то есть, я хотела сказать, муж Сесилии...

— Роджер Уилбрэм?

— Да. Моя семья надеется... — я вздохнула и попыталась еще раз. — Моя семья считает, что можно найти способ...

— Твой отец уже говорил мне о требовании Уилбрэма. Именно о требовании — этот дурак мнит себя незаменимым! Он, видите ли, жаждет получить должность главного поставщика вооружений порта Слюйс. И жалованье хочет просто неприличное!

— Да. А Сесилия, в свою очередь, жаждет расстаться с ним навсегда. Она надеется, что их брак признают недействительным.

Складка между бровями Роберта углубилась:

— Королева ничего не имеет против Роджера Уилбрэма, но она не склонна потакать желаниям твоей сестры. У Ее Величества предубеждение против Сесилии.

— Да, так и есть.

— Знаешь, как лучше всего действовать, если хочешь чего-нибудь добиться от Елизаветы? Ее нужно отвлечь и развлечь. Например, устроить праздник с фейерверком в ее честь, а пока она этим фейерверком будет любоваться, подсунуть ей на подпись нужный документ. Конечно, довольно примитивный метод, но мы, члены ее совета, довольно часто им пользуемся.

— А что в данном случае может послужить таким «фейерверком»? — спросила я, радуясь веселому огоньку, загоревшемуся в глазах Роберта.

— Пока не знаю. Но для тебя, милая Летти, я что-нибудь придумаю.

С этими словами он развернулся и пошел прочь от меня сквозь толпу чиновников, клерков, законников и просителей, заполнивших приемную королевы, высокий и статный, не растворяясь в этой толпе.

Через несколько дней я получила от Роберта короткую записку, в которой он просил меня встретиться с ним там, где я никогда раньше не была: в Саутворке — отдаленном районе Лондона на противоположном от королевского двора южном берегу Темзы. Граф Лестер писал, что пошлет сопровождающих, которые проведут меня на место встречи.

«Почему в Саутворке?» — подумала я. Место это пользовалось дурной славой. Там жили воры, жулики и актеры.

Не сказав ни единой живой душе, куда я намереваюсь отправиться, я надела плащ, нацепила грубые уличные ботинки прямо поверх туфель и уселась ждать слугу, который должен был прийти от Роберта.

Мне показалось, что мы вечно будем пересекать Темзу по знаменитому Лондонскому мосту^[152], такой плотной была толпа на нем. Наша карета еле ползла в окружении бродячих торговцев, разносчиков воды, погонщиков, пытавшихся отогнать своих овец на Смитфилдский рынок. Повозки впереди и позади нас ломались, вьючные лошади теряли свои грузы, а смеющиеся уличные дети забирались на подножки, заглядывали в окна и просили монетку.

Роберт прислал мне в качестве эскорта двух своих слуг — молодых людей в элегантных ливреях, непривычных к гвалту, вони, тряске и прочим «прелестям» переправы по Лондонскому мосту. Одного стошнило сразу, а другой позеленел лицом, но все же умудрился совладать с собой. Я старалась отвлечься, глядя на то, как по реке движутся золоченые барки аристократов и королевских чиновников, снуют юркие лодчонки торговцев, пересекают реку весельные ялики с пассажирами под свист и пение гребцов.

Течение под мостом было очень сильным. Страшно было даже представить себе, сколько здесь утонуло народу, сколько беглецов бросалось в эти воды, спасаясь от стражников королевы, лишь затем, чтобы оказаться в безжалостном водовороте, уносящем их в забвение. Под мостом обитала сама смерть — я чувствовала это. Смерть была и на самом мосту — здесь она предстала перед нами во всей своей красе в виде скалящихся черепов, насаженных на пики ограды. Чуть ниже болтались и обезглавленные трупы преступников, оставленные гнить в назидание тем, кто хотел бы нарушить мир в королевстве или оспорить власть нашей правительницы.

По мере того как мы приближались к дальнему от дворца берегу, вонь от реки смешивалась с мерзкими запахами от стоков канализации и разлагающихся отходов мясных лавок. Даже легкий аромат цветов, прилетевший издалека, перебивался всепроникающим сладковатым запахом разлагающейся плоти, идущим из Смитфилда^[153]. Здесь прямо на берегу реки валялись раздутые трупы животных, гниющая рыба, мертвые и умирающие бедняки — отбросы большого города. Неудивительно, подумала я, что именно тут стоит пресловутый Медвежий Двор, где проводится травля медведей собаками. Такие зверские забавы вполне соответствовали духу этого места, где жизнь многих людей проходила в беспросветной нищете, и только самые грубые, жестокие и порочные увеселения пользовались успехом.

Когда мы наконец-то добрались до Саутворка, мои сопровождающие, к моему вящему неудовольствию, провели меня туда, где я меньше всего хотела бы оказаться: на Медвежий Двор.

— Лорд Роберт встретится с вами здесь, — сказали мне, когда мы прибыли на место. — Он прибудет с минуты на минуту.

Но первым к нам присоединился не лорд Роберт, а Роджер Уилбрэм (глаза бы мои его не видели!). С годами грубый, краснолицый Уилбрэм стал только толще и утратил последние остатки вежливости. Он даже не соизволил встать со скамьи, обращенной к арене, чтобы поприветствовать меня, а лишь буркнул, ни к кому не обращаясь, что-де «лорд Роберт сейчас придет». После этого он достал из кармана камзола мешочек, откуда принялся извлекать сладости и поглощать их одну за другой, не сводя глаз с земляного круга арены, где служители граблями взрыхляли землю в преддверии очередного жестокого поединка.

Я содрогнулась от омерзения и почувствовала сильное желание встать и уйти. Но сюда отправил меня не кто иной, как сам Роберт, а я доверяла ему. Я надеялась, что он принял интересы Сесилии и Фрэнка близко к сердцу и действительно хочет нам помочь. И я решила остаться, несмотря ни на что. Правда, я отвела глаза, когда огромного неуклюжего бурого медведя вывели на арену, чтобы приковать на длинную цепь к столбу, но не смогла заткнуть уши и слышала отчаянный скулеж и лай кровожадных мастифов, еще не видимых, но рвавшихся вступить с лесным зверем в бой.

Мои сопровождающие в своих блестящих ливреях сидели по обе стороны от меня, защищая меня от напора толпы — шумных лондонцев и иностранцев. Большинство публики

составляли мужчины, а те немногие женщины, которые здесь присутствовали, относились к низшим слоям нашего общества. В общем гвалте слышались пронзительные крики разносчиков, которые пробирались между зрителями, расхваливая на все лады свой товар — еду, дешевые веера, кошельки и прочие жалкие безделушки, в надежде, что их кто-нибудь купит.

Наконец огромный медведь был прикован цепью к окованному железом столбу, а мастифов вывели на арену. На всех собаках были намордники, но служители все равно старались держаться подальше от страшных песьих зубов. Хотя я сидела далеко и высоко от места будущего поединка, и вдобавок арена была отделена надежным забором, я непроизвольно отшатнулась. А вот Роджер Уилбрэм, наоборот, подался вперед, когда вывели собак, не желая пропустить никаких подробностей кровавой потехи.

В этот момент по толпе зрителей прошло движение, и я увидела, что прибыл лорд Роберт. С ним была дюжина стражников и его гость — неизвестный мне довольно молодой человек с широким лбом и открытым лицом, обрамленным кудрявой рыжеватой бородой. По толпе пронесся свист и шиканье. Роберта боялись. Все знали, что он — правая рука королевы и потому обладает почти ничем не ограниченной властью. Но графа Лестера не любили. Свист смолк, когда он обвел толпу взглядом, словно пытаюсь разглядеть и запомнить своих недоброжелателей, но стоило ему отвлечься от этого занятия, приблизившись к нам, как недружелюбный ропот возобновился.

Роберт подошел ко мне и приветствовал меня со всей учтивостью, и в то же время, по обыкновению, радостно и сердечно, а стражники быстро расчистили скамейку для него и его спутника. Роджер встал и присоединился к ним.

— Милорд граф, — начал Роджер, удивленно подняв темные брови, — если бы вы не прислали мне записку, приглашая сюда, в Саутворк, я бы никогда не ожидал бы встретить вас здесь. И в сопровождении столь известного человека...

— Капитан Дрейк живет совсем неподалеку, — перебил его Роберт.

Значит, он пришел на встречу не с кем иным, как со знаменитым мореплавателем и любимцем королевы Фрэнсисом Дрейком.

— Неужели вы живете рядом с Медвежьим Двором? — вырвалось у меня. Я была поражена тем, что такая знаменитость обитает в этом отвратительном месте.

— Капитан Дрейк, — вмешался Роберт перед тем, как моряк готов был ответить, — имею честь представить вам даму, сколь прекрасную, столь и любознательную. — Он снисходительно улыбнулся мне.

— Вы ведь сестра Фрэнка Ноллиса? — спросил меня Дрейк с сильнейшим девонским акцентом. Голос его было трудно разобрать среди окружавшего нас шума. — Ваш брат — отличный моряк.

— Надеюсь, что вы не просто льстите ему, — почти прокричала в ответ я. — Фрэнк очень высоко ценит участие в ваших походах. Я совсем недавно виделась с ним, и он рассказывал, что вновь готов присоединиться к вам, если это возможно.

— Конечно, возможно, — вновь прервал нас Роберт. — Мой друг Фрэнсис знает, что может всецело располагать мною и моим кошельком для подготовки нового плавания. И, даст Бог, со временем я, да и Фрэнк тоже, будем вознаграждены от щедрот капитана Дрейка долей тех сокровищ, которые будут взяты на захваченных вражеских судах.

Тем временем на медведя спустили собак. Одним ударом мощной лапы зверь отбросил первого нападавшего пса так, что тот взлетел в воздух и пал оземь. Пес попытался подняться,

но тщетно. Но и шуба медведя окрасилась кровью, когда собаки всем скопом вцепились в него. Он издал страшный рев, который толпа приветствовала улюлюканьем и аплодисментами. Тут в наш разговор вступил Роджер Уилбрэм, зарычавший почище медведя:

— Мой сын Себастьян отправляется с капитаном Дрейком в следующий поход. Больше мест нет.

Роберт снял с пальца перстень с рубином и вручил его Дрейку со словами:

— Надеюсь, этого хватит, чтобы купить пару караваев хлеба и несколько ярдов парусины для ваших кораблей.

Дрейк улыбнулся, принял перстень и надел себе на палец, проговорив:

— Благодарю вас, милорд.

Замешкавшись на мгновение, неловким движением Роджер также сорвал с пальца кольцо и хотел отдать его Дрейку, но тот посмотрел на подношение с тонкой улыбкой и отвел руку Роджера.

— За перстень графа дадут гораздо больше провианта, — только и сказал он.

— У меня есть другие ценности, — настаивал Уилбрэм. — Если позволите мне передать их вам, например, завтра...

Но Дрейк жестом прервал собеседника:

— Покупка места в моей флотилии для вашего сына потребует таких средств, коими вы не располагаете. Вы ведь хотите отправить своего сына со мной?

Медведь, трясая головой от боли, весь в пене и крови, защищаясь от кружащихся вокруг него и также покрытых ранами собак, убил еще двоих своих мучителей, но заметно устал. В толпе раздались выкрики, а между некоторыми особо рьяными зрителями завязались потасовки.

— Не отчаивайтесь, — заговорил Роберт, — вы ведь можете предложить капитану кое-что еще кроме золота.

— Что именно, милорд?

— Согласие на признание вашего брака недействительным.

Роджер ловил теперь каждое слово графа:

— Но возможно ли это?

— Королева может сделать невозможное возможным. — Роберт достал свернутый в свиток документ с прикрепленной на шнурке печатью. — Когда Ее Величество подпишет эту бумагу, вы с Сесилией освободитесь друг от друга.

— А королева пойдет на это?

— Давайте ее спросим. Приезжайте завтра в Гринвич, и при удачном стечении обстоятельств дело ваше решится к взаимному удовлетворению.

В толпе поднялся немыслимый рев, когда огромный медведь заколебался на своих коротких лапах, промахнулся несколько раз и рухнул на арену. Оставшиеся в живых собаки лаяли как сумасшедшие и скалили зубы, окружив истекающую кровью жертву.

Кивнув в знак согласия, Роджер Уилбрэм поднялся на ноги, коротко попрощался с нами и, переваливаясь, пошел прочь через толпу, качая головой и бормоча: «Этот зверюга мало собак попортил. За что только деньги взяли?»

Мы смотрели, как раненых и умирающих собак, а затем и тушу мертвого медведя, обвязав ее цепями и веревками, служители утаскивают с арены, а потом присыпают свежей землей, готовя для новой травли.

Камеристки принесли в покои королевы новость, взволновавшую многих: супруг Дуглас Шеффилд умер. «Отравлен!» — тоном, не терпящим возражений, заявила Сесилия другим придворным дамам. «Твоим любовником», — добавила она, обращаясь ко мне.

Я никогда не признавалась Сесилии, что мы с Робертом любовники, но она была достаточно проницательна и догадалась о наших отношениях. И я была слишком горда, чтобы прямо опровергать это утверждение, но и открыто его никогда не признавала.

— При дворе ходит слишком много сплетен, — только и сказала я в тот раз. — Многие из них лживы.

— Твой лорд Роберт Дадли убил свою жену, чтобы жениться на королеве! — взвизгнула Сесилия. — Но вот незадача — королева за него не пошла. Тогда он отравил мужа Дуглас — лорда Шеффилда, — и теперь ему путь открыт. Все знают, что у графа Лестера от Дуглас была дочка, которая, правда, прожила всего то ли несколько часов, то ли несколько дней.

Тут моя сестра была права. Дочка Дуглас от Роберта, которая должна была принести «горе и злосчастье», и правда умерла совсем маленькой, но никто не знал точно, при каких обстоятельствах, ибо Дуглас с новорожденной в спешном порядке были увезены в загородное поместье и слух о смерти малышки дошел до нас несколько недель спустя. Лорд Шеффилд, как говорили, страшно разгневался на свою жену, чьи многочисленные измены увенчались рождением ублюдка. Обманутый супруг обратился к юристам и собирался развестись с женой, что навлекло бы позор как на саму Дуглас, так и на предполагаемого отца малышки — Роберта, — но вдруг лорда Шеффилда поразила какая-то загадочная болезнь и он скончался в одночасье.

— Говорят, конец его был ужасен, — проскрипел старый шталмейстер Уэффер. — Бедняга покраснел лицом и не мог ни охнуть, ни вздохнуть. А кишки у него огнем горели, словно ему кочергу, раскаленную докрасна, всунули в...

— Ох, прекратите! — заверещала одна из дам. — Мы про такие ужасы больше слышать не хотим. Лучше давайте помолимся за душу несчастного.

— И за душу того, кто сделал это злое дело, — прокаркал Уэффер, — кто заставил лорда Шеффилда принять эту муку мученическую и пасть бездыханным.

— Наверняка этот отравитель — из свиты лорда Роберта, — подлила масла в огонь мистрис Клинкерт, — пресловутый доктор Джулио. Провалиться мне на этом месте, если он не подсыпал что-то лорду Шеффилду в пищу.

Врача-итальянца, который состоял при Роберте, обвиняли во многих подозрительных смертях при дворе, хотя никто никогда не смог доказать, что действительно совершались преступления. Италиянцев всегда подозревали, потому что испокон веку так повелось — раз итальянец, значит жулик, мошенник или знаток ядов. Но, по правде говоря, доктора Джулио подозревали даже больше не из-за национальности, а из-за связи с лордом Робертом. Поговаривали, что королева приставила к Джулио своих шпионов, как и к самому Роберту. А смерть лорда Шеффилда вроде бы доказывала, что такой пригляд оправдан.

Как бы Роберт ни старался, он так и не отмылся от грязных слухов, пятнавших его репутацию после смерти Эми Дадли. Особенно после того, как брат Эми Джон Эпплярд

вдруг принялся распространять историю о том, что Роберт заплатил ему, Эпплярду, за то, чтобы тот скрыл правду.

Я не верила ни одному из этих наветов и не скрывала свое мнение по этому поводу.

— Нечего распространять выдумки про доверенного советника Ее Величества. Сесилия, — строго проговорила я. — Лорд Лестер занимает высокое положение и пользуется большим уважением, а такие люди всегда вызывают зависть и становятся мишенью для клеветы. Если бы здесь сейчас была королева, она бы всех нас тотчас бы отругала за упреждения в злословии. И еще одно, — добавила я, — тебе бы, сестра, не стоило распускать язык, ибо только благодаря содействию лорда Роберта ты освободилась от своего постылого муженька, а Фрэнк договорился с Уилбрэмом. Лорд Роберт все это устроил — не забывай об этом.

На следующий день после кровавой травли в Медвежьем Дворе Роберт, как и было договорено, встретился с Роджером Уилбрэмом в Гринвиче и после долгих торгов и препирательств добился того, что нужно было нашей семье: брак Сесилии был официально признан недействительным, а Фрэнк получил разрешение на отплытие из Плимута на «Чайке». Кроме того, Уилбрэм и Дрейк сговорились, что сын Уилбрэма Себастьян все-таки окажется в числе участников экспедиции. Со стороны Сесилии было в высшей степени неблагодарно очернять Роберта после всего, что он для нее сделал, и я высказала ей это прямо в лицо.

Я готова была защищать моего возлюбленного от любой хулы, но, признаюсь, вести о внезапной кончине лорда Шеффилда меня испугали. Неужели я ошиблась в Роберте? Может быть, он и вправду тот, кто совершает убийства чужими руками, руками таких людей, как Джон Эпплярд и доктор Джулио? Я думала, что знаю Роберта как никто другой. В редкие минуты наших свиданий мы были одним прерывающимся от страсти дыханием, одним телом и одним сердцем. Ближе Роберта у меня в целом мире никого не было. Мне казалось, будто мы раскрываем друг другу самые сокровенные уголки наших душ. Но вдруг это — лишь мое заблуждение, порожденное силой нашего рокового влечения друг к другу? Ведь я прекрасно осознавала, что Роберт такой человек, которому нет удержу, чьи желания и порывы сметают любые преграды. Было в нем и нечто дикое, неукротимое, чего я никогда не могла с ним разделить. Находясь многие годы при дворе королевы, то есть обитая в лабиринте фальши и интриг, я познала, что мы — люди — часто действуем вопреки нашим самым благим помыслам. Мы обманываем сами себя. И часто попадаемся в расставленные нами сети наших же обманов и заблуждений.

Роберт любил меня, а я любила его — это бесспорно. И все же он желал других женщин, и не только Дуглас Шеффилд, но, по слухам, ее сестру, и не только этих двоих. Я не тешила себя иллюзиями, что он будет верен мне, а он мне этого никогда и не обещал. Он давал мне столько своей любви, сколько мог, и я знала, что не вправе требовать большего. Но вдруг окажется, что мой любимый способен на убийство?

— Я чувствую себя таким больным, Летти! Таким несчастным, — пожаловался мне Роберт, в полном изнеможении упав на скамью, покрытую подушками, после банкета, который королева давала в честь французского посла.

Скрипя зубами, он расстегнул драгоценную застежку на туфле, освобождая левую ногу. Он стонал и морщился, пока стаскивал туфлю с распухшей ноги, а потом привычным движением положил мне ступню на колени.

— Потри мне ногу, Летти, — попросил он. — Ужасно болит!

Едва я дотронулась до вздувшейся стопы, как Роберт тотчас с воплем вырвал пораженную отеком конечность из-под моих пальцев.

— Ты, наверное, слишком много танцевал, — проговорила я, ожидая, когда он вновь положит ногу мне на колени. — Должна сказать, сегодня вечером ты не выглядел таким живым и бодрым, как обычно.

— Ненавижу танцы! Ненавижу этот проклятый двор! Ненавижу Лондон! Пусть он провалится в тартарары! Знаешь, Летти, я хочу уплыть с Фрэнком на его корабле и больше никогда не видеть ни этого дворца, ни его обитателей.

— Даже меня?

— Можешь уплыть со мной, если захочешь.

Очень осторожно, чтобы не потревожить Роберта, я принялась растирать ему стопу, начиная с пятки и постепенно дойдя до самого больного места — покрасневшего и распухшего большого пальца. Когда я приблизилась к нему, то по резкому вздоху Роберта поняла, что дальше идти не следует, и продолжала нежно поглаживать стопу.

— Аптекарь сказал, что плохие вести способствуют воспалению в теле, — назидательно проговорила я.

— Не тот ли аптекарь, который дал мне ужасное на вкус снадобье из давленных червей?

— Тот самый. Королева ловит каждое его слово. Он помог ей излечиться от оспы.

— Ерунда! Елизавета сама себя излечила от оспы — она просто-напросто оказалась болезни не по зубам! В жизни не знал женщины ужаснее — строптивая, вздорная... Вредная, злобная, старая...

Я знала, что Роберт, будучи в омерзительном настроении, говорит неправду о своих чувствах к королеве, которой был всецело предан. Больная нога сделала его таким желчным. Он расплачивался за то усердие, с которым развлекал гостей на банкете. Когда торжественный обед закончился, он и его брат Амброз исполняли главные роли в костюмированном представлении «Золото ацтеков», где изображали разбойников, похитивших несметные сокровища. В финале они срывали с себя живописные лохмотья, и оказывалось, что они — переодетые принцы, но только после целого ряда быстрых и энергичных танцев в их исполнении.

— Она не старая, — заметила я. Против других высказываний Роберта я не возражала. — Пока еще не старая.

Роберт страдал не только от боли, но и от усталости. Когда он откинул голову на подушки и закрыл покрасневшие глаза, обведенные темными кругами, я поняла, что эта усталость вызвана не только и не столько участием в балете. Можно было предположить, что последнее время он вообще не спал. Обычно такой элегантный и безупречный во всем, что касалось внешности, он несколько дней явно не призывал к себе цирюльника, чтобы подровнять прическу, усы и бороду. Я готова была согласиться с дворцовым аптекарем, что болезнь его обострилась от беспокойства.

Я осторожно и бережно продолжала поглаживать вздувшуюся ногу и по стонам Роберта поняла, что ему легче. Тут он открыл глаза:

— Благодарю тебя, моя милая Летти.

Мы обменялись нежными улыбками, но потом лоб его вновь затуманился от невеселых дум.

— Лучше бы тебе ненадолго оставить двор, — отважилась предложить я, — и отправиться туда, где бы до тебя не доходили мерзкие слухи и сплетни.

— Ты ведь не веришь в них, Летти? Ты не веришь в то, что болтают о докторе Джулио и кончине лорда Шеффилда?

— Мне доподлинно неизвестно, как умер лорд Шеффилд, кроме как то, что смерть его была мучительна.

— Я почти не знал его, — сказал Роберт, садясь и пытаясь натянуть туфлю.

Я сделала это за него, аккуратно расправив шелковый чулок и застегнув усыпанную драгоценными камнями пряжку. На лицо его вновь вернулась гримаса боли, но тут уж было ничего не поделать... Не мог же он разгуливать по залам и коридорам дворца босиком. А если бы и отважился на это, то все равно бы хромал.

Я посмотрела ему прямо в лицо.

— Ты женишься на Дуглас? — спросила я.

— Она — не та, кого бы я выбрал, если бы мог выбирать, — голос Роберта был тих и задумчив. Искорка в его синих глазах подсказала мне, что он выбрал бы меня. Но ведь была еще одна женщина, с которой соперничать было трудно...

— Я всегда думала, что ты выберешь королеву.

— Ах! Королева! Тот, кто женится на ней, хлопот не оберется, и я это знаю как никто. Представляешь, французы предложили ей жениха. Они хотят, чтобы она вышла замуж за молодого принца Франсуа^[154]. Она ему в матери годится! Французский посол неоднократно говорил о возможности этой женитьбы с нами — членами ее совета.

Я поколебалась, но все же спросила:

— А она хочет за него замуж?

— Французик ей нравится, — признался Роберт. — Они постоянно пишут друг другу письма на латыни. Иногда Елизавета добавляет пару фраз на греческом. Ей нравится воображать себя ученой дамой. Она любит учиться, ценит образование. Наверное, ей от отца досталась тяга к знаниям. Представь себе, она — женщина, но прекрасно говорит и пишет на древних языках, сочиняет стихи...

Я отлично знала, что Роберту такие ученые занятия чужды. Как он сам любил говорить, он провел лучшие годы молодости в Тауэре, а там латинскому и греческому не учили.

— Ах, Летти, — вздохнул он, — интересно, как по-латыни будет «покрасневший большой палец ноги, который зверски болит»? Пойду поищу королеву, чтобы спросить ее об этом.

В сентябре 1573 года королеве Елизавете должно было исполниться сорок лет, и хотя на этот месяц по обыкновению были назначены пышные торжества, никто не решался даже упоминать возраст нашей правительницы. Женщина в сорок уже считалась старой или вот-вот должна была состариться. Даже если она молодо выглядела, то на рождение своих детей в браке, скорее всего, ей уже не стоило рассчитывать.

Мистрис Клинкерт, насколько я знала, крепко хранила тайну, которую она мне поведала много лет назад и которой я, в свою очередь, не поделилась ни с кем, даже с Робертом. Тайну непохожести королевы на других женщин и невозможности для нее иметь детей.

Возраст, бездетность, вздорный характер — а теперь еще сорокалетний рубеж приближается неотвратимо. Одним словом, я не завидовала своей госпоже...

Впрочем, у меня были свои собственные невзгоды и трудности. Слава Богу, детей моих они не касались. Девочки мои росли здоровыми. Они очень вытянулись и обещали стать хорошенькими. Пенелопа была полна огня («огня Болейнов», как говорили некоторые), а Дороти — мягкости и нежности. Маленький Роб уже уверенно держался на спине своего пони и даже понукал его хлыстиком, когда конюх водил конька во дворе по кругу.

Дети мои процветали, а вот брак — увял. Уолтер почти все время проводил в Ирландии и, по слухам, завел там любовницу. Благодаря долгой безупречной службе королеве (и влиянию Роберта) Уолтеру был пожалован титул графа Эссекса, а также значительные земельные владения и доходы. Получалось, что теперь я — графиня Эссекс, что было мне даже удивительно, ибо я никогда не стремилась так высоко взлететь. Мой отец, подозрительно относившийся ко всем мирским почестям, следил за моим возвышением с неодобрением, а сестра — как всегда, с завистью. Правда, теперь, по крайней мере, она освободилась от своего ужасного мужа благодаря хитроумию Роберта. Мой брат Фрэнк ушел в море с капитаном Дрейком, но Уилбрэм и его незаконный сын затаили на него зло. Я молилась, чтобы их соперничество не привело к печальным последствиям.

Незадолго до празднования дня рождения королевы я заметила, что Дуглас Шеффилд, которая по настоянию Роберта была назначена придворной дамой, носит его перстень. Я сразу же узнала его — массивный, золотой, с огромным сапфиром в окружении бриллиантов. Часто, слишком часто я видела этот перстень на руке Роберта. Он рассказал мне, что это — семейная реликвия, перешедшая к нему от его покойного деда. Раз Дуглас теперь носит вещь, столь значимую для Дадли, значит случилось то, чего я боялась больше всего на свете: Дуглас и Роберт поженились.

Я перехватила Дуглас, когда она по какому-то поручению шла в комнату камеристок, и прямо спросила ее об этом. Мы с ней вдруг оказались совсем одни: служанки попрятались, чувствуя, что надвигается ссора.

Дуглас покраснела, а потом опустила голову:

— Да, мы с Робертом Дадли наконец-то стали мужем и женой. У него это заняло два года...

— Что значит «заняло два года»?

— Два года назад он обещал жениться на мне. А сейчас сдержал слово.

Я оглядела фигуру Дуглас и увидела, что талия у нее заметно раздалась.

— Это потому что ты носишь его ребенка?

Она кивнула.

— Ты, конечно, знаешь, что любит он меня, и только меня одну!

Я подумала, что сейчас она попытается спрятаться или выбежать из комнаты, но она не сделала ни того, ни другого, а спокойно проговорила:

— Я думаю, что он любит нас обеих. Но ты замужем, а я — вдова.

Когда я подступила с вопросами к Роберту, он принялся отрицать, что Дуглас его жена:

— Она так считает, потому что мы обменялись с ней несколькими словами, я даже не могу назвать их клятвами. Не было священника, который присутствовал бы при этом. Не было и свидетелей — во всяком случае таких, которым можно верить. Присутствовали только родственники Дуглас. Подумай, Летти, *что* в наше время брак? Ты же сама видела, как легко королева перечеркнула союз твоей сестры и Роджера Уилбрэма — одним росчерком пера.

— Но если ты говоришь правду, что произошло между вами? Что это была за церемония?

Роберт только сокрушенно покачал головой:

— Ах, Летти! Ты же знаешь, что это за женщина! Мне пришлось пойти на некоторые уступки, потому что она не оставляла меня в покое!

На самом деле Дуглас вовсе не была роковой женщиной, преследующей мужчин, а скорее — мягкой и безвольной особой, не умеющей сказать «нет» пылкому поклоннику. Но я не стала спорить с Робертом. В конце концов, меня же там не было. Да и была ли эта церемония на самом деле?

— Ты сделал это из-за ребенка? — спросила я.

Роберт ответил не сразу, а потом тихо сказал:

— Я очень хочу сына, Летти. Даже если он не будет рожден в законном браке, я признаю его своим.

— Ее дочка умерла.

— Надеюсь, что этот ребенок выживет.

И вот мальчик, которому дали имя Роберт^[155], в честь отца Роберта Дадли, матерью которого была Дуглас, появился на свет под знаком неопределенности и в облаке сомнений. Дуглас продолжала уверять, что она — супруга Роберта, а Роберт клялся и божился, что он ей не муж. Что до меня, то я была уверена лишь в одном: Роберт любит меня, а я люблю его, и ничто — ни слова, произнесенные перед ненадежными свидетелями, ни гнев королевы, ни неодобрение моей семьи, ни заверения Дуглас, ни рожденный ею Роберт-младший — не сможет разорвать крепкий узел, в который сплелись наши с Робертом судьбы.

Тот день был самым жарким днем очень жаркого июля, и мы ехали в Кенилворт — знаменитый замок, принадлежавший Роберту. Наша карета добросовестно пересчитывала все выбоины и рытвины на узкой извилистой дороге, которая мало чем отличалась от какого-нибудь переулка на задворках Саутворка.

— Господи Всемогущий, спаси и сохрани! — вскричала королева, когда карета наехала колесом на камень, опасно наклонилась и Ее Величество основательно стукнулась бедром о дверцу, невзирая на бессчетные слои шелка и кружев. — Я вся в синяках! На мне места живого не найти! Неужели граф Лестер не мог спрямить дорогу? Он хвастается на каждом углу, сколько денег потратил на этот чертов замок, который я же ему и подарила, так почему бы ему не заделать рытвины и ухабы на нашем пути?

Королева была права: Роберт действительно сообщал каждому, кто был готов слушать, о том, какие суммы тратятся им на перестройку и обновление Кенилворта — самой шикарной из его многочисленных резиденций. По его рассказам, за несколько лет с последнего визита королевы он пустил все свои доходы от пошлин на ввоз предметов роскоши на то, чтобы построить конюшню на пятьсот лошадей и отхожие места для слуг со всех четырех сторон нового двора. Как-то раз он мне пожаловался, что прибыли от выдачи разрешений на ввоз бархата и масла, изюма и сладкого вина едва хватило на то, чтобы заплатить рабочим и мастерам, занятым на стройке. Доходы от нового налога на клепаные бочки пошли на лучший облицовочный камень и на строевой лес для возведения домика привратника, а еще на плиты для мощения длинной тисовой аллеи. Чтобы переделать все каминные в больших и малых помещениях замка, потребовалось обратиться к ростовщикам, а самую большую ссуду предоставил Фрэнсис Дрейк. Знаменитый пират выкупил обратно шесть тонн гвоздики, стоившей целое состояние, — долю Роберта в прибылях от последней экспедиции Дрейка к Островам Пряностей, — и, вдобавок ко всему, согласился и впредь быть банкиром Роберта.

Все это мне вспомнилось, пока мы тряслись в карете, а королева поминала владельца Кенилворта недобрым словом на каждом новом ухабе, встряхивавшем наш экипаж.

Сколько бы ни росло богатство Роберта, он все глубже и глубже погружался в долговую яму. В своем отношении к деньгам он был прямой противоположностью Уолтеру. Мой муж самым строгим образом вел учет своих денежек и страдал, когда приходилось расставаться с самой малостью из них, пусть и по вполне обоснованным причинам. Уолтер — любитель инвентарных ведомостей — записывал каждый пенни своих трат и доходов, а бухгалтерские книги держал под замком в особом сундуке. Пока Роберт тратился как безумный на придание своим поместьям немислимого великолепия, Уолтер наживался на ирландских делах. Каждый раз, когда королева отправляла его на усмирение мятежных ирландских лордов, он не только захватывал их имущество, но и обращал это имущество в свою пользу. Некоторые из доставшихся ему таким образом земельных участков и домов он продавал — и всегда с прибылью. Другие оставлял за собой, и в его сундуке под крепким замком хранился плотный свиток документов, подтверждавших его право на них.

Никогда еще Роберт не залезал в такие долги, как в то лето 1575 года, когда он занял шестьдесят тысяч фунтов, чтобы в течение нескольких недель принимать и развлекать королеву со всей ее свитой. Переделки в Кенилворте не были закончены: кладка печных труб кое-где еще подновлялась, строились новые коровники и пивоварни. Но многочисленные комнаты для гостей были готовы, а отдельные покои для королевы отделаны с такой роскошью, что, как сказал мне Роберт, он не ожидал никаких жалоб и нареканий со стороны своей повелительницы.

Жаркий, пыльный день тянулся нескончаемо, как и наше путешествие. Королева часто выбирала меня в сопровождающие, когда отправлялась в дальний путь в карете по разбитым дорогам своего королевства, потому что по натуре я — женщина терпеливая — и, если надо, готова не только терпеть тяготы и лишения, но и поддерживать своих попутчиков. Но в этот раз даже мое терпение было уже на исходе, когда мы в сумерках подъехали к величественному замку, и я молилась только о добром ужине, тихой комнате с чистой тростниковой циновкой на полу и удобной кровати со свежим бельем.

Вместо этого нас по прибытии встретил оглушительный рев пушек.

Королева, которая смертельно боялась громких звуков, заткнула руками уши и зажмурила глаза и потому пропустила невероятный по своей красочности фейерверк: в небе над замком и огромным озером взвился красно-сине-желтый салют в ее честь.

Взревели трубы, застучали барабаны, и наша карета проехала по мосту, соединявшему дорогу и широкий, мощный каменными плитами подъезд к замку. В наступающих сумерках вокруг нас как по волшебству выросли фигуры мифологических персонажей, приносящих дары Ее Величеству. Вот показался лесной бог, подносящий королеве клетки с кроншнепами и болотными выпями, за ним возникла богиня земли с корзинами, переполненными грушами и вишнями, а затем и гигантская русалка, подымавшаяся из вод озера среди скользких рыб в сверкающей чешуе. Оказалось, что там же, в озере, обитает и такой персонаж, как Ученый Дельфин, — скрытый в нем актер декламировал стихи на латыни, подробно расписывающие каждый из даров и достоинства той, кому эти дары предназначались.

Елизавета мгновенно оправилась от испуга и, преисполненная истинно королевского достоинства, вышла из кареты, дабы принять подношения и поблагодарить дарителей. Но мне было очевидно, что она смертельно устала от долгого пути. К тому времени, когда мы сняли с себя пропылившуюся дорожную одежду и переоделись к ужину, мы буквально засыпали на ходу.

Однако до отдыха было еще очень далеко. Под радостные приветствия и клики весь штат слуг Роберта в замке — а это были сотни людей — вышел засвидетельствовать свое почтение королеве, а жители соседних деревень столпились на берегу озера, рукоплескали и кричали от восторга, когда в небе взрывались новые фейерверки.

Елизавета попросила рюмку сладкой наливки для подкрепления сил и выпила ее единым духом, а затем и еще одну. Меж тем тьма сгущалась вокруг нас и соблазнительные ароматы жареного мяса и свежего хлеба вели нас прямо к праздничным столам, ломившимся от яств. Только спустя несколько часов мы наконец отправились на покой в прекрасно отделанные комнаты с высокими потолками и огромным числом зеркал, где весело горели свечи и все дышало уютом.

Мы отлично выпалились на мягких перинах, и утром королева, пусть и ощущавшая некоторую усталость, должна была признать, что Кенилворт — одно из лучших поместий ее королевства.

На следующий день мы охотились в обширном парке, где в изобилии водились благородные олени. Елизавета, гордясь своим искусством охотницы, поскакала впереди свиты и егерей — как всегда неосторожная и беспечная, — крича, что не успокоится, пока не добудет своего первого оленя.

Егеря сообщили, что выследили прекрасного оленя-самца, и королева азартно устремилась за ним, в то время как остальная свита вежливо приотстала. Но тут раздался ее отчаянный крик:

— Стреляют! В меня стреляют!

Остальные охотники ринулись вперед во всю прыть своих коней и, догнав, окружили королеву, защищая ее от опасности. Елизавета задыхалась и прижимала руку к сердцу. Лишь спустя несколько казавшихся вечностью мгновений она сумела отнять руку от груди и воскликнула:

— Я не пострадала! Убийцы промахнулись!

Егеря, стражники и вооруженные слуги тотчас рассыпались по парку и поймали лишь одного, кто мог бы покушаться на Ее Величество, — маленького человечка в зеленой охотничьей куртке, вооруженного арбалетом. Королевские солдаты под предводительством Роберта тут же стащили его с лошади, выхватили у него арбалет и принялись дубасить его от всей души, требуя признаться в злом деле. Стрела, к счастью, не поразившая цель, была найдена и принесена королеве.

Елизавета взглянула на нее, содрогнулась и отвернулась.

— Я подумала — она предназначена для меня, — вымолвила она, напуганная и бледная. — Когда я услышала ее свист, я решила: мои враги сумели до меня добраться и мне — конец.

Роберт переломил стрелу через колено и швырнул обломки на землю.

— Этот парень говорит, что не хотел подстрелить вас, Ваше Величество. Он целился в оленя, как и вы.

— И вы ему верите, милорд? — Елизавета с сомнением посмотрела на Роберта. — Неужели вы так наивны?

Но Роберт только пожал плечами:

— Вы знаете, что я с удовольствием отдам за вас свою жизнь, Ваше Величество. И с таким же удовольствием убью любого, кто посмеет поднять на вас руку. Но этот человек — не убийца. Я его раньше видел и знаю, что он браконьерствует в моем парке.

— Такой браконьер — идеальный убийца, — возразила Елизавета. — Никто его никогда не заподозрит.

Она повернулась к Уильяму Сесилу и приказала:

— В тюрьму его. Посмотрим, что он запоет под пытками.

И с этими словами она прищепила своего коня и унеслась прочь.

Пышные празднества в Кенилворте шли своим чередом: за турниром следовала травля медведей, ее сменяли спектакли и маскарады, а каждый день приносил новые увеселения, расходы на которые были просто немыслимыми. Однако пугающий инцидент в охотничьем парке омрачил пребывание королевы во владениях Роберта. И, что еще хуже, королева и лорд Дадли ссорились теперь почти все время.

Самая ужасная из этих ссор произошла в роскошных апартаментах, приготовленных Робертом специально для Елизаветы. В тот вечер королева сидела перед зеркалом, наводя красоту перед торжественным ужином, а я с другими придворными дамами помогала ей в этом. Мой отец и Уильям Сесил только что прибыли из Лондона, привезя Елизавете на подпись целую кипу документов. Государственные дела не ждали окончания празднеств, и королеву раздражала необходимость заниматься этим прямо сейчас. Она сидела с пером в руке боком на пуфике перед туалетным столиком и, бросая время от времени упреки то нам, то своим советникам, читала и подписывала документы один за другим, небрежно откидывая их в сторону.

Я часто видела, как Елизавета ведет себя подобным образом, но по опыту знала, что она внимательно вникает в содержание каждой бумаги, прежде чем поставить на ней свою подпись. Потом в случае необходимости она могла вспомнить мельчайшие подробности любого дела, доведенного до ее августейшего внимания. Но сейчас она всячески выказывала свое недовольствие, чтобы и другие страдали, пока она делает то, что должна сделать, коль скоро документы принесли ей совершенно не ко времени.

В этот момент в апартаментах королевы появился Роберт: он уже был одет для ужина и вложил в свой костюм столько же старания и вкуса, сколько и в подготовку сегодняшнего банкета. На нем был камзол, штаны и чулки из тончайшего серебристого шелка, а пуговицы на камзоле и застежки на туфлях были изготовлены из цельных аметистов и сверкали в заходящем солнце.

— Как, королева души моей еще не готова? — обратился он к королеве игривым и снисходительным тоном. — Сколько же времени потребно моей красавице, чтобы дополнить последними штрихами свой и без того прекрасный облик? Неужели у нее нет аппетита, когда мои повара вложили столько сил в приготовление трех сотен блюд для ее удовольствия?

— Я не твоя красавица, — резко бросила Елизавета, даже не взглянув на Роберта. — Я твоя королева. И то, что я сейчас делаю, поважнее какого-то там ужина.

Роберт тяжело вздохнул:

— Я прошу вас поторопиться, Ваше Величество, а то кушанья окажутся испорченными. Королева бросила на Роберта недобрый взгляд и досадливо поморщилась.

— Ну и пусть портятся, — мрачно заявила она. — Я-то точно важнее, чем твои пироги с вальдшнепами и позолоченные телячьи головы!

— Без сомнения, Ваше Величество важнее всего и всех на свете, — с поклоном отвечал Роберт.

— В свете последних событий, — ввернул Уильям Сесил, — происшествие в

охотничьем парке внушает тревогу всем нам. Случись что-то непредвиденное, и Ваше Величество нечем заменить.

Елизавета отложила перо и дрожащим от гнева голосом спросила:

— Заменить? Почему это меня нужно кем-то там заменять?

— Лорд Сесил хотел сказать, — вмешался мой отец, — что в случае вашей смерти — Господь спаси и сохрани от этого вас и всю Англию — никто не сможет выполнять ваши обязанности. Мы уже вплотную столкнулись с такой опасностью, когда много лет назад вы заболели оспой.

— Воистину так, — поддержал его Роберт. — И тогда, Ваше Величество, находясь на смертном одре, вы проявили высшую мудрость государыни, приказав вашему совету назначить меня лорд-протектором.

— Теперь я тебя лучше узнала, — сухо сказала Елизавета, — и одной и той же ошибки дважды не совершу.

Роберт покраснел как рак:

— Вам нравится оскорблять меня, Ваше Величество? Вы обязательно хотите испортить ужин в вашу честь, в подготовку которого я вложил столько сил и средств?

Елизавета лишь пожала плечами:

— Я вправе делать то, что захочу, это мне решать... — Теперь она смотрелась в большое зеркало туалетного столика, поправляя свой затейливый рыжий парик. — Вообще-то, я не голодна...

— Но другие голодны, — пробормотал Уильям Сесил, — голодны до власти.

Елизавета только усмехнулась, услышав эти слова, и тут Роберт в мгновение ока подскочил к ней и в бешенстве бросил прямо в лицо:

— Так вот как ты желаешь отплатить мне за все годы моей службы? За те десятки тысяч фунтов, которые я потратил в тщетном усилии доставить тебе удовольствие? Ты хочешь унижить меня, отбросить в сторону, как старую тряпку, чтобы об меня ноги вытирали все, кому не лень? Значит, именно такую награду ты приготовила мне — тому, кто беззаветно любил тебя все эти годы и был верен тебе как никто?

— Мне кажется, Кенилворт — прекрасная награда для вас, милорд граф. Вам ведь его вернули, не так ли? — официальным тоном проговорила Елизавета.

Тут в разговор, дабы он не принял вовсе уж оскорбительный характер, вновь вмешался Уильям Сесил. Он прочистил горло и заявил:

— Вообще-то, Ваше Величество, этот ужасный несчастный случай — если он является таковым, а не происками агентов Испании, чего я опасюсь, — напомнил всем нам о том, что ежечасно тревожит всех ваших верных слуг. О неотложной необходимости иметь преемника трона Вашего Величества. Вы должны выйти замуж, мадам, вы должны обеспечить непрерывность престолонаследия.

Я почувствовала, как затрепетали стоявшие рядом со мной женщины, как напряжение в комнате возросло. Елизавета внезапно и неловко встала, опрокинув пуфик и почти перевернув туалетный столик, заваленный документами. В голосе ее зазвенел металл:

— Я не желаю слушать поучения по поводу того, когда и при каких обстоятельствах должна я расставаться со своей девственностью. Или обсуждать с вами запретную для вас тему моего замужества или отказа от такового.

— Мы должны обсудить эту тему вне зависимости от того, доставляет ли это удовольствие Вашему Величеству, — отважно заявил мой отец. — Почему бы не сейчас?

Когда хрупкость вашей жизни нас так тревожит...

— Вам ведь нравится французский принц, не правда ли? — вновь заговорил Сесил. — Почему бы не пригласить его сюда, в Англию, чтобы вы могли лично познакомиться с ним. Союз с французским королевским домом принесет пользу нашим двум странам. Принц будет хорошим выбором для вас — молодой, умный...

Яростный крик Роберта прервал гладкую речь Сесила:

— Я — тот, кого королева выбрала! Я был и остаюсь ее избранником!

— Ты уже женат, мой милый, — ровным голосом произнесла королева. — Ты женат на Дуглас Шеффилд, с которой уже прижил по крайней мере двоих детей.

— Грязные сплетни! Я ни на ком не женат!

Лорд Роберт упал перед Елизаветой на колени, склонил голову и заговорил голосом, прерывающимся от волнения:

— Ты должна, обязана меня выбрать, если все же решишься выйти замуж! Пойми, ты должна! Я у тебя один такой! — Он поднял к ней лицо. По его щекам бежали горячие слезы. — Ты же любишь меня и всегда любила.

Роберт замолчал. Королева тоже молчала, а потом холодно и отстраненно произнесла:

— Сэр, вы забываетесь.

Она разгладила юбку, расправив и выровняв каждую складку. Я видела, что рука ее дрожала, но голос не дрогнул.

Роберт поднялся с колен и заметался по комнате.

— Я ни на ком не женат. Да, у меня есть незаконные дети. А у кого их нет? Покажите хоть одного лорда в вашем королевстве, кто не имел бы детей, прижитых на стороне! — Я заметила, что Роберт, произнося эти слова, избегает смотреть на моего богобоязненного, благочестивого и высокоморального отца.

— Да, я хотел сына, — продолжал меж тем лорд Роберт. — Леди Шеффилд подарила мне его. Он будет носить имя Дадли, ибо иначе род наш прервется. Все мои братья, кроме Амброза, мертвы, а у Амброза детей нет и не предвидится. Сестры замужем и носят имена своих мужей. Их сыновья — не Дадли. И еще одно... — Роберт заколебался. Было видно, что он хочет остановиться, но уже не может. — Разве ж вы, Ваше Величество, способны родить? Никто не говорит об этом вслух, но все знают, что, скорее всего, я прав.

После этих неосторожных слов, явно вырвавшихся у Роберта в минуту сильнейшего гнева и душевного волнения, по комнате прошел вздох ужаса. Но Елизавета не позволила себе сорваться. Она задрожала с ног до головы, но усилием воли сдержалась. Казалось, она даже не заметила то, что бросилось мне в глаза: когда Роберт метался по комнате, он припадал на пораженную подагрой ногу, которая у него, видимо, страшно болела.

— А коли вы, мадам, не можете дать мне сына, — продолжал меж тем Роберт, сжигая за собой все мосты, — так сделайте меня хотя бы лорд-протектором!

— Если я на это пойду, — выкрикнула вдруг Елизавета ему в ответ с вновь обретенным пылом, — и ты займешь мое место, то что случится, когда я умру? Ублюдок Дуглас Шеффилд сядет на трон? *Не бывает этому!!!* А теперь оставь меня, и пусть твой торжественный ужин катится к черту!

Дрожа от негодования и покраснев лицом, Роберт тоже сорвался на крик:

— Тогда между нами все кончено! Ты была моим другом с самого детства, мы делили одно ложе, ездили вместе на охоту, все делали вместе, хоть и не стали супругами в глазах закона! Женаты мы или нет, мы всегда будем вместе! И мне наплевать, кто меня сейчас

слышит, ибо каждое мое слово — правда! Но знай, что с этой самой минуты, раз ты отказываешься выйти за меня, я буду вправе жениться на любой женщине по своему выбору!

Оглушенные и в полном замешательстве, советники и придворные устремились к двери, и тут совершенно неожиданно королева воскликнула как ни в чем не бывало:

— Милорд Сесил! Оказывается, я проголодалась! Дайте мне вашу руку и проводите меня к столу!

Умудренный в дворцовых баталиях советник подал Елизавете руку, и королева легкой походкой, не оглядываясь, вышла из апартаментов, словно ничего не случилось, оставив Роберта сердито смотреть ей вслед.

На следующий год Уолтер по обыкновению отправился в Ирландию и там серьезно занедужил.

— Наверняка это болотная лихорадка, — пробормотала Сесилия, когда до нас дошли вести о его болезни. — Эта хворь до него все-таки добралась.

Через некоторое время от одного из его подчиненных пришло письмо. В нем подробно описывалось, как больного привезли в Дублинский замок, где врачи лечили его пластырями и пиявками. Как болезнь изнурила его, а затем и победила, и как он покинул сей мир, сжимая руку священника, принявшего его последний вздох. Пенелопа и Дороти рыдали, пока я, обливаясь слезами, читала письмо вслух, а маленький Роб прижался ко мне, стараясь успокоить.

Я делала все, что могла, чтобы поддержать детей в их горе. Я и сама скорбела по Уолтеру — пусть и не так сильно, как они. В конце концов, он сделал меня вдовою. И мне было всего тридцать пять лет.

Мы с Робертом поженились тайно и не играли свадьбу, а королеву об этом в известность не поставили. Мы были настолько осторожны, что даже ее шпионы не пронюхали об этом. После того как мы обменялись клятвами в присутствии священника, Роберт надел мне на палец то самое кольцо, которое он когда-то подарил Дуглас, — золотой перстень рода Дадли со сверкающим сапфиром. Я с гордостью носила этот символ нашего брака, но никогда при дворе, где королева и ее наушники могли увидеть его на моей руке.

Мы с Робертом стали мужем и женой, но когда я рассказала об этом отцу, он вовсе не обрадовался. Не пытаясь скрыть свою нелюбовь к Роберту, он, по обыкновению, пустился перечислять, чем его не устраивает наш тайный брак:

— Очень плохо, что леди Шеффилд говорила всем и каждому, что она — жена того, кого ты называешь своим мужем. А теперь вы с ним только ухудшили дело, обменявшись клятвами втайне, вместо того, чтобы сочетаться браком в церкви по всем правилам, в присутствии родственников и друзей, свидетелей вашего союза. Могут подумать, что вам есть что скрывать.

— Но Дуглас лжет, отец! Она и Роберт никогда не были женаты. Она преследовала бедного Роберта до тех пор, пока не вырвала у него обещание жениться, но дальше обещания дело не пошло. Бракосочетания как такового не было. Он никогда не давал ей никаких клятв в присутствии священника, какими с ним обменялась я.

— Тем не менее, — заявил отец своим самым мрачным тоном, — необходимо, чтобы Роберт и леди Шеффилд подписали совместный документ, в котором раз и навсегда будет закреплено, что они не женаты.

Отец продолжал настаивать на своем, пока наконец такой документ не был составлен. Теперь Дуглас должна была его подписать. Мы все встретились в уединенной беседке в садах Гринвичского дворца, вдали от шума и суеты двора. Управляющий Роберта принес документ в сумке вместе с письменными принадлежностями, а когда мы уселись, расстелил его на столе, поставил чернильницу и разложил перья.

Дуглас выглядела ужасно: ее светлые волосы в беспорядке выбивались из-под криво сидящего чепца, один из рукавов платья отвязался, вокруг глаз — красные круги. Я боялась, что она принесет с собой своего маленького сына, и обрадовалась, когда увидела, что она этого не сделала.

Не скрывая своих расстроенных чувств, Дуглас принялась читать документ. Почти сразу же она подняла на нас глаза, в которых стояли слезы, и покачала головой:

— Нет! Я не могу это подписать! Никак не могу!

Она затравленно посмотрела на Роберта, потом на меня и, наконец, на моего отца. Не встретив нашего сочувствия, она затрясла головой и истерически вскрикнула: «Взгляните на меня!»

Дуглас сорвала с себя чепец, и глазам нашим предстало странное зрелище: между пышных светлых прядей ее волос были видны участки голой покрасневшей кожи.

— Видите! — воскликнула она. — Меня травят ядом! Все знают, что если яд замедленного действия, у жертвы выпадают волосы. А здесь у нас только один отравитель —

мой муж Роберт Дадли!

Роберт зарычал как зверь, вскочил на ноги и попытался дать Дуглас пощечину. Мой отец быстро встал между ними и попытался успокоить Дуглас, торопливо проговорив:

— Тише, мадам, и прошу вас сделать то, что от вас ждут. Уверяю вас, таково желание королевы, как и всех тех, кто собрались здесь.

— У меня постоянно болит живот, — продолжила свои жалобы Дуглас, хватаясь за бок. — Меня тошнит, мне плохо.

— Наверное, ты беременна, — рявкнул Роберт, — и в этот раз точно не от меня. С тобой переспала половина всех придворных!

— Но с того дня, как умер мой муж, женился на мне только ты! — отпарировала она. — А теперь ты пытаешься убить меня!

Мой отец подошел к Дуглас, взял ее за руку, решительно отвел к столу и усадил.

— Леди Шеффилд, — начал он, обращая особое внимание на то, чтобы не назвать ее «леди Дадли», — любили ли вы вашего покойного отца и подчинялись ли вы ему во всем?

— Да, милорд.

— Если бы он сейчас был здесь, он потребовал бы от вас того же, что сейчас я прошу вас сделать. Подпишите этот документ! От вас требуется только один росчерк пера. То, что происходит с вашими волосами или у вас в животе, не имеет значения.

— Но меня пытаются отравить!

Мой отец взял перо, обмакнул его в чернильницу и вложил в руку Дуглас. Она заплакала, плечи ее поникли, но документ она подписала!

Я услышала, как Роберт издал вздох облегчения. Потом он достал из-за пазухи тяжелый кошелек и вручил его управляющему, прошептав: «Передайте ей это...» Наверняка там были деньги. Много денег. Для Дуглас и их сына. Плата за то, что она подписала документ, каждое слово которого, по ее мнению, было ложью.

Что до меня, то я не знала, чему верить. Больше всего на свете я хотела верить моему Роберту, моему обожаемому супругу, который, как я знала, был человеком многих слабостей, но и великой силы чувств, человеком смелым и цельным. И еще мне хотелось верить в то, что у Дуглас выпадают волосы и болит живот не от яда, а от каких-то других причин. В тот день я горячо молилась, чтобы у нас с Робертом был долгий и счастливый брак, благословенный детьми, которые будут любить нас так же сильно, как мы полюбим их. Я молилась за наше с ним совместное будущее, вопреки всем опасностям и преградам этого мира, где счастье зыбко и преходяще.

Идя навстречу пожеланиям моего отца, мы с Робертом поженились вторично — в этот раз в Уонстеде ^[156], — поместье, которое стало нашим любимым домом, в присутствии членов моей семьи, брата Роберта Амброза, других родственников и свидетелей. Церемонию провел священник семьи Дадли, неукоснительно соблюдая порядок, предписанный англиканской церковью.

Когда прозвучал вопрос о том, имеет ли кто-нибудь сказать что-либо против этого брака, ни один из немногочисленных свидетелей не возвысил свой голос. Но в домовый церкви Дадли по вполне понятным причинам не было ни Дуглас Шеффилд, ни королевы. А Ее Величество со временем не пожалела злых слов, когда узнала, что я — ее извечная соперница — наконец-то взяла в мужа того, кого она так любила.

Королева не скоро узнала о нашей свадьбе. Прошло много месяцев, прежде чем эта новость достигла ее ушей, а когда это случилось, она была в состоянии, близком к панике, потому что только что пережила еще одно покушение — действительное или мнимое — на свою жизнь.

Как же она была напугана после него, когда, трепеща всем телом, держась за сердце и задыхаясь, вошла в свои покои. Лицо даже не бледное, а пепельно-серое, глаза — огромные и ничего не видящие, взгляд такой же затравленный, как и у Дуглас Шеффилд в день подписания документа об отказе от любых заявлений о браке с лордом Робертом.

Я запомнила эти глаза королевы надолго.

Вот что рассказал Уэффер, собрав вокруг себя придворных дам и камеристок в комнатке, примыкавшей к королевской опочивальне, где бы нас никто не потревожил и не подслушал: оказывается, в тот день королева в сопровождении вельможи из Франции по имени Симье должна была на своей барке совершить путешествие вверх по Темзе. Этот Симье специально прибыл в Англию для ведения переговоров относительно будущего брака французского принца Франсуа Алансона и Елизаветы. Внезапно, как рассказывал Уэффер когда королева уже взошла на борт и должна была скрыться под навесом, защищавшим пассажиров барки от непогоды, прозвучал выстрел. Стреляли из аркебузы. Лодочник, находившийся рядом с Елизаветой, вскрикнул и упал, обливаясь кровью. Обе его руки были прострелены. Симье трусливо бежал, спасая свою жизнь, и бросил королеву на произвол судьбы. Остальные попрятались за бортами барки или разбежались, взывая о помощи, но не оказывая ее своей повелительнице. Среди этого хаоса Елизавета кликнула Роберта, и в мгновение ока он оказался подле нее. Как рассказал Уэффер, лорд Дадли, защищая королеву своим телом, быстро отвел ее в безопасное место. Когда вокруг Елизаветы встали верные дворяне и лучшие стражники, Роберт вернулся на барку, перевязал раны лодочника своей рубашкой, приказал быстро доставить к пострадавшему доктора Хьюика, а также распорядился, чтобы к нему привели того, кто произвел роковой выстрел.

Мы забросали Уэффера вопросами: выяснили ли, кто стрелял? Поймали ли стрелка? Бросили ли его в Тауэр? Кто он?

В течение нескольких часов эти вопросы оставались без ответа, пока мы изо всех наших сил пытались успокоить королеву. Мы подали ей ликеры, наливки и настойки для подкрепления сил. Мы убеждали ее, что нужно прилечь и отдохнуть, но она была не в состоянии забыться сном: глаза ее оставались широко открытыми, и в них застыло то же самое испуганное выражение, как у загнанного зверя.

— Или я доберусь до них, или они убьют меня... Я должна первая нанести удар... — бормотала она про себя снова и снова.

Не в силах оставаться в постели, она металась по опочивальне, отодвигала занавеси на окнах, откидывала полог кровати и даже гобелены на стенах в поисках скрывающихся за ними убийц.

— Вам нечего бояться, Ваше Величество, — пытался успокоить королеву мой отец, — убийца стрелял не в вас, а в Симье. Симье оказался ужасным человеком. Выяснилось, что он

убил своего собственного брата! И знаете за что? За то, что тот соблазнил жену Симье! Убийцу, как выяснилось, подослали родственники жены.

— Вы уверены в этом? — спросила Елизавета. — В парке Кенилворта в меня стреляли тогда, когда никаких французов вокруг меня не было. Я уверена, оба покушения подстроили испанцы. Они жаждут моей смерти.

Отец пожал плечами:

— Французы погрязли в грехах, Ваше Величество. Они способны на все. У меня, Ваш Величество, внутри все переворачивается от одной мысли о том, что вы хотите выбрать мужа из их числа...

— Оставь при себе свои нравоучения, Святоша! Ты не хуже меня знаешь, что Англия нуждается в союзе с Францией в противовес козням короля Филиппа.

Слушая этот разговор вместе с другими придворными дамами, я порадовалась, что к Елизавете постепенно возвращается ее отвага, способность ясно мыслить и уверенность в себе. Впрочем, щеки ее по-прежнему оставались бледными, дыхание — прерывистым, а зрачки были расширены от страха.

— После того, что случилось сегодня, согласитесь ли вы отослать этого Симье обратно на родину? — продолжать гнуть свою линию мой отец. — Тогда вы сможете в тишине и спокойствии взвесить все доводы за и против брака с французским принцем...

— И не подумаю отсылать его. Пусть Симье — преступник и трус, и сегодня он эту трусость выказал в полной мере, я разрешу ему остаться, ибо мне так угодно. А теперь уходите, милорд. Мне нужно отдохнуть.

Отвесив глубокий поклон, мой отец удалился.

Симье остался при дворе, и после краткого расследования было официально заявлено, что выстрел из аркебузы — просто случайность, а не покушение на убийство. Стрелок принес свои извинения и не понес наказания. Впрочем, я знала, что королева по-прежнему считает эти инциденты происками испанцев.

— Два случая, которые чуть было не стоили королеве жизни, один за другим — неужели это совпадение? — спросила я как-то раз у Роберта.

— Такие непредвиденные происшествия иногда случаются при королевских дворах, и последствия их могут быть ужасны, — отвечал Роберт. — Однажды отец Елизаветы Генрих VIII во время турнира упал с лошади и чуть не умер, а королева Анна Болейн тогда так испугалась, что у нее случился выкидыш. Можно также вспомнить и отца Франсуа Алансона короля Генриха Валуа^[157], который умер от ран, случайно полученных им на турнире.

Но меня эти примеры не убедили.

— Как ты думаешь, Елизавета выйдет замуж за французского принца? — спросила я Роберта. — Говорят, что он очень мал ростом — почти карлик — и лицо его обезображено оспой...

— Пусть выходит замуж, и как можно скорее. Чем сильнее становится Испания, тем больше Англии нужен союзник. Кроме того, этот малыш Елизавете нравится. Я уже рассказывал тебе, что она пишет ему письма на греческом и латыни, а он отвечает в том же духе и с присущим французам остроумием, а Елизавета любит остроумных мужчин. Она страстно желает лично познакомиться с месье Алансоном. Хотя уж я-то знаю, что сама идея брака страшит ее безмерно. Ей ненавистна даже мысль о том, что мужчина будет ею управлять. В семейном союзе муж всегда первенствует, даже если он гораздо моложе, а жена

— королева.

— Значит, ты сомневаешься, что этот брак возможен?

— Еще как сомневаюсь. Но она может всех нас удивить: вот влюбится в принца по уши, когда он прибудет ко двору, и тогда все возможно...

Я так не думала, но не стала спорить с Робертом и больше с ним на эту тему не заговаривала.

Случилось так, что Франсуа Алансон действительно прибыл ко двору вскоре после инцидента с аркебузой, но прибыл он без всякой помпы и был принят королевой в частном порядке, без пышных церемоний. Я несколько раз видела его, когда он приезжал с краткими визитами к Елизавете. Они садились рядом и беседовали, как два давних друга, шутили, смеялись и наслаждались этой совместной беседой. Он оказался еще безобразнее, чем я могла предположить. Правду люди говорили: в жилах детей Екатерины Медичи [\[158\]](#) текла порченная кровь. Ее старший сын Франциск — друг детства и впоследствии первый муж Марии Стюарт — умер до того, как ему исполнилось семнадцать. Ее второй сын Карл тоже не задержался на этом свете. Третьему сыну, наследовавшему трон, — Генриху III — тогда исполнилось двадцать восемь лет, но и он, по слухам, был слабогрудым и имел больное сердце. Значит, и принц Франсуа — любимая игрушка нашей Елизаветы — скорее всего, как говорится, не жилец. Наверное, этой своей слабостью он и располагал к себе полную жизни, крепкую, выносливую и живучую как кошка Елизавету. Если она выйдет за него замуж, то скоро овдовеет, но при случае сможет призвать к себе на помощь французские армии.

Частный и почти тайный визит принца закончился через несколько дней, и Франсуа отбыл на родину, предоставив министрам своего брата-короля обсуждать с советниками нашей королевы детали брачного договора. Но он оставил своего приближенного Симье, чтобы тот общался с королевой напрямую и убедил ее принять судьбоносное решение об их браке. Начал Симье с того, что постарался усугубить страхи Елизаветы: да, испанцы пытаются покончить с ней, и ему якобы стало известно о том, что новые убийцы посланы на наш остров с приказом в этот раз всенепременно достичь своей цели. А стоило Елизавете ужаснуться, как он тут же ловко ввернул, что ей не следует нынче полагаться на защиту Роберта Дадли, ибо теперь Роберт обязан лелеять и защищать другую женщину — его законную жену по имени Летиция Ноллис, — с которой он связан узами не только верности и преданности, но и любви.

Елизавета была напугана, но у нее вполне хватило присутствия духа запретить Роберту появляться при дворе. Меня же она, напротив, призвала, и я вынуждена была явиться пред ее светлые очи. Очи эти горели такой холодной яростью, что я испугалась тут же оказаться в Тауэре, а затем и на эшафоте.

— Я никогда тебе не доверяла. Ты — истинная волчица, — начала королева. — Когда ты еще только была представлена ко двору, ты уже была испорченной девчонкой, не достойной доверия. Мне рассказали, что случилось во Франкфурте, какой позор навлекла ты на свою семью. Но твой отец обещал мне, что будет держать тебя на коротком поводке, и я думала, ему это удастся. А теперь оказалось, что ты украла у меня того, кто для меня дороже всех в этом мире.

Каким образом нашла я силы для того, чтобы ответить ей, я не знаю. Наверное, мне помогло то, что я увидела свое отражение в одном из огромных зеркал королевы, и поняла, кого же она рассматривает с такой холодной ненавистью в светлых глазах.

Перед Елизаветой стояла отнюдь не волчица (с того приснопамятного дня королева называла меня только так), а красивая женщина, причем гораздо моложе ее. Та, которой мужчины посвящали стихи, портреты которой заказывали (а это случалось нередко). Женщина, к которой она ревновала с того самого дня, когда я появилась при ее дворе. Видеть меня было ей тем более огорчительно, что я не только превосходила ее красотой, но и восторжествовала в сердце ее самого привлекательного подданного. Я, Летиция Ноллис, ныне графиня Лестер, теперь наслаждалась ответным чувством самого желанного и самого великолепного мужчины при ее дворе. Любви всей ее жизни.

И это дало мне силы. Я гордо выпрямилась, отринула страх и заговорила.

— Где мой Роберт? — задала я вопрос, намеренно не обращая внимания на ее предшествующую отповедь. — Вы бросили его в тюрьму? Если так, то я настаиваю на встрече с ним. Я — его жена.

Королева посмотрела на меня, прищурившись, словно оценивала. Она держала себя в руках. Не давая более сильным чувствам взять верх, она лишь презрительно бросила:

— Только потому, что ты — его жена, я пощадила твою жалкую жизнь. Если бы я приказала тебя казнить, Роберт никогда бы не простил меня!

— Так вы хотите казнить женщину королевской крови? Ту, чье право на трон может оказаться выше вашего? Моя мать — побочная дочь короля Генриха, а если верить слухам о неверности Анны Болейн, то вы, мадам, — вовсе и не королева. Вы — дочка музыканта Марка Смитона или любого другого любовника Анны низкого звания.

Елизавета подняла руку, видимо, чтобы дать мне пощечину, но я отступила назад. Она не погналась за мной, а вместо этого дала знак своим стражникам оставить нас одних.

Когда ее приказание было исполнено, королева какое-то время ходила по комнате, хмурясь и качая головой. Потом она остановилась, видимо приняв определенное решение.

— Ты покинешь двор немедленно, как только выйдешь в эту дверь. — Она махнула рукой в сторону выхода из своих покоев. — И ты не вернешься. Но до того, как ты уйдешь, мы кое о чем договоримся.

— Вы не причините ущерба никому из моих детей или родственников, — храбро перебила я. — Вы не лишите Роберта его владений и должностей. Если вы сделаете это, я открою всему миру то, что прочла в вашем дневнике, и еще то, что я знаю о смерти первой жены Роберта.

Я почувствовала, что моя последняя угроза возымела свое действие. Я знала правду о смерти Эми Дадли, а она — нет, но очень хотела бы узнать.

— Вы позволите нам спокойно жить вместе и не будете нас преследовать, — больше я ничего не смогла придумать и замолчала.

— Да, ты — сущий ребенок, когда дело касается заключения сделки, Волчица. И это все, что ты можешь предложить? — Елизавета улыбнулась. — Пода я — королева Англии, лорд Роберт будет служить мне там, где я скажу. Помни: твоя жизнь и его жизнь — вот здесь, в моем кулаке, и я в любой момент могу положить им конец, стоит мне только пожелать. Не забывай этого! Возможно, Роберт любит и желает тебя. Но узы эти, хоть и крепкие, со временем ослабеют. А вот наша с ним связь — гораздо более долговечная, чем ты можешь себе представить. И пока она существует, ты всегда будешь для него на втором месте. Вот так-то, Волчица. А теперь пошла прочь!

Мне захотелось резко ответить королеве, привести доводы против всего вышесказанного, пусть в глубине души я знала, что это — правда. Но слова бежали меня. Я больше не могла сопротивляться. Пока королева держала свою речь, я почувствовала, как содрогаюсь от страха, сначала едва заметно, а потом все сильнее и сильнее. Под конец я только и могла, что поклониться ей быстрым поклоном и немедленно ретироваться.

Но где же Роберт? Что она с ним сделала?

Выбравшись из покоев королевы, я подобрала юбки и понеслась прочь, молясь о том, чтобы только не наступить на подол и не упасть. Я неслась темными коридорами дворца, скользила на голой, не покрытой ковром лестнице, боясь, что сейчас наша безжалостная повелительница передумает, пошлет своих солдат схватить меня, запрет в самой глубокой темнице и велит тюремщику выбросить ключи.

Наш сын Роберт родился в июне того года, когда мне исполнилось сорок лет. Это был крупный младенец с длинным телом, синими глазами и рыжеватыми волосами. В отличие от другого моего сына — его тезки Роба, — которому в ту пору уже стукнуло пятнадцать и который, будучи маленьким, жадно сосал, много плакал и вертелся на руках кормилицы, этот сын был очень спокойным. Я сама кормила его, и он хорошо кушал. Он спал рядом с нами в резной деревянной колыбели, отделанной малиновым бархатом. Когда ему еще только исполнилось два месяца, Роберт заказал для него полный комплект рыцарских доспехов и когда приезжал домой, любил, чтобы я одевала в них малыша и брала с собой для выездов в нашем экипаже.

— Вот видите, барон Денби, — обращался к нему Роберт по титулу, который малыш получил как наследник графов Лестер, — теперь вы достойно экипированы, чтобы охранять королеву. Когда станете чуть старше, молодой человек, я научу вас обращаться с мечом и шпагой.

Восхищение Роберта нашим сыном не знало меры. Его лицо расцветало от радости всякий раз, когда он видел его, брал на руки, говорил ему ласковые слова, сажал на плечи и как лошадка галопом носился с ним по саду, припадая на больную ногу. В последнем случае Роберт даже ржал как лошадь и заразительно смеялся.

Всю свою жизнь, с того самого дня, много лет назад, когда большая часть его родных была казнена после неудачного заговора его отца, направленного на захват власти, Роберт страстно желал наследника. Сына, которому перейдет имя Дадли и который восстановит честь и славу предков. «Теперь, когда у меня есть маленький Денби, — мне нечего желать!» — не раз говорил он, не обращая внимания на небольшой физический недостаток нашего сына. Одна ножка малыша была чуть короче другой, и взгляд у него был какой-то застывший.

Другой сын моего мужа, побочный сын от Дуглас Шеффилд — тоже Роберт, — также доставлял своему отцу удовольствие, хотя мы почти не говорили о нем. Этот ребенок воспитывался няньками и учителями в поместье, располагавшемся неподалеку от имения его матери.

Когда родился маленький барон Денби, побочному сыну Роберта было семь лет. Он был рослым, крепким и уже показал быстрый ум. Роберт гордился этим обстоятельством, и хотя не видел мальчика часто, но поставил дело так, чтобы его сын знал о любви, заботе и благорасположении своего отца.

Слава Богу, Дуглас больше нам не докучала. Она вышла замуж во второй раз — доказав этим, что никогда по-настоящему не считала себя женой Роберта, — и бывала при дворе нечасто. Во всяком случае, так рассказывали мне Сесилия и мой отец. Дуглас Шеффилд оказалась глупой и недалекой, занятой только собой и своими нуждами. Конечно, я была настроена против нее, потому что когда-то ей досталась часть привязанности Роберта. Но это была именно привязанность, плотское влечение, а не любовь. Это я знала совершенно точно — даже если бы он не поклялся мне, что никогда не любил Дуглас, а лишь в свое время страстно возжелал ее юного тела.

Мое собственное тело с годами стало пышнее и соблазнительнее, особенно после

рождения маленького Денби. Я отдавала должное хорошей кухне, любила подремать днем, меньше гуляла и танцевала и, как результат, скоро приказала расставить мои платья. Но я никогда не выглядела толстухой, подобно Сесилии, а лишь дамой округлых и привлекательных форм. Такой я нравилась Роберту, и только это, в конце концов, имело значение.

Когда мой брат Фрэнк приехал к нам, я заметила, что он смотрит на нашего сына с каким-то сомнением. Он не привез для Денби пони, как в свое время для Роба, но зато преподнес большую шкатулку резного серебра. Внутри были монеты и драгоценные камни.

— Сувениры из моего последнего плавания, — с улыбкой сказал Фрэнк.

Речь шла о его необыкновенном путешествии с капитаном Дрейком, когда небольшая флотилия кораблей обошла вокруг света. Такого никто из англичан раньше никогда не делал. Да и другим мореходам вряд ли это удавалось ^[159].

— Спрячь эту шкатулку до того времени, пока твой сын вырастет, — сказал он.

Мы с Робертом сердечно поблагодарили Фрэнка, поздравили его с тем, что он выжил среди опасностей, и шутливо попеняли ему, что он слишком щедр, — хотя я знала, что Роберт, которому постоянно не хватало денег и который вечно был в долгу как в шелку, наверняка запустит руку в шкатулку сына, как только такой поступок будет считаться приличным. Конечно же, мой муж возьмет деньги с мыслью когда-нибудь положить их обратно — он в жизни не тронул бы того, что ему не принадлежало, — но Роберт был расточителен и непредусмотрителен. Его благие намерения почти никогда не претворялись в жизнь.

— Не стоит благодарности, — замахал руками Фрэнк. — Это всего лишь деньги, а на деньги можно купить вещи и ценности, но не любовь. То, что есть у вас двоих, стоит гораздо дороже всех сокровищ мира. А теперь у вас родился сын, и его существование делает вашу любовь еще более полной.

Роберт обнял меня, когда Фрэнк это говорил, и я заново почувствовала сияние нашего взаимного чувства и переполняющую меня материнскую гордость. Я подумала — ни одна женщина не может быть счастливее, чем я в это самое мгновение.

Но тут мне стало жаль Фрэнка. Я знала, что он думает о своей утраченной любви — о своей Марианне. Побыв с нами пару дней, он вновь заговорил со мной о ней, о том, как мечтал жениться на ней, если бы у него была такая возможность.

— А твоя богатая жена, что с нею? — спросила я.

— Она умерла несколько лет назад, когда я был в море. И, если тебе интересно, она оставила мне в наследство свои деньги. Но мне они не нужны. У меня теперь есть свое собственное состояние. Мы привезли много сундуков, наполненных испанским золотом, когда вернулись в Плимут.

Роберт велел одеть маленького Денби в его доспехи в честь приезда Фрэнка. Ребенок радостно гукал, а мой брат хохотал во все горло.

— Малыш — настоящий лорд! — заявил Фрэнк. Потом он более пристально посмотрел на нашего сына, и выражение удовольствия на его лице сменилось тревогой. — Что с его ножкой? — спросил он. — Осмотрел ли его ваш врач? Что он сказал?

Мы с Робертом заговорили одновременно, и я замолчала, позволив Роберту отвечать. Короткая ножка нашего малыша очень нас тревожила, как и то, что он не мог ни на чем

сосредоточить свой взгляд. Он как будто бы смотрел в никуда, не тянул ручки ни к нам, ни к ярким предметам, как другие дети.

— Мы обеспокоены тем, как он растет, — сказал Роберт. — Мы позвали доктора Джулио и еще нескольких докторов из Лондона осмотреть его. Они говорят, что ножка выправится со временем и обе ноги сравняются в длине. Они не видят причин, препятствующих этому.

— Мы хотели отвезти его ко двору, чтобы его осмотрел врач королевы, — добавила я, — но королева до сих пор гневается на Роберта, и она не разрешила нам. А что до меня, то она запрещает мне даже приближаться к любому из ее дворцов. Она ненавидит меня и называет Волчицей.

— Все говорят, что она — странная женщина, — пробормотал Фрэнк. — Сдается мне, хуже всего она обходится со своими самыми верными слугами.

Я протянула руку в колыбель маленького Денби и вложила палец в его крохотную белую ладошку. Малыш крепко уцепился за него.

— Помнишь, наш отец говорил нам, что короли и королевы не ведут себя так, как другие люди? — спросила я Фрэнка.

Он улыбнулся в ответ.

— Я надеюсь, ваш сын скоро будет бегать и играть наравне со всеми, — проговорил мой брат. — Без сомнения, ножки его подравняются и окрепнут. Вы и глазом не успеете, моргнуть, как он вырастет из своих доспехов. Вот увидите, как он повзрослеет и юным рыцарем примкнет к Договору об ассоциации^[160], о котором я в последнее время после своего возвращения столько слышал.

Когда Фрэнк упомянул Договор об ассоциации, я вздрогнула. Недавно Роберт и другие высшие сановники королевства создали союз, необходимый, по их словам, для обеспечения безопасности королевы. Дворяне, подписавшие Договор, страшной клятвой поклялись убить любого, кто преуспеет в попытке убить Елизавету, или любого, от чьего имени такая попытка будет сделана. Хотя целью Договора должно было стать предотвращение насилия, он, по моему мнению, скорее должен был способствовать нарастанию вражды, кровавой мести и жестоких расправ. Я очень надеялась, что ошибаюсь. Когда я поделилась своими страхами с Робертом, он лишь мрачно взглянул на меня и заявил, что то время, в которое мы живем, требует чрезвычайных мер.

— Пусть каждый поймет, — честно сказал он, — что сейчас в христианском мире ведется самая настоящая война. Испанский король Филипп считает всех протестантов, без исключения, врагами Господа, а значит и своими личными врагами. Он поклялся уничтожить всех их, то есть уничтожить и нас, одного за другим. Он уже начал истребление протестантов в Голландии, Зеландии и в других протестантских провинциях Нидерландов. Тысячи невинных людей оказываются в тюрьмах, подвергаются пыткам, умирают от голода, их вздергивают на дыбу и растягивают до тех пор, пока не ломают им все кости.

— Также, как поступали с анабаптистами во Франкфурте, — проговорила я. — В те времена, когда я была совсем девчонкой. Их связывали по рукам и ногам, а потом топили в реке. И делали это не испанцы, а другие протестанты: кальвинисты, как мой отец.

Я не могла не вспоминать те ужасы, свидетельницей которых стала во Франкфурте, а также сожжение моего учителя Джослина, жертвы католической королевы Марии. То было самое ужасное из того, с чем мне довелось столкнуться в моей жизни. Я увидела, как правители и люди церкви не побоялись выпустить на свободу дикость и насилие лишь

потому, что решили, что другие мужчины, женщины и даже невинные детишки — последователи Сатаны, а не истинного Бога. А в таком мире милосердию и человеколюбию нет места. А теперь Роберт говорит мне, что король Филипп объявил крестовый поход с целью уничтожения всех протестантов.

— Наш Договор об ассоциации — только начало, — донесся до меня голос Роберта. — Будут заключены новые, более могучие союзы и лиги. Мы должны начать нашу собственную священную войну во имя защиты и охраны того, что принадлежит нам по праву.

Правильные слова, но почему они так пугают меня? Я часто думала об этом все следующие дни, когда сидела у колыбели малютки сына, а его крохотная ручка крепко сжимала мой палец.

— Грядет конец света! — заявила мистрис Клинкерт, разбирая чистое белье моего маленького сына, складывая его одеяльца, чулочки и чепчики и отправляя их в огромный комод, стоявший в детской. Маргарет — нянька малыша Денби — смотрела на нее ревниво, обиженная на то, что ее обычные обязанности выполняет кто-то другой.

— Скоро, очень скоро наш мир рухнет, — продолжала мистрис Клинкерт, жуя, по обыкновению, душистые травы, и их запах наполнил комнату.

Маленький Денби, который беспокойно вертелся в колыбели, успокоился и потихоньку засыпал. Я сидела рядом с колыбелью и наблюдала за ним, вздрагивая от каждого его легкого движения или резкого вздоха.

— Все в это верят, — вновь зазвучал голос мистрис Клинкерт. Она искоса поглядела на меня, когда я не удосужилась ответить. — Даже вы здесь в Уонстеде, небось, слышали о таком?

— Я слышала... — ответила я, стараясь, чтобы мой голос звучал ровно и спокойно. Я никогда особо не верила в пророчества. Мой опыт подсказывал мне, что они редко сбываются.

— Говорят, что падет великая империя. Троны зашатаятся под всеми правителями, а одна из династий может прерваться, — гнула свое мистрис Клинкерт.

— Благодарю вас, Маргарет, — обратилась я к няньке. — Оставьте нас, пожалуйста.

Смысл слов мистрис Клинкерт был достаточно прозрачен, и мне не хотелось, чтобы слуги слышали такие высказывания, которые можно было бы счесть изменой королеве.

Елизавета в последнее время немного оттаяла по отношению к Роберту и даже, возможно, ко мне. Роберта сейчас в поместье не было — он, как это часто бывало в тот год, был занят на королевской службе. Но перед тем, как оставить двор, чтобы отбыть со своей дипломатической миссией, он получил разрешение от королевы послать ко мне мистрис Клинкерт, зная, что она будет мне подмогой и утешением, так как я печалилась и тревожилась по поводу малыша Денби и его здоровья. Я расценила этот поступок как жест дружелюбия со стороны королевы после того, как Роберт честно рассказал ей о том, что наш малыш не может ни ходить, ни говорить. Денби уже исполнился год, и стало очевидно, что он страдает от какого-то таинственного недуга, точную причину которого ни один из врачей не смог определить.

Сесилия сочла, что я уже слишком стара для того, чтобы выносить здорового ребенка, и не преминула мне об этом сообщить, а другие винили болезни и возраст Роберта. Мой отец что-то мрачно бормотал о грехах и воздаянии за них, но об этом он толковал по любому поводу. Его взгляд на жизнь, по мере того как он старел, делался все более и более мрачным. Интересно, что он думает обо всех пророчествах напастей и конца света, которые заполонили Англию.

— Неисчислимы бедствия падут на нас в год Страшного суда, — продолжала меж тем мистрис Клинкерт. — В год тысяча пятьсот восемьдесят восьмой от Рождества Христова^[161].

— А разве великая империя уже не пала? — спросила я скорее для того, чтобы

поддержат разговор, чем для того, чтобы спорить с мистрис Клинкерт. — Я имею в виду империю индейцев в Новом Свете?

— Ха! Разве ж это империя... горстка раскрашенных дикарей, пляшущих у костра. Нет! Беды ждут Англию, а возможно, и весь мир.

Она продолжила свою работу как ни в чем не бывало, а я глаз не могла отвести от моего сына. Как же он был похож на Роберта! Те же рыжеватые волосы (хотя шевелюра Роберта уже начала седеть), тот же твердо очерченный рот, те же длинные ресницы...

— Королева уж точно верит в то, что я вам тут толкую, — вновь оседлала своего любимого конька мистрис Клинкерт через некоторое время. — Она, ясное дело, утверждает обратное, но я-то вижу, в какой она тревоге. Она завела себе книгу предсказаний и читает ее почти каждый день. Иногда она даже читает ее вслух, но тихо, думая, что никого нет рядом. Своими ушами слышала, что грядут голод и засуха, что золото утратит свою цену, на наши головы падут неисчислимы бедствия и всем людям придет конец.

— Да, мрачные пророчества! Но, мне кажется, на памяти каждого поколения такие слухи обязательно возникают, но мы все еще здесь — никуда не делись и населяем лицо земли.

— В этот раз звезды сошлись против нас. Я слышала, как об этом говорил Уэффер, а уж он-то свое дело знает. Он сказал, что слышал о конце света и Страшном суде, когда был еще ребенком. Правда, он надеется, что помрет раньше.

— Милый старый Уэффер! Да живет он вечно! — смеясь, воскликнула я.

Но мистрис Клинкерт торжественно воздела руки:

— Вот увидите, мадам, день придет, когда вы уверуете в то, что я сейчас говорю. Помяните мои слова, День Гнева Господнего близок!

Я не придавала должного значения предупреждениям мистрис Клинкерт, которая старела и делалась все более и более легковерной. И еще мне не хотелось поддаваться общему поветрию страха и паники. В конце концов, мне и без Судного дня хватало поводов для беспокойства. Что-то было не в порядке с моим маленьким сыном, одна моя дочь Пенелопа уже вполне вошла в брачный возраст и оказалась еще более упрямой и независимой, чем я в ее годы, а вторая моя дочь Дороти — всегда такая милая и послушная девочка — выказывала совершенно неуместную привязанность к простому моряку. Мне нужно было срочно подыскать дочерям хороших мужей из благородных семейств, найти средство против недуга моего малыша. Еще только не хватало мне того, чтобы боязнь конца света затуманивала мой разум.

Однако же, когда Роберт во время одной из наших коротких встреч почти слово в слово повторил то, что я считала досужими домыслами мистрис Клинкерт, я вынуждена была воспринять его слова серьезно.

— Это правда, Летти, — устало произнес он, отдавая должное холодному жареному фазану, пирогам с дичью и домашнему пиву.

Он скакал всю ночь, чтобы иметь возможность провести со мной всего один день. Королева засыпала его поручениями, но он, по его собственным словам, «урвал» день и ночь, которые желал провести со мной в Уонстедде. Прибыв на рассвете, падая с ног от усталости и голода, он был очень рад тому, как быстро ему накрыли на стол.

— Хотелось бы мне думать иначе, но эти пророчества слишком многие повторяют, и они слишком похожи на правду, — продолжал он. — Помнишь предсказания о Короле-Кроте, который придет и свергнет нашу святую церковь? Ах нет, ты слишком молода, чтобы

о них помнить... Вообще-то, если вдуматься, это пророчество сбылось. Король Генрих VIII и оказался таким роковым правителем...

Роберт сделал паузу, но не стал развивать эту опасную тему, а вернулся к более близким временам:

— Помнишь пророчество о том, что будет великое сотрясение тверди земной и обрушится некий высокий дом? Так вот — шпиль на соборе Святого Павла сгорел дотла, и земля в тот день содрогнулась — и все это произошло как раз в тот год, когда и предсказывалось ^[162].

— Помню, милый, помню. Кажется, это случилось тогда, когда наша семья вернулась из Франкфурта. Помню, Лондон был тогда полон слухов. Да, шпиль собора загорелся, а с ним и много зданий вокруг.

Роберт закончил трапезу, и слуга убрал со стола.

— Боюсь, что мы должны готовиться к худшему, что бы нас ни ждало. Наступает тысяча пятьсот семьдесят восьмой год. Год Страшного суда... Войны, мор, глад... ах да, и падение империи.

Внезапно лицо его просветлело. Тревога, притаившаяся в усталых глазах и складках вокруг рта, исчезла, и появился давно забытый огонек озорства, который я так любила.

— Ну что ж! — воскликнул он. — Если империи суждено пасть, то пусть это будет величайшая в мире империя — Испания!

Сказать, что Роберт и я были счастливы, значило сильно преуменьшить правду, — на целую добрую английскую милю^[163]. Мы радовались каждой минуте, проведенной вместе. Год за годом наши тела дарили друг другу наслаждение. Любовь наша не увядала, а взаимная преданность только росла. Лишь те, кому ведомо такое счастье, могут в полной мере понять, о чем я говорю. И знают, как недостаточны слова для передачи великой и всепобеждающей силы любви.

Но королева, вечная противница нашего с Робертом союза, делала все возможное, чтобы разлучить нас. Она постоянно призывала Роберта ко двору и удерживала его там месяцами. Он должен был заседать в ее совете тогда, когда обсуждались действительно важные дела, и тогда, когда речь шла о совершеннейших пустяках. Она приглашала его, чтобы он позировал художникам. Даже когда она заказывала собственные портреты, он должен был находиться на них на заднем плане. Она требовала, чтобы он присутствовал на бракосочетаниях мелких чиновников и на крестинах их детей. Во главе своих солдат Роберт объездил все города и городки южной Англии, где проводил учения народного ополчения, проверял состояние всех крепостей и укреплений, постоянно докладывал совету обо всех линиях обороны королевства. Королева использовала любой предлог, только чтобы увести его от меня, ослабить те узы, которые связывали его со мной и с нашим сыном.

— Я ей нужен, — каждый раз говорил Роберт, когда в Уонстед прибывал гонец от Елизаветы с торопливо нацарапанной ее рукой запиской. — Она опасается за свою жизнь и за судьбу страны. Ей требуется мое присутствие.

И каждый раз он послушно отправлялся туда, куда его посылала королева. Я знала, что не буду жаловаться или указывать Роберту на то, каковы действительные причины такого безоговорочного распоряжения королевой им самим и его временем. Он служил ей, он был ей предан. И еще одно — он до сих пор любил ее своим, особым образом, и это вызывало мою ревность. Когда-то они были любовниками, и я знала об этом, но не теперь. Нынче Роберт был мне верен, и я не ставила эту верность под сомнение. Да, он служил королеве, но его сердце принадлежало мне одной. Оно было моим не только тогда, когда Роберт находился рядом, но и все долгие дни нашей разлуки, ночи, когда постель моя была пуста, ибо тогда мой муж являлся мне в моих мыслях.

Но сейчас мне требовалась помощь и поддержка моего мужа здесь — в моем собственном доме. Малыш Денби с каждым днем слабел, и я поняла — никогда он не сможет ходить, как другие дети. К его третьему дню рождения Роберт заказал очередной набор маленьких доспехов для него и распорядился, чтобы нарисовали его портрет в этих доспехах. Фрэнк отправил ему в подарок маленький стульчик с прекрасной резьбой, обитый красным бархатом. Но к тому времени я уже знала, что мой сын никогда не сядет на этот стульчик, потому что он вообще не мог сидеть, а только лежал дни и ночи в своей кровати и почти не шевелился.

А я сидела рядом, наблюдала за ним, молилась, читала псалмы, ела, не чувствуя вкуса, то, что приносила мне мистрис Клинкерт... Именно она как-то утром сказала мне, глянув на

неподвижное тело моего сына, грудь которого еле-еле вздымалась при каждом вздохе, что надо послать за Робертом и что медлить нельзя.

Мистрис Клинкерт, конечно же, была совершенно права. Говорила она голосом тихим, без обычной своей громогласности, и это послужило мне еще одним доказательством того, что маленький Денби действительно совсем плох. Но сначала я попыталась с гневом отрицать очевидное, потом запретила себе даже думать об этом, ибо как могла я сказать о таком моему дорогому Роберту...

В конце концов я поняла, что именно нужно сделать. Я должна сама поехать и сообщить моему мужу — его сын умирает и лорд Роберт срочно нужен дома. Я кликнула горничную, чтобы она принесла мне плащ и сапоги для верховой езды, взяла двух конюхов в качестве сопровождающих и на самой быстрой лошади из наших конюшен поскакала что есть духу во дворец Нонсач^[164], где, как я знала, Роберт в этот раз помогал королеве в государственных делах.

Усталая и страдающая от жажды, но переполненная сознанием того, что я должна срочно увидеть Роберта, я въехала в ворота. Стражники меня надолго не задержали. Они пропустили меня во внутренний двор, и я торопливо вошла во дворец. Мои слуги следовали за мною.

Я хорошо знала расположение комнат во дворце, ибо часто бывала там, когда служила королеве фрейлиной и придворной дамой, и я прямо направилась в зал, где обычно заседал Королевский совет, смежный с покоями королевы.

— Я — графиня Лестер! — заявила я стражникам у дверей в зал. — Я привезла очень важные сведения для моего мужа. Это вопрос жизни и смерти!

Один из стражников узнал меня. Он кивнул, открыл дверь и пропустил меня внутрь.

Я вбежала в зал и обвела глазами членов совета, сидевших за большим столом, выискивая своего мужа.

Его среди них не было!

Я с изумлением вглядывалась в обеспокоенные лица Уильяма Сесила (ныне лорда Берли), Фрэнсиса Уолсингема и моего отца.

— Нет, леди Лестер! Вам нельзя здесь находиться! — воскликнул кто-то из других советников. — Вам запрещено появляться при дворе! Королева...

— Где мой муж? Почему его нет меж вами? — спросила я прерывающимся голосом. — Отец! Где Роберт?

Но мой отец лишь махнул рукой и отвернулся.

— В чем дело? Что случилось? Он куда-то отправлен со своими солдатами? — настаивала я.

Сидящие за столом отводили глаза. Некоторые вполголоса о чем-то перешептывались.

Тут меня пронзила ужасная мысль. Никто не успел меня удержать, когда я выбежала из зала совета прямо в личные апартаменты королевы, примыкавшие к нему.

В первой комнате никого не было, во второй — только юный слуга, выгребавший золу из камина и удивленно воззрившийся на меня.

А в третьем помещении — будуаре королевы — я нашла их обоих.

Я замерла на пороге. Затаила дыхание. Не могла поверить в то, что увидела.

Роберт на коленях перед Елизаветой, она стоит лицом к нему. Его рука — на ее худой голой морщинистой ноге, неумолимо тянется к тому сокровенному месту, которое Сесилия презрительно именовала «увядшим цветком девственности Ее Величества».

Елизавета почти не прикрыта прозрачным кружевным бельем. Ее увядшая тощая плоть, белая как брюхо рыбы, — отвратительна. В комнате назойливо пахнет мускусом. Тем самым мускусом, которым Роберт всегда душил гульфик на своих панталонах.

Я стояла не шевелясь, как громом пораженная. Пепельное лицо королевы покраснело. Она крикнула, призывая стражу. Роберт, бледный и испуганный, уронил свою блудливую руку, вскочил на ноги и встал передкоролевой, заслоняя ее от моего взора, которым я в ту минуту могла ее испепелить.

Затем за мгновение до того, как в будуар должны были ворваться стражники и схватить меня, я выбежала вон, мои грумы следовали за мною, и мы понеслись к выходу, но не по широким, освещаемым факелами коридорам парадной части двора, а по узким, темным, пахнущим мочой проходам для слуг, где те суетились с подносами, ведрами, ночными горшками, охалками хвороста и грязным бельем. Я продиралась сквозь эту толпу, ослепнув от слез, спотыкаясь и оскальзываясь на неровных камнях, я хотела кричать «Нет, нет и нет!» при каждом шаге, острой болью отзывавшемся в моем сердце.

— Ты должна понять! Ты должна!!!

Хриплый, умоляющий голос Роберта проникал сквозь толстые дубовые двери нашей спальни в Уонстеде. Я скрылась здесь с раной в сердце, чувствуя себя преданной и втопанной в грязь, но в то же время переполненная страстным желанием дать сдачи, поквитаться с мужем, с королевой, со всем миром.

Но когда я оказалась под крышей своего дома, руки мои опустились, а тело словно налилось свинцом. Не хотелось двигаться, говорить, видеть других людей. Я смогла только пойти посмотреть на сына и убедиться в том, что он в том же состоянии. Такой же тоненький и хрупкий, так же цепляется за жизнь из последних сил.

Больная и опустошенная, я заперлась в спальне, мечтая лишь о том, чтобы лечь и забыться, когда услышала под дверью голос Роберта. Очевидно, он поскакал прямо за мною, когда я бежала из Нонсача. Сердце мое упало, когда я услышала, как он говорит:

— Прошу тебя, Летти, открой дверь! Впусти меня! Я все объясню...

Но дверь в опочивальню была на запоре, и я не собиралась ее отпирать.

Я молчала.

— Летти! — теперь он стучал в дверь кулаком. — Летти!

Я заткнула уши руками.

— Летти, ты не понимаешь! Ведь ты не думаешь, что я... что мы с королевой...

— Убирайся! Убирайся и оставь меня в покое!

Роберт замолчал, но молчание его было недолгим.

— Я останусь здесь до тех пор, пока ты не выслушаешь то, что я должен тебе сказать! В тот день, когда ты увидела нас с Елизаветой, королева была очень напугана. Да что там говорить, она была в ужасе. Я ее в жизни не видел в таком состоянии. С ней настоящий приступ случился. Дело в том, что в тот день на нее вновь было совершено покушение! На этот раз убийцей оказался какой-то валлиец^[165]. Грязный валлиец с ножом! Чуть не перерезал ей горло! Он был одет в форму стражника. Никто сначала не понял, что происходит, но мы все-таки смогли остановить его в самый последний момент. Королева упала в обморок. Когда она пришла в себя, она не могла говорить, а только издавала один безумный вопль за другим и никак не могла успокоиться.

Хотя я все еще затыкала руками уши, голос Роберта был так громок, что я отчетливо слышала каждое его слово. Он говорил сбивчиво, но все-таки сумел донести свою историю до меня. Вновь и вновь он повторял, что Елизавета в тот день чуть не умерла.

Теперь он стучал в дверь спальни ладонью, а затем чем-то металлическим. «Рукояткой меча», — подумала я.

— Послушай меня, Летти. Ты обнаружила нас вместе, потому что она отослала всех своих камеристок. Она сорвала с себя одежду. Она была сама не своя от страха. Я пытался как-то привести ее в порядок. Я не хотел... не мог... — голос Роберта прервался, его переполняли чувства. — Половина этих стариков вокруг нее решила, что она рехнулась, сошла с ума. Я не мог позволить, чтобы она разгуливала среди них обнаженной...

Я отняла руки от ушей. Правда ли то, что говорит Роберт? Неужели я не так поняла ту сцену, которую видела во дворце? Неужели он действительно хотел защитить Елизавету? Неужели не было похоти, сластолюбия, вожделения? Да, такое возможно, но возможно и то, что Роберт сознательно говорит мне то, что я приму взамен горькой правды. Я заколебалась.

— Впусти меня, Летти.

— Нет.

— Дай мне войти!

Во мне остались только усталость, недоумение. Даже гнев куда-то исчез. Наверное, обида за предательство уступила напору убедительных слов Роберта. На королеву действительно неоднократно совершались покушения. Она была подвержена нервным припадкам — я сама часто была тому свидетельницей. И тогда она прогоняла своих камеристок с криками и ругательствами. И она доверяла Роберту, одному только Роберту, хотела, чтобы он находился с ней рядом, был для нее опорой, оплотом, поддержкой...

Роберт молчал. Он сдался и ушел? Вернется ли он? Я легла на кровать, но сон не шел.

Потом я услышала скрежет металла о металл, голоса каких-то мужчин у моей двери. Возгласы. Крики. Опять звон металла. А потом раздался страшный удар, и тяжелая дубовая дверь слетела с петель. В спальню вбежал Роберт. Я завизжала.

В мгновение ока мой муж оказался рядом с кроватью. Я укрылась шелковой периной, но он схватил меня за плечи, повернул к себе, приблизил к моему лицу свое лицо. Почему он хмурится? Он обеспокоен? В отчаянии? Ненависть застилает ему глаза? Я не знала...

В те мгновения он не был моим мужем. Он был мужчиной во власти сильной и всепоглощающей страсти. Тем, кто только что распорядился снести дверь с петель. А сейчас он удерживал меня с такой силой, что я враз лишилась всей своей воли к сопротивлению.

Я не могла дышать. Я боролась под его тяжестью, но понимала, что это бесполезно. Он был слишком силен для меня, слишком велико было его желание, его чувственность... То, что разбудило когда-то мою страсть и не давало ей потухнуть. И даже теперь, когда я была вне себя от страха, будило мое вожделение.

— Летти, — говорил он, — я не позволю тебе страдать из-за того, что ты думаешь обо мне плохо. Я люблю тебя. Я — твой верный и преданный муж, сегодня и всегда. Ты должна мне верить.

И он склонился надо мной и поцеловал меня таким поцелуем, в котором не было вкуса предательства. Поцелуем, который растянулся на всю долгую ночь, напоенную любовью.

Да, наша любовь выстояла и выжила, но — увы! — надежда наша погибла.

Маленький Денби скончался на следующую ночь в темный час перед самым рассветом, когда свечи оплыли, а птицы начали сонно пересвистываться в кронах деревьев под окном его спальни. Я сжимала руку сына и почувствовала, как она безвольно и безжизненно выскользнула из моих пальцев.

— Вот и конец дому Дадли, — тихо промолвил Роберт. Мы посмотрели друг на друга и больше ничего не сказали.

У меня были мои дети, у Роберта — его побочный сын. Но наш мальчик, желанный и долгожданный, призванный сохранить имя Дадли в веках, передать его следующему поколению, тот, который, по мысли Роберта, должен был жениться на девушке королевской крови, покинул нас навсегда.

Юный барон Денби был похоронен в своих доспехах и упокоился под тяжелой надгробной плитой. Могильный камень имел самую простую надпись: там говорилось об

отпрыске благородной семьи, надежде своих родителей, которой не суждено было сбыться, ибо он угас на четвертом году жизни...

Больше я родить Роберту детей не могла. Даже если бы позволила природа (а она не позволяла), у меня уже не было сил на очередные трудные роды. Муки деторождения для меня канули в прошлое, а в настоящем ожидал лишь скорбный труд печали по маленькой ушедшей тени, по всей нашей прежней жизни.

В самый разгар лета я сидела в саду среди роз, полностью погрузившись в свои мысли, и чувствовала себя страшно одинокой. Меня не развлекали даже перемены в поместье, хотя надзиравший за перестройкой наш новый конюший — молодой и красивый Крис Блаунт — придумал сделать в саду солнечные часы, чтобы меня порадовать и развлечь.

В тот день юный Крис принес мне фиалки, я улыбнулась и поблагодарила его, но как-то вскользь, рассеянно. На душе лежал камень, я словно бы отгородилась от окружающего меня мира, который жил сам по себе. Плиты двора напитались жарой, ящерицы то бойко шныряли по старым каменным стенам, то замирали, купаясь в лучах солнца и полузакрыв глаза, то скрывались в щели. Даже рыбы в пруду и те прятались от жары под широкими листьями кувшинок. Одна я, неподвижная и молчаливая, не искала тени. Я не сошла со своего места и тогда, когда небо подернулось тучами и пошел дождь, наполняя звонкими каплями каменную купальню для птиц. Тут появилась мистрис Клинкерт, принялась, цокая языком, упрекать меня за то, что я столь неосмотрительно позволила дождю испортить мое платье, а солнцу — цвет моего лица, и увела меня в дом.

Я слушала ее упрёки вполуха: меня больше не заботило то, как я выгляжу. Мои рыжевато-каштановые волосы, когда-то пышные и блестящие, теперь потускнели, а розовая кожа, которая до последнего времени поражала всех гладкостью, потеряла свой блеск, покрылась первыми тоненькими морщинками. Доктор Джулио взялся поить меня настоем зверобоя, как лучшим средством от меланхолии и бессонницы (в ту пору я спала отвратительно), но это снадобье оказалось бесполезным, и я вскоре прекратила принимать его. Кроме того, каждый раз принимая лекарство из рук доктора Джулио, я внутренне содрогалась. Слишком много и часто говорилось в свое время при дворе о нем и о тех темных целях, которым служат его знания.

С час я сидела в холле неподвижно, слушая мерный шум дождя, безразличная ко всему. Потом пошла спать и забылась тяжелым сном, в котором меня преследовало ощущение безвозвратной потери. Мне показалось, что ушла какая-то очень важная часть меня, что я теперь — «тело без души». Я когда-то прочла эти слова в одной умной книге и запомнила на всю жизнь.

Впрочем, мелкие домашние дела на время позволяли мне хоть как-то стряхнуть с себя апатию. Нужно было помочь нищим, приходившим к воротам поместья — истощенным, потерявшим последнюю надежду. Они просили хлеба, и я по обычаю пускала их в дом, сажала за стол со слугами, а затем отправляла в дорогу, снабдив корзинами с едой. Моим попечениям был вверен и старый сокольничий из Хемптон-Корта — одного из королевских дворцов, — он жил в одном из наших коттеджей. Кожа старика была тонкой как бумага, голос скрипел и дрожал, он был болен и нуждался в лекарствах. Следовало также вникнуть в юридические тонкости, связанные с будущим браком Пенелопы, и в голове моей всплывали такие слова, как «приданое», «наследство», «вдовья доля» и прочее.

И еще был мой сын — мой юный Роб — рослый, темноглазый красавец, мое дитя Вечерней Звезды. Моя поддержка и опора в тяжкие дни после смерти малыша Денби. Робу исполнилось восемнадцать, он учился в Кембридже и делал успехи, был еще холост и полон

амбиций, как когда-то его отчим. Трудно было поверить в то, что этот талантливый, блестящий юноша — сын скучного Уолтера с его инвентарными ведомостями и сундуками. Роб легко очаровывал и располагал к себе всех вокруг, но, оказавшись дома, всегда находил время для меня: старался составить мне компанию, приносил шаль или книгу (хотя я не могла заставить себя даже читать), следил, чтобы слуги поднесли мне предписанные лекарями напитки и настойки, пытался вовлечь меня в разговор, чтобы я пересилила мучившую меня тоску.

Роб собирался отправиться ко двору, поступить на службу королеве и сделать себе имя. Он был полон честолюбивых замыслов и с удовольствием делился ими со мной. Однако Елизавета так сильно ненавидела меня, что не торопилась приблизить Роба к себе. Он же выказал несвойственные юности терпение и мудрость, рассудив, что чем сильнее испанская угроза, тем больше вероятность того, что королеве вскоре понадобятся его услуги.

Что до моего мужа, то он сознательно боролся с постигшим его горем в одиночку. Он уходил на дальние прогулки, несмотря на больную ногу, сопровождаемый лишь любимой гончей по кличке Мальчик. У Роберта и лицо вытянулось так, что стало напоминать грустную длинную морду гончей. Боли в ноге сильно испортили его характер, и теперь он разговаривал сварливым тоном. Иногда я целыми днями не видела его, а когда мы встречались, то он все чаще заговаривал о том, что ему пора попроситься в отставку с королевской службы.

— С меня хватит, Летти! В моем возрасте и с моими болезнями следует уйти на покой! — заявил он мне как-то утром, когда его пользовал очень дорогой и модный костоправ — месье Эзар из Парижа.

Роберт сидел, откинувшись на скамье, нога его была высоко задрана на подушки, а вздувшаяся покрасневшая стопа оголена. Лекарь наносил на скрюченные от подагры пальцы какую-то не слишком приятно пахнущую мазь.

— И знаешь что еще, Летти? Я страшно устал: нужно ежедневно читать горы писем и донесений, ведь за последнее время число шпионов всех мастей увеличилось во много раз. Надоели постоянные споры с Берли и его сыном-горбуном^[166] в совете, и с твоим отцом, который никогда со мной не соглашается. И еще мне приходится все время успокаивать королеву, развлекать ее, поворачивать дело так, чтобы ей казалось, будто самые лучшие идеи исходят от нее... Я тружусь как раб на галерах, без всякого отдыха, добрых двадцать пять лет, если не больше. Пора и честь знать!

Я молчала и не прерывала мужа, давая ему выговориться.

— Простите, милорд, — сказал меж тем костоправ, — вынужден задать вам вопрос. Когда последний раз ваша хворь на вас напала?

— Я упал с Руан-Таланта, моего ирландского скакуна, и нога моя сразу же распухла так, что я даже сапог на нее не смог натянуть. Это было дней десять-пятнадцать назад, правильно я говорю, Летти?

Я кивнула и добавила:

— Хуже всего мой супруг чувствует себя по ночам. Иногда он даже кричит от боли во сне. И у него начинается жар. И еще он не может... не может облегчиться.

— Облегчиться?

— Ну да, он пытается, но некая телесная жидкость течет из него совсем тоненькой струйкой.

— Черт возьми, Летти, я и сам могу рассказать об этом доктору!

— Простите, милорд, но коль скоро вы не можете облегчиться без помех, то вам потребен хирург...

— Ну уж нет, никаких хирургов! От вас требуется лишь одно — сделать так, чтобы отек на ноге уменьшился. Тогда я смогу без помех надеть сапоги для верховой езды и отправиться в Бакстон^[167]. Тамошние ванны всегда мне помогали.

Костоправ нахмурился и ничего не сказал. Я поняла: он считает, что Роберт слишком легкомысленно относится к своей хвори. Я решилась было заговорить, но потом, как и француз, прикусила язык. Всякие попытки убедить Роберта уделять больше внимания своему здоровью приводили к тому, что он злился и чувствовал себя только хуже.

Лекарь принялся втирать козье сало в покрасневшую стопу, а Роберт от боли подпрыгивал, корчился и ругался.

— Если предпочитаете, милорд, я могу отворить вам кровь. Или поставить пиявок...

— Нет, продолжай то, что начал...

Наконец после получаса Робертовых мучений, стонов и громких протестов месье Эзар закончил свои манипуляции и достал из сумки запечатанный сосуд.

— По чашке каждый день, — проговорил врач. — Мое средство поможет вам, оно уменьшит отек и снимет боль.

— Что входит в его состав?

— Черви, костный мозг из свиных костей, травы и один тайный ингредиент, известный лишь мне одному.

— Не буду я жрать червей! — возмущенно воскликнул Роберт. — Помню, один умник мне уже прописал этих тварей в давленом виде.

— Это снадобье не нужно есть, — вмещалась я. — Это — бальзам. Ты будешь его применять и почувствуешь себя лучше. Обязательно!

Произнося эти слова, я подумала: «А я буду следить за тем, чтобы ты неукоснительно выполнял все предписания лекаря, и, может быть, хоть немного отвлекусь от собственных бед».

С поклоном костоправ вручил Роберту счет за свои услуги.

— Летти! Где мои очки?

Я нашла очки и подала мужу.

— Что такое? Тридцать фунтов за козье сало с червями?

— За мои знания и советы, милорд.

Роберт посмотрел на счет с большим сомнением, но затем согласился его оплатить. Он велел французскому предьявить счет нашему управляющему.

Месье Эзар вновь отвесил поклон и промолвил:

— Как только я получу плату, я вышлю вам мой тайный ингредиент для бальзама!

С этими словами он вышел из комнаты.

— Будь прокляты эти французы! — взревел Роберт. — А также все немцы, бургундцы, валлоны и фламандцы в придачу. А испанцы — будь прокляты трижды!

Роберт переживал тяжелую пору своей жизни. Сейчас я уже не могла бы назвать его лучшим в мире мужем и любовником, другом и оплотом. Теперь я должна была идти на постоянные уступки, сносить высказанные и невысказанные упреки, подстраиваться под смены настроения Роберта. И в мрачные дни после кончины нашего сына я почувствовала, что от меня требуют слишком многого.

Не хочу этого писать, но должна, дабы не погрешить против истины: наверное, мы с

Робертом слишком поздно поженились. Когда мы наконец-то сочетались браком, мы какое-то время были очень счастливы вместе, но затем оказалось, что лучшие годы Роберта уже позади. Королева и Дуглас Шеффилд забрали зрелое вино его любви, а мне достались лишь опивки.

Каюсь, такие мысли все чаще посещали меня, когда Роберт под гнетом лет и болезней становился невыносим. Я всегда любила его, я была предана ему, но все более отчетливо видела рядом с собой того, кто движется к закату своей жизни, и потому себялюбиво жалела, что не имела большего запаса тех лет, когда рядом со мной был сильный, здоровый и бодрый Роберт. Когда умер наш малыш Денби, мне исполнилось всего сорок три года, а Роберт был гораздо старше.

Пищу моим далеким от великодушия и благородства мыслям давали не только хвори Роберта, но и иные изменения, подстерегавшие с возрастом его тело. Красивое лицо моего мужа покрылось морщинами, щеки обвисли. Уголки рта опустились — совсем как у королевы, когда она злилась, роскошная шевелюра стремительно редела. Его кожа, которая раньше была необыкновенно мягкой и нежной, которую хотелось ласкать и гладить до бесконечности, стала сухой и вялой. Живот, хотя и не жирный, теперь выпирал вперед, члены утратили гибкость и мускулистость. Теперь внешне Роберту было не сравниться даже с нашим новым конюшим Крисом Блаунтом, прекрасным, как юный Адонис.

Конечно, эти дурные мысли посещали меня по большей части по причине одолевавших меня уныния и тоски, но я никак не могла от них освободиться. Я просила у Господа подсказать мне путь из той пучины отчаянья, в которой я оказалась, и с течением времени благодаря некоторым событиям мне удалось вернуться к себе прежней.

Постепенно и Роберт восстановил свое душевное равновесие, но наша общая потеря — смерть маленького Денби — глубоко ранила наши души, и эта рана так никогда и не затянулась до конца.

В частности, Роберта вернула к жизни работа над одним замыслом, который был ему очень по душе и над воплощением которого он трудился многие годы.

Когда-то давно в битве при Сен-Кантене, в которой Роберт сражался бок о бок со своими братьями Генри и Амброзом, на его глазах Генри убило ядром. Эта ужасная смерть произвела на моего мужа столь сильное впечатление, что с тех пор его живо волновала судьба старых солдат, особенно тех, кто получил ранения и увечья и больше не мог служить. Эти люди нуждались в уходе и лечении, а поскольку отец Елизаветы распорядился закрыть монастыри с их больницами и домами призрения, то старым воякам деваться было некуда. Посему Роберт решил на свои деньги построить госпиталь для солдат в Уорике ^[168]. Работы шли медленно, ибо у Роберта не было возможности надзирать за ними из-за занятости при дворе. Теперь он пожелал, чтобы строительство было закончено как можно скорее, и к тому времени, как наступила зима, его приказ был исполнен.

Восемьдесят пожилых людей, в том числе и те, кто воевали еще под началом короля Генриха VIII во Франции в 40-х годах нашего века, поселились в Уорике. Они получали уход и лечение из рук искусных докторов и аптекарей. Роберт посвятил госпиталь своему покойному брату, о чем свидетельствовал мемориальный надвратный камень. Надпись на нем гласила:

«Моему любимому брату Генри Дадли, чья доблесть была доказана на поле брани и память о котором будет жить вечно. Пусть те, кто несли службу, получают

заботу по чести и заслугам их».

Я посчитала строительство госпиталя прекрасным начинанием и прямо сказала об этом Роберту. О затратах и расходах я даже не упоминала. Мой муж всю жизнь тратил деньги без счета, сколько бы их у него не было. Для того чтобы воздвигнуть здание госпиталя и обеспечить дальнейшее безбедное существование его обитателей, он занял денег под залог наших земель. Как мы будем возвращать этот долг? Я сомневалась, что мы сможем это сделать, особенно теперь, когда у наших ворот постоянно стояли ростовщики. Хотя каким-то чудом Роберту и его банкирам пока удавалось удовлетворять их требования... Мой муж никогда не говорил со мной о денежных делах, а я научилась не спрашивать.

Когда Роберт заявил, что отправляется в Лондон, дабы присутствовать при казни неудавшегося убийцы королевы, я поняла, что дни скорби для него миновали и он вернулся к жизни.

— Они казнят злодея из Уэльса, — объявил он. — А я намереваюсь быть там и посмотреть на это собственными глазами. Знаешь, Летти, оказывается, Папа Римский самолично пообещал щедро заплатить этому человеку, если он убьет нашу королеву! И еще даровал ему отпущение грехов — в глазах католиков, ясное дело.

«Да свершится правосудие!» — воскликнула я и полностью поддержала его желание отправиться в Лондон. Он сказал, что на казни будут присутствовать все члены Договора об ассоциации — в сборе и во всеоружии. Это будет предостережением для тех тайных католиков, которые еще есть в Англии и надеются свергнуть нашу королеву, запретить англиканскую церковь и посадить на трон католическую кузину Елизаветы, королеву Шотландии Марию Стюарт, в чьих жилах течет кровь Тюдоров.

Роберт уехал с большим отрядом солдат, а я провожала его. Я глядела ему вслед и видела, как дождь заливал дорогу, превращая ее в болото под копытами лошадей. Он должен был вернуться ко двору, несмотря на разговоры об отставке, и я знала это. И потом, когда в его отсутствие в Уонстед прибыл гонец с указом от Елизаветы, назначающим его Главнокомандующим королевскими войсками, противостоящими в голландских провинциях армиям Испании, я знала, что мой муж, конечно же, примет это назначение.

Роберт в самом прекрасном настроении отбывал в Слюйс на борту своего флагмана. Королева запретила мне провожать его, но я этот запрет нарушила: мы с ним в последний раз обнялись и поцеловались на пристани, и он поднялся по сходням на баркас, увозивший его на его корабль «Триумф Альбиона».

Я в изобилии снабдила своего мужа новыми полотняными рубашками и черными шелковыми ночными колпаками, чтобы он не простудил уши в холодную погоду. Была у Роберта и походная ванна, несколько дюжин мягких купальных полотенец и даже зеркало. На борту нашлось место и для нового открытого экипажа, в котором он собирался объезжать войска после победы.

В день отъезда он облачился в цвета Дадли: плащ, камзол и штаны из синего и пурпурного бархата с алым подбоем, на голове лихо сидит высокая черная шляпа с синими и пурпурными перьями, надушенные перчатки отделаны черным шелком и золотом. Как же величественно и внушительно смотрелся он на палубе своего корабля, откуда помахал мне рукой, а цветные стяги гордо реяли на мачте над его головой, и большие судовые кулеврины дали в его честь салют, взорвавший тихий утренний воздух.

Последовали новые приветственные крики зрителей, когда от пристани отчалила барка королевы, которая должна была доставить Ее Величество на «Триумф Альбиона», чтобы Елизавета и лорд Дадли могли вместе проделать первую часть пути вниз по Темзе до Кентербери. Я видела, как он приветствовал свою повелительницу на борту флагмана и вручил подарок: сине-пурпурные подвязки, отделанные золотом. Еще раньше в Уонстедде он показал мне их и заявил:

— Они ей понравятся. Королева обожает подвязки!

Он даже надел одну из них, чтобы померить, и я засмеялась.

Я смотрела вслед Роберту и махала рукой до тех пор, пока корабль не скрылся за поворотом реки, сопровождаемый прочими судами флотилии. Я надеялась, что моему мужу и его людям — пяти тысячам пехотинцев и тысяче всадников — будет сопутствовать удача. А особенно удача нужна была двоим — моему дорогому Робу и Крису, нашему конюшему, который стал другом Роба и отправился в поход вместе с ним.

Оба этих милых моему сердцу мальчишки — а я не могла думать о них иначе, как о мальчишках — выглядели настоящими богатырями, особенно на фоне престарелого Уэффера, который вызвался быть для них слугой и конюхом. Оба были в приподнятом настроении и отправлялись на войну с удовольствием. Они легкомысленно шутили, что живо расправятся с испанцами и вернутся домой через несколько месяцев — еще до того, как их доспехи успеют заржаветь, а грива их коней — отрасти.

Но я не могла разделить их веселье, ибо знала — угроза безопасности Англии слишком велика. Мой отец долгие годы предупреждал, что рано или поздно испанскому вторжению быть, и большинство в совете было с ним согласно. Король Филипп управлял половиной мира. Ему принадлежали огромные территории в Новом Свете, он железной рукой правил в Неаполе, Милане и на Сицилии, большинство нидерландских провинций стонало под властью Испании. После недавнего завоевания Португалии Филипп в одночасье сделался

правителем всех ее обширных колоний, а также получил громадный флот с искусными моряками.

Еще я знала, что до последнего момента наша королева всеми силами старалась избежать войны. Но теперь она передумала. Она решила бросить вызов Филиппу там, где власть его была слабее всего — во Фландрии, жители которой восставали против гнета испанцев при любом удобном случае. Если английские войска смогут на суше поддержать нидерландских повстанцев, то испанскую угрозу от Англии на время удастся отвести.

В течение целого месяца я с нетерпением ждала писем от Роберта, а когда пришло первое из них, прочла его единым духом. Мой муж подробно (и откуда у него взялось время?) расписал радостный прием, который оказывали английским войскам голландские протестанты. В каждом городе, в каждой деревне его приветствовали как самого Спасителя радостными криками и шумными торжествами.

— Спаси нас, добрый лорд Лестер! — выкрикивали простые люди на улицах, и он, растроганный, плакал при этих словах.

Мне думалось, что слезы эти скорее от усталости, а не от прилива чувств. Наверняка мой Роберт слишком много брал на себя, выжимал все силы из своего стареющего тела. Но по-другому он просто не мог.

Затем тон письма сменился с ликующего на мрачный. Роберт писал об ужасном состоянии Испанских Нидерландов, которые некогда были весьма богатыми и преуспевающими провинциями, где поля зеленели круглый год, а гавани были полны судов. Теперь же вместо возделанных полей — пустыри, заросшие сорняками, гавани занесло песком и илом, корабли брошены и гниют у причалов.

«Боюсь, что не смогу спасти добрых нидерландских протестантов, — писал он. — Я пощусь и молюсь вместе с ними, пою с ними псалмы, чтобы показать, что я действительно на их стороне. Но среди них нет единства, они постоянно ссорятся друг с другом. А наша армия остро нуждается в боеприпасах, в продовольствии, во всем...»

Еще он писал, что мой юный Роб прекрасно проявил себя в деле и теперь ему доверили командовать одним из подразделений, что Крис — сильный и смелый воин (но и любитель побузить) и что старый Уэффер необычайно крепок и бодр для своего возраста — он единственный из всех не заболел и никогда не жалуется.

Когда я прочитала письмо Роберта, мне страстно захотелось присоединиться к нему там, во Фландрии, разделить его тяготы и лишения. Но я, конечно же, не решилась на такое. Даже если бы я смогла тайно переправиться на континент, взяв с собой лишь мистрис Клинкерт, мое присутствие подле Роберта сразу стало бы известно шпионам королевы, и у Роберта были бы неприятности. Поэтому я осталась в Уонстеде в ожидании новых вестей от супруга.

Пока я так ждала, в семье моей произошли важные события. Моя прекрасная Пенелопа вышла замуж за наглого, самодовольного лорда Рича — высокого, дородного господина с большими аппетитами, затмившего всех других поклонников, чьи громогласные приказания слугам были слышны в каждом углу нашего особняка на тридцать пять комнат. Он был богат, как и следовало из его имени^[169], но беден в том, что касалось доброты и душевной щедрости. Роберт его не слишком жаловал, но считал, что для своевольной Пенелопы он —

то, что надо, ибо, во-первых, даст ей титул, а во-вторых, сможет держать в узде. Пенелопа не сразу, но все же согласилась выйти за него, и свадьба состоялась. Еще двух лет не прошло, а у них уже родилось двое сыновей, Пенелопа вновь была беременна — и раскаивалась в выборе мужа.

Тем временем в семье должна была состояться еще одна свадьба — в этот раз неожиданная. Моя милая, тихая и нежная Дороти удивила нас всех, ибо твердо вознамерилась выйти замуж за своего давнего поклонника Неда Маджа, моряка без земель, титулов и перспектив получения даже скромного состояния.

Мы знали, что они любят друг друга, но Роберт заявил, что Нед моей дочери — не пара, и запретил им видеться. Дороти больше не упоминала его имени, и мы решили, что их роман закончился. Однако Нед не уехал из графства, а обосновался в соседней деревне, и Дороти продолжала тайно встречаться с ним. Затем в самом разгаре приготовлений к пышной свадьбе Пенелопы Дороти исчезла из дому. Вместе с Недом она отправилась в деревенскую церковь, где их обвенчал местный священник, не убоившийся гнева Роберта.

Смелый и дерзкий поступок Дороти стал для меня полной неожиданностью. Страстная своенравная Пенелопа всегда была возмутительницей спокойствия в семье, но в итоге пошла за лорда Рича в полном соответствии с традицией, а Дороти отмела прочь все правила и установления, выйдя замуж по любви. Ее храбрость уязвила меня — ведь я в свое время вышла замуж за Уолтера Деверё вопреки своему чувству, подчиняясь воле семьи. И лишь много позже я нашла в себе силы и смелость назвать своим мужем того, к кому стремилось мое сердце, да и то лишь потому, что моим избранником стал сам Роберт Дадли со всем его влиянием, властью, отвагой.

Нед Мадж уж точно не был Робертом Дадли, но я знала, что он всегда будет рядом с моей дочерью, будет неустанно заботиться о ней, как бы скромно они не жили, будет ей беззаветно предан. Правильно ли будет сказать, что Дороти сделала тогда лучший выбор? Пожалуй, да, но в тот момент вся семья ополчилась против нее, а меня обвинили в том, что я не препятствовала неравному браку.

Я же, со своей стороны, конечно, была удивлена тем, что произошло, и даже находилась в некотором смятении, но ни в коем случае не гневалась на молодых. Не мне, последовавшей когда-то зову сердца, было их судить. Я лишь молилась о том, чтобы Дороти со временем не пожалела, что стала простой мистрис Мадж, тогда как ее блестящая красавица сестра сделалась леди Рич и живет в богатом поместье. Но Дороти была чужда зависть, а когда они с Недом, придя ко мне, признались в содеянном и попросили моего благословения, и она протянула мне руку со скромным золотым колечком, я поняла: Дороти гордится своим мужем, любит его, и это чувство взаимно.

Эти двое с надеждой смотрели в будущее. Что им грозные пророчества о конце света и падении империй? Сама любовь защищала их от невзгод этого мира надежным щитом, — или мне хотелось в это верить. Пусть она оградит их от тьмы грядущих бед, постепенно окутывавшей нас.

А тьма эта сгущалась. Из Фландрии приходили дурные вести. Роберт писал, что в его войсках участились случаи дезертирства, вызванные голодом и отсутствием теплого обмундирования, между упрямыми протестантскими вождями восстания не прекращались раздоры, затраты нашего королевства на ведение военной кампании превысили все возможные пределы, и людские потери только росли. «Столько солдат пало смертью храбрых, — с горечью написал мой муж. — Сколько прекрасных жизней прервалось.

Неужели они принесены в жертву напрасно?»

Сама земля Фландрии, изрезанная реками и каналами, небеса над ней — все было против англичан. Роберт проклинал постоянный дождь и холод, распутицу, дороги, где лошади утопали по брюхо в грязи, облака, из которых каждый день извергались потоки воды на уже промокших насквозь людей и лошадей. «Проклятые пушки не желают стрелять, Летти, — писал он. — Мы не можем держать порох сухим. Наши доспехи ржавеют прямо на нас, никто не выполняет своих обещаний, кругом — сплошная ложь, измена и предательство!» Какой горечью дышала теперь каждая страница его писем!

Он попросил меня послать ему еще рубашек и шесть пар высоких сапог до бедер, признался с досадой, что его шикарный новый экипаж потонул в трясине под Слюйсом, что его нога распухла и страшно болит, а козий жир, который хоть как-то помогал, кончился (не говоря уже о бальзаме из червей месье Эзара). Но самые черные слова мой муж приберег для Роджера Уилбрэма, поскольку тот, по мнению Роберта, своей продажностью и прямым воровством поставил под угрозу всю нашу фламандскую кампанию. Вместо того чтобы своей должности главного поставщика порта Слюйс и кораблей Ее Величества добросовестно закупать аркебузы и пики, порох и ядра, солонину, рис и масло, «негодяй Уилбрэм», как называл его Роберт, почему зря присваивал казенные деньги. Меж тем еще больше солдат и лошадей заболело и умерло, припасы не поступали, и наш фламандский поход, начинавшийся под звуки фанфар, тонул в болоте, как нелепый щегольской экипаж Роберта. А это означало, что ненавистные испанцы все ближе и ближе к своей цели — завоеванию Англии.

Чашу терпения Роберта переполнила афера с «белым орлом». Так называли селитру, которую добавляли к артиллерийскому пороху. Роберт написал, что негодяй Уилбрэм, по слухам, продал все запасы селитры противнику. «Нашему врагу! — Он дважды подчеркнул эти страшные слова в письме и присовокупил: — Говорят, его сын Себастьян контрабандой ввозит селитру в Англию и прячет в пещере где-то рядом с Фоем^[170]. Туда прибывают испанские корабли, и наши противники для закупки этого самого „белого орла“ входят в тайные сношения с местными католиками, которые жаждут свергнуть Елизавету и посадить вместо нее на трон Марию Стюарт. Ах, Летти, Летти, я окружен изменой и предательством!»

Я едва успела завершить чтение мрачного письма Роберта, когда услышала стук копыт и крики во дворе под моим окном. Я выглянула и увидела, что кого-то вносят в дом. Первой мыслью моей было: неужели это Роберт? Он ранен? Его привезли домой умирать? Я кинулась вниз по лестнице и сразу же поняла, что стонущий человек, которого внесли в зал, — не Роберт.

Сначала я почувствовала огромное облегчение, а потом тревогу. Ноги сами понесли меня вперед, и вот я уже стою у стола и смотрю в смертельно-бледное лицо молодого Криса Блаунта в окровавленной и изодранной рубахе, которого сумели довести до поместья и положили умирать под моей крышей на моих глазах.

Лицо у Криса Блаунта было как у благородного римлянина: орлиный нос, высокий чистый лоб, дивно очерченный рот, а губы — нежные как у ребенка. Он открыл свои ярко-синие, замутненные страданием глаза лишь на третий день после того, как его доставили в Уонстед. Пока еще наш конюший оставался бледен, но мало-помалу его щекам возвращался цвет, а когда он попытался заговорить, то это точно был голос Криса. Голос, который я столько раз слышала раньше, полный почтения и заботы: «Позвольте, я принесу вашу шаль, миледи?» «Я подвину скамейку в тень, чтобы вам было удобно, миледи...»

Я была уверена, что он умрет, но таившаяся в нем несокрушимая сила его молодости, его воля к жизни спасли его. И еще, наверное, он поправился благодаря моей заботе и постоянному уходу, но поняла это я уже позже. Тогда мне было не до отвлеченных мыслей, ибо я нянчилась с ним, как когда-то с маленьким Денби, день и ночь сидела у его кровати, следила за тем, чтобы его ужасная рана навывлет в груди и боку от мушкетной пули, воспаленная и гноящаяся, обрабатывалась бы по всем правилам французским костоправом месье Эзаром. Этот лекарь теперь жил у нас в поместье, дабы пользоваться заболевших домочадцев, если в том возникнет нужда. В таких больших владениях, как наше, всегда есть больные и немощные. Одних слугу нас было более сотни, и мы с Робертом считали себя обязанными заботиться не только о них, но и об их семьях.

Я сидела у постели Криса, глядела на его прекрасное молодое лицо, то и дело меняла прохладную влажную повязку у него на лбу — а Криса терзала жестокая лихорадка — и молилась. Молитвы мои были услышаны, и в тот памятный для меня третий день своего пребывания в Уонстеде Крис в первый раз открыл глаза и произнес несколько слов.

— Негоже вам слишком много возиться с молодым человеком, — язвительно бросила мне мистрис Клинкерт, выбегая с очередным поручением из спальни, в которой на резной широкой дубовой кровати лежал Крис. — И не забывайте, что вы — замужняя дама, хотя супруг ваш сейчас далеко за морем!

Я строго отчитала мистрис Клинкерт за одно лишь предположение о том, что моя забота о Крисе вызвана чем-то большим, чем попечением об одном из заболевших домочадцев. Однако ее слова взволновали меня, и я долгой бессонной ночью задумалась: а что, если она права? Что, если я слишком привязалась к больному? Ничего подобного, уверила я себя, ведь если бы Роберт был дома, он бы только восхитился моей приверженностью добрым делам. Никогда бы он не опустил до упреков или недостойных намеков.

Начиная со следующего дня Крис пошел на поправку и скоро уже был готов болтать с утра до ночи. Мне очень хотелось услышать от него последние новости о муже и сыне, но решив, что воспоминания об ужасах войны никак не способствуют выздоровлению, я попросила его сначала рассказать о себе и своей семье. И он охотно поведал мне, что отец его — безземельный рыцарь, из того самого старинного рода Блаунтов, самой известной представительницей которого стала Бесси Блаунт, любовница короля Генриха VIII. Она даже получила титул «матери сына короля», ибо ее ребенок Генри Фицрой был объявлен наследником трона. Однако юный Генри умер, когда ему не было еще и двадцати лет, после

чего Бесси удалилась в свои поместья и более не появлялась при дворе.

— Мы — те Блаунты, которым не повезло, — с улыбкой сказал мне Крис и добавил, что отец его давно умер, а мать, не имея собственных средств, проживала в Экзетере у дальнего родственника, приютившего ее из милости.

— Так что, как видите, миледи, я не могу похвалиться знаменитыми родителями, — подытожил он.

— Но ты — храбрый солдат, — утешила я, — и ветеран войны.

— Истинная правда, миледи, — просиял Крис. — Ваш супруг лорд Лестер назначил меня главным конюшим всех своих войск после сражения при Гондскоте [\[171\]](#). Мне даже хорошее жалованье положили, и я его, наверное, получу, когда с нами наконец-то рассчитаются. Вообще-то войскам не платили уже несколько месяцев...

Эти последние слова Крис проговорил совсем тихо. Я знала из писем Роберта, что его люди не получают жалованья уже около года, пока тянется эта бесконечная фламандская кампания.

— Вы не подумайте, что я жалуясь, миледи. Но дело в том, что деньги нам не помешают. Армия голодает.

— А Роберт — лорд Лестер, — он очень похудел?

— Простите, что не могу обрадовать вас, миледи, лорд Лестер нынче стал худой как скелет, но бодрости не потерял, хотя делит с нами все наши лишения. Видели бы вы, как он трудился не покладая рук, когда мы помогали голландцам оборонять Слюйс от испанцев. Можно подумать, что он был одновременно в нескольких местах. Мне казалось, он вообще не спал, лично следил, чтобы артиллерию расставили так, как он указал, чтобы вовремя подвезли все припасы и заряды... Лорд Роберт изучил, не побоюсь этого слова, каждый дюйм гавани Слюйса, узнал все о местных приливах, отливах и течениях, о том, где какие мели находятся и как их обходить. Под его началом мы промерили глубины главного канала и всех боковых каналов, обновили фарватеры... Ничто от него не ускользало, ни одна мелочь. Он даже проверял, хорошо ли на нас сидит наше сине-пурпурное обмундирование...

Я попыталась остановить поток слов Криса, слегка дотронувшись до его руки, ибо не хотела, чтобы он слишком утомлял себя. Но стоило моим пальцам коснуться его горячей плоти, как по моим жилам пробежал такой огонь, словно руку мою охватили языки пламени. Я вздрогнула, подалась назад и отделалась принужденной улыбкой.

— Я знаю, что могу гордиться своим супругом, — пробормотала я, — он всегда умел браться за самые трудные дела.

Крис смотрел на меня и молчал. Вдруг я поняла: он тоже почувствовал тот огонь, что вспыхнул меж нами. Теперь он не сводил с меня глаз. Что было в этих глазах? Удивление? Волнение? Страсть?

Я сделала вид, что ничего не произошло, и, встав со своего места рядом с постелью больного, начала просматривать документы на письменном столе.

— Роберт часто пишет мне, — сказала я, стараясь, чтобы голос мой не дрожал, — и в своих письмах жалуется на нечестность полковых казначеев.

Я взглянула на Криса, и он кивнул.

— Ну что ж, — продолжала я. — Тогда придется заняться здесь сбором денег и найти кого-то, кто отвезет их в Слюйс, чтобы хоть частично покрыть долги перед солдатами.

— Не в Слюйс, миледи. Мы оставили Слюйс, как и Антверпен, Зютфен и добрук дюжину других городов, которые мы пытались оборонять.

Я почувствовала, что бледнею. Слюйс сдан, а это значит — все потеряно. Слюйс был ключом ко всей Фландрии, городом, который надо было удержать любой ценой, чтобы отвести испанскую угрозу. Перед отплытием в Слюйс Роберт рассказал мне, что именно в этой гавани смогут сосредоточиться баржи испанского флота, на которые погрузят тысячи солдат, лошадей и пушек. Оттуда под защитой испанских и португальских боевых галеонов, торговых судов, мобилизованных для ведения военных действий, и корсарских шеек армия вторжения пересечет Ла-Манш и высадится на берегах Англии. А сама высадка будет проходить под прикрытием шквального огня кулеврин с испанских военных кораблей. Роберт нарисовал мрачную картину нашего поражения и гибели. А теперь, после падения Слюйса, кажется, ничто уже не могло предотвратить катастрофу.

Крис сразу же заметил, насколько я расстроена.

— Тогда под Слюйсом с «белым орлом» беда получилась, миледи, — заговорил он тихим голосом, словно заговорщик. — Но есть надежда, что, несмотря на наши поражения, мы все же сможем одержать победу.

— Не понимаю тебя...

— И не поймете. Позвольте лучше рассказать вам, как мы потеряли город.

— Ты уверен, что хочешь оживить эти ужасные воспоминания о потерях, смертях, битвах?

Но он только улыбнулся:

— Любой старый солдат обожает болтать о том, как получил свои раны. Даже если этому старому солдату всего тридцать два.

Так вот, значит, сколько ему лет... А я думала, что он намного моложе. Мне было сорок пять, и на мне уже начал сказываться груз прожитых лет. Хотя мне казалось, что я молодею от одного только общения с Крисом...

— Так вот, миледи, «белый орел» — это та самая штука, которую смешивают с порохом для пушек, чтобы этот порох горел.

— Ты хочешь сказать — селитра? — Я знала, что такое селитра, из разговоров Роберта с его офицерами, когда они обсуждали вопросы снабжения войска.

— Мы называем ее «белым орлом», потому что когда ее нагревают, она превращается в белую тучку, которая улетает так, будто у нее крылья выросли. Селитры нам никогда не хватает, а стоит она ого-го сколько! Как говорил лорд Лестер, она для нас на вес золота... Так вот, значит, мы вызнали, что этот негодяй Уилбрэм завладел почти всем запасом «белого орла», который был создан в нашем лагере, как говорится, «на черный день», и собирается продать его испанцам.

— Боже мой! Возможно ли такое?

Я опустила рядом с Крисом и теперь напряженно слушала его рассказ.

— Слушайте дальше, миледи. Мы денно и ночью патрулировали залив и болота вокруг Слюйса несколько месяцев, и нам удавалось удерживать город. Но потом оказалось, что мы потеряли слишком много солдат убитыми, еще больше народу дезертировало, ибо не получало ни жалованья, ни довольствия, и стало ясно, что сдача Слюйса не за горами. Город весь лежал в руинах, и защитников в нем не оставалось, кроме местных бюргеров и валлонских волонтеров. Мы же не могли оборонять всю акваторию гавани, потому что не имели столько кораблей. Кроме того, в городе царил полный беспорядок. Люди метались по улицам и причалам, пытались украсть или припрятать все, что плохо лежит. Когда я оказался там в последний раз, трудно было отличить солдат от горожан. То тут, то там начинались драки, вспыхивало насилие... Ах, миледи, это было ужасно! Потом кто-то заорал «Пожар! Горим!», и мы увидели, как прямо из городской стены взметнулось пламя. Жители обратились в беспорядочное бегство, пытаясь спастись от пожара. В руках они тащили свои пожитки, их дети цеплялись за них и плакали. В общем, как я вам уже сказал, Слюйс мог пасть с минуты на минуту.

Пришла ночь, и тогда лорд Лестер и его офицеры собрались на борту «Триумфа Альбиона». Там же были и мы с Робом. В этот момент кто-то из дозорных дал сигнал, что галиот ^[172] Себастьяна Уилбрэма идет одним из боковых каналов с полной осадкой.

Мы знали, что этот мерзавец Себастьян промышляет контрабандой и постоянно шныряет между Слюйсом и английским берегом. Сперва он прикидывался агентом на службе королевы. Но потом лорд Лестер через своих шпионов выяснил, что Себастьян — грязный предатель, как и его отец. Испанцы платили ему за то, чтобы он похищал наши боеприпасы и отвозил их в тайные бухты на английском берегу, где английские предатели-католики уже ожидали его галиот для разгрузки...

— Чтобы способствовать вторжению, — прервала его я. — Вторжению, которое, по словам Роберта, готовят испанцы.

Крис кивнул.

— Слушайте дальше, миледи. Вот этот самый «белый орел» и был запродан испанцам для перевозки в Англию, и его могла бы использовать наступающая испанская армия.

Лорд Лестер был уверен, что галиот сидит так низко в воде потому, что везет этот драгоценный груз. Он решил пуститься в погоню за Себастьяном и отбить селитру обратно.

Мы старались, как могли, но было темно, шел высокий прилив, болота и отмели залило, и они напоминали кипящий котел. Огромные волны, выше мачт наших кораблей, обрушивались на нас со всех сторон. И вдобавок ко всему пошел проливной дождь. Такой дождь может идти только в этой проклятой Фландрии. Словно разверзаются все хляби небесные...

— Что же вы сделали?

Крис горестно покачал головой, словно сам не верил в то, что пришлось им пережить той ночью.

— Мы наскочили на испанские суда. Мне показалось, что они окружают нас, будто они нас только и ждали. Мы слышали грохот их пушек, хотя я не представляю, как их пушкарки умудрялись стрелять под таким ливнем. Мы постарались на их огонь ответить своим огнем. Ваш отважный Роб лично помогал артиллеристам заряжать кулеврины и наводить их под шквальным огнем испанских корабельных батарей. Просто чудо, что Роб пережил ту ночь! Мимо него ядра и пули так и свистели. Впрочем, как и вокруг всех нас. Шум, дым, дождь — мы все задыхались от пороховой гари. Что до меня, то последнее, что я помню, как я подаю заряд пушкарю, и тут грудь мою как будто бы пронзила раскаленная стрела. Я потерял сознание, а очнулся уже здесь, в Уонстеде.

Крис посмотрел на меня взглядом, полным благодарности и неподдельного восхищения.

— И вы были рядом со мной, миледи.

— Я очень рада, что тебе удалось выжить, — только и нашлась я, что сказать. А потом быстро добавила: — И Роберт будет очень рад увидеть тебя живым, когда вернется. Он уже на пути в Англию. Его призывает королева. Она назначила его на пост Главнокомандующего всеми силами Ее Величества для отражения иностранного вторжения.

— Высокий титул.

— И высокая ответственность. Скоро оборона всей Англии будет в руках моего супруга.

Год Страшного суда начался подобно урагану — с первых шквалов тревожных вестей, слетавшихся с разных концов королевства в столицу и доходивших до нас в самом что ни на есть искаженном виде.

То кто-то клялся и божился, что из Милфорда^[173] сообщили о высадке испанцев. Якобы их смертоносные орудия нацелены на уэльские холмы, а их солдаты уже маршируют в сторону Лондона.

С севера скакали гонцы с вестями о том, что восстал Йорк и католики готовы взять власть в королевстве, хотя их символ и знамя — Мария Стюарт — была к этому времени уже казнена и наше королевство раз и навсегда избавилось от той угрозы, которую несло ее присутствие. Потом прошел слух, что королева мертва, а весь Лондон объят пожаром.

Никто не знал, чему верить. Правда ли то, что королеву убили испанцы? Или ей удалось спастись бегством? А может быть, для всего рода человеческого настали последние дни, как было предсказано много лет назад? Случится ли то, что предрекали астрономы — второе лунное затмение, — редкое явление, которое будет знаком начала конца времен?

В Уонстедде слуги без конца обсуждали слухи и сплетни, услышанные в деревне, а я с каждым новым известием из всех сил пыталась сохранять спокойствие, терпение и здравый смысл. Несмотря на все мои усилия, хозяйство наше разваливалось: десятки наших конюхов, домашних слуг и горничных покинули поместье и пытались найти убежище кто где мог, скрываясь в оторванных от мира деревнях к северу от нас или на дальних холмах. Все как один были напуганы и верили, что чем дальше они окажутся от других людей, и особенно от двора и столицы, тем легче им будет пережить Страшный суд.

Когда в соседней деревне родился уродливый младенец, среди оставшихся слуг разразилась новая волна паники. Ребенок появился на свет с двумя головами и четырьмя руками и ногами. Повитухи в ужасе притащили его в приходскую церковь, откуда прихожане, завидев его, с криками бежали на местное кладбище и там падали на землю в полубморочном состоянии.

— Это знак! — провозгласила мистрис Клинкерт всем, кто еще мог ее слушать, и в глазах ее плескался неприкрытый ужас. — Конец близок!

Но близок, как никогда, был наш извечный враг и неприятель. Между Англией и Испанскими Нидерландами было всего несколько часов плавания, и вот испанцы собрали на континенте большие силы: десятки тысяч солдат можно было погрузить на баржи и переправить через Ла-Манш в одну ночь. Каждое утро в английских городах начиналось со сбора и подготовки народного ополчения, люди покупали мушкеты и мечи, доспехи и порох, и цены на эти товары в одночасье взлетели до небес. Все, у кого было золото, прятали его в ожидании бойни и хаоса.

Я не могла спать в те дни и ночи, полные тревоги. Самый воздух казался густым от пелены страха, отравлявшего все кругом. Никто не смотрел друг другу в глаза. Люди замкнулись в молчании, двигались как в тумане, постоянно оглядывались, ожидая подвоха.

Даже силы природы ополчились на нас, подкрепляя зловещие пророчества. Внезапно

начались ураганы, прошли ливни, а за ними налетели злобные ветры, которые беспощадно обрывали бутоны со всех цветущих растений и деревьев, не давая цветам распускаться. Деревья в садах не давали плодов. Наступит время урожая, подумала я, а собирать будет нечего. Нечем будет наполнить амбары. Но, возможно, урожай собирать будет некому и незачем, ибо время прекратит течение свое и жизнь наша закончится.

Я старалась не уезжать далеко от поместья, так как все еще ухаживала за выздоравливающим Крисом. Вдобавок на меня свалилось много новых забот по ведению хозяйства в доме и управлению полевыми работами. Но когда я все же выезжала, то видела, что дороги были запружены повозками и каретами, людьми, путешествующими пешими и конными. Кто-то с мрачным и решительным лицом неся куда-то во весь опор, как будто бы за ним гнался сам дьявол, а кто-то казался таким брошенным и растерянным, словно не очень понимал, куда же он, собственно, направляется. Целые семьи снимались с места и устремлялись в неизвестность, погрузив весь свой скарб на своих домашних животных и посадив по нескольку ребятишек на рабочих лошадок. Кое-кто из этих странников приходил к нашим воротам, и я делилась с ними тем, чем могла, старалась развеять их страхи, но чувствовала, что мои слова пропадают втуне.

Роберт вернулся из Фландрии за несколько месяцев до этого. Он очень сильно хромал и, как мне показалось, заметно состарился. Он страдал от уязвленной гордости и разочарования, которое лишь слегка подсластил присвоенный ему невиданный титул Главнокомандующего всеми силами Ее Величества для отражения иностранного вторжения. «Звучит неплохо, — жаловался он, — но что стоит за этими словами? И чего они стоят? Ведь всего несколько лет тому назад королева пожаловала Лягушонку — своему французскому жениху Франсуа Алансону — не менее пышный титул: Защитник свобод Нидерландов от испанской тирании. И что с того? Где полномочия, где деньги, где власть?»

Больше всего Роберт страдал от того, что называл предательством Елизаветы. К своему ужасу, он обнаружил, что все то время, пока он сражался во главе своих войск с испанцами во Фландрии, она вела секретные переговоры с врагом за его спиной. Она пыталась остановить войну, а жизни английских солдат стали лишь разменной монетой в тщетных попытках подписать перемирие. Роберт считал, что тем самым жертвы, на которые шли его отважные солдаты и моряки, оказались принесенными впустую. «А для меня это — как острый нож!» — сокрушался Роберт. Мне было ясно, что Елизавета не просто использовала тщеславие Роберта (она и раньше так поступала), но и украла у него ту славу, к которой он стремился, — славу победителя. Она оставила его опустошенным, лишившимся доверия сподвижников, снедаемым самыми мрачными чувствами.

Мне не было нужды напоминать Роберту, что поступки и замыслы нашей королевы недоступны пониманию, ибо строятся на сплетении коварства и тонкого расчета. Переговоры в духе лицемерия и вероломства всегда были ее коньком. Роберт и сам это знал не хуже меня, но когда обнаружил, что он — главнокомандующий ее войсками и верный слуга — оказался не более чем пешкой на шахматной доске великого обмана, это потрясло его до глубины души.

Он обвинял Елизавету, а не собственные промахи, за неудачу всей кампании. Даже сейчас, когда он занимался важнейшим делом — готовился к отражению вторжения основных испанских сил, — его душевные раны так и не затянулись. И он почти не обращал внимания ни на меня, ни на бедственное положение наших поместий, ни на необходимость заботиться о наших ближних и домочадцах.

Роберт получил сложное задание — развернуть штаб королевских сил обороны рядом с Тилбери в устье Темзы к югу от Лондона. Почти всю весну он провел в лагере, надзирая за подходом сил ополчения, их размещением, подвозом запасов оружия и боеприпасов. Помню, как к своему величайшему удивлению он обнаружил на одном из заброшенных складов двести восемьдесят старых больших английских луков, закупленных еще его отцом. Я услышала, как он пробормотал:

— Если бы только эти луки были у меня при Зютфене... Мы могли бы одержать победу и удачно воспользоваться ее плодами.

Я не пыталась разубедить его или отвлечь от этих пустых мыслей и, честно признаюсь, вздохнула с облегчением после его отъезда в Тилбери. Постоянная мрачность Роберта погрузила весь дом в уныние и не помогала мне бороться с то и дело возникавшими трудностями.

Мой брат Фрэнк сражался бок о бок с Робертом во время фламандской кампании в качестве капитана своего собственного галеона «Марианна», купленного на отбитое у испанцев золото. Теперь Роберт возложил на Фрэнка обязанность надзора за береговой обороной, и Фрэнк перед тем, как отбыть для выполнения этой задачи, приехал в Уонстед навестить меня.

Высокий, стройный, очень представительный, с благородной осанкой, темными, чуть тронутыми сединой висками, мой дорогой брат смотрелся настоящим морским волком в высоких чинах. Следует сказать, что Фрэнсис Дрейк пожаловал ему чин контр-адмирала, — честь, которой удостоились немногие. Я необыкновенно гордилась братом и не преминула сообщить ему об этом, когда мы обнялись. Крис, который постоянно был рядом со мной в эти дни, также приветствовал Фрэнка, которого знал по Фландрии. Я заметила, что Фрэнк бросил быстрый взгляд сначала на Криса, а потом на меня. Догадался ли он, что Крис для меня больше чем гость и близкий друг моего сына?

— Заходи и поешь с нами, — сказала я, беря Фрэнка за руку и подводя к длинному дубовому столу. — Ты, наверное, голоден с дороги.

Фрэнк устало опустился на скамью и вздохнул.

— Поездка была очень утомительной, — признал он. — И тарелка домашней стряпни вместе с кружкой твоего лучшего эля будут очень кстати.

Крис вышел под каким-то предлогом, чтобы мы могли поговорить наедине.

— Летти, — начал Фрэнк, — я здесь по просьбе отца. Он в Тилбери и собирает там всю семью. Он думает, что вы все будете в большей безопасности под защитой солдат. Если ты соберешь свои вещи, мы можем уехать, как только я немного заморю червячка.

Я немного подумала и согласилась с ним. Я кликнула мистрис Клинкерт и велела ей собрать маленький сундучок. Тем временем я облачилась в костюм для верховой езды и сапоги.

— Как быть со слугами? — спросила я, когда вернулась в столовую. — С теми, кто остался. Некоторых забрали в ополчение, а еще больше народу просто разбежалось.

— Крис останется здесь, не так ли? Если, конечно, ты сможешь расстаться с ним, — и Фрэнк мне подмигнул.

— Он бы сам был в лагере под Тилбери, если бы не его рана, — сухо ответила я. — Он чуть не умер там, на борту «Триумфа Альбиона», когда Роберт преследовал предателя Уилбрэма. Но ты, наверное, об этом и сам знаешь.

— Я знаю то, что я знаю... — загадочно ответил Фрэнк.

К моему облегчению, он больше не заговаривал о Крисе, а только быстро и жадно ел, торопясь в обратную дорогу. Очень скоро мы сели на лошадей и пустились в путь, окруженные солдатами и моряками, состоявшими под началом Фрэнка. Пока мы ехали, Фрэнк рассказал мне правду об испанском флоте. Все это оказалось для меня откровением, ибо до нашего поместья никакие надежные новости не доходили с того самого момента, как Роберт уехал в лагерь под Тилбери.

— Мы — то есть большая часть сил Дрейка — ждали неприятеля на подходах к Плимуту в Девоне, когда начали поступать сообщения о том, что Великую и Славнейшую Армаду, или Непобедимую Армаду, как называют свой флот сами испанцы, видели с башен Пензанса в Корнуолле, то есть западнее. Но стоило нам двинуться в ту сторону, как предупреждающе запылали огни маяков по всему побережью. Тогда мы подождали, когда корабли неприятеля приблизятся, и пошли на перехват вблизи берега. Они славно бились, надо отдать им должное! Особенно португальцы на своих огромных высокобортных карраках. Когда они подходили вплотную к нашим судам, невзирая на волны, то казалось, что на тебя надвигается целый дом. Эти португальцы — черт их побери — оказались отличными моряками и не сдавались до последнего, сколько бы пробоин мы ни проделывали в бортах их судов своей артиллерией! Все море кругом было заполнено обломками мачт, разбитым в щепы рангоутом, обрывками парусов. Плавало в воде и много тел, но моряки обоих сражавшихся флотов подбирали своих на борт и многие тем спаслись. Большие корабли Армады превосходили наши суда размерами и огневой мощью в ближнем бою, но наши были быстрее, маневреннее, и мы смогли сделать так, что испанцы не смогли встать под ветер. Мы полностью перекрыли им путь к берегу, к которому не могли приблизиться даже их легкие шебеки. Мы гнались за ними на всей протяженности Ла-Манша и вновь сразились у оконечности острова Портленд, а потом — еще раз у острова Уайт. Дрейк на «Мстителе» бился отчаянно, но и моя «Марианна» не отставала и часто шла в авангарде. Я распорядился оснастить ее дальнобойными кулевринами, способными посылать ядра по девятнадцать фунтов весом на палубы кораблей противника, находящихся от нее на расстоянии в тысячу ярдов.

Корабли Армады попытались встать на якорь у французского берега, но мы их упорно преследовали, и под Гравелином ^[174] они попали в ловушку. Знаешь, Летти, это был великий день! Мы потопили достаточно кораблей и могли бы захватить еще много больше, но начался страшный шторм, ветер переменился, и, воспользовавшись им, они ускользнули еще до того, как мы заставили их выброситься на мель. Испанцам повезло! Я повел «Марианну» обратно на юг, как мне и было приказано, но большинство наших кораблей кинулось в погоню за неприятелем на север. Да, в Ла-Манше еще остались вражеские суда, но Непобедимая Армада пострадала очень серьезно, это я тебе точно могу сказать.

Я посмотрела на Фрэнка, и мне захотелось сказать ему еще раз, как сильно я горжусь им, но я знала, что он лишь махнет рукой, скромно отметая мои похвалы. В отличие от Роберта он не искал славы победителя, ему не так важно было признание, как собственное чувство того, что он с честью исполнил свой долг. И не в первый раз я подумала — какой мой брат прекрасный человек! Но я знала, что еще с юношеских лет не оставляет его одна печаль, в какие бы переделки он не попадал и каких бы успехов не достиг. Он был вдовцом, но никогда не любил свою покойную жену. Их союз был браком по расчету. На ее деньги он смог участвовать в морских экспедициях. Но его сердце всегда принадлежало девушке, в честь которой был назван его корабль, — Марианне. Той девушке, которую он потерял

много лет назад.

— Тебя послушать, так вы погнали их как зайцев, — сказала я, возвращаясь к рассказу Фрэнка. — А как насчет сотен барж с тысячами испанских пехотинцев на борту, о которых говорил мне Роберт? Их тоже видели?

— Нет, они не были замечены. Впрочем, даже если высадка состоится, испанцев будет ждать у Тилбери наша сильная армия и они получат достойный отпор. Кстати, перед тем как сопроводить тебя к нашему отцу, — добавил он, — я должен заглянуть на мыс Рандл. Я обещал поговорить с людьми из береговой охраны и передать сведения о том, что они видели, Роберту.

Мы двинулись вдоль берега и через некоторое время достигли скал, образовавших мыс Рандл. Пришлось оставить лошадей и наш эскорт внизу. Фрэнк споро и ловко карабкался вверх, а я поднималась медленно и осторожно.

— Прости, но я должен побыстрее проделать остаток пути, — сказал Фрэнк. — Меня там давно ждут.

Я только кивнула, уже немного жалея о том, что вызвалась составить ему компанию.

Стоял прекрасный августовский день, и солнце сильно припекало, но я решила продолжить подъем на мыс Рандл. Когда я наконец почти добралась до вершины, я остановилась, чтобы бросить взгляд на водный простор подо мною. Порыв ветра подхватил мои юбки и чуть не сорвал чепец с головы, ленты которого я надежно завязала под подбородком. На водной глади появились волны с белыми гребнями — барашки, как мы называли их в детстве, — и было видно, как у самого подножия утеса они разбиваются о камни одна за другой, а брызги высоко взлетают в воздух. Пахло морем. Я вдохнула воздух полной грудью, приветствуя его соленую прохладу, и постаралась поскорее перевести дух.

Взглянув вниз, я увидела небольшой песчаный пляж, а на скальном выступе чуть выше его — что-то вроде хижины, прилепившейся к стене. Перед входом в хижину виднелась одинокая фигура женщины, одетой в черное. Она стояла неподвижно, заслоня ладонью глаза от солнца, и, как и я, всматривалась в морскую даль.

Вновь бросив взгляд на дальний горизонт, я увидела, что на нем появился силуэт корабля. Судно поднималось и опускалось на крутой волне, паруса наполнял ветер. Полотнище одного из парусов было разорвано, и ветер дул сквозь него, раздувая обрывки во все стороны, как сигнальные флажки.

Я услышала крик и поглядела вверх, где Фрэнк стоял вместе с полудюжиной человек из береговой охраны. Все они, как и я, смотрели на корабль. Потом на горизонте возник еще один корабль, поменьше, — он резво догонял первое судно. Раздался грохот корабельной пушки. Был ли это выстрел с одного из кораблей? Я не могла понять, что происходит.

Тут фигура внизу на пляже вновь привлекла мое внимание. Женщина неровным шагом двинулась к краю воды. Мне подумалось, что, возможно, она собирается подать сигнал кораблям. Но зачем? Может быть, она — испанская шпионка? Или она хочет заманить неприятеля на скалы?

Я прищурилась и смогла разглядеть мужчину, опирающегося на леерное ограждение на палубе того из кораблей, который был ближе к мысу. Моряк стоял лицом к берегу. Но потом его скрыл взрыв пены от набежавшей волны.

Меж тем в небе над Ла-Маншем собирались облака. Я посмотрела на горизонт, но других парусов там видно не было. Фрэнк помахал мне рукой, а затем начал осторожно спускаться вниз по крутой тропе к тому месту, где я стояла.

Он совсем задохнулся, когда добрался до меня, но все равно сразу возбужденно заговорил:

— Погляди, это «Бискайя»! Видишь, какой огромный корабль! Я потопил такой же у острова Уайт. А рядом с «Бискайей» — судно поддержки. Смотри внимательно — «Бискайя» идет с очень малой осадкой. Значит, в ее трюмах нет оружия, боеприпасов и продовольствия. А без пороха, ядер и провианта весь флот вынужден будет отступить, чтобы добраться туда, где суда смогут пополнить свои запасы. Мне надо немедленно сообщить об этом Роберту, отцу или королеве.

Фрэнк взял меня за руку, чтобы мне легче было следовать за ним, но в этот самый момент, когда я уже готова была сосредоточить свой взгляд на крутой тропинке, я последний раз поглядела на море у пляжа и увидела, как женщина в черном бросилась в воду.

— Фрэнк! — закричала я. — Там женщина! Она сейчас утонет!

— Какая женщина? — недовольно обернулся ко мне Фрэнк.

— Я наблюдала за нею. Она шла по песку. Я решила, что она, возможно, подает сигналы кораблям. А теперь она бросилась в волны.

— Наверное, какая-то сумасшедшая...

— Нет, Фрэнк, нет... — Я начала спускаться вниз, не разбирая дороги, в сторону пляжа, и из-под моих ног срывались камни. Если Фрэнк не хочет помочь этой женщине, то я помогу.

— Летти! У нас нет времени! Нужно срочно ехать в Тилбери, чтобы сообщить хорошие вести.

Но я продолжала спуск, чуть не сорвавшись в одном месте, а последнюю часть пути наполовину сбежала, наполовину съехала вниз. Мой нетерпеливый брат последовал за мной, но смог догнать меня только у самого подножия утеса, и мы вместе с ним устремились туда, где узкой полоской желтел песок пляжа.

Я оказалась у подножия утеса первая, но ноги мои в сапогах для верховой езды завязли, когда я попыталась подбежать к самому краю воды. Фрэнк хотел возгласами остановить меня, но к этому времени он тоже увидел, как женщина отчаянно борется с набегаящими волнами, стараясь оставаться на плаву. Она была совсем недалеко от нас — в той части бухты, где песок уступал место гальке и камням, но я передвигалась еле-еле, словно во сне. Фрэнк пробежал мимо меня. Теперь он старался докричаться до женщины.

— Эй, там, в воде! Держись!

Все еще неловко ковыляя вперед, я увидела, как Фрэнк достиг берега и по более плотному песку стремительно несется к краю бухты, где женщина боролась с волнами, возя руками по гальке и пытаясь ухватиться за скользкие прибрежные камни.

Фрэнк сбросил камзол и нырнул в воду. Внезапно и брат, и женщина пропали из виду, но потом оба они появились, жадно хватая ртами воздух. Тут на них вновь налетела волна, и я решила, что теперь они точно погибнут.

Я ничего не могла поделать. Я только смотрела. И молилась. Казалось, прошла целая вечность, но вот волна отступила, оставив на гальке две распростертые фигуры. Фрэнку удалось подняться, он схватил женщину за руки и оттащил ее подальше на песок, где до нее волнам было не добраться. Я подошла к ним.

— Она мертва? — спросила я.

Вместо ответа Фрэнк перевернул женщину на спину и посмотрел ей в лицо, осторожно и бережно отодвинув длинные пряди мокрых черных волос, скрывавшие ее черты. Он взгляделся внимательнее, на лице его отразилось величайшее удивление, и он склонился над ней еще ниже.

— Не может быть, — услышала я. — Такого просто не может быть!

Потом уже громче:

— Я в это не верю!

— Она жива? Она дышит? — спросила я.

Но уже задавая вопросы, я видела, что грудь ее вздымается. Тут женщина открыла глаза. Фрэнк опустился рядом с ней на колени, и я последовала за ним.

Она увидела нас, посмотрела на Фрэнка и улыбнулась. Никогда прежде не видела я, чтоб так улыбались. А Фрэнк заключил ее в свои объятия и зарыдал.

Ибо там, на скалистом, продуваемом всеми ветрами берегу он нашел свою утраченную любовь.

Королева въезжала в военный лагерь под Тилбери на своем гордом и прекрасном белом скакуне: голова высоко поднята, с лица, на котором неумолимое время оставило свой след, не сходит радостная улыбка, серебряные кольца кольчуги на тощей груди сверкают на солнце. Войска встретили ее такими громкими приветственными кликами, что их было слышно, наверное, в самом Лондоне, в добрых двадцати милях отсюда. Люди кричали, рукоплескали, свистели, и эти звуки подхватывал ветер с реки.

— Глориана! Глориана!^[175] — несло по рядам войск. — Да здравствует Глориана!

Королева ехала перед строем, а на рыжем парике в такт ее движению сверкали алмазы и качались пурпурные перья плюмажа. Она остановилась, чтобы приветствовать солдат, замерших по стойке смирно, и сопровождала ее только немногочисленная личная охрана из йоменов.

— Вы — мои защитники! — крикнула королева в ответ на приветствия. — Другой охраны мне не нужно! Я в безопасности среди вас!

Воздев серебряное копье, она воскликнула:

— Ответим ударом на удар!

И вновь из десятка тысяч глоток прозвучал ответный рев, пронесся по всему лагерю, вырвался за укрепленные частоколом стены, перекинулся через реку и долетел до толпы на противоположном берегу.

— Только взгляните: она смеется прямо в лицо опасности! — услышала я, как говорит кто-то из мужчин рядом со мною. — Она очень храбрая — наша милая старая королева! Она не спасует перед какими-то жалкими испанцами!

Из шатра, где я стояла, полотнища которого были цветов Роберта — синего и пурпурного, — мне удалось рассмотреть строй солдат, едущую вдоль него королеву, а затем и Роберта на мощном сером жеребце по правую руку от нее, и моего сына Роба, которого королева сделала своим главным конюшим, — по левую руку.

— Великий лорд, граф Лестер! — услышала я, когда Роберт объезжал строй.

Пусть он никогда не пользовался народной любовью, и фламандская кампания не прибавила ему популярности, но именно его выбрала королева в спутники и защитники в эту тревожную для страны пору, и каждый человек в лагере это знал.

Несмотря на груз прожитых лет, на всклокоченную шевелюру и неряшливую бороду, начавшие сесть, на раздутые красные щеки, он по-прежнему олицетворял власть и могущество, ибо был первым человеком королевы. В этот день он сокрыл в самые глубины своей души разочарование и смятение, мучившие его последние месяцы, и отвечал на приветствия солдат с сердечностью и веселой лихостью, словно сбросил с себя часть своих лет. Лишь я одна могла увидеть на его постаревшем лице тень волнений и тревог, но это был прежний галантный и отважный Роберт, и когда конь королевы споткнулся и она чуть не вылетела из седла, а по рядам войск прошел тревожный ропот, именно мой супруг в мгновение ока оказался рядом с нею, подхватил ее под руку и за латный нагрудник и спас королеву от падения.

— Мне не больно! Я не пострадала! — воскликнула королева, улыбаясь. — Милорд главнокомандующий пришел мне на помощь.

Я видела, как мой сын Роб присоединился к рукоплесканиям и возгласам одобрения, встретившим эти слова королевы, и пропустил моего мужа на самое почетное место, хотя Роб был гораздо более ловким наездником, а его скакун, как я точно знала, быстрее коня отчима.

Какими же разными они теперь стали: громоздкий, располневший Роберт и мой сын — стройный и гибкий. Было очевидно, что мой супруг — когда-то самый привлекательный мужчина при дворе — передал пальму первенства молодому Робу, красота которого, впрочем, была совершенно другого рода. Если жгучий брюнет Роберт Дадли поражал женщин своим обликом неотразимого и страстного соблазнителя, то высокое чело Роба, его мечтательные темные глаза и чувственный рот могли бы принадлежать поэту, странствующему рыцарю или даже библейскому пророку. Впрочем, сейчас лицо моего сына не было омрачено тенью тех забот и тревог, которые одолевали Роберта. Моего супруга как главнокомандующего беспокоило все: и малочисленность армии (Роберт ожидал, что в лагерь под Тилбери соберутся сорок-пятьдесят тысяч человек), и недостаток оружия, боеприпасов и провианта, и до сих пор не наведенная до конца переправа из составленных друг с другом лодок, которая должна была соединить форт Тилбери с Грейвзэндом, где, по донесениям шпионов, собирались высадиться испанцы. Ну и, конечно, главные вопросы: как обезопасить королеву? В какой точно день и час появятся у берегов Англии баржи с испанскими солдатами, бряцающими оружием в трюмах?

Когда мы с Фрэнком и Марианной прибыли в лагерь, нас попросили проследовать в самый большой из шатров Роберта. Наш отец распорядился, чтобы вся наша семья укрылась в нем, ибо здесь мы находились под охраной восьмидесяти ветеранов-добровольцев из госпиталя для старых солдат, построенного Робертом. Но Фрэнк решил отправиться в штаб королевы, чтобы передать сведения об испанских кораблях, и взял с собой Марианну, а я напрямик направилась в шатер. Там я обнаружила Пенелопу с ее двумя старшими сыновьями, Дороти с дочкой, мою сестру Сесилию, которая, к моему несказанному изумлению, обняла меня и поцеловала. У входа в шатер стоял на страже Уэффер. Он поклонился мне, пропуская внутрь, и тут навстречу мне вышел мой отец — почти полностью облысевший, сутулый и выглядящий старше своих семидесяти четырех лет. Мы обнялись, и я почувствовала, как он сильно похудел, усох.

— Я должен быть там, с солдатами, исполнять приказы твоего мужа, — проговорил он тихим расстроенным голосом. — Я все еще достаточно крепок, чтобы взять мушкет на плечо, а на счету каждый человек. Но офицеры отослали меня обратно. Они сказали, что я буду только путаться под ногами, когда начнется сражение. Но я могу делать еще что-то полезное, например подносить воду раненым. Надеюсь, это мне разрешат.

Я узнала, что муж Пенелопы лорд Рич собрал в своих поместьях и вооружил двести ополченцев и сейчас обучается вместе с ними ратной науке здесь, в лагере. Все они должны были стать копейщиками, или, как теперь их называли на французский лад, пикинерами. Нед, муж Дороти, помогал наводить переправу из лодок... А Сесилия, несмотря на то, что оставалась такой же «толстухой», как когда-то называл ее Уолтер, вызвалась быть вестовой, ибо как никто умела сидеть в седле. Теперь она развозила приказы по всему лагерю.

— А что будешь делать ты, Летти? — спросила она меня.

— Достаточно того, что она здесь, дабы поддержать своих храбрецов: мужа и сына, —

резко ответил отец, и мне пришлось сдерживать улыбку, так как никогда раньше я не слышала, чтобы он защищал меня от нападков столь обожаемой им Сесилии. Похоже, я наконец-то завоевала его одобрение.

Под Тилбери стекались ополченцы, и каждый день королева, которая остановилась в поместье неподалеку, приезжала в лагерь, чтобы поприветствовать солдат и поднять их боевой дух. Мы вновь услышали «Ответим ударом на удар!» и полюбовались, как она дает шенкеля своему белому мерину.

На третий день в лагерь привели оборванного грязного человека в цепях и поставили перед Робертом и королевой. Когда он проходил перед строем, звеня цепями, которыми были скованы его запястья и лодыжки, солдаты плевали на него, делали еще кое-что похуже и орали «Предатель!», «Иуда!», «Мерзавец!». Они толкали его так, что он падал на землю, а когда он в очередной раз поднялся, я смогла лучше разглядеть его залитое кровью лицо, взглянуть в остекленевшие от ужаса глаза. Это был Роджер Уилбрэм!

— Мы взяли его, когда он пытался продать «белого орла» какому-то рыбаку в Грейвзэнде, — прошептал мне на ухо Фрэнк. — Испанские покупатели так и не объявились, вот он и решил найти других. Он будет повешен на рассвете.

Сесилия выбежала из шатра, набросилась на своего бывшего мужа и принялась стегать его стеклом.

— Остановись! — крикнула Елизавета моей сестре. — Пусть этот негодяй проследует дальше перед строем. Очень скоро он лишится головы.

Сесилия подчинилась с большой неохотой, но прежде успела послать Уилбрэму проклятье и дать ему хорошего пинка, и только после этого ретировалась обратно в шатер.

— Мои добрые солдаты, мои верные подданные! — Голос Елизаветы зазвенел над толпой, хотя в нем уже чувствовалась легкая хрипотца после стольких дней предельного напряжения ее голосовых связок. — Может быть, вы удивлены, почему я здесь, среди вас, вместо того, чтобы искать защиты за надежными толстыми стенами какого-нибудь замка подальше от побережья.

Королева высоко вздернула подбородок и продолжала:

— Знайте, я здесь только по одной причине! Все должны видеть, что не только англичане, но и англичанки не собираются сдаваться перед лицом опасности, и даже не помышляют спастись бегством. И я себя чувствую в полной безопасности, под самой надежной в мире охраной здесь, в этом самом месте, куда приводят предателей на казнь и куда добрые люди моего королевства приходят по доброй воле, дабы защитить свою землю!

Когда крики и рукоплескания, которыми были встречены ее слова, смолкли, она продолжала:

— Только что мои храбрые моряки донесли мне, что испанский флот на краю гибели. Море стало могилой для многих кораблей Великой Армады. А те, что на плаву, получили пробоины, на них нет пороха и ядер, они потеряли паруса и такелаж, палубы их завалены обломками мачт, матросы и офицеры погибли. Испанцы бегут на север в надежде найти безопасную гавань. Они более не угрожают нам.

Высоко встав на стремянах и вытянувшись в струну, Елизавета прокричала так громко, насколько хватало сил:

— ГОСПОДЬ В НЕИЗРЕЧЕННОЙ МИЛОСТИ СВОЕЙ СОКРУШИЛ ВРАГОВ НАШИХ!

Последовавший за этим рев тысяч глоток был как удар грома такой силы, что мне пришлось заткнуть уши и зажмурить глаза, чтобы выдержать его.

— И хотя мы должны оставаться бдительными, — продолжала Елизавета, и ее маленькие глазки загорались по мере того, как она говорила, — и уповать на дальнейшую помощь Господа Нашего, я приняла решение и не отступлю от него! Что бы ни ждало нас впереди, моя судьба — жить или умереть здесь, среди вас, мои добрые англичане! И даже если я паду во прах, то отдам Господу нашему, моей стране, моему народу всю честь, которую имею, и всю кровь мою до самой последней капли!

В эту минуту я готова была простить королеве ее коварство и обманы, ревность и вздорность, себялюбие и тщеславие, отвратительную потребность манипулировать людьми и мучить их, ибо она была тогда — сама Англия! И я закричала со всеми, одобряя каждое ее слово, и хлопала до тех пор, пока ладони у меня не заболели, а потом мы все обнялись: Пенелопа и Дороти, мой старый плачущий отец, Фрэнк и Марианна, и вознесли благодарственные молитвы за наше чудесное спасение.

И хотя я своими глазами видела испанские галеоны, угрожающие нам, я больше не боялась.

— Пусть явятся сюда, — говорил Фрэнк, — пусть только попробуют! Мы стеной встанем вместе с нашей королевой и как один умрем, но не позволим им отнять у нас нашу Англию!

Ах, Роберт, Роберт, Роберт!

Слишком много взял на себя мой любимый, надзираая за гигантским военным лагерем без перерыва и отдыха, слишком большая ответственность легла на его плечи, постоянные заботы и тревоги вконец изнурили его. Он упал без чувств на руки Роба, когда мой сын пытался посадить его в седло. В тот день Роберт, как и всегда, собирался объехать лагерь, несмотря на боли в распухшей ноге. Роб, Крис и Уэффер отнесли моего мужа в шатер, а оттуда его повезли домой, в Уонстед.

Трое лекарей уже ждали своего пациента и с ними костоправ месье Эзар. Роберта уложили в постель в нашей просторной спальне, одели в узорчатый халат из мягкого бархата, закрыли окна, чтобы первые осенние ветры не простудили больного.

Роберт был плох. Я видела это по выражению лиц врачей, по тому, как французский костоправ, которому я теперь доверяла как другу, бережно взял меня за руку и прямо сказал: — Молитесь, леди Лестер, а я присоединю свои молитвы к вашим.

Я надушила простыни, на которых лежал Роберт, гвоздикой и лимоном, разбросала у его подушки лаванду, чтобы дать покой его снам. Длинное лицо Роберта еще больше осунулось, глаза запали. Я увидела, как он жадно облизнул губы, и помогла ему напиться, но губы его оставались сухими и растрескавшимися, и ему трудно было глотать.

Его первыми словами, обращенными ко мне, были:

— Почему королева не приехала?

К тому времени он находился в Уонстеде уже три долгих дня. Три дня медленного угасания.

— Я уверена, она приедет, если будет нужна тебе, — обнадежила его я.

Сухие и растрескавшиеся губы Роберта чуть дрогнули в улыбке. Я наклонилась ниже, чтобы услышать его тихий голос, прошептавший:

— Что значит «если»?

Он замолчал, а я сидела рядом с ним, держа его худую прохладную влажную руку. Он смотрел на меня с той же призрачной улыбкой, игравшей в уголках его рта. Потом он заговорил вновь, тихо и неразборчиво, но я его поняла:

— Смерть пришла к правителю, и правитель сказал: «Отрубите ей голову!» Смерть пришла к юной деве, и прелестница пригласила ее в свою спальню. Смерть пришла к поэту, и поэт сказал: «Я долго ждал тебя, как старого верного друга!» И тогда Смерть пришла к философу, который лишь кивнул ей, но ничего не сказал. И тогда Смерть промолвила: «Я пришла к тебе, мой хозяин, чтобы ты научил меня».

Роберт дотронулся до моей руки:

— Помоги мне быть философом, Летти. Я прошу только одного — будь со мной, когда врата откроются и я войду в них, покинув эту брентную страдающую оболочку.

Я заплакала и кивнула.

Роберт проспал много часов, а затем внезапно проснулся.

— Ты знаешь, что у него подагра, как и у меня?

— У кого?

— У короля Филиппа, у кого же еще? И, надеюсь, он страдает больше меня.

Он рассмеялся, откинулся на подушки и вновь провалился в сон.

На четвертый день Роберт ворочался во сне, вскрикивал, временами бредил. Вновь и вновь бормотал «белый орел», толковал о втором лунном затмении, прогнал лекарей, которые хотели сделать ему кровопускание. Он просто выбил у них из рук чаши для сбора крови, когда они пытались отворить ему вены.

Крис поддерживал меня все эти долгие часы, как и мои дети, за которыми тотчас послали. Отправили гонца и к побочному сыну Роберта, но он не ответил и не приехал.

Один за другим в спальню проститься с хозяином входили наши слуги, многие плакали и не стеснялись своих слез. Они преклоняли колени у постели Роберта, а он простирал над ними руку, словно благословляя. Церемониймейстер, альмонарий, управляющий, духовник, грумы и горничные, конюхи и посудомойки, — все пришли сказать хотя бы несколько слов великому лорду Дадли, на которого они всю жизнь смотрели со смесью благоговения и страха. И вот в конце этой славной жизни единственное, на что у него хватало сил, так это протянуть руку над их головами. Через некоторое время я отослала всех из опочивальни, чтобы Роберт мог отдохнуть. Многие, уходя, шептали мне слова утешения. Я поблагодарила каждого, хотя, как и Роберт, устала и хотела спать. А ночь все не кончалась. Через каждые несколько часов Роберт просыпался и бормотал: «Где она? Почему ее здесь нет?» Не было нужды говорить ему, что я здесь, рядом с ним, потому что не меня он ждал, а ее — свою королеву.

Однажды в бреду он воскликнул:

— Лошади, Летти! Лошади! Дивные скакуны! Испанцы их всех отправили за борт! Они утопили своих прекрасных коней!

Сильные рыдания сотрясли его истощенное тело. А потом раздалось:

— Мои любимые кони! Мой Джентльмен Гнедой, Хурма, Руан-Галант, Великий Савоец, мои ирландские скакуны. Какой галоп, какая рысь...

Я распорядилась привести Мальчика. Пес совсем постарел и еле ходил. Мы положили его на постель рядом с хозяином. Роберт протянул руку, погладил старого пса по голове и улыбнулся. Чуть позже он дотронулся до моей руки.

— Я поправлюсь, Летти, — сказал он убежденно, а затем вдруг забеспокоился: — Кажется, я слышал, как она подъехала.

И тогда я солгала ему, да простит меня Господь, ибо знала, что иначе не будет ему покоя:

— Ты услышал ее карету, любимый. Она была здесь. Мы пытались тебя разбудить, но ты очень крепко спал. Она не могла оставаться и велела передать, что она тебя очень сильно любит. И всегда любила.

Услыхав эти слова, Роберт кивнул, откинулся на подушки и вздохнул:

— Врата... — прошептал он, — последние врата, они открываются...

На краткий миг его усталые глаза вспыхнули прежним блеском. Он погладил старого пса по голове, посмотрел на меня, но тут свет в его глазах померк, он сделал свой последний вздох и тихо оставил нас.

Я склонила голову и прошептала:

— Любимый мой, ненаглядный, единственный...

Ах, Роберт, Роберт, Роберт!

Почти год прошел со дня смерти Роберта, и я вышла замуж за Криса. В тот день было двойное венчание — вместе с нами пошли к алтарю Фрэнк с Марианной. Наши родственники и слуги собрались, чтобы послушать, как мы обмениваемся клятвами, а затем вволю потанцевать, съесть свадебный пирог, поднять бокалы и пожелать нам счастья.

Церемония прошла в домовая церкви Уонстеда и была совсем простой. С одной стороны, мы не стремились к показухе. С другой стороны, мы просто не могли позволить себе пышной свадьбы со множеством гостей. Роберт не оставил мне ничего, кроме долгов, а Фрэнк, который когда-то сколотил состояние на краденом испанском золоте, потратил почти все свое богатство на корабли, пушки и на выплату жалованья солдатам в год Великой Армады.

Тихая, скромная свадьба позволила также избежать ненужной огласки. Мне вовсе не хотелось привлекать внимание к тому, что я выхожу замуж за Криса. Пошли гадкие слухи — поговаривали, что их начала распускать королева — обо мне и моем новом молодом муже. Да, Крис был младше меня на много лет и выглядел даже моложе своего истинного возраста. У него было прекрасное сильное мускулистое тело, красивое лицо, не изборожденное морщинами, он излучал бодрость и здоровье. Злые языки судачили, что мы с ним были любовниками еще при жизни Роберта, что мы сошлись, когда Роберт был во Фландрии, а по возвращении мужа я отравила его, чтобы выйти замуж за Криса. Один из слуг Роберта поклялся, будто видел, как я поднесла Роберту чашу с вином, отравленным крысиным ядом, и когда я услышала об этом (конечно же, обвинение это выдуманно от начала и до конца), я не могла не вспомнить ужасные слухи, возникшие после смерти Эми Дадли.

Был и еще один слух, который, должна признаться, имел под собой почву. Говорили, что я вышла за Криса из-за его наследства. Наверное, я бы и так сочеталась с ним браком, не знаю...

Но как я уже сказала, Роберт оставил меня в долгах — и это еще мягко сказано. Долги эти были огромны, погасить их было совершенно невозможно. И вдруг оказалось, что дядя Криса Тимоти умер вслед за Робертом и оставил Крису свое состояние.

Никто этого не ожидал, а уж тем более сам Крис, чье происхождение было благородным, но доходы — более чем скромными. Дядя Тимоти вдрызг разругался со своим единственным сыном и вскоре после этого скончался. Но до этого успел переписать завещание, в котором лишил сына наследства и все оставлял Крису. Для меня это был знак судьбы: Крис твердил, что любит меня, но не смеет сделать мне предложение. Он часто говорил, что у него ничего нет, что бы он мог мне дать, кроме своего сердца, — красивые слова и — увы! — абсолютно правдивые. Но когда я столкнулась с денежными трудностями, а он превратился в довольно состоятельного джентльмена, брак оказался возможным. Честно говоря, для меня он стал просто спасением, потому что я отчаянно нуждалась, и беды мои множились с каждым днем.

Мы едва успели похоронить Роберта, как Роберт Сесил, новый молодой личный секретарь Елизаветы и сын ее достопочтенного советника лорда Берли, въехал во двор Уонстеда в сопровождении нескольких десятков дюжих молодых людей и вереницы повозок.

После того как его впустили в дом — а не впустить его я не могла, ибо он был чиновником на службе Ее Величества, — он начал давать указания работникам выносить мебель и другие предметы убранства нашего дома.

— Что вы такое творите? — воскликнула я.

Сесил продолжал разграбление моего дома как ни в чем не бывало и лишь процедил сквозь зубы:

— Лорд Лестер задолжал Ее Величеству двадцать пять тысяч фунтов. Все имущество, находящееся в этом доме, будет продано, чтобы возместить часть этого долга.

— Но мой муж оставил этот дом мне.

— Вполне возможно. Но королева, или лучше сказать, государственное казначейство, конфискует его содержимое. Если этого окажется мало, то оно может конфисковать также сам дом и земли.

Я не смогла даже убедить Сесила повременить и с горечью наблюдала, как выносят одну за другой мои любимые шпалеры, занавеси и экраны, как утаскивают столы и стулья, как даже блюда и тарелки упаковываются и сгружаются на повозки, ожидающие во дворе. Я не выдержала и закричала, что королева бессердечна, что она отказала своему верному слуге в последнем утешении и не удосужилась повидать его или хотя бы прислать слово поддержки, когда он лежал на смертном одре.

— Она была слишком занята государственными делами, — последовал краткий ответ Сесила.

С этими словами он подхватил маленький, изящный столик, инкрустированный ценными породами дерева, который я особенно любила, и сунул его в руки одному из работников. Это действие далось Сесилу тяжело, так как был он малого роста — почти карлик, — слаб и горбат.

— Роберт служил королеве всю свою жизнь. Он достоин лучшего, — настаивала я.

Сесил задрал свою маленькую головку, нагло уставился на меня и произнес:

— Он получил достаточное вознаграждение за свои... эээ... услуги.

Узкие губы Сесила сложились в грязную ухмылку, и в глазах его не было ни пощады, ни жалости. Его оскорбительный намек привел меня в бешенство.

— Я обязательно доведу до сведения своего отца то, чем вы здесь занимаетесь сегодня, — решительно заявила я. — Он не потерпит такого обращения со мною.

— Ваш отец, — отпарировал Сесил, восстанавливая дыхание после того, как помогал свернуть роскошный турецкий ковер, — был среди тех членов совета, которые проголосовали за взыскание из имущества покойного лорда Лестера его долгов короне.

Ковер унесли, Сесил поплевал на руки и вытер их о штаны.

— Видимо, вы не знаете, насколько сейчас истощена казна Англии.

— Или как жадны и ненасытны советники королевы, — тут же последовал мой ответ.

Для того чтобы вывезти все имущество из Уонстеда, потребовалось целых два дня, но и после этого я нашла где преклонить голову и из чего есть и пить. Сесилия прислала мне кое-что из мебели, посуду и белье из своего собственного дома, который у нее был полная чаша, а мои слуги, трогательно заботившиеся обо мне в те печальные дни после кончины Роберта, приносили свои собственные вещи, иногда весьма скромные, чтобы я ни в чем не ведала нужды, пока этот пустой дом, в котором теперь эхом отдавались шаги, не станет более пригодным для проживания.

Меж тем оказалось, что аппетиты королевы не удовлетворились Уонстедом. Она

потребовала конфискации вещей из великолепного лондонского дома Роберта, прибрала к рукам изумительные предметы обстановки Кенилворта (сам замок Роберт по завещанию отказал своему брату Амброзу, который был очень болен). Она забрала великолепных скакунов из наших конюшен и домашний скот, который пасся на наших пастбищах. Вместо того чтобы оплакать кончину Роберта и почтить его память, она пыталась взять себе все, чем он когда-либо владел. Видимо, она считала, что у меня не должно остаться ничего, кроме надгробья с именем Роберта и воспоминаний о его любви.

В конце концов мне ничего не оставалось, как уступить, ибо узаконенный грабеж со стороны казны оказался далеко не единственным бедствием, с которым я столкнулась как вдова Роберта. Его огромные долги привели к судебным тяжбам, искам кредиторов, ссорам с людьми, которые вдруг принялись утверждать, что Роберт их обманул. Крис поддержал меня, ему помогали Фрэнк и Роб, я наняла адвокатов для защиты от этих исков в суде, а когда мы проиграли почти все тяжбы, осталось богатое наследство Криса. Из него мы заплатили самые насущные долги и заткнули рот тем, кто преследовал меня.

И еще подле меня была Марианна, моя замечательная новая невестка. Она была само милосердие и добросердечие, но при этом надежна и тверда как гранит, она поддерживала меня во всем, как будто была мне кровной родней.

Чудесная встреча Фрэнка и Марианны после стольких лет еще раз уверила меня в неисповедимости путей Господних. Ведь спустя десятилетия после того, как Фрэнк потерял Марианну, и, как ему думалось, навсегда, он увидел ее именно тогда, когда ее нужно было спасти, и — спас. Невероятное совпадение! Хотя, если вдуматься, неожиданное получение Крисом наследства и то, что он предложил мне руку и сердце — разве это не явления одного порядка? В те дни было много разговоров о том, что сам Господь защитил наш остров от испанской угрозы. И я подумала — да, Господь был щедр — он протянул свою милостивую длань не только всему народу нашей страны, но и мне, и Фрэнку. И конечно же, Марианне.

Моя невестка не была больше той хрупкой, очаровательной девушкой, которую Фрэнк знал и любил в юности. Сейчас, когда ей уже было сорок с лишним лет, она сохранила девичью стройность, но стала сильна и вынослива и легко могла пройти несколько миль быстрым шагом, не ведая усталости. Ее черные волосы посеребрила седина, как и у Фрэнка. Теперь она смотрела на мир не доверчивым и невинным взглядом дочери проповедника, но глазами женщины, много повидавшей в жизни, перенесшей годы лишений, бедности и невзгод.

Когда она и Фрэнк впервые встретились и полюбили друг друга, она жила со своей семьей в брошенном на берегу острове старого корабля. Потом корабль смыло в бурю и вся семья, как думал Фрэнк, погибла.

— Но нас не было внутри, когда началась буря, — рассказала мне как-то Марианна, сидя в моей спальне в Уонстедде, когда теплое осеннее солнце заливало комнату через высокие окна. — Мы нашли приют в старом крестьянском доме с протекающей кровлей. Как же мы радовались! Дом был брошенный, никто не собирался выкинуть нас оттуда, вот мы и остались. Отец мой был очень болен и больше не мог проповедовать. Мама, сестра и я посадили овощи и выращивали цыплят. Жили мы очень скромно, но не голодали.

Она опустила глаза, и тень пробежала по ее лицу:

— Но все равно, времена были тяжелые. Один из моих младших братьев подхватил лихорадку и умер. Мой старший брат ушел в море и больше к нам не вернулся. Я мечтала вновь увидеть Фрэнка, но этого не произошло. И тогда я вышла замуж, хотя в глубине души я

знала, что люблю Фрэнка и никого другого. Спустя некоторое время выяснилось, что мой муж уже женат и обладает нравом жестоким и злобным.

— У тебя были дети? — спросила я.

Марианна не ответила сразу, а потому тихо проговорила:

— У меня родился мальчик. Он прожил всего только несколько дней. Мой муж...

Я предостерегающе подняла руку:

— Нет, Марианна. Я ничего не хочу об этом знать.

Она кивнула:

— Да, ты права, не стоит говорить об этом.

— Моя дорогая, моя милая Марианна, мне так жаль, — только и смогла сказать я.

Несмотря на все, что ей пришлось перенести, Марианна держалась с большим достоинством, и голос ее оставался тверд, когда она продолжила свой рассказ.

— И еще кое в чем хочу тебе признаться, Летиция, — проговорила она. — Когда ты увидела меня в той бухте у мыса Рандл, я жила совсем одна, я скрывалась, боясь, что мой мстительный муж до меня доберется. У меня не осталось никого из родных, я не знала, куда податься, что делать. Все вокруг только и твердили о том, что наступает конец света. И когда я увидела испанские корабли, то решила, что сейчас испанцы высадятся на берег и всех нас убьют. Я была в отчаянье...

— И ты решила утопиться, потому и бросилась в море?

Она кивнула. Я протянула ей руку, и она, улыбнувшись, приняла ее.

— Но конец света не наступил, испанцы убрались прочь, а мы с тобой стали сестрами. Разве это не удивительно?

— Мама! Мама! Ты где? Мне нужно с тобой поговорить! — прозвучал громкий, властный голос Роба.

Этот голос поднимал солдат по тревоге, заставлял подчиняться и выполнять приказы не только слуг, но и знатных особ. Сейчас моему сыну было уже двадцать шесть, и он стал мужем (женившись на бесцветной дочке Фрэнсиса Уолсингема^[176] вскоре после нашей с Крисом свадьбы) и отцом. Из юноши он превратился в зрелого, крепкого мужчину, знающего себе цену и умеющего повелевать.

— В чем дело, мой дорогой?

Я невольно залюбовалась им, когда он быстро вошел в комнату и остановился рядом со мной. Какой же он высокий, статный, широкоплечий! На его красивом лице светилась озорная ухмылка. Чему он смеется? Я знала, что Роб не чужд разгульного образа жизни. Нередко они вдвоем с Крисом отправляются на поиски тех развлечений и удовольствий, которым так привержены здоровые молодые люди, не обремененные строгой моралью. Будь я помоложе, меня бы это уязвляло. Но теперь я сочла за лучшее закрывать глаза на поведение моего мужа и сына, не сомневаясь в их любви ко мне и преданности. В чем я сомневалась, так это в их умении прислушиваться к голосу разума — и временами прямо им об этом говорила.

— Так вот ты где, мама! — воскликнул Роб.

Несмотря на буйный нрав и вольные манеры, Роб был неотразим. Людей к нему тянуло как магнитом — и мужчин, и женщин. В любом обществе он становился центром притяжения, возмутителем спокойствия. Владелец сильной воли и независимого нрава, чуждого мелочных ограничений, он был как поток свежего воздуха, как порыв ветра в затхлой атмосфере королевского двора. Нынче, на закате века, королева и ее престарелые советники — молодым был только Роберт Сесил — воспринимались как символы прошедшей эпохи. По рассказам Роба, те, кто прибывал ко двору Елизаветы, в основном восхищались тщательно сохраняемыми реликвиями раннего периода ее правления: ее старомодными туалетами и причудливыми головными уборами, вызывавшими тайный смех любой молодой женщины, первым тронном, на котором она восседала, — совсем простым по сравнению с тем, который сегодня стоял в ее тронном зале. Нынешнее золоченое сооружение, обитое мягчайшим коричневым бархатом, с украшающими его алмазами и сапфирами, огромными жемчужинами и изумрудами, переливающимися в свете свечей, еще более поражало воображение.

Теперь все чаще и чаще Елизавета в глазах людей олицетворяла прошлое, а Роб — будущее. Но эти двое — такие разные — вдруг стали закадычными приятелями, ибо королева ввела Роба в свой ближний круг, в котором всячески выделяла его как своего любимого спутника и первого фаворита. Она выбирала его партнером для игры в карты, опиралась на его сильную руку, когда выходила к своим подданным. Иногда она даже интересовалась его мнением по тому или иному вопросу, хотя в Тайном совете Роб никогда не занимал важного места, что его очень злило.

Вообще-то, Роба в королеве злило и раздражало многое, несмотря на то, что она осыпала его все новыми и новыми милостями и все больше приближала к себе. В конце концов, она была старой женщиной, нетерпеливой и временами вздорной, а Роб, которого она называла «мой Дикий Конь», упивался своей молодостью и независимостью, его тяготили те ограничения, которые налагала на него Елизавета. Отношения между ними были очень близкими, но их портила постоянная напряженность и непредсказуемость их развития.

— Как я рад тебя видеть, мама!

Роб расцеловал меня в обе щеки. Я почувствовала сильный запах мускуса и пота. Лицо Роба покраснелось после быстрой скачки. Я приказала, чтобы ему принесли кружку легкого пива, и спросила, не желает ли он сесть с нами за стол.

— Нет, мама, я приехал не за угощением, а с намерением серьезно поговорить с тобой. Речь пойдет о тебе и о королеве.

— Ты прекрасно знаешь, что королева не желает меня видеть.

Роб только нетерпеливо махнул рукой.

— Я намерен вернуть тебя ко двору! Ты должна вновь занять там достойное место.

— Королева ни за что не согласится.

— Ну и что? Она стара и своенравна. Она никогда ни на что сразу не соглашается. Нужно ее уговорить, улестить — или заставить... Как говорится, не мытьем, так катаньем!

Слова сына удивили и обеспокоили меня. Почему я вдруг стала важной особой, которую необходимо во что бы то ни стало вернуть ко двору? Я сама никогда об этом не просила. Скорее наоборот: зачем мне находиться рядом с Елизаветой, зная ту ненависть, которую она столько лет питала ко мне, и ее умение мстить и причинять боль?

— Знаешь, Роб, — осторожно проговорила я, — жизнь в деревне, вдали от суетного Лондона меня вполне устраивает. Мы с Крисом даже собираемся перебраться еще дальше от столицы, в Драйтон-Бассет^[177].

Драйтон-Бассетом называлось одно из имений моего покойного мужа, которое нам удалось спасти от посягательств королевы на наследство Дадли. Там стоял небольшой, но очень удобный дом на двадцать семь комнат с пристройками, вокруг располагались фермы и амбары.

Роб одним глотком осушил кружку и попросил еще, и, утерев рот тыльной стороной крупной руки, продолжал:

— Вообще-то, мама, твое место при дворе. В жилах твоих течет королевская кровь, а у королевы нет наследника...

— Моя королевская кровь? Да, действительно, моя мама, а твоя бабушка в свое время намекала, что она считала себя дочерью Генриха VIII. Но никаких доказательств у нее, ясное дело, не было. Даже если бы она и была потомком короля, то лишь его незаконной дочерью.

— Но и Елизавета — незаконная дочь Генриха! — воскликнул Роб. — Во всяком случае, католики в этом убеждены. Это делает ее притязания на трон не более убедительными, чем если бы на него претендовала ты... или я.

Как странно, что Роб заговорил о подобных вещах. Никогда раньше он не обсуждал со мной тему престолонаследия. Я не слышала, чтобы он с кем-то в моем присутствии обсуждал дела короны, за исключением военных вопросов.

— Надеюсь, Роб, что ты не будешь столь опрометчив и не дашь вовлечь себя в обсуждение прав королевы на престол. Это опасно!

— А почему нет? Сейчас эта тема стала важной как никогда. У королевы нет детей, и она должна выбрать того, кому перейдет ее трон. Я слышал, что когда она серьезно заболела и чуть не умерла, она назначила моего отчима лорд-протектором. Это правда?

— Да, мой милый сын. Но совет тогда воспротивился этому решению. Оно заронило семена вражды между первыми людьми королевства.

— А почему бы Елизавете не назначить лорд-протектором меня? А еще лучше — сразу наследником престола? Чем я хуже моего покойного отчима? Я сильнее и храбрее его, я умею заставить людей мне подчиняться. И еще: его ненавидели, а меня, как ты, наверное, заметила, любят!

Тут он говорил правду. Действительно, Роб обладал особым талантом привлекать к себе сердца. С годами он, как любимый спутник и фаворит королевы, получил большое влияние и, что еще более важно, вызывал восхищение в народе. Крис рассказывал мне, что в Лондоне, когда он выезжал из ворот дворца, всенепременно собиралась толпа, дабы приветствовать его.

Хотя Роб хотел продолжить наш разговор, я отказалась без объяснения причин. Он уехал, оставив меня в большом волнении. Опрометчивые заявления со стороны моего сына заставили меня поверить, что он вступил на опасный путь. Было очевидно, что он хотел вернуть меня ко двору, дабы я могла поддерживать его в его авантюрах.

Я решила поговорить с Крисом и прямо сказала ему, что если Роб и дальше собирается участвовать в спорах о наследнике Тюдоров, он вступает на очень зыбкую почву.

— Многих казнили и за меньшее, — напомнила я, взывая к благоразумию Криса. — Когда брат Роберта Гилдфорд женился на леди Джейн Грей и попытался силой захватить престол, большинство членов семьи Роберта вмиг оказались в Тауэре. А вот вышли оттуда немногие. Елизавета сама была заключена в тюрьму лишь по одному подозрению о злоумышлении против королевы Марии. Роб вступил на очень опасную дорогу...

— Тогда я пойду по ней вместе с ним, — внезапно заявил Крис.

Я уставилась на него, не веря своим ушам:

— Не хочешь ли ты сказать, что...

— Я собираюсь поддержать Роба во всем, на что он решится.

Мой муж уперся, как баран, и переубедить его было бесполезно. Мне стало ясно, что во всем, что касается Роба и его замыслов, Крис не будет слушать доводов разума.

Что же мне делать? Я чувствовала себя совершенно беспомощной. Тщетно пытаюсь заснуть той ночью, я то и дело просыпалась. Потом опять засыпала и мне снились кошмары, в которых со мной говорили сотни голосов, но всех их перекрывал настойчивый голос Роба: «Возвращайся ко двору! Там твое место. Я намерен помирить тебя с королевой...»

Тот год, когда умер мой отец, оказался несчастливый не только для нашей семьи, но и для всей страны. Почти весь урожай пропал оттого, что холодные дожди насквозь пропитали землю. Начался голод, за ним пришли болезни — люди умирали повсюду. Пострадали Англия, Шотландия и даже дикая Ирландия. Запасы в наших амбарах истощались с пугающей быстротой. Работники Драйтон-Бассета собрали то немногое, что уродилось, в закрома под надежный замок. Мы надеялись, что этого хватит на прокорм домочадцев и крестьян из близлежащих деревень. Мы молились, чтобы Господь пощадил наших домашних животных: скот в тот год страшно исхудал и даже цыплята — те, кто не попал в котел, — были кожа да кости. Наверное, из-за того, что всех червей, которыми они питались, смыл дождь, подумала я. Но когда пришла весна, дрозды, евшие тех же самых червей, выглядели лоснящимися и бодрыми, а число их нисколько не уменьшилось.

То был год великой нужды — год 1596. И мне исполнилось пятьдесят лет. Моя дорогая невестка Марианна, познавшая горькую нужду на себе, стала ангелом-хранителем наших крестьян. Она справедливо распределяла между нуждающимися зерно и сушеные овощи, помогала собирать грибы в лесах. Как всякий человек, воспитывавшийся на природе, она знала, что грибы — очень питательная и сытная пища. Главное — отличать съедобные от несъедобных. Марианна также научила жителей деревни снимать тонкую и нежную нижнюю часть коры сосен и буков, ближе к стволу — ее можно было перемалывать в муку, чтобы добавлять в лепешки, которые выпекались в золе.

А потом из Лондона пришли скорбные вести. Наш отец умер внезапно после бурного заседания совета. Казалось бы, эта весть не должна была застать меня врасплох: ведь отцу было уже семьдесят два года! Но он ничем никогда не болел, и нам казалось, что он будет жить вечно. Как и вечно служить королеве. Десятки лет заседал он в ее совете — большую часть моей жизни. Весть о его смерти совершенно ошеломила меня, умаляя все прочие новости о распространении голода и о волне беспорядков, порожденных недовольством правлением Елизаветы.

Мы с Крисом тут же отправились в столицу, чтобы присутствовать на заупокойной службе и устроить похороны отца. То, что мы увидели в Лондоне, поразило нас: по улицам, заполненным нищими, беженцами и умирающими, каждый день громыхали телеги, на которых вывозили покойников. Раньше мне уже приходилось видеть край, опустошенный чумой, деревни, вымершие от голода. Но то, что творилось в Лондоне в год неурожая, пугало сверх меры. Каждый Божий день колокола (которые я про себя назвала «колоколами смерти») звонили по умершим, то тут, то там собирались толпы доведенных до отчаяния людей, выкрикивавших проклятия в адрес королевы. В город были введены войска, чтобы предотвратить беспорядки. Особенно хорошо, как я заметила, охранялось казначейство, туда даже завезли пушки, а охрана массивных старых железных ворот была увеличена во много раз.

Грешно, конечно, так говорить, но я была даже рада, что мой отец не дожил до этих страшных дней. Иначе он бы увидел недовольных, сбивавшихся вместе под плакатами, на которых было написано: «Накорми нас, поведи нас, за тобой хоть в ад пойдём!», лихих

подмастерьев, которые вмиг вооружались заостренными кольями, как пиками, в дополнение к длинным ножами и тесакам, торчавшим у них за поясом, трущобы на берегу Темзы, где матери в лохмотьях пытались унять своих плачущих от голода детей.

Пышные похороны моего отца состоялись в церкви Святого Джайлса^[178] и прошли так, как и пристало, когда в последний путь провожают благородного человека, советника королевы, того, которого она высоко ценила. Как только церемония завершилась, гроб вынесли из церкви, чтобы поместить в карету и отвезти в Ротерфилд-Грейз. Именно там мой отец хотел упокоиться навек, и такое распоряжение сделал он в своем завещании. Роб был среди тех, кто нес гроб, и как только он показался из дверей церкви, толпа, ожидавшая снаружи, разразилась шумными приветственными криками. На какое-то время их заглушили «колокола смерти», но к собравшимся у церкви начали подходить другие люди, пока мне не показалось, что половина жителей Лондона явилась, чтобы увидеть Роба и поприветствовать его.

«Накорми нас, поведи нас, за тобой хоть в ад пойдем!» — пели они, и я слышала их голоса до тех пор, пока гроб отца не поставили в карету и мы с Крисом и нашим печальным грузом не отправились в наш медленный и скорбный путь до Ротерфилд-Грейз. Мы с облегчением покидали Лондон, не желая более быть свидетелями ужасающих картин страдания народа.

Голод в стране продолжался уже второй год, когда мне пришел вызов ко двору — я должна была стать наставницей фрейлин королевы, то есть занять ту должность, которую занимала моя мать в дни моей юности. По-видимому, Робу удалось добиться того, к чему он так стремился. Он лестью или иным образом заставил королеву вновь взять меня к себе в свиту.

Но я все равно опасалась Елизаветы. Когда я очутилась во дворце и высокий молодой стражник-йомен сообщил мне, что меня ждет личная встреча с Ее Величеством, я задрожала с головы до ног, а сердце застучало так, что было готово выскочить из груди. Мне было сказано, чтобы я появилась в обеденном зале королевы в определенное время, и я неукоснительно выполнила это требование. Мне было указано надеть белое платье с черной отделкой и не украшать волосы драгоценностями. Бородатый стражник в раззолоченном камзоле с тяжелой деревянной алебардой открыл передо мною двери, и я оказалась в просторном, со вкусом обставленном помещении, на стенах которого висели шпалеры, вышитые пурпурным и синим шелком («цветов Роберта» — сразу же подумала я). Пол устлали свежие тростниковые циновки, надушенные розмарином.

Королева сидела во главе длинного, не покрытого скатертью стола. Ее рыжий парик резко и неприятно контрастировал с сочными красками шелковый вышивки шпалер, а ярко и безвкусно накрашенное лицо напоминало карикатуру. Оранжевое платье было раскрыто на впалой груди. Под ним у королевы ничего не было. Что это — распутство или просто старческая забывчивость? Я не знала. Ее вид испугал меня. Она очень постарела с тех пор, когда я последний раз видела ее в Тилбери. Взгляд ее рассеянно блуждал, словно она не очень понимала, где находится.

Она нервно похрустела длинными пальцами, сидя за пустым столом. Драгоценности на ее парике и на морщинистой шее переливались при свете свечей. На какой-то краткий миг мне показалось, что в ее глазах блеснули слезы.

Я стояла неподвижно, а в это время в столовую вошли два джентльмена: один нес серебряный жезл, а другой расшитую скатерть. Они преклонили колени перед королевой, а затем расстелили на столе тяжелую скатерть цвета слоновой кости. После них в столовую проследовала целая процессия: во главе нее еще двое джентльменов несли золотое блюдо с хлебом и огромную резную солонку, за ними следовало несколько дюжин слуг в алых ливреях, — каждый с огромным золотым блюдом, на котором лежала совсем небольшая порция того или иного кушанья.

Значит, она по-прежнему ела совсем мало, как и в те годы, когда я ей служила. Потом я подумала: она такая худая не только от старости, а потому что она морит себя голодом. Я вспомнила, как Роберт рассказывал мне, что в ее пище много раз находили яд.

Вошли двенадцать трубачей, сыграли фанфары, а за ними полдюжины литаврщиков. Пока королева вкушала пищу, они играли веселые танцевальные мелодии. Только танцевать было некому. В зале находились слуги, я и королева, которая ногой отбивала ритм мелодий, гулко звучащих в пустой столовой.

Она ела — совсем немного, и пила настойки — рюмку за рюмкой, а потом принялась тихонько напевать в такт музыке. Она вообще не обращала на меня внимания, как будто бы меня и не было, и так продолжалось не менее часа. Я устала стоять, мне хотелось сесть. Я ничего не ела с утра, и от соблазнительных ароматов, поднимавшихся от золотых блюд, — почти все кушанья оставались нетронутыми — кружилась голова.

Королева сознательно унижала меня. Она показывала мне свою власть, заставляя стоять, пока она пирует. Да, я знала, что мне не следует терять голову и надлежит оставаться настороже, но тут я рассердилась. Ведь и во мне течет королевская кровь, кровь великого Генриха Тюдора, разве не так? Разве не об этом совсем недавно напомнил мне мой Роб? В конце концов, внешне мы с королевой были очень похожи — похожи на короля Генриха, нашего общего предка. Мы обе имели одинаковое право обедать в этом прекрасном зале его дворца, баснословного наследия для нас обоих, родственниц по крови, пусть и не по закону. Какая разница от того, что моя бабка была любовницей короля, а не его женою? Разве саму Елизавету не признали в свое время незаконнорожденной?

Я услышала, как у меня бурчит в животе. Повинуясь вдруг возникшему порыву, я сделала нечто невероятное — решительным шагом подошла к столу и схватила одну из тарелок с нетронутым кушаньем на ней. Никто меня не остановил. Содрогаюсь от волнения так, что золотое блюдо ходуном ходило у меня в руках, я опустилась на скамью и принялась за еду, после каждого куска предчувствуя, как королева сейчас отдаст приказ схватить меня и вывести из зала.

Вместо этого Ее Величество внимательно посмотрела на меня, отхлебнула из бокала и проговорила ледяным от презрения голосом: «Угощайся, Волчица! Еды здесь на всех хватит».

— У тебя что, жировик на лбу?

Тон королевы был так резок, что я вздрогнула, выражение лица — суровое. Она закончила обед и дала знак, чтобы кушанья унесли. Я вспомнила, как много лет назад, когда я в первый раз оказалась при дворе, она встретила меня тем же вопросом: «У тебя жировик на лбу? Это знак шляхи».

— Я так не думаю, Ваше Величество.

— Он тебя портит. Хотя ты уже и так не блещешь красотой.

Слуги и музыканты были отпущены. Мы остались одни в красиво убранном зале со сводчатыми потолками и высокими окнами, по которому гуляло эхо. Елизавета оперлась о полированный стол и угрожающе наклонилась вперед ко мне. Ее платье раскрылось на груди еще больше, и открывшееся мне зрелище было не слишком привлекательным.

— Ты здесь только по одной причине, Волчица: чтобы держать в узде своего сыночка. Следи, чтобы он не заходил слишком далеко.

Ей не нужно было говорить больше, а мне — отвечать. Я сама недавно наблюдала, с каким восторгом Роб слушал крики толпы. Он буквально купался в восхищении черни, упивался им. А в тот год голодающие подданные Елизаветы не слишком ее жаловали. Обстановка была настолько взрывоопасной, что от малейшей искры мог вспыхнуть мятеж. Если бы королева пожелала приструнить Роба, его шумные сторонники могли восстать против нее.

Она, как всегда, все просчитала. Неспроста вернула она меня ко двору: я должна была остудить горячую голову моего мальчика с его непомерным честолюбием. С другой стороны, она ясно и недвусмысленно дала понять Робу, что его любимая мать теперь — заложница любой прихоти его правительницы.

Мы оба были для королевы пешками в ее игре... Пожалуй, отважного и дерзкого Роба можно было бы даже назвать офицером, или еще более сильной фигурой — ладьей, которая вдруг решила ходить так, как ей вздумается. А ладью всегда изображали в виде башни замка. Значит, граф Эссекс стал бастионом, стоявшим на пути королевы, стены которого подпирает любовь простого народа.

Хотя королевский двор в зрелые (или, как говорили некоторые злые языки, «перезрелые») годы королевы сильно отличался от двора моей юности, где царил дух молодости, я скоро привыкла к установленным здесь порядкам и разобралась, каковы должны быть мои обязанности. Официальное название моей должности звучало как «мать-наставница фрейлин», и я должна была надзирать за поведением незамужних девушек из самых лучших семей, которых их родители послали ко двору, чтобы они могли украшать собой апартаменты королевы и подыскивать самые выгодные партии.

Наделе оказалось, что я должна прислуживать королеве и быть готовой в любой момент исполнить любую ее прихоть. Было довольно странно — с учетом ее давней нелюбви ко мне, — что она доверяла мне гораздо больше, чем людям более молодого возраста или тем, кого она меньше знала. Наглое и самоуверенное молодое поколение, громко заявлявшее о своих правах в последние годы нашего века, путало ее, хотя она и старалась скрыть свой

страх. Груз прожитых лет тяжело лег на плечи королевы, и близость старых знакомых, членов семьи, успокаивала ее.

— Летти! Летти! Принеси мне мою трость! Мои очки, Летти, где они? Где моя настойка? — то и дело слышался ее хриплый, сварливый голос. — Летти! Огонь слишком жаркий! У меня от него глаза слезятся... Летти! Забери зеркало! Я выгляжу ужасно. Никто не должен видеть меня в таком состоянии, даже мои собственные глаза.

Иногда, когда у нее особенно сильно начинал болеть большой палец правой руки, она требовала, чтобы я писала за нее под ее диктовку. Конечно же, у нее был целый штат секретарей — ученых мужей, которые в любой момент готовы были переписывать ее частные письма и официальные документы на любом языке, в том числе и на элегантной латыни, но она предпочитала диктовать мне, ибо, как сама она призналась в приступе непривычной для нее откровенности, ей было легче читать мой крупный, округлый почерк.

Она часто бывала сварливой и резкой, а иногда — груба сверх всякой меры, и даже жестока. Те женщины, что прислуживали ей, давно научились быстро увертываться от летящих туфель, которые она направляла в них, восклицая «*Point de guerre!*»^[179] — как фехтовальщик или записной дуэлянт. Эти же несчастные молча страдали, когда она надирала им уши или дергала за волосы.

Должна признать, что когда она хватала за волосы Роба — иногда так сильно, что у него слезы выступали на глазах, — он сердился. Между ними постоянно велась какая-то жестокая и странная игра: временами казалось, что Елизавета словно бы проверяет, как далеко она может зайти в своих издевках и подначках (которые она, впрочем, всегда облекала в шутливую форму), до того, как он бросит ей в ответ ругательство или в гневе выбежит из ее покоев, хлопнув дверью. Стоит ли говорить, что ни от кого другого, кроме Роба, она бы такого поведения не потерпела...

Ряди Роба я старалась не обращать внимания на капризы и придирки нашей повелительницы, и мне это удавалось, особенно если учесть наши с ней давние счеты. Но когда на королеву нападали ее приступы бешенства, даже я не могла ничего поделать. Она совершенно теряла разум: с криком «Ответим ударом на удар!» швыряла горшки, кружки и даже тяжелые серебряные подсвечники в тех из нас, которые имели неосторожность вызвать ее гнев. Все уже знали: при этих внезапных шквалах королевской ярости лучше вовсе не попадаться ей на глаза. Она металась, как одержимая, по своей опочивальне, топала ногами, выкрикивала проклятья и угрозы, обнажала ржавый меч, который всегда держала подле себя, и тыкала им в занавески, ковры, шпалеры и в другие места, где, как ей казалось, притаились ее враги.

Роб полностью включился в опасное соревнование, затеянное им и королевой. Я наблюдала за тем, как они играют в карты, устраивают скачки наперегонки в парке в любую погоду (королева продолжала выезжать на прогулки верхом и на охоту, к ужасу своих докторов), танцуют под чувственные мелодии гальярды и огневой быстрой вольты^[180], ссорятся и даже дерутся, обмениваясь шуточными ударами, а затем топят свое соперничество во взрывах смеха.

Эти двое ходили по лезвию бритвы, но Роб всегда был достаточно осмотрителен, чтобы дать королеве возможность выиграть в любом соревновании, которое затевалось между ними. И я никогда не видела, чтобы они заходили в своей игре слишком далеко, но, возможно, их сдерживало мое присутствие.

Было очевидно, что Елизавете очень нравится Роб, что она увлечена им, но я знала и

другое: никогда она не полюбит его так, как любила Роберта. И еще кое-что было мне ясно: королева видит моего сына насквозь. Она прекрасно знала, что на самом деле ему мало быть ее фаворитом, мало тех милостей, которые она ему раздавала без счета. Он жаждет настоящей власти.

Я знала моего сына, и я знала королеву. Я слишком хорошо изучила этих двоих. Роб вообразил, что он полностью подчинил королеву своим чарам, и, когда ему будет нужно, сможет добиться у нее чего пожелает. Конечно, он был не настолько слеп, чтобы предположить, что она его любит: как и все мы, он прекрасно знал, что единственной настоящей любовью ее жизни был Роберт и никто другой. Но он вообразил, что коль скоро Роберт умер, он сможет занять место Роберта в ее жизни. И что однажды, в самом скором времени, когда она особенно остро почувствует, что тоже смертна, он будет здесь, подле своей правительницы, ожидая призыва принять власть из ее рук.

А Елизавета — хитроумная и коварная Елизавета — позволяла ему сколько угодно заблуждаться на сей счет.

Стоит особо подчеркнуть, что королевский двор в то время была ареной небывалого скрытого политического напряжения и противостояния различных интересов. Битва была нескончаемой. Хотя Роб был членом Королевского совета, но одного лишь вхождения в этот круг избранных было недостаточно, чтобы «заказывать музыку» при дворе. Гораздо важнее было иметь в совете большинство, оказывать влияние для принятия нужных решений, привлекать сторонников, вести закулисные интриги, а на это Роб был неспособен. Тонкости большой политики были ему недоступны, и он проигрывал в сражении с изощренным мастером подковерной борьбы — карликом Робертом Сесилом. Как жаль, что моего отца больше не было за столом совета: некому было высказывать строгие, но справедливые суждения, примирять противоборствующие силы. Уолсингем и Хаттон к тому времени уже покоились на кладбище. А Уильям Сесил, отец Роберта Сесила и самый влиятельный советник Елизаветы в дни ее молодости и зрелости, был уже одной ногой в могиле.

Роба больше всего на свете интересовал один вопрос, обсуждавшийся в совете постоянно и вызывавший жаркие споры: кто взойдет на трон Англии после смерти королевы? Он тянул за собой целую череду других вопросов: что будет, если она умрет внезапно, не подготовив дела королевства к своему уходу? Можно ли ее убедить составить завещание и назвать в нем своего преемника? Можно ли ей объяснить, что до тех пор, пока преемник не будет назван, мира в Англии не будет?

Иногда королева присутствовала во время шумных перебранок в совете и всегда при этом требовала, чтобы я находилась рядом и могла прислуживать ей. Посему я часто оказывалась в зале совета и могла наблюдать и слышать все то, что там происходило.

— Преемником может быть только один человек — король Яков Шотландский, — заявил на одном из заседаний Роберт Сесил. — Откладывать и тянуть с объявлением его наследником больше нельзя. Он — ближайший родственник королевы, воспитан в истинной вере, не то что его нечестивая мать — католичка Мария Стюарт. Он находится в зрелом возрасте, женат, у него есть дети...

— Он любит мальчиков, — прервал его Роб. — У нас по закону таких отправляют на костер ^[181].

На Сесила этот довод не подействовал, и он спокойно продолжал:

— Он правит Шотландией уже многие годы, и в его владениях царит порядок. Яков — человек ученый...

— Он — жалкий пьяница и трус!

Я видела, как у Роба от ярости напряглись все мышцы под полотняной рубашкой. Челюсти его сжались, вся фигура выражала угрозу.

Сесил продолжал что-то говорить, не глядя на Роба, который вскочил со стула, опрокинув его, и принялся мерить шагами зал совета.

— Дикий Конь вырвался на свободу... — пробормотала королева, хихикнув от удовольствия.

— Я нахожусь в переписке с королем Яковом, — вещал меж тем Сесил. — Он предложил себя в качестве нашего следующего короля и готов служить Англии преданно и благочестиво.

Роб только грубо и громко засмеялся.

— Ах, взгляните, Дикий Конь заржал. Сейчас начнет бить копытом... — прошептала королева. А затем уже громче добавила: — Летти! Принеси-ка мне мою настойку!

Я тотчас исполнила ее приказ. Она одним глотком осушила поднесенную ей рюмку, и глаза ее зажглись нехорошим огнем. Она переводила взгляд с Роба на Сесила и обратно, словно взвешивая шансы противников.

Роб меж тем бушевал:

— Почему бы тебе, Сесил, не спросить нашу королеву, хочет ли она, чтобы шотландский пьяница и развратник правил ее страной? Давай, карлик, наберись смелости, спроси ее!

Прочие члены совета заерзали в креслах. Я сама еле могла усидеть на краешке скамьи, думая, как попытаться отвлечь моего сына от этой опасной темы.

— Возможно, мы отложим дальнейшее обсуждение, — предложил нерешительный лорд Говард Эффингэмский, но Роб так саданул своим огромным кулаком по дубовому столу, что лорд Говард испуганно замолчал.

— Да кто здесь правит — наша великая королева или этот недомерок? — загремел Роб.

— А может быть, *ты* собираешься здесь править, мой Дикий Конь? — громко произнесла Елизавета, внезапно встав и приблизившись к Робу с быстротой, неожиданной для ее возраста. — Ты ведь спишь и видишь, как я сойду в могилу, а ты сядешь на трон.

Она усмехалась ему в лицо, перебирала ногами, словно в танце, и было видно, какое извращенное удовольствие она получала от происходящего. Роб ничего не понимал: обвиняет ли она его на полном серьезе или играет с ним, насмехаясь в своей обычной манере. Нахмурившись, он покачивался с пятки на носок, не зная, что делать и что говорить.

— Роб, — тихонько позвала я его, пытаюсь привлечь его внимание, — Роб!

Но было уже слишком поздно.

— Что? Не отвечаешь? — воскликнула Елизавета. — У Сесила есть ответ! Он знает!

Зарывав, как дикий зверь, Роб бросился на Роберта Сесила, пытаюсь вцепиться тому в горло, но королева помешала. Она изо всей силы ударила моего сына по щеке. Длинные ногти королевы рассекли скулу Роба до крови. Этого мой сын не стерпел и схватился за меч!

Тотчас раздались громкие крики, призывающие стражу, и дюжина вооруженных людей в ливреях королевы ворвалась в зал. Часть из них повисли на Робе, а другие подхватили королеву и увели ее в безопасное место. Стражники заставили прочих членов совета оставаться на своих местах и встали у дверей на караул.

Все произошло так быстро, что я и глазом не успела моргнуть. Роба увели, и я услышала, как по пути в смежные с залом покои королева отрывисто приказала:

— Под замок этого злодея! Он покушался на мою жизнь! Бросьте его в темницу и не выпускайте!

Это было началом конца...

В тот раз Елизавета смилостивилась и распорядилась освободить Роба из заточения, а он на коленях умолял о прощении за столь неистовый ответ на ее пощечину. Они возобновили свою странную дружбу в прежней манере, но я заметила, что Елизавета все время старалась держать свой ржавый меч при себе и больше никогда не оставалась с Робом наедине. И через некоторое время опасность нового столкновения их горячих характеров уступила место другой, гораздо более серьезной. Испанцы вновь попытались нанести нам удар, но в этот раз выбрали Ирландию.

На моей памяти ирландцы бунтовали постоянно, но теперь, когда доктора короля Филиппа II вынесли ему окончательный приговор и открыто сказали испанскому монарху, что жить ему осталось недолго, Филипп поклялся, пока жив, нанести последний удар по королевству Елизаветы. Он отправил солдат, деньги и оружие на помощь ирландским мятежникам. По словам Фрэнка, испанские капитаны уже рыскали вдоль западного побережья Англии, ища место для высадки очередной армии вторжения.

Елизавета отправила Роба во главе шестнадцатитысячной армии, состоящей в основном из ополченцев, в Ирландию для усмирения мятежников и уничтожения их испанских союзников. Крис отправился на войну с Робом в качестве его ближайшего помощника. Старшие сыновья Пенелопы тоже жаждали поучаствовать в кампании, но их отец лорд Рич, к моему огромному облегчению, проявил мудрость и запретил им идти на войну, под страхом лишения наследства.

Время показало, что Рич был прав! Вопреки всем усилиям Роба ирландский поход обернулся полной катастрофой. Половина солдат из наспех сколоченного войска свалилась с болотной лихорадкой, четверть из них умерла. Ирландские повстанцы умело избегали генерального сражения, но в мелких стычках почти неизменно одерживали верх.

Роб отправлял мне письма с любой оказией и в них описывал ужасы болотной лихорадки (которой заболел сам), жаловался на отвратительную погоду, сетовал на дезертирство из своей армии. Я не могла не вспомнить заунывные письма Роберта из Фландрии, ибо Роб столкнулся с тем же: с болезнями, предательством, нехваткой денег и припасов, бессмысленной растратой человеческих жизней и средств. Английские ополченцы не были профессиональными солдатами, как испанцы, они не умели отслеживать неприятеля и навязывать ему сражение, а только отражали атаки и беспрестанно попадали в засады. Чем дольше велась такая война, тем больше преимуществ получали мятежники и их иностранные союзники. Из писем Роба стало ясно, что он не просто проигрывал войну — он терял надежду.

В конце концов, остался один-единственный выход — заключить перемирие. Но не такое перемирие, когда оба противника, находясь в патовой ситуации, понимают, что временный мир — это лучший выход, а перемирие, равносильное капитуляции. Когда Елизавета узнала об этом, она впала в бешенство.

— Нет, нет и нет! — кричала она. — Неужели он пошел по стопам Робина? Неужели еще одно поражение?

Она вызвала к себе Сесила и надолго заперлась с ним. Сквозь двери было слышно, что разговор идет на повышенных тонах. Спустя некоторое время она кликнула меня.

— Летти, пиши! — приказала она.

Я торопливо схватила свои письменные принадлежности и принялась заносить на бумагу ее слова:

«Роберту Деверё, графу Эссексу, Главнокомандующему нашими силами в Ирландии, не выполнившему свою миссию:

Вам запрещается возвращаться в Англию до тех пор, пока вы не усмирите ирландских предателей и не изгоните из пределов Ирландии их испанских приспешников!

Таково повеление Ее Величества королевы».

Я написала послание, запечатала его и отправила со срочным гонцом, который ускакал во весь опор в ночь, держа путь на запад.

И месяца не прошло, как Роберт вернулся в Англию, вопреки приказу королевы. Он вошел в столицу с большим шумом, во главе нескольких тысяч солдат, которые у него остались. Он посчитал, что его поддержат жители Лондона и пойдут за ним, очарованные обаянием его личности. Он сделал ставку на трактирных бездельников и головорезов, готовых обнажать шпагу по любому поводу, на смутьянов-подмастерьев с ножами и топорами. Это были его люди, родственные ему по духу. Он был уверен, что они пойдут за ним, подавят любое сопротивление и приведут его к власти.

Но тут оказалось, что Сесил объявил полный сбор лондонского ополчения и регулярных войск, верных королеве. По тревоге были подняты все гарнизоны в окрестных мелких городках. Их солдаты были слишком стары для отправки в Ирландию, но вполне годились для того, чтобы встать у ворот города и его многочисленных крепостей с аркебузами наперевес. Сесил даже опустошил казну, чтобы заплатить наемникам и одолжить у Якова Шотландского тех воинов, которых в тот момент не было у Англии.

У короля Якова Стюарта, который, в отсутствие Роба, получил заверения, что, как только наша старая королева умрет, он займет трон Англии.

Среди лондонцев были умело распущены слухи о том, что Роберт Деверё, граф Эссекс, потерпев неудачу в ирландском походе, подослал отравителя-итальянца к королеве. К нашей престарелой, осмеянной и обруганной, но по-прежнему любимой королеве. Потом заговорили о том, что отравитель пойман и отправлен обратно в Италию. Жители Лондона возликовали. Любые шансы на то, что Роб вновь завоюет их сердца, были утрачены.

Последовал скорый арест — Роба заключили в тюрьму как изменника. Никакого народного бунта или недовольства в ответ не случилось. Никто не пришел на выручку мятежному графу Эссексу, никто не вступился за него. Тяжелые железные двери темницы закрылись за ним, стражники заступили на их охрану, а мой любимый сын, мой безрассудный, глупый мальчик остался ждать своей участи в темноте и одиночестве.

Поначалу мне было отказано в свидании с сыном. С родным сыном! Его тюремщики запретили мне войти к нему в камеру. Я заявила, что хочу говорить с Сесилом.

— Никому не разрешается видеться с Эссексом, — заявил государственный секретарь, как только явился в тюрьму. — Он — изменник и мятежник!

— Вы прекрасно знаете, что никакой он не изменник и не мятежник, — прошипела я ненавистному карлику, стоявшему между мною и дверью в камеру моего сына. — Немедленно распорядитесь впустить меня!

Но Сесил не сошел со своего места, а лишь сложил пухлые ручки на узкой груди и глядел прямо перед собой. Я кричала, ругалась последними словами, но он оставался непреклонен. Вскоре появилась дюжина вооруженных стражников, и Сесил ушел, оставив их вместо себя.

Накануне Роб, Крис и еще с десятков их сторонников предстали перед судом. Все они были признаны виновными и приговорены к смерти. Рука моя дрожит, когда я пишу эти страшные слова: «приговорены к смерти».

Если вдуматься, что же плохого они сделали? Не повиновались неразумному королевскому приказу остаться в краю, зараженном смертельной лихорадкой, и продолжать бессмысленную военную кампанию. Они же поступили сообразно обстоятельствам и ушли из Ирландии. Не сделай они этого, погибли бы еще несколько тысяч солдат.

Я металась перед дверями темницы под бесстрастными взглядами стражников. Я в отчаянии молотила кулаком по древним каменным стенам. Раз за разом я звала Роба по имени, но никто мне не отвечал.

Наконец, почти лишившись рассудка от горя, я отправилась во дворец. Меня туда не пустили. Я притворилась, что ухожу, но вместо этого пробралась в один из хозяйственных дворов через незаметный пролом в ограде у причала. По этому проходу можно было пройти только тогда, когда на Темзе был отлив, и он был известен лишь тем немногим, кто долго служил при дворе. Оказавшись за оградой, я сняла чепец и брыжи, а затем повязала голову куском материи, оторванным от одной из моих нижних юбок. Низко склонив голову и держась вплотную к телеге, нагруженной дровами и мешками с зерном, я пробралась во внутренний двор, куда, как я знала, выходили окна покоев королевы.

Я встала под окнами ее опочивальни. В высоком окне то и дело появлялись фигуры, снующие внутри взад-вперед, ибо шторы не были задернуты. Я замерла в нерешительности. Что делать? Покричать снизу, рискуя привлечь внимание стражи, или подождать, пока меня кто-нибудь увидит сверху?

Вдруг раздался знакомый звук. Хриплый крик и звон бьющегося стекла. Видимо, королева впала в один из своих приступов буйства. Прозвучали новые крики и звуки ударов. Потом приглушенный вопль. А затем я увидела в окне лицо Елизаветы, морщинистое и некрашенное, обрамленное взлохмаченными седыми волосами, торчащими в разные стороны, которые трепал налетевший ветерок. Она подслеповато сощурилась, глядя вниз на меня, и крикнула:

— Кто здесь?

— Ваша кухня.

Она перегнулась из окна, словно не веря своим глазам:

— Волчица, ты ли это?

Не будучи уверенной, что сказать, но зная, что у меня совсем мало времени для того, чтобы привлечь внимание разгневанной королевы, я поневоле заговорила как на молитве:

— Ваше Величество, я раскаиваюсь во всех прегрешениях моих против вас и умоляю вас в вашей неизреченной милости отпустить моего сына и взамен взять меня.

— Тебя? — рассмеялась королева презрительно. — Тебя, забытую всеми вдову полководца-неудачника? Человека, которого все ненавидели?

— Но вы-то не испытывали к нему ненависти, — проговорила я. Вдруг оказалось, что мы говорим о покойном Роберте, а не о моем сыне, ждущем казни.

— Он был слабым человеком! Он был трусом!

— Неправда! Он был благоразумным и осмотрительным командиром.

— Он был трусом! — закричала королева так громко, что во дворе загудело эхо. — Смелый человек заставил бы меня выйти за него замуж!

— А потом бы всю жизнь в этом раскаивался! — заорала я в свою очередь, потеряв голову от того, что она обвиняла Роберта.

— Боже мой! Волчица, что ты несешь? Убирайся прочь, пока я не бросила тебя в тюрьму к твоему пустоголовому сыночку!

Она со стуком закрыла окно, и я поняла, что только что потеряла свою последнюю возможность спасти Роба. Я упала на колени прямо в грязь. Это конец! Королева вновь одержала победу.

В ту же ночь, когда я лежала без сна в постели в Лестер-Хаусе, раздался громкий и грозный стук в дверь. Я услышала голоса, звук отворяемых слугами засовов, стук сапог и звон шпор по каменному полу.

— Летти! — в спальню вошла Марианна. Моя невестка по собственному почину находилась рядом со мной все то время, пока я ждала исхода суда над Робом и исполнения жестокого приговора.

— Летти! Посланец от королевы!

Меня словно ударило молнией. Возможно ли это? Не принес ли гонец вестей о помиловании? Я оделась со всей возможной быстротой и спустилась вниз в просторный холл. Там стоял человек, которого я не узнала, одетый в ливрею слуги королевы.

— Леди Лестер?

Хотя я была замужем за Крисом, я не взяла его имени, а оставила титул, — который носила как жена Роберта.

— Да, это я!

Он вручил мне маленькую резную шкатулку из слоновой кости.

— От королевы, — сказал он. — Я готов вас сопровождать и подожду снаружи.

Я открыла шкатулку. Там лежали сине-пурпурные подвязки, которые Роберт подарил Елизавете много лет назад, и сложенный лист бумаги. Я развернула его и прочитала строки, написанные дрожащим почерком королевы:

«Ты можешь попроситься со своим сыном нынче ночью. Прости глупую старуху».

Это не было помилованием, но мне все же позволили увидеться с Робом. Увидеться в последний раз.

Меня отвезли в тюрьму, и теперь никто не встал у меня на пути. Тюремщик отвел меня в камеру Роба с голыми каменными стенами, освещенную только одним факелом.

Роб сидел на деревянных нарах, уронив голову на руки. Он был в рубашке, камзоле, бриджах из мягкой кожи и высоких сапогах, словно готовился выйти из камеры в любую минуту и не собирался ложиться спать.

— Мама! — воскликнул он, увидев меня. — Мама, ты пришла забрать меня домой?

Его простые слова, в которых звучала беспомощность маленького мальчика, его взгляд, загоревшийся сумасшедшей надеждой, пронзили меня в самое сердце. Я зарыдала и, почти лишившись чувств, начала падать, когда меня подхватили его сильные руки.

— Мой мальчик, — только и смогла сказать я, выплавав все слезы, — мой дорогой мальчик...

Он посмотрел мне в глаза и без слов понял, что я пришла не для того, чтобы забрать его с собой. Что я не могу его спасти. Он не выпускал меня из своих объятий, поддерживал, не давал упасть. Я только сейчас поняла, какой же он сильный.

— Ничего, ничего, мама, не надо так убиваться... Еще не все потеряно! — тихо говорил он.

— Ах, Роб, если бы только я смогла отвратить тебя от этого пути, заставить выслушать... тебя и Крису...

— Ты пыталась. Ты нас предупреждала. Я сам все поставил на кон, и винить тут некого.

— Но теперь... — я не могла продолжать. Мне сказали, что его казнят на рассвете. С первыми лучами солнца. Я отправила мысль об этом в самый дальний уголок моего сознания, ибо вынести ее была не в силах. Уже сейчас я чувствовала всю тяжесть горя на моих плечах, которая грозила раздавить меня, не давала дышать...

— Мама, послушай, мы не должны сдаваться даже сейчас, — он посмотрел мне прямо в глаза. — Скажи мне, может быть, королева дала тебе какой-то знак, что-то сказала. Любое слово, любой жест могут оказаться важными...

Я только покачала головой.

— Ты уверена в этом? — Его слова преследовали меня, не давали покоя, тревожили.

— Я отправилась во дворец, чтобы встретиться с нею. Умоляла взять мою жизнь вместо твоей. Она только высмеяла меня. Но потом...

— Что потом?

Он схватил и больно сжал мои плечи.

— Она прислала мне записку в Лестер-Хаус. Она написала, что я могу повидать тебя. Меня привез сюда кто-то из придворных, кого я не знаю. У него экипаж...

— Да! — воскликнул Роб, и в голосе его послышалось ликование. — Она хочет сделать так, чтобы я избежал казни.

— Почему ты так думаешь?

— Я знаю ее, мама. Она любит идти к цели кружными путями. Она хочет представить все так, будто я бежал. Она ждет, что я уйду с тобой, когда наше свидание закончится.

— Я так не думаю, мой мальчик, — прошептала я.

Как же я хотела верить в то, что он говорит! Но моя интуиция подсказывала мне, что мой сын ошибался. Хотя записка королевы была достаточно двусмысленной... «Прости меня», — написала она. Простить ее за то, что она должна сделать? Я поняла смысл этих слов именно так. Она просит прощения за то, что Роберт осужден на смерть. А вдруг я поняла ее неправильно? Вдруг своим посланием она дает нам надежду?

Голова моя пошла кругом.

— Разве ты не знаешь, мама, — услышала я, как в тумане, голос Роба. — Есть еще те, кто желают увидеть на престоле меня, я не этого мерзкого Якова.

Я покачала головой. Нет, это невозможно...

— Роб! Милый, подумай, что ты такое говоришь?

Но он подтянул сапоги, пригладил взлохмаченные волосы и быстро спросил:

— В коридоре есть стражник?

Я поглядела в крохотную щелку в тяжелой двери.

— Я никого не вижу.

— Может быть, после того, как ты уйдешь, мне удастся...

Меня объял ужас:

— Нет, я не хочу тебя оставлять!

— Чем дальше ты здесь, тем больше риска для меня.

Он убедил сам себя, что одно мое присутствие здесь, в его камере, уже само по себе знак. Знак того, что его выпустят, — или позволят сбежать. Я так хотела верить ему, вопреки всем доводам разума и здравого смысла...

Я порывисто обняла его и прижала к груди так сильно, как только могла. Сердце мое говорило мне, что он ошибается, что он должен принять правду, какой бы ужасной она не была, и что для него нет спасенья. Но тут внутренний голос сказал мне: «Милосердие! Ты — мать, ты должна проявить милосердие. Ты должна дать ему надежду!»

И я разжала руки, отпустила его широкие, сильные плечи, улыбнулась ему — улыбкой искренней и неподдельной радости — и позвала тюремщика, давая знать, что свидание окончено.

— Жди меня, мама. Я постараюсь послать тебе весточку, когда выберусь отсюда, — прошептал Роб.

Я кивнула, продолжая улыбаться, и посмотрела в его лицо, которое так любила, постаралась запомнить каждую его черточку, каждую складочку, каждую линию... Я не отводила взгляда, хотя тяжелые шаги тюремщика уже послышались у дверей, потом зазвенели ключи — и вот уже Роб торопливо говорит мне слова прощания... Пусть глаза мои застилала слезы, но я знала, что он прав. Он станет свободным. Его мучения не продлятся долго. Конец настанет быстро, на рассвете. Но до этого я дам своему любимому сыну то единственное, что еще могу дать. Я дам ему надежду.

Оказавшись снаружи, под холодным ночным ветром, я зарыдала в голос, хватаясь за ледяные камни, из которых была сложена это крепкая старинная темница. Выхода не было! Никогда раньше и никогда позже я так не плакала. Не было ни чувств, ни мыслей, ни смысла жить дальше. Только скорбь и безысходность.

Роб, сын мой!

Я посмотрела вверх, на раскинувшийся надо мною шатер ночного неба. Оттуда на меня и на спящий город смотрели яркие, равнодушные звезды. Сквозь слезы я обращалась к ним, должно быть, о чем-то просила, но они не отвечали.

Тогда я вспомнила, как укладывала маленького Робба спать, как гладила его по головке, как говорила: «Спи, сынок! Потанцуешь во сне с ангелами!» И теперь я принялась твердить эти слова десятки, нет, сотни раз, пока они не превратились в неразборчивый шепот, и тогда, совершенно ошеломленная и потерянная, я позволила посланцу королевы увести меня от стен тюрьмы и отвезти обратно в Лестер-Хаус.

ДРЕЙТОН-БАССЕТ, СТАФФОРДШИР

20 декабря 1634

Наконец это случилось: старше меня никого не осталось. Мне девяносто четыре года, и я на целых два года старше мистрис Во из Бишопс-Уиттлвуд, а она вряд ли переживет меня. Она часто падает в обморок, ходит, опираясь на две трости, и слишком близко к сердцу принимает раздоры между королем и его мятежным парламентом^[182].

Да, я очень стара, как вам, без сомнения, скажут мои праправнуки, но с годами я не утратила гордости и, не побоюсь этого слова, некоторого тщеславия. Я желаю, чтобы мой голос был услышан, пусть он стал скрипучим, дрожащим и не годным для исполнения псалмов и рождественских гимнов. Оставляю пение детям, чьи ангельские голоса в преддверии Рождества доносятся до меня из церкви Святого Петра, пролетая через тихое кладбище, когда я пишу эти строки.

Я сижу за старым дубовым письменным столом моего отца, среди реликвий прошлого. Эти вещи дарят мне покой и уют, как теплые кирпичи, на которые я ставлю свои старые ноги холодными зимами. Передо мной портреты моих детей — все они уже давно умерли, картина, изображающая последний корабль Фрэнка под названием «Божий Дар», засушенный букет из роз и маргариток, которые прошлой весной принесла мне одна из моих правнучек или праправнучек. Наверное, та, что приходится дочкой одной из дочерей Дороти. Та, что взяла у меня мои золотисто-рыжие волосы цвета последних осенних листьев. Та, что из хорошеньких.

Должна признаться, я не помню, как их всех зовут. Слишком много мальчиков и девочек вокруг меня рождались, росли, влюблялись, — а потом болели и умирали. Я — как самое старое дерево в лесу. Самый замшелый камень на церковном кладбище. И скоро упокоюсь под таким камнем.

В дальнем углу отцовского стола стоит чучело фазана, блестя ярко-красными и золотистыми перьями — воспоминание о страстном охотнике Уолтере. А вот старые очки Роберта, которые мне так дороги. И медальон с прядью волос Роба. Нежный светлый локон, срезанный с его головы, когда он был еще ребенком. Ах, Роб, Роб, мое дитя Вечерней Звезды...

Но вернемся в настоящее. Сейчас, когда я проживаю девяносто четвертый год своей жизни, я решила закончить мою историю, — ту повесть, которую я начала писать уже давно и заполняла по мере моих скромных сил своими воспоминаниями и мыслями. Я хотела описать всю мою жизнь, но когда дошла до страшного дня тридцать три года тому назад, когда казнили Роба, то больше не смогла написать ни строчки — до сего дня.

Но сегодня мой правнук Джарвис^[183] взял на себя смелость напомнить мне, что время

не бесконечно. Впрочем, когда тебе почти девяносто четыре, в последнем начинаешь сомневаться. Он намекнул, что хорошо бы дописать пару заключительных страниц моей истории. «И постарайтесь покороче, бабушка», — с улыбкой сказал он, ободряюще похлопав меня по плечу.

Должна заметить, что Джарвис, при всем своем снисходительном отношении ко мне и к огромной стопке листов, составляющих мою повесть, — не слишком хороший поэт, хоть и мнит себя таковым. Стихи его банальны и лишены новизны. Они отдают затхлостью, как и его дыхание. Ненавижу мужчин, которые покровительственно относятся к женщинам. Я не пишу стихов, но если бы писала, то постаралась бы, по крайней мере, быть оригинальной.

Джарвис попытался написать мою эпитафию — конечно же, в стихах. Он необыкновенно гордится этими жалкими строками. Молю Бога, что когда мой час настанет и я упокоюсь в могиле, пусть у моих потомков достанет хорошего вкуса не высекать их на моем надгробном камне. Разве может скверная поэзия передать мою жизнь? Эту ускользающую, неуловимую, волшебную чреду часов и дней, которая не прервется до тех пор, покуда я вожу этим пером по бумаге.

На улице слышны крики и бряцание оружия. Оказывается, в нашем графстве ищут подозрительных лиц, на дорогах расставлены посты. Что ж, надо написать про это. И еще про то, что по всей стране неспокойно. При дворе опять зреют заговоры, плетутся интриги. Как же он далеко — королевский двор. То место, где железной рукой правила когда-то Ее Величество королева Глориана, а я столько лет была ее отражением, ее прислужницей — и соперницей. Нынче у власти трус и ничтожество — король Карл Нерешительный, тот, кто не отбрасывает длинной тени^[184].

Шум достиг церковного двора. Они ищут злодеев — врагов короны. Отступников и изменников. Но в моих старых ушах гораздо явственнее звучат надменные голоса злодеев прошедшей эпохи — золотого века Елизаветы. И среди тех, кто бросил вызов королеве, как ни грустно признавать, — мой собственный сын. Но об этом — ни слова больше.

Никаких реликвий в память о королеве Елизавете на письменном столе моего отца нет. Кто-то скажет (и Джарвис радостно ухватится за эту метафору), что я сама — живая реликвия ее правления, напоминание о ее жизни. Я знала ее, как мало кто знал, хотя она ненавидела меня великой ненавистью. Если есть рай и если она в раю (да простят мне это богохульство), то и там она меня ненавидит. Ибо кое-что в этом мире остается неизменным во все времена — любовь порождает ненависть, и зависть, и ревность, и всепоглощающую жажду мести. К счастью, от любви еще рождаются обожаемые дети, а потом внуки, правнуки, ну и так далее... Тешу себя надеждой, что в один прекрасный день в далеком будущем (ибо конца света не будет, что бы там ни пророчествовали), маленькая девочка с золотисто-рыжими волосами откроет пожелтевшие страницы этой рукописи, увидит мой образ сквозь дымку времени и поблагодарит меня за то, что я поделилась с ней частичкой своей души.

Не ты ли эта маленькая девочка? Если так, то я желаю тебе счастья, дитя мое. От всей души тебе его желаю.

Но я отвлеклась. На самом деле осталось рассказать совсем немного. Я до сих пор ношу подвязку королевы. Она совсем износилась, но цвета — синий и пурпурный — вполне различимы. Каждый день я застегиваю ее на моей старой ноге и прохожу быстрым шагом целую милю. И еще могу станцевать с утра пару гальярд — в честь королевы и в память о ней.

Ныне же перед рождением Того, в чью честь дети поют гимны и кто несет свою вечную любовь всем людям, я дарю вам эти слова с надеждой и благодарностью.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Летиция Ноллис, графиня Лестер

Писано в год от Рождества Христова 1634

notes

Легроньо (совр. Логроньо) — один из шести городов исторической области Ла-Риоха в Испании. *(Здесь и далее примеч. пер.)*.

Мария де Салинас (ок. 1490–1539) — фрейлина и доверенное лицо королевы Англии Екатерины Арагонской, происходила из знатной испанской фамилии де Салинас, возможно состоявшей в родстве с испанским королевским двором. В 1516 г. вышла замуж за Уильяма, 11-го барона Уиллоуби. Среди ее прямых потомков — ныне здравствующая 28-я баронесса Уиллоуби, и леди Диана, принцесса Уэльская.

«Святой Дом» Девы Марии был построен в поместье Уолсингем после 1061 г., когда леди Ришельдис де Фаверш явилась Дева Мария, показала ей дом в Назарете, где, согласно предсказанию архангела Гавриила, она произвела на свет Иисуса, и велела построить копию этого дома. В нем побывали многие короли: Генрих III — в 1248 г., а также Эдуард I и Эдуард III. В числе других известных паломников был Эразм Роттердамский, посетивший Уолсингем в 1514 г. Последним королем-паломником был Генрих VIII. Он приехал в Уолсингем в 1486 г., будучи принцем, а потом еще раз, когда уже стал королем. В 1534 г. Генрих порвал с католичеством, и в результате Уолсингемская церковь, копия дома в Назарете и статуя Девы Марии были уничтожены по его приказу, как и многие другие католические святыни.

Мод (или Матильда) (1102–1167) — королева Англии в 1141 г., дочь и наследница короля Генриха I. Отстранение Матильды от престола после смерти Генриха I в 1135 г. вызвало длительную гражданскую войну в Англии между сторонниками Матильды и Стефана Блуаского. В 1141 г. Матильде удалось ненадолго захватить английский престол, но удержать власть в своих руках она не смогла. Гражданская война завершилась в 1154 г. коронацией сына Матильды Генриха II Плантагенета.

Генри Фицрой, 1-й герцог Ричмонд и Сомерсет (1519–1536) — официально признанный внебрачный сын Генриха VIII и Элизабет Блаунт. Несмотря на свое происхождение, долгое время считался вероятным наследником английского престола.

Дед Генриха VIII по материнской линии Эдуард IV (1441–1483) — король Англии в 1461–1470 и 1471–1483 гг., представитель Йоркского дома Плантагенетов, талантливый полководец. Захватил престол в ходе Войны Алой и Белой розы, низложив Генриха IV из династии Ланкастеров.

Перифраз: «И не бойтесь убивающих тело, души же не могущих убить; а бойтесь более Того, Кто может и душу и тело погубить в геенне» (Матфея, 10:28).

Томас Говард, герцог Норфолк (1473–1554) — видный политический деятель эпохи Тюдоров. Дядя Анны Болейн и Екатерины Говард, жен Генриха VIII.

Эдвард (уменьш. Нед) Сеймур (1506 (?) — 1552) — брат Джейн Сеймур, государственный деятель эпохи Тюдоров, будущий 1-й герцог Сомерсет и лорд-протектор Англии.

Сэр Уильям (уменьш. Уилл) Дормер (1503–1575) — рыцарь и политик, живший в эпоху Тюдоров. По матери приходился дальним родственником Елизавете Вудвилл, жене Эдуарда VI. В 19 лет влюбился в 14-летнюю Джейн и был некоторое время помолвлен с ней.

Томас Вулси (1473–1530) — выдающийся политический деятель и церковный иерарх при дворе Генриха VIII. В 1509 г. после восшествия Генриха VIII на престол был назначен альмонарием, т. е. лицом, раздающим королевскую милостыню бедным, а к 1514 г. превратился в ключевую фигуру во всех областях светской и церковной жизни страны. Высшие посты — лорд-канцлер и архиепископ Йоркский. В 1515 г. назначен кардиналом. Построил дворец Хэмптон-Корт, сохранившийся до наших дней, который впоследствии отошел короне.

Сэр Джон Сеймур (1474–1536) — владетель поместья Вулфхолл в Уилтшире, был возведен в рыцарское звание Генрихом VII, отцом Генриха VIII, за успехи в усмирении Корнуоллского восстания в 1497 г. Оставшуюся часть жизни провел в основном в своем поместье, занимая различные выборные должности в графстве Уилтшир.

Чарльз Брэндон, герцог Саффолк и виконт Лайл (1484–1545) — фаворит Генриха VIII и его зять, одна из самых влиятельных и колоритных фигур при его дворе. Третьим браком был женат на сестре Генриха Марии Тюдор, вдовствующей французской королеве. Каждый его брак сопровождался скандалом. Четвертая жена Брэндона, Кэтрин Уиллоуби, была дочерью Марии де Салинас, фрейлины королевы Екатерины. Она вышла замуж за Брэндона 13 лет от роду, будучи до этого помолвлена с его старшим сыном. Имел восемь законных детей, а также официально признал еще трех своих незаконнорожденных отпрысков.

Брайдвелл — дворец, построенный Генрихом VIII в Лондоне в 1515 г. До наших дней не сохранился.

В описываемое время Кале оставался единственным английским владением на континенте после Столетней войны между Англией и Францией.

Франциск I (1494–1547) — король Франции с 1515 г., сын графа Карла Ангулемского, двоюродного брата короля Людовика XII (женатого на сестре Генриха VIII Марии Тюдор), и Луизы Савойской. Основатель ангулемской ветви династии Валуа. Царствование Франциска характеризуется усилением абсолютизма. Широко известен принцип, используемый им в политике и законодательстве: «*Cartel est notre plaisir*» («Ибо нам так угодно»).

Орден Подвязки — высший рыцарский орден Великобритании. Учрежден королем Эдуардом III в 1348 г. По преданию, когда графиня Солсбери во время танца с королем уронила подвязку и окружающие засмеялись, король поднял подвязку и повязал ее на собственную ногу со словами: «Пусть стыдится тот, кто плохо об этом подумал», ставшими девизом ордена. Одновременно членами ордена Подвязки могут быть не более 25 человек, включая царствующего монарха.

Томас Болейн, граф Уилтшир (1477 (?) — 1539) — английский дипломат и государственный деятель эпохи Тюдоров. Несмотря на скромное происхождение (отец — богатый торговец тканями), был женат на Элизабет Говард, сестре герцога Норфолка. Достиг больших успехов на дипломатическом поприще, не в последнюю очередь благодаря тому, что в совершенстве владел французским и латынью. Отец Анны Болейн, второй супруги Генриха VIII, дед королевы Елизаветы I.

Джордж Болейн, будущий виконт Рочфорд (1503 (4?) — 1536) — брат Анны Болейн, придворный и государственный деятель при дворе Генриха VIII.

Клод Французская (1499–1524) — жена короля Франциска I, старшая дочь его предшественника, двоюродного дяди Людовика XII и Анны Бретонской, герцогини Бретани. Брак с Клод закрепил права Франциска I на французский престол и окончательное присоединение к Франции Бретани.

Луиза Савойская (1476–1531) — принцесса Савойская, мать французского короля Франциска I, которая играла ключевую роль в событиях его царствования. Помимо Франциска, у нее была дочь — писательница Маргарита Наваррская.

Скорее всего, имеются в виду острова архипелага Занзибар в Индийском океане у берегов Африки, которые в настоящее время входят в состав Танзании. В XVI веке были колонией Португалии.

В описываемое время — королевский дворец на месте старинного замка норманнской эпохи, подаренный Генрихом VIII своей жене Екатерине Арагонской перед свадьбой. До наших дней не сохранился.

Маргарет Уэнтворт (1478 (?) — 1550) — мать Джейн Сеймур. По материнской линии состояла в родстве с семьей Говардов и приходилась кузиной Томасу Говарду, Эдмунду Говарду, отцу Кэтрин Говард, и леди Элизабет Говард, матери Анны Болейн. В юности Маргарет была признанной красавицей при дворе короля Генриха VII, а поэт Джон Скелтон в нескольких своих произведениях воспел ее красоту и добродетель. В октябре 1494 г. леди Маргарет вышла замуж за Джона Сеймура, представителя старинного, но не отличавшегося знатностью рода. В этом браке родилось девять детей.

Описываемые в романе события подтверждаются некоторыми (хотя и не всеми) историческими источниками: брак Эдварда Сеймура и Кэтрин Филлол был аннулирован по причине любовной связи последней и сэра Джона Сеймура, отца Эдварда. Много лет спустя в 1540 г. специальным актом Парламента сыновья Джон и Эдвард (в романе — Генри) были признаны незаконными и объявлены наследниками второй очереди после детей от второго брака Эдварда Сеймура.

Иезавель — библейский персонаж, жена израильского царя Ахава. Поклонница чувственных культов Астарты и Ваала. Ее имя стало нарицательным для обозначения распутной, нечестивой женщины.

«Великим Королевским Делом» в описываемую эпоху обозначались усилия, предпринимаемые Генрихом для аннулирования брака с Екатериной Арагонской, закончившиеся разрывом с Папой, отказом от католицизма и созданием англиканской церкви.

Шуберинесс — город в устье Темзы в графстве Эссекс.

Кройдон — в описываемое время город к югу от Лондона в графстве Суррей. Сейчас — район Лондона.

Клотильда Бургундская, или Клотильда Святая (ок. 475 — ок. 545) — вторая жена франкского короля Хлодвига I, убедившая своего мужа принять католичество. Почитается как святая (ее день — 4 июня), покровительница невест, приемных детей, родителей, изгнанников и вдов.

Левит 20:21. Сравн. также: «Наготы жены брата твоего не открывай, это нагота брата твоего». Левит 18:16.

Второзаконие 25:5.

Карл V Габсбург (1500–1558). Король Испании (Кастилии и Арагона) с 1516 г., император Священной Римской империи с 1520 г. Крупнейший государственный деятель Европы первой половины XVI века. Сын Филиппа I Красивого, герцога Бургундского, и Хуаны I Безумной, сестры Екатерины Английской, дочери Изабеллы Кастильской и Фердинанда Арагонского.

Битва при Мохаче — сражение, происшедшее 29 августа 1526 г. у г. Мохач в Южной Венгрии, в котором армия Османской империи под командованием Сулеймана I Великолепного нанесла сокрушительное поражение объединенному венгеро-чешско-хорватскому войску. Битва при Мохаче открыла перед турками широкие возможности для покорения всей Центральной Европы. Султан Сулейман I даже начал осаду Вены в 1529 г. На месте покоренных османами венгерских земель образовалась новая область — Османская Венгрия, существовавшая в 1526–1699 годах.

Разграбление Рима произошло 6 мая 1527 г., когда наемные войска Карла V, осаждавшие Рим в ходе итальянских войн, вышли из повиновения, штурмом взяли и жестоко разграбили Вечный город, а Папа Римский Климент VII оказался осажден в замке Святого Ангела, откуда был выпущен за баснословный выкуп в 400 тысяч дукатов. Во время разграбления Рима швейцарская гвардия Папы была перебита на ступенях собора Св. Петра. Это событие стало легендарным, и до сих пор ватиканские гвардейцы принимают присягу в роковой день 6 мая.

Крестьянская война в Германии — народное восстание в Центральной Европе, в основном на территории Священной Римской империи в 1524–1526 гг., во главе которого стояли Ганс Мюллер, Гец фон Берлихинген и Томас Мюнцер. Наиболее масштабные выступления пришлось на весну — лето 1525 г., когда в событиях участвовало около 300 000 крестьян-повстанцев. По современным оценкам, количество погибших составило около 100 000 человек.

Гринвич — королевская резиденция с 1447 г. и на протяжении двух веков. Здесь родились сам Генрих VIII, а также его дочери Мария I и Елизавета I.

Потница — заболевание, не встречающееся в наше время, по-видимому, особая форма гриппа с осложнением на легкие, или геморрагическая лихорадка. Болезнь характерна скоротечностью, и больной умирал прежде, чем понимал, что следует обратиться к врачу. Описываемая здесь эпидемия потницы не была первой. Эта же самая загадочная болезнь прокатилась по Южной Англии летом 1485 г. и вновь появилась в 1508 г. Говорили, что гнев Божий на страну навлекло суровое правление Генриха VII, но страшная болезнь возвратилась уже во время правления его сына Генриха VIII.

«Кто без греха, пусть первый бросит камень» — ставший крылатой фразой ответ Иисуса на требование фарисеев побить камнями грешницу, «взятую в прелюбодеянии» (Иоан. 8:1–12).

Титтенхенгер — поместье в Хертфордшире, рядом с Сент-Олбансом.

Названы по имени выдающегося философа и врача Абу Бакр Мухаммед ибн Закарийа Ар-Рази (850–923), известного европейцам под именем Разеса (или Разиса). Разес был автором первых арабских энциклопедических медицинских трудов — «Всеобъемлющая книга по медицине» в 25 томах и «Медицинская книга» в 10 томах. Уже в XII в. эти сочинения, обобщившие медицинские знания того времени, были переведены на латынь.

Лоренцо Кампеджио (1474–1539) — итальянский кардинал и политик. Последний кардинал-протектор Англии. С 1528 г. — легат в Англии Папы Климента VII, посланный с специальной миссией для рассмотрения вопроса об аннулировании брака между Генрихом VIII и Екатериной Арагонской. Титул «священника» давался кардиналу по одной из так называемых «титулярных» церквей в пределах Рима.

Одной из многочисленных реликвий эпохи Тюдоров является перчатка на шестипалую руку, по преданию, принадлежавшая Анне Болейн, которая демонстрируется публике в замке Хивер, резиденции Болейнов, хотя не исключено, что этот экспонат — подделка.

3 августа 1529 г. был заключен «дамский мир» в Камбре между Священной Римской империей и Францией, благодаря переговорам между Маргаритой Бургундской, теткой Карла V, и Луизой Савойской, матерью Франциска I.

Томас Кромвель (1485 (?) — 1540) — выдающийся английский государственный деятель, главный идеолог Реформации в Англии, один из основоположников англиканства. Происходил из простой семьи, до описываемых в романе событий служил французским наемником в Италии, после занимался там банковским делом. Вернувшись в Лондон, стал преуспевающим торговцем, а затем и королевским адвокатом.

Грейс-Инн, один из так называемых судебных иннов — адвокатских корпораций, существующих в Англии с XIII века. В эпоху Тюдоров оформились (и существуют по сей день) четыре инна: Линкольнс-Инн, Грейс-Инн, Миддл-Темпл и Иннер-Темпл. Адвокат с правом выступления в суде (барристер) должен быть членом одного из иннов.

Мехелен (фр. Малин) — город в современной Бельгии, центр колокольной музыки. От французского названия этого города пошло русское выражение «малиновый звон».

Элизабет Бартон (Кентская Монахиня, Святая Дева Лондонская, Святая Дева Кентская впоследствии Безумная из Кента; 1506 (?) — 1534) — католическая монахиня, жившая в Англии. Стала знаменитой благодаря видениям, которые начались у нее в 1525 г. после чудесного исцеления от тяжелой болезни. В том же году постриглась в монахини. Пользовалась огромной популярностью как у простого народа, так и среди правящей элиты.

Томас Беккет (также Фома Кентерберийский, 1118–1170) — выдающийся английский государственный и церковный деятель XII века. Канцлер короля Генриха II Плантагенета, а затем архиепископ Кентерберийский (с 1162 г. по 1170 г.). Вступил в конфликт с Генрихом II и был убит, возможно, по наущению короля, на ступенях алтаря Кентерберийского собора. Через три года после смерти канонизирован. Его мощи в Кентерберийском соборе были на протяжении многих веков объектом массового паломничества. К гробнице Томаса Беккета направляются паломники из «Кентерберийских рассказов» Дж. Чосера — первого литературного произведения на английском языке.

Эсташ Шапуи (1494–1556) — итальянский дипломат на службе императора Карла V, был послом в Англии с 1529 по 1545 г. Пользовался огромным влиянием при дворе, непримиримый противник Анны Болейн. Его обширная переписка является одним из ценнейших источников сведений об описываемой в романе эпохе.

Савояр — житель области Савойя на севере Италии.

Особый церковный суд католической церкви под названием инквизиция был создан еще в 1215 г. Папой Иннокентием III. Ведущую роль в «обнаружении, искоренении и предотвращении ересей» этот институт получил в 1478 г., когда король Фердинанд и королева Изабелла, родители Екатерины Арагонской, с санкции Папы Сикста IV учредили испанскую инквизицию.

Лютер, Мартин (1483–1546), немецкий религиозный деятель, зачинатель движения Реформации. С 1506 г. — монах, с 1508 г. — преподаватель Виттенбергского университета. В 1517 г. вывесил на дверях дворцовой церкви в Виттенберге 95 тезисов, ставших первым документом Реформации.

Различные игры в мяч, в том числе снабженный перьями, с использованием ракеток, — прообразы современного тенниса и бадминтона — были очень популярной забавой знати в описываемый период. В молодости Генрих VIII считался одним из лучших игроков в мяч своего королевства.

«Моя дорогая мадемуазель, мой ангел, мой цветочек, моя малютка...» (фр.).

Оутлендз в описываемое время — королевская резиденция Тюдоров (а затем и Стюартов) в графстве Суррей, в 18 милях от Лондона. Здание дворца многократно перестраивалось и до современности не дошло.

Дувр — город на Востоке Англии, на берегу Ла-Манша. В описываемую эпоху — крупнейший и ближайший к Франции порт на Британских островах.

Генрих VIII в 1533 г. присвоил этот титул незамужней Анне Болейн, чтобы сделать ее самой титулованной дамой королевства, за исключением членов королевской семьи.

Апостол Павел, Послание к Ефессянам 6:12.

Замок Шамбор — один из замков Луары. Был построен по приказу Франциска I, который хотел быть ближе к своей возлюбленной — графине Клод де Тури, жившей неподалеку.

Этот титул Екатерина Арагонская носила после смерти ее жениха Артура Тюдора, старшего брата Генриха VIII.

Сэр Френсис Уэстон (1513–1536) — паж Генриха VIII, а затем и один из его фаворитов.

Сэр Томас Уайатт (Уайет) (1503–1542) — английский лирический поэт, первым начавший широко использовать форму сонета и писавший стихи на английском языке. Ходили упорные слухи о его связи с Анной Болейн. Имя «Анна» носит возлюбленная его сонетов.

Жан Кальвин (1509–1564) — французский богослов, реформатор церкви, основатель кальвинизма. В 1532 г. вынужден был бежать в Швейцарию.

К Римлянам (12:19).

Хэтфилд — королевская резиденция в графстве Хертфордшир, построенная отцом Генриха VIII, Генрихом VII. В перестроенном виде сохранился до наших дней и сейчас является собственностью маркизов Сейлсбери. В его интерьерах снято большое количество английских и американских кино- и телефильмов.

Павел III, в миру Алессандро Фарнезе (1468–1549), Папа Римский с 1534 по 1549 г. Несмотря на известную широту взглядов, понимание необходимости внутреннего реформирования католической церкви и приверженность идеям гуманизма, противостоял англиканству и всем проявлениям Реформации.

Английские меры длины: 1 ярд — 91,44 сантиметра, 1 фут — 30,48 сантиметра.

В описываемую эпоху трирема — галера с парусом, на которой с каждого борта сажались три ряда гребцов. Скамьи для гребцов назывались банками, и их количеством определялась грузоподъемность и быстроходность судна.

Квадрирема — галера с четырьмя рядами гребцов по каждому борту.

Один из основных принципов герметической философии, сформулированный в «Изумрудной скрижали», приписываемой Гермесу Трисмегисту, и полностью звучащий как «Что вверху — то и внизу, то, что снаружи — подобно тому, что внутри».

Рединг — старинный город на Темзе в графстве Беркшир, располагается выше по течению Лондона.

Чим — городок к югу от Лондона в его тогдашних границах. Сейчас полностью поглощен Большим Лондоном.

Уайтхолл — главная резиденция английских монархов в Лондоне с 1530 до 1698 г., когда дворец почти полностью сгорел в Великом лондонском пожаре.

Джон Фишер (1469–1535) — епископ Рочестерский и кардинал. Отказывался признать аннулирование брака Генриха и Екатерины и так называемый «Акт о супрематии», окончательно закрепивший образование англиканской церкви, главой которой становился король Англии. В 1534 г. заключен в Тауэр, в 1535 г. казнен. Впоследствии канонизирован католической церковью, а затем и англиканской церковью.

Томас Мор (1478–1535) — английский мыслитель, писатель, правовед, автор знаменитого социально-политического романа «Утопия». Один из ведущих государственных деятелей при дворе Генриха VIII, где занимал должность лорд-канцлера (1529–1532). Ушел в отставку с этого поста формально по болезни, а фактически в знак протеста против развода короля и церковной реформы. В 1535 г. казнен по обвинению в государственной измене, канонизирован католической церковью, а затем и англиканской церковью.

Замок Кимболтон находится неподалеку от Кембриджа и в описываемое время был одной из многочисленных королевских резиденций. Он сохранился до наших дней, и в нем располагается закрытая престижная Кимболтонская школа-интернат. По преданию, призрак Екатерины Арагонской до сих пор посещает замок.

День Всех Святых — 1 ноября.

Сэр Николас Кэрю (1496–1539) — придворный и дипломат при дворе Генриха VIII. Друг детства и приближенный короля, занимал важнейшие государственные посты. Впоследствии казнен за участие в заговоре Эксетера.

Томас Крэнмер (1489–1556) — архиепископ Кентерберийский, один из виднейших деятелей английской Реформации. Составил и опубликовал «Книгу общей молитвы», основную богослужбную книгу англиканской церкви. Сожжен на костре в царствование Марии I Кровавой.

Вильгельм I Завоеватель (1027 (?) — 1087) — герцог Нормандии, в 1066 г. вторгшийся в Англию, победивший в битве при Гастингсе саксонского короля Гарольда, провозглашенный в том же году правителем Англии и положивший начало Нормандской династии на английском престоле.

Король-Крот — персонаж английского фольклора, упоминаемый в так называемых «Пророчествах Мерлина». В одной из версий этих пророчеств говорится о том, что шестым королем после Иоанна Безземельного (1167–1216) станет «муж волосатый, словно одетый в козью шкуру», который в начале своего правления будет любим народом, а затем «падет под гнетом своих грехов и гордыни». Хотя никаких формальных оснований для отождествления Генриха VIII с этим персонажем не было, в частности потому, что он был уже двенадцатым властителем после Иоанна на английском престоле, эта легенда имела широкое распространение в описываемый период.

Анна Болейн была казнена 19 мая 1536 г. в Тауэре. Ей отрубил голову специально выписанный из Франции палач Жан Ромбо. На казни присутствовали Томас Кромвель, Чарльз Брэндон, Генри Фицрой и лорд-мэр Лондона.

Ричард Пейдж (?-1548) — один из приближенных Генриха VIII. 8 мая 1536 г. арестован по обвинению в измене и прелюбодеянии с королевой. Вместе с ним были арестованы и заключены в Тауэр еще шесть человек: Томас Уайатт, Генри Норрис, Уильям Бреретон, Френсис Уэстон, Марк Смитон и брат Анны Джордж Болейн, виконт Рочфорд. Все, кроме Пейджа и Уайатта, были признаны виновными и казнены.

На самом деле родство Джейн Сеймур и Генриха VIII гораздо более отдаленное: обе праправнуки Эдуарда III Плантагенета, т. е. брат и сестра в четвертом колене.

Альмонарий — *здесь*: лицо, состоящее при особе королевской крови и отвечающее за раздачу милостыни, ответы на прошения, жалованья королевских привилегий и милостей.

Терпсихора — муза, покровительница танца.

Служба королевских работ существует в Англии с 1378 г. и в описываемый период надзирала за строительством и реконструкцией королевских замков и резиденций. В 1940 г. преобразована в отдел Министерства общественных работ.

В описываемое время вилок за столом широко не пользовались, обходясь ножом, ложкой и куском хлеба. Само слово «вилка» впервые появилось в английском языке в 1611 г., то есть всего лишь за 25 лет до описываемых событий. Широкое применение в Англии вилка получила только в XVIII веке.

Описываемые события в истории носят название «Благодатное паломничество». Эти масштабные волнения в 1536 г. на севере Англии, проходившие под религиозными лозунгами, были вызваны политикой закрытия монастырей и секуляризацией их земель.

Плоды айвы в описываемое время считались символом любви и изобилия. Их подавали на свадебных банкетах.

Кулеврина — длинноствольное артиллерийское орудие, которое в XV–XVII веках применялось для стрельбы на дальние расстояния.

Здесь проживала Анна Клевская (1515–1557), впоследствии четвертая жена Генриха VIII.

Эдуард VI (1537–1553), король Англии с 28 января 1547 г., дожил лишь до пятнадцати лет.

Мария I Тюдор (1516–1558) — дочь Генриха VIII и Екатерины Арагонской. Унаследовала корону Англии после смерти брата Эдуарда VI и казни ставленницы протестантов леди Джейн Грей в 1553 г. Ярая сторонница католицизма. За массовые преследования и казни получила прозвище Мария Кровавая.

Колледж Магдалины — один из самых престижных и старейших колледжей в Оксфорде. Основан в 1458 г. епископом Винчестерским. В описываемый период среди преподавателей и студентов Оксфордского и Кембриджского университетов симпатии к англиканской церкви были настолько сильны, что королева Мария I даже была вынуждена запретить получение студентами этих университетов любых ученых степеней, подтверждающих прохождение ими курса обучения, если они не докажут свою приверженность католической вере.

Сэр Фрэнсис Ноллис (1514–1596) — английский придворный и государственный деятель. За свою приверженность протестантизму пользовался покровительством Генриха VIII, окружения Эдуарда VI и, впоследствии, лично Елизаветы I.

Джослин Палмер (1530 (?) — 1555) — ученый и богослов. Будучи сыном простого торговца, прославился в университетской среде своими талантами еще в период обучения в колледже Магдалины в Оксфорде. Был домашним учителем сэра Фрэнсиса Ноллиса. В юности исповедовал радикальные католические взгляды, а затем резко изменил убеждения после казни «оксфордских мучеников» Ридли и Латимера, на которой, по некоторым данным, присутствовал в 1555 г. В том же году сожжен в Рединге по обвинению в ереси.

Кэтрин Кэри (в замужестве леди Ноллис) (1524–1569) — дочь Марии Болейн и племянница Анны Болейн, второй жены Генриха VIII. Фрейлина четвертой и пятой жён короля Генриха Анны Клевской и Екатерины Говард. В 1540 г. вышла замуж за Фрэнсиса Ноллиса и родила ему 14 детей.

Мария Болейн (1499/1500–1543) — сестра Анны Болейн, одна из многочисленных любовниц Генриха VIII. По слухам, также была любовницей Франциска I, короля Франции когда жила при французском дворе. Первым браком замужем за сэром Уильямом Кэри, вторым — за Уильямом Стаффордом, человеком незнатного происхождения.

Ротерфилд-Грейз — деревня в Южном Оксфордшире, где находилось имение Ноллисов. До нашего времени сохранилась фамильная часовня Ноллисов, где покоятся Фрэнсис и Кэтрин Ноллис.

По некоторым сведениям, подтвержденным последними исследованиями, Кэтрин Кэри провела с Анной Болейн ночь перед казнью в 1536 г., утешая и развлекая приговоренную, а затем была свидетельницей казни своей тетки.

Консistorия в протестантизме — церковно-административный орган. Франкфуртская Консistorия в описываемый период ведала практически всеми делами в городе и пользовалась непререкаемым авторитетом, так как Франкфурт имел статус «Имперского города», то есть подчинялся напрямую императору, и в городе не было ни правителя, ни наместника.

В описываемую эпоху верхние рукава из более плотной ткани отстегивались от лифа платья и являлись самостоятельной деталью туалета, которую можно было носить с различными нарядами.

Анабаптисты (перекрещенцы) — приверженцы крайне неоднородного радикального протестантского учения, зародившегося в XVI веке в Германии и получившего распространение также в Швейцарии и Нидерландах. Одним из основных положений их доктрины являлось требование крещения в сознательном возрасте, то есть акт крещения рассматривался как осознанный выбор человека, а сама вера — как деятельное ученичество. Враждебное отношение лютеранской церкви к анабаптистам было обусловлено близостью учения последних к позиции Томаса Мюнцера, одного из лидеров Крестьянской войны в Германии, отрицанием централизованной церковной организации, отказом подчиняться установлениям любого правительства, радикальной социальной программой (вплоть до общности имущества). Усилившееся после Крестьянской войны преследование анабаптистов не только не положило конец движению, но, наоборот, содействовало его распространению: изгоняемые из одних городов, перекрещенцы шли в другие и везде приобретали новых последователей, преимущественно среди низших классов населения.

Мария I умерла 17 ноября 1558 г., за несколько дней до смерти назначив свою сводную сестру Елизавету своей преемницей.

Тайный совет, или Королевский совет — совещательный орган при английских монархах. Играл особую роль при Елизавете I, так как объединял виднейших государственных деятелей ее эпохи и принимал решения по важнейшим вопросам жизни в стране, которые затем утверждались королевой.

Практика лечения королями определенных заболеваний наложением рук пошла из Франции со времен Людовика Святого (1214–1270). Этот король лечил таким образом золотуху, произнося ставшую затем общеупотребительной формулу: «Король тебя коснется, Господь тебя излечит». В Англии аналогичный обычай берет свое начало от Эдуарда Исповедника (1003–1066).

Куранта и гальярда — старинные французские танцы, популярные в описываемую эпоху при всех европейских дворах.

Нюренбергские часы (или «нюренбергское яйцо») — округлые карманные часы в металлическом корпусе, которые носили на цепочке. Изобретены в 1510 г. жителем Нюрнберга Петером Хенляйном, который первым ввел в механизм часов пружину.

Роберт Дадли, граф Лестер (1532–1588) — английский государственный деятель эпохи правления королевы Елизаветы I и ее фаворит.

Филипп II (1527–1598) — сын императора Карла V, король Испании с 1556 г., после отречения от престола своего отца. Женился на Марии I Английской (Марии Кровавой) летом 1554 г. Он был на двенадцать лет моложе своей жены. По брачному договору Филипп не имел права вмешиваться в управление государством; дети, рожденные от этого брака, становились наследниками английского трона. В случае преждевременной смерти королевы Филипп должен был вернуться назад в Испанию. После того как стало ясно, что Мария не может иметь детей, и в период ее тяжелой болезни непопулярный у англичан Филипп искал поддержки верхушки английского дворянства с тем, чтобы после смерти Марии жениться на ее сестре Елизавете.

Джон Дадли, отец Роберта Дадли, пользовался огромным влиянием на короля Эдуарда VI. Умиравший Эдуард назначил своей преемницей леди Джейн Грей, состоящую в браке с сыном Джона и братом Роберта — Гилфордом Дадли. После низложения королевы Джейн все Дадли, включая Роберта, были объявлены государственными преступниками и помещены в Тауэр. Джон и Гилфорд Дадли были впоследствии казнены, а Роберт был помилован королевой Марией и вышел на свободу. Не исключено, что общность судьбы, совместно пережитое заточение сблизили Дадли и будущую королеву Англии Елизавету.

Супруг Марии Филипп Испанский, многое сделав для освобождения Елизаветы, выступил и в защиту Роберта Дадли — он вербовал английских дворян для участия на его стороне в войне с Францией. Роберт Дадли заслужил прощение королевы Марии после битвы при Сен-Кантене, которая состоялась 10 августа 1557 г. во Фландрии, когда испанская армия одержала победу над французами.

Йомены — *здесь*: личные телохранители британского монарха в описываемую эпоху, одетые в ярко-красную форму. Сейчас форму йоменов носят привратники лондонского Тауэра.

Крокет — спортивная игра, участники которой ударами специальных молотков на длинной ручке проводят шары через воротца, расставленные на площадке в определенном порядке.

Фрамлингхэм-парк — охотничьи угодья неподалеку от замка Фрамлингхэм (построенного в XII веке) в графстве Саффолк. Замок сохранился до наших дней.

Амберли — деревня и местность в Северном Девоне.

Чарни-Бассет — поместье в Беркшире рядом с Эбингдонским аббатством. Сохранилось до настоящего времени.

Мидвейлские холмы — гряда холмов неподалеку от Оксфорда.

Камнор-Плейс — поместье в Оксфордшире, арендовавшееся в описываемую эпоху Робертом Дадли. В 1560 г. здесь погибла Эми Робсарт-Дадли. В 1810 г. здание поместья было снесено под предлогом того, что его постоянно посещал призрак жены лорда Роберта, наводивший ужас на местных жителей.

Уильям Сесил, барон Бёрли (1521–1598) — выдающийся государственный деятель елизаветинской эпохи, государственный секретарь в 1550–1553 и 1558–1572, лорд-казначей Англии с 1572 г.

В подлинных материалах коронерских слушаний упоминается горничная леди Эми по имени Пинто.

Леду, жену спартанского царя Тиндарея, совратил Зевс по древнегреческой (он же Юпитер по древнеримской) мифологии, явившись к ней в образе лебедя. От этого союза родилась, в том числе, Елена Прекрасная, из-за которой разгорелась Троянская война. «Леда и лебедь» — любимый сюжет искусства эпохи Возрождения, к которому обращались Леонардо да Винчи, Микеланджело, Корреджо и др.

По преданию, искусный охотник Адонис стал возлюбленным богини любви Венеры. Сюжет страсти, вспыхнувшей между богиней и простым смертным, широко использовался в живописи и литературе описываемой эпохи (поэма У. Шекспира «Венера и Адонис»).

Согласно легенде красавица Психея стала женой некоего невидимого существа, с которым проживала в сказочном дворце. Супруг Психеи поставил условие, что она не должна пытаться узнать, кто он такой. Завистливые сестры подговорили, Психею зажечь ночью светильник, когда муж уснет, чтобы раскрыть его тайну. Послушавшись их, Психея обнаружила, что ее муж — прекрасный бог любви Купидон (он же Амур или Эрот).

Коронер (название появилось в 1194 г. и означает «представитель, гарант интересов короны») в тогдашней Англии и современной Великобритании — должностное лицо, расследующее случаи внезапной смерти или смерти, происшедшей при подозрительных обстоятельствах. Так называемый «коронерский суд» в составе самого коронера и 6 присяжных заслушивает свидетелей и экспертов; затем присяжные выносят вердикт о причинах смерти. Коронерский суд решает только один вопрос — можно ли считать смерть насильственной. Если да, то дело получает дальнейший ход, расследуется в установленном порядке и рассматривается в суде общей юрисдикции.

Представитель Геральдической палаты Ее Величества с правом ношения креста Святого Георгия в описываемую эпоху — влиятельное должностное лицо, представляющее корону в суде и на официальных церемониях. С 1553 по 1566 г. эту должность занимал Генри Котгроув. Крест Святого Георгия, символ Англии, представляет собой красный прямой крест на белом фоне.

В описываемую эпоху натуральная (или черная) оспа — опаснейшее инфекционное заболевание — регулярно и массово поражала население различных стран Европы. Среди взрослых смертность от нее доходила до 25 %, среди детей — до 1/3 всех заболевших. Многие переболевшие ею оставались обезображенными на всю жизнь, так как болезнь сопровождалась значительными высыпаниями на коже, — или теряли зрение. В Англии того времени оспопрививания еще не существовало (пионером вакцинации людей коровьей оспой стал только в 1796 г. английский врач Эдвард Дженнер), и болезнь лечили всевозможными странными методами, призванными «выманить оспу наружу», например одевали больных в красное или заставляли смотреть на предметы ярких расцветок.

Мэри Сидни, в замужестве Герберт (1561–1621) — дочь Генри Сидни и Мэри Дадли, сестры Роберта Дадли. Сестра Филиппа Сидни — знаменитого поэта елизаветинской эпохи. Получила прекрасное образование, серьезно занималась теологией, химией, литературой. Со временем вокруг нее сформировался так называемый «Уилтонский круг» (по названию ее лондонского особняка Уилтон-Хаус) поэтов и литераторов, самым знаменитым из которых был Эдмунд Спенсер.

Чартли — замок в Стаффордшире. Построен после 1100 г., перестроен в 1220 г. Через несколько десятков лет после описываемых здесь событий Чартли стал одним из последних мест заточения шотландской королевы Марии Стюарт перед ею казнью. Величественные руины замка сохранились до наших дней.

Оркнейские острова — архипелаг в северной части Шотландии, расположенный между островом Великобритания и Шетландскими островами.

Гунтер (от англ. *hunter* — охотничья лошадь) — верховая лошадь, специально выводимая для охоты в Англии и Ирландии, обычно рожденная от чистокровного верхового жеребца и упряжной кобылы.

Амброз Дадли, граф Уорик (1530–1590) — старший брат Роберта Дадли, государственный деятель и военачальник елизаветинской эпохи. Поддерживал младшего брата и разделял его интересы, но вел гораздо более размеренную и «правильную» жизнь, за что получил от современников прозвище «добрый граф Уорик».

Орден Пегаса — вымышленный рыцарский орден. Тема ордена рыцарей, оседлавших крылатых коней, встречается еще в европейской средневековой литературе. При дворе Елизаветы и в юридических корпорациях (иннах) игрался целый ряд рождественских пьес, действие которых происходило при дворе мифического правителя Паллафила. Среди персонажей этих пьес — рыцари ордена Пегаса, возглавляемого Паллафилом.

Кристофер Хаттон (1540–1591) — английский государственный деятель елизаветинской эпохи, лорд-канцлер Англии, фаворит Елизаветы I. В течение всей жизни неизменно принимал ее сторону и поддерживал ее во всех начинаниях.

Замок Кенилворт находится в графстве Уорикшир в центральной части Англии. Известен с XI века. До описываемой эпохи его прежние владельцы много перестраивали и расширяли замок, сделав его одним из самых величественных и знаменитых в Англии. Роберт Дадли трижды — в 1566, 1568 и 1575 г. — устраивал там пышные праздники, память о которых сохранилась на многие годы. В настоящее время отреставрированные руины замка являются собственностью фонда охраны памятников «Наследие Англии».

Мария I, или Мария Стюарт (1543–1587) — королева Шотландии с младенчества, фактически правила с 1561 г. до низложения в 1567 г., а также королева Франции в 1559–1560 гг. (как супруга короля Франциска II) и претендентка на английский престол, как правнучка Генриха VII и внучка сестры Генриха VIII Маргариты Тюдор. Трагическая судьба и пожизненное соперничество с Елизаветой I Английской сделали ее одной из самых знаменитых личностей в истории. Предложение Елизаветой кандидатуры Роберта Дадли в мужа Марии подтверждается перепиской между обеими королевами.

Томас Хенидж (1532–1595) — английский государственный деятель и придворный Елизаветы I.

Игра слов — фамилия «Хенидж» созвучна английскому «hen» — «курица».

Генри Стюарт, лорд Дарнли (1545–1567) — супруг Марии Стюарт с 1565 г. Как и Мария, являлся внуком Маргариты Тюдор, сестры Генриха VIII, и, соответственно, правнуком Генриха VII.

Сын Марии Стюарт и лорда Дарнли Яков (1565–1625), король Шотландии с 1567 г. под именем Якова VI, действительно взойдет на объединенный трон Англии и Шотландии в качестве преемника Елизаветы 24 марта 1603 г., когда он будет коронован как Яков I, и положит начало династии Стюартов на английском престоле.

Дуглас Шеффилд, в девичестве Говард (1542 (?) — 1608) — одна из придворных дам Елизаветы I, имевшая связь с лордом Робертом Дадли.

Екатерина Говард (1520(25?)—1542) — пятая жена Генриха VIII, двоюродная сестра Анны Болейн. Казнена по обвинению в супружеской измене. По мнению историков, она действительно изменяла королю с другом детства и дальним родственником Фрэнсисом Деремом и пажом короля Томасом Калпеппером, которые также были казнены.

Вечерняя Звезда — планета Венера.

Дукат — старинная серебряная, затем золотая (3,4 г) монета; появилась в Венеции (1140). Позже чеканилась во многих западноевропейских странах (иногда под названием цехина или флорина).

Вальпараисо — порт на тихоокеанском побережье Южной Америки. В настоящее время находится на территории Чили. В ту эпоху, когда еще не существовало Панамского канала, был крупнейшим портом испанских колоний на Тихом океане. Обширные кварталы старинной застройки порта являются памятником исторического наследия ЮНЕСКО.

Корнуолл (или Корнуэлл) — полуостров на юго-западе Англии. Отличается неповторимым и живописным географическим ландшафтом. Изрезанная скальная береговая линия создает много бухт, заливов и естественных гаваней. Издавна славился как «гнездо» пиратов и контрабандистов.

Сэр Фрэнсис Дрейк (1540 (?) — 1596) — английский мореплаватель, корсар, вице-адмирал с 1588 г. Первый англичанин, совершивший кругосветное путешествие (в 1577–1580 гг.), из которого вернулся, привезя клубни картофеля и сокровища на 600 000 фунтов стерлингов, сумму, в два раза превышающую размер ежегодного дохода английского королевства. Дрейк был встречен как национальный герой, обласкан королевой и удостоен рыцарского звания.

Послания к Коринфянам 10:26.

Крез (595–546 до н. э.) — последний царь Лидии в 560–546 до н. э., славившийся своим богатством.

Лондонский мост — соединяет северный и южный берега Темзы. Строительство того каменного моста, который стоял в эпоху Тюдоров, началось еще в Средневековье — в 1176 г. и закончилось в 1209 г., то есть 33 года спустя. При Елизавете I на мосту стояло до 200 зданий, самые высокие из которых достигали семи этажей. Проезжая часть моста имела всего 12 футов (4 метра) в ширину, и в целях упорядочения движения по нему был издан указ о том, чтобы все повозки и кареты из Саутворка в Сити двигались по западной стороне моста, а из Сити — по восточной стороне моста, что, возможно, явилось причиной использования в Великобритании системы левостороннего дорожного движения.

В описываемую эпоху в Смитфилде находились скотобойни и крупнейший мясной рынок.

Франсуа, герцог Алансонский, впоследствии герцог Анжуйский (1555–1584) — младший сын Генриха II Французского и Екатерины Медичи. Во время религиозных войн во Франции не раз выступал на стороне лидеров протестантов принца Конде и Генриха Наваррского. Единственный из женихов Елизаветы — представителей королевских дворов Европы, — который лично прибыл в Англию для встречи с ней.

Роберт Дадли (1574–1649) — побочный сын Роберта Дадли, графа Лестера, признанный им, и Дуглас Говард-Шеффилд. Впоследствии знаменитый английский исследователь, мореплаватель, ученый и картограф.

Уонстед — ныне микрорайон на северо-востоке Лондона. Семейное имя Дадли до нашего времени не сохранилось.

Генрих II Французский (1519–1559), отец Франсуа Алансона, погиб на рыцарском турнире, устроенном им в честь свадьбы дочери и заключения мира в Камбре. Копье графа Монтгомери, командира королевской гвардии, в которую набирались шотландские дворяне, сломалось о панцирь короля, осколки копья вонзились в лоб Генриха и попали ему в глаз. Несколько дней спустя Генрих умер от этой раны, несмотря на помощь, оказанную лучшими врачами того времени, включая Амбруаза Парэ.

Екатерина Медичи (1519–1589) — жена Генриха II, королева Франции. Оказывала огромное влияние на государственные дела после смерти своего мужа ([см. выше](#)). Ее первый сын Франциск II (1544–1560) пробыл на французском престоле всего полтора года (с июля 1559 г. по декабрь 1560 г.). Во время правления ее второго сына — Карла IX (1550–1574) произошло широко известное массовое убийство гугенотов — Варфоломеевская ночь (1572). В правление третьего сына Екатерины Генриха III (1551–1589) ее политическое влияние уменьшилось. Поскольку все ее сыновья, включая не правившего Франсуа, герцога Алансонского и Анжуйского, умерли в молодом возрасте, не оставив наследников, а по «Салическому закону» трон Франции передавался исключительно по мужской линии, династия Валуа прервалась и на престол вступил Генрих IV Наваррский.

На самом деле первое кругосветное путешествие в 1519–1522 г. совершила испанская экспедиция под командованием португальца Фернана Магеллана (1480–1521). Во время плавания Магеллан погиб, и единственное оставшееся из пяти судов, начавших экспедицию, судно «Виктория», обратно в Севилью привел испанец Хуан Элькано (1486–1526).

Договор об ассоциации — документ, составленный по инициативе Уильяма Сесила и Фрэнсиса Уолсингема в 1584 г. с целью защиты жизни Елизаветы I.

В 1588 г. в Европе ожидали исполнения пророчества кенигсбергского математика, астронома и астролога Йоганна Мюллера (1436–1476), известного также под латинизированным именем Региомонтан. Этот умерший еще за сто с лишним лет до описываемых событий ученый уверял, что наиболее важные вехи истории после смерти Христа наступают через определенные промежутки времени и что такие циклы связаны с движением звезд. Придворный астролог и доктор Елизаветы Джон Ди (1527–1608) пришел к убеждению, что второе затмение луны в 1588 г. может предвещать кончину королевы. Королевский совет строго запретил публикацию столь опасного вывода из проведенных исследований. Но предсказания Региомонтана все равно стали достоянием гласности, и пришлось по распоряжению правительства издавать памфлеты с целью опровержения его пророчеств.

В 1561 г. шпиль собора Святого Павла в Лондоне был уничтожен молнией и так и не восстановлен. Протестанты и католики, каждый со своей стороны, посчитали это событие знаком Божьего гнева.

В описываемую эпоху длина так называемой английской мили варьировалась, и лишь чуть позже в 1593 г. она была закреплена специальным актом Парламента как составляющая 1760 ярдов или 5280 футов (то есть примерно 1609 м).

Дворец Нонсач — королевская резиденция Тюдоров, а затем и Стюартов. Построен Генрихом VIII в Суррее. Просуществовал с 1538 по 1682 г. Самый величественный дворцовый проект Генриха VIII (название которого переводится как «Единственный в своем роде» — Nonsuch) не был до конца завершен при его жизни. В описываемый период принадлежал графу Арунделу, который его достроил. Дворец не дошел до наших дней, а некоторые элементы его интерьера хранятся в Британском музее.

Единственный инцидент среди многочисленных покушений на Елизавету, который до некоторой степени соответствует описываемому здесь, произошел в 1584 г., когда на королеву покушался доктор Уильям Пэрри, член Парламента от Уэльса. Об обстоятельствах покушения и мотивах убийцы в исторической литературе даются весьма противоречивые сведения. Одно известно точно — Пэрри был пойман, приговорен к смерти и казнен.

Имеется в виду Роберт Сесил (1563–1612) — младший сын Уильяма Сесила, лорда Берли, действительно имевший указанный физический недостаток. Роберт Сесил занимал важнейшие должности при дворе Елизаветы, а затем и ее преемника Якова I Стюарта.

Бакстон — курорт в графстве Дербишир. Знаменит еще с римских времен своими минеральными водами и геотермальными источниками.

Госпиталь для бывших солдат в Уорике был заложен Робертом Дадаи, графом Лестером, в 1571 г. и функционирует до сих пор в тех же самых исторических зданиях. Примечательно, что госпиталь управляется по уставу, написанному собственноручно графом Лестером, и до сих пор принимает на полное довольствие армейских ветеранов, которых по традиции величают «братьями». По торжественным дням «братья» облачаются в костюмы эпохи Тюдоров с гербом Дадли, и те из них, кому позволяет здоровье, проводят экскурсии для посетителей по госпиталю и прилегающей территории.

Рич — богатый, состоятельный (*англ.*).

Фой — городок в устье, одноименной реки в графстве Корнуолл.

Гондскот (фр. Оншут) — город во Фландрии (сейчас находится на территории Франции).

Галиот — легкая быстроходная парусная галера.

Милфорд (полное название Милфорд-Хейвен) — город и порт в Пемброкшире (Уэльс). Естественная гавань считалась одной из самых безопасных на побережье Уэльса.

Гравелинское сражение — морское сражение между британским и испанским флотами, которое произошло 8 августа 1588 г. к северу от г. Гравелина, находящегося у южного берега пролива Па-де-Кале при впадении реки Аа в Северное море. Закончилось поражением испанской Непобедимой Армады.

Глориана — персонаж поэмы «Королева фей» Эдмунда Спенсера (1552 (?) — 1599), в лице которой он изобразил Елизавету. С течением времени к королеве стали часто обращаться по этому имени. По историческим свидетельствам, именно так приветствовали ее войска у Тилбери после поражения Непобедимой Армады.

Фрэнсис Уолсингем, графиня Эссекс и Кланрикард (1567–1633) — дочь Фрэнсиса Уолсингема, государственного секретаря Елизаветы. Первым браком в возрасте 16 лет вышла замуж за знаменитого литератора и военного Филипа Сидни. После смерти Сидни, выполняя, по преданию, последнюю волю покойного мужа, стала женой Роберта Деверё, графа Эссекса, от которого родила пятерых детей. Третьим браком в 1601 г. сочеталась со своим давним возлюбленным Ричардом Бёрком, графом Клэнрикардом, и переехала в Ирландию.

Драйтон-Бассет — в настоящее время деревня в Стаффордшире. Имение Дадли впоследствии много раз менявшее владельцев, не сохранилось.

Церковь Святого Джайлса (полное название «церковь Святого Джайлса-в-полях») — приходская церковь в лондонском районе Кэмден. Построена в 1101 г., в перестроенном виде существует по сей день. Интересно, что кирпичное здание церкви в псевдоготическом стиле, построенное в 1630 г., было возведено в основном на деньги Элис Дадли, жены Роберта Дадли, побочного сына лорда Лестера.

Point de guerre! — *здесь*: «Иду на вы!» (*фр.*).

Вольта — придворный танец, характеризующийся быстрым ритмом и непрерывными вращениями.

Строго говоря, в Англии гомосексуализм наказывался повешением по закону от 1533 г., принятому в правление Генриха VIII (и полностью отмененному только в 1861 г.). Фактически, обвинение в противоестественных сношениях чаще всего лишь дополняли более тяжкие обвинения в государственной измене, колдовстве и пр., а если данный закон и применялся отдельно, обвиняемый отделялся небольшим тюремным заключением. Что касается гомосексуальных склонностей короля Якова VI Шотландского, занявшего английский престол под именем Якова I Стюарта, то они подтверждаются большинством историков.

Карл I Стюарт, сын Якова I (1600–1649) — король Англии, Шотландии и Ирландии с 1625 г. Его политика и церковные реформы вызвали восстания в Шотландии и Ирландии, конфликт с парламентом, гражданские войны и Английскую революцию. Был предан суду парламента и казнен в 1649 г.

Джарвис Клифтон (1612–1675) — правнук Летиции Ноллис-Деверё-Лестер по линии её дочери Пенелопы Деверё и Роберта Рича. Написал элегию на смерть своей прабабки, последовавшую 25 декабря 1634 года.

По свидетельствам современников, Карл I был невысокого роста — 162 см.